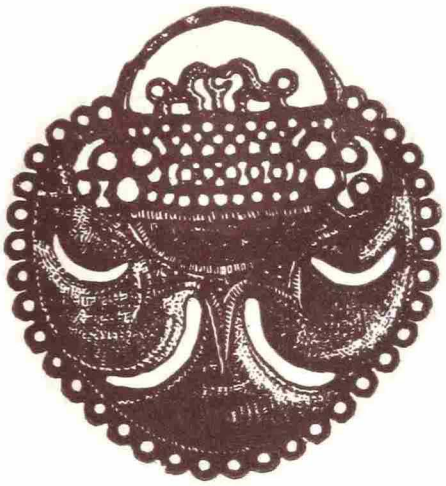
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2
1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1977

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *В. М. Массон,*
М. Г. Мошкова (отв. секретарь), *Р. М. Мунчаев,*
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева,
Б. А. Рыбаков, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Я. Телегин (Киев). Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита Юга Украины 5
С. В. Кузьминых (Казань). К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии 20
В. И. Сарианиди, Н. Н. Терехова, Е. Н. Черных (Москва). О ранней металлургии и металлообработке древней Бактрии 35
П. Д. Либеров (Москва). О хронологии абашевской культуры 43
М. Н. Погребова (Москва). К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху 55
Л. Р. Кызласов (Москва). Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры 69
Л. Г. Колесникова (Севастополь). Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса 87
А. С. Скрипкин (Волгоград). Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) 100
В. Л. Нейдинг (Москва). Фигуративная стадия развития изобразительного искусства верхнего палеолита и его эстетический критерий 121

Публикации

Н. О. Бадер, И. С. Чумаков (Москва). Мустьерское местонахождение Эль-Кдейр в Сирийской пустыне 135
А. С. Фролов, А. Н. Сорокин, М. Г. Жилин (Москва). Первые памятники мезолита в Мещере 142
Р. Бишони (Италия, Рим). Неопубликованные находки из Анау, хранящиеся в музее Пибоди (США) 152
Ю. Н. Воронов (Сухуми). К изучению керамического производства Диоскуриады 162
А. А. Бобринский, О. Н. Мельниковская (Москва). Гончарный круг у населения юхновской культуры 172

© Издательство «Наука», «Советская археология», 1977 г.

А. И. Романчук (Свердловск). Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе 181
В. Н. Белицер (Москва). Мордовские сюлгамы 193
К. М. Байпаков (Алма-Ата). О локализации позднесредневековых городов Казахстана 201

Заметки

Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил). К вопросу о функциональном назначении так называемых каменных дисков 210
В. П. Третьяков (Ленинград). Поселение Бологое II в Калининской области 215
В. И. Дьяков, О. В. Дьякова (Владивосток). Древнее поселение на мысе Страшном в Приморье 222
М. И. Карагодин (г. Валуйки, Белгородская обл.). Новые находки бронзового века в Шелаево (р. Оскол) 229
В. В. Борисова (Москва). Бронзовая статуэтка коня из Херсонеса 232
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Несколько древнеегипетских предметов из Северной Бактрии 235
М. Х. Багаев (Грозный). Галайтинский клад VI—VII вв. н. э. 238
И. А. Баранов (Симферополь). Средневековая литейная форма из Старого Крыма 242
В. Т. Петрин (Свердловск). К вопросу о дате Арасланов ской писаницы на р. Уфе 246
А. Д. Варганов (Владимир). Еще раз о Суздальском соборе 249

Критика и библиография

В. П. Алексеев (Москва). С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М., 1975 256
Е. Е. Кузьмина (Москва). В. П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975 261
М. Г. Мошкова, К. Ф. Смирнов (Москва). В. П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975 265
В. Г. Пуцко (Калуга). Стародавній Київ. Київ, 1975 274

Хроника

В. В. Седов (Москва). Международный симпозиум «Археология и организация окружающей среды» (ГДР, 1975 г.) 281
С. А. Плетнева (Москва). Конференция по археологии «праболгар» (Болгария, г. Шумен) 283

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S.
INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 2
1977

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

D. Ia. Téléguine (Kiev). L'âge absolu de la culture des sépultures en fosses, et quelques questions de chronologie de l'énéolithique dans le Sud de l'Ukraine . . . 5
S. V. Kouzminykh (Kazan). La métallurgie de Volossovo et du type de Garino-Bor . . . 20
V. I. Sarianidi, N. N. Térékhova, E. N. Tchernykh (Moscou). Les débuts de la métallurgie et de l'industrie de métaux dans l'antique Bactriane . . . 35
P. D. Libérov (Moscou). Chronologie de la culture d'Abachévo . . . 43
M. N. Pogrébova (Moscou). Les migrations des tribus de langue iranienne dans la région orientale de Transcaucasie, à l'époque préscythique . . . 55
L. R. Kyzlassov (Moscou). Le kourgane Arjan de l'epoque Ouiouk et la question de l'origine de la culture sace . . . 69
L. G. Kolesnikova (Sébastopol). Signification et emplacement des anthropomorphes monuments funéraires de la nécropole de Chersonèse . . . 87
A. S. Skripkine (Volgograd). Les fibules du cours inférieur de la Volga (étude des pièces recueillies dans les sépultures sarmates) . . . 100
V. L. Neiding (Moscou). Le stade figuratif de l'évolution de la peinture du paléolithique supérieur, et son critère esthétique . . . 121

Publications

N. O. Bader, I. S. Tchoumakov (Moscou). Le site moustérien d'el-Kdeyre, dans le désert de Syrie . . . 135
A. S. Frolov, A. N. Sorokine, M. G. Jiline (Moscou). Les premiers monuments mesolitiques de Mestchera . . . 142
R. Biscione (Rome, Italie). Pièces inédites d'Anaou, conservées au musée de Peabodi (USA) . . . 152
You. N. Voronov (Soukhoumi). Etude de la production céramique de Dioskouriada . . . 162
A. A. Bobrinski, O. N. Melnikovskaïa (Moscou). Le tour de potier chez les porteurs de la culture de Youkhnovo . . . 172
A. I. Romantchouk (Sverdlovsk). Les tuiles marquées trouvées dans les fouilles de Mangoupe . . . 181
V. N. Belitzer (Moscou). Les sioulgamas des Mordvines . . . 193
K. M. Baïpakov (Alma-Ata). La question de l'emplacement des villes du bas Moyen Age au Kazakhstan . . . 201

Notices

You. B. Sérikov (Nijni Taguil). Sur la signification fonctionnelle des «disques de pierre» . . . 210
V. P. Trétiakov (Léningrad). Le village de Bologoïé-II (région de Kalinine) 215
V. I. Diakov, O. V. Diakova (Vladivostok). Un ancien village sur le cap Strachny le littoral d'Extrême Orient . . . 222
M. I. Karagodine (Valouïki, région de Belgorod). De nouvelles découvertes de l'Age du Bronze à Chéloiévo, sur l'Oskol . . . 229

V. V. Borissova (Moscou). Une petite statuette de cheval en bronze trouvée à Chersonèse 232
E. V. Rtvéladzé (Tachkent). Quelques objets de l'ancienne Egypte trouvés en Bactriane du Nord 235
M. Kh. Bagaiev (Grozny). Le trésor de Galaïty (VIe-VIIe s. de notre ère) . . 238
I. A. Baranov (Simféropol). Un moule médiéval de fondeur trouvé à Stary Krym 242
V. T. Pétrine (Sverdlovsk). Sur la date des peintures rupestres d'Araslanovo (sur l'Oufa) 246
A. D. Varganov (Vladimir). Encore une fois à propos de la cathédrale de Souzdal 249

Critique et bibliographie

V. P. Alexéiev (Moscou): S. A. Aroutiounov, D. A. Serguéiev. Les problèmes de l'histoire ethnique des bords de la mer de Bering. Le cimetière d'Ekven. Moscou, 1975 256
E. E. Kouzmina (Moscou): V. P. Chilov. Aperçu sur l'histoire des anciennes tribus du cours inférieur de la Volga. Léningrad, 1975 261
M. G. Mochkova, K. F. Smirnov (Moscou): V. P. Chilov. Aperçu sur l'histoire des anciennes tribus du cours inférieur de la Volga. Léningrad, 1975 . . . 265
V. G. Poutsko (Kalouga). Starodavnii Kiev. Kiev, 1975 274

Chronique

V. V. Siédov (Moscou). Le symposium international: «Archéologie et organisation de l'environnement». (R.D.A. 1975) 281
S. A. Pletniéva (Moscou). La conférence consacrée à l'archéologie protobulgare, tenue à Choumen, en Bulgarie 283

Д. Я. ТЕЛЕГИН

ОБ АБСОЛЮТНОМ ВОЗРАСТЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ЭНЕОЛИТА ЮГА УКРАИНЫ

Выделенная В. А. Городцовым в начале текущего столетия ямная культура датировалась им III тысячелетием до н. э. Такой же датировки этих памятников придерживались исследователи и позже, вплоть до начала 50-х годов. В специальной литературе высказывались, однако, и иные точки зрения на датировку ямной культуры — как в сторону чрезмерного удревнения, так и омоложения. Так, например, П. С. Рыков датировал ямные погребения «с микролитическим инвентарем» с территории Калмыкии периодом 6000—2500 лет до н. э., а погребения «с молоточковидными булавками» считал еще более древними [1]. И. В. Синицын, наоборот, погребения ямно-катакомбного типа одно время относил к предскифскому времени, т. е. к концу II — началу I тысячелетия до н. э. [2] Эти выводы в настоящее время имеют лишь историографическое значение.

За последнее время вопросам, хронологии, периодизации и районирования ямной культуры много внимания уделял Н. Я. Мерперт [3], который среди памятников этого типа выделяет ряд локальных вариантов и районов. Вопросы относительной и абсолютной хронологии решаются Н. Я. Мерпертом по каждому из выделенных районов отдельно, причем различия во времени существования памятников отдельных районов весьма заметные. Если, например, время бытования исследуемых памятников в никопольском и белозерском районах определяется в рамках 3000—1800 лет до н. э., то в криворожском, приморском и левобережном районах — лишь 2500—1700 лет до н. э. Все три слоя Михайловского поселения Н. Я. Мерперт относит ко второй половине III — началу II тысячелетия до н. э. (2500—1800 гг. до н. э.).

Вопросы периодизации и датировки ямной культуры рассмотрены О. Г. Шапошниковой в «Археологии УССР», где она пришла к выводу об отнесении раннего этапа этой культуры к началу второй половины III тысячелетия до н. э., а не к последней четверти этого тысячелетия, как это было сказано ранее в монографии о Михайловке. Рассматривая вопрос о роли среднестоговских памятников в сложении ямной культуры, мы датировали последнюю серединой — второй половиной III тысячелетия до н. э. [4]. Разработка проблемы хронологии и периодизации ямных памят-

[1] *П. С. Рыков.* Ямные погребения со скорченными и окрашенными костяками в курганах близ г. Покровска Саратовской губернии. Тр. Общества истории, археологии и этнографии, вып. 34. Саратов, 1923.

[2] *И. В. Синицын.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948.

[3] *Н. Я. Мерперт.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дис., М., 1968.

[4] *О. Г. Шапошникова.* Ямна культура. Раздел в кн. «Археологія УРСР», т. 1. Київ, 1971, стор. 280, 281; *Д. Я. Телегін.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973, стор. 153.

ников Поволжья и Подонья подытожена В. А. Фисенко, которым в развитии этой культуры выделяются три этапа: ранний 3000—2500 (2400), средний (2500)—2400—2200(2100) и поздний (2200) 2100—1900(1800) лет до н. э. [5].

Таким образом, в понимании хронологии памятников ямной культуры имеется еще много противоречий. В то время как одна группа исследователей относит ее ко второй половине III тысячелетия до н. э. (О. Г. Шапошникова, Д. Я. Телегин), иные авторы (Н. Я. Мерперт, В. А. Фисенко) отводят для ямных памятников все III и начало II тысячелетия до н. э.

Необходимо отметить, что на определение абсолютного возраста ямной культуры пока еще не оказали существенного влияния первые радиокарбонные даты для памятников этого типа, полученные в Калифорнийской и Ленинградской лабораториях [6]. Последнее обстоятельство связывается, по-видимому, прежде всего с тем, что эти даты пока весьма немногочисленные и к тому же остаются еще не проанализированными специалистами. Материалы Дмитровского могильника (раскопки В. П. Шилова), по которым есть три радиокарбонные даты, как и погребения из Борисовки, Цацы и Усьмани до сих пор не опубликованы.

Для понимания абсолютного возраста ямных памятников весьма существенное значение могут иметь, как нам кажется, серии дат, полученные в радиокарбонной лаборатории Института геохимии и физики минералов АН УССР в 1973—1974 гг. [7].

Имеется около 30 дат, полученных в результате анализа проб дерева из перекрытия погребальных ям в курганах, раскопанных у сел Перещепино, Миновка, Могилев на р. Орели в Днепропетровской обл.; около Запорожья, у сел. Балки, Верхняя Тарасовка и Первоконстантиновка на Нижнем Днепре; у хут. Отрадного, Христофоровка на Ингуле, с. Уткоиосовки в Днестро-Дунайском междуречье и Сватово в Приазовье.

Существенно, что в данном случае радиокарбонные даты получены в общем для весьма однотипных памятников, расположенных на относительно ограниченной территории степной части Украины и Нижнего Подонья (рис. 1). Ниже кратко остановимся на рассмотрении отдельных погребений, для которых получены радиокарбонные данные.

Перещепино Новомосковского района Днепропетровской обл., **кург. 1**, высотой 4,2 *м*, раскопан в 1971 г. экспедицией Днепр — Донбасс под руководством автора. Обнаружено 14 погребений, из них девять ямных, остальные срубного времени. Для определения возраста по С-14 взяты пробы дерева из перекрытия ям погр. 6, 7, 13. Все эти погребения залегали в подпрямоугольных ямах на глубине 3—4,2 *м* от репера. В погр. 7 и 13 костяки лежали на спине с приподнятыми в коленях ногами, упавшими набок. Положение скелета № 6 определить не удалось. Ориентация погребенных различна: к юго-востоку (№ 6), юго-западу (№ 7) и востоку (№ 13). На дне ям тлен от подстилки. В погр. 7 найден обломок большой ножевидной пластины и кремневый наконечник копья (рис. 2, *1*).

С. Миновка Магдалиновского р-на Днепропетровской обл. Курган высотой 1,4 *м*, раскопан в 1972 г. экспедицией Днепр — Донбасс. Обнаружено семь погребений, из них одно ямное (№ 3) и два катакомбных. Возраст ямного погребения (2020±80 лет до н. э.) определен по дереву из перекрытия ямы прямоугольных очертаний. Покойник был положен на правом боку, головой к юго-западу (рис. 3, *2*).

С. Могилев Царичанского р-на Днепропетровской обл. Пробы дерева для анализов на С-14 взяты из двух курганов: раскопки 1970 г.

---

[5] *В. А. Фисенко.* Племена ямной культуры юго-востока. Саратов, 1970.

[6] *П. М. Долуханов, В. И. Тимофеев.* Абсолютная хронология неолита Евразии. Сб. «Проблемы абсолютного датирования в археологии». М., 1972, стр. 53.

[7] Работы выполнены под руководством профессора Э. В. Собатовича и ст. инженера Н. Н. Ковалюха.

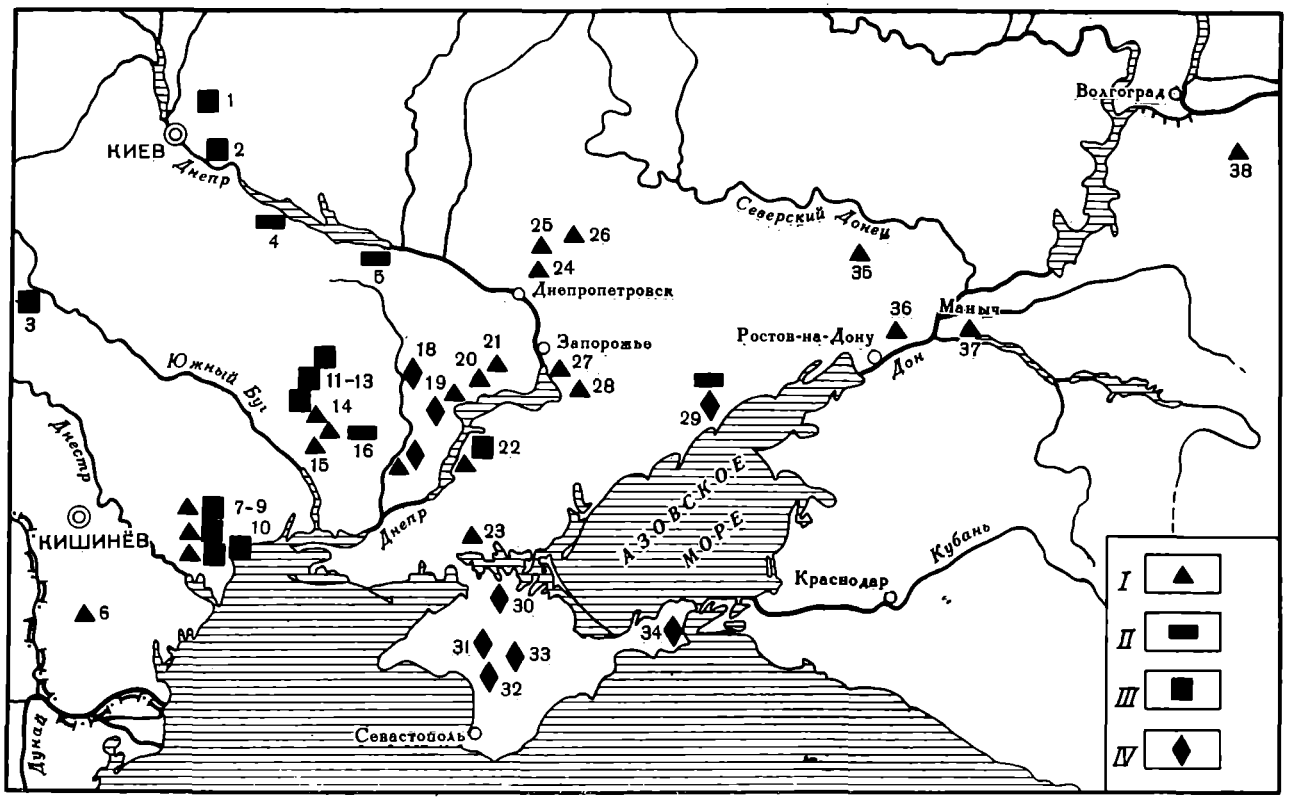


Рис. 1 Карта распространения некоторых памятников ямного (I), среднестоговского (II), позднетрипольского (III), нижнемихайловского и кеми-обинского (IV) типов в Причерноморье, Поднепровье, Нижнем Подонье и Поволжье: *1* – Лукаши; *2* – Софиевка; *3* – Печера; *4* – Молюхов Бугор; *5* – Дереивка; *6* – Уткоиосовка; *7–9* – Глубокое, Нерушай, Борисовка; *10* – Усатово; *11–13* – Серезлиевка, Ермолаевка, Ольшанка; *14* – Отрадный; *15* – Христофоровка; *16* – Ново-Розановка; *17* – Баратовка; Прогресс; *18* – Широкое; *19* – Михайловка; *20* – Верхняя Тарасовка; *21* – Дмитровский могильник; *22* – Любимовка; *23* – Первоконстантиновка; *24* – Могилев; *25* – Миновка; *26* – Перещепино; *27* – Запорожье; *28* – Балки; *29* – Раздольное; *30* – Долинка; *31* – Мамай; *32* – Зольное; *33* – Чокурча; *34* – Ильичево; *35* – Сватово; *36* – Гиреева Могила; *37* – Усьман; *38* – Цаца

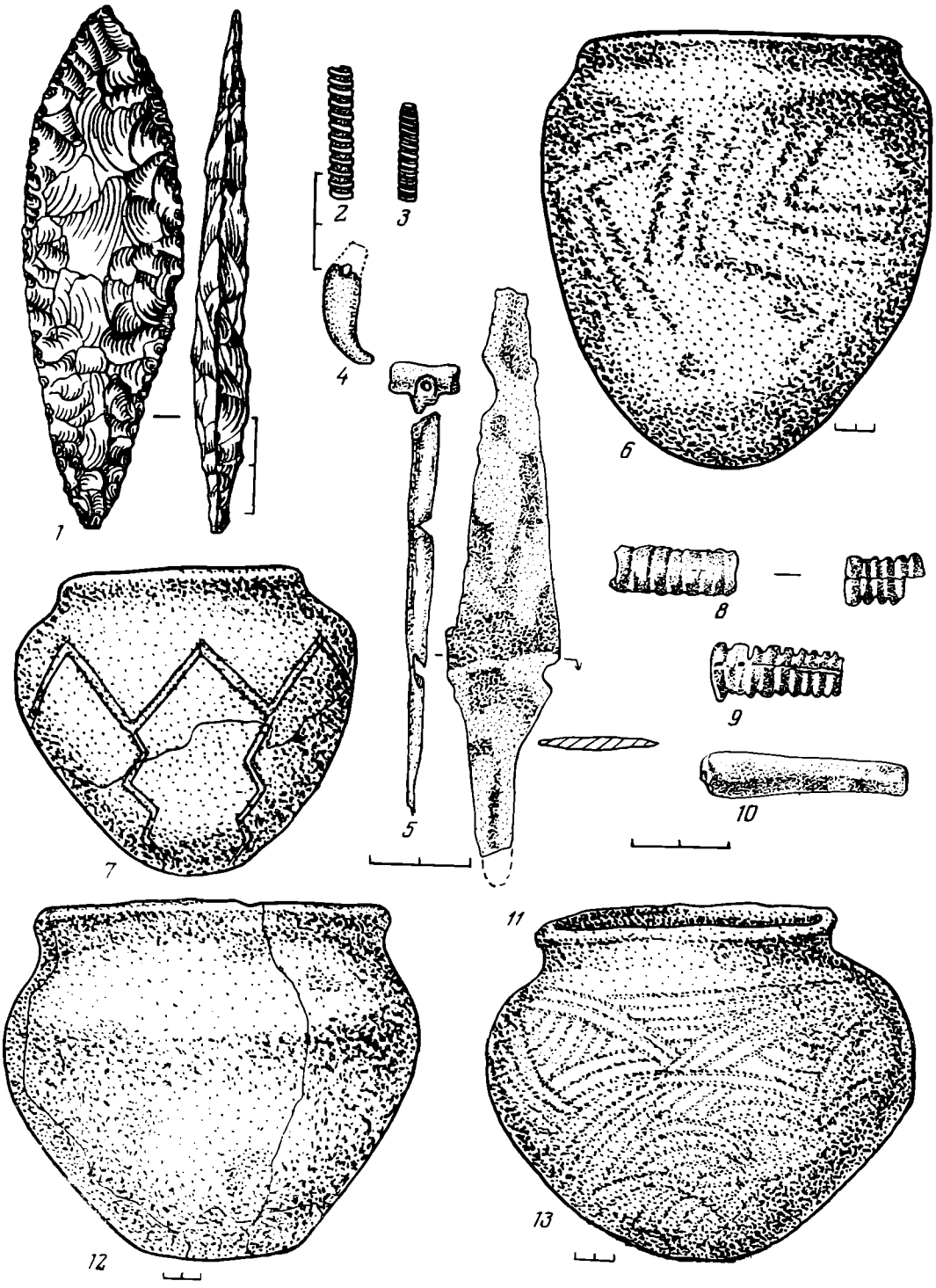


Рис. 2. Находки при погребениях ямной культуры Степной Украины: *1* — Перещепино, к. 1, п. 7; *2–5* – Отрадный, к. 26, п. 9; *6, 7, 12* – Могилев, Брилювата могила. погр. 13, 10, 3; *8—10* — Балки, к. 1, п. 40; *11* — Балки, к. 1, п. 57; *13* — Отрадный, к. 36

С. Н. Братченко кург. 1 и Брилювата могила (экспедиция Днепр — Донбасс 1972 г.).

В кург. 1 (высота 1,5 *м*) обнаружено 14 погребений, из них три ямного типа. Радиокарбонная дата — 1990±120 лет до н. э. получена для одного ямного погребения (рис. 3, *5*). В кург. Брилювата могила (высота 4,3 *м*) обнаружено 15 погребений, из них восемь ямных. Радиокарбонный

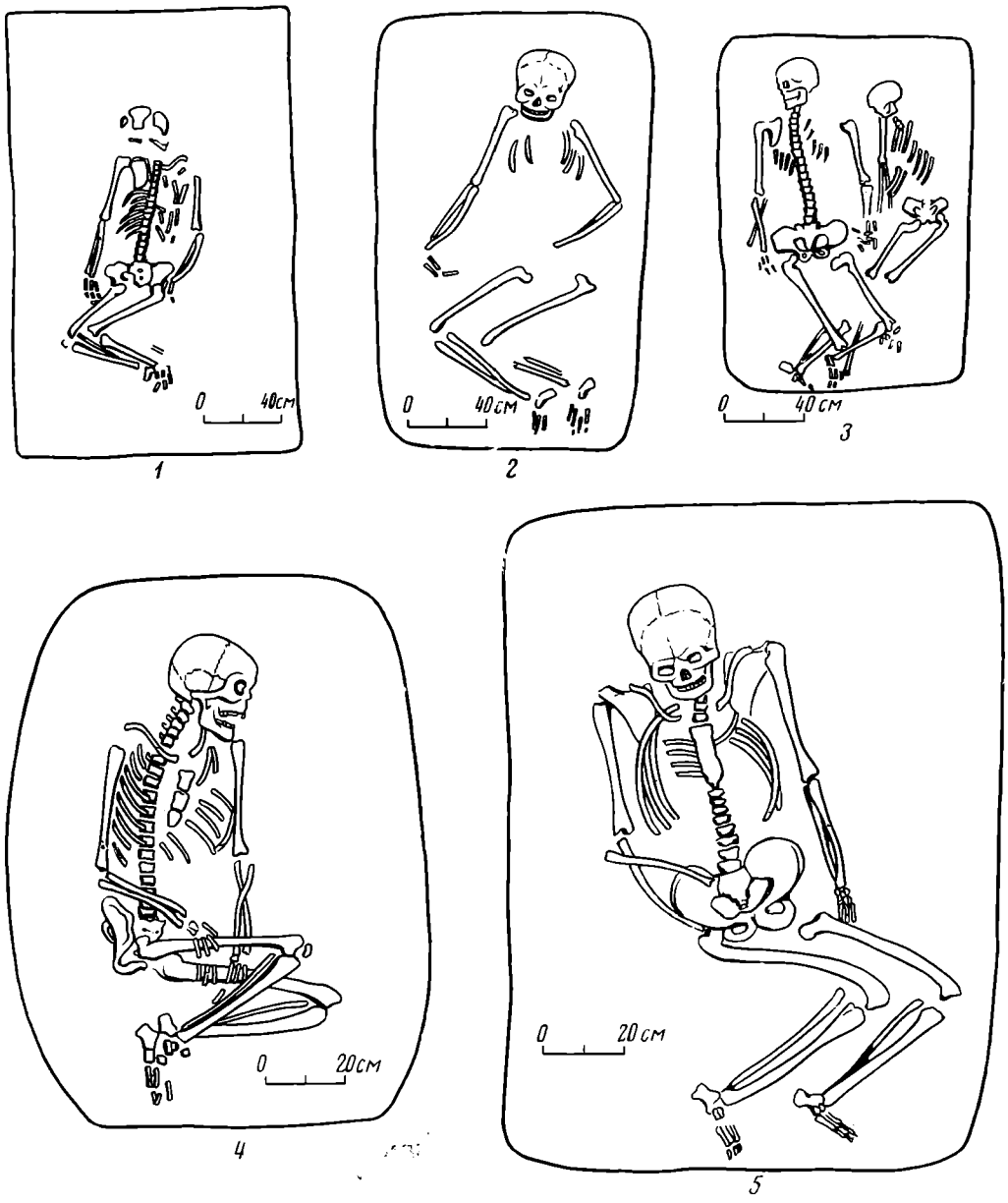


Рис. 3. Положение погребений ямной культуры: *1, 3* – Могилев, Брилювата Могила, п. 12, 5; *2* – Миновка к. 1, п. 3; *4* – Отрадный к. 36. п. 4; *5* – Могилев, 1970 г., к. 1 п. 6

возраст определен по дереву, взятому из перекрытия ям ямных погребений 5, 6, 12.

Дата погр. 5—2580±130 лет до н. э. Погребение парное, видимо, мужчины и женщины (рис. 3, *3*). Костяки лежали в прямоугольной яме с уступом, на глубине 3,58 *м*[8]. На дне ямы отмечены следы охры и тлена от подстилки; находок, кроме костей зайца, нет. Для этого же погребения имеется пробный радиокарбонный анализ, полученный по костям человека (1550±150 лет до н. э.)

Погр. 6 совершено в прямоугольной яме с уступом на глубине 3,9 *м*. Погр. 12 одиночное, в прямоугольной яме с уступом, глубина 5,5 *м*. Костяк лежит скорченно на спине, ориентирован головой к востоку.

Дерево из погр. 5 и 6 было послано для уточнения дат в Ленинградскую лабораторию, где получены определения: 1880±120 и 2050±100 (таблица).

[8] Здесь и далее указаны глубины от современной поверхности.

Определение возраста ямных погребений методом С-14

Место находки, номер анализа	Лет до н. э.
Балки, 1973, к. 1, п. 40, Ки-601	2040±110
То же, Ле-1168	2130±90
Балки, 1973, к. 1, п. 57, Ки-606	2420±120
Борисовка, Ле-856	1970±50
Гиреева Могила, Ле-136	1920±130
Дмитровский могильник, к. 1, п. 5, Ле-822	1900±90
Дмитровский могильник к. 1, п. 16, Ле-823	1730±60
Дмитровский могильник к. 10, п. 12, Ле-824	1970±50
Запорожье, 1969, к. 1, п. 14, Ки-100/1	3340±120
Миновка, 1972, к. 1, п. 3, Ки-421	2020±80
Могилев, 1970, к. 1, п. 6, Ки-497	1990±120
Могилев, 1972, Брилювата могила, п. 5, Ки-100/2	2580±130
То же, определение Арсланова Х. А. (Ленинград)	1880±120
То же, Ки-496	1550±150
Могилев, 1972, Крилювата могила, п. 6, Ки-497	2320±120
То же, Ле-1167	2050±100
Могилев, 1972, Брилювата могила, п. 12, Ки-494	2130±100
Отрадное, 1971, к. 1, п. 17, Ки-431	1940±105
Отрадное, 1971, к. 1, п. 21, Ки-452	1880±120
Отрадное, 1971, к. 1, п. 22, Ки-100/3	1970±110
Отрадное, 1971, к. 26, п. 9, Ки-478	2040±100
Отрадное, 1971, к. 36, п. 4, Ки-483	1710±120
Первоконстантиновка, 1971, к. 12, п. 6, Ки-524	1530±75
Перещепино, 1971, к. 1, п. 6, Ки-100/4	2340±90
Перещепино, 1971, к. 1, п. 7, Ки-100/5	2360±105
То же, определение Вильнюсской лаборатории	2265±65
Перещепино, 1971, к. 1, п. 13, Ки-100/6	2455±120
Сватово, 1973, к. 1, п. 1, Ки-585	2050±190
Сватово, 1973, СОАН-1043	2200±30
Сватово, 1973, к. 2, п. 1, Ки-586	2060±180
Сватово, 1973, СОАН-1044	1880±30
В. Тарасовка, 1973, к. 9, п. 18, Ки-602	2120±120
В. Тарасовка, 1973, к. 17, п. 3, Ки-581	1870±190
В. Тарасовка, 1973, к. 21, п. 11, Ки-582	1790±150
Усьман, к. 1, п. 13, СА, 1271	1271±80
Утконосовка, 1971, к. 1, п. 3, Ки-100/7	2820±120
Христофоровка, 1973, к. 1, п. 1, Ки-578	2220±170
Христофоровка, 1973, к. 1, п. 11, Ки-549	2030±200
Цаца, СА, 1270	2260±85

Погр. 5, 6, 12 Брилюватой могилы занимают в кургане второй стратиграфический горизонт. Они позже основного ямного захоронения 13 в овальной яме, при котором обнаружен остродонный горшок удлиненных пропорций (рис. 2, *б*), и раньше ямных погребений 3, 10, при которых обнаружены приземистые сосуды ямного типа. Один из этих сосудов орнаментирован прочерченным вертикальным зигзагом (рис. 2, 7, *12*).

Город Запорожье, курган высотой более 4 *м* исследован в 1969 г. Б. Н. Мозолевским. Обнаружено 19 погребений, из них десять ямных и шесть катакомбных.

Радиокарбонный возраст по дереву из перекрытия ямы определен для скорченного на спине ямного погр. 14, совершенного в прямоугольной яме с заплечиками на глубине 4, 2 *м*.

С. Первоконстантиновка Чаплинского р-на Херсонской обл. Кург. 12, высотой 1,8 *м*, удлиненной формы, раскопан Херсонской экспедицией под руководством А. М. Лескова в 1971 г. Обнаружено 19 погребений, из них четыре ямных и шесть катакомбных. Возраст скорченного на спине погр. 6 ямного типа определен по дереву из перекрытия прямоугольной ямы с заплечиками.

Хут. Отрадный Новобугского р-на Николаевской обл., раскопки О. Г. Шапошниковой в 1970—1971 гг. Для пяти погребений из трех кур-

ганов — 1, 26, 36 — определены даты по С-14. Во всех случаях анализировалось дерево из перекрытия погребальных ям.

Кург. 1, высотой около 4 *м*, имеет пять досыпок, исследовано 28 погребений, из них 18 ямных, девять катакомбных и одно срубное. Определен возраст погр. 17, 21, 22 (см. таблицу). Погр. 17 на глубине 5,0 *м* в прямоугольной яме; слабо скорченное, на левом боку, головой к северо-западу. Заметны следы охры, на дне ямы растительная подстилка, найдены астрагалы овцы. Погр. 21 — глубина 5,45 *м* в яме с заплечиками. Костяк лежит на спине с подогнутыми в коленях и подтянутыми вверх ногами, которые упали влево; голова — на северо-восток. Есть следы охры, найдены астрагалы овцы. Погр. 22 на глубине 5,5 *м* в подпрямоугольной яме с заплечиками, костяк лежит на правом боку, слабо скорчен, головой к северо-западу, кисти рук у таза и бедренных костей. Заметны следы охры, найдено несколько астрагалов овцы.

Кург. 26, высота 2,7 *м*; имел три досыпки, обнаружено 13 погребений, из них девять ямных. Возраст ямного погр. 9—2040±100 лет до н. э. Совершено на глубине 2,6 *м* в прямоугольной яме; скорченное, на левом боку, головой к юго-востоку. При скелете найдена молоточковидная булавка, бусы с винтовой нарезкой и подвески из клыка кабана (рис. 2, *2—5*). По стратиграфическим наблюдениям О. Г. Шапошниковой, погр. 9 было несколько позже ямных погр. 1, 12, 13, при которых обнаружены антропоморфные стелы.

В кург. 36, высотой 1,5 *м*, найдено 28 погребений, из них 18 ямных. Возраст скорченного на левом боку ямного погр. 4—1710±120 лет до н. э. — определен по дереву из перекрытия ямы на глубине 0,75 *м*. Погребение залегало в подпрямоугольной яме с заплечиками. О. Г. Шапошникова считает, что погр. 4 очень близко по времени с 15 другими ямными могилами этого кургана, при которых обнаружены округлодонные или плоскодонные позднеямные сосуды (рис. 2, *13*).

С. Утконосовка Измаильского р-на Одесской обл. Кург. 1, высотой 8 *м*; исследовано шесть ямных погребений [9]. Методом С-14 датировано тройное погр. 3 ямного времени, совершенное в яме неправильных очертаний на глубине 5,3 *м*.

С. Балки Васильевского р-на Запорожской обл. Раскопки В. В. Отрощенко в 1973 г. Возраст определен по остаткам двух погребений (40 и 57) ямного времени. Погр. 40 — в прямоугольной яме на глубине 5,2 *м*. Яма перекрыта деревянными плахами. Погребенный был положен на спину, с подогнутыми в коленях ногами, головой на юг. При скелете найдены пронизки с винтовой нарезкой (рис. 2, *8—10*). Возраст погребения определен методом С-14 в Киевской и Ленинградской лабораториях (см. табл.). Погр. 57, основное в кургане, совершено на глубине 1,35 *м*, в прямоугольной яме, перекрытой деревянными плахами. Погребенный лежал на спине, головой к юго-западу, ноги согнуты в коленях, упали влево. При склете найден медный нож (рис. 2, *11*) и остатки двух деревянных колес.

Сватово Ворошиловградская обл., раскопки 1973 г. Северо-Донецкой обл. под руководством С. Н. Братченко. Определения по С-14 сделаны в Киевской и Новосибирской лабораториях [10] для двух погребений из кург. 1 и 2 по остаткам дерева из перекрытия ям.

Погр. 1 в кург. 1 основное, совершено в прямоугольной яме с накатником бревен в два яруса на глубине 2,5 *м*. Погр. 1 в кург. 2 также основное, в прямоугольной яме на глубине 2,2 *м*. Погребение сильно потревожено грызунами; установлена западная ориентация погребенного.

С. Верхне-Тарасовка Токмакского р-на Днепропетровской обл. По остаткам дерева из перекрытия ям определен возраст трех погребений.

[9] Раскопки Н. М. Шмаглия, И. Т. Чернякова и А. А. Алексеевой в 1971 году.

[10] В Новосибирской радиокарбонной лаборатории работы выполнены под руководством Л. В. Фирсова, которому мы искренне благодарны.

Раскопки Е. В. Черненко в 1973 г. Погр. 18 в кург. 9 совершено в прямоугольной яме с уступом на глубине около 2 *м*. Погребенный был положен на левый бок, головой к западу. Кости частично окрашены охрой. Погр. 3, основное в кург. 17, совершено в прямоугольной яме на глубине около 3 *м*. Покойник лежал на спине головой к западу, ноги, подогнутые в коленях, упали вправо. Отмечены следы охры. Погр. 11 в кург. 21 («Государка») залегало в прямоугольной яме. Покойник лежал на правом боку в слабоскорченном положении, головой к северо-востоку. Отмечены следы охры.

С. Христофоровка Баштанского р-на Николаевской обл. Раскопки Ингульской экспедиции 1973 г. под руководством О. Г. Шапошниковой. Определения получены для двух погребений из кург. 1 по остаткам дерева из перекрытия ям. Погр. 1 совершено в прямоугольной яме с уступом на глубине более 3 *м*. Покойник был положен на спине с подогнутыми вверх ногами, которые упали вправо. Погр. 11 — в прямоугольной яме на глубине 1,15 *м*; покойник лежал на спине головой к западу, ноги, согнутые в коленях, упали влево, окрашено охрой. У правого плеча лежал сосуд с яйцевидным туловом и маленьким плоским дном.

Из приведенного описания видно, что в данном случае речь идет о погребениях позднеямного типа. Все они совершены в подкурганных, обычно материковых ямах, прямоугольных очертаний с заплечиками или без них. Лишь в одном случае (Отрадный, кург. 36, погр. 4) отмечается несколько своеобразный тип ямы с боковыми стенками дуговидной формы. Положение покойников различно. Из 22 погребенных, положение которых определено, 15 лежали на спине с подогнутыми в коленях вверх ногами, которые упали вправо или влево, в одном случае они распались «ромбом» (Первоконстантиновка кург. 12, погр. 6), руки покойников лежат обычно вдоль тулова, кисти около таза или на нем. В семи погребениях костяки скорчены на правом или на левом боку; руки вытянуты или одна из них чуть согнута в локте. Ориентировка в обеих группах крайне неустойчива (рис. 4). При подавляющем числе погребенных отмечена охра, а также следы тлена от подстилки на дне ямы.

К сожалению, инвентарь погребений, из которых взяты образцы для датировок, весьма немногочислен. В мог. 7, Перещепинского кургана найден кремневый наконечник копья с двусторонней обработкой, а при погр. 9 из кург. 26 около хут. Отрадного — костяная молоточковидная булавка, пронизки с винтовой нарезкой и подвески из клыков хищника. Такие же костяные пронизки, а также медный ножик лежали при ямных погребениях из Балок (рис. 2, *8—11*). При всех трех погребениях в первом кургане у Отрадного найдено по несколько астрагалов овцы, а в погр. 5 Брилюватой могилы — кости зайца. Погр. 5, 6, 12 из Брилюватой могилы датированы методом С-14. Судя по стратиграфическим наблюдениям, эти погребения были несколько позже основного погр. 13, при котором стоял ямный сосуд несколько удлиненных пропорций (рис. 2, *6*), и раньше погребений 3, 10, сопровождавшихся приземистыми сосудами позднеямного типа (рис. 2, *7*, *12*) того же могильника.

Исходя из приведенных фактов, можно считать, что описанным выше ямным погребениям отвечает во времени тип позднеямных сосудов, свойственных, например, верхнему слою Михайловки и городцовским погребениям с С. Донца. Примерно к этому же типу относятся и погребения Дмитровского могильника, Борисовки, Усьмани, Цацы, для которых, как упоминалось, также получены даты по С-14.

Для определения абсолютного возраста этих памятников имеется уже около 40 радиокарбонных дат (табл.). Из них 75% кучно лежат в пределах 2500—1900±100 лет до н. э. В эти хронологические рамки не входят лишь семь дат, из которых три оказались более древними, а четыре — моложе (рис. 4), причем две из них по норме статистического отклонения непосредственно смыкаются с периодом кучного сосредоточения дат

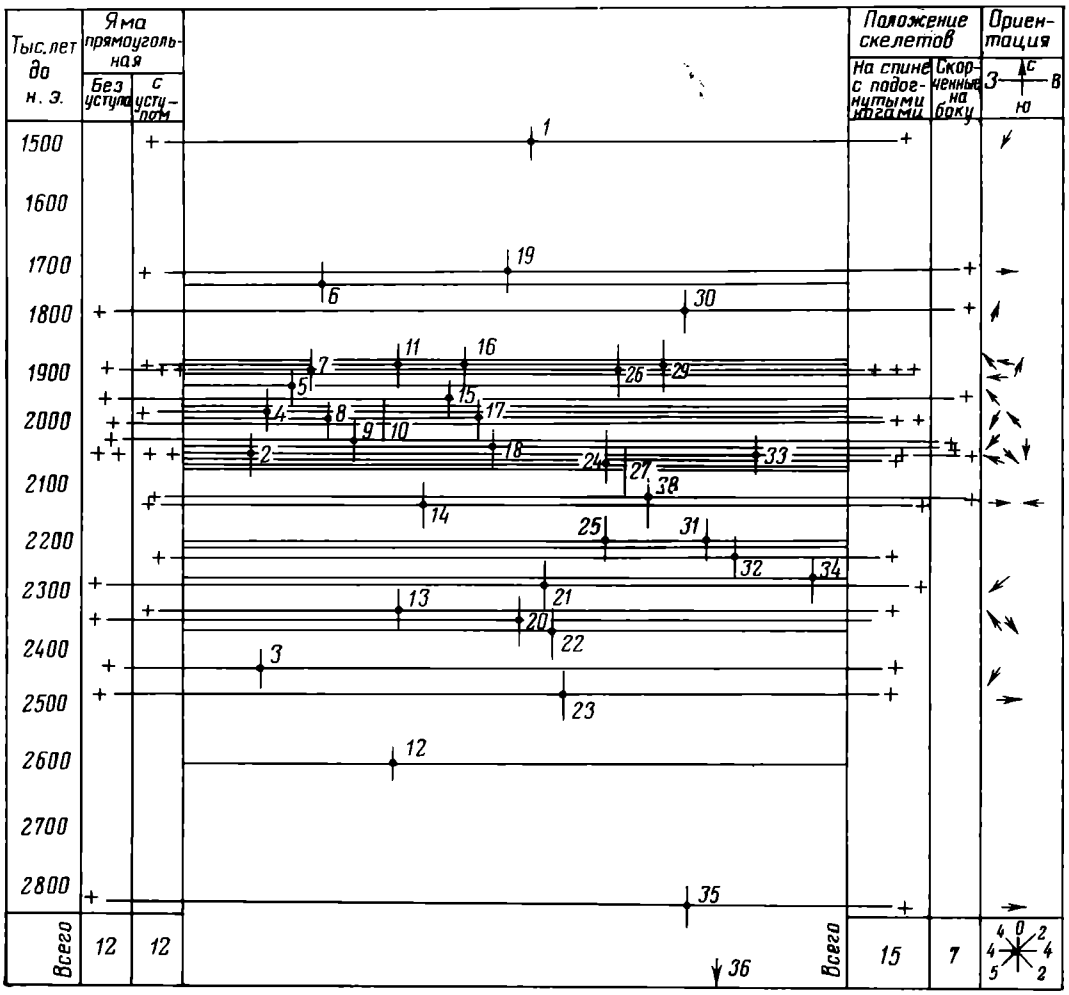


Рис. 4. Таблица радиокарбонных дат, типов ям, положения скелетов и их ориентировки для погребений ямной культуры Причерноморья, Нижнего Подонья и Поволжья: *1* – Первоконстантиновка; *2, 3* – Балки, к. 1, п. 40 и 57; *4* – Борисовка; *5* – Гиреева Могила; *6–8* – Дмитровский могильник, к. 1, п. 16 и 5, к. 10, п. 12; *9* – Миновка, к. 1, п. 3; *10* – Могилев, 1970, к. 1, п. 6; *11–14* – Могилев, Брилюватa могила, п. 5, 6, 12; *15–19* – Отрадный, к. 1, п. 17, 21, 22; к. 26, к. 9; к. 36, п. 4; *20–23* – Перещепино, к. 1, п. 6, 7, 13; *24–27* – Сватово, к. 1, п. 1, к. 2, п. 1; *28–30* – Верхне-Тарасовка, к. 9, п. 18, к. 17, п. 3, к. 21, п. 11; *31* – Усьман; *32, 33* – Христофоровка, к. 1, п. 1, 11; *34* – Цаца, к. 1, п. 13; *35* – Утконосовка, к. 1, п. 3; *36* – Запорожье, 1969, к. 1, п. 4

для памятников этого рода. Остальные же пять дат, даже с учетом статистического колебания, отделяются от установленного времени бытования позднеямных памятников промежутком времени более 100 лет. Эти даты (Утконосовка, Запорожье, Первоконстантиновка и др.), видимо, следует считать случайными.

Таким образом, памятники позднеямного типа Поднепровья и Северного Причерноморья следует датировать в пределах второй половины III — начала II тысячелетия до н. э. (XXV—XIX вв. до н. э.) [11].

Для понимания вопроса абсолютной хронологии ямной культуры некоторое значение могут иметь определения дат как называемых погребений с охрой в Румынии (Гамаджия: 2580±95; 2140±160; 2110±160 лет до н. э.) и Венгрии (Котешгаза — 2315±80 лет до н. э.) [12], появление кото-

[11] При установлении абсолютного возраста погребений позднеямного типа нами не учитывалась поправка на удревнение дат по шкале Зюса. Из-за неразработанности методики пока остались неучтенными также даты, полученные при анализе проб костного материала погребений из Брилюватой могилы.

[12] *П. М. Долуханов, В. И. Тимофеев.* Ук. соч., стр. 53.

рых здесь не без основания расценивается как восточностепная инвазия [13]. Как видим, эти даты полностью ложатся в отрезок времени бытования памятников ямной культуры в Поднепровье и Причерноморье.

На основании установления даты позднеямных памятников — XXIV—XIX вв. до н. э.— следует предполагать, что поселения и погребения с раннеямной керамикой должны относиться к предыдущему времени. Продолжительности их бытования мы, однако, пока не знаем. Возможно, раннеямное население обитало в Поднепровье очень недолго — около одного — двух столетий. Находок этого времени у нас немного. Предположительно раннеямные памятники можно, таким образом, помещать в XXVII—XXVI вв. до н. э. Следовательно, ямная культура в целом может быть датирована XXVII—XIX вв. до н. э.

Определение возраста памятников ямного типа позволяет подтвердить или уточнить хронологию культур медного века юга Европейской части СССР, в частности среднестоговской, трипольской, памятников нижнемихайловского типа.

Так, например, полностью подтверждается датировка финального этапа среднестоговской культуры (Дереивка, Молюхов Бугор), время существования которого мы доводим до середины III тысячелетия до н. э. [14].

Не лишено интереса и сопоставление новых хронологических рамок ямной культуры со временем бытования позднетрипольских памятников правобережной Украины. Как известно, Т. С. Пассек датировала последние (этапы С/γ) в целом III тысячелетием до н. э. Уточняя вопрос хронологии позднего Триполья, В. Г. Збенович памятники типа Усатово, Софиевка, Городск и другие датирует временем 2600—2000 гг. до н. э., а конкретно Усатово помещает в пределах 2400—2200 гг. до н. э. [15].

Для понимания вопроса синхронизации позднеямных и позднетрипольских памятников, в частности усатовских, имеется уже довольно много данных. При раскопках у сел Нерушай, Глубокое и Борисовка Одесской обл. в Днестро-Дунайском междуречье был зафиксирован ряд случаев, когда в кургане основным погребением было усатовское, а впускными — позднеямные [16]. И наоборот, во время исследования одного из любимовских курганов (№ 23) в Поднепровье был установлен факт, когда основным погребением было позднеямное с остродонным сосудиком (рис. 5, *8*), а при впускном, т. е. более позднем, стоял красноглиняный росписной сосуд усатовского типа (рис. 5, *9*) [17]. О более раннем возрасте степных «погребений с охрой» по сравнению с Усатовым говорят и румынские исследователи [18]. Скорченное погребение, окрашенное красной охрой, стратиграфически более древнее, чем позднетрипольское, с керамикой городского типа обнаружено в 1902 г. и при раскопках кургана у с. Колодистое Винницкой обл.[19].

Приведенные выше факты «переменной» стратиграфии памятников усатовской и позднеямной культур, видимо, свидетельствуют о том, что ни один из них не может быть абсолютизирован при определении хронологического приоритета рассматриваемых культур. Они скорее указывают на то, что позднеямная и усатовская культуры, существовавшие довольно продолжительное время, развивались параллельно. То же, очевидно,

---

[13] *V. Dumitresku.* The Date of Earliest western expansion of the Kurhan. Tribs, Dacia, VII, 1963.

[14] *Д. Я. Телегін.* Ук. соч., стор. 129.

[15] *В. Г. Збенович.* Хронологія пізнього Трипілля. Археологія, 1972, 7.

[16] *Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков.* Раскопки курганов эпохи бронзы в Татарбунарском районе Одесской области в 1965 г., СА, 1970, 1, стр. 115.

[17] *А. М. Лесков* и др. Отчет о раскопках Каховской экспедиции в 1968 г. Архив ИА АН УССР, 1968/12.

[18] *В. Зирра.* Культура погребений с охрой в закарпатских областях РНР. МИА ЮЗ СССР и РНР, Кишинев, 1960.

[19] *О. Ф. Лазодовська.* Пам"ятки Усатівського типу. Археологія, VIII, 1953, стор. 102.

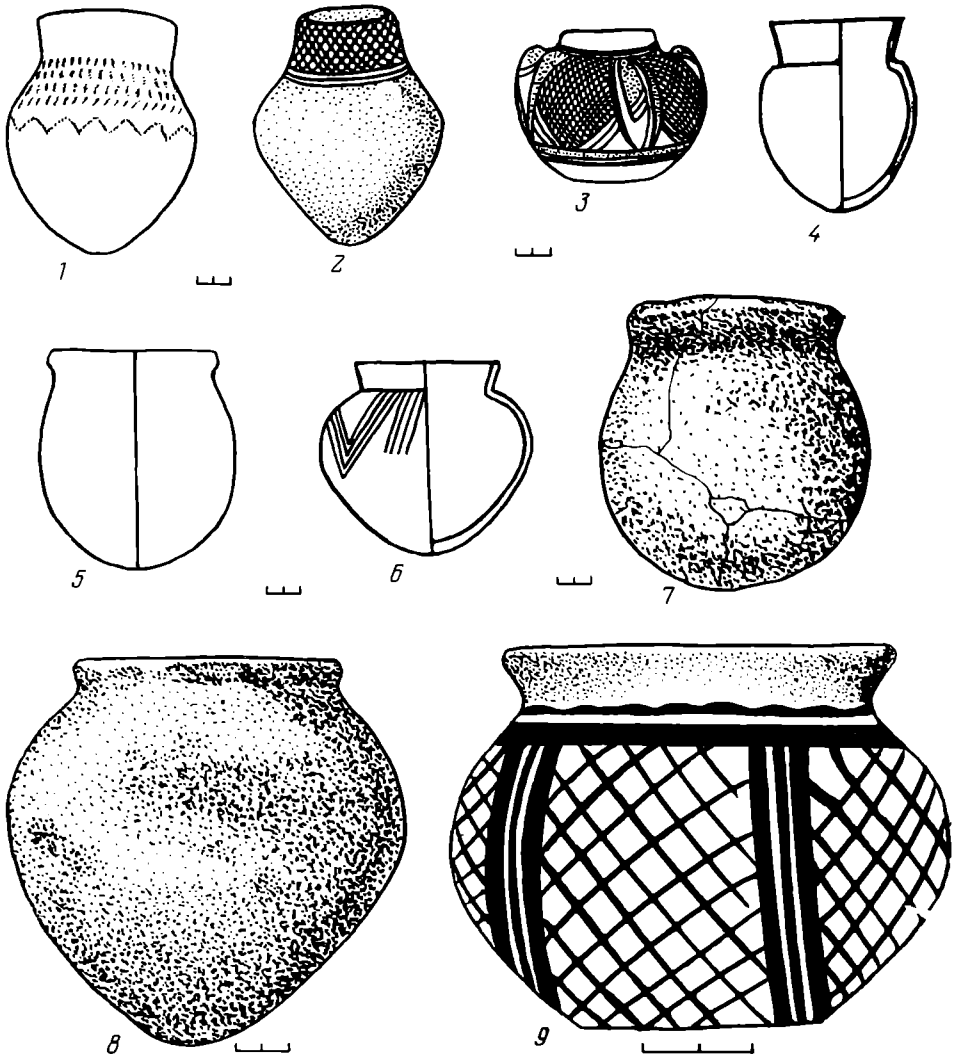


Рис. 5 Керамика энеолитического времени юга Украины; *1* – Михайловка; *2* – Усатово; *3* – Ермолаевка; *4, 6* – Широкое; *5* – Ильичево; *7* – Долинское; *8, 9* – Любимовка

следует предположить и для позднетрипольских памятников Правобережья вообще, которые, по данным специалистов, бытовали одновременно с Усатово, а также предшествовали ему (Колодяжин на Случи) или развивались позднее (Городск на Волыни, Касперовцы на Днестре) [20].

Выше шла речь только о позднеямных памятниках, но в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие синхронизировать с поздним Трипольем также и ранний этап ямной культуры. Мы имеем в виду прежде всего находку в среднем, раннеямном, слое Михайловки нескольких фрагментов красноглиняных с черной росписью позднетрипольских амфор, которые авторы раскопок типологически сопоставляют с керамикой Сандрак, Печеры и Стены [21]. Второй, не менее интересный факт этого рода связывается с раскопками Усатовского могильника, где Е. Ф. Патоковой обнаружен при погребении остродонный сосуд с ракушкой в тесте (рис. 5, *2*), который имеет близкие аналогиии в посуде среднего слоя Михайловки (рис. 5, *1*). Т. Г. Мовша, публикуя эту находку, сопоставляет ее с дереивской керамикой [22], что не совсем точно.

[20] *Т. Г. Мовша.* Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілля. Археологія, 1972, 5, стор. 20; *В. Г. Збенович.* Ук. соч., стр. 23, 24.

[21] *О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич.* Михайлівське поселення. Київ, 1962, рис. 32, *4—6*, стор. 97, 187.

[22] *Т. Г. Мовша.* Ук. соч., стор. 18.

Следовательно, более ранние среди позднетрипольских памятников (Колодяжин) сосуществовали с раннеямными поселениям, а поэтому, как и последние, могут быть датированы в пределах XXVII—XXVI вв. до н. э. Находка раннеямного сосуда в Усатовском могильнике позволяет предположить, что и ранняя дата усатовских памятников тоже может быть опущена до XXVI—XXV вв. В какой-то мере на это, очевидно, указывают и даты, полученные для Маяк (2390±60 и 2450±100 лет до н. э.). Они несколько столетий развиваются параллельно. Раннеямные памятники бытовали одновременно с такими поселениями позднетрипольского времени, как Стена, Жванец, Колодяжин, Лукаши, возможно, наиболее ранними фазами Усатова, а позднеямные были одновременны с Выхватинцами, Софиевкой, Сандраками I, развитым Усатово. Ямная культура затем существует до начала II тысячелетия до н. э.

Проведенная синхронизация позднего Триполья и ямной культуры вносит некоторую ясность в проблему хронологии памятников нижнемихайловского типа Поднепровья и Северного Причерноморья, а также родственной этим памятникам кеми-обинской культуры Крыма.

В развитии памятников нижнемихайловского типа нами отмечается два основных этапа. Один, более ранний, собственно нижнемихайловский, который, по данным стратиграфии Михайловки, относится еще к додревнеямному раннему времени [23]. Довольно ранний, додревнеямный, возраст нижнемихайловских памятников устанавливается и на основании раскопок О. Г. Шапошниковой поселений Раздольное Донецкой обл. и Ново-Розановки на Ингуле, где в одном культурном слое додревнеямного возраста обнаружена позднесреднестоговская и нижнемихайловская керамика. Следовательно, ранние нижнемихайловские памятники появились на Днепре раньше, чем сложилось у нас позднее Триполье и ямная культура.

Второй, более поздний, «широчанско-баратовский» этап нижнемихайловских памятников по времени сопоставляется с поздним Трипольем. Синхронизация последних доказывается прежде всего на основании находок при нижнемихайловских погребениях второго этапа позднетрипольских статуэток своеобразного облика. Изготовлены они из глины, реже — кости в виде округлого стерженька, слегка изогнутого в средней части, где имеется расширение. Как правило, все глиняные статуэтки этого типа орнаментировались лентами параллельных врезных линий или рядами точек. Одна из первых таких статуэток была найдена при позднетрипольском погребении в Серезлиевке (рис. 6, *1*). Позже глиняные статуэтки этого («серезлиевского») типа стали известными и в других позднетрипольских памятниках — Ермолаевке, Сандраках в бассейне Южного Буга (рис. 6, *2, 5*). Керамика Ермолаевки типична для усатовских памятников (рис. 5, *3*). По данным О. Ф. Лагодовской, обломок статуэтки, «похожей на серезлиевскую», был найден также на поверхности кург. 29 у с. Долинка (Яцковицы) Винницкой обл. [24].

В погребениях нижнемихайловского типа статуэтки «серезлиевского» типа найдены дважды. Одна из них (рис. 6, *4*) найдена в Широком Днепропетровской обл. [25] и две, глиняная и костяная (рис. 6, *3, 6*),— в Баратовке на Ингульце [26]. Период бытования статуэток «серезлиевского» типа в Северном Причерноморье был, видимо, непродолжительным, что и позволяет сопоставить во времени позднетрипольские памятники

---

[23] *Д. Я. Телегін.* Енеолітичністели пам'ятки нижньомихайлівського типу. Археологія, 1971, 4.

[24] *О. Ф. Лагодовська.* Ук. соч., стор. 106.

[25] *Л. П. Крылова.* Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі у 1964—1966 рр. «Наш край», Дніпропетровськ, 1971.

[26] *В. Г. Петренко, Н. Г. Елагина.* Отчет Ингульской экспедиции МГУ в 1969 году. Архив ИА АН УССР, 1969/7. С материалами раскопок в Баратовке автор познакомился в фондах археологического музея МГУ с любезного разрешения Н. Г. Елагиной.

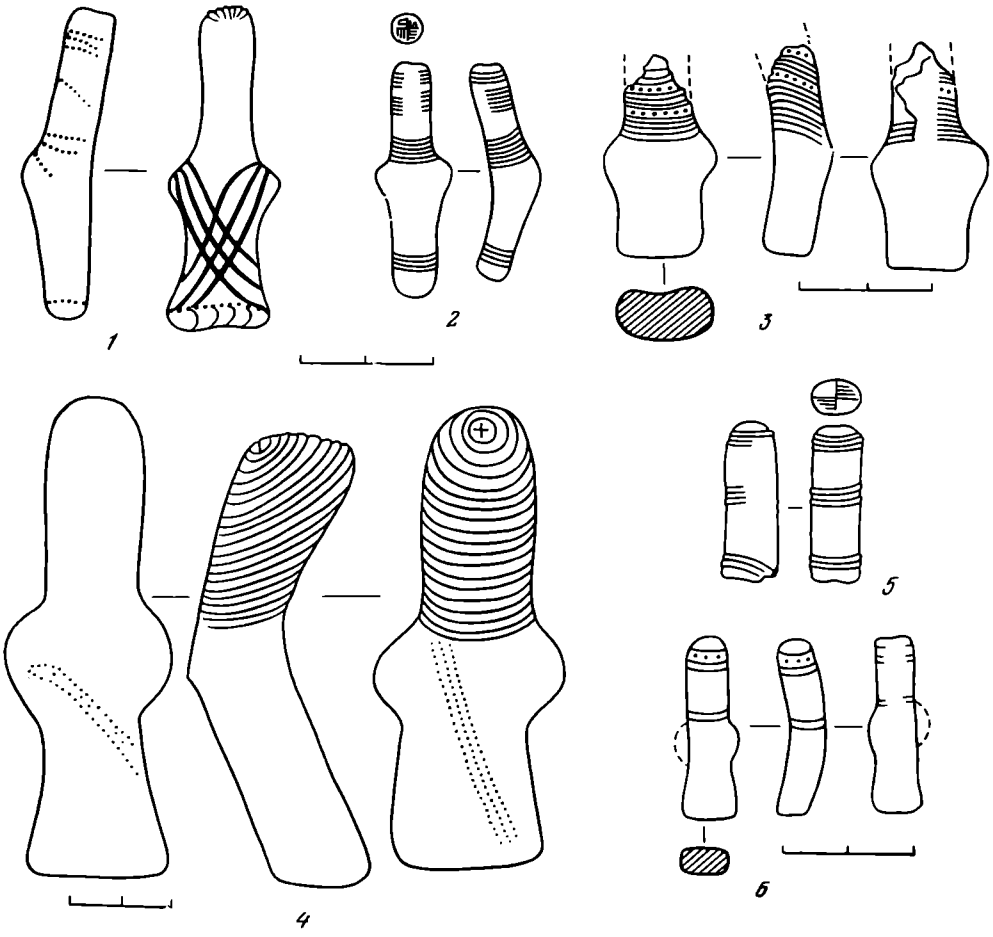


Рис. 6 Статуэтки «серезлиевского» типа в позднетрипольских: (*1, 2, 5*) и нижнемихайловских (*3, 4, 6*) комплексах: *1* – Серезлиевка; *2* – Ермолаевка; *3, 6* – Баратовка; *4* – Широкое; *5* – Сандраки

типа Сандрак, Ермолаевка и др. с широчанско-баратовским этапом нижнемихайловских памятников.

Выше мы говорили, что эти же позднетрипольские памятники развивались одновременно с позднеямной культурой, что говорит о синхронности всех указанных культурно-исторических явлений: позднетрипольских памятников типа Сандрак, Усатово, Выхватинцы, Софиевка, широчанско-баратовского этапа нижнемихайловских памятников и памятников позднеямного типа. Видимо, все же широчанско-баратовские погребения соответствуют по времени не всему периоду существования позднеямных памятников. Последние развивались дольше широчанско-баратовских, о чем свидетельствуют наблюдения в Широком и Баратовке, где нижнемихайловские погребения стратиграфически перекрывались позднеямными погребениями.

На основании всех сделанных наблюдений можно прийти к выводу, что нижнемихайловские памятники бытовали в Поднепровье и Северном Причерноморье начиная с доранneямного времени, т. е. где-то с первых веков III тысячелетия до н. э. до конца этого тысячелетия.

Чтобы закончить рассмотрение вопросов синхронизации энеолитических культур Южной Украины, нам остается еще сказать несколько слов о Кеми-Обе. Как известно, нижнемихайловское погребение из Широкого, при котором была найдена статуэтка, сопровождалось также и лощеным сосудом с приостренным дном (рис. 5, *4*). По форме и составу теста (примесь ракушки) этот сосуд, как и второй, найденный в этом же кургане при погр. 3 (рис. 5, *6*), близко напоминает раннюю кеми-обин-

скую посуду Крыма, например, из Ильичево (рис. 5, *5*) [27], Долинского (рис. 5, *7*) [28] и др. К сказанному следует добавить, что погребения Баратовки, как и кеми-обинские, залегали в каменных ящиках. Такие же гробницы с аналогичными погребениями открыты и в кургане на землях совхоза «Прогресс» (с. Александровка Снигиреского р-на Николаевской обл.), где были найдены лощеные плоскодонные сосуды нижнемихайловского — кеми-обинского типа [29]. Следовательно, кеми-обинские памятники на определенном этапе сосуществовали с позднетрипольскими типа Сандрак, Усатово, Софиевки, Выхватинец и др.

Возможно, Кеми-Оба, как и нижнемихайловские памятники, сложились еще в дораннеямное время. По неоднократным стратиграфическим наблюдениям, в курганах Присивашья [30] и Поднепровья [31] кеми-обинские погребения оказывались старше позднеямных. Отмечены случаи и обратной стратиграфии, когда кеми-обинские погребения были впущены в курганы, где основной была позднеямная могила (Зольное, Чокурча, Мамай) [32]. Видимо, кеми-обинская культура, как и позднетрипольские памятники Правобережья, развивается продолжительное время параллельно с ямной культурой, а затем, возможно, переживает ее.

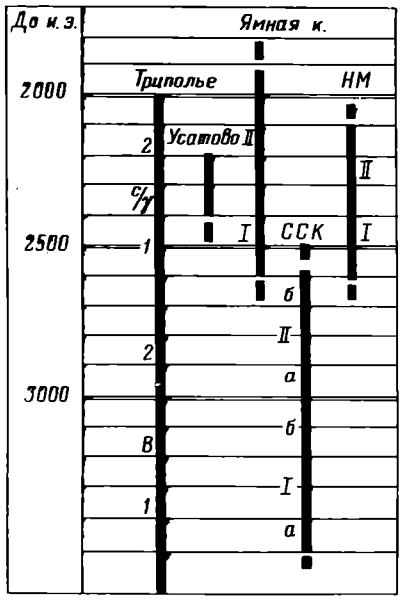


Рис. 7. Синхронистическая таблица ямной культуры, Триполья, Усатово, среднестоговской (ССК) культуры и памятников нижнемихайловского типа (НМ)

Более точное хронологическое сопоставление отдельных этапов позднетрипольских, ямных, нижнемихайловских и кеми-обинских памятников проводить пока не представляется возможным из-за отсутствия достаточно дробной периодизации этих культур. Общее представление об их хронологии и синхронизации дает прилагаемая таблица (рис. 7).

В заключение отметим, что приведенная нами на сводной таблице (рис. 4) корреляция радиокарбонных дат поздней ямной культуры с обрядом погребения, типом погребальных сооружений и ориентацией погребенных позволяет сделать еще некоторые выводы. Из этой таблицы, например, видно, что погребения в простых подпрямоугольных ямах и таких же ямах с заплечиками, бытуют в одно и то же время, поэтому данный признак не может быть положен в основу выделения разновременных могил позднеямного типа. То же следует сказать и об ориентации покойников, весьма неустойчивой.

Нуждается в пересмотре и предложенная в свое время Б. Н. Граковым и О. А. Кривцовой-Граковой периодизация позднеямных погребений по положению покойников, согласно которой все скорченные на спине захоронения считаются более ранними, а скорченные на боку — поздни-

---

[27] Раскопки А. М. Лескова, 1964 г., кург. 4, погр. 2.

[28] Раскопки А. А. Щепинского.

[29] *В. Г. Петренко, Н. Г. Елагина.* Ук. соч.

[30] *А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.* Северное Присивашье. Симферополь, 1969, стр. 325.

[31] *А. М. Лесков.* Раскопки Каховской экспедиции. АО — 1968, М., 1969.

[32] *А. О. Щепінський.* Кемі-обінська культура. Раздел в кн. «Археологія Української РСР», т. 1, Київ, 1971, стор. 263.

ми [33]. Как видно из той же таблицы, довольно продолжительное время — около трех веков (с XXI по XIX в.) оба указанные выше обряда погребения существовали одновременно. И лишь среди погребений XXV—XXII вв. действительно преобладают скорченные на спине.

За последнее время, кроме того, стали известны случаи, когда скорченные на боку погребения в курганах были более древними, чем скорченные на спине. Так, например, в Лукашевском кургане в Николаевской области основное погребение 8 залегало на правом боку, а около десяти более поздних ямных покойников были уложены на спине с подогнутыми в коленях вверх ногами [34]. По-видимому, неодинаковое положение костяков в позднеямных погребениях следует объяснять исходя не только из их хронологии. В этой связи следует вспомнить, что С. И. Круц связывает это явление с наличием среди позднеямного населения Поднепровья и Причерноморья представителей различных антропологических групп. По ее наблюдениям, большинство покойников этого времени с признаками восточного средиземноморского типа укладывались в могилу в скорченном положении на боку, а погребенные с протоевропеоидными чертами — на спине с подогнутыми вверх в коленях ногами [35]. Видимо, более дробная периодизация позднеямных памятников, необходимость которых уже ощущается довольно остро, может быть проведена лишь с учетом суммы признаков, и прежде всего анализа вещевого материала.

D. Ia. Téléguine

L'AGE ABSOLU LA CULTURE DES SEPULTURES EN FOSSES ET QUELQUES QUESTIONS DE CHRONOLOGIE DE L'ENEOLITHIQUE DANS LE SUD DE L'UKRAINE

Résumé

Actuellement on a obtenu, principalement dans les laboratoires de Kiev, environ 40 dates radiocarboniques permettant d'établir l'âge absulo de la culture des sépultures en fosses à l'Age du Bronze (pl. I). Les données obtenues donnent la possibilité de préciser la chronologie de cette culture, que l'on peut avec assez de raison placer entre le XXVIIe et le XIXe s. av. n.ère (fig. 4). La détermination de l'âge absolu de la culture des sépultures en fosses permet de préciser la datation d'autres cultures de l'Age du Cuivre du sud-ouest de la partie européenne de l'U.R.S.S., en particulier celle du Tripolié tardif, du Sredni Stog et de Kémi-Oba (fig. 7).

---

[33] *Б. Н. Граков.* Археологические раскопки близ Никополя. ВДИ, 1(6), 1939, стр. 271—276; *О. А. Кривцова-Гракова.* Погребения бронзового века и предскифского времени на никопольском курганном поле. МИА, 115, 1962.

[34] Раскопки В. Н. Фоменко и Ю. С. Гребенникова в 1951 году.

[35] *С. И. Круц.* Население территории Украины в эпоху меди — бронзы. Киев, 1972, стр. 171.

С. В. КУЗЬМИНЫХ

К ВОПРОСУ О ВОЛОСОВСКОЙ И ГАРИНСКО-БОРСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Проблема возникновения и становления ранней металлургии меди и бронзы на территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья остается еще далеко не разрешенной, хотя за последние годы в разработке основных вопросов древнейшей металлургии Урала и Поволжья достигнуты значительные результаты благодаря работам Е. Н. Черных [1].

До сего времени наши представления о металле волосовской культуры [2] отрывочны и противоречивы. В меньшей степени это относится к металлу гаринско-борской культуры Верхнего и Среднего Прикамья [3]. Работами 1968—1974 гг. Марийского отряда Чебоксарской, Татарского отряда Нижнекамской и Марийской археологических экспедиций исследован ряд памятников волосовского (Руткинское, II Ахмыловское и Уржумкинское поселения) и гаринско-борского типа (Русско-Азибейская, раскоп III; II Дубово-Гривская, Игимская стоянки) [4], которые позволяют несколько по-иному представить уровень и характер волосовской и гаринско-борской металлургии.

Предварительный анализ [5] показывает, что перечисленные памятники (рис. 1) относятся к эпохе раннего металла и не выходят за пределы середины II тысячелетия до н. э.

---

[1] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА, 132, 1966; *его же.* Основные черты древнейшей металлургии Урала и Поволжья. КСИА АН СССР, 115, 1969; *его же.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА, 172, 1970; *его же.* История металлургии Восточной Европы в позднем бронзовом веке. Автореф. докт. дис. М., 1972.

[2] Нами учитываются в основном материалы средневолжских волосовских памятников. В вопросах периодизации и хронологии волосова применительно к Средней Волге автор следует за А. Х. Халиковым.

[3] Турбинский по О. Н. Бадеру. Однако мы стоим на точке зрения Е. Н. Черных и не отождествляем культуру населения, оставившего Турбинский могильник, с культурой местного населения Прикамья, оставившего поселения гаринско-борского типа.

[4] В раскопках ряда указанных памятников автор принимал непосредственное участие. Приношу свою искреннюю признательность Г. А. Архипову, П. Н. Старостину, Р. С. Габяшеву, В. В. Никитину за возможность публикации некоторых материалов из их раскопок.

[5] *Г. А. Архипов.* Отчет о работах на Уржумкинском археологическом комплексе в 1968 г. См.: Отчет о работах МАЭ в 1968 г. Йошкар-Ола, 1969; *его же.* Отчет о работах на Уржумкинском археологическом комплексе в 1970 г. См.: Отчет о работах МО ЧАЭ в 1970 году, т. I. Казань — Йошкар-Ола, 1971; *его же.* Отчет о работах на Руткинском археологическом комплексе в 1969 году. См.: Отчет о работах МО ЧАЭ в 1969 г., т. 3. Йошкар-Ола, 1970; *его же.* Отчет о работах на Руткинском археологическом комплексе в 1970 г. См.: Отчет о работах МО ЧАЭ в 1970 г., т. I. Казань — Йошкар-Ола, 1971; *Т. В. Колодешникова, В. П. Третьяков.* Отчет о раскопках Ахмыловской неолитической стоянки и волосовского поселения. См.: Отчет о работах МО ЧАЭ в 1969 г., т. I. Казань — Йошкар-Ола, 1970; *Т. В. Колодешникова.* Отчет о раскопках волосовского Ахмыловского поселения в 1970 г. См.: Отчет о работах МО ЧАЭ в 1970 г., т. I. Казань — Йошкар-Ола, 1971; *П. Н. Старостин, Р. С. Га-*

На Руткинском поселении найдены обломки тиглей (10) и кусочки ошлаковки. Реконструированы тигли чашевидной формы с диаметрами горла 12,[6] 14 и 15 *см* (рис. 2, *11*) и толщиной стенок 1—1,7 *см*. По подсчетам, в них можно было расплавить 3,7—8 *кг* меди. Обломки тиглей малочисленны, обнаружены как в жилищах, так и вне их в различных местах полностью раскопанного поселения.

На II Ахмыловском поселении найдены многочисленные обломки тиглей, слитки и капли меди, кусочки ошлаковки, ошлакованная керамика, обломок ножа (рис. 3, *9*), каменные молоты (рис. 2, *22—23*), которые могли служить для дробления руды или ковки металлических изделий.

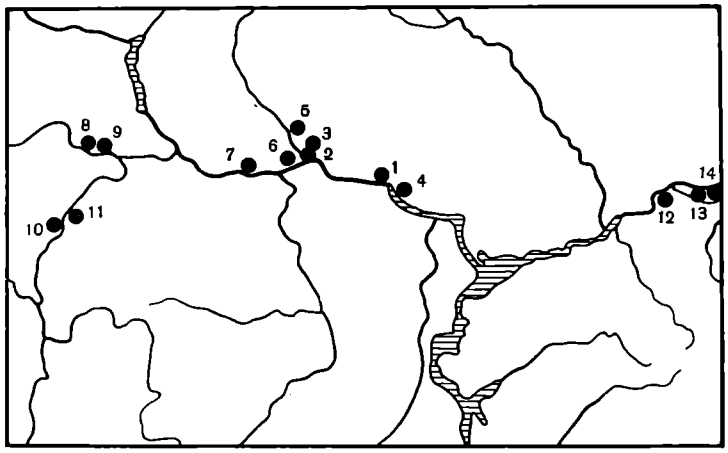


Рис. 1. Карта памятников волосовской и гаринско-борской культур в Среднем и Верхнем Поволжье и Нижнем Прикамье с остатками металлопроизводства: *1* — Уржумкинское пос.; *2* – Руткинское пос.; *3* – II Ахмыловское пос., *4* – IV Кокшайская стоянка; *5* – II Выжумская стоянка; *6* – III Удельно-Шумецкая стоянка; *7* – поселение I Луговой Борок; *8* — поселение Холомониха; *9* — Пировская стоянка; *10* — Панфиловская стоянка; *11* – Волосовская стоянка; *12* – II Дубово-Гривская стоянка; *13* – Игимская стоянка; *14* – Русско-Азибейская стоянка (раскоп III)

По концентрации остатков металлообработки жилища отличаются друг от друга (рис. 4) [7]. Большая часть их обнаружена в жилищах 4 и 5 и прилегающем к ним жилище 7. В жилище 3 найден лишь кусочек ошлаковки, в жилище 1 — капля металла и стенка сосуда с прилипшим корольком меди. Незначительное скопление остатков от плавок меди встречено в квадратах 3-2 и Ж-2 (раскоп III). Судя по топографии находок, жилище 7 представляется нам центром металлообрабатывающего производства на поселении. В его заполнении сосредоточена основная масса обломков тиглей (*30*) на глубине 20—100 *см*, но в основном — 60—80 *см*. Из этого объекта реконструированы тигли с диаметрами 20, 18 (рис. *2*, *24*), 16 (рис. 2, *25*), 15, 10 *см* (рис. 2, *26*), а также тигель из жилища *4* (кв. Г—8) с диаметром 17 *см*, толщина стенок 1,2—2,5 *см*. В Ахмыловских тиглях можно было расплавить 2,3—18,7 *кг* меди.

Металл поселения представлен несколькими медными слитками (рис. 3, *10*), каплями округлой формы — сплесками от литья, обломком

бяшев, М. Г. Косменко. Отчет о работах ТО НКАЭ в 1969 г., т. I. Казань, 1970; *П. Н. Старостин, Р. С. Габяшев, М. Г. Косменко, Р. Н. Багаутдинов.* Отчет о работах ТО НКАЭ в 1970 г., т. I. Казань, 1971.

[6] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ т. I. Йошкар-Ола, 1960, стр. 55.

[7] Автором дается план лишь четырех жилищ поселения, где концентрируются основные находки, связанные с металлообработкой. На публикуемом плане столбовые и наиболее маленькие в масштабе очажные и хозяйственные ямы и ряд других объектов не даны. Цель автора — лишь показать распространение остатков металлообработки по площади поселения.

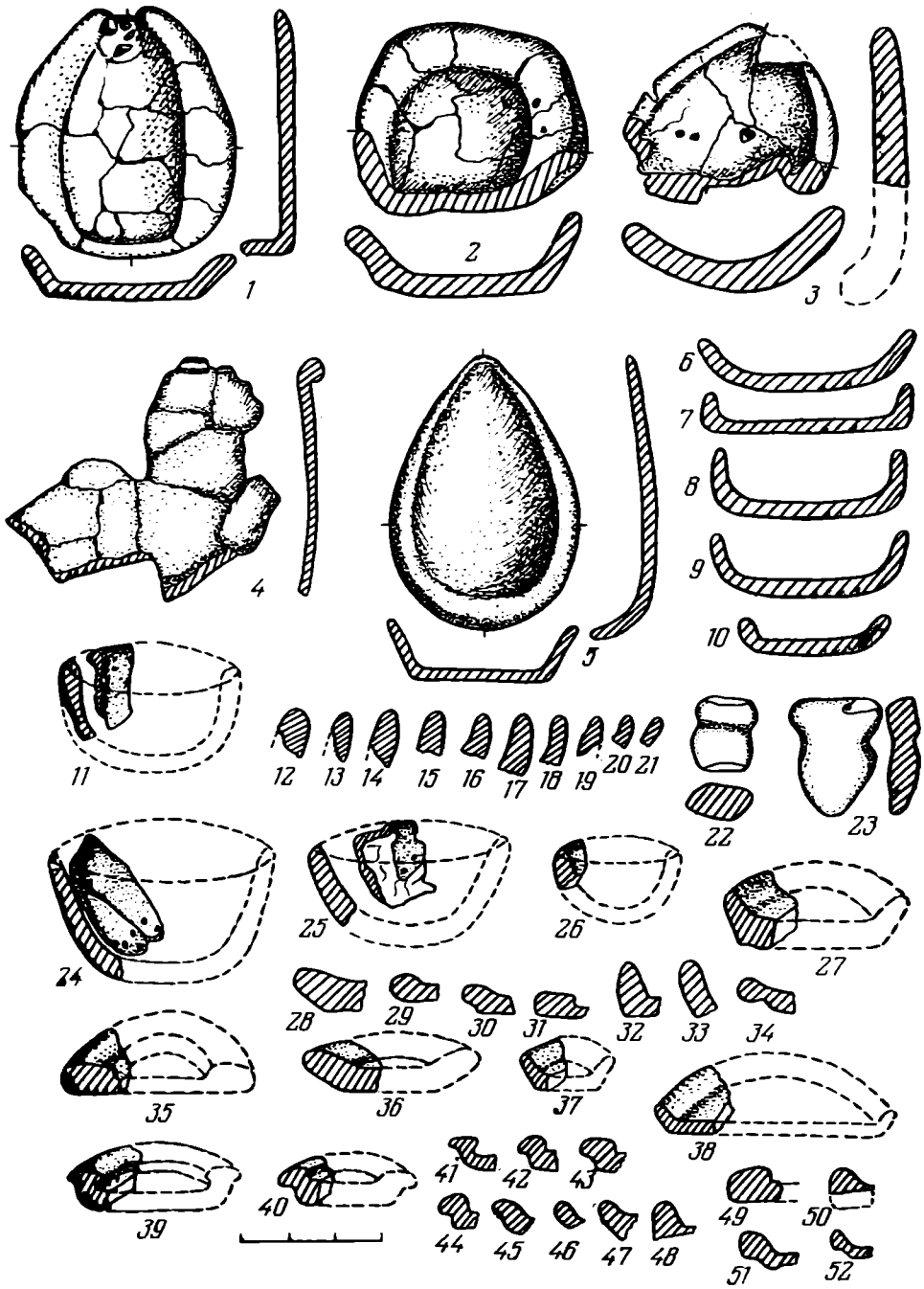


Рис. 2. Остатки металлопроизводства с волосовских и гаринско-борских памятников: *1—10* — Уржумкинское поселение, *11* — Руткинское поселение; *12—26* — II Ахмыловское поселение; *27—37* – Русско-Азибейская стоянка (раскоп III); *38* – II Выжумская стоянка; *39—48* – II Дубово-Гривская стоянка; *49—50* – Игимская стоянка; *51, 52* – Селище Какры-Куль (*22—23* – камень, остальное – глина)

клинка медного ножа (жилище 4; рис. 3, *9*). Капли металла и обломки тиглей в жилищах 4, 5 и 7 обнаружены по всей глубине их заполнения (от 20 до 150 *см*). Это свидетельствует о том, что жители поселка занимались металлообработкой со времени постройки жилищ и до конца их существования. В основном же обломки тиглей и капли меди сосредоточены на уровне пола жилищ непосредственно в очагах или вблизи от них на глубине 80—100 *см*.

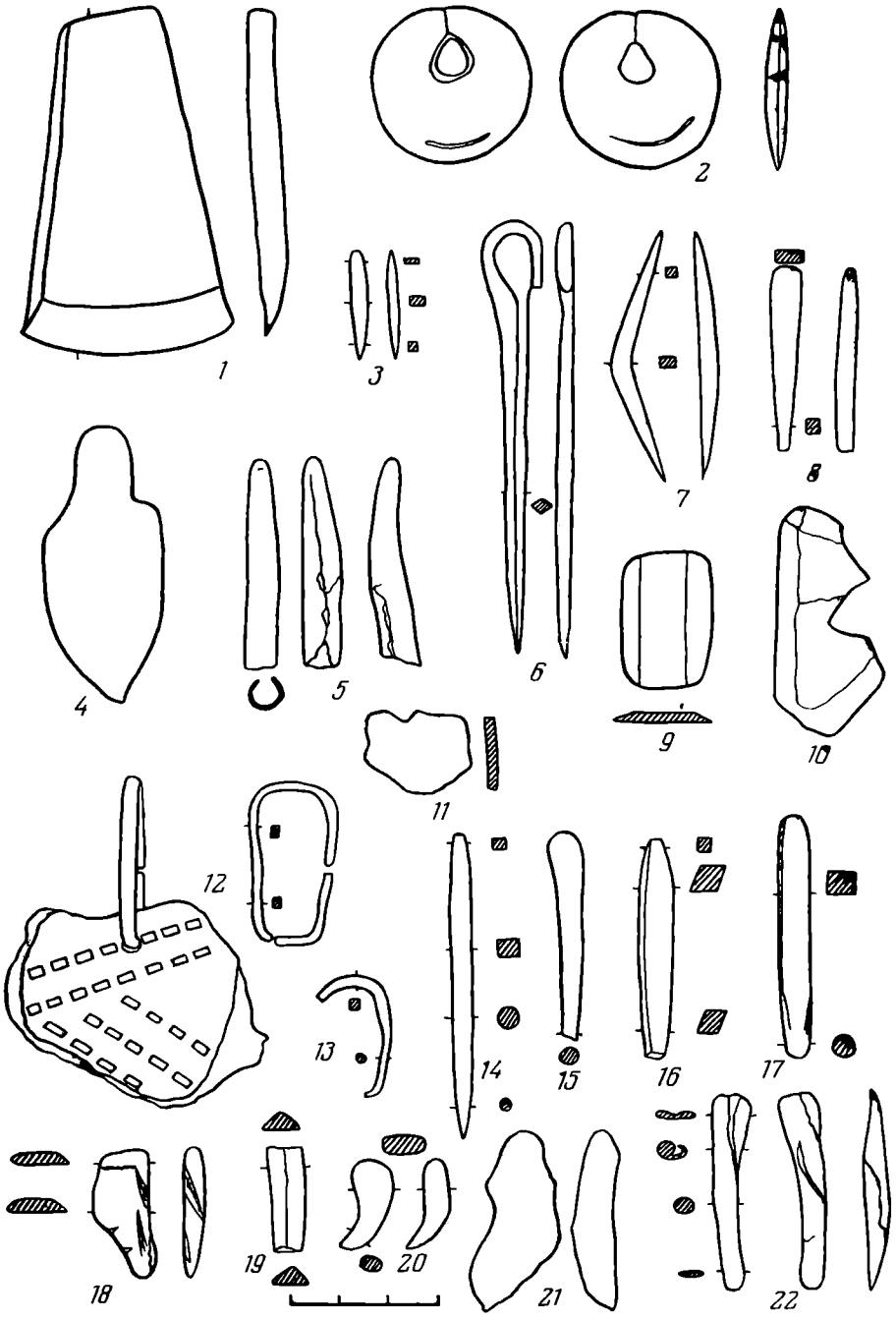


Рис. 3. Медные изделия с волосовских и гаринско-борских памятников: *1–3, 5, 11–22* — Уржумкинское поселение; *9, 10* — II Ахмыловское поселение; *4* — V Удельно-Шумецкая стоянка; *6– 8* – Русско-Азибейская стоянка (раскоп III)

Несколько иной материал дает Уржумкинское поселение. Работами 1968, 1970 и 1973 гг. (поселение еще не раскопано полностью) вскрыто четыре жилища. В них обнаружена уникальная серия остатков металлообрабатывающего производства и набор медных изделий. Такой насыщенности остатками плавильного дела не знают даже поселения эпохи развитой бронзы (рис. 5) [8]. В жилище 1 найдены обломки тиглей-льячек и изделия из меди: три шила, или проколки, обломки шильев, проволока, скобка для скрепления частей сосуда, заготовки или отходы, капли от

[8] План вскрытой площади поселения дается с теми же сокращениями, что и на рис. 4.

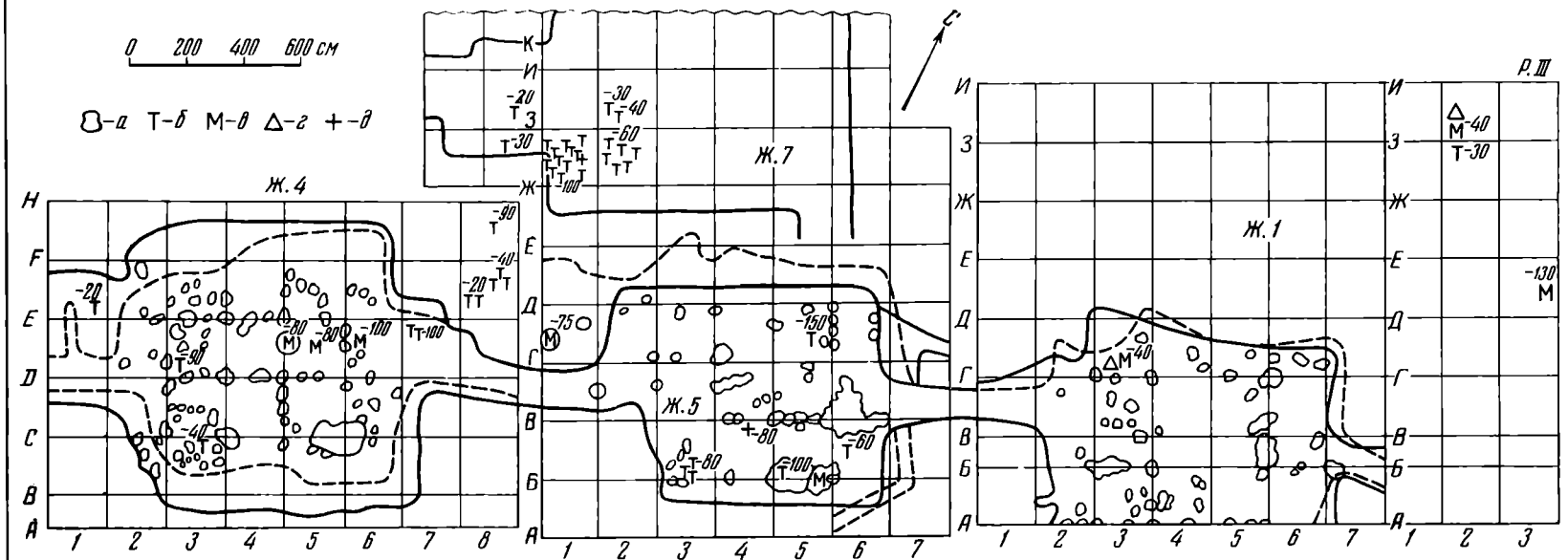


Рис. 4. План II Ахмыловского поселения: *а* — ямы с углисто-золистым заполнением; *б* — обломки тиглей; *в* — капли и слитки меди; *г* — стенки сосудов с прилипшими корольками меди; *д* — оплаковка

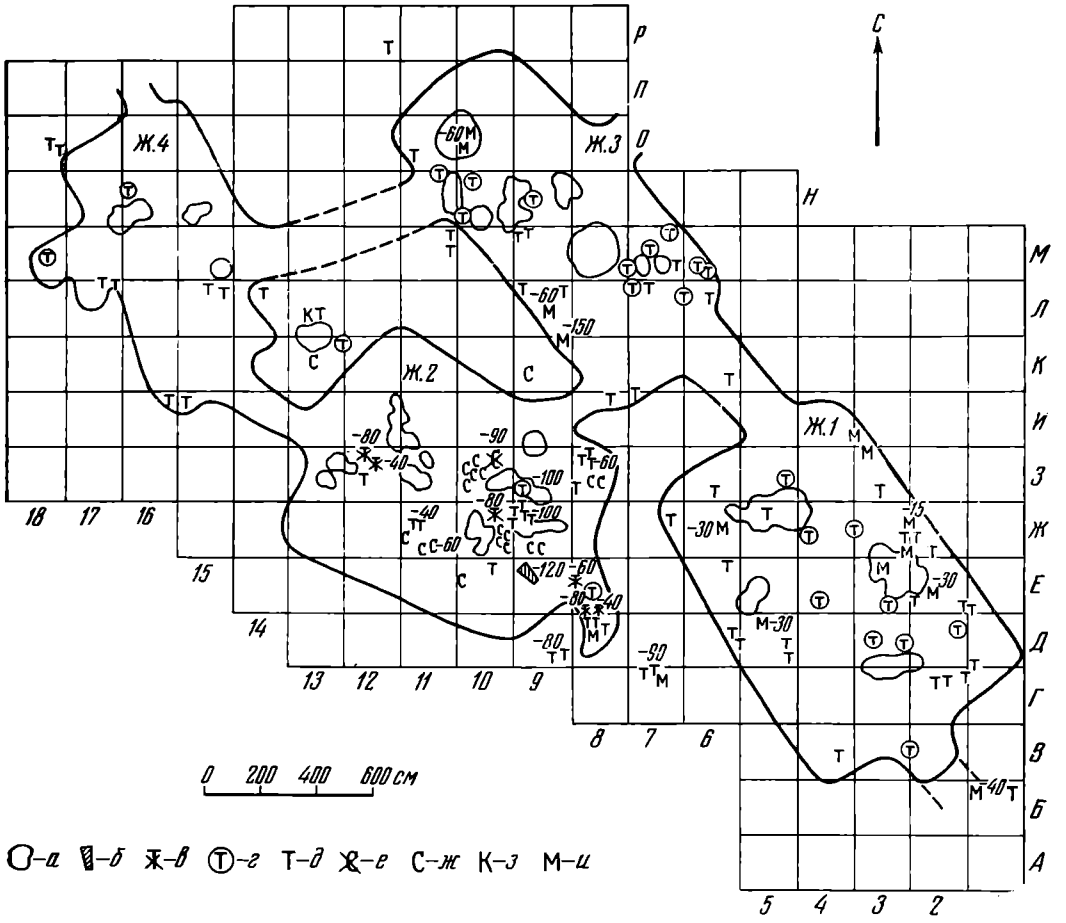


Рис. 5. План Уржумкинского поселения: *а* – ямы с углисто-золистым заполнением; *б* – медное тесло; *в* – развалы тиглей-льячек; *г* – скопление обломков тиглей; *д* – обломки тиглей; *е* – развал тигля-сосуда; *ж* – обломки тиглей-сосудов; *з* – ошлакованная керамика; *и* – металлические изделия

литья. В жилищах 3 и 4, также обнаружены обломки тиглей-льячек и целый тигель-льячка (Ж 4, кв. 0–16), еще не побывавший в производстве (рис. 2, *5*), а из медных изделий: шило, наконечник стрелы, скобка, слиток и сплески. Остатки от плавок в этих жилищах незначительны и сосредоточены в жилище 2. Здесь найдены развалы тиглей-льячек, развал тигля-сосуда, отдельные обломки тиглей, кусочки ошлаковки, ошлакованная керамика, капли металла, обломки проволоки, кусочки пластинки и медное тесло. Тигли-льячки (рис. 2, *3*, *5*) представляют собой сосуды уплощенной формы различной емкости с носиком для слива расплавленного металла. У большинства из них в устье сливов застыли крупные корольки меди. Поперечный диаметр целых и реконструированных тиглей (рис. 2, *6–10*) – 18 (2), 17 (3), 15 (2), 14 (1), 11 (1) *см*. Продольный диаметр восстанавливается лишь у трех: 21,5, 21, 24 *см* (рис. 2, *1*, *3*, *5*). Толщина стенок и днищ 1,3–2,5 *см*, чаще 1,5–1,7 *см*; высота 1,8–5 *см*. В тиглях на рис. 2, *1*, *5* можно было расплавить соответственно около 4,5 и 5 *кг* меди.

Тигли-льячки образуют ряд разновидностей по степени уплощенности днищ и формы поперечного разреза: *1* – подчашевидные (рис. 2, *3*), *2* – более глубокие уплощенные (рис. 2, *2,5*) и *3* – менее глубокие уплощенные (рис. 2, *1*). Своеобразна находка части сосуда, условно обозначенная нами как тигель-сосуд (рис. 2, *4*) с диаметром горла около 50 *см*. Внутренняя поверхность ошлакована, с каплями меди, тесто пористое от

воздействия высокой температуры. Верхняя часть сосуда обожжена слабее. Трудно даже предположить, что в подобном сосуде производили обыкновенную плавку металла. Части от этого или подобных сосудов найдены в различных частях жилища и вне его.

Значительна металлическая коллекция с Уржумкинского поселения. Интересна находка плоского медного тесла (рис. 3, *1*) на дне жилища 2 (кв. Е-9). Лезвие, очевидно, отбивалось с одной стороны, аналогично находке на Панфиловской поздневолосовской стоянке, где В. А. Городцовым был найден «клинок», имевший вид подчетырехугольной пластинки, длиной 4,9 *см*, шириной 3,3 *см* и толщиной 0,3 *см*[9]. Металлические тесла известны еще на ряде волосовских памятников: Волосово[10], Кинема[11] и Пировская стоянка[12].

Наиболее интересным медным предметом является, на наш взгляд, подвеска (рис. 3, *2*) округлой формы с заостренными краями, линзовидного сечения, с подтреугольным отверстием. Подвеска прокована, причем первоначально, очевидно, была отлита болванка близкой формы. Следы ковки и удлинения ею формы подвески фиксируются с обеих сторон углубленными изогнутыми бороздками. Концы подвески были ранее несомкнутыми, ибо виден след их соединения в виде полоски, оставшейся после проковки, и уступчик. Эту вещь, очевидно, можно отнести к разряду подвесок-«лунниц», известных по материалам гаринско-борских поселений Выстелишна[13], Старушка[14], Усть-Паль[15]. Отличие камских «лунниц» в том, что они имеют несомкнутые концы. Подвески, аналогичные уржумкинской, в собственно волосовских памятниках нам неизвестны.

Своеобразна находка в жилище 3 (кв. Л-10, яма № 37, глубина 60—70 *см*) около очага втульчатого наконечника стрелы (рис. 3, *5*) длиной 4,3 *см* и диаметром 0,8 *см* с остатками древка во втулке. Наконечник свернут из тонко прокованной листовой меди. Притупленное острие изогнуто, втулка не сомкнута, соединительный шов не раскован. Уржумкинский наконечник, очевидно, один из наиболее ранних в типологическом ряду втульчатых металлических стрел лесной полосы Евразии.

Разнообразны медные шилья-проколки. Одно из них (рис. 3, *15*) имеет утолщенную верхнюю часть, округлое сечение, причем острие отломано. Остальные (рис. 3, *3, 14, 16, 17*) четырехгранны, но нижняя часть у некоторых закруглена. Аналогичные шилья-проколки известны на ряде волосовских памятников: Волосово[16], Панфилово[17], Подборица-Щербининская[18], Холомониха[19].

---

[9] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Владимирского областного музея, II, 1925, стр. 5, 6.

[10] *A. M. Tallgren.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. SMYA, XXV, Helsingfors, 1911, S. 49.

[11] *С. В. Ошибкина.* Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла. Канд. дис. М., 1966. Архив ИА АН СССР, р-2, № 1975, стр. 26, 27.

[12] *О. Н. Бадер.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 172; *его же.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 34, рис. 91, *4*. Упомянутый О. Н. Бадером в этой работе топор-тесло с Пировской стоянки, по мнению Е. Н. Черных, высказанному в личной беседе с автором, не отличается от панфиловского и уржумкинского тесел и, очевидно, имеет волосовское происхождение. Анализ его не произведен, что делает проблематичной его абашевскую принадлежность.

[13] *О. Н. Бадер.* Камская археологическая экспедиция в 1956 г. КСИИМК, 74, 1959, рис. 47, ф. 3; *его же.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, 99, 1961, стр. 75, рис. 45, *1*; *его же.* Древнейшие металлурги..., рис. 122, *10*.

[14] *О. Н. Бадер.* Камская археологическая экспедиция в 1957 г. КСИИМК, 78, 1960, рис. 33, ф. *1*; *его же.* Древнейшие металлурги..., рис. 122, *11*.

[15] *О. Н. Бадер.* Камская археологическая экспедиция в 1956 г., рис. 47, ф. *2*; *его же.* Древнейшие металлурги..., рис. 122, *12*.

[16] *A. M. Tallgren.* Op. cit., S. 139.

[17] *В. А. Городцов.* Ук. соч., стр. 6; *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 24, 55.

[18] *И. К. Цветкова.* Стоянка Подборица-Щербининская. СА, 1961, 2, стр. 184.

[19] *А. Х. Халиков.* Древняя история..., стр. 165; *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки..., стр. 34.

Интересны два случая скрепления керамики медными коваными скобками (рис. 3, *12, 13*), не столь частые для этого времени. Остальные металлические вещи представлены обломками пластинки (рис. 3, *11*), заготовками (рис. 3, *18, 19, 22*), слитком (рис. 3, *21*), каплями (рис. 3, *20*), проволочками и сплесками от литья. Одна из заготовок (рис. 3, *18*), очевидно, была отрублена от какого-то большего куска. Следы этих неоднократных ударов остались в виде клиновидных углублений.

Остатки металлообрабатывающего производства на Уржумкинском поселении в основном концентрируются в жилище 2 : 1 — в районе кв. 3—12 близ очагов — два развала тиглей-льячек; 2 — в районе кв. Ж-9, 10 — развалы тиглей-льячек, их многочисленные обломки, а также части сосудов-тиглей — рядом с очагами и в их заполнении; 3 — развал тигля-сосуда в кв. 3-10 близ пятна с прокаленным песком; 4 — кв. Д, Е-8 — развалы тиглей-льячек, обломки от тиглей-сосудов, капли и сплески от литья. Остатки производства, связанные с плавкой меди, имеются в очагах и заполнении других жилищ уже в меньшей степени. Зато в них обнаружено большее количество медных изделий, особенно в жилище 1. Отдельные обломки тиглей и металлические поделки встречены и вне жилищ. Процент керамики в жилище 2 менее значителен в сравнении с остальными. Окончательные раскопки, видимо, подтвердят особую роль жилища 2 как основного места металлообработки на поселении.

Работами Нижнекамской археологической экспедиции впервые исследован ряд гаринско-борских памятников на Нижней Каме. Среди них наибольший интерес представляет Русско-Азибейская стоянка (раскоп III), комплекс с остатками металлургического производства которой выделяется среди известных памятников этого круга (рис. 6). Найдены литейная форма, три шила, 70 обломков, тиглей, обломки шлаков и ошлаковки, 24 кусочка руды, две капли меди. Уникальна находка литейной формы открытого типа из непрочной песчаниковой породы для отливки заготовки-болванки (рис. 7). Поверхность выема для заливки металла покрыта беловатым налетом каолиновой огнеупорной глины [20]. Его размеры: длина 13,3 *см*, ширина 4,5—4,8 *см*, глубина 2,1 *см*. Аналогичные формы на гаринско-борских поселениях нам неизвестны.

Металлические изделия представлены двумя целыми коваными шильями-проколками (рис. 3, *6, 7*) и обломком шила (рис. 3, *8*). Проколка длиной 9 *см* имеет подквадратное сечение, ее верхняя часть расплющена. Другие, длиной 5,2 и 3,8 *см* (рис. 3, *7, 8*) имеют подчетырехугольное сечение (3,5×2) и (6×3) *мм*. Реконструированы форма и размеры некоторых тиглей с диаметрами 6,8 (рис. 2, *37*), 13, 14 (рис. 2, *36*), 15 (2, *27*), 16, *18* (рис. 2, *35*) и 19 *см*. Толщина днищ 1—2,5 *см*, чаще 1,7—2 *см*. Кусочки окисленной руды — малахита, обломки тиглей встречаются по всей площади жилищ, а также и вне их. Выплавка меди из руды производилась, очевидно, как на месте ее добычи, так и на поселении. Выходы медистых песчаников находились поблизости, так что транспортировка руды не была, видимо, трудоемким процессом. Печи, в которых производилась выплавка меди из руды, очевидно, остались вне раскопа. Плавка металла производилась в глиняных тиглях в очагах.

Менее значительна серия остатков металлургического производства со II Дубово-Гривской (рис. 2, *39—48*) и Игимской (2, *49—50*) стоянок, представленная обломками тиглей, шлаков, руды, кусочками меди. Два реконструированных тигля со II Дубово-Гривской стоянки являются неглубокими чашками с несколько уплощенным дном и диаметрами горла 15 и 12 *см* (рис. 2, *39, 40*). Выделяются две разновидности венчиков тиглей: с валикообразным выступом (рис. 2, *41—44*) и без него (рис. 2, *45—48*). По приблизительным подсчетам в тиглях с Русско-Азибейской и II Дубово-Гривской стоянок можно было расплавить 0,3—1,8 *кг* меди.

[20] Определено с любезной помощью Е. Н. Черных.

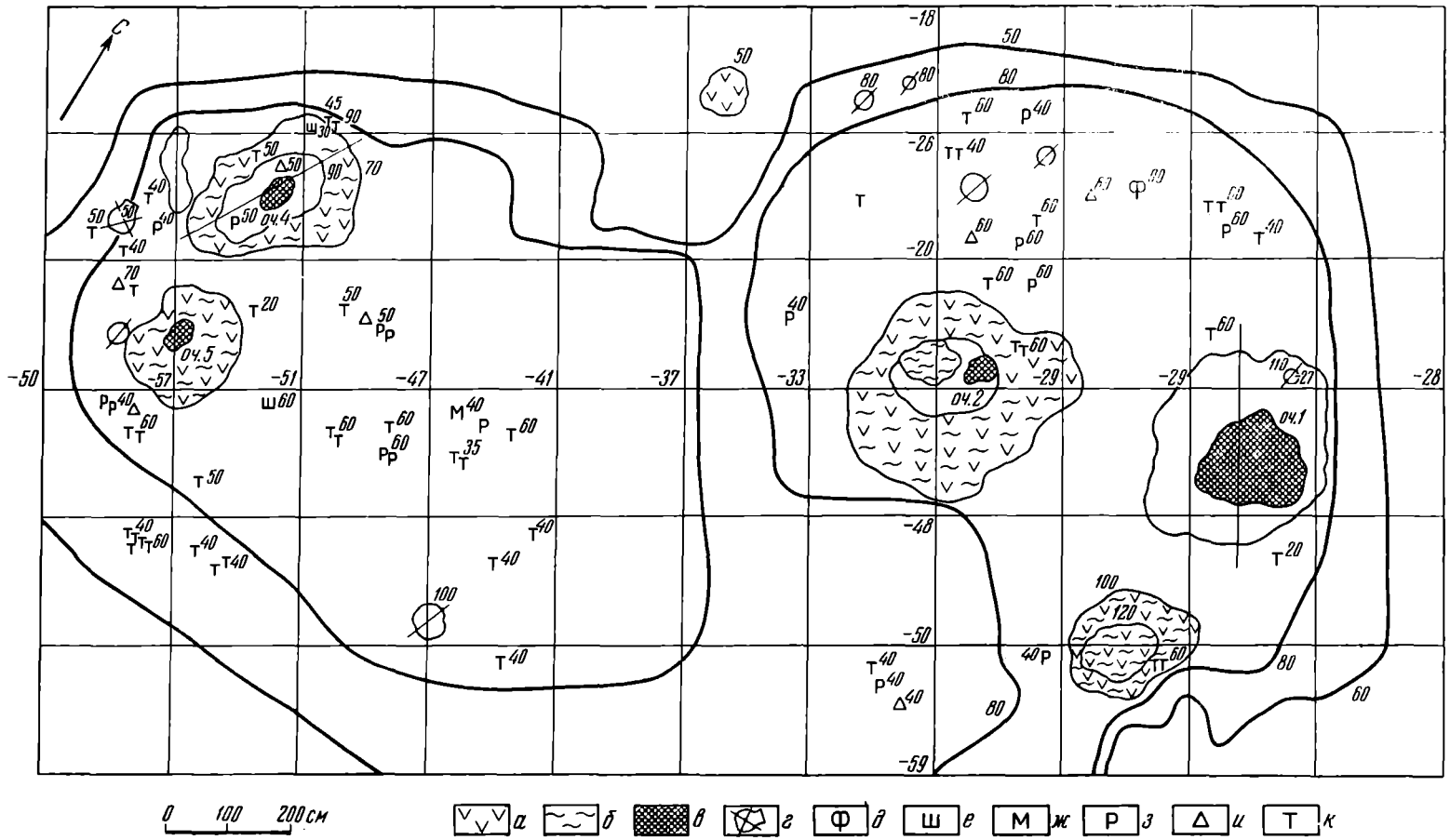


Рис. 6. План Русско-Азибейской стоянки, раскоп III (по Р. С. Габяшеву): *а* – угли; *б* – зола; *в* – очаги; *г* – развал сосуда; *д* – литейная форма; *е* – шилья; *ж* – капли меди; *з* – обломки руды; *и* – шлак; *к* – обломки тиглей

Глиняные тигли волосовских и гаринско-борских племен отражают в какой-то мере уровень развития их собственной металлообработки и металлургии. Они изготовлены, очевидно, из той же глины, что и кухонная посуда, обожжены до уровня, способного выдержать температуру расплавленной меди. Для многоразовой плавки эти тигли, видимо, не предназначались. Тигли, побывавшие в производстве, сильно обожжены, ошлакованы, деформированы, имеют пористое тесто, на некоторых — капли меди. Пористость у волосовских и гаринско-борских тиглей является, очевидно, результатом низкого качества глиняного теста. Ошлакованность

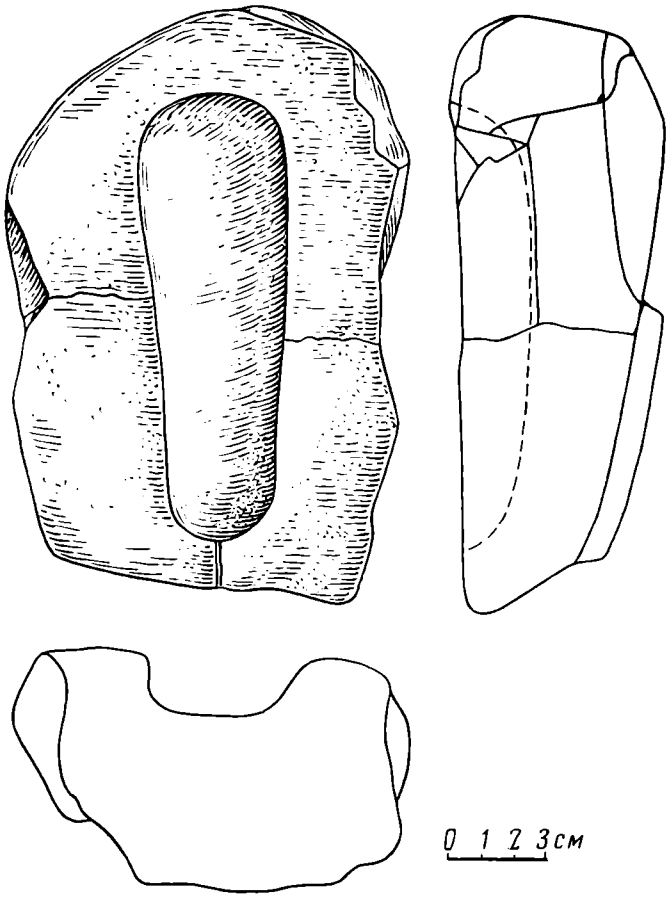


Рис. 7. Литейная форма из песчаника для отливки металлической болванки

и пористость увеличиваются в верхней части тиглей, поскольку именно здесь высокая температура сочеталась с активными окислительными процессами при плавке.

Волосовским чашевидным тиглям и тиглям-льячкам имеется ряд аналогий в памятниках Поволжья и Приуралья. Уржумкинским тиглям-льячкам близок подобный же тигель со стоянки Луговой Борок I в Горьковской области [21], II Ахмыловского поселения [22], один из тиглей с Баланбашского селища в Башкирии [23], тигель из погребения литейщика в

[21] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии..., стр. 77.

[22] В жилище 7 из раскопок В. В. Никитина в 1974 г.

[23] *П. А. Дмитриев, К. В. Сальников.* Уфа — Ишимбай. Сб. «Археологические исследования в РСФСР (1934—1936 гг.). Краткие отчеты и сведения». М.— Л., 1941, табл. XXII, *7*.

Волосовско-Даниловском могильнике [24]. Близок им тигель с Лебяжской стоянки на Средней Печоре [25]. Обломки плоскодонных глиняных тиглей известны на II Выжумской стоянке на Ветлуге [26] (рис. 2, *38*) и балановском Хмелевском городище [27].

Аналогии тиглям чашевидных форм имеются в ряде памятников приказанского, чирковского и позднебалановского облика — Васильсурское [28] и Кубашевское городища [29], поселения «Галанкина Гора» [30] и Носельское [31], на стоянках Юринской [32], Займище III, Займище II, М. Отары II, Балым, Карташиха I, Атабаево I [33] и др.

Аналогии тиглям с Русско-Азибейской, II Дубово-Гривской и Игимской стоянок в гаринско-борских памятниках единичны. «Глиняная толстостенная чашка для расплавления меди» была найдена А. А. Иессеном на стоянке Бор I в устье Чусовой [34], обломки тиглей уплощенной формы встречены в гаринско-борском слое селища Какры-Куль в Башкирии [35] (рис. 2, *51, 52*). Отдельные фрагменты известны на поселении Басенький Борок [36] и других памятниках Средней Камы. Близки по форме находки на II Выжумской стоянке на Ветлуге, а также на одной из стоянок у Андреевского озера в Зауралье [37].

Имеющиеся материалы показывают, что волосовское население Средней Волги использовало при плавках тигли двух форм — чашевидные (Рутка, Ахмылово II) и в виде уплощенного ковша или тигли-льячки (Уржумка, Ахмылово II, Луговой Борок I). Кроме того, могли использоваться специальные плавильные сосуды больших размеров (Уржумка), по форме подобные обыкновенной кухонной посуде. Гаринско-борское население Нижней Камы использовало в основном однотипные тигли в виде невысоких уплощенных чашек.

Проблема возникновения и становления навыков металлургии и металлообработки у гаринско-борского и особенно волосовского населения как уже отмечалось, остается далеко не разрешенной. По мнению ряда исследователей [38], передатчиками знаний о металле для волосовцев были балановско-фатьяновские и абашевские племена. Неясным остается вопрос о времени начала этого процесса. Е. Н. Черных [39], О. Н. Бадер [40], Д. А. Крайнов [41] считают, что отмеченные выше контакты имели место лишь в эпоху позднего волосова, т. е. во второй четверти II тысячелетия до н. э. Этот взгляд, очевидно, основывается на находках ряда датирующих медных предметов, как, например, абашевская бляшка-розетка в

[24] *Д. А. Крайнов.* Металлургия племен фатьяновской культуры. КСИА АН СССР, 127, 1971, стр. 13, рис. 3, *3*; *его же.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура (II тысячелетие до н. э.). М., 1972, рис. 55, *4*.

[25] *В. И. Канивец.* Канинская пещера. М., 1964, стр. 66, рис. 23.

[26] Фонды Марийского краеведческого музея, № 185$\frac{\text{ВСС}}{3}$.

[27] *А. Х. Халиков.* Отчет о работах в Горьковской области. Отчет МАЭ за 1958 г. Казань — Йошкар-Ола, 1959, стр. 121.

[28] *А. Х. Халиков, Е. А. Халикова.* Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, 110, 1963, стр. 104.

[29] *А. Х. Халиков.* Отчет о полевых работах МАЭ в 1957 г. Казань — Йошкар-Ола, 1958, стр. 56.

[30] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению..., стр. 91.

[31] Там же, стр. 111.

[32] Там же, стр. 109.

[33] *А. Х. Халиков.* История населения Казанского Поволжья в эпоху бронзы. Канд. дис. Казань, 1955, стр. 182.

[34] *А. А. Иессен.* Чусовская экспедиция 1942 г. Сообщ. ГЭ, V, 1948, стр. 40.

[35] Фонды кабинета археологии Башкирского госуниверситета.

[36] *О. Н. Бадер.* Поселения турбинского типа..., стр. 153.

[37] *П. Д. Дмитриев.* II Андреевская стоянка. Тр. ГИМ, VIII, 1938, стр. 106.

[38] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии..., стр. 77; *А. Х. Халиков.* Древняя история..., стр. 123; *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки..., стр. 28, 29; *Д. А. Крайнов.* Древнейшая история..., стр. 267.

[39] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии..., стр. 77.

[40] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки..., стр. 28, 29.

[41] *Д. А. Крайнов.* Древнейшая история..., стр. 267.

слое волосовской культуры поселения у Подборицы-Щербининской [42]. Бляшка изготовлена из мышьяковистой меди, которая экспортировалась на Среднюю Волгу баланбашским населением Урала [43]. Факт более позднего уральского абашева по сравнению с самым ранним средневолжским следует считать доказанным [44]. Импорт баланбашской мышьяковистой меди, очевидно, не имел места до середины II тысячелетия до н.э. [45]. Более ранний возраст абашевской культуры Средней Волги и тем более балановской и фатьяновской предполагает, очевидно, и наличие их более ранних контактов с волосовским населением. Видимо, еще в первой четверти II тысячелетия до н. э. волосовцы знакомятся с навыками плавки меди [46], о чем свидетельствуют находки обломков тиглей на Руткинской стоянке, датируемой этим временем [47]. О раннем возрасте стоянки свидетельствует архаичность ее керамики, отсутствие фрагментов балановских сосудов. На близлежащем II Ахмыловском поселении исчезает архаичность керамики и в слое жилищ уже найдены фрагменты балановских сосудов (атликасинского этапа, по периодизации А. Х. Халикова XV—XIV вв. до н. э.) [48] середины II тысячелетия до н. э. Отсутствие абсолютной хронологии волосовской культуры может подвергать сомнению ранний возраст Руткинской стоянки, но факты относительной хронологии свидетельствуют, очевидно, в пользу датировки Рутки А. Х. Халиковым.

Определенное воздействие на волосовскую металлообработку, возможно, оказали и мастера позднеямной и полтавкинской культуры, памятники которой вплотную примыкают к устью Камы. Волосовские медные тесла могли быть заимствованы у позднеямных мастеров, изделия которых известны по таким комплексам, как, например, в могильнике у с. Утевка [49].

Вторая четверть II тысячелетия до н. э.— финал волосова — ознаменовала распространение металла и навыков металлообработки среди окского и средневолжского населения. На поздневолосовских поселениях найдены ножи (V Удельно-Шумецкая стоянка [50] (рис. 3, *4*), Ахмылово II), шилья (Волосово [51], Панфилово [52], Подборица-Щербининская [53], Холомониха [54], Уржумка), тесла (Панфилово [55], Уржумка, Волосово [56], Кинема [57], Пировская), наконечник стрелы (Уржумка), украшения (Панфилово [58], Подборица-Щербининская [59], Уржумка). Металлические вещи известны на стоянках Сахтыш I, Сахтыш II [60]. На ряде памятников отмечены обломки шлаков [61] (Волосово [62] Подборица-Щербининская [63]), ошла-

[42] *И. К. Цветкова.* Ук. соч., стр. 184.
[43] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, стр. 96, 109.
[44] Там же, стр. 96.
[45] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 109.
[46] *А. Х. Халиков.* Древняя история..., стр. 161, 343.
[47] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению..., стр. 51—54.
[48] *А. Х. Халиков* и *Е. А. Халикова.* Васильсурское поселение..., стр. 262—265.
[49] *И. Б. Васильев.* Новые памятники раннего бронзового века в Куйбышевском Заволжье. «Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание». (Тезисы). Казань, 1974, стр. 13, 14.
[50] *А. Х. Халиков.* Древняя история..., стр. 165, 343.
[51] *А. М. Tallgren.* Op. cit., S. 139.
[52] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка, стр. 6.
[53] *И. К. Цветкова.* Ук. соч., стр. 184.
[54] *А. Х. Халиков.* Древняя история..., стр. 165; *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки..., стр. 34.
[55] *В. А. Городцов.* Ук. соч., стр. 5, табл. 1, *1.*
[56] *А. М. Tallgren.* Op. cit., S. 49.
[57] *С. В. Ошибкина.* Племена Восточного Прионежья..., стр. 26—27.
[58] *В. А. Городцов.* Ук. соч., стр. 6.
[59] *И. К. Цветкова.* Ук. соч., стр. 184.
[60] *Д. А. Крайнов.* Древнейшая история..., стр. 267.
[61] Наличие шлаков на поселениях Волосово и Подборица-Щербининская требует проверки, ибо зачастую путается понятие «металлургический шлак» и «ошлаковка». Часто ошлаковка принимается за шлак.
[62] *А. М. Tallgren.* Op. cit., S. 49.
[63] *И. К. Цветкова.* Ук. соч., стр. 184.

кованный металл (Панфилово[64], Ахмылово II, IV Кокшайская стоянка[65], Уржумка), тигли для плавки меди (I Луговой Борок[66], Панфилово[67], Ахмылово II, Уржумка). Отходы от литья меди найдены на стоянке Сахтыш II[68].

Работами последних лет на II Ахмыловском и Уржумкинском поселениях установлено, что плавка меди у волосовцев достигала значительных размеров. Однако пока на волосовских поселениях не найдены достоверные металлургические шлаки и куски медной руды — один из основных критериев наличия собственной металлургии. Типы металлических изделий не обладают разнообразием и оригинальностью. К достоверно волосовским можно отнести плоские тесла, пластинчатые ножи, шилья, втульчатый наконечник стрелы, свернутый из листовой меди, подвеску-«лунницу». Судя по визуальному наблюдению, они изготовлены ковкой с применением и других механических приемов обработки меди. Однако изготовление даже таких несложных по форме предметов, очевидно, требовало первоначальной отливки их болванки.

Фатьяновская принадлежность украшений владычинского погребения[69] и абашевская принадлежность украшений с Подборица-Щербининской стоянки не подлежат сомнению[70]. Результаты спектрального анализа металла с Руткинского, II Ахмыловского и Уржумкинского поселений свидетельствуют о его средневолжском происхождении из медистых песчаников — металлургически «чистая» медь. Сходную характеристику имеют изделия с окских стоянок Сахтыш I и Сахтыш II, проанализированные Е. Н. Черных[71]. Химическая картина примесей волосовского металла указывает на ту же рудную базу, которую использовали балановцы, фатьяновцы, средневолжские абашевцы, гаринско-борские племена — легко добываемые медные руды в виде медистых песчаников пермских отложений Нижней Камы и прилегающих к ней районов[72]. Малочисленность металлической коллекции, простота ее форм может породить мнение о незначительном использовании волосовцами меди. Однако несомненно, что на финальном этапе своего существования волосовские племена окончательно освоили навыки металлообработки[73], усвоили ряд форм медных изделий (ножи, тесла, шилья) и, очевидно, изобрели форму втульчатого наконечника стрелы, а также подвески-«лунницы» независимо от гаринско-борского населения. Возможно, имел место и импорт металла других культур. Однако мы стоим на той точке зрения, что собственный волосовский металл имел большее значение, нежели импортный, как считает О. Н. Бадер[74].

---

[64] *В. А. Городцов.* Ук. соч., стр. 10, 15.

[65] Раскопки В. С. Патрушева в 1974 г.

[66] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии..., стр. 139.

[67] *А. Х. Халиков.* Древняя история..., стр. 165, 343.

[68] *Д. А. Крайнов.* Ук. соч., стр. 267.

[69] *О. Н. Бадер.* Погребения на Владычинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе. СА, 1971, 1, стр. 58; *его же.* Бассейн Оки..., стр. 29.

[70] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки..., стр. 29; *его же.* Погребения на Владычинской стоянке..., стр. 67; *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, стр. 96.

[71] *Д. А. Крайнов.* Древнейшая история..., стр. 267; *Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых.* О химическом составе металла с волосовских поселений Верхнего и Среднего Поволжья. Марийский археологический сборник, 1976 г.

[72] *А. А. Штукенберг.* Материалы по изучению медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. ИОАИЭ, т. XVII, 4. Казань, 1901, стр. 168, 169. *Л. М. Миропольский.* Медные руды в пермских отложениях Татарской АССР и их генезис. Уч. зап. Казанск. гос. ун-та, т. 98, кн. I, геология, вып. 10, 1938.

[73] *А. Х. Халиков.* Древняя история..., стр. 165; *В. В. Никитин.* Волосовские племена Марийского Поволжья (по итогам археологических работ последних лет). «Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание». (Тезисы). Казань, 1974, стр. 15.

[74] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки..., стр. 28, 29.

Думается, что продолжающиеся попытки отнесения волосовской культуры к неолитической [75] в свете новых материалов неубедительны. Волосовская культура — культура эпохи раннего металла. О. Н. Бадер [76], П. Н. Третьяков [77], Д. А. Крайнов [78] высказывают мнение лишь о знакомстве волосовцев с металлом и его распространении. Думается, что накопленные за последние годы материалы позволяют поставить вопрос о выделении волосовского металлообрабатывающего очага, функционировавшего в досейминском хронологическом периоде [79]. Он был, правда, маломощным и невыразительным по сравнению с такими гигантами, как срубный и андроновский, абашевский и приказанский металлургические очаги. Волосовский металлообрабатывающий очаг имеет ряд общих черт с гаринско-борским металлургическим очагом и близок с ним по степени развития.

Е. Н. Черных усматривает влияние производства более ранних культур — балановской и абашевской [80] на возникновение и развитие гаринско-борской металлургии. Металлургия населения гаринско-борской культуры, как и металлообработка волосова, отражает этап становления местной металлургии. Деятельность этого очага [81] распространялась на Верхнее, Среднее и, очевидно, Нижнее Прикамье, как показали работы последних лет.

Уже отмечалось, что гаринско-борское население выработало следующие немногочисленные оригинальные, самостоятельные формы изделий: ножи с игловидным черешком [82] и подвески-«лунницы» [83]. Остальные металлические изделия имеют достаточно широкое распространение. Среди них — шилья или проколки, рыболовные крючки, ножи, массивные долота, кольца и др. Они изготовлены ковкой, формы их довольно обычны. Спектральный анализ металла с гаринско-борских поселений, проведенный Ю. А. Нечаевым, Е. Н. Черных и автором, показал, что он выплавлен из местных руд — медистых песчаников [84]. Единственное исключение — нож со стоянки Бор I [85]. К этому исключению, возможно, будут отнесены и три ножа срубного типа с Красноплотбищенского поселения [86], если это подтвердится спектральным анализом. Находки отнесены В. П. Денисовым к погребальному комплексу [87], который О. Н. Бадер рассматривает как новый могильник турбинского типа [88].

На гаринско-борских поселениях отмечены многочисленные следы металлообрабатывающего производства (обломки тиглей, ошлаковка, капли меди, сплески от литья). По насыщенности этими остатками особенно выделяются поселения Нижней Камы (Русско-Азибейская, р. III; Крас-

---

[75] *И. К. Цветкова.* Племена рязанской культуры. Тр. ГИМ, 44, 1970, стр. 139.

[76] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки..., стр. 28, 29.

[77] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, стр. 49.

[78] *Д. А. Крайнов.* Древнейшая история..., стр. 267.

[79] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, стр. 97, 98.

[80] Там же, стр. 96, 124.

[81] Там же, стр. 95, рис. 56, *40*, *41*.

[82] Там же, стр. 108.

[83] *О. Н. Бадер.* Древнейшие металлурги..., рис. 122, *10—12*.

[84] *О. Н. Бадер.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. ОКАЭ, вып. 2. М., 1961, стр. 260; *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, стр. 84, 95, 108.

[85] *Ю. М. Абрамович.* К вопросу о происхождении металлургического сырья в Прикамье во втором тысячелетии до н. э. Уч. зап. ПГУ, т. XI, 3. Харьков, 1956, стр. 71—73.

[86] *В. П. Денисов.* Отчет о разведках и археологических раскопках, проведенных Сарапульской группой НКАЭ в 1969 г. Пермь, 1970, рис. 21, *1—3*; *его же.* Раскопки поселений эпохи бронзы на Нижней Каме. Отчеты НКАЭ, вып. I. М., 1972, стр. 75, рис. 1.

[87] *В. П. Денисов.* Раскопки поселений эпохи бронзы..., стр. 75.

[88] *О. Н. Бадер.* Археологическое изучение зоны строительства Нижнекамской гидроэлектростанции и работы Нижнекамской экспедиции в 1968 и 1969 гг. Отчеты НКАЭ, вып. I. М., 1972, стр. 23.

ноплотбищенская стоянки). Находки медной руды, металлургических шлаков на Игимской и Русско-Азибейской стоянках подтверждают вывод о наличии собственной металлургии меди у гаринско-борского населения. Помимо ковки медных изделий оно знало технику литья в простейшие формы открытого типа, о чем свидетельствует литейная форма из песчаника для отливки металлической болванки. Однако это не означает, что гаринско-борские племена знали технику литья в закрытые, двусоставные формы. Деятельность гаринско-борских металлургов протекала в досейминском хронологическом горизонте [89]. Население этой культуры не знало искусственных сплавов. К ним не доходил металл уральских абашевцев, носителей Турбинского могильника. Оно не пользовалось сплавами ВК и ВУ, которые употребляли в Прикамье приказанские мастера [90]. Продолжая свою деятельность и в начале сейминского горизонта, гаринско-борский металлургический очаг не воспринял искусственных сплавов и техники литья в составные формы. Возможно, в этом можно усматривать преднамеренную изоляцию гаринско-борского населения, его нежелание перенять новые металлургические рецепты и типы изделий.

Приведем в систему наши выводы: 1. Волосовский металлообрабатывающий и гаринско-борский металлургический очаги отражают этап становления и развития металлургии у местного населения края. 2. Эти очаги являлись маломощными и невыразительными, но самостоятельными, в меньшей мере зависевшими от импорта изделий. 3. Характер литейного дела довольно примитивен, отсутствует техника литья в составные формы, типы изделий часто не отличаются большим своеобразием. 4. В целом уровень развития металлообработки и металлургии волосовских и гаринско-борских племен является довольно низким по сравнению с металлургией соседних, более развитых в экономическом отношении балановско-фатьяновских и абашевских племен.

S. V. Kouzminykh

LA METALLURGIE DE VOLOSSOVO ET DU TYPE DE GARINO-BOR

Résumé

Les grandes investigations archéologiques des monuments appartenant aux cultures de Volossovo et du type de Garino-Bor sur le cours moyen de la Volga et dans la région de la Kama, ont permis de mettre au jour de nouvelles pièces intéressantes, qui permettent de se représenter d'une façon un peu nouvelle le niveau et le caractère de l'industrie des métaux et de la métallurgie chez les porteurs de ces cultures. Dans les villages de la culture de Volossovo nous ne rencontrons que les traces de l'industrie du cuivre, et pas celles d'une métallurgie. La présence de cette dernière est problématique, étant donné l'absence de scories métallurgiques et de minerai de cuivre dans les monuments. Il existait probablement ici un petit foyer d'industrie des métaux, basé sur les gisements de grès cuivreux de la moyenne Volga et de la basse Kama, qui furent exploités à la période chronologique précédant celle de la Séima. Les artisans locaux apprirent à exécuter des objets de différentes formes (couteaux, gouges, alênes), et peut — être même ils furent les inventeurs d'une forme de primitive pointe de flèche à douille, faite d'une feuille de cuivre. L'industrie des métaux du foyer de Volossovo se rapproche beaucoup par son degré de développement de celle du type de Garino-Bor. Les nouvelles pièces découvertes ajoutent ce qui suit à la définition de ce foyer, donnée par E. N. Tchernykh: 1) en plus du forgeage d'objets en cuivre, les artisans du foyer du type de Garino-Bor connaissaient la technique de la fonte dans de très simples moules du type dit «ouvert» (moule de fondeur en grès pour couler des lingots, provenant de la station de Rousskoie Azibeevo); 2) par l'importance des résidus laissés par l'industrie des métaux, se distinguent tout particulièrement les monuments de la basse Kama (station de Rousskoie Azibeevo et de Krasnoplotbistchenskaia). Le foyer de l'industrie des métaux de Volossovo et celui de la métallurgie du type de Garino-Bor reflètent l'étape d'implantation et de développement de la production des métaux chez la population locale.

[89] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, стр. 96.
[90] Там же, стр. 84, 85, 95, 96.

В. И. САРИАНИДИ, Н. Н. ТЕРЕХОВА, Е. Н. ЧЕРНЫХ

О РАННЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ И МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

Работы Советско-Афганской экспедиции в Северном Афганистане привели к открытию здесь памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа. Специальный отряд САЭ с 1970 г. ведет планомерные работы в дашлинской группе памятников эпохи поздней бронзы, расположенной в 30 *км* севернее г. Акча и примерно на таком же расстоянии от Амударьи. Особенно крупные по масштабам раскопки велись в пункте Дашлы-3, где располагается холм и рядом «блинообразное», слабо выраженное в рельефе возвышение, раскопки которого выявили остатки круглого здания, предположительно храма [1].

В 1973—1974 гг. проводились раскопки самого холма, в результате которых здесь были обнаружены остатки бесспорно монументального здания, возможно, дворцово-культового назначения. Центральную часть всего сооружения составляет обширный двор, застроенный помещениями особого назначения. По всем четырем сторонам двора выявлены остатки мощной архитектуры типа обширных залов в сочетании с коридорообразными помещениями; планировка их точно копирует друг друга.

Установлено, что в поздний период существования, когда сооружение было уже заброшено, оно было частично обжито рядовыми общинниками. Свидетельством тому служат остатки обычных жилых помещений внутри двора, а также использование заброшенных помещений первого основного строительного периода. Одно из помещений было использовано для литья металла — здесь находилась двухчастная печь, рядом на полу глиняная форма для отливки топора-тесла и медные слиточки-сплески.

Наконец, последний период фиксируется еще одним строительным горизонтом, сохранившимся на самом верху холма. Он состоит из жилых помещений, группирующихся вокруг внутренних дворов: строения эти отличаются небрежной кладкой, стены часто кривые, тонкие и явно принадлежат бытовым сооружениям рядовых общинников. Население этого времени также могло частично использовать заброшенные периферийные помещения былой дворцовой архитектуры в своих хозяйственных и производственных целях. Так, в одном из коридоров северного фаса на склоне у самой подошвы холма на полу был обнаружен глиняный тигель для плавки руды. Следует отметить, что хотя эта часть коридора сохранилась плохо, именно здесь выявлен слой, состоящий из краснообожженной глины, золы, углей и мелких, ноздреватых, тяжелых по весу комков, возможно шлаков. Не исключено, что здесь располагалась печь для плавки, не сохранившаяся в связи с интенсивными процессами дефляции; во всяком случае именно в этом слое были встречены слиточки-сплески меди.

[1] *В. И. Сарианиди.* Бактрия в эпоху бронзы. СА, 1974, 4, стр. 54, 55, рис. 5.

Совершенно очевидно, что выплавка металла здесь могла производиться уже после того, как само монументальное сооружение потеряло свое основное функциональное назначение. Тогда на развалинах здания складывается первое небольшое поселение, обитатели которого могли на месте выплавлять из руды медь и заниматься металлообработкой.

Тигель частично был разрушен (рис. 1). Он имел полусферическую форму; диаметр устья 42, высота сохранившейся части 15, толщина стенок 3, толщина дна 4 *см*. С одной стороны к стенке под небольшим углом прикреплена глиняная ручка в виде круглого в сечении стержня,

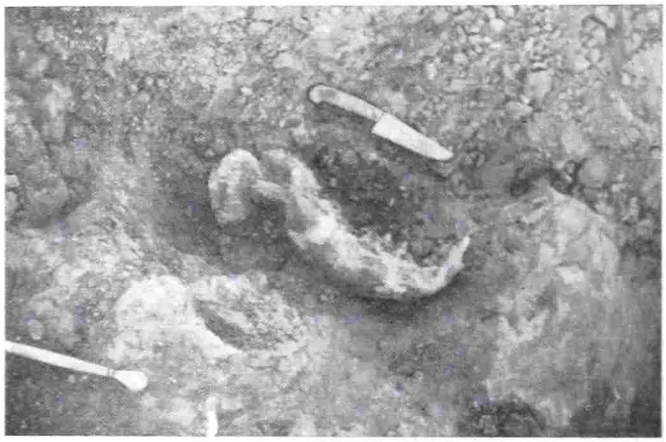


Рис. 1. Глиняный тигель с медной рудой

слегка суживающегося к концу и заканчивающегося полусферическим глиняным набалдашником. Длина ручки 14 *см*, диаметр в месте прикрепления к стенке тигля 3,5, диаметр другого конца 2,7 *см*. Диаметр набалдашника 8 *см*, толщина его 3 *см*. Сформован тигель из глинистой смеси с большим количеством органических веществ, выгоревших при обжиге, благодаря чему он приобрел значительную пористость.

Тигель был заполнен больше чем наполовину медной окисленной рудой — очень чисто отобранными кусочками малахита. Материалы уже побывали в огне. От сильного жара они спеклись в большой, относительно пористый кусок с включениями некоторого количества непрогоревшего древесного угля. Ошлаковка руды еще фактически не началась. Лишь только часть минералов в результате восстановительной реакции приобрела бурый цвет закиси меди. В двух местах в спекшейся зелено-бурой рудной массе удалось обнаружить небольшие капли уже восстановившейся металлической меди.

Перед нами следы явно неудачной плавки медной руды, но причины неудачи далеко не ясны. Может быть, какие-то внешние обстоятельства помешали металлургам продолжить и успешно закончить процесс? Плавка была прервана внезапно, а тигель оставлен на месте. Может быть, неудачно составленная шихта, например малое количество древесного угля, или же слабое дутье не позволили поднять температуру плавки до уровня необходимой или же создать соответствующую восстановительную атмосферу в печи? Против последней причины, однако, свидетельствует то, что тигель оставили нетронутым, а невосстановленную руду не попытались использовать снова.

О значении этой находки для археологов много говорить не приходится: она по существу уникальна. Мы затрудняемся назвать ей точные аналогии. Этот тигель позволяет судить о некоторых стадиях и характере древнего металлургического процесса, полностью скрытых от нас практическим отсутствием находок подобного рода.

Методом спектрального анализа было исследовано 11 образцов медной окисленной руды, пробы которой были отобраны из разных частей спекшейся в тигле массы минералов (таблица, ан. 2683-р—2693-р). Исследованы и два уже упоминавшихся «королька» меди, встретившиеся среди бурой массы монолита (таблица, ан. 17780, 17781). Эти анализы позволяют судить о химическом характере использованных руд и до определенной степени о химическом составе выплавляемой из них меди.

Руда, без сомнения, носит полиметаллический характер. Наиболее существенной примесью является здесь мышьяк — от 0,2 до 1%, в среднем 0,65%. Содержания его ближайшего аналога — сурьмы понижены по сравнению с мышьяком примерно на полтора порядка, в среднем приблизительно 0,015%. После мышьяка на втором месте по значимости стоят концентрации свинца — от 0,1 до 0,7%, в среднем приблизительно 0,55%. Фактически обязательно присутствуют серебро и висмут, геохимически очень часто связанные со свинцом, в среднем приблизительно 0,025 и 0,015% соответственно. Существенным диагностическим признаком являются и повышенные концентрации золота — от 0,001 до 0,003%. Относительно высоки здесь и концентрации олова, примеси в медных рудах вообще весьма редкой — в среднем приблизительно 0,01%, а наивысшее 0,1—0,2%!

Бросается в глаза отсутствие примеси цинка. В очень редких случаях медная руда в присутствии заметных количеств свинца не содержит цинковых минералов или же примеси. В целом сравнительно малую роль в руде из Дашлы-3 играют и элементы группы железа: само железо, никель, марганец и особенно кобальт. Последний элемент вообще проявляется здесь только спорадически. Определенной химической чистотой отличается от прочих образец малахита 2684-р. Здесь отсутствуют примеси Bi, Ag и Sb, а концентрации Sn, Pb и As понижены.

Анализы металлической меди, извлеченной из тигля (ан. 17780 и

Результаты спектрального анализа обожженной руды (2683—2693) и медных «корольков» (17780, 17781) из плавильного тигля

№ п/п	Шифр лаборатории	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1	2683-р	Основа	0,2	0,7	—	0,03	0,001	0,03	⩽1	0,1	0,001	—	<0,01	<0,003
2	2684-р	»	0,06	0,1	?	—	?	—	0,2	⩽1	0,005	<0,002	0,06	?
3	2685-р	»	0,002	0,6	—	0,02	~0,0001	0,01	⩽1	0,08	0,002	—	<0,01	<0,003
4	2686-р	»	⩽0,3	0,2	—	0,001	0,004	0,004	⩽1	0,25	0,007	—	0,01	?
5	2687-р	»	0,01	0,4	—	0,02	0,0005	0,02	~0,8	~5	0,03	0,004	0,02	<0,003
6	2688-р	»	0,06	>0,3	—	0,01	0,01	0,03	~1	~0,2	0,03	<0,002	0,02	<0,003
7	2689-р	»	0,06	0,6	—	0,02	0,004	0,007	0,3	0,2	0,005	—	<0,01	<0,003
8	2690-р	»	0,03	0,3	—	0,008	0,004	0,008	~0,4	~1	0,004	—	<0,01	<0,003
9	2691-р	»	0,08	0,6	—	0,008	0,0002	0,01	0,5	0,1	0,002	—	<0,01	<0,003
10	2692-р	»	0,1	>0,6	—	0,02	0,002	0,02	0,6	0,1	0,03	<0,002	0,01	<0,003
11	2693-р	»	0,005	0,2	?	0,001	0,0002	0,01	0,5	0,1	0,02	<0,002	0,04	<0,001
12	17780	»	0,2	1,2	—	0,04	0,1	0,03	1	0,15	0,04	—	—	<0,01
13	17781	»	~0,3	1,5	—	0,03	~0,2	0,01	0,5	0,05	0,003	0,003	<0,01	<0,01

17781), могут дать некоторое представление о химическом составе металла, получавшегося при выплавке из этих руд. На сегодняшний день методом спектрального анализа проанализировано более 100 обломков медных предметов с пос. Дашлы-1—6 в Северном Афганистане, а также около 100 изделий со сходного памятника — поселения и могильника Сапалли-Тапа близ Термеза на юге Узбекской ССР. Огромное количество проанализированного металла отвечает по своему химическому составу руде и меди из тигля с поселения Дашлы-3.

По всей вероятности, в этом районе использовались преимущественно руды одного месторождения или же группы геохимически близких месторождений и рудопроявлений, локализация которых остается пока что неизвестной. Не исключено, что внимание древних горняков и металлургов к этим месторождениям было привлечено тем, что в большинстве случаев медь, выплавленная из этих руд, отличалась неплохими механическими и литейными свойствами. Как правило, при выплавке получались достаточно сложные сплавы меди с мышьяком и свинцом, с незначительными микропримесями, так или иначе влиявшими на свойства этих естественных сплавов.

Среди исследованных металлических изделий (шилья, проколки, иглы, ножи, стержни с утолщением на конце, обломки сосудов) и отходов металлобработки (сплески, капли, бесформенные слитки) с поселения Дашлы-3 (106 экз.) ряд образцов содержит в химическом составе как преобладающий компонент мышьяк — 37 экз. (от 0,5 до 2,0%, в одном случае 3,0%); выделяется группа образцов, в составе которых ведущей примесью является свинец,— 31 экз. (1,0—3,0% — 21 экз., 4,0—8,0% — 8 экз., 10% — 2 экз.) и, наконец, в 34 образцах, более чистых химически, концентрации мышьяка и свинца не превышают 0,5%, а остальные примеси содержатся в сотых и тысячных долях процента.

Олово в металл, находимый на памятниках типа Дашлы — Сапалли, вводилось сравнительно редко. Причины этого неясны: может быть, металлургам и литейщикам этого района не доставало олова или его минералов, а может быть, они удовлетворялись качествами естественного сплава. Разрешить этот вопрос на сегодняшний день вряд ли возможно.

При сопоставлении химической характеристики металлических изделий с функциональным их назначением не выявляется четкого технологически целесообразного их соответствия как постоянного фактора. Так, среди изделий из высокосвинцовистой меди с хорошими литейными свойствами есть и литые изделия (сосуды) и выполненные ковкой (шилья). Те же категории изделий встречаются и среди химически более чистых, и среди мышьяковистых.

Тем не менее все же нужно отметить, что большая часть сосудов отливалась из свинцовистой меди, а шилья и режущие орудия изготовлялись из меди с повышенной концентрацией мышьяка, который положительно влиял на их механические свойства.

По всей вероятности, создавать сознательно искусственную, хорошо отработанную рецептуру сплавов дашлинские литейщики не умели, однако эмпирически различали их свойства, стараясь подбирать, вероятно путем проб, соответствующий материал для определенных видов изделий. Видимо, так же было подмечено, что разные выработки на одном и том же месторождении давали разные по качеству руды, плавка которых приводила к получению металла с разными свойствами.

Исследование техники изготовления металлических изделий показало, что кузнецы-литейщики, обладая хорошими знаниями свойств используемого металла, сумели выработать правильные технологические режимы его обработки.

Были изучены микроскопически некоторые виды продукции дашлинских мастеров — шилья, проколки, иглы, режущие инструменты, стержни с утолщением на конце, обломки сосудов. Установлено, что основной

техникой изготовления металлических изделий было литье. Отливались или сами изделия, или заготовки для них, не требовавшие значительной кузнечной доработки.

Литейщики хорошо владели по крайней мере тремя видами литья: литье в односторонние формы, литье по восковой модели с утратой литейной формы, литье в разъемную форму. Все сосуды — литые (рис. 2, *5—6*). Технику отливки воспроизвести, к сожалению, невозможно из-за отсутствия целых форм. Исследованные обломки, как правило, очень небольшие и маловыразительные, в большинстве случаев это слабоизогнутые стенки, в двух случаях — край сосуда, прямой, слегка утолщенный кверху. На одном из обломков с внешней стороны заметен литейный шов, свидетельствующий об использовании разъемной формы.

Изготовление формы для отливки сосудов требовало большого мастерства. Чтобы получить качественную отливку с равномерной толщиной стенок, необходимо было рассчитать и обеспечить при сборе формы соответствующий зазор между внутренним стержнем и внешней формой. Дашлинские мастера отливали сосуды, имеющие толщину стенок 0,5—0,7 *мм*. Плоские изделия — ножи-резаки, бритвы и т. д.— отливались в односторонней форме, лезвия подрабатывались кузнечным способом.

Среди металлических изделий с дашлинских поселений очень много стержней с плавным утолщением на одном конце и лопаточковидным или коническим навершием — на другом. Эти изделия условно называют булавками, поскольку они напоминают истинные булавки с заостренным концом, широко распространенные в ближневосточных памятниках. Однако, как показало исследование южнотуркменских изделий[2], функциональное назначение стержней с утолщением на конце иное. Это пруткизаготовки для изготовления кузнечным способом как самих булавок, так и других мелких изделий типа шильев, игл, проколок, а также браслетов.

Как и южнотуркменские, дашлинские стержни отлиты. Отливка производилась в глиняной форме, созданной по восковой модели. Техника отливки реконструируется следующим образом: из воска скатывали жгут-пруток с плавным утолщением (возможно, сама форма его подсказана пластическими качествами материала модели), затем модель обмазывали жидким глиняным раствором в несколько слоев, при этом часть воскового стержня со стороны, противоположной утолщенному концу,— будущее отверстие для подачи металла — оставалась непокрытой глиной.

После просушки формы ее обжигали, воск при этом вытапливался, а образовавшаяся полость была готова для заливки металла. Стержни отливались в вертикальном положении (об этом свидетельствуют структурные особенности отливок — скопление в верхней части газовых пузырей, усадочных раковин), скорее всего блоком по нескольку десятков штук. После отливки форма разбивалась, верхняя часть стержня, со стороны которой подавался металл, либо расковывалась в пластинку-«лопаточку», либо, если навершие было фигурным (в этом случае оно формовалось в восковой модели и было литым), место обрубленного литника зашлифовывалось или подрабатывалось кузнечным способом.

На наш взгляд, оформление верхнего конца стержней-заготовок имело не столько эстетическое, сколько смысловое значение — оно могло указывать на свойства металла в заготовке: либо более пластические (тонкая пластинка-«лопаточка»), либо литейные (литое навершие). Это давало возможность мастеру ориентироваться при подборе материала для изготовления того или иного вида изделий. Из стержней-заготовок кузнечным способом формовались разнообразной формы шилья (обоюдоострые, круглые в сечении, четырехгранные с упором, четырехгранные обо-

---

[2] *Н. Н. Терехова.* Металлическое производство у древних земледельцев Южной Туркмении. Сб. «Очерки истории древнейшей технологии». М., 1975.

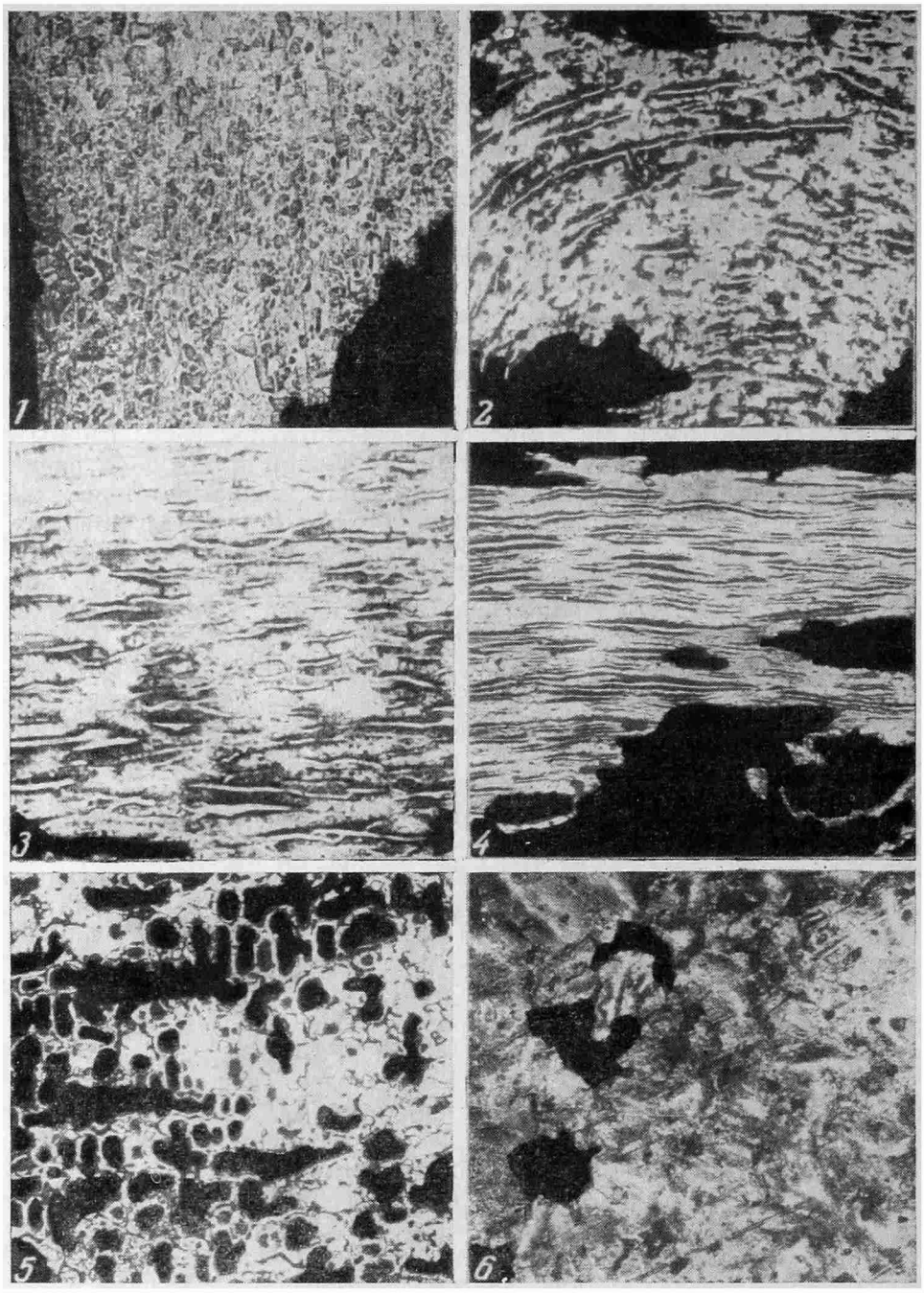


Рис. 2. Фотографии микроструктур металлических изделий с поселения Дашлы-3: *1* – шило (ан. 147, травл., ув. 70); *2* – стержень, круглый в сечении (ан. 149, травл., ув. 70); *3, 4* – нож (ан. 150, травл., ув. 70), структура в глубине изделия (*3*) и наклеп на лезвии (*4*); *5* – сосуд (ан. 156, травл., ув. 70); *6* – сосуд (ан. 158, травл., ув. 70)

юдоострые с уплощенно-прямоугольным сечением, четырехгранные с круглым черешком), проколки, иглы. Благодаря соответствующей форме заготовки длительной кузнечной ковки не требовалось, что было очень важно, так как свинцовистая медь не выдерживала горячей деформации (растрескивалась), а длительная проковка вхолодную с промежуточными отжигами была нецелесообразна.

Технологическая схема была очень проста: от заготовки-стержня отрубался нужной длины кусок, затем заострялись либо оба конца его, либо

один, а другой слегка притупливался — наиболее простой вариант. При необходимости стержню придавалась четырехгранная форма, затем также заострялись оба конца либо один. Иногда часть стержня-заготовки оставлялась круглой, а рабочий конец слегка сплющивали, подрабатывали боковые грани, заостряли. Все эти операции производились вхолодную, затем изделия отжигали и еще раз проковывали при температуре ниже порога рекристаллизации (раздробленность кристаллов у поверхности и повышенная твердость 110—118 *кг/мм*^{2}) (рис. 2, *1*). Такая же технология изготовления аналогичных орудий наблюдалась и на южнотуркменских образцах.

Режущие орудия изготовлены из литой заготовки, прокованной также при температуре ниже порога рекристаллизации с промежуточным отжигом (рис. 2, *3*). Лезвия подвергались наклепу, что повышало их твердость и давало возможность после заточки дольше сохранять высокие механические качества (микроструктурно это выражается в сильной вытянутости на лезвиях дендритов сплава (рис. 2, *4*) и значительно возрастающей твердости, например 148—210 *кг/мм*^{2} на лезвиях и 118 *кг/мм*^{2} в глубине изделия или 118 *кг/мм*^{2} на лезвиях и 90,5 *кг/мм*^{2} в глубине). Технология изготовления всех перечисленных изделий аналогична южнотуркменским.

Оловянистая бронза встречается среди дашлинского материала, как уже говорилось, очень редко — только четыре обломка литых сосудов могут быть отнесены к этому сплаву (содержание олова 4,0—7,0%). Структурные особенности сплава, выявленные при микроскопическом исследовании, указывают на низкое качество отливок и свидетельствуют о том, что этот материал был еще плохо освоен дашлинскими литейщиками.

Памятники Дашлинского оазиса датируются эпохой поздней бронзы и находят наиболее полные и четкие аналогии в комплексе Гиссар III-С. В данном случае это сходство не ограничивается лишь близкими керамическими соответствиями, но прослеживается практически во всех категориях изделий [3].

Особого внимания заслуживает находка формы для отливки топора-тесла, так как аналогичная форма и сами изделия на Тепе Гиссар появляются только в период Гиссар III-С, но не раньше [4]. По радиокарбоновым данным, памятники Дашлинского оазиса могут быть датированы в пределах середины — второй половины II тысячелетия до н. э.[5], а Гиссар III-С — в пределах 2300—1500 гг. до н. э., причем более вероятной представлялась середина II тысячелетия до н. э. Сторонники этой «короткой хронологии», основываясь на сходных печатях и особенно топорах-теслах, найденных в постхараппской культуре [6], склонны датировать слой Гиссар III-С серединой II тысячелетия до н. э. и даже позднее [7], что представляется более правильным.

Хотя высказано мнение, что топоры-тесла относятся еще к концу III тысячелетия до н. э.[8], думается, что по крайней мере подобные орудия, происходящие из Северо-Восточного Ирана (Гиссар, Астрабад), Южного Туркменистана (Дайна), Северного Афганистана (Дашлы-3), долины р. Инда (Мохенджо Даро), не могут быть датированы ранее чем середина — вторая половина II тысячелетия до н. э. Правда, в настоящее время сделана попытка удревнить все радиокарбоновые даты согласно поправке Музея прикладного научного центра археологии Пенсильванского

---

[3] *В. И. Сарианиди.* Ук. соч., стр. 63—69.

[4] *E. Schmidt.* Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, p. 205, fig. 120.

[5] *В. И. Сарианиди.* Ук. соч., стр. 68.

[6] Е. Маккей допускал еще более позднюю дату, так как найденный им топор-тесло происходил с глубины около 1,5 *м* от поверхности Мохенджо Даро.

[7] *M. Wheeller.* The Indus Civilization. Cambridge, 1968, p. 126—134.

[8] *А. В. Виноградов, Е. Е. Кузьмина.* Литейные формы из Лявлякана. СА, 1970, 2, стр. 130.

университета (MASKA) [9], и в том числе для слоя Гиссар III-C (1841± ±65) [10]. Но в таком случае это должно касаться пересмотра всей хронологической системы в целом, так как уже для конкретного памятника Тепе Гиссар получается хронологический «разрыв» в 500 лет, который требует своего объяснения.

V. I. Sarianidi, N. N. Térékhova, E. N. Tchernykh

LES DEBUTS DE LA METALLURGIE ET DE L'INDUSTRIE DES METAUX DANS L'ANTIQUE BACTRIANE

Résumé

Dans cet article on publie les résultats de l'étude analytique des pièces trouvées lors des fouilles pratiquées par l'expédition soviéto-afghane de 1973—1974. Ces objets sont caractéristiques pour la production des fonderies de cuivre de l'antique Bactriane, à la fin de l'Age du Bronze. Dans une des agglomérations de cette époque (Dachly-3), on a fait la découverte exceptionnelle d'un creuset pour la fonte du minerai, portant des traces de fonte manquée, ce qui fait que la charge s'est en partie conservée, de même que des gouttes de cuivre déjà réduit. L'analyse spectrale de ces restes, combinée avec l'étude métallographique des objets métalliques trouvés dans l'agglomération, a permis d'établir une définition de la production de la métallurgie et de l'industrie des métaux dans la région donnée.

[9] *H. N. Michael and E. K. Ralph* (co-editors). Dating Techniques for the Archaeologist. Cambridge, London, 1971.

[10] *C. Bovington, R. Dyson, A. Mahdavi and R. Masoumi.* The Radiocarbon Evidence for the Terminal Date of the Hissar III-C Culture. «Iran», vol. XII, 1974, p. 195—198.

П. Д. ЛИБЕРОВ

О ХРОНОЛОГИИ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблеме происхождения абашевской культуры, ее хронологии и дальнейшей судьбе в послевоенный период посвящено большое число специальных работ, которые ставили перед собой задачу раскрыть ее содержание и место среди других культур эпохи бронзы [1].

В них было высказано немало предположений и гипотез о происхождении этой культуры, которые по ряду причин до настоящее времени не получили сколько-нибудь убедительной доказательности, до сих пор остаются и, вероятно, надолго еще останутся таковыми, пока не будет накоплен необходимый материал для решения проблемы. Поэтому и мы в настоящее время не можем выдвинуть ее как назревшую задачу. Однако постановка вопроса о хронологии абашевской культуры на основании накопленного материала вполне возможна и закономерна.

Все исследователи, занимавшиеся изучением абашевской культуры, а также синхронных ей культур эпохи бронзы на территории Восточной Европы, так или иначе касались этого вопроса [2]. Специальная работа о хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья была написана О. Н. Евтюховой [3]. К сожалению, в этой работе не могли быть учтены многие памятники абашевской культуры, открытые в последние годы за пределами основного района распространения культуры в Среднем Поволжье.

Почти все исследователи, касавшиеся абашевской культуры на территории Среднего Поволжья, появление ее датировали серединой II тысячелетия до н. э. (XV в.). И лишь О. А. Кривцова-Гракова еще в начальный период изучения культуры считала возможным относить появление абашевских памятников к XIII в. до н. э. [4]. Итак, в определении времени начального этапа развития абашевской культуры мнения исследователей по сути дела совпадают. Но эти мнения резко расходятся, когда речь заходит о верхней границе существования культуры. Некоторым исследователям эта хронологическая граница недостаточно ясна (О. Н. Бадер), для других — культура исчезает уже в XIV в. до н. э. (А. Х. Халиков, Н. Я. Мерперт), для третьих — существует еще в XIII в. до н. э. (П. Н. Третьяков, А. П. Смирнов, П. Д. Либеров и др.), для четвертых — она только появляется в XIII в. до н. э. (О. А. Кривцова-Гракова). Кстати говоря, дата XIII в. до н. э., установленная О. А. Кривцовой-Граковой в период открытия этой культуры, не так уж одиозна,

[1] Сб. «Абашевская культура в Среднем Поволжье». МИА, 97, 1961.

[2] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967; *О. Н. Евтюхова.* Керамика абашевской культуры Среднего Поволжья. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков». М., 1964, стр. 110 сл.; *Е. Н. Черных.* О металле абашевской культуры. Там же, стр. 97.

[3] *О. Н. Евтюхова.* О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 137.

[4] *О. А. Кривцова-Гракова.* Абашевский могильник. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 92.

если исходить в определении этой даты из известных в то время памятников, которые, возможно, этим временем и датируются.

С неменьшим трудом устанавливается хронология абашевских памятников и в тех областях, где культура не является местной, а появилась в результате расселения с территории Среднего Поволжья и в дальнейшем развивалась во взаимодействии с местными культурами. К таким областям относятся левобережье Среднего Поволжья, Башкирия, Южный Урал и Подонье. Марийская группа абашевских памятников датируется, по А. Х. Халикову, XIV—XI вв. до н. э., а на Урале — концом II тысячелетия до н. э.; по П. Н. Третьякову, на обеих территориях она бытует до конца II тысячелетия до н. э. В Подонье и, вероятно, на Южном Урале, по нашим данным, культура существует и в более позднее время.

Особо следует подчеркнуть хронологию абашевской культуры Башкирии и Южного Урала К. В. Сальникова, который датировал эту группу памятников XVI—XIII вв. до н. э. Однако на последней дате абашевских памятников мы остановимся подробнее несколько ниже.

Таким образом, в хронологии абашевской культуры на основной ее территории и особенно на территориях последующего расселения существует определенный разнобой, вытекающий, на наш взгляд, не столько из недостаточности материала, сколько из-за отсутствия достаточно разработанной типологической классификации памятников, несовершенства методики археологических, а следовательно, и исторических исследований. В самом деле, в результате широких полевых исследований, проведенных в послевоенное время, накопился большой археологический материал; обнаружены и опубликованы новые памятники абашевской культуры в Среднем Поволжье, в Башкирии, Южном Урале, в Нижнем Поволжье и в Подонье, определились, казалось бы, и локальные особенности, при сохранении в них некоторых основных черт абашевской культуры Среднего Поволжья, которые благоприятствуют установлению общей хронологии этой культуры.

И несмотря на это, разнобой и противоречивость трактовки абашевских памятников продолжает существовать. Возьмем, например, памятники этой культуры на Южном Урале, датированные К. В. Сальниковым XVI—XIII вв. до н. э., т. е. более ранним временем, чем абашевские памятники Среднего Поволжья [5]. Если бы это было так, то автору следовало бы удревнить абашевские памятники Среднего Поволжья, откуда ведут свою родословную южноуральские памятники. Однако К. В. Сальников этого не сделал.

Или еще пример. А. Х. Халиков в своем первоначальном варианте хронологии абашевской культуры полагал, что она возникла на основе ямной культуры на территории Среднего и Верхнего Подонья, откуда и проникла в Среднее Поволжье. На этом основании устанавливалась хронология донских комплексов как более ранних по сравнению с средневолжскими [6]. И суть не в том, что А. Х. Халиков позднее отказался от этой трактовки возникновения и развития памятников абашевской культуры [7], а в том, что в самом начале появления подобной трактовки этих памятников не было ни типологической, ни исторической логики и ложность такой последовательности хронологии обнаружилась при первой же проверке.

Но особого внимания заслуживает хронология южноуральских абашевских памятников, разработанная в трудах К. В. Сальникова. В первых работах К. В. Сальников датировал абашевскую культуру Южного

[5] *К. В. Сальников.* Ук. соч., стр. 101—109.

[6] *А. Х. Халиков.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, 97, 1961.

[7] *А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова.* Пешкинский курган (Абашевский человек). Йошкар-Ола, 1966, стр. 28.

Урала последней четвертью II — началом I тысячелетия до н. э. и выводил ее из Среднего Поволжья как результат расселения абашевского населения [8]. Убедительность доказательств абашевской принадлежности южноуральских памятников и их хронологии в то время не вызывала сомнений. Тогда всем было ясно, что абашевские памятники этой группы типологически очень близки средневолжской группе и по своему облику предстают более поздними по сравнению с последними хотя бы потому, что содержат в себе уже некоторые элементы других культур, возникших в результате их взаимодействия. В частности, таким новым и наиболее характерным инокультурным элементом в первую очередь является андроновский меандровый орнамент, особенно сильно проявившийся в керамике Баланбашского поселения [9]. Несколько позднее, уже на этапе малокизильских памятников, появляются парные сквозные отверстия под венчиком на остроребершых сосудах абашевского типа и своеобразный гребенчатый орнамент. Оба эти элемента еще отсутствуют на этапе Баланбаша и тем более в абашевских памятниках Среднего Поволжья, но довольно часто встречаются на керамике андроновского типа на основной территории этой культуры [10].

Как известно, среди андроновской керамики отсутствуют сосуды остроребершой формы абашевского типа, а на абашевской керамике до встречи с андроновцами отсутствуют сквозные отверстия для подвешивания сосуда. Следовательно, абашевская керамика в это время на южноуральской территории воспринимает не только андроновскую орнаментацию, но и сквозные парные отверстия. Об этом приходится говорить потому, что указанные факты имеют очень большое значение для хронологии абашевской культуры как южноуральской группы памятников, так и памятников Подонья. Мы полностью были согласны с первоначальной хронологией абашевских памятников Южного Урала К. В. Сальникова и, как известно, с учетом этого строили схему датировки абашевских памятников Подонья [11].

И как оказалось позднее, эту схему датировки не смогли оспорить ни А. Х. Халиков, который в связи с этим отказался от своей первоначальной точки зрения о прародине абашевской культуры в Подонье, ни сам К. В. Сальников, который в своих последних работах склонен так или иначе связывать абашевскую группу памятников Подонья с южноуральской, ставя первую в зависимость от второй [12].

Позже, начиная с середины 50-х годов, К. В. Сальников эти же южноуральские памятники датируют значительно более ранним временем, т. е. XVI—XIII вв. до н. э., удревнив их по крайней мере на 300 или более лет. При этом селище Баланбаш как наиболее раннее, по нашим данным, из всех памятников абашевской культуры Южного Урала, а затем селища Малокизильское, Береговское I и некоторые другие он относит к XV—XIV вв. до н. э., ставя их в полную синхронность с наиболее ранними абашевскими памятниками Среднего Поволжья.

Но каковы мотивы такой передатировки абашевских памятников Южного Урала? К. В. Сальников изложил их в своей последней работе «Очерки древней истории Южного Урала». Напомним лишь некоторые из них. 1. Для доказательства новой датировки автор использует стратиграфию культурных наслоений на поселении Береговское I как основу передатировки. 2. Согласно автору, эту датировку подтверждает и костя-

---

[8] *К. В. Сальников.* Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI, 1954.

[9] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, стр. 131—137, табл. X—XXII.

[10] *В. С. Сорокин.* Андроновская культура, вып. 1. САИ, В3-2, М.— Л., 1966, табл. XVIII, XXI, XXII, XXX.

[11] *П. Д. Либеров.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 111.

[12] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 142, 143.

ной псалий из селища Баланбаш [13], который А. М. Лесков датировал XVI в. до н. э. на основании аналогий из Микенских шахтовых гробниц [14]. 3. Кремневый наконечник стрелы сейминского типа со стержнем для насада, который М. Гимбутас и Н. Я. Мерперт датируют XV—XIV вв. до н. э.[15] Эта дата, по К. В. Сальникову, считается общепризнанной, хотя, как известно, В. А. Городцов датирует Сейминский могильник XIV—XIII вв. до н. э.[16], а Тальгрен — 1300—1100 гг. до н. э.[17], т. е. значительно более поздним временем. 4. Наконец, датировка К. В. Сальникова исходит из сходства бронзовых височных колец в 1,5 оборота, бронзовых копий с несомкнутой втулкой и ряда других вещей, найденных в погребениях Покровского могильника, который в последнее время датируется Н. Я. Мерпертом и М. Гимбутас XV в. до н. э.[18]. И с этим К. В. Сальников полностью согласен [19].

Таблица 1

Культура	Глубина, *см*											
	до 40		40—80		80—100		100—160		яма — погр.		Всего	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
На межземляночном пространстве												
Абашевская	24	9,0	217	82,0	24	9,0	—	—	—	—	265	100
Срубная	40	23,1	117	67,6	16	9,3	—	—	—	—	173	100
На площади жилища												
Абашевская	1	2,0	15	30,6	14	28,6	9	18,4	10	20,4	49	100
Срубная	4	1,1	17	10,4	49	13,7	90	25,2	177	49,6	357	100

Таковы основные мотивы для новой датировки абашевских памятников южноуральской группы по К. В. Сальникову. Чтобы проверить степень прочности и убедительности приведенных доказательств новой хронологии, мы попытаемся рассмотреть те факты, которые использовал К. В. Сальников.

Рассмотрим эти факты. 1. Говоря о культурном слое поселения Береговское I, автор видит в нем наслоение двух культур: абашевской и срубной, которые, согласно тому же автору, в слое за пределами жилища встречались вместе и стратиграфически никак не разделялись [20]. Однако это не помешало ему заключить, что население абашевской культуры здесь бытовало раньше, а позднее пришло население срубной культуры, остатки которой особенно заметны в жилище раскопа № 3. Хронологически эта последовательность представлена автором в следующем виде: абашевский слой датируется XV—XIII вв. до н. э., а верхний, срубный слой относится к более позднему времени.

Насколько обоснован этот вывод, мы покажем на анализе табл. 1, которую приводит К. В. Сальников [21].

Не признавая такой подсчет керамики для выражений послойного ее соотношения методически удачным, мы попытаемся сопоставить это соот-

[13] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 135, табл. XXI, *5*.
[14] *А. М. Лесков.* Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова. СА, 1964, 1, стр. 299.
[15] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 101.
[16] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Императорского Исторического музея за 1914 год. М., 1916, стр. 222.
[17] *A. M. Tallgren.* La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, 1926, t. II, p. 142.
[18] *Н. Я. Мерперт.* Срубная культура Южной Чувашии. МИА, 111, IV, 1962, стр. 21.
[19] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 102.
[20] Там же, стр. 104.
[21] Там же, стр. 105.

ношение иначе. Оставив в таблице количественное соотношение керамики по слоям, мы изменили лишь подсчет процентов не по горизонтам, где каждая культура рассматривается отдельно, как это сделано у К. В. Сальникова, а по вертикали — отношение фрагментов керамики одной культуры к другой в одном и том же слое. В этом случае положение будет совершенно иным (табл. 2).

Уже эти данные показывают, что, во-первых, срубная и абашевская керамика на межземляночном пространстве встречается вместе, начиная с самого низа культурного слоя, и это положение сохраняется еще на его поверхности, где абашевская керамика занимает более чем одну треть (37,5%); во-вторых, на площади жилища при абсолютном преобладании срубной керамики и наряду с ней, встречается и абашевская керамика

Таблица 2

Культура	Глубина, *см*										всего	
	до 40		40—80		80—100		100—160		яма — погр.			
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
На межземляночном пространстве												
Абашевская	24	37,5	217	65,0	24	60,0	—	—	—	—	265	60,5
Срубная	40	62,5	117	35,0	16	40,0	—	—	—	—	173	39,5
	64	100	334	100	40	100					438	100,0
На площади жилища												
Абашевская	1	20,0	15	47,0	14	22,0	9	9,0	10	5,3	49	12,7
Срубная	4	80,0	17	53,0	49	78,0	90	91,0	177	94,7	337	87,3
	5	100	32	100	63	100	99	100	187	100	386	100,0

во всех слоях, и в том числе в яме, что указывает на сосуществование обеих культур на всем протяжении жизни поселения; в-третьих, не будучи знакомы с принципами определения керамики, мы не знаем и того, насколько правильно она отнесена к той или иной культуре. Между тем хорошо известно, что абашевская керамика Подонья, теряя со временем некоторые свои особенности (примесь ракушки в тесте, орнаментация), сохраняет еще свои формы сосудов и приобретает рантик на днище. Утеря некоторых особенностей абашевской керамики нередко служила основанием для отнесения ее к другой, чаще всего срубной культуре. Это обстоятельство, по-видимому, сказалось и на концепции автора; наконец, в-четвертых, заполнение нижних слоев землянки, надо полагать, шло за счет верхней части культурного слоя межземляночного пространства, что и нашло отражение в соотношении керамики в заполнении жилища.

Таким образом, не возражая в основном против мысли о том, что жилище могло возникнуть в несколько более позднее время, чем поселение, мы не можем согласиться с датой, установленной К. В. Сальниковым. Дата поселения сравнительно более поздняя и, по-видимому, не раньше последней четверти II тысячелетия или скорее рубежа II—I тысячелетий до н. э., а сложение культурного слоя происходило на основе сосуществования срубной и абашевской культур.

Заслуживает внимания и тот факт, что среди опубликованной керамики имеется андроновская (типа Алексеевского поселения) [22] и, вероятно, абашевская [23] керамика. Керамике последних двух культур автор не уделил необходимого внимания, хотя в датировке поселения они должны были занимать не последнее место. Мы полагаем, что находки кера-

[22] Там же, стр. 202, рис. 27, *3, 10, 12*; 28, *8*.
[23] Там же, стр. 202, рис. 27, *9*; 28, *1*.

мики трех культур на поселении Береговское I не удревняют, а поднимают вверх дату этого поселения.

Вещевой материал поселения Береговское I встречает себе хорошие аналогии в материале также Алексеевского поселения. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить лопаточковидные бронзовые привески Береговского I поселения [24] с такими же привесками из Алексеевского поселения [25]. Нам представляется также, что недоверие автора к дате 1060±70 лет до н. э., полученной на основе радиоуглеродного метода на материале Нижнечуракаевского поселения, входящего, по К. В. Сальникову, в эту же группу памятников, не совсем обоснованно [26], так как керамический материал типологически не противоречит, а скорее подтверждает эту дату [27]. Нам представляется, что керамический материал Нижнечуракаевского поселения типологически стоит ближе к керамике Малокизильского поселения [28], чем селища Баланбаш [29].

Что касается датировки костяного псалия с Баланбаша, по А. М. Лескову, то, по нашему глубокому убеждению, она не соответствует действительности, ибо дана в отрыве от археологического комплекса. Мы думаем, что баланбашский комплекс в целом нельзя относить ко времени ранее XIII в. до н. э., поскольку в нем встречаются более поздние типы абашевской керамики, несущие на себе элементы андроновской культуры. Следовательно, и упомянутый псалий не может быть ранее этой даты. Существование таких псалиев в XIII—XII вв. до н. э. на территории Восточной Европы, по-видимому, убедительно доказывается костяным же псалием этого типа, найденным в комплексе керамики у пос. Каменка близ Керчи [30].

Однако к датировке баланбашского комплекса мы попытаемся подойти несколько с другой стороны, сопоставив его с комплексом вещей из Пепкинского кургана. В своей статье, специально посвященной публикации комплекса из Пепкинского кургана, А. Х. Халиков датировал его начальным периодом абашевской культуры, т. е. XV в. до н. э. В этой дате мы глубоко сомневаемся, хотя бы потому, что этот курган хронологически так же далек от центральных, на наш взгляд, более ранних памятников, как марийские левобережные памятники абашевской культуры от правобережных. Во-вторых, комплекс вещей этого кургана имеет себе аналогии в более поздних памятниках. Возьмем, например, глиняные тигли на высоком поддоне, которые встречаются в марийской курганной группе [31] и на Баланбашском поселении [32]. Соответствующие аналогии имеют место и в литейных формах вислообушных топоров, в данном случае по сходству втулки проуха вислообушного топора [33]. Более того, А. Х. Халиков сам видит аналогию пепкинской литейной формы в литейной форме из кург. 2 у с. Кондрашовки в Подонье, найденной вместе с весьма выразительным абашевским сосудом [34].

Любопытно также, что и костяные булавки из Пепкинского кургана, только один раз встреченные в абашевских комплексах Средней Вол-

---

[24] Там же, стр. 188, рис. 22, *8*.

[25] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, 1948, стр. 112, рис. 39.

[26] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 108.

[27] Там же, стр. 24, рис. 2, *1—9*.

[28] Там же, стр. 26, рис. 3, *1—8*.

[29] Там же, стр. 76, рис. 11, *1—9*.

[30] *В. Д. Рыбалова.* Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи. СА, 1966, 4, стр. 178, рис. 1 и 2.

[31] *А. Х. Халиков.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, 97, 1961, табл. X, *1*.

[32] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 137, табл. XII.

[33] *А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова.* Пепкинский курган, табл. VIII, *б*; Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 137, табл. XXII, *3, 4*.

[34] *П. Д. Либеров.* Ук. соч., стр. 112, рис. 45, *1*.

ги [35], имеют себе аналогии в Подонье. Одна булавка из кург. 1 у с. Кондрашовки была в комплексе с костяным псалием баланбашского типа [36] и абашевским остроребериым сосудом типа Малокизильского поселения [37]. Другая булавка из кургана у с. Левая Россошь также была найдена в комплексе абашевских вещей — керамики и бронзового ножа [38].

Кремневые наконечники стрел так называемого сейминского типа с шипами и стержнем для насада не дают никаких оснований для отнесения пепкинского комплекса к столь раннему времени. Уже Тальгрен, датировав сейминскую культуру 1300—1100 гг. до н. э., определил рамки бытования наконечников стрел этого типа. Последующие исследования не опровергают, а подтверждают эту дату. Не раньше этого времени, если не позднее и кремневый наконечник стрелы из поселения Береговское I [39]. Он убедительно контролируется кремневыми наконечниками стрел из Алексеевского [40] и Садчиковского [41] поселений, дата которых — начало I тысячелетия до н. э., на наш взгляд, прочно утвердилась в археологической науке.

Этим же временем, надо полагать, датируется и комплекс вещей из кург. 8 погр. 4 у станицы Арчадинской, раскопанной в 1959 г. В. П. Шиловым. В нем оказались аналогичные кремневые наконечники стрел в сопровождении костяных наконечников стрел, и в том числе трехгранной формы с внутренней втулкой [42], имеющей аналогии среди таких же стрел Садчиковского поселения [43]. Подобные аналогии имеются и в ряде других памятников (покровская курганная группа — кург. 8; кург. 14; кург. 15, погр. 2) [44], но всегда в таком сочетании комплексов, которые не могут быть отнесены ко времени ранее последней четверти II или рубежа II—I тысячелетий до н. э.

Костяные наконечники стрел указанного выше типа никогда не сопровождают комплексы ранней или даже средней бронзы, но часто встречаются в памятниках эпохи поздней бронзы и особенно в памятниках времени Садчиковки и чернолесской культуры [45], смыкающихся с памятниками эпохи раннего железа.

Таким образом, типологическая близость и связи комплекса Пепкинского кургана с более поздними памятниками абашевской культуры марийской группы, Южного Урала (Баланбаш) и Среднего Дона довольно убедительно определяют хронологию пепкинского комплекса значительно более поздним временем, чем это установлено А. Х. Халиковым. Согласно нашим данным, его наиболее достоверной датой может быть последняя четверть II тысячелетия до н. э.

Выше было отмечено, что абашевская керамика Южного Урала на баланбашском этапе часто украшалась меандровым орнаментом, характерным для андроновской культуры, который нередко встречается и на керамике Среднего Дона. Кроме того, в памятниках Южного Урала уже

[35] *А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова.* Ук. соч., табл. VII, *1—15.*

[36] *П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков.* Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961, стр. 88, рис. 31, *4.*

[37] Там же, стр. 88, рис. 31, *2*; *П. Д. Либеров.* Ук. соч., стр. 112, рис. 45, *3.*

[38] *П. Д. Либеров.* Отчет о раскопках за 1963 год. Архив ИА АН СССР, Р1-2682, стр. 41—44.

[39] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 39, рис. 5, *6.*

[40] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение и могильник, стр. 121 и 163, рис. 45.

[41] *О. А. Кривцова-Гракова.* Садчиковское поселение. МИА, 21, 1951, стр. 170, 181, рис. 19.

[42] *В. П. Шилов.* Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. АСб. ГЭ, 6, 1964, стр. 86, рис. 3.

[43] *О. А. Кривцова-Гракова.* Садчиковское поселение, стр. 164, рис. 14.

[44] *P. S. Rykov.* Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. ESA, t. I. Helsinki, 1927, S. 80, Abb. 23; *A. M. Tallgren.* Op. cit., p. 76, fig. 50; p. 79. fig. 54.

[45] *А. И. Тереножкин.* Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 95, рис. 66.

позднее, на этапе малокизильской группы, появляется своеобразный орнамент мелкогребенчатого штампа не только в виде меандра, но и в виде других геометрических фигур, образующих круговые и ломаные полоски. Этот орнамент, на наш взгляд, известен только на керамике Соль-Илецкой и Актюбинско-Орской групп [46], откуда, надо полагать, он проникает и в малокизильскую группу [47], а затем в Подонье и далее на запад. Если в указанной последовательности распространения этого орнамента есть какая-то доля истины, то следует иметь в виду, что на Дону и в Поволжье он датируется более поздним временем, чем на Южном Урале. Поэтому керамика Владимировского кургана на Дону [48] в ее срубной и андроновской формах, и тем более керамика у Моечного озера на Волге [49], а также белогрудовской [50] и бондарихинской [51] культур, несущие на себе подобный орнамент, требуют не понижения, а повышения даты абашевских памятников малокизильского и среднедонского типов. Кроме того, остроребериые сосуды абашевского типа с отверстиями под венчиком для подвешивания известны уже в малокизильских памятниках Южного Урала и в Подонье. На территории Подонья они найдены в значительном числе и как новый тип керамики характерны для эпохи поздней бронзы, начиная с конца II до начала I тысячелетия до н. э. Чтобы не быть голословным, обращусь к характеристике некоторых комплексов из погребений 2 и 8 кург. 1 у с. Старая Тойда. Аннинского р-на Воронежской обл.[52] Погребение 2 совершенно в неглубокой могиле, женский костяк скорчен, на левом боку, головой на северо-восток. Костяк лежал на глиняной подмазке, перекрытой древесной корой; сверху костяк присыпан пеплом. В верхней части грудной клетки найдено более двух десятков мелких бус белого цвета и среди них две ромбические бляшки из белого металла (сурьма) [53]. У кистей рук были обломки бронзового желобчатого браслета и, возможно, бронзовые височные привески у черепа, совершенно истлевшие.

У головы и колен стояло по горшку. Сосуды явно абашевского типа, с примесью толченой ракушки в тесте [54]. Таким образом, в этом погребении сочетается погребальный обряд и инвентарь двух культур: положение костяка отражает обряд срубной культуры, подстилка и инвентарь — абашевскую культуру. Однако следует подчеркнуть, что среди этого инвентаря имеется две сурьмяные бляшки, которые по составу металла и по форме северокавказского происхождения. На Северном Кавказе они обычны и найдены в ряде погребений Каякентского (Дагестан), Кедабекского и «Редькин лагерь» (Азербайджан) могильников, а также в Хорочоевском могильнике (Чечня) [55]. Эти бляшки на Северном Кавказе датируются самым концом II и началом I тысячелетий до н. э. Следо-

---

[46] *В. С. Сорокин.* Ук. соч., табл. XVIII—XXII (могильники Кара-Бутак, Кумак, Мечет-Сай, Увак и Пятимары).

[47] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 26, рис. 3, *4*.

[48] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 88, рис. 17, *4, 5*.

[49] *А. Е. Алихова.* Комаровское поселение у Моечного озера. МИА, 61, 1958, стр. 174, 175, рис. 13, *1, 3*; 14, *4*.

[50] *А. И. Тереножкин.* Ук. соч., стр. 49, рис. 26, *2*; стр. 51, рис. 27, *1*.

[51] *В. А. Ильинская.* Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскол. КСИА АН УССР, 8, 1959, стр. 80, табл. I, *8*.

[52] *П. Д. Либеров.* Отчет о раскопках за 1965 год. Раскопки вел *Г. И. Корнюшин.* Архив ИА АН СССР, р-1, № 3126, стр. 9. Альбом, р-1, № 3126а, табл. LXVI, *4, 5*; *Г. И. Корнюшин.* Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области. КСИА АН СССР, 1927, 1971, стр. 78—85.

[53] *Г. И. Корнюшин.* Ук. соч., стр. 83, рис. 34, *3, 4*.

[54] Там же, стр. 81, рис. 32, *6*.

[55] *Е. И. Крупнов.* Каякентский могильник, памятник древней Албании, Тр. ГИМ, XI, 1940, стр. 5, табл. I, *4—8*; *В. И. Долбежев.* Раскопки могильника у с. Каякент. ОАК за 1898 г., СПб., 1901, стр. 142, сл.; *А. А. Ивановский.* Исследования в Закавказье. МАР, VI, М., 1911, табл. VI, рис. 7 и 9; *А. П. Круглов.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 72, рис. 25, *17*.

вательно, датировка их на Дону раньше этого времени не представляется возможной. Скорее эта дата определяется началом I тысячелетия до н. э.

Погребение 8 расположено в поле той же части кургана в очень мелкой могиле с деревянным погребальным сооружением, состоявшим из двух столбов в северном конце могилы, плах по краям могилы и деревянного перекрытия. Костяк лежал в том же положении на глиняной подмазке и подстилке из древесной коры, но головой на север. За спиной костяка стояли два сосуда: один баночной формы, второй остроребериый абашевского типа, с двумя отверстиями под венчиком для подвешивания [56]. Оба сосуда содержали большую примесь толченой ракушки в тесте. В головах найдены две бронзовые лопаткообразные височные подвески [57] и бронзовый нож [58]. Хронологическая близость этих погребений не вызывает сомнений. Это означает, что абашевская культура в Подонье еще заметно проявляется в конце II — начале I тысячелетий до н. э.

При рассмотрении вопроса о хронологии абашевских памятников сам собой напрашивается вопрос о хронологии комплексов покровской курганной группы, которая в вещевом погребальном инвентаре, по нашим данным, имеет значительный элемент абашевской и хронологически близкой к ней сейминской культур. Об этом следует говорить потому, что до сих пор вслед за В. А. Городцовым, который отнес покровские памятники к срубной культуре, многие исследователи по традиции также считают их срубными. Но так ли это?

Обратимся к их рассмотрению. Во-первых, среди керамики покровских комплексов, опубликованной отчасти Тальгреном [59], нет той остроребериой срубного типа, которая профилирует эту культуру. И это зависит, на наш взгляд, не только от хронологии памятника, но и от культурной его принадлежности. Более того, керамика Покровского могильника имеет большое количество примеси толченой ракушки в тесте, которая также не характерна для керамики срубной культуры. Во-вторых, бронзовые копья сейминского типа, а также кольцеобразно округленные бронзовые височные привески в 1,5 оборота не могут быть отнесены к срубной культуре. В-третьих, бронзовые ножи имеют самую разнообразную форму и скорее всего зависят от форм ножей турбинско-сейминской культуры. В-четвертых, нельзя не видеть в этих комплексах явно абашевских черт. К ним можно отнести, например, некоторые формы сосудов, содержащих примесь толченой ракушки в тесте, бронзовые височные привески в 1,5 оборота, круглой формы, ножи с коническим концом рукоятки и некоторые украшения.

Мы не отрицаем наличия некоторых форм керамики, близких срубной и отчасти андроновской культурам, но большая часть инвентаря Покровского могильника не может быть отнесена к этим культурам. В нем ощущается явный и преобладающий элемент культур северного происхождения, и в том числе сейминской и абашевской. Поэтому ныне невозможно говорить только о срубном происхождении покровских курганов и не видеть сильного влияния других культур. Сочетание элементов сейминско-абашевской и срубно-андроновской культур в Покровском могильнике в свою очередь указывает на вероятную дату основной части комплексов Покровского могильника. Хронология Покровского могильника не может быть старше памятников Баланбашского поселения, где встречается абашевская керамика с керамикой андроновской культуры. На это указывают, во-первых, наличие некоторой части андронов-

[56] *Г. И. Корнюшин.* Ук. соч., стр. 31, *1, 2.*
[57] Там же, стр. 83, рис. 34, *5, 8.*
[58] Там же, стр. 83, рис. 34, *9.*
[59] *A. M. Tallgren.* Op. cit., p. 72—80, fig. 49—54; *P. S. Rykov.* Op. cit., S. 55, 56, Abb. 8, *12, 14;* S. 73—84, Abb., 18, *20, 22—24.*

ских форм керамики и вместе с тем бедность и простота ее орнаментации вообще и андроновской керамики в особенности. Во-вторых, отсутствие форм керамики малокизильского типа и особенно остроребер-ных сосудов с отверстиями под венчиком для подвешивания. Следовательно, самой нижней датой покровских комплексов может быть рубеж XIII—XII вв. до н. э. Этому не противоречит датировка сейминской культуры XIV—XIII в. до н. э., по В. А. Городцову, и 1300—1100 гг. до н. э., по Тальгрену. Более того, датировка памятника Тальгреном является наиболее приемлемой, если принять во внимание наличие копий сейминского типа. К наиболее поздним комплексам абашевской культуры относится комплекс из кург. 14 Покровского могильника, состоявший из двух орнаментированных сосудов с примесью толченой ракушки в тесте и четырех костяных наконечников стрел [60]. Один сосуд остроребер-ной формы с отверстиями для подвешивания под венчиком и второй, более крупный, с открытым горлом и плоским дном. Среди наконечников стрел два четырехгранной ромбической формы с внутренней втулкой.

Опираясь на датировку Алексеевского и Садчиковского поселений, подобный комплекс можно датировать не раньше рубежа II—I тысячелетий до н. э. или даже целиком началом I тысячелетия до н. э. [61].

Таким образом, от Сеймы и Абашева нить тянется к покровским памятникам и к комплексам карамышских погребений той же Саратовской области. Мы имеем в виду погр. 1 в кургане у станции Карамыш, где прекрасное бронзовое копье сейминского типа было найдено вместе с малым остроребер-ным сосудом абашевской культуры с двумя отверстиями под венчиком [62], почему-то опубликованным К. В. Сальниковым среди срубной керамики. Этот сосудик кроме обычных горизонтальных и скошенных линий, сделанных зубчатым штампом, украшен оттисками того же штампа, изображающим кресты и свастику.

Кресты и свастика известны на сосудах владимировских курганов, по-видимому, хронологически близких комплексам из Карамышского кургана. Кстати, в этом же кургане был найден второй аналогичный сосудик без орнамента, но с такими же отверстиями под венчиком [63], который опубликован К. В. Сальниковым уже среди абашевской керамики [64].

Из разрушенных погребений в насыпи Карамышского кургана найден также ряд других предметов: костяной наконечник стрелы трехгранной формы с внутренней втулкой [65]; кремневые наконечники стрел [66], керамика с примесью толченой ракушки, бронзовая оковка деревянного сосуда [67] и др. Согласно нашей хронологии, все вещи из Карамышского кургана могут быть датированы более поздним временем, чем малокизильские памятники, т. е. концом II тысячелетия, может быть, рубежом II—I тысячелетий до н. э. или даже позднее. Довольно убедительным основанием для такой даты являются упомянутые выше комплексы из кургана у с. Старая Тойда. Но если это так, то хронология бронзовых копий сейминского типа может быть растянута до начала I тысячелетия до н. э. В этом нет ничего удивительного, если иметь в виду продолже-

---

[60] *P. S. Rykov.* Op. cit., S. 80, Abb. 23.

[61] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение..., стр. 163; *ее же.* Садчиковское поселение..., стр. 181.

[62] *Е. К. Максимов.* Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области. Археологический сборник, вып. I. Саратов, 1956, стр. 115 сл., рис. 66; *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 165, рис. 19, *17.*

[63] *Е. К. Максимов.* Ук. соч., стр. 122, рис. 70, *2.*

[64] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 85, рис. 13, *25.*

[65] *Е. К. Максимов,* Ук. соч., стр. 119, рис. 68, *1.*

[66] Там же, стр. 118, рис. 67.

[67] Там же, стр. 121, рис. 69.

ние их формы в бронзовых копьях Северного Кавказа, которые Н. В. Анфимов датирует VIII — первой половиной VII в. до н. э.[68]

В связи с упомянутым выше комплексом из погр. 1 Карамышского кургана, являвшегося, по-видимому, основным в группе, хотелось бы подчеркнуть еще находку пяти кремневых наконечников стрел с прямоугольным основанием и со стержнем для насада, которые относятся к разрушенному погребению в насыпи. Если возможно допустить датировку грунтового погр. 1 хотя бы концом II тысячелетия до н. э., то естественно, что кремневые наконечники стрел из насыпи не могут датироваться ранее этого времени. Следовательно, следует также допустить, что кремневые наконечники стрел этого типа существовали до конца эпохи бронзы или даже до переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Поэтому датировка комплексов столь ранним временем на основании наличия в них подобных кремневых наконечников стрел не может быть принята всерьез.

Таким образом, рассмотренные нами памятники абашевской культуры привели нас к несколько более дифференцированной их хронологии, а именно:

1. Если абашевские памятники правобережья Среднего Поволжья в общем датируются XV—XIII вв. до н. э., то Пепкинский курган относится не к XV в. до н. э., а знаменует собой верхний и наиболее четкий рубеж их бытования на этой территории. Вполне возможно, что более конкретное изучение абашевских памятников на этой территории приведет к открытию других комплексов, расширяющих границу их существования.

2. Принимая существующую датировку марийской группы памятников начиная с XIII в. до н. э. и выше, мы склонны этим же временем датировать памятники абашевской культуры и на Южном Урале (Баланбаш), в Саратовском Поволжье (покровские курганы) и в Подонье (кондрашевская группа).

3. Памятники марийской группы, Южного Урала, Нижнего Поволжья и Подонья, как показывает их хронология, продолжают свое развитие и в более позднее время вплоть до рубежа II—I и даже до начала I тысячелетия до н. э. Взаимодействуя с другими культурами на этих территориях, обогащаясь за счет связей с ними и в свою очередь претерпевая их влияние, они изменяют свой облик.

4. Наличие комплексов абашевской культуры на Среднем Дону в первой четверти I тысячелетия до н. э. доказывается богатым комплексом погр. 1 из кург. 1, открытым в 1967 г. на р. Девице у с. Хохол Воронежской обл. Погребение находилось в насыпи кургана в ящике из дубовых плах, костяк не сохранился, но по расположению вещей, надо полагать, костяк лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Богатый комплекс вещей состоял из бронзовой витой гривны, бронзовых же очковой подвески, браслетов, круглых привесок в 1,5 оборота, шила, разных бляшек и других предметов[69]. Бронзовая гривна находит себе аналогии в позднекобанских памятниках[70], в Акозинском могильнике[71], в лужицкой культуре[72] и в ряде памятников эпохи раннего железа[73]; бронзо-

---

[68] *Н. В. Анфимов.* Протомеотский могильник с. Николаевского. Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961, стр. 119, табл. II, *1—6.*

[69] *А. Д. Пряхин.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, стр. 118, рис. 36.

[70] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 136, табл. II, *1*; III, *2.*

[71] *А. Х. Халиков.* Железный век Марийского края. Тр. МАЭ, т. II. Йошкар-Ола, стр. 57, табл. XI, *2, 3.*

[72] *I. Kostrzewski.* Kultura luźycka na Pomotzu. Poznan, 1958, s. 192, fig. 148, *3.*

[73] *А. А. Бобринский.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III. СПб., 1901, табл. VI, *2, 7.*

вые бляшки с боковыми отверстиями для пришивания, известные и в абашевских памятниках Среднего Поволжья, также очень часто встречаются в погребениях раннего железа на Среднем и Нижнем Дону, в скифских и савроматских погребениях.

5. Принимая на данном этапе факт довольно быстрого переселения абашевского населения из правобережья Среднего Поволжья (чувашская группа) в его левобережье (марийская группа), в Саратовское Поволжье, на Южный Урал и Подонье, мы приходим к выводу, что причиной этого переселения был, по-видимому, какой-то внешний толчок, который не мог быть ни с севера, ни с юга, ни с востока или юго-востока, ибо в этих направлениях шел процесс переселения абашевских племен. Наиболее вероятным этот внешний толчок мог быть из западных областей. Какая большая племенная группа или ряд племен приняли на себя эту роль, мы сказать сейчас не можем. Дальнейшие исследования, по-видимому, помогут разрешить эту проблему.

P. D. Libérov

LA CHRONOLOGIE DE LA CULTURE D'ABACHEVO

Résumé

Se gardant d'avancer une hypothèse quelconque sur l'origine de la culture d'Abachévo, l'auteur prend pour point de départ la phase initiale de la chronologie existante, c.à.d. qu'il fait commencer cette dernière au milieu du IIe millénaire av.n.è. L'étape suivante de l'évolution de la culture abachévienne est sa diffusion, au XIIIe s. av.n.é., sur la rive gauche de la moyenne Volga (groupe des Mari), allant par la Kama vers le le sud de l'Oural (Balanbach-Kizil-Magnitogorsk ets.), le cours moyen du Don et la basse Volga. Selon l'auteur, cette diffusion, et le processus suivant d'évolution de la culture d'Abachévo, s'effectuèrent dans les conditions compliquées des rapports avec des porteurs d'autres cultures, et de leur influence réciproque. En prèsence d'un tel développement de la culture abachévienne, l'auteur estime injustifiée la révision de la datation de ses monuments; cette révision, entreprise par K. V. Salnikov et quelques autres spécialistes, attribue à cette culture des dates bien plus reculées pour cette région ainsi que pour d'autres endroits (le village de Bérégovskoïé I, Balanbach, le cimetière de Pokrovsk, le kourgane de Pepkino, etc.). Jusqu'à présent on manque de faits exigeant la nécessité de reviser la datation des villages d'Alexéiévo et de Sadtchikovka, que O. A. Krivtsova-Grakova a datés d'une façon assez sûre d'une période à la limite des Ier et IIe millénaires av.n.è. Cette datation est basée sur des pointes de flèches en os et d'autres objets dont les formes sont prédominantes. C'est pourquoi les monuments dans lesquels se trouvent des pointes de flèches en os du type indiqué mêlées á des pointes en silex, ne peuvent être datés uniquement en se basant sur ces dernières.

М. Н. ПОГРЕБОВА

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН В ВОСТОЧНОЕ ЗАКАВКАЗЬЕ В ДОСКИФСКУЮ ЭПОХУ

Среди погребальных памятников Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа выделяется группа курганов, сосредоточенных в Восточном Закавказье и отличающихся сложным и необычным погребальным ритуалом. Для них характерны деревянные конструкции внутри могильной ямы, сопровождающие конские захоронения и большей частью следы огня, игравшего определенную роль в обряде.

В выделенную группу входят 11 курганов, расположенных в степи у г. Кировабада (бывш. Елизаветполь) [1], два кургана у г. Ханлара (бывш. Еленендорф) [2], курган, расположенный на его южной окраине, на участке, принадлежавшем в то время колонисту Эстерле [3], курган у селений Баллукая и Сирховенде и, очевидно, курган 2 Ходжалинского могильника в Нагорном Карабахе [4] и группа курганов Мингечаурского могильного поля [5].

Хотя перечисленные комплексы в различной связи упоминались многими исследователями, но специальному изучению они подвергнуты не были. Между тем вопросы детальной хронологии этой группы погребений, анализа представленного в ней обряда и ее места в общей системе памятников Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа представляют несомненный интерес для истории как собственно Закавказья, так и прилегающих районов.

Погребения с деревянными конструкциями и сопровождающими конскими захоронениями по их географическому положению и инвентарю относят к так называемой ходжалы-кедабекской культуре [6], составляющей восточный вариант центральнозакавказской археологической культуры. Н. В. Минкевич-Мустафаева относит большинство перечисленных погребений к выделенному ею развитому этапу ходжалы-кедабекской культуры (XI—IX вв. до н. э.) и несколько — к позднему (IX—VII вв. до н. э.) [7].

---

[1] ИАК, 12. СПб., 1904, стр. 49 сл.; ОАК за 1901 г., СПб., 1902, стр. 93 сл.; ИАК, 16, 1905, стр. 2 сл.

[2] *Я. И. Гуммель.* Погребальный курган близ Еленендорфа. Баку, 1931; *J. Hutmel.* Zur Archäologie Azerbaidzans. ESA, VIII, p. 215—218, 232.

[3] ОАК за 1899 г. СПб., 1902, стр. 68.

[4] ОАК за 1894 г. СПб., 1896, стр. 19; *К. Х. Кушнарева.* Ходжалинский могильник. ИФЖ, 1970, 3.

[5] *Г. М. Асланов, Р. М. Вайдов, Г. И. Ионе.* Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 90—116; см. также *Т. А. Бунятов.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 97.

[6] Рамки данной статьи не позволяют вдаваться в вопрос о принципах выделения ходжалы-кедабекской культуры, выделения, как представляется, несколько искусственного. Употребляя в ходе изложения это условное название, автор имеет в виду памятники, расположенные на территории Западного Азербайджана и относящиеся к эпохе поздней бронзы и раннего железа.

[7] *Н. В. Минкевич-Мустафаева.* Памятники трех основных групп ходжалы-кедабекской культуры на территории Азербайджанской ССР и их датировка. МКА, IV. Баку, 1962.

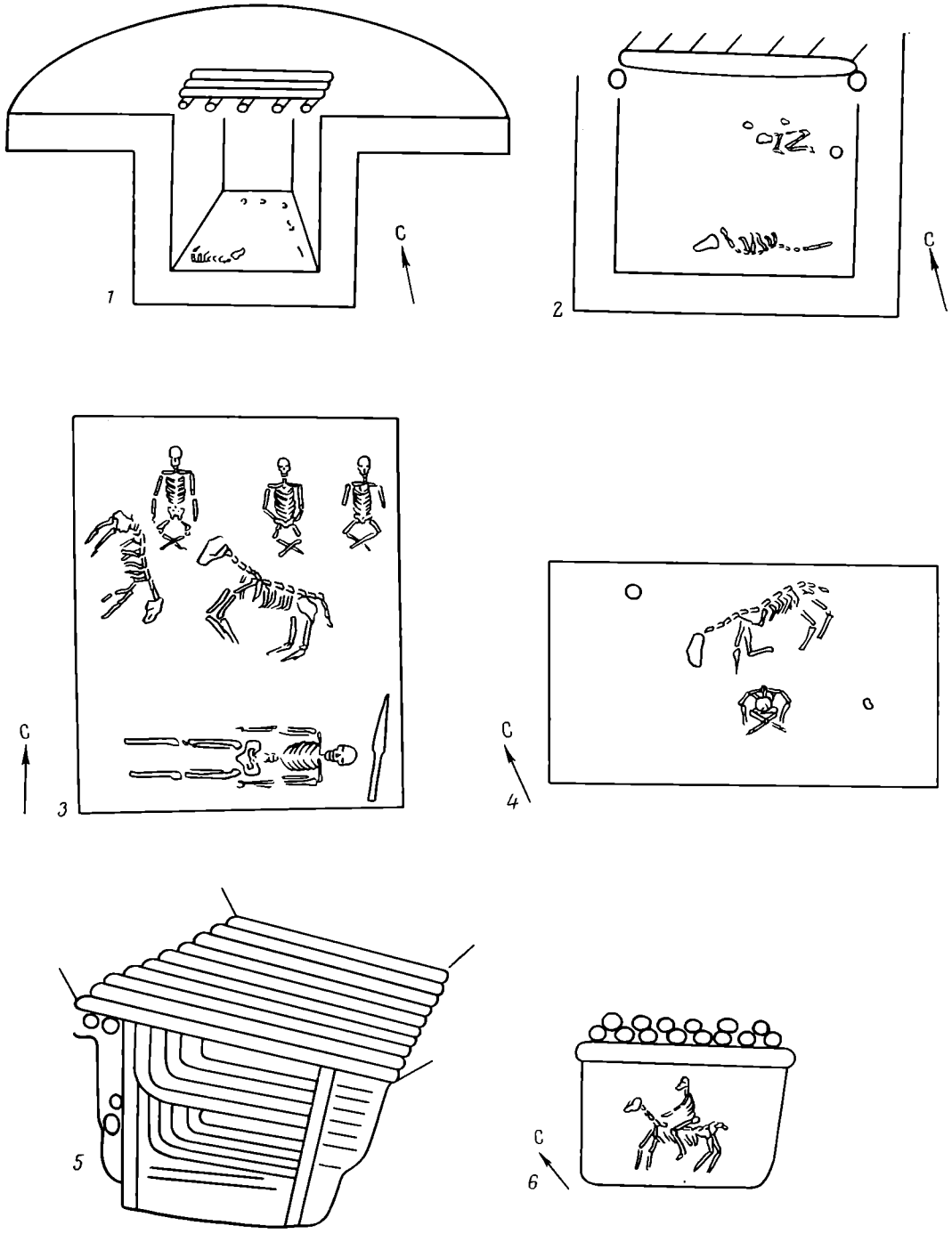


Рис. 1. Курганы у Кировабада. Планы погребений и могильные сооружения (по «Отчетам» и «Известиям» Археологической комиссии). *1* – кург. 3 (могила 3,4 × × 1,63 *м*), один скелет лошади; *2* – кург. 9 (могила 2,5 × 1,74 *м*), кости лошади; 3 – кург. 7 (могила 4 × 3,4 *м*), два лошадиных скелета в могиле, три – над могилой; *4* – кург. 10 (могила 3 × 2 *м*), один скелет лошади; *5* – Паша-Тапа, деревянное сооружение; *6* — кург. 11 (могила 1,62 × 1,48 *м*), погребение «всадника»

Все погребения сопровождались богатым инвентарем.

Географически перечисленные курганы можно разделить на три основные группы — кировабадскую (елизаветпольскую), ханларскую (еленендорфскую) и мингечаурскую. Все перечисленные памятники отличаются обширными погребальными грунтовыми камерами, в которых так или иначе присутствуют элементы деревянного сруба, иногда довольно сложной

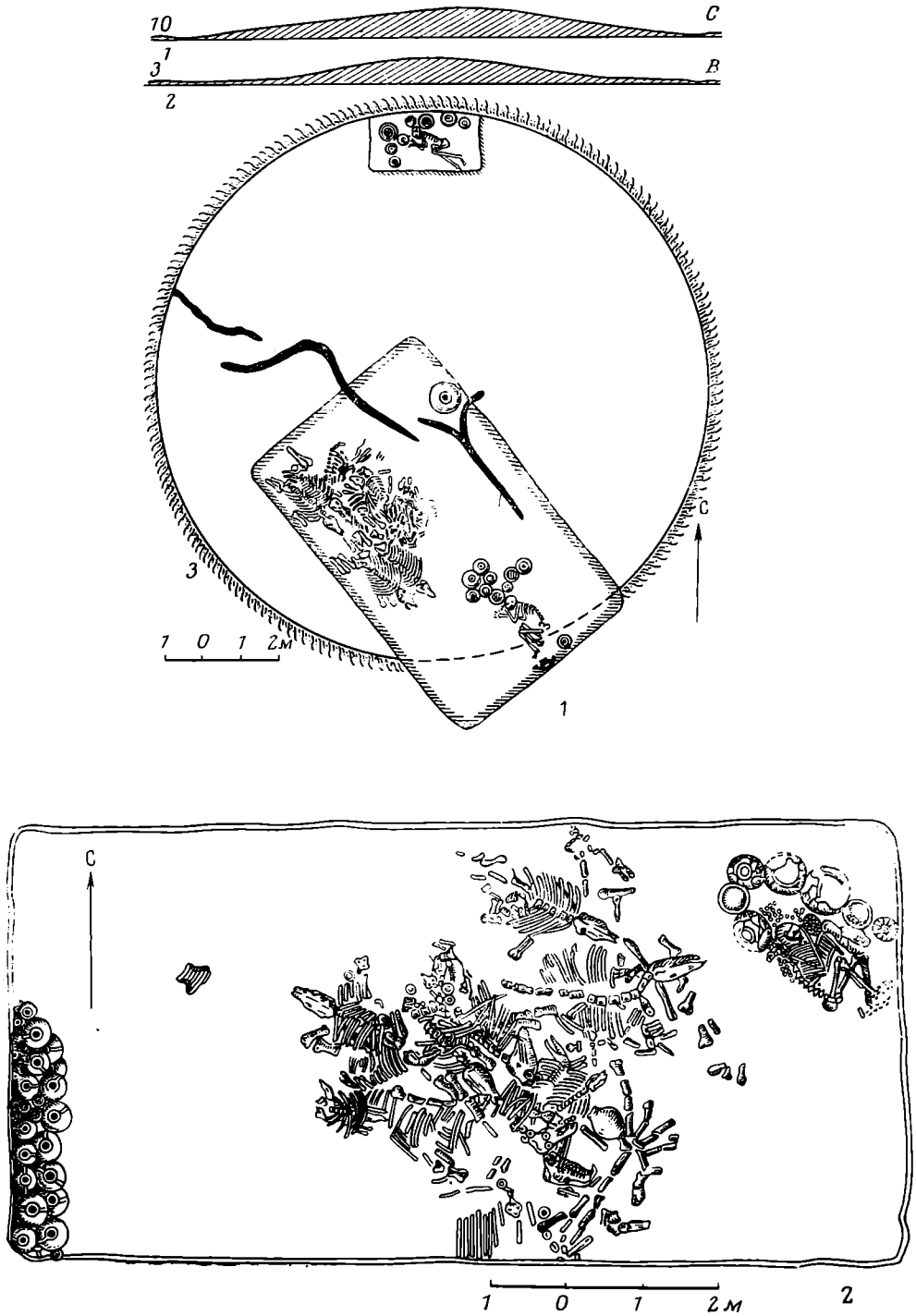


Рис. 2. Курганы Мингечаура. Планы погребений по Г. М. Асланову, Р. М. Ваидову, Г. И. Ионе («Древний Мингечаур», рис. 86, 88). *1* – кург. 3, план и разрез, четыре лошадиных скелета; *2* — кург. 4, центральная могила, восемь лошадиных скелетов внутри могилы, шесть – на перекрытии

конструкции. Характерной особенностью этих памятников является также наличие сопровождающих конских захоронений, число которых колеблется от одного до 14, но, как правило, представлено несколькими особями. В редких случаях были обнаружены отдельные лошадиные кости. Конские погребения располагались или внутри грунтовой могилы, или на перекрывающем ее деревянном настиле (кург. 7 и Паша-Тапа в степи, кург. 4 Мингечаура). Следует подчеркнуть, что в рядовых памятниках,

находившихся в непосредственной близости с курганами описываемой группы, среди многочисленных костей животных никогда не содержалось лошадиных костей.

Характерны для описываемых погребений также разнообразные следы огня, несомненно игравшего в погребальном ритуале определенную роль: это или трупосожжение, или огонь, разведенный на деревянном настиле, что характерно для кировабадской группы, или очаги, зола, а иногда и такая архаическая деталь, как красная краска.

Тем не менее, несмотря на эти общие черты, рассмотренные погребальные памятники не идентичны по обряду.

Наиболее четко все перечисленные выше особенности выявляются в группе кировабадских курганов, самых скромных среди всех рассмотренных памятников как по масштабам погребальных сооружений (размер грунтовых ям около 3,5×4,5 *м*, исключение представляет курган Паша-Тапа), так и по инвентарю. Ясно прослеживается в этих памятниках и разница в положении погребенных в рамках одной могилы, что, очевидно, связано с социальным положением [8] (и, может быть, с разницей в этническом типе) (рис. 1).

Вторая группа курганов, расположенная в окрестностях Ханлара, отличается особой пышностью как погребального сооружения, так и инвентаря, но деревянная погребальная камера (размер около 13,3×3,5 *м*) органически сочетается здесь с каменными ящиками, более характерными для всего этого района. Существовала ли разница в положении между основными и сопровождающими погребениями, установить невозможно.

Для третьей — мингечаурской группы характерны гигантские размеры погребальных камер (в среднем около 70 $м^2$) и обилие конских погребений. Следы огня здесь представлены минимально, сопровождающие погребения вообще отсутствуют (рис. 2).

Итак, каждая из выделенных по географическому принципу групп отличается и устойчивыми особенностями погребального обряда. Сочетание основных, характерных для этих захоронений признаков не имеет аналогий в других памятниках Закавказья и позволяет выделить их в особый тип.

Следует оговориться, что конские погребения в Закавказье известны, но в более западных районах они не только отличаются по обряду, но и относятся, как правило, к более позднему, в подавляющем большинстве уже скифскому, времени и в данной работе говорить о них нет оснований. Череп коня был найден в одном из лчашенских курганов XIV—XIII вв. до н. э. В Восточном Закавказье зафиксировано еще несколько конских захоронений, относящихся к доскифскому времени, но отличающихся по обряду от описываемой группы. Таково погребение коня в грунтовой могиле близ сел. Шахтахты [9]; каменный ящик со скорченным костяком и нижними частями ног лошади в подкурганном погребении в местности Хачбулах Дастафюрского района Азербайджанской ССР [10]; костяки «всадника с конем», раскопанные Я. И. Гуммелем [11] в кургане к югу от Кировабада и в районе Шамхорчая [12], подробное описание которых, к сожалению, отсутствует; перемешанные с человеческими кости

---

[8] Подобное же соотношение погребенных известно в больших курганах карабахской группы (*К. Х. Кушнарева*. Памятники эпохи бронзы Нагорного Карабаха. СА, XXVII, 1957) и в памятниках предшествующих эпох (*Я. И. Гуммель*. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, XX, 1948, стр. 15).

[9] *А. Алекперов*. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. СА, IV, 1937.

[10] *И. М. Джафарзаде*. Обследование циклопических сооружений (Азербайджанская ССР). Изв. Азерб. ФАН СССР, № 3. Баку, 1939, стр. 68.

[11] *Я. И. Гуммель*. Археологические раскопки в районах АзССР. Там же, 1939, стр. 64, 67.

[12] *С. М. Казиев*. Раскопки курганов в Степанакертском районе. Там же, 1939, стр. 76.

лошади близ Степанакерта [13]. Отдельные конские черепа встречались в каменных ящиках, раскопанных А. А. Ивановским и Г. Бельком в Шамхорском районе АзССР [14]. Все это памятники ходжалы-кедабекской культуры, датирующиеся концом II — началом I тысячелетия до н. э.

По характеру инвентаря, представленного бронзовым оружием, конской сбруей, украшениями, каменными и костяными поделками, многочисленной и разнообразной керамикой, курганы с деревянными конструкциями выделенного типа относятся к периоду поздней бронзы. Только в кургане на участке Эстерле (могила 28 по описи археологической комиссии) и в мингечаурских курганах были найдены отдельные железные вещи.

Курган на участке Эстерле, содержавший железные гвоздь и кольцо, на этом основании отнесен Н. В. Минкевич-Мустафаевой к позднему этапу IX—VII вв. до н. э., но нужно учесть, что среди остального инвентаря этого кургана нет ни одной вещи, которую можно было бы с уверенностью датировать VIII—VII вв. до н. э.[15]

Вряд ли курган на участке Эстерле мог быть отделен значительным промежутком времени от кировабадских и ханларских памятников, тем более что отдельные железные вещи встречаются в памятниках Закавказья уже в конце II тысячелетия до н. э.

К более позднему времени принадлежат мингечаурские курганы [16], в которых помимо небольшого количества железных вещей (нож, фрагменты железного копья) был найден бронзовый пояс со сложным гравированным орнаментом, характерным главным образом для начала I тысячелетия до н. э., и, наоборот, отсутствует набор вещей, бытование которых не выходит за рамки II тысячелетия до н. э., так же как и характерных для VII—VI вв. до н. э. Все это дает основание датировать мингечаурские курганы в целом в пределах IX—VIII вв. до н. э. Именно это время и представляет наиболее позднюю дату бытования в Восточном Закавказье памятников описываемого типа.

Памятники кировабадской и ханларской групп хронологически близки. Примыкает к ним по времени и курган у селений Баллукая и Сирховенде, хотя этот последний, судя по содержавшимся в нем бронзовым декоративным вилам, должен быть наиболее поздним в этом ряду. Вопрос об абсолютной дате этой группы памятников, в которую как хронологически близкий справедливо включается и комплекс больших карабахских курганов, затрагивался неоднократно. Предполагаемая для них абсолютная дата колеблется в пределах XI—X вв. до н. э.[17] Для решения этого вопроса следует учесть некоторые предметы, встречавшиеся в перечисленных курганах и имеющие несомненное значение для определения их даты. В первую очередь это мечи со съемными прорезными рукоятками, обнаруженные в Еленендорфском кургане 1 и в Арчадзорском кургане 1. Любопытно, что в инвентаре степных кировабадских курганов есть предмет, поступивший как «неопределенный обломок» и несомненно представляющий собой часть навершия меча или скорее кинжа-

---

[13] *Т. А. Бунятов.* Ук. соч., стр. 96.

[14] Подробно см. *Т. А. Бунятов.* Ук. соч., стр. 96, 97.

[15] Перечисляя инвентарь могилы 28, Н. В. Минкевич-Мустафаева отмечает браслет со змеевидными головками, но в данном случае, очевидно, произошла ошибка, так как браслет из могилы 28 не принадлежит к этому типу. Наконечник копья и кинжал из могилы 28 относятся к типу, наиболее распространенному на территории восточногрузинской культуры, где они также позже начала I тысячелетия до н. э. не известны.

[16] Возможно, к несколько более раннему времени относится курган V (*О. А. Даниелян.* К вопросу о появлении железа в Азербайджане. Докл. АН АзССР, т. XXVII, № 8, 1971).

[17] *К. Х. Кушнарева.* Памятники эпохи бронзы Нагорного Карабаха. СА, XXVII, 1957; *Н. В. Минкевич-Мустафаева.* Ук. соч. Вся группа кировабадских курганов должна, безусловно, относиться к одному хронологическому периоду. Только курганы 5 и 8 не поддаются определению.

ла сходного типа — с широким полукруглым навершием, заполненным внутри белой пастой. Мечи и кинжалы с подобным строением рукоятки характерны для памятников типа Лчашена и ранней группы Артикского могильника XIV—XII вв. до н. э. Типологически они близки к мечам талышских могильников. В более позднее время подобное оружие выходит из употребления [18].

Показательны в хронологическом отношении и секиры. Всего в курганах с деревянными сооружениями было обнаружено пять бронзовых секир — две в курганах кировабадской группы и три в ханларской группе. Секиры этих трех форм: простые гладкие (кург. 9 из Кировабада и кург. 1 у Еленендорфа), двойная секира — уникальная для Закавказья этого периода форма (кург. 1 у Еленендорфа) — и секира с тремя острыми выступами на обухе (кург. 2 у Еленендорфа, курган Паша-Тапа).

Простые секиры относятся к немногочисленной, но достаточно четко выделяемой группе, объединяющей гладкие, с довольно широким бойком и недлинной втулкой экземпляры. Длина втулки не превышает длину лезвия, а чаще короче его. Общая длина колеблется от 16 до 20 *см*, а ширина бойка — от 10 до 16 *см*. Боек сегментовидный, слабо вырезанный у основания втулки, что придает концам лезвия очень незначительный изгиб. На секире из кургана 9 кировабадской группы вместо обычных валиков у отверстия втулки сделаны косые срезы. Втулка ее не овальная, как обычно, а круглая. Остаток литейной формы на втулке переходит в невысокий гребень.

Подобные секиры известны из Лчашенского и Артикского могильников, Арчадзорского кургана 1, из Мингечаура (найдена вне комплекса) [19] и довольно резко отличаются от секир начала I тысячелетия до н. э. вытянутым и узким бойком.

Еще более редко встречаются в Закавказье секиры с «колючками» на обухе. Секира с шестью шипами известна из лчашенских курганов [20]. Литейная форма для изготовления подобной секиры была найдена в доурартском слое Тейшебаини. Двойная секира в этот период известна в Закавказье в единственном экземпляре. Следует отметить, что именно для памятников лчашенско-артикского периода характерно большое разнообразие в формах секир. Впоследствии они унифицируются, и в начале I тысячелетия до н. э. секиры принадлежат одному, четко выработанному типу.

Перечисленные предметы сближают кировабад-ханларские памятники с памятниками Лчашена и старшей группы Артика, т. е. указывают на дату конца II тысячелетия до н. э., точнее XIII—XII вв. до н. э. Остальной инвентарь рассматриваемых курганов имеет более широкий хронологический диапазон, в основном охватывающий период конца II — начала I тысячелетия до н. э.

В то же время наличие в большинстве курганов с деревянными сооружениями бронзовых черенковых стрел заставляет предполагать их несколько более поздний по сравнению с лчашенским периодом возраст (хотя в ханларских курганах бронзовых стрел не обнаружено, изображения на белоинкрустированной керамике доказывают, что закавказские бронзовые черенковые стрелы с опущенными крыльями были в этот период уже известны).

Все эти материалы указывают на XIII—XII вв. как на нижнюю дату

---

[18] Близкой формы кинжалы, но с цельнолитыми рукоятками известны в памятниках Армении XI—X вв. до н. э. *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, рис. 63, *1, 2*; *С. А. Есаян.* Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, табл. XII, *5*. Арчадзорско-еленендорфские экземпляры по форме ближе лчашенским.

[19] *А. А. Мартиросян.* Ук. соч., табл. IX, *1*; *Т. С. Хачатрян.* Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, т. 3, ч. 1; *К. Х. Кушнарева.* Ук. соч., рис. 2, *13*; *Г. М. Асланов, Р. М. Вайдов, Г. И. Ионе.* Ук. соч., табл. XII, *1*.

[20] *А. А. Мартиросян.* Ук. соч., табл. IX, *2*.

бытования памятников рассматриваемого типа. Правда, инвентарь их не идентичен.

Богато представленные в памятниках ханларской группы мечи и кинжалы отсутствуют в кировабадских курганах. Среди кинжалов Ханларского кургана 1 есть кинжал так называемого армяно-азербайджанского, или ганджа-карабахского, типа. В памятниках Центрального и Южного Закавказья подобные кинжалы появляются лишь с начала I тысячелетия до н. э., но в Восточном Закавказье, где эта форма, очевидно, и зародилась, они известны раньше [21]. Кинжалы того же типа из кургана на участке Эстерле и мингечаурских обладают более выработанными формами. Это позволяет считать, что Ханларские курганы I и II занимают хронологически промежуточное место между кировабадской и мингечаурской группами.

Подтверждают это и широко представленные в курганах с деревянными сооружениями части конской сбруи. Удила из кургана на участке Эстерле и из мингечаурских курганов относятся к хорошо известному в Закавказье типу двучленных удил, соединенных между собой путем ковки, с напускными прямыми псалиями. По последним данным, они появляются в Закавказье в пределах XI—X вв. до н. э.[22]

К другому типу принадлежат удила из кировабадской группы (кург. 9), сохранившиеся, к сожалению, лишь в обломках. Это литые удила, изготовленные целиком в одной разъемной форме. Концы их обломаны, так что полностью восстановить их тип невозможно. Длина сохранившейся части 17,6 *см*, стержни в сечении круглые, в месте перехода в петлю переходящие в прямоугольные [23]. Литые удила хорошо известны на Переднем Востоке с середины II тысячелетия до н. э.[24] В подобной же технике сделаны характерные для лчашенско-артикского периода удила с дисковидными псалиями. Правда, и на Переднем Востоке, и в Закавказье, и на Северном Кавказе литые удила с другими окончаниями и другой формы псалиями известны и в первую половину I тысячелетия до н. э. Однако все приведенные выше соображения позволяют причислить кировабадские удила к типу удил с дисковидными псалиями, что в свою очередь также указывает на более древний по сравнению с другими возраст кировабадской группы памятников.

Таким образом, время бытования описываемого обряда в Закавказье определяется концом XIII—XII вв.— IX—VIII вв. до н. э., т. е. в среднем 300—400 гг. Наиболее древние — курганы кировабадской (степной) группы, несколько более поздние, хотя и близкие к ним хронологически, два больших Ханларских кургана, за которым следует курган у Баллукая-Сирховенде и Ходжалинский и курган на бывшем участке Эстерле и, наконец, хронологически замыкают эту группу курганы Мингечаурского могильного поля.

Обряд, представленный этими погребальными памятниками, во всех случаях сопровождавшимися рядовыми могильниками, несомненно является показателем достаточно высокого социального положения погребенных. Именно с этими памятниками связано появление в Закавказье сопровождающих покойного конских захоронений [25].

Помимо отмеченных хронологических различий три основные группы курганов с деревянными сооружениями различаются и по некоторым деталям инвентаря, позволяющим сделать предположения о характере вза-

[21] *М. Н. Погребова.* Восточнозакавказские кинжалы эпохи поздней бронзы и раннего железа. Тр. ГИМ, 40, 1966.

[22] *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы..., стр. 145, 146.

[23] ГИМ, 2-й археологический отдел, инв. 2773.

[24] *A. Potratz.* Die Pferdegebisse des Zweisgebisse des zwischenströmlandischen Raumes. AO, Bd 14, H. 1—2, 1941.

[25] К более раннему времени относится только череп коня из одного из больших лчашенских курганов — памятника, близкого рассматриваемой группе по ряду признаков, но там обряд этот распространения не получил.

имоотношений оставивших их групп населения. Наиболее четко эти различия проявляются в керамике. Несмотря на то что во всех перечисленных памятниках широко представлены и преобладают общезакавказские керамические формы, каждая из географических групп имеет свои особенности. Так, отличительной чертой курганов кировабадской группы и относящегося к ним рядового могильника, расположенного к востоку от Кировабада, является почти полное отсутствие белоинкрустированной керамики, характерной для всего Кировабад-Ханларского района в целом [26]. Это не может объясняться хронологическим разрывом, так как в могильнике на бывшей армянской церковной земле, несомненно синхронном кировабадской группе и расположенном всего в 8 *км* к югу от рядового кировабадского могильника, белоинкрустированная керамика представлена широко.

В остальном керамика кировабадской группы не отличается от хорошо известных в Закавказье форм. Исключение составляют лишь два типа сосудов. Один из них представлен сосудом из кургана 9, сделанным из темно-серой, довольно плотной глины с постепенно расширяющимися книзу туловом, узким гладким горлом и маленьким отогнутым венчиком. Все его тулово покрыто геометрическим орнаментом, состоящим из параллельных полос и заштрихованных треугольников, нанесенных неглубокими, но широкими врезными линиями, и разделено на вертикальные орнаментальные пояса. Если в орнаментации этого сосуда можно усмотреть северные степные реминисценции, то форма его совершенно не типична ни для южнорусских степей, ни для Кавказа. Ко второму типу могут быть отнесены два своеобразных фрагмента от двух аналогичных, но разного размера сосудов из кургана Паша-Тапа. Первый фрагмент — от цилиндрической трубки, заканчивающейся небольшим, резко отделенным венчиком (по-видимому, горло большого сосуда, высота сохранившейся части около 20 *см*, диаметр 8 *см*). Сосуд сделан на гончарном круге из очень плотной темно-серой глины. В верхней части под венчиком орнамент, нанесенный широкими, слабо врезанными волнистыми полосами. Поверхность ломкая, неровная, коричневато-серого цвета с белым известковым налетом. Второй фрагмент, несколько меньший, является частью подобного же горла сосуда [27].

Для керамики курганов ханларской группы характерно резкое преобладание белоинкрустированной керамики и ее чрезвычайное богатство и разнообразие [28].

Керамика мингечаурских курганов, как и всего Мингечаурского могильного поля, при абсолютном преобладании неинкрустированной керамики отличается целым рядом специфических форм.

Характерен и набор украшений, представленный в курганах с конскими захоронениями. Так, украшения кировабадских курганов, имеющие широкие аналоги в памятниках как Южного, так и Центрального Закавказья [29], с одной стороны, и мингечаурской группы — с другой, не

[26] Курганный могильник, расположенный в степи к востоку от Кировабада, содержал небогатые погребения. В могилах найдены только кости мелкого рогатого скота и свиней. Но по многим деталям памятник этот может быть сближен с кировабадской группой: грунтовые ямы с ориентировкой С — Ю и СЗ — ЮВ; следы обгоревшего деревянного настила в курганах 2, 3, 7 и др.

[27] Подобная форма для Закавказья абсолютно нетипична. Можно лишь отметить, что орнамент в виде полосы из волнистых нарезных линий встречается в некоторых памятниках Карабаха и в доурартском Тейшебаини. Причем в последнем подобная орнаментация иногда выносится на рельефный поясок, но фактура и форма керамики резко отличаются от керамики кировабадских курганов.

[28] Вообще памятники Кировабад-Ханларского района четко различаются по проценту содержавшейся в них белоинкрустированной керамики. В одних, по всему характеру инвентаря близких к ханларским, 50% и более, во вторых, близких степным кировабадским курганам, она встречается в единичных случаях или совсем отсутствует. Территориально же они располагаются очень близко друг к другу.

[29] *А. А. Мартиросян.* Ук. соч., табл. XVI, *2*; *Т. С. Хачатрян.* Древняя культура Ширака. Ереван, 1957, рис. 122, *9* и др.

повторяют, как правило, украшений ханларской группы. В более поздних мингечаурских курганах и синхронных могилах есть и кировабадские и ханларские наборы.

Это показывает, что в период, соответствующий кировабадской группе курганов, памятники этой группы сохраняли известную обособленность от своих ближайших соседей. В период же, характеризуемый ханларской группой, происходит известное слияние культурных традиций, результатом чего явилось, в частности, распространение в районе Ханлара захоронений знати в сопровождении конских погребений.

Характерно, что и тенденция к увеличению числа деревянных погребальных сооружений связывается, очевидно, с влиянием ритуала, представленного в степных курганах. В памятниках, расположенных в области распространения белоинкрустированной керамики, в ранних, синхронных степным курганам, комплексах дерево вообще не зафиксировано или встречается редко. Но в рядовых памятниках, одновременных большим ханларским курганам, встречаются в единичных случаях деревянные настилы, иногда со следами огня [30]. Все это свидетельствует о постепенном смешении двух традиций, а возможно, и населения.

Памятники поздней, мингечаурской, группы принадлежали, очевидно, наиболее прямым потомкам населения, оставившего кировабадские курганы, на протяжении нескольких сотен лет сохранившим относительное своеобразие своей материальной культуры.

Погребальные сооружения, зафиксированные в описываемых памятниках, не представляют собой уникального для Закавказья явления, хотя такие камеры, как, например, паша-тапинская, отличаются особой, не известной ранее сложностью. Элементы деревянного сруба прослеживаются в Закавказье уже с конца III тысячелетия до н. э., когда они отмечены в наиболее пышных подкурганных захоронениях, и продолжают эпизодически встречаться в памятниках подобного же социального порядка на протяжении II тысячелетия до н. э. В конце II — начале I тысячелетия до н. э. грунтовая яма, перекрытая деревянным настилом, представляет основную форму могильного сооружения на территории Восточной Грузии и Южной Осетии и, как было отмечено, довольно часто встречается в памятниках Кировабад-Ханларского района современного Азербайджана. Известна подобная форма и позже.

Нередко отмечены и следы огня. В одном из больших курганов кура-аракской культуры обнаружена обгорелая повозка [31]. В эпоху так называемой средней бронзы довольно часто встречаются трупосожжения, в конце II — начале I тысячелетия до н. э. почти полностью вытесненные трупоположениями. Какая-то роль огня еще, возможно, сохранилась в погребальном ритуале, о чем свидетельствуют следы кострищ, кусочки угля, зола, следы красной краски и подстилки из золы, обнаруженные в некоторых погребениях.

Конструкция деревянного погребального сооружения как уже указывалось, может быть выведена из местных традиций, однако новые черты, характерные для группы степных курганов, и в первую очередь следы частичного сожжения деревянной гробницы или настила и конские захоронения, требуют иного объяснения [32]. Они могут быть объяснены ли-

---

[30] См., например, ОАК за 1899, стр. 77. Это не значит, что все деревянные настилы, зафиксированные в погребениях долины Ганджа-Чая, следует объяснять подобным влиянием. Следы деревянных конструкций встречаются в отдельных случаях и в более южных районах Восточного Закавказья, и немного западнее в каменных ящиках Кедабекского могильника. В этих памятниках распространение деревянного настила могло быть также следствием влияния общих закавказских традиций.

[31] Полевые археологические исследования в 1973 г. Тбилиси, 1974, стр. 18.

[32] Исключение составляют два кургана кировабадской группы (кург. 1 и 2), относящиеся, судя по керамике, к более раннему времени и содержавшие деревянный настил со следами огня, перекрывающий каменный колодец, и трупосожжение. Но

бо появлением новых идеологических представлений, сложившихся в местной среде, либо влиянием, которому в той или иной форме это население подверглось.

Следует отметить, что деревянные сооружения или накаты, подожженные по окончании погребения,— явление, известное в ряде областей [33]. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что восточнозакавказские памятники исследуемого типа обнаруживают несомненное сходство с памятниками одной из областей обширного региона, связываемого с распространением конских захоронений, а именно с нижнеповолжским. Именно здесь зафиксированы подкурганные захоронения в виде обширных (3,60×2,50/ /2,95 *м* — Быковский курган 1) грунтовых ям, содержавших довольно сложные деревянные конструкции и несколько целых лошадиных костяков, сопровождавших погребенного (рис. 3). Именно эти захоронения, по мнению К. Ф. Смирнова, непосредственно предшествуют захоронениям скифо-сарматской аристократии [34]. На этой же территории в курганах с трупосожжениями — обрядом, занесенным сюда, очевидно, из восточных районов, был прослежен ритуал, чрезвычайно близкий к ритуалу самой ранней кировабадской группы закавказских курганов, в частности к ритуалу кургана Паша-Тапа. Таков обряд, прослеженный в кургане 5 у с. Бородаевка. Подкурганная яма была в два ряда покрыта толстыми обуглившимися бревнами, на которых был разведен мощный костер для трупосожжения. Обгоревшее перекрытие провалилось внутрь могилы.

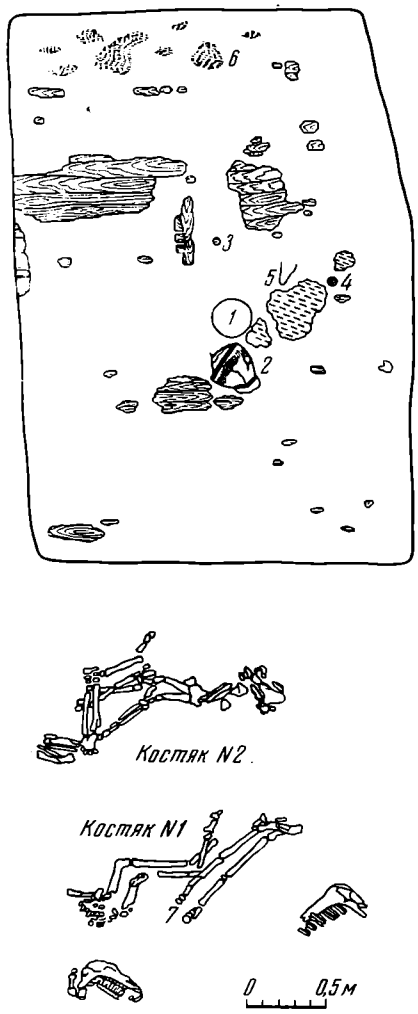


Рис. 3. Быковский курган 1. План погр. 5 и захоронения двух лошадей. По К. Ф. Смирнову («Погребения эпохи бронзы»..., рис. 2 *а*)

Нет сомнения, что группа населения Поволжья, оставившая эти памятники, имела сношения с Кавказом, и в частности с Закавказьем. Это подтверждается анализом содержащегося в них погребального инвентаря. Так, в кургане 3 у сел. Иловатка находились костяные бляхи от конской узды [35], близкие костяным или бронзовым бляхам с костяным или пастовым заполнением из Восточного Закавказья (курганы Паша-Тапа, Казна-Тапа и др.). В Быковском кургане 3 найдена каменная булава «кавказского», по определению К. Ф. Смирнова, типа [36]. Ставил-

эти ранние курганы кировабадской группы остаются явлением уникальным и требуют особого изучения.

[33] Ставился вопрос о связи их с представлениями, свойственными индоевропейцам (*Л. А. Лелеков.* К истолкованию погребального обряда в Тагискене. СЭ, 1972, 1). Однако, хотя в исследуемых памятниках мы имеем дело с элементами подобного обряда, решать вопрос их этнической принадлежности на этом основании вряд ли можно.

[34] *К. Ф. Смирнов.* О погребениях с конями и трупосожжениями эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957.

[35] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 217, рис. 4, *1*.

[36] Там же, рис. 3, *2, 4*.

ся вопрос и о связи конской упряжи Поволжья как с кавказской, так и с древневосточной. Показательны в этом отношении известные роговые псалии и бляхи от конской узды северного степного типа, обнаруженные в Мингечауре [37], и ряд других находок.

Все это позволяет высказать гипотезу о возможности проникновения одной из групп населения в конце II тысячелетия до н. э. из Нижнего Поволжья в Восточное Закавказье, где она, очевидно, осела и прочно смешалась с местным населением. В рассматриваемый период Восточное Закавказье было довольно тесно связано с территорией Дагестана и Чечни. Проникновение же элементов степных культур на Северный Кавказ зафиксировано достаточно четко, т. е. весь путь от поволжских степей до Восточного Закавказья был, очевидно, хорошо знаком обитателям этих областей.

Вопрос о возможности проникновения иранских племен с территории их первоначального обитания на Иранское плато через Кавказ ставился уже давно, хотя и решался отнюдь не однозначно [38]. Последние исследования дали очень серьезные лингвистические аргументы в пользу этого направления. Сложнее дело обстоит с археологическими свидетельствами. Все данные о наличии общих элементов материальной культуры на территории Ирана и Кавказа или даже Ирана, Кавказа и Южной России [39] легко можно объяснить торговлей и разнообразными культурными контактами, а отнюдь не обязательно этническими передвижениями. Вряд ли также можно считать оправданными поиски археологической культуры или хотя бы определенного типа керамики, распространение которых можно было бы связать с расселением иранских племен. В настоящее время мы знаем достаточно для того, чтобы утверждать, что подобной культуры не было и быть не могло. В какой бы форме ни осуществлялось расселение иранцев, индоарийцев, оно, по всей вероятности, не сопровождалось распространением принесенной ими с прародины материальной культуры. Речь может идти лишь об отдельных, наиболее стойких ее элементах, связанных с образом жизни или идеологией.

В последнее время этот вопрос стал привлекать усиленное внимание не только зарубежных, но и отечественных ученых. Наиболее плодотворными, на наш взгляд, являются попытки выделения тех специфических деталей, которые были свойственны собственно иранским племенам и распространение которых можно связывать с их расселением. Таким элементом, несомненно, является коневодство для арийских и всадничество для иранских племен. Именно появление черт, свидетельствующих о существовании культа коня, Р. Гиршман выделял как собственно иранскую черту в материальной культуре Иранского плато. Вопрос о всадничестве был разобран Э. А. Грантовским, выдвинувшим тезис о связи всадничества, использования верховой лошади для военных целей и распространения соответствующего конского снаряжения с продвижением иранских племен [40]. В последние годы тезис этот получил дальнейшее развитие [41].

---

[37] *А. Н. Мелентьев.* Две узды из Мингечаура. СЭ, 1, 1968. См. также: *И. Алиев.* Рец.: *Э. А. Грантовский.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, ВДИ, 1973, 3; *К. Ф. Смирнов.* Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. СА, 1961, 1.

[38] Из последних обобщающих работ см. *В. И. Абаев.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. Сб. «Древний Восток и античный мир». М., 1972; *Э. А. Грантовский.* Ранняя история (см. также историографический раздел этой работы).

[39] *R. Ghirshman.* Fouille de Sialk, pres de Kashan, t. II. Paris, 1939; *idem.* Persia from the Origin to Alexander the Great. London, 1964; *T. Sulimirsky.* Scythian Antiquities in Western Asia. Ar As, 1954, vol. XVII.

[40] *Э. А. Грантовский.* Ук. соч., стр. 276—279.

[41] *Е. Е. Кузьмина.* Лошадь в Европе и на Переднем Востоке. V Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тбилиси, 1971; *ее же.* Навершие со всадниками из Дагестана и вопрос о распространении верховой езды и культа коня на Кавказе и в Ира-

Однако до сих пор речь шла о распространении или обряда конских захоронений как такового в самой общей форме, или отдельных предметов конской сбруи, или, может быть, предметов, связанных с культом коня.

Памятники Восточного Закавказья с конскими захоронениями конца II тысячелетия до н. э. позволяют, как представляется, поставить вопрос более конкретно — о связи этого обряда в Закавказье с обрядом, зафиксированным в Нижнем Поволжье. Как известно, именно с территорией поволжско-уральских степей связывается развитие всадничества [42]. Отсутствие в закавказских курганах каких бы то ни было следов повозок, наличие в ряде случаев одиночного захоронения коня, сопровождающего умершего, не говоря уже о предполагаемом захоронении всадника,— все свидетельствует в пользу того, что уже в конце II тысячелетия до н. э. здесь распространяется всадничество.

Все эти совпадения нельзя объяснить только культурными связями. Можно предположить, что ритуал, зафиксированный в описанной группе закавказских памятников, появился в результате продвижения сюда определенной группы населения из Нижнего Поволжья. Речь в данном конкретном случае может идти лишь об одной группе, возможно, одной из многих. Очевидно, это отражение того же процесса, который в Поволжье выразился в известном смешении срубных и андроновских культурных элементов, связываемых с расселением отдельных иранских племен. В какой-то степени в Закавказье оказалась подготовлена почва для восприятия этого обряда.

Возможно, носители указанного погребального обряда не завершили свое передвижение в Восточном Закавказье, а в начале I тысячелетия до н. э. продвинулись южнее в глубь Ирана. На эту мысль наводит погребение с четырьмя лошадьми из Хасанлуского некрополя, исследованное Радом и Хакими. Прямоугольной формы могила глубиной до 4 *м* была ориентирована с запада на восток. В западной ее части лежал скорченный человеческий скелет, а в восточной, выше уровня скелета, — четыре лошадиных. Как подчеркивает Р. Дайсон, места для повозки не было. Эта могила резко отличается от всех остальных могил Хасанлуского некрополя [43] (рис. 4).

Исследователи сходятся на том, что дата описываемой могилы не может быть позже середины VIII в. до н. э., а возможно, и несколько раньше. Тем не менее могилу эту единодушно считают раннескифской, принадлежащей тем скифам, которые должны были появиться здесь еще задолго до их упоминания в исторических источниках. Скифским принято считать также погребение лошади из некрополя Динка-Тепе, где лишенный конечностей скелет лошади был обнаружен среди могил X—IX вв. до н. э. [44]. Основным аргументом в пользу подобной этнической атрибуции являются конские скелеты. Р. Гиршман приводит в качестве аналогии хасанлуской могиле скифский курган у станции Костромской. Такие же памятники Закавказья, как лчашенские и еленендорфские курганы, рассматриваются им как памятники предшествовавшей хасанлуской могиле закавказской стадии скифского искусства [45]. На

не. СА, 1973, 2; *Играр Алиев.* Сармато-аланы на пути в Иран. История Иранского государства и культуры. М., 1971, стр. 198, 199; *его же.* Ук. рец. на книгу Э. А. Грантовского.

[42] *К. Ф. Смирнов.* Археологические данные о древних всадниках...

[43] *R. Ghirshman.* Persia..., p. 26, 280; *idem.* Iran. München, 1964 fig. 131, S. 24, 25; *idem.* Invasion des nomades. In: «Dark Ages and Nomads». Istanbul, 1964, p. 5; *R. Dyson.* Problems of Protohistoric Iran as seen from Hasanlu. JNES, 1965, 3 (vol. XXIV). p. 208, 209.

[44] *O. W. Muscarella.* Excavations at Dinka-Tepe. The Metropolitan Museum of Art. Bulletin, November 1968, p. 187.

[45] *R. Ghirshman.* Persia..., p. 35.

неправомочность подобной атрибуции закавказских памятников уже указывалось в ряде работ [46].

В то же время нельзя не обратить внимания на сходство планировки хасанлуской могилы с могилами степных и мингечаурских курганов Восточного Закавказья. Характерно, что первые также сравнивались с курганом у станции Костромской, причем общих черт погребального ритуала у них значительно больше, чем у хасанлуского и костромского погребений. Несомненно, что и хронологически хасанлуское погребение значительно ближе к восточнозакавказским, в частности мингечаурским, комплексам, нежели к раннескифским.

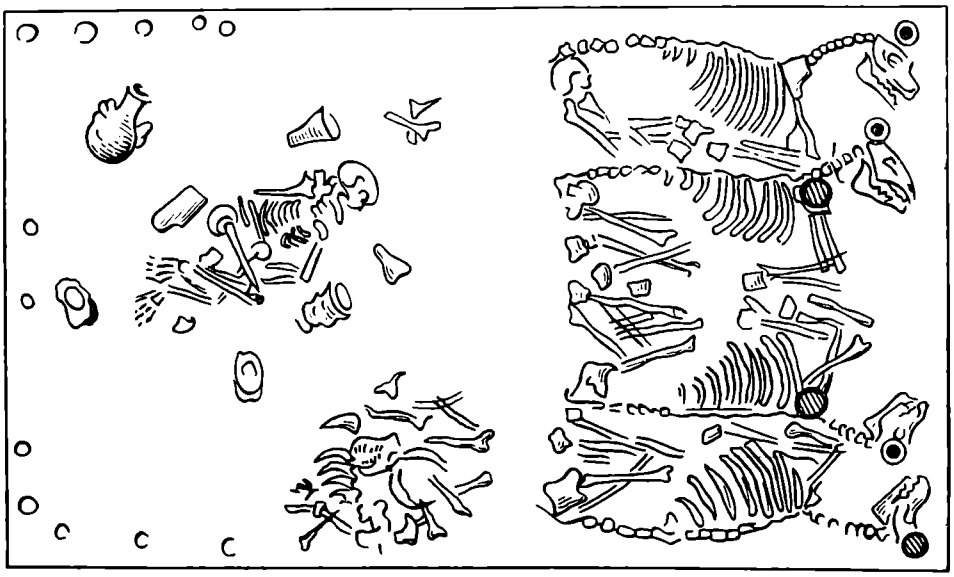


Рис. 4. Хасанлу. Могила с четырьмя лошадиными скелетами по Р. Гиршману («Iran» ..., (рис. 131)

Особый интерес в этом отношении представляют материалы ряда могил, исследованных Радом и Хакими в Хасанлу. Наряду с керамикой, типичной для Хасанлу, этот некрополь содержал сосуды, чрезвычайно близкие к таким своеобразным в керамическом отношении памятникам, как мингечаурские курганы [47]. Все это заставляет предполагать, что появление могилы с лошадьми в Хасанлу может быть результатом непосредственных контактов, а возможно, и переселения на южное побережье оз. Урмия в IX—VIII вв. до н. э. какой-то группы населения, родственной оставившей мингечаурские курганы.

Если наши предположения верны, следует допустить, что перечисленные памятники указывают на постепенное и, очевидно, многоэтапное движение какой-то группы населения из Нижнего Поволжья вплоть до южного берега оз. Урмия на протяжении конца II — начала I тысячелетия до н. э.

Очевидно, речь здесь идет об одном движении из многих, движении сложном, продолжавшемся несколько веков и проходившем в областях, находящихся друг с другом в постоянных и обоюдных сношениях. Совершенно несомненно, что наряду с прослеженной здесь формой существовали и другие.

---

[46] *Э. А. Грантовский.* Ук. соч., стр. 41, 42, 370—372; *М. Н. Погребова.* Иран и Закавказье в конце II тысячелетия до н. э. Сб. «Искусство и археология Ирана». М., 1971, стр. 259 и др.

[47] Большинство этих форм связано с малоазийскими традициями, поэтому их никак нельзя рассматривать как непосредственное влияние мингечаурской керамики на хасанлускую. Процесс здесь был значительно сложнее.

Трудно сказать, насколько данная конкретная группа, оказавшаяся на территории Ирана, сохранила свой этнос и свой первоначальный язык. Но самый факт наличия ираноязычного населения в IX в. до н. э. у южного побережья оз. Урмия сейчас может считаться доказанным [48]. Несомненно, его распространение нельзя связывать лишь с той небольшой группой, сложное и постепенное продвижение которой удается, как кажется, проследить. С этим не согласуется и факт широкого распространения в районе оз. Урмия иранских племен в самом начале I тысячелетия до н. э. Но независимо от того, какой вклад в распространение иранского языка и этноса внесла проникшая через Закавказье группа населения, нельзя отрицать существование многообразной и сложной формы передвижения, отражением которой являются рассмотренные памятники.

M. N. Pogrébova

LES MIGRATIONS DES TRIBUS DE LANGUE IRANIENNE DANS LA REGION ORIENTALE DE TRANSCAUCASIE, A L'EPOQUE PRESCYTHIQUE

Résumé

Parmi les monuments funéraires de Transcaucasie orientale, datant de la fin de l'Age du Bronze et du début de l'Age du Fer, se distingue un groupe de kourganes concentrés en Transcaucasie orientale. Ils sont carachérisés par leurs charpentes funéraires en bois des inhumations de chevaux accompagnant un ou plusieurs défunts, ainsi que par des traces de bûcher allumé lors des funérailles. La durée totale d'un tel type de monuments s'étend du XIIIe au VIIIe s. av.n.è. Les plus anciens sont représentés par les kourganes qui s'élèvent près de Kirovabad (Azerbaïdjan septentrional). Le rite que l'on peut observer dans les monuments étudiés, a de nettes analogies dans ceux de la basse Volga, région qui fait partie de celle où ont commencé à se répandre les inhumations de chevaux. Ceci permet d'avancer l'hypothèse de la pénétration possible en Transcaucasie orientale d'un groupe de population venu de la basse Volga. La tombe à inhumations de chevaux, découverte au sud du lac Ourmiia, peut être mise au même rang que les monuments de la Volga et de Transcaucasie. Toutes ces régions étaient liées entre elles assez étroitement, et leurs rapports avaient un caractère bilatéral et constant. Etendue sur plusieurs centaines d'années, cette progressive pénétration, du Nord vers le Sud, du rite funéraire qu'on remarque dans les monuments étudiés, peut être considérée comme une des formes du déplacement des tribus iraniennes.

[48] *Э. А. Грантовский.* Ук. соч., стр. 177, 185, 218, 219.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

УЮКСКИЙ КУРГАН АРЖАН И ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ САКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье «Этапы древней истории Тувы», опубликованной в 1958 г., где впервые была описана уюкская культура, мною указывалось, «что на территории Тувы в этот период проживало неоднородное в этническом отношении население, этнографические отличия внутри которого ярко отразились в различных по устройству типах могильных памятников. Наряду с различиями памятники эти имеют и много общего как в погребальных обрядах, так и в материальной культуре. Все это позволяет считать, что в уюкское время в Туве существовал племенной союз, в который входили племена и этнические группы, сходные по культуре и хозяйственной деятельности, но, весьма вероятно, имевшие разное происхождение, а может быть и разные языки. Эта этническая пестрота населения Тувы подтверждается и палеоантропологическими материалами» [1]. При этом указывалось, что центр племенного союза, возможно, находился в Турано-Уюкской котловине, где в долине р. Уюк и по ее притокам (Тарлык, Туран и Могой) расположены наиболее грандиозные курганы с погребениями племенных вождей.

В работах по описанию и классификации уюкской культуры как я, так и мой ученик М. Х. Маннай-оол, выпустивший специальную книгу [2], опирались не только на свои материалы, но и на результаты первых научных раскопок курганов скифского времени в Туве, произведенных именно в долине р. Уюк А. В. Адриановым в 1916 г., а также С. А. Теплоуховым в 1927 и 1929 гг.[3]

В настоящее время полностью раскопан курган Аржан, расположенный на левом берегу р. Уюк в совхозе «Уюк». Здесь в течение четырех сезонов (1971—1974 гг.) вскрыто грандиозное сооружение, построенное ради погребения одного из самых ранних и особо высокопоставленных уюкских вождей [4]. Раскопки этого кургана подтвердили правильность нашего обоснования особой роли долины Уюка в судьбах племенного союза скифского времени на территории Тувы и укрепили название целой эпохи в истории племен древней Тувы — уюкской эпохи.

Раскопки кургана Аржан значительно обогатили наши знания по раннеуюкской культуре. Они вызвали к жизни целый ряд новых проблем. Стало предельно ясно, что курган Аржан, как погребение самого знатно-

[1] *Л. Р. Кызласов.* Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). Вестн. МГУ, серия истор.-филолог., 1958, 4, стр. 86.

[2] Там же, *М. Х. Маннай-оол.* Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970.

[3] *Л. Р. Кызласов.* Краткая история археологического изучения Тувы. Вест. МГУ, серия IX, история, 1965, 3, стр. 63—66.

[4] *М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-оол.* Курган Аржан-могила «царя» раннескифского времени. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 16, 1973; *они же.* Третий год раскопок кургана Аржан. АО — 1973, М., 1974, стр. 192—195; *М. П. Грязнов.* К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников. УСА, 3, 1975.

го вождя (или, как пишут авторы раскопок, «царя») и как самый грандиозный курган в Туве, представляет собою редкое явление. Рядовые курганы того же времени отличаются по своему устройству.

Теперь навсегда положен конец сомнениям, которые испытывали некоторые исследователи по отношению к выделенному нами в 1958 г. раннему этапу уюкской культуры (VII—VI вв. до н. э.) [5]. Одни из них, не имея твердых представлений о культурах скифской эпохи и этапах их развития, то «выделяли» курганы VII—V вв. до н. э., то поспешно отрекались от них, определяя «хронологические рамки казылганской культуры V—III вв. до н. э.». Другие заявляли, что «это время в истории Тувы пока нам неизвестно» и потому ошибочно утверждали, что «остальные вещи таблицы Л. Р. Кызласова частью также могут датироваться и V в. до н. э.» Даже обоснованно датированные мною VII—VI вв. до н. э. раннеуюкские оленные камни вопреки фактам относили к V в. до н. э.[6].

Своеобразную и непоследовательную позицию в этом вопросе занимал А. Д. Грач.

В настоящее время он вместо одной выделенной в Туве нами уюкской культуры скифского времени предлагает названия четырех культур: «монгун-тайгинского типа» (доскифского времени»), алдыбельской, саглынской и улуг-хемской [7] (гунно-сарматского времени).

Таким образом, в научную литературу вносятся произвольно избранные необоснованные членения памятников уюкского времени, что нельзя признать нормальным.

М. П. Грязнов и М. Х. Маннай-оол приступили к раскопкам кургана Аржан в 1971 г., когда каменной насыпи его уже не существовало. Она была к тому времени разобрана и развезена для строительных работ по северной Туве. Мне пришлось видеть курган целым дважды — в 1947 и 1955 гг.[8]. Тогда не было материальных возможностей для его раскопок. В 1955 г., когда только что начали разбирать камень насыпи, курган Аржан был нами обмерен.

По грандиозности своей это было единственное в Туве древнее погребальное сооружение [9]. Находилось оно на северо-западной окраине центрального поселка совхоза «Уюк» и представляло собой местами осы-

[5] *Л. Р. Кызласов.* Этапы древней истории Тувы, стр. 75, табл. II; ср. *Л. Р. Кызласов.* Рец.: Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, I. Материалы по археологии и этнографии западной Тувы. Отв. ред. Л. П. Потапов. М.— Л., 1960 в СЭ, 1961, 4. Решающий материал по этому этапу приведен в книге М. Х. Маннай-оола (*М. Х. Маннай-оол.* Ук. соч., стр. 78—83).

[6] *С. И. Вайнштейн.* Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 6, 1958, стр. 231; *С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова.* Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы.— Там же, 8, 1960, стр. 192; *Н. Л. Членова.* Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии.— Там же, 9, 1961, стр. 134, 135; *ее же.* Об оленных камнях Монголии и Сибири. «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 33; *Н. Л. Членова.* Первые комплексы раннескифского времени из Тувы. КСИА АН СССР, 107, 1966. (В последней работе Н. Л. Членова признает свои прежние ошибки в датировке этих комплексов.)

[7] *А. Д. Грач.* Могильник Саглы — Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени. СА, 1967, 3; *его же.* Новые данные о древней истории Тувы. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, XV, 1971, стр. 94—99.

[8] *Л. Р. Кызласов.* Отчет о работах Тувинского отряда Киргизской КАЭЭ ИИМК АН СССР и МГУ в 1955 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1212, стр. 11.

[9] Его знали и прежние ученые, см. *Д. Клеменц.* Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году. Сборник трудов Орхонской экспедиции, II. СПб., 1895, стр. 73; *Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев.* Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, 26, 1949. *Л. Р. Кызласов.* Краткая история археологического изучения Тувы. *В. Ф. Дерпгольц.* Древнее сооружение Тувы — конденсатор паров наземной атмосферы. «Природа», 1964, 8; *I. G. Granö.* Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den nördlichen Grenzgegenden China in den Iahren 1906 und 1907. Journal de la Société Finno — Ougrienne XXVI, Helsinki, 1909, s. 5; *H. Appelgren-Kivalo.* Alt — altaische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931, ss. 36—37.

павшееся по краям цилиндрическое сооружение с отвесными стенками. Курган был сложен из миллионов обломков скалы, размерами от мелкого щебня до огромных кусков свыше центнера весом. Диаметр его с севера на юг составлял около 118 *м*, а с востока на запад 126 *м*. Вершина была плоской и даже вогнутой, а борта возвышались до 3,5 *м* в высоту над окружающим уровнем почвы. Наивысшая точка находилась на юго-восточном крае сооружения. В 32 *м* от подножья располагалось выложенное из обломков скалы плоское каменное неполное «кольцо», имеющее разрыв с северной стороны. Ширина этой каменной «дорожки» 2—2,5 *м*. В 5 *м* от «кольца» с восточной стороны кургана располагалось второе полукольцо шириной до 3 *м*. Оба эти полукольца состояли из примыкавших друг к другу округлых каменных выкладок.

Так выглядел курган Аржан. Курганы аржанского типа обнаружены нами в 1960 г. в высокогорной долине р. Хендерге, левого притока Элегеста, в отрогах Танну-Ола. Они расположены на правом берегу Хендерге в 1—1,5 *км* к западу от пос. Ак-Тал. Здесь в распадке сухого потока находится около 10 чисто каменных больших курганов от 20 до 40 *м* в диаметре и до 2—3 *м* высотой. На них растут лиственницы и пихты, и все они ограблены, о чем свидетельствуют большие воронки. Учитывая высокогорное расположение долины, являющейся джейляу (чайдаг) для летнего выпаса скота, следует предполагать под этими курганами вечную мерзлоту.

Раскопки кургана Аржан выявили, что первоначально все погребальные камеры его были сооружены из дерева и установлены на горизонте. Затем были сложены каменные стены вокруг и покрытие из камней сверху.

Общеизвестно, что погребальные сооружения установленные на горизонте, без могильных ям, появляются в Западной и Южной Сибири, в Казахстане и Средней Азии в конце бронзового века. Но особенно характерны они для памятников переходного типа (VIII—VII вв. до н. э.) [10] и раннескифского времени (VII—VI вв. до н. э.) [11].

Обращает на себя внимание, что в литературе весьма распространена ошибочная точка зрения о том, что культура ранних саков Казахстана и Средней Азии происходит от андроновской [12]. Для доказательства подобного положения авторы не приводят сколько-нибудь убедительных фактов. Между тем прямым предшественником саков является культура дандыбай-бегазинских памятников, пришлая в Казахстане и лишь благодаря соседству вобравшая в себя небольшое количество «андроновских» элементов [13].

---

[10] *Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан.* Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, 32, 1950, рис. 40; *А. М. Мандельштам.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, 145, 1968, стр. 46—50; *А. И. Мартынов.* Новый район карасукской культуры. СА, 1964, 2, стр. 124—128; *Н. Л. Членова.* Суртайка — могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае. КСИА АН СССР, 134, 1973, стр. 119.

[11] *В. П. Левашова.* К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры. СА, 1958, 1, стр. 171—174; *Г. П. Сосновский.* Археологическая Бурят-Монгольская экспедиция. «Отчет о деятельности Академии наук за 1929 г.», вып. 2. Л., 1930, стр. 154; *В. В. Волков.* Бронзовый и ранний железный век северной Монголии, Улан-Батор, 1967, стр. 46, 47, рис. 10; *В. А. Могильников.* Исследования в лесостепном Прииртышье. АО — 1966, М., 1967, стр. 152; *М. Г. Мошкова.* Работы Казахстанского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 г. КСИА АН СССР, 107, 1966, стр. 45; *О. А. Вишневская, М. А. Итина.* Ранние саки Приаралья. Сб. «Проблемы скифской археологии», М., 1971; *О. А. Вишневская.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи. М., 1973; *К. А. Акишев, Г. А. Кушаев.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963; *Е. Н. Дмитриева, В. П. Левашова.* Материалы из раскопок сибирских бугровщиков. СА, 1965, 2.

[12] *К. А. Акишев, Г. А. Кушаев.* Ук. соч.; *С. П. Толстов, М. А. Итина.* Саки низовьев Сырдарьи. СА, 1966, 2; *О. А. Вишневская, М. А. Итина.* Ук. соч.; *Е. Е. Кузьмина.* Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы. КСИА АН СССР, 122, 1970.

[13] *Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан.* Ук. соч.; *М. П. Грязнов.* Памятники кара-

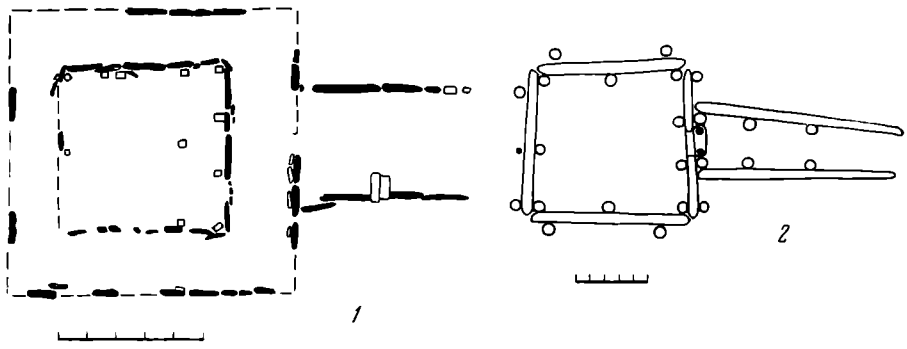


Рис. 1. Планы погребальных камер Бегазы (*1*) и Бесшатыра (*2*)

Исследовав в бассейне р. Или памятники сакских племен, и прежде всего «царский» Бесшатырский могильник, К. А. Акишев писал, что «в VIII в. до н. э. дандыбай-бегазинская культура сменяется культурой кочевнического типа», оставившей так называемые курганы с «усами» [14]. Эта пришлая культура, на деле никак не связанная ни с андроновской, ни с дандыбай-бегазинской, позднее получила наименование тасмолинской [15].

Выделивший тасмолинскую культуру М. К. Кадырбаев справедливо утверждает, что «попытки проследить преемственность между дандыбай-бегазинской культурой и культурой типа Тасмола до сих пор не привели к убедительным результатам». Но и этот автор, опираясь на случайные совпадения, неубедительно пытается связать Тасмолу с андроновской культурой и отнести ее к «сакской культурной общности» [16]. На деле мы не имеем археологических фактов, чтобы считать носителей тасмолинской культуры саками по происхождению.

К. А. Акишев, к сожалению, не заметил, что планы и конструкция деревянных камер с дромосами больших курганов Бесшатыра восходят прямо и непосредственно к предшествующим им в Прибалхашье раскопанным нами плиточным оградам могильника Бегазы (VIII— начало VII в. до н. э.) Если не считать различия материалов (бревна и каменные столбы или плиты), то совпадает многое: планы квадратных камер, стены которых подпирались каменными или деревянными столбами; устройство входов — дромосов с восточной стороны (рис. 1) и даже наличие (в Бесшатыре в одном случае) двойных стен [17]. Совпадает и фактическое устройство как большинства бегазинских, так и бесшатырских камер на уровне древнего горизонта.

Указанные совпадения (даже при отсутствии в Бесшатыре керамики) доказывают, что сакские курганы Бесшатыра являются последующей ступенью развития надмогильных сооружений и их архитектура проистекает из конструктивных особенностей предшествующей бегазинской по-

---

сукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952; *А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Орозбаев.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966; *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 80—88.

[14] *К. А. Акишев, Г. А. Кушаев.* Ук. соч., стр. 118, 133, 134. Позднее К. А. Акишев, по-видимому, отказался от этой точки зрения. См. *К. А. Акишев.* Саки азиатские и скифы европейские. Сб. «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 57.

[15] *А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Орозбаев.* Ук. соч., стр. 303 сл.

[16] *М. К. Кадырбаев.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968.

[17] Ср. *Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан.* Ук. соч., рис. 38—40 и *К. А. Акишев, Г. А. Кушаев.* Ук. соч., рис. 15, 40, 52.

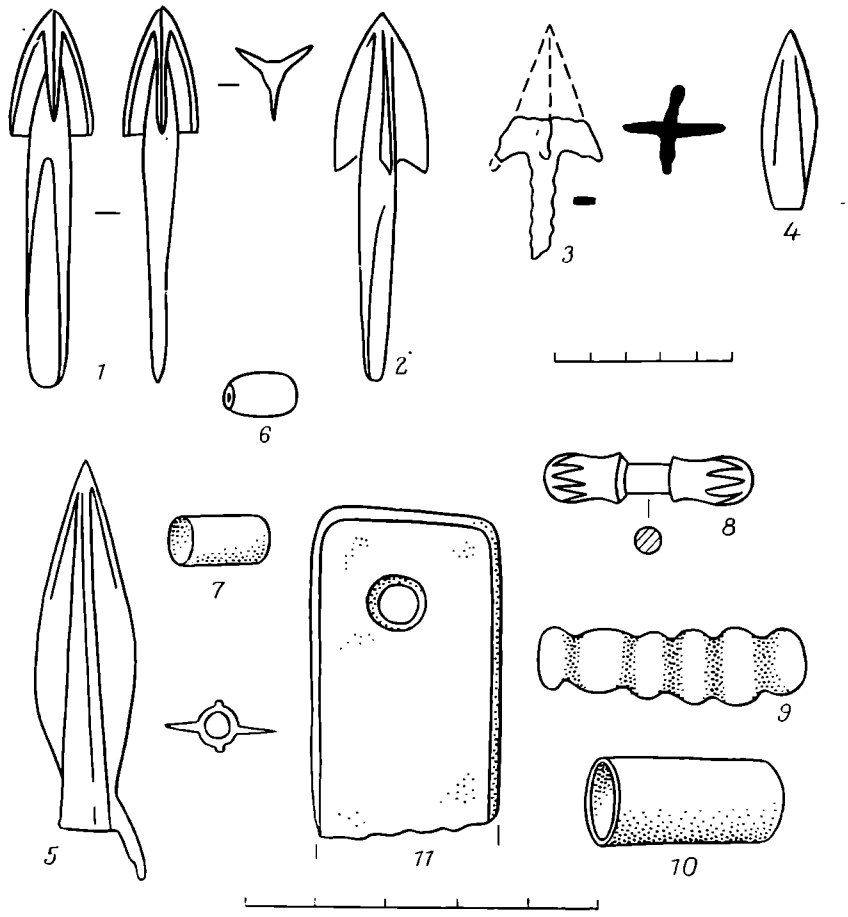


Рис. 2. Предметы дандыбай-бегазинской культуры: *1–5* бронза, *6* паста, *7 – 10* кость, *11* камень

гребальной архитектуры. Поэтому дата бесшатырских разграбленных курганов — раннесакское время.

Такое толкование происхождения культуры саков Семиречья подтверждается тем, что культура приаральских саков также восходит в основном к тагискенскому варианту той же дандыбай-бегазинской культуры. Показательно, что и у приаральских саков встречаются аналогичные по планировке столбовые квадратные камеры или ямы с дромосами [18].

Расположенный южнее оз. Зайсан известный Чиликтинский курган VII—VI вв. до н. э. также имел квадратную погребательную камеру (в мелкой яме) с дромосом, обращенным на восток [19]. Даже в восточноевропейских скифских курганах типичными считаются, по данным А. И. Тереножкина, деревянные гробницы с дромосами, нередко сооружавшиеся на уровне древнего горизонта [20].

Пристальное внимание привлекает и тот факт, что именно в дандыбай-бегазинских памятниках появились те типы предметов, которые стали затем столь характерными для сакской и скифской материальной культуры. Это «раннескифские» бронзовые наконечники стрел (двуперые узкие со скрытой втулкой, двуперый втульчатый с шипом, трехперые

[18] *С. П. Толстов.* Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи. СА, 1962, 4; *его же.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; *С. П. Толстов, М. И. Итина.* Ук. соч., рис. 11, 13; *О. А. Вишневская, М. А. Итина.* Ук. соч., рис. 3 и 4.

[19] *С. С. Черников.* Загадка Золотого кургана. М., 1965, табл. II.

[20] *А. И. Тереножкин.* Скифская культура. Сб. «Проблемы скифской археологии». М., 1971, стр. 18, 19. Ср. *Б. Н. Граков.* Скифы. М., 1971, стр. 115, рис. *6*.

черешковые[21] и редкий четырехперый черешковый)[22], оселки, роговые застежки (рис. 2), грубые гладкие горшковидные и баночные («тагарские») сосуды (рис. 3).[23] Описанные предметы с несомненностью указывают на переходное время, занимаемое дандыбай-бегазинской культурой. Это период VIII и начала VII в. до н. э.

По поводу датировки дандыбай-бегазинских памятников существуют разные, не всегда достаточно обоснованные точки зрения. Чаще всего их,

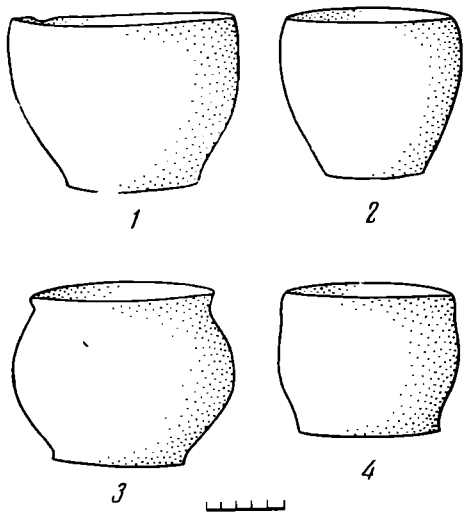


Рис. 3. Сосуды дандыбай-бегазинской культуры: *1, 2* – Айдарлы, ограда 1; *3, 4* – Айдарлы, ограда 5

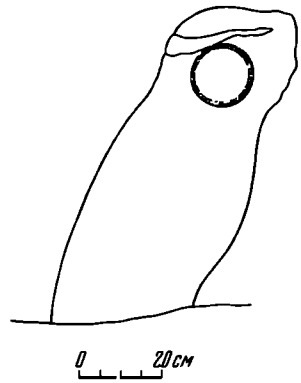


Рис. 4. Оленный камень из Центрального Казахстана (р. Кенгир)

как и ранние мавзолеи Тагискена, относят к X—VIII или IX—VIII вв. до н. э.[24]. Некоторые авторы датируют дандыбай-бегазинскую культуру VIII или VIII—VII вв. до н. э.[25] Несправедливо мнение М. П. Грязнова, относящего теперь дандыбай-бегазинские и тагискенские могилы без особого учета их инвентаря, к концу II тысячелетия до н. э. При этом забыты даже бегазинские наконечники стрел. Обосновывается это тем, что Красноярской экспедиции удалось получить на Енисее материалы, подтверждающие отнесение карасукской культуры к периоду XIII—XI вв. до н. э.[26]

[21] *Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан.* Ук. соч., рис. 42, *1*, *2*; «Археологические работы на новостройках в 1932—33 гг.», II. ИГАИМК, 110, 1935, рис. 43 на стр. 57; Третий черешковый трехперый наконечник VIII—VII вв. до н. э. см. *В. И. Матющенко, Л. Г. Игольникова.* Поселение Еловка — памятник второго этапа бронзового века Средней Оби. «Сибирский археологический сборник». Новосибирск, 1966, рис. 6, *8*.

[22] Обломанный четырехперый наконечник из Дандыбая 11 М. П. Грязнов по ошибке опубликовал в перевернутом виде как «медный предмет в виде якоря». (*М. П. Грязнов.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, М., 1952, рис. 3, *3* и стр. 145). Четырехперые черешковые и втульчатые наконечники известны в эпоху поздней бронзы — *В. И. Матющенко.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 3. Андроновская культура на Верхней Оби. Сб. «Из истории Сибири», 11. Томск, 1973, стр. 16, рис. 3, *10*, 7, *6*; *Н. А. Аванесова.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы. Сб. «Материалы по археологии Узбекистана». Самарканд, 1975, стр. 36, XVII, табл. 2.

[23] *Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан.* Ук. соч., стр. 134, 136; *А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Орозбаев.* Ук. соч., табл. XIX, *1—5*.

[24] *А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Орозбаев.* Ук. соч., стр. 70 и 163; *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 81, 85.

[25] *Е. Е. Кузьмина.* Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы. КСИА АН СССР, 122, 1970, стр. 46; *Н. Л. Членова.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 41, 218.

[26] *М. П. Грязнов.* Восточное Приаралье. Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.— Л., 1966, стр. 237; *его же.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху

Однако с этим утверждением согласиться нельзя, ибо этнические (а не хронологические) группы карасукского населения продолжали свое сосуществование и в X—VIII вв. до н. э., что выявлено детальным исследованием всей совокупности карасукских памятников [27].

Что касается срубно-замараевских поселений с «валиковой» посудой «ивановского» или «ильинского» типа, то они, распространяясь широко в IX—VII вв. до н. э. по казахстанским степям, в Центральном Казахстане какое-то время сосуществовали с дандыбай-бегазинскими памятниками. В последних также встречены «валиковые» горшки и сосуды с ушками [28].

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. Публикуя материалы могильника Бегазы в 1950 г., я указывал, что «в плиточных оградах Центрального Казахстана сильные карасукские пережитки сохраняются в формах и орнаментации значительной части сосудов». Это восточное воздействие увязывалось мною с проникновением в Восточный и Центральный Казахстан своеобразных каменных изваяний типа оленных камней, распространенных в Туве, Монголии и Забайкалье. Один из них (с двумя кругами — «глазками») был обнаружен нами в 1948 г. на левом берегу р. Кенгир близ мавзолея Домбаул (рис. 4) [29].

В настоящее время наше предположение о проникновении в VIII—VII вв. до н. э. с востока на запад какой-то группы носителей карасукских традиций в материальной культуре подтверждается не только выявлением карасукского воздействия на культуры Хорезма, но и обнаружением тагискенских могильников на Сырдарье, а также поселений, расположенных еще западнее,— в левобережной части Нижнего Поволжья [30]. Это должно быть поставлено в связь с распространением далеко на запад оленных камней, которые ныне обнаружены в Оренбургской области и даже на Балканах (в Болгарии и Румынии). При этом в Болгарии оленный камень найден в насыпи кургана VIII—VII вв. до н. э. [31] Следует обратить внимание на то, что все эти памятники еще не несут на себе собственно оленных изображений, т. е. являются наиболее ранними и относятся ко времени, предшествующему распространению «скифо-сибирского звериного стиля».

Все указанные явления, несомненно, связаны также с выявленным А. И. Тереножкиным распространением в Северном Причерноморье карасукского оружия и сильного его воздействия на местные западные формы [32]. Необходимость дальнейшего углубленного изучения как дандыбай-бегазинских и тагискенских памятников, так и проблемы миграций на-

---

развитой и поздней бронзы. КСИА АН СССР, 122, 1970; *его же*. Карасукская культура. «История Сибири», т. I. Л., 1968, стр. 180 сл.

[27] *Э. А. Новгородова*. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.

[28] *М. П. Грязнов*. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, рис. 16, *1, 2*, 18, *2*; *А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев*. Ук. соч., рис. 87, *1*, табл. XVII и стр. 197—259. Ср. *Е. Е. Кузьмина*. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы, стр. 46; *Г. Б. Зданович*. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы петропавловского Приишимья. Автореф. канд. дис. М., 1975.

[29] *Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан*. Плиточные ограды могильника Бегазы, стр. 136. Ср. *А. В. Адрианов*. К археологии Западного Алтая. ИАК, вып. 6, Петроград, 1916, рис. 33, стр. 89, (2). Ср. *Э. А. Новгородова*. Карасукские традиции в раннескифском монументальном искусстве Монголии. «Древний Восток. Сборник I». М., 1975.

[30] *С. П. Толстов*. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 62, 64, 71, 81—88; *А. Н. Мелентьев*. Керамика карасукского типа из Северного Прикаспия. КСИА АН СССР, 142, 1975 (А. Н. Мелентьев совершает ошибку, отделяя в бегазинских оградах наконечники стрел от посуды «карасукского облика» и утверждая, что «они не являются единым комплексом»,— стр. 42).

[31] *С. А. Попов*. Археологические находки на территории Оренбургской области. АЭБ, 2, 1964, стр 261, рис. 1, *7, 8*; *Горанка Тончева*. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям. «Thraciа», 1, София, 1972, рис. 5—8.

[32] *А. И. Тереножкин*. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 201—205; *его же*. Бронзовые кинжалы предскифского времени. Сб. «Кав-

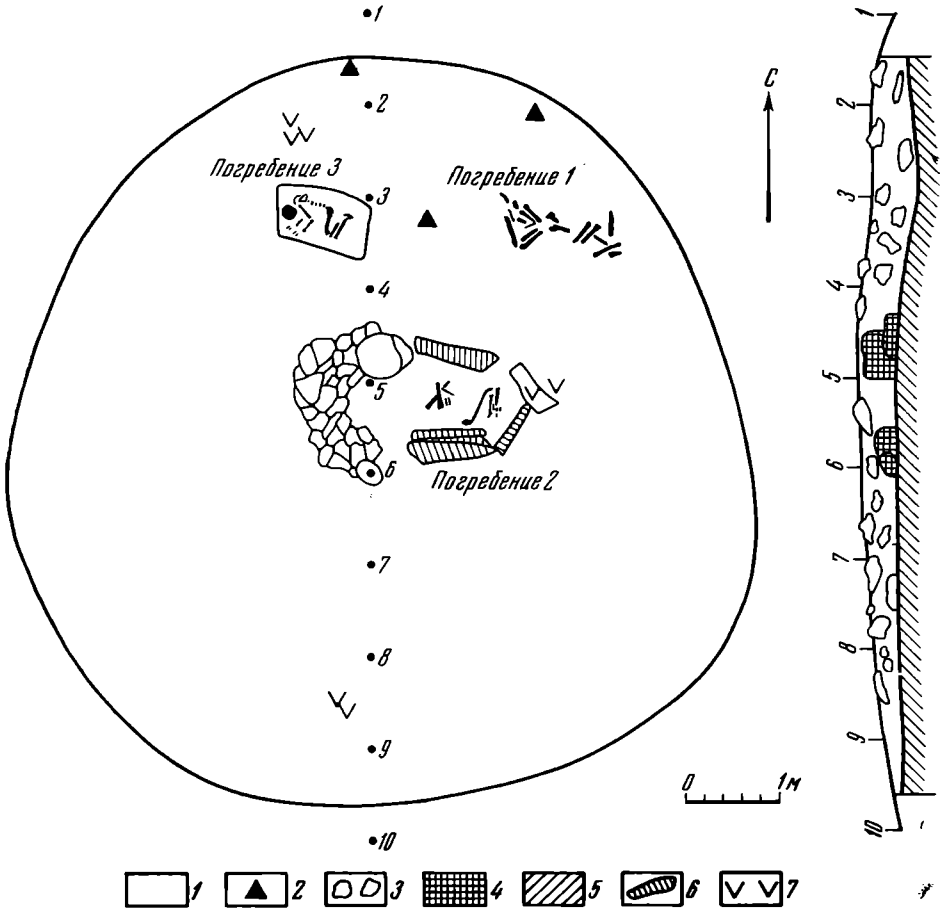


Рис. 5. План и профиль кургана 15 могильника Шанчиг (Тува). *1* – супесь, *2* – угли, *3* – камни, *4* – кладка, *5* – материк, *6* – плиты, *7* – кости животных

селения в степном поясе Евразии в VIII — начале VII в. до н. э. вполне очевидна. Что касается тасмолинской культуры, то, по нашему мнению, именно ее носители вытеснили предков саков из степей Центрального Казахстана.

При изучении кургана Аржан, отметив особую сложность его конструкции, нельзя не видеть, что план центральной погребальной камеры также восходит к дандыбай-бегазинским оградам. Ведь квадратный деревянный сруб, в котором находились основные захоронения, располагался в центре второй большой квадратной камеры [33]. Именно таким было размещение оград в больших дандыбай-бегазинских сооружениях. Некоторые из них также не имели дромосов (Айдарлы 5, Дандыбай 11 и др.). Курган Аржан сближается с упомянутыми выше памятниками раннескифского времени и тем, что в нем отсутствует глиняная посуда. Керамики нет, например в майэмирских курганах Западного Алтая, в больших курганах долины Чиликты и в Бесшатыре. В раннеуюкское время в Туве, за редкими исключениями, вообще не было обычая устанавливать в могилы пищу в глиняных сосудах. Поэтому посуду этого этапа мы плохо знаем.

каз и Восточная Европа в древности». М., 1973; *его же.* Киммерийские мечи и кинжалы. Сб. «Скифский мир». Киев, 1975.

[33] *М. П. Грязнов и М. Х. Маннай-оол.* Третий год раскопок кургана Аржан, план на стр. 192. План деревянных конструкций Аржана напоминает круг из снизок вампума, символизирующий конфедерацию ирокезов, где снизка каждого старейшины вплетена в общий круг (см. *Ю. П. Аверкиева.* Индейцы Северной Америки. М., 1974, стр. 233).

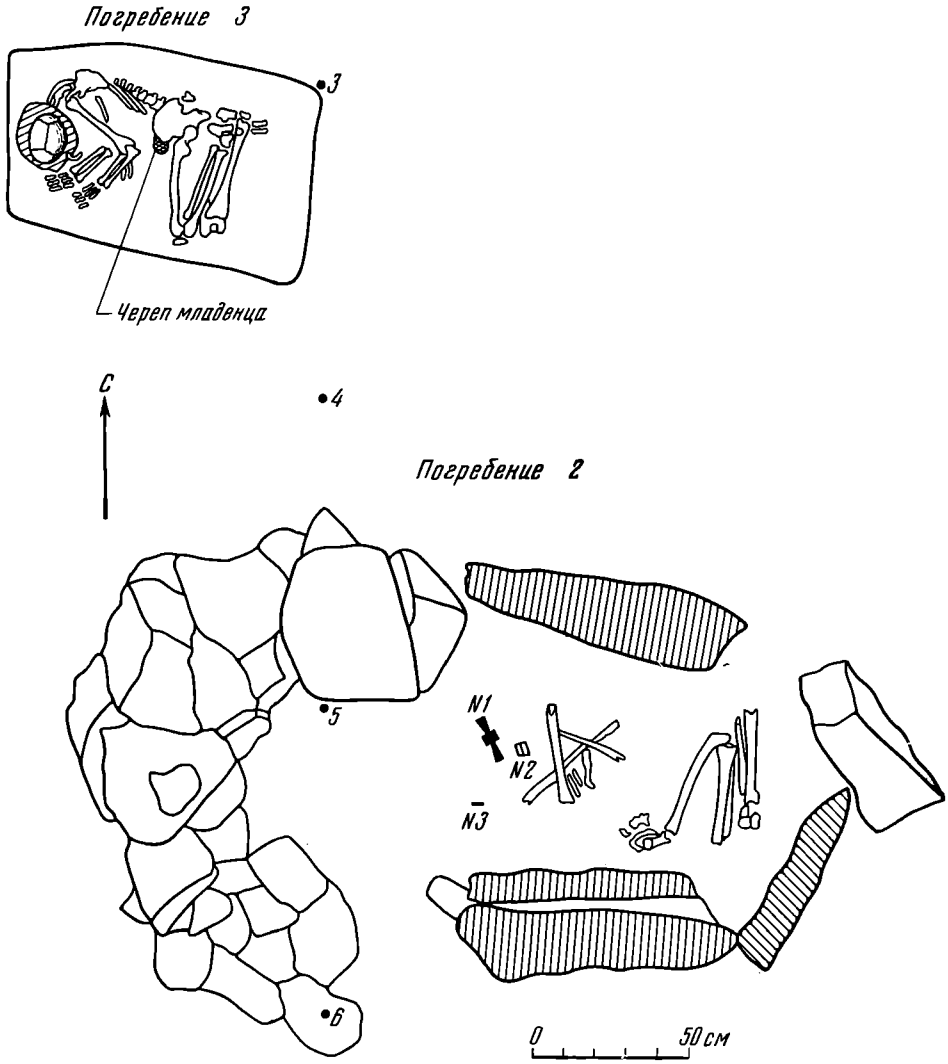


Рис. 6. Погребения в кургане 15 (Шанчиг)

Учитывая приведенные выше материалы, о кургане Аржан можно заключить следующее. Во-первых, могилы дандыбай-бегазинской культуры являются несомненными предшественниками Аржана, и даже без анализа его инвентаря ясно, что Аржан входит в круг наиболее ранних памятников саков или их ближайших сородичей [34].

Во-вторых, ввиду того, что дандыбай-бегазинских памятников на территории Тувы нет, следует полагать, что люди, сооружавшие курган Аржан, так же как и погребенные в нем, являлись пришельцами с запада, из центральноказахстанских степей. То же следует сказать о саках Чиликтинской долины и Семиречья.

---

[34] Сакским же, более близким курганам Бесшатыра, является каменный курган, раскопанный экспедицией ИЭ АН СССР в Эрзинском районе Тувы (Могильник Хондей, № 1; *В. П. Дьяконова*, раскопки 1961—1962 гг.). Он имел коническую насыпь из обломков скалы (диаметром около 25 *м* и высотой 4,5 *м*), был окружен каменным кольцом (на расстоянии 17—19 *м* от насыпи) со «входом» с востока. Под насыпью на горизонте стояла деревянная камера (5,5×4,5 *м*) из 9 венцов бревен, сложенных клеткой и с крышей-накатом из 8 бревен. На полу — череп и разрозненные кости взрослого человека, а также позвонки и ребра овцы. К сожалению, устройство кургана не было достаточно тщательно зафиксировано автором раскопок (см. *В. П. Дьяконова.* «Отчет о полевых работах 2 археологического отряда ТКАЭ в 1961 г.» и Дополнения к отчету об археологических работах в Эрзинском районе ТАССР за 1961—1962 гг. Архив ИА АН СССР, Р-1 № 2374 и Р-1, № 2510).

Полагаем, теперь уже при учете известного нам инвентаря, что курган Аржан был сооружен в середине VII в. до н. э. Таким образом, уюкским племенным союзом в раннее время руководила верхушка знати, связанная своим происхождением с саками Казахстана. Однако скорее всего раннесакская группа в Туве была незначительной по численности, так как основное население того времени продолжало оставаться местным.

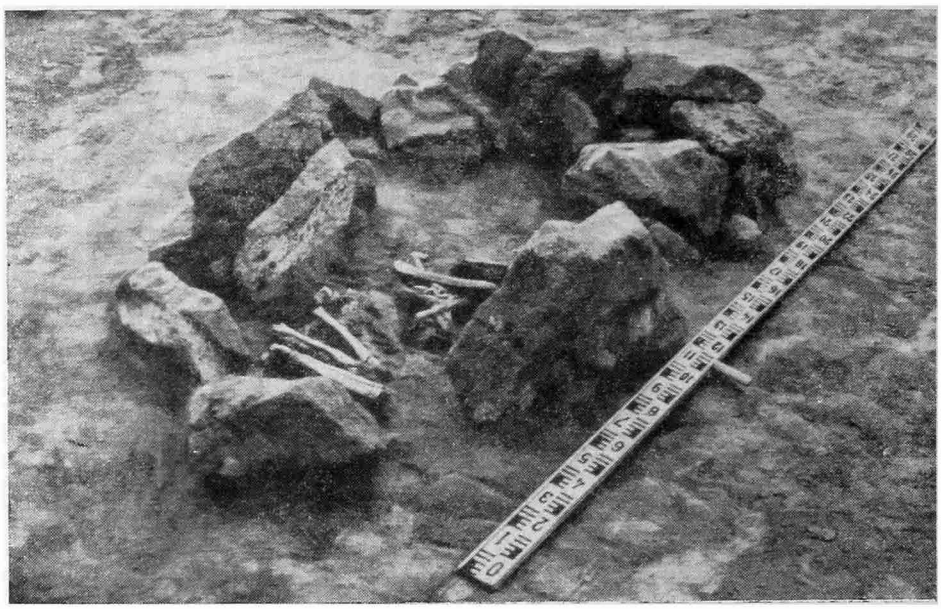


Рис. 7. Циста на горизонте в кургане 15 (Шанчиг)

Погребальные памятники рядового населения были раскопаны много раньше, чем «царский» курган. Наиболее близки Аржану могилы, представляющие собою цисты, установленные на горизонте под округлыми каменными курганами. Несколько таких курганов было раскопано нами в 1960 г. на левом берегу р. Элегест в могильнике Шанчиг [35], а также в других районах Тувы.

Курган 15 — имел округлую уплощенную насыпь (диаметр 8, высота 0,45 *м*), сложенную из обломков скалы (вес 5—25 *кг*) и земли так, что на задернованной поверхности всюду выступали камни (рис. 5). При разборке северо-восточной полы насыпи на глубине 20 *см* обнаружено впускное погребение 1 — остатки полуразрушенного скелета подростка (отсутствовали кости таза, череп и некоторые другие), ориентированное на северо-запад. При разборке западной половины насыпи на глубине 0,25 *м*, обнаружено три обломка трубчатых косточек животного. Под южной полой еще две — на горизонте — рис. 5.

В центре на горизонте выявлено погребение 2 — основное. Это была разграбленная циста, вытянутая с запада на восток (рис. 6). Восточная ее половина сооружена из плит, установленных на ребро прямо на древний почвенный слой, западная — сложена из обломков скалы (рис. 7). Наибольшие ее размеры 2,76×1,34 и высотой до 0,5 *м*. Сверху на цисте лежали остатки нарушенного грабителями покрытия из крупных обломков скалы. Внутренние размеры цисты 1,3×0,67 *м*. В ней обнаружены остатки скелета взрослого человека, скорее всего мужчины. Кроме таза на месте оказались только скорченные ноги, кости рук, ключица и несколько ребер. Скелет первоначально лежал сильно скорченно на левом

[35] План могильника см. *Л. Р. Кызласов*. История Тувы в средние века, М., 1969, рис. 28. Эти курганы еще в 1961 г. были датированы VII—VI вв. до н. э. (см. *Л. Р. Кызласов*. Ук. рецензия, стр. 228). А. Д. Грач в своей статье «Новые данные о древней истории Тувы» умалчивает об этом.

боку головой на запад (рис. 6, 7). При нем обнаружено три находки: втульчатый боевой молот с двумя бойками (рис. 8), обломок венчика лепного сосуда с защипным валиком под горлом (рис. 9, *1*) и бронзовая трубочка — пронизка.

После зачистки материкового слоя по всей площади кургана в трех местах обнаружено небольшое количество древесных угольков и два обломка одного чашевидного сосуда (рис. 9, *2*). Под северной полой оказалось погребение 3, совершенное в неправильной подчетырехугольной яме глубиной 0,4 *м* от древнего горизонта (рис. 6). Яма была вытянута с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Ее размеры 1×0,65 *м*. В сильно скорченном положении на правом боку лежал в яме головой на запад скелет молодой женщины 18—20 лет. Брахикранный череп лежал на каменной плитке 21×17 *см*. При расчистке в тазе обнаружены тонкие косточки черепа и всего скелета неродившегося младенца. Очевидно, женщина умерла при родах, так как утробный плод был полностью сформирован.

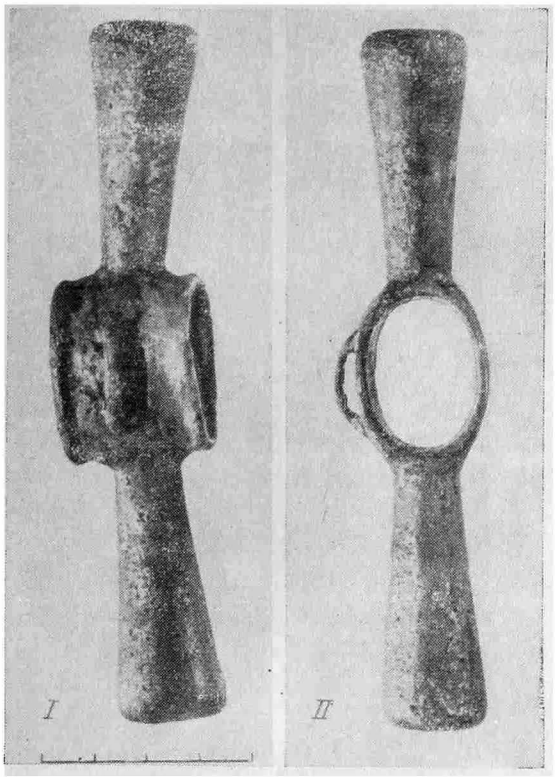


Рис. 8. Бронзовый боевой молот из цисты кургана 15 (Шанчиг)

Курган 16 (в 17 *м* к востоку от кург. 15) имел форму неправильного овала (рис. 10). Насыпь вытянута с северо-запада на юго-восток на 10,2 *м*, а поперек на 5,6 *м*; высота ее 0,45 *м*. Она была сложена из обломков скалы (от 5 до 50 *кг*) и сильно расплылась. При разборке восточной половины насыпи обнаружены в кучке кости овцы: хвостовые, бедро, голень, позвонок, обломки трубчатых на глубине 16 *см* от репера 5 (рис. 10). Затем в северной поле насыпи (на глубине 17 *см* от р. 3) обнаружены обломки двух уюкских сосудов, один из которых имел рифление по всей поверхности боковины (рис. 9, *3, 4*).

После снятия насыпи на горизонте в двух местах обнаружены скопления древесных углей и золы. В центре на горизонте стояла циста, сложенная из обломков скалы. Размеры ее 2,3×1,31 *м*, высота 0,5—0,63 *м*. Внутренний промер: 1,77×0,92 *м*. В цисте лежал сильно скорченный скелет взрослого мужчины, на левом боку головой на запад (рис. 11). Руки согнуты в локтях, и ладони их подложены под голову. Кости плохой сохранности, правая сторона черепа раздавлена. Это долихоцефал — европеоид с узким лицом, теменные швы сросшиеся, нижняя челюсть на месте коренных зубов облитерирована, возраст 50—60 лет.

Курган 18—2 имел круглую насыпь из обломков скалы и земли диаметром 6 *м*. В центре обнаружена циста-ящик, стоящая на древнем горизонте. Цисту составляли три большие плиты (0,7×0,4 и 0,4×0,37 *м*), поставленные на ребро с трех сторон, а между ними и с восточной стороны выложены стенки из небольших плиток положенных плашмя. Циста вытянута с запада на восток (1×0,74 и высота 0,45 *м*), и на ее земляном дне лежал скорченно на левом боку головой на запад скелет ребенка

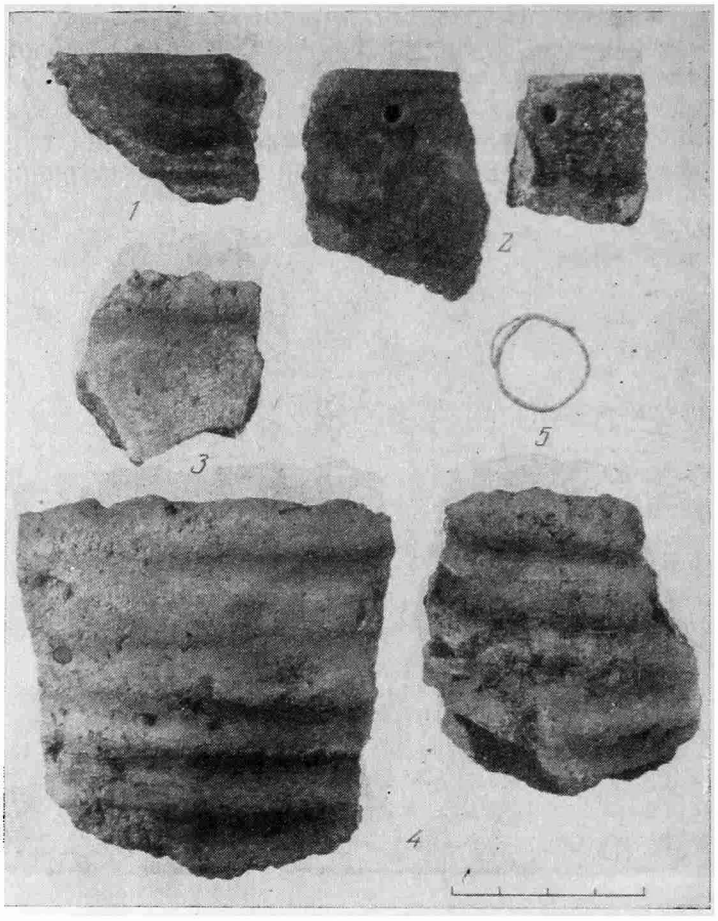


Рис. 9. Обломки сосудов и височное кольцо: *1, 2* – из кургана 15; *3, 4* – из кургана 16; *5* – из кургана 18–2

лет 5—6 (длина скелета 0,8 *м*; молочные коренные зубы еще крепкие). Скелет был прикрыт одной плитой (0,79×0,46×0,02 *м*), а вся циста перекрыта другой плитой 0,85×0,5×0,05 *м*. При зачистке у затылка найдена серьга — колечко из бронзовой проволочки в полтора оборота (рис. 9, *5*).

Два подобных же кургана раскопаны нами в 1957 г. в юго-западной Туве на границе с Монголией. Там, в долине р. Саглы, на северо-восточной окраине пос. Кызыл-Тей, находилась группа округлых курганов, сложенных из крупных речных валунов. Курган 1 обложен по окружности валунами весом до 50—70 *кг*. Диаметр его 11 и высота 0,58 *м*. На горизонте обнаружены остатки скелета человека, первоначально лежавшего на боку головой на запад, очевидно в цисте из валунов. Возле черепа разбросаны лишь кости рук, лопатки и шейный позвонок. Курган 2, (высота 0,25, диаметр 6× 7 *м*) также обложен по окружности крупными валунами (вес до 100 *кг*). В центре, на горизонте, находился полуистлевший скелет человека, лежавшего головой на запад.

В 1960 г. подобный курган был раскопан нами и в Центральной Туве, в 3—4 *км* к югу от 60-го *км* тракта Кызыл-Шагонар, под горой Кезек-Даг. Курган 1 — округлая чисто каменная насыпь из обломков скалы до 30—50 *кг* весом, пересыпанных щебенкой. Имеет уплощенную вершину и узкую круговую уплощенность по слегка задерновавшимся полам, края которых выложены особенно большими обломками скалы. Высота 1,12, диаметр насыпи около 12 *м*. В центре обнаружены плашмя лежавшие плиты (размером 100×60 *см*), служившие покрытием сооруженной из обычных обломков скалы на горизонте цисты. Стенки цисты, вытянутой

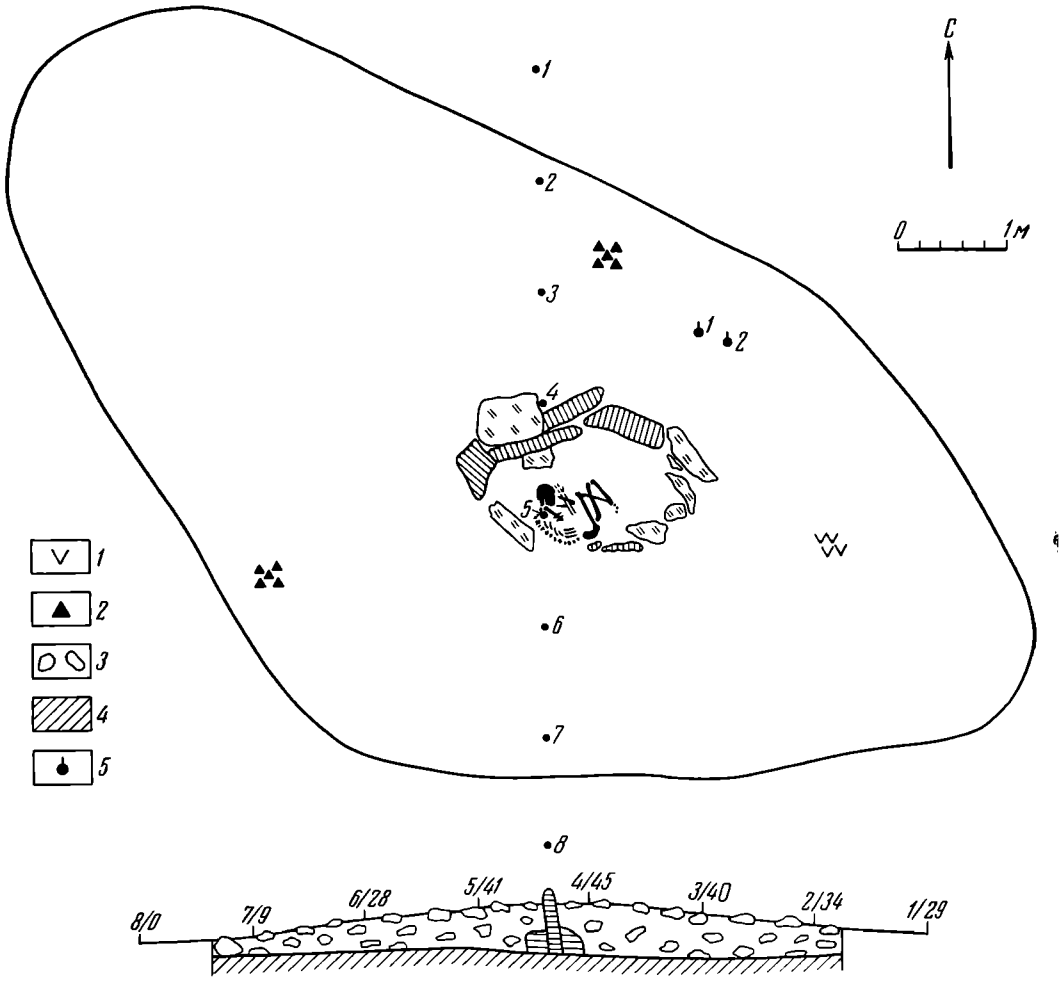


Рис. 10. План и профиль кургана 16 могильника Шанчиг (Тува). *1* **– кости животных,** *2* **— древесный уголь,** *3* **— камни с землей,** *4* **— материк,** *5* **— место находки**

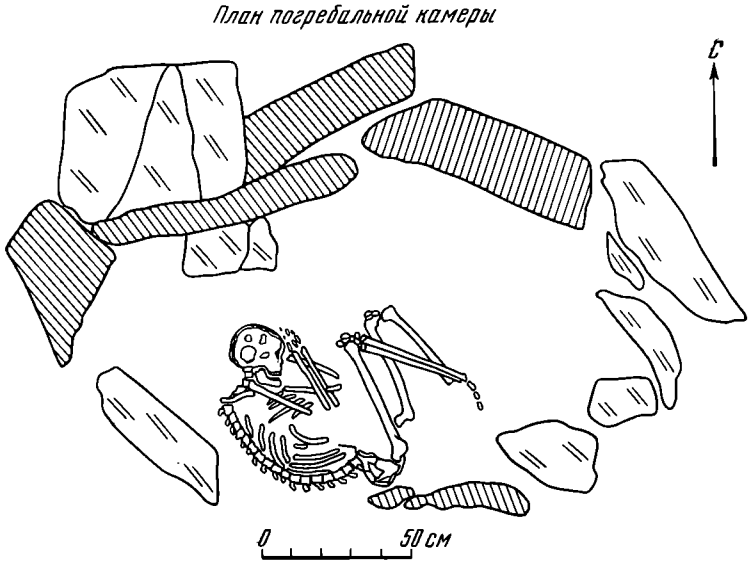


Рис. 11. Погребение в цисте в кургане 16 (Шанчиг)

с востока на запад, разрушены грабителями, и поэтому проследить ее размеры не удалось. На горизонте под плитами в цисте обнаружены разрушенные отдельные кости и зубы человека, лежавшие в беспорядке.

Трупоположения головой на запад, нередко в погребальных сооружениях на уровне горизонта, обычны и для саков низовьев Сырдарьи. Саки Памира укладывали своих умерших в могилы чаще всего на боку, в сильно скорченном положении. Скорченно на левом боку лежали непотревоженные скелеты и в кургане Аржан.

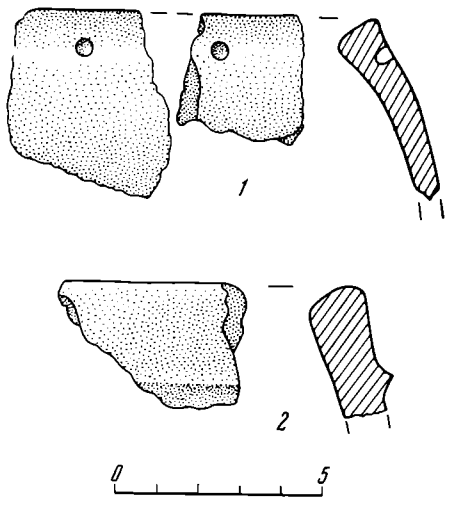


Рис. 12. Обломки сосудов из кургана 15 могильника Шанчиг

Рассмотрим немногочисленные находки из описанных выше погребений Шанчигского могильника. В кургане 15 обнаружены бронзовые молот и пронизка, обломки двух лепных сосудов (рис. 12), в кургане 16 — обломки еще двух сосудов (рис. 9, *3*, *4*), а в кургане 18—2 — бронзовая серьга.

Боевые каменные молоты с двумя бойками и просверленным проухом известны в энеолите и в эпоху бронзы [36]. Литой медный двуобушковый молоток конца III тысячелетия до н. э. найден в одном из погребений ямной культуры [37].

Раннеуюкский боевой молот не очень похож на упомянутые выше прототипы. Он отлит из бронзы [38] в двусторонней форме, имеет два плоских снизу конических бойка, сужающихся под небольшим углом ко втулке, расположенной в центре. Края втулки обособлены закраинами, подобными закраинами на втулке майэмирского топора[39]. Сбоку посредине имеется петля, за которую боевой молот подвешивался к поясу (рис. 8). Подвешивание подобных молотов или секир воспроизведено на оленных камнях [40]. Наиболее близкий по форме двусторонний бронзовый молот найден в раннем сакском могильнике Уйгарак (датирован VI в. до н. э.) [41].

Что касается бронзовой трубочки-пронизки (1,1×0,3 *см*), то подобные встречаются в памятниках и позднебронзового и раннескифского времени, например в карасукских и тагарских могилах Хакасии.

В цисте кургана 15 обнаружены венчики от двух лепных сосудов с хорошо заглаженной поперек темно-серой и серо-желтой пятнистой поверхностью, с примесью крупных зерен гравия в слабообожженном тесте глины. Один из сосудов (с толстым венчиком и налепным валиком ниже обреза горловины), судя по накипи, предназначался для приготовления

[36] *Т. М. Минаева.* Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске. КСИИМК, XVI, 1947, рис. 42, *5*; *Н. Я. Мерперт и К. Ф. Смирнов.* Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИА АН СССР, 84, 1961, рис. 1, *6*; *В. Д. Рыбалова.* Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге. АС ГЭ, 6, 1964, рис. 1; *А. А. Формозов.* Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, 1950, № 15, стр. 68—70.

[37] *Э. А. Федорова-Давыдова.* Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области. ВАУ, 2, 1962, рис. 5—17.

[38] 9% олова, основа — медь; см. *Я. И. Сунчугашев.* Горное дело и выплавка металлов в древней Туве, М., 1969, стр. 136, 137 и рис. 31, *6*.

[39] *М. П. Грязнов.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, 1947, рис. 4, *7*.

[40] *В. В. Радлов.* Атлас древностей Монголии, 2, СПб., 1893, табл. 73, рис. 1; *М. Х. Маннай-оол.* Оленные камни Тувы. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 13, 1962, табл. 2, рис. 1 и 2.

[41] *О. А. Вишневская.* Культура сакских племен, стр. 18, 73, 122 и табл. XXI, рис. 7.

пищи и, возможно, имел баночную форму (рис. 12, *2*). Другой, утонченный, с пояском ямочных вдавлений под горловиной, имел хорошо залощенную внутреннюю поверхность и, возможно, сферическую форму. Он был предназначен скорее всего для приема пищи (рис. 12, *1*).

Сосуды с валиком под венчиком характерны для степных культур конца эпохи бронзы и начала раннего железного века [42]. Они обычны и для всех этапов уюкской культуры. Ямочки под венчиком также встречаются на посуде раннего железного века и на раннеуюкских горшках [43].

В кургане 16 обнаружены три обломка стенок гладкого сосуда с одним желобком по туловищу и два обломка стенки сосуда со сплошной рифленой поверхностью (сохранилось шесть поперечных желобков — рис. 9, *3*, *4*). Сосуды с рифленой поверхностью встречаются среди посуды степной поздней бронзы, но они же нередко обнаруживаются и в уюкских могилах [44]. Наконец, в цисте кургана 18—2 с ребенком лежала кольцевидная серьга из бронзовой проволоки в полтора оборота (рис. 9, *5*), с приостренным концом. Подобные сережки известны с энеолита и до раннескифского времени.

Описанные каменные курганы рядового населения, со скорченными захоронениями на левом боку в цисте на горизонте, имеют инвентарь раннеуюкского времени (VII—VI вв. до н. э.) и посуду, характерную для уюкской культуры Тувы [45]. Эти памятники наиболее близки по погребальному обряду и материальной культуре к захоронениям в кургане Аржан. Они доказывают, что Аржан не был в Туве изолированным явлением. Выделяются, таким образом, раннеуюкские погребения, относящиеся по всем своим особенностям и по хронологии к «аржанской» этнической группе. По нашему мнению, эта группа была сакской по своему происхождению.

Выполнив, таким образом, задачу, поставленную М. П. Грязновым: «Установить место изучаемых памятников в системе археологической периодизации данного района по комплексу всех определяющих их данных (устройство, погребальный обряд, вещи). После этого — определять дату по аналогиям с хорошо датированными типами вещей не отдельных памятников (курганов, могил и проч.), а всего этапа или культуры в целом»,— мы, тем не менее, совершенно не можем согласиться с выводом М. П. Грязнова, что «аржанскому этапу нет места в существующей периодизации эпохи ранних кочевников в Туве», что курган Аржан относится к VIII—VII вв. до н. э. [46] Ведь М. П. Грязнов, вопреки собственной установке, рассмотрел изолированно один из курганов, определил его датировку и даже установил при этом особый аржанский этап.

Но взятый не сам по себе, а в общей совокупности однокультурных ему рядовых памятников, курган Аржан вместе с остальными курганами

---

[42] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 296, рис. 4; *С. С. Черников.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.МИА 88, 1960, табл. 41, 55, 57, 58; *А. Н. Бернштам.* Чуйская долина. МИА 14, 1950, табл. 30.

[43] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., рис. 6, 10, 61—63; ср. *Я. И. Сунчугашев.* Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М., 1969, рис. 22.

[44] *С. С. Черников.* Ук. соч., табл. 54, *3;* ср. уюкский рифленый сосуд из кургана в котловине Деспен (ГЭ ОИПК, № 1788—7). Аналогичные сосуды, в том числе и рифленые, обнаружены при раннеуюкских медеплавильнях в отрогах Танну-Ола (*Я. И. Сунчугашев.* Ук. соч., рис. 22). Ср. *Л. Р. Кызласов.* О памятниках ранних гуннов. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 120, 121, рис. 3, *4*.

[45] Подобные могилы раскопаны и в соседней Монголии, см. *В. В. Волков.* Бронзовый и железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, рис. 10, *2*. Ср. *Е. Н. Дмитриева, В. П. Левашева.* Ук. соч., рис. 1; стр. 234—236.

[46] *М. П. Грязнов.* Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан. «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тезисы докладов на конференции. Ноябрь 1975 г.» Л., 1975, стр. 6—9; *его же.* Курган Аржан в Туве и вопросы сложения культур скифо-сибирского типа. «Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции)», ч. II. Киев, апрель, 1975, стр. 6, 7.

аржанской этнической группы хорошо «укладывается» в ранний этап уюкской культуры, относящийся к VII—VI вв. до н. э.

По нашему мнению, аржанская этническая группа была сакской по своему происхождению и составляла в Туве аристократический династийный род, господствовавший над другими этническими группами, входящими в уюкский племенной союз. Известно, что племенной строй приводит к выделению особо знатных аристократических родов, которые узурпируют власть и формируют племенные объединения из родов, насильственно подчиненных или завоеванных, а следовательно, зачастую относящихся к иным по происхождению этническим общностям. Как указывал Карл Маркс, «племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся от смешения победителей с покоренными племенами» [47].

Именно такая картина раскрывается при изучении раннеуюкских археологических памятников. Кроме аржанской группы в Туве в VII—VI вв. до н. э. сосуществовало несколько этнических группировок, различающихся преимущественно особенностями погребальных сооружений и обряда. Эти группы были выявлены М. Х. Маннай-оолом [48].

Наиболее близка аржанской группа каменных курганов с кольцом или подквадратными оградами. Они содержат погребения в цистах на горизонте, вытянутых с востока на запад. К ним примыкают квадратные ограды с вертикальными столбами по углам. Под плоскими округлыми закладками из плит в мелких узких ямах в них лежат вытянуто на левом боку головой на северо-запад скелеты взрослых без вещей. Такие курганы с квадратными оградами или кольцом раскопаны впервые нами в 1955 г. на р. Эрзине, и потому оставившее их население может быть условно названо эрзинской этнической группой.

Эрзинские погребальные сооружения находят себе аналогии прежде всего на территории Монголии и Забайкалья [49]. Позднее, но в сакско-усуньское время, аналогичные по устройству курганы появляются в Семиречье, на Тянь-Шане и Памире [50].

Выделяется также зубовская этническая общность, называемая нами так по первому кургану этого типа, раскопанному в 1962 г. у пос. Зубовка М. Х. Маннай-оолом [51]. Для нее характерны округлые каменные курганы с погребениями в неглубоких ямах, обложенных плитами, иногда в каменных ящиках или деревянных срубах. Скелеты лежат скорченно на боку головой на запад или северо-запад.

Недавно А. Д. Грач объявил курганы зубовской этнической группы особой «алды-бельской культурой VII—VI вв. до н. э.», отнеся туда же в качестве царского и курган Аржан [52]. С этим нельзя согласиться. Курган Аржан, как показано выше, сопоставим с каменными курганами с цистами на горизонте, ибо его погребения также совершены на горизонте.

---

[47] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. (Работа впервые опубликована в ВДИ, 1940, 1, стр. 12).

[48] *М. Х. Маннай-оол.* Тува в скифское время, стр. 78—83.

[49] *Г. Н. Потанин.* Очерки северо-западной Монголии, вып. 2. СПб., 1881, фиг. 1, 4, 16—18 и 23; табл. 1, фиг. 2; табл. II, фиг. 10; *В. В. Волков.* Ук. соч., рис. 10—13; *Л. А. Евтюхова.* О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, 2, стр. 205, 225, 226; *Г. Ф. Дебец.* Палеоантропология СССР. М., 1948, стр. 119.

[50] *А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин.* Сако-усуньские памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 19—30; *А. Кибиров.* О некоторых итогах археологического обследования Сусамыра, Труды института истории АН Киргизской ССР, т. 1. Фрунзе, 1955, стр. 126; *К. А. Акишев, Г. А. Кушаев.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, рис. 45 и 58; *Б. А. Литвинский.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, табл. 50, 51, 64.

[51] *М. Х. Маннай-оол.* Тува в скифское время, стр. 81; *его же.* Новые материалы скифского времени в Туве. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, XI, 1964, стр. 280, 281.

[52] *А. Д. Грач.* Алды-бельская культура раннескифского времени в Туве. Сб. «Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий». Новосибирск, 1975.

Зубовские же (или, по А. Д. Грачу, «алды-бельские») курганы имеют захоронения в ямах. «Алды-бельская культура», согласно характеристике А. Д. Грача,— это совокупность памятников зубовской этнической группы. Она не включает одновременные ей аржанскую, эрзинскую и другие группы. По А. Д. Грачу, «алды-бельская культура» существовала только в VII—VI вв. до н. э., сменяясь к V в. до н. э. иной культурой. Это тоже неверно. Выше показано, что характерная для уюкской культуры посуда существовала в VII—VI вв. до н. э., ею же пользовались и в V—III вв. до н. э. Одиночные погребения раннего этапа в цистах на горизонте или в ямах (в каменных ящиках или срубах) сменяются семейно-коллективными захоронениями на последующем этапе. Это не смена культур, а отражение определенных общественно-экономических и ритуальных сдвигов. Археологам известно аналогичное изменение в обряде соседней тагарской культуры, располагавшейся по северную сторону Саян. Там в первой стадии (VII—V вв. до н. э.) также были распространены одиночные погребения в узких ямах, в каменных ящиках или деревянных камерах, а во второй (IV—III вв. до н. э.) — коллективные могилы в больших квадратных срубах [53]. Сказанное убеждает нас в том, что отдельных «культур», подобных описанным А. Д. Грачом, в Туве в скифское время не существовало.

Аржанская, эрзинская, зубовская группы памятников характеризуют не все еще могильники VII—VI вв. до н. э., известные в Туве. Нами в 1958 г. была намечена успенская группа. К сожалению, из-за небольшого количества раскопанных сооружений группа эта пока малочисленна. Курганы успенской группы имеют земляные насыпи и деревянные срубы в ямах [54]. Их «провинциальной» разновидностью являются земляные курганы VII—VI вв. до н. э. с погребениями в ямах, раскопанные в северо-восточной Туве [55].

Аржанская, эрхинская, зубовская и успенская группы памятников, относящиеся к раннему периоду уюкской культуры (VIII—VI вв. до н. э.), отражают неоднородность населения и факт сосуществования на территории Тувы в это время различных этнических групп. Эта неоднородность подтверждается и палеоантропологическими исследованиями останков людей скифского времени из Тувы. Так, В. П. Алексеев констатирует, что «смешение различных типов еще продолжало иметь место в скифское время, а это в свою очередь говорит о продолжающемся контакте между группами, характеризовавшимися принадлежностью к разным расовым типам» [56].

О сосуществовании разнородных по происхождению этнических группировок сообщают и древние письменные источники. Плиний («Естественная история», VI (19), 17), описывая азиатские скифские племена, живущие «по ту сторону Яксарта», сообщает, что «количество скифских народов бесконечно... знаменитейшие из них: саки, массагеты, даи, исседоны, астаки, румники, пестики, гомодоты, гисты, эдоны, камы, камаки, эвхаты, котнеры, энтузианцы, псаки, аримаспы, антракаты, хроазы, этаи. Сюда, как говорят, пришли и напайцы от палеев» [57].

---

[53] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 222—224, 261, 262.

[54] *Л. Р. Кызласов.* Этапы древней истории Тувы, стр. 75; *М. Х. Маннай-оол.* Тува в скифское время, стр. 78, 79.

[55] *М. А. Дэвлет.* Археологические исследования в Тодже в 1969 г. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 14, 1970, стр. 243; *ее же.* Археологические раскопки в Тодже в 1970 г.— Там же, 15, 1971, стр. 255—262.

[56] *В. П. Алексеев.* Палеоантропологический материал скифского и сарматского времени с территории Тувы. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 7, 1959, стр. 255; *его же.* Основные этапы истории антропологических типов Тувы. СЭ, 1962, 3, стр. 57.

[57] «Древние авторы о Средней Азии», под редакцией Л. В. Баженова, Ташкент, 1940, стр. 126, 127. Ср. Библия (Книга судей израилевых, III, 5, 6): «И жили сыны израилевы среди хананеев, хеттеев, аморреев, ферезеев, евеев (гергесеев) и иеву-

Учитывая подвижность подобных, в основном скотоводческих племенных и родовых подразделений, можно представить себе достаточно пеструю картину обитания в скифское время в бассейне верхнего Енисея нескольких этнических групп. Они различались своими погребальными обычаями, но были объединены в один племенной союз и имели общую «скифскую» материальную культуру. Это нашло себе отражение прежде всего в единстве типов уюкской глиняной посуды, которая, однако, на раннем этапе была более разнообразной, чем в V—III вв. до н. э.

сеев; и брали дочерей их себе в жены, и своих дочерей отдавали за сыновей их, и служили богам их».

L. R. Kyzlassov

LE KOURGANE ARJAN DE L'EPOQUE OUIOUK ET LA QUESTION DE L'ORIGINE DE LA CULTURE SACE

Résumé

Dans cet article on examine les problèmes qui se sont posés aux archéoloques de la zone steppique de l'U.R.S.S., lorsque de nouvelles pièces leur sont parvenues à la suite des fouilles du kourgane royal d'Arjan, situé dans la vallée de la rivière Ouiouk (région de Touva). Ces fouilles ont confirmé l'exactitude le l'opinion de l'auteur, formulée en 1958, sur l'importance particulière des inhumations royales de la vallée de l'Ouiouk, et ont également affirmé le nom d'Ouiouk donné à une époque de l'histoire des tribus de l'antique Touva (VIIe-IIIe siècles av.n.è.). Le kourgane Arjan est un monument appartenant à un groupe ethnique sace, venu du Kazakhstan central. Le plan des kourganes royaux des Saces (Arjan, Beschatyr, Tchilikta, Taghisken, Ouïgarak, etc) est inspiré par celui des tombeaux de la culture de Dandybaï-Beghazy, en particulier par l'enceinte de dalles de Beghaza (VIIIe s., début du VIIe s. av.n.é.) (fig. I). Dans les monuments de Dandybaï-Beghazy apparaissent de nombreux objets, devenus par la suite caractéristiques pour les cultures scythe et sace (fig. 2—3). Il faut encore étudier les migrations de populations d'Asie Centrale et du Kazakhstan en direction de l'Occident, aux VIIIe et VIIe siècles av.n.è. La diffusion jusqu'en Roumanie et en Bulgarie d'ustensiles et d'armes du type-Karasouk, ainsi que des premières «pierres aux rennes», témoigne de ces migrations. Le kourgane Arjan a été élevé au milieu du VIIe s. av.n.è.; il appartient, ainsi que les sépultures ordinaires du même type (fig. 6-12) publiées par l'auteur, au groupe ethnique d'Arjan vivant à la phase initiale de l'époque Ouiouk. L'auteur rapporte à cette période les tombes des groupes ethniques d'Arjan, d'Erzin, de Zoubovka et d'Ouspenski, qui se distinguent par le genre des édifices et du rite funéraires. Ces sépultures ont été laissées par des groupes ethniques de différentes provenances, entrées dans l'union tribale Ouiouk, et qui vécurent du VIIe au VIe siècle av.n.è. dans le bassin du haut Iénisseï.

Л. Г. КОЛЕСНИКОВА

ЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО АНТРОПОМОРФНЫХ НАДГРОБИЙ В НЕКРОПОЛЕ ХЕРСОНЕСА

Проблема взаимоотношений пришлого греческого населения с местным «варварским» является одной из главных при изучении археологических памятников Северного Причерноморья. Для выявления характера взаимодействия культур античного Херсонеса и местной этнической среды привлекались антропоморфные надгробия, которые, по мнению ряда специалистов, принадлежали к кругу памятников таврской культуры [1]. Полагалось, что древнейшая традиция придавать надгробию форму человеческой головы явилась основой для развития местной херсонесской скульптуры [2]. Оба положения требуют в настоящее время дополнительного рассмотрения, особенно вопрос о происхождении антропоморфных надгробий.

Памятниками «древнегреческого происхождения», «древнегреческими надгробиями» назвал их в свое время К. К. Косцюшко-Валюжинич [3] на основании наблюдений при раскопках некрополя Херсонеса. Условия, в которых обнаружены антропоморфные надгробия в момент раскопок, совокупность других фактов, говорят скорее в пользу греческого, чем таврского, их происхождения [4]. Этот вывод подтверждается новым этапом нашей работы, результаты которой изложены в настоящей статье, состоящей из двух взаимосвязанных частей: в первой предлагается опыт реконструирования росписи, во второй рассматривается вопрос смыслового значения памятников этой группы.

1. Как известно, антропоморфные надгробия Херсонеса имели полихромную роспись [5]. К сожалению, остатки краски (черной, красной, синей, зеленой) настолько незначительны, что служить материалом для восстановления росписи не могут, но право на опыты по реконструированию дают. Основанием для воспроизведения возможных изобразительных сюжетов послужила форма самого памятника. Контуры лицевых сторон надгробий весьма разнообразны: удлиненные или расширенные, округлые или островерхие, с покатыми или прямыми плечами. Некоторые памятники асимметричны, у многих плечи разной длины и высоты. Ка-

[1] *Н. В. Пятышева.* Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья. ВДИ, 1946, 3, стр. 175, 176, 178, 179; *С. Ф. Стржелецкий.* К вопросу об интерпретации и датировке некоторых памятников Херсонеса. Историко-археологический сборник. М., 1948, стр. 146; *А. П. Иванова.* Антропоморфные надгробия. Архив ХМ, д. 1741.

[2] *Н. В. Пятышева.* Ук. соч., стр. 175 сл.; *А. П. Иванова.* Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. СА, VII, 1941, стр. 107 сл; *ее же.* Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950, стр. 251; *М. И. Максимова и М. А. Наливкина.* Скульптура. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», I. М.— Л., 1955, стр. 319—321; *А. Н. Щеглов.* Пять херсонесских надгробий с изображением умерших. СА, 1964, 2, стр. 218; *его же.* Херсонеські антропоморфні стели з врізними зображеннями. Археологія, XXI, 1968, стр. 218–221.

[3] ОАК за 1896 г., СПб., 1898, стр. 183, 184, 191; ОАК за 1897 г., СПб., 1900, стр. 115, 132.

[4] *Л. Г. Колесникова.* Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса? СА, 1973, 3, стр. 37 сл.

[5] *Л. Г. Колесникова.* Ук. соч., стр. 43—45.

залось, что в одних случаях это работа ремесленника, не справившегося с резьбой объемных форм, в других — результат небрежного исполнения, вызванный широким спросом на дешевые изделия.

Но повторение одних и тех же «дефектов» на целом ряде надгробий, возможность классифицировать их по схожим признакам исключили предположение о случайности явлений. Возникла мысль, что «деформа-

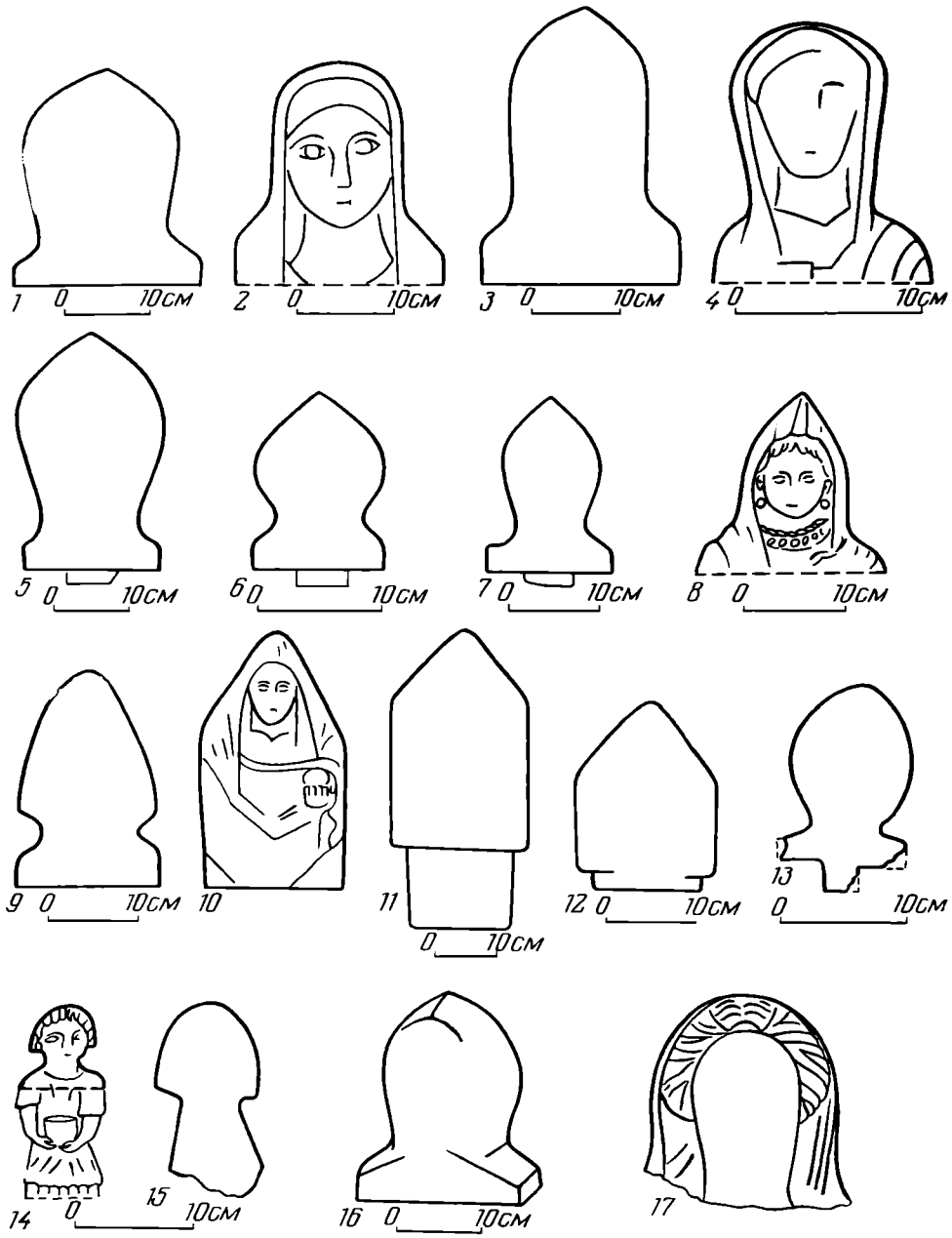


Рис. 1. *1–9, 13–16* – надгробия из Херсонеса; *10* – надгробие из Горгиппии; *11* – стела из Танаиса; *12* – надгробие из некрополя у Ярылгачской бухты; *17* – голова из Кирены

ция» определена характером росписи, что она-то и может дать ключ к ее пониманию и реконструированию. Проявлению изображения помогла также присущая античному искусству обобщенность образа. Общественное почитание умерших, возведенное в культ, привело, например, к созданию обобщенного художественного образа скорбящей женщины. Постепенно

сложившийся иконографический тип женщины в трауре, изображавшейся, как правило, в гиматии, наброшенном на голову, в общих своих чертах остается неизменным на протяжении всей античной эпохи.

Если обрисовать контур погрудного изображения женщины в трауре на любом надгробии из Херсонеса или Боспора эллинистического либо римского времени, то он будет в основном одинаков. Особенно хорошо это видно на памятниках с плоским рельефом, жесткими линиями рисунка, придающими изображению графическую четкость. Так, например, плащ, спускающийся с головы на плечи и грудь, прикрывая шею, делает силуэт массивным и нерасчлененным (рис. 1, *2, 4, 8, 10*). Слабый изгиб у шеи (за счет плаща) как бы удлиняет голову, в отдельных случаях она кажется непропорционально большой. Эта особенность женского изо-

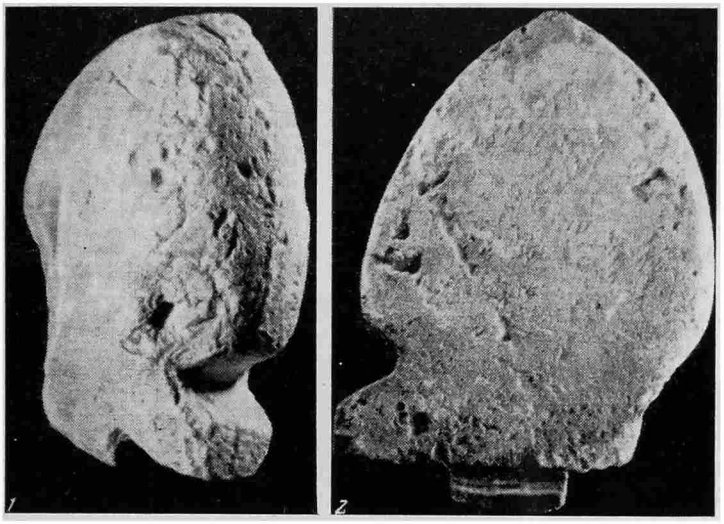


Рис. 2. *1, 2* – надгробие из Херсонеса

бражения отчетливо видна на антропоморфных надгробиях, так как последние имеют ясный, лаконичный контур из-за плоскостности лицевой части, что и позволяет сравнивать очертания. По этим признакам среди антропоморфных памятников Херсонеса мы выделяем «женскую» группу (рис. 1, *1, 3, 5—7*; 2, *1, 2*).

Некоторые полностью сохранившиеся надгробия имеют весьма заостренный верх (рис. 1, *5—7, 9*). Очевидно, их тоже следует понимать как изображения женщин, так как заостренность может быть определена крутым, остроугольным изгибом покрывала, высоко наброшенного на голову. Иногда возвышающийся узел прически, скрытый гиматием, придает контуру женской головы коническую форму (рис. 2, *1, 2*; сравни с рис. 1, *7*). Аналогичные изображения женщин встречаются на надгробных рельефах из Херсонеса (рис. 1, *8*) и Боспора, например, Горгиппии (рис. 1, *10*). Возможно, надгробие из Танаиса в виде плоской плиты с заостренным верхом (рис. 1, *11*) [6] и небольшая остроконечная плитка из раскопок некрополя конца IV—III вв. до н. э. у Ярылгачской бухты (рис. 1, *12*) [7] являются памятниками этого же круга.

---

[6] Рисунок сделан по фотографии, см.: *А. И. Болтунова, И. С. Каменецкий, Д. В. Деопик.* Раскопки западного района Танаиса. Античные древности Подонья-Приазовья. МИА, 154, 1969, стр. 34, рис. 22.

[7] Территория хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму, раскопки А. Н. Щеглова в 1971 г., кург. 43. (Сведения и фотографии надгробий предоставлены мне А. Н. Щегловым.)

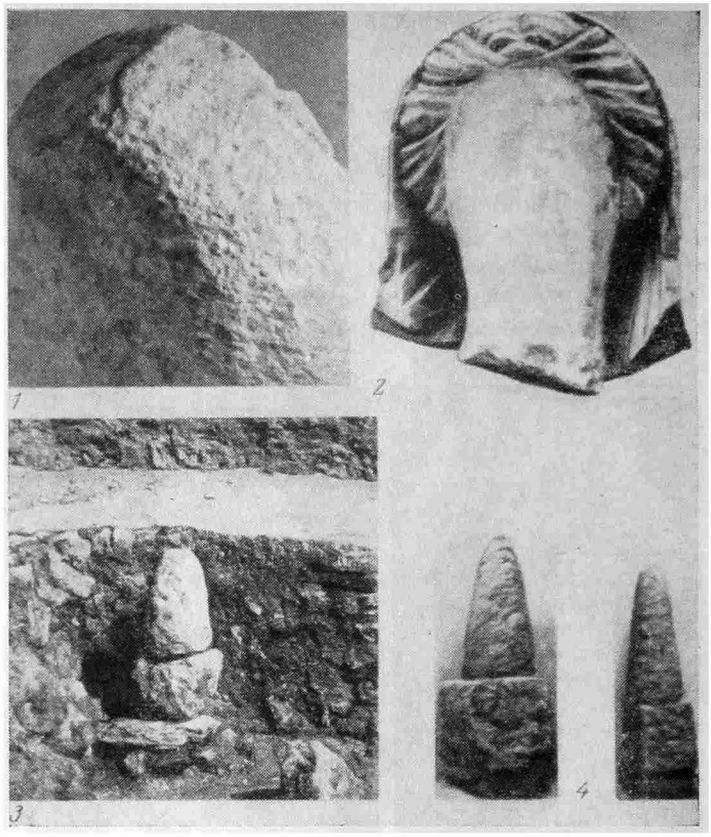


Рис. 3. *1* – надгробие из Херсонеса; *2* – голова из Кирены; *3* – cippi из Херсонеса; *4* – cippi из Алерии

К женской группе, по всей видимости, относятся также «грибовидные» изображения, т. е. те, у которых голова переходит к длинной шее уступами, имитирующими короткую прическу (рис. 1, *14, 15*) [8].

Антропоморфные надгробия, имеющие правильные, округлые очертания человеческой головы с обозначенной шеей (рис. 1, *13*), следовало бы, в противоположность женским, считать мужскими. Но в античном искусстве женщина часто изображалась с покрывалом, наброшенным не на голову, а на плечи. Внешние очертания этих двух сюжетов, естественно, различны. (Ниже вернемся к «круглоголовым» памятникам несколько в ином плане.)

Как отмечалось, характерной особенностью антропоморфных надгробий Херсонеса является их асимметричность. Обе половины обрисованного контура при наложении друг на друга по вертикали не совпадают: одна сторона обычно немного уплощена, а плечи имеют разную ширину и расположены на разном уровне (рис. 1, *1*, *3*, *5–7*, *9*, *13*). Объяснить это следует, очевидно, тем, что изображение было дано в трехчетвертном повороте, а традиционное положение рук — одна приподнята и придерживает покрывало, другая опущена — определило различие уровня плечей на антропоморфной скульптуре (рельефе).

Датировка памятников, служащих образцами для реконструкции утраченного изображения, затруднительна, так как без росписи они не обладают характерными признаками, по которым можно было бы судить о времени каждого из них. Случаев обнаружения надгробий in situ с ком-

[8] *Л. Г. Колесникова.* Ук. соч., стр. 44, рис. 1, *3*.

Рис. 4. *1* — надгробие из Херсонеса; *2* — танагрская статуэтка (Эрмитаж); *3 а, б* — голова статуэтки из Херсонеса; *4* — надгробие из некрополя у Ярылгачской бухты

плексом совместных находок мало, поэтому приходится пока датировать херсонесские антропоморфные памятники в целом — с конца V в. до н. э. по III в. н. э.[9] Основная их часть, по-видимому, относится к эпохе эллинизма[10]. По этой причине для воспроизведения изображений мы привлекаем в качестве примеров памятники двух периодов — эллинистического и римского, используя объединяющие их признаки: образ, сюжет, детали одежды, ракурс и т. д. Признаки, отличающие эти два периода,— особенности иконографии, стиль, характерные художественные приемы — уловить на антропоморфной форме, утратившей живопись, затруднитель-

[9] Ранняя дата обусловлена временем некрополя, на территории которого найдены памятники (*Г. Д. Белов.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. Крымгиз, 1938, стр. 192, рис. 41; *его же.* Ионийская керамика из Херсонеса. Тр. ГЭ, XIII, 1972, стр. 17 сл.), поздняя — находкой надгробия (рис. 1, *15*) in situ (раскопки И. А. Антоновой в 1957 г., могила 4, в ней материал III—IV вв.: краснолаковый светильник, два глиняных кубка, вазочка на высокой полой ножке, одноручный кувшинчик, краснолаковая чашечка, разбитое бронзовое зеркало, бронзовая монета III в. н. э.).

[10] ОАК за 1896 г. СПб., 1898, стр. 184, сноска 1; стр. 193.

но, но не безнадежно. Вот один из примеров. Многие надгробия имеют рубец (иногда в виде низкого валика), который пересекает по вертикали затылочную часть от ее верхней точки до линии плеч (рис. 4, *1*). На надгробиях, плоских с обеих сторон, где затылок срезан так же, как и лицевая сторона, он расположен горизонтально, поперек всей толщины памятника и не заходит на заднюю (затылочную) плоскость (рис. 1, *16;* 3, *1*). Рубец — единственная рельефная деталь на антропоморфной скульптуре — оставался загадкой до тех пор, пока не выяснилось, что им снабжены надгробия с характерным контуром женщины в плаще, покрывающем ее голову. Следовательно, рубец следует понимать как изгиб (излом) плаща, выполненный в рельефе.

Подобная трактовка плаща дана на многих эллинистических терракотах [11]. В глиняных женских статуэтках хорошо видна линия перегиба гиматия, идущая по середине той его части, которая наброшена на голову (рис. 4, *2, 3б*). У многих антропоморфных надгробий Херсонеса округлый верх головы имеет заострение, воспроизводящее угол излома покрывала (рис. 1, *1, 3, 5;* 4, *1*). На некоторых экземплярах этот угол передан возвышением, заканчивающимся рубцом (видно сверху и с тыльной стороны). Иногда даже на памятниках прекрасной работы, воссоздающей иллюзию человеческой головы, рубец слабо напоминает складку мягкого, эластичного материала, так как сделан очень жестко, резко (рис. 4, *1*). То же наблюдается и у терракотовых статуэток. Несмотря на то что коропласт работал в глине, дающей возможность лепить мягкие формы без особых затруднений, он очень часто делает верхний перегиб гиматия круто, почти под острым углом или нарочито выделенным валиком, подчеркивая тем самым какую-то существенную деталь, например моду особой драпировки плаща.

Из некрополя близ Ярылгачской бухты [12] происходит массивное надгробие удлиненной формы, почти без шеи, увенчанное не остроугольным, а высоким округлым выступом (высота 2 *см,* ширина у основания 5,8 *см*) (рис. 4, *4*), предназначенным, очевидно, для воспроизведения красками не острой, а петлеобразной складки гиматия, как на многих глиняных статуэтках IV—III вв. до н. э. [13] (рис. 4, *3б*).

Следует сказать, что на женских надгробиях Херсонеса римского времени плащ, наброшенный на голову, не имеет посредине ломаной складки [14]. Очевидно, рубец как художественный прием передачи деталей на антропоморфных надгробиях Херсонеса может быть принят за один из ориентировочных датирующих признаков.

Думается, что метод воспроизведения утраченной росписи путем сравнения контуров, приемлем и для антропоморфных надгробий Боспора. Правда, развитие пластических форм искусства на Боспоре и Херсонесе несколько различно. В Херсонесе в эллинистическое время главным изобразительным средством была живопись [15]. Надгробный рельеф и круглая надгробная скульптура получили широкое развитие лишь в римское время, тогда как на Боспоре — в эллинистическое [16].

Итак, среди антропоморфных памятников Херсонеса выделяется группа женских надгробий, отличительными чертами которых являются:

---

[11] *Н. Н. Бритова.* Греческая терракота. М., 1969, стр. 67, рис. 67; стр. 103, рис. 104; *Г. Д. Белов.* Терракоты Танагры. Л., 1968, рис. 3, *10, 15.*

[12] Раскопки А. Н. Щеглова в 1970 г., кург. 2 (конец IV—III вв. до н. э.).

[13] *Г. Д. Белов.* Терракоты Танагры, рис. 25, 26; *Dr. Eberhard Paul.* Tanagra Figuren. Die Schatzkammer. Bd 9. Leipzig, 1962, Taf. 22.

[14] Только на одном надгробном рельефе (инв. № 36480/227) платок имеет петлеобразный изгиб, но он не переходит в рубец.

[15] *А. П. Чубова, Б. Н. Федоров.* Некрополь Херсонеса IV—II вв. до н. э. Тезисы доклада, конф. «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973, стр. 31—33.

[16] *В. Д. Блаватский.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора, М., 1964, стр. 116, 117, 122, 123.

удлиненная, или «грибовидная» голова, отсутствие шейного изгиба (либо он слабо выражен), заостренный верх, наличие рельефного валика — рубца. Последний служит признаком исключительно женского изображения. Некоторые надгробия без рубца с остроконечной головой, вероятно, тоже относятся к этой группе, по примеру изображений женщин в плаще с конусовидным силуэтом головы.

2. Опыт реконструирования изображений служит дополнением к целому ряду примеров, отрицающих таврское происхождение антропоморфных надгробий Херсонеса. Последние являются самой многочисленной группой памятников эллинистического Херсонеса, немного уступающей по численности типично греческим надгробиям. Можно представить себе, какие выводы могут следовать за данными статистики, если игнорировать совокупность объективно существующих фактов. Правда, все еще смущает форма надгробий, в целом объемная, но с плоской лицевой частью; укороченность изображения, странно срезанного по плечам. Думается, однако, что все эти детали следует рассматривать не с позиций «местного начала». В этой связи интересен памятник, найденный на некрополе [17] Херсонеса в северном его районе. В отчете за 1936 г. Г. Д. Белов пишет, что памятник обнаружен in situ под остатками построек раннесредневекового времени, у «площадки из утрамбованной земли. Внизу возле площадки стоял конической формы известняковый камень, основанием которому служили несколько камней и плиток. Назначение этого камня и площадки остается неясным (памятник? или он имел отношение к какому-нибудь культу, или, скорее, к производству?)» [18]. Судя по фотографии (рис. 3, *3*), площадка находилась выше верхушки памятника, и, по всей видимости, когда-то его перекрывала [19].

Памятник сделан из мягкого известняка в виде конуса на высоком прямоугольном основании; вся его высота равна 51 *см*. Столбиков подобного рода в Херсонесе больше нет, а значимость этого единственного экземпляра огромна, ибо найден он in situ на территории самого древнего некрополя Херсонеса. Рядом с ним в этом же 1936 г. на участках, свободных от построек, открыты погребения конца V — конца IV в. до н. э. [20] В этом древнейшем некрополе, поглощенном городскими постройками в конце IV — начале III в. до н. э., встречено три типа надгробных памятников: антропоморфные надгробия объемной формы (4 экз.) [21], одна небольшая эдикула [22] и стела с нишей, увенчанная фронтоном [23]. В целом все надгробия, погребения и каменный конус являются единовременными памятниками конца V — конца IV в. до н. э.

Античная культура полна особенностями локального характера, но различные взаимовлияния и взаимопроникновения создавали схожесть ситуаций на обширной территории эллинского мира. Памятник в виде конуса — cippi нередко встречается на побережье и островах Средиземноморья. Ближайшими аналогиями херсонесскому конусу (известные нам по последним опубликованным материалам) являются cippi древней

---

[17] *Г. Д. Белов.* Отчет о раскопках в Херсонесе..., стр. 163—165; *его же.* Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, XIII, 1950, стр. 272; *С. Ф. Стржелецкий.* Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. ХСб., IV. Крымиздат, 1948, стр. 69 сл.

[18] *Г. Д. Белов.* Отчет о раскопках в Херсонесе..., стр. 278, 279, рис. 113.

[19] С. Ф. Стржелецкий условно относит такие площадки к эллинистическому времени: *С. Ф. Стржелецкий.* Ук. соч., стр. 70—73.

[20] *Г. Д. Белов.* Отчет о раскопках в Херсонесе..., план раскопок в 1936 г.

[21] *Г. Д. Белов.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. МИА, 4, 1941, стр. 223—225, рис. 36; *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе..., стр. 21; там же, стр. 192, рис. 41; Архив ХМ, д. 750, рис. 54.

[22] Архив ХМ, д. 426, № 4873.

[23] *В. И. Кадеев.* Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя. ВДИ, 1973, 4, стр. 114, рис. 2.

Алерии [24]. Здесь в некрополе IV—III вв. до н. э. открыто большое количество столбиков различной формы: высокие конусы на высоком прямоугольном либо низком круглом основании, укороченные колонки (цилиндры), пирамидальные удлиненные и короткие на широком основании (вид перевернутой буквы Т) и, очевидно, фаллические. Материалом для памятников служил известняк, мрамор, обожженная глина. Два столбика [25], особенно близкие херсонесскому, связаны с погребением 83 (IV в. до н. э.) и 88 (IV—III вв. до н. э.) (рис. 3, *4*). Многие cippi обнаружены in situ около погребального сооружения и внутри — в дромосе либо в самой погребальной камере. Иногда их оказывалось несколько (до 8 экз.) при одном погребении [26].

В Коринфе на некрополе IV—III вв. до н. э., разрушенном позднейшими строительными работами, найдены cippi в виде короткой колонки (цилиндра), конуса и прямоугольных коротких столбиков на широком основании (вид перевернутой буквы Т) [27]. Все памятники сделаны из известняка, некоторые — конус и колонка — покрыты слоем штукатурки. Здесь же оказались фрагменты стел, увенчанные фронтоном с акротериями [28]. Г. Робинсон перечисляет различные применения cippi и по аналогии с надгробной колонкой V в. до н. э. из афинского Керамика [29], не отрицает назначение цилиндрических и конусовидных cippi как памятников надмогильных.

Два коринфских надгробия (оба фрагментированные) представлены в скульптурной форме: одно в виде грибовидного навершия на коротком цилиндрическом основании [30] (Г. Робинсон считает его изображением головы) и второе — женская голова с длинными волнистыми волосами, зачесанными на затылок [31] (как на эллинистических женских статуэтках [32]). Верхняя, сохранившаяся часть лица последней скульптуры, совершенно гладкая, без глаз, надбровных дуг и переносицы, которые должны были быть на имеющемся фрагменте. Голова сделана из пороса, но «локоны волос моделированы в довольно толстом слое штукатурки с прекрасной белой поверхностью (из мраморной пыли)» [33].

Большим количеством женских статуй в виде полуфигур, как бы срезанных чуть выше колен, отличается некрополь Кирены (с VI в. до н. э. по IV в. н. э.). Статуи сделаны из глины, мрамора, известняка [34], часть из них имеет пластически исполненные лица, торс, одежду, руки, прическу и т. д., другие при всем этом лишены лица. Голова последних имеет вид гладкой колонки с моделированными волосами, похожими на парик, насаженный на эту колонку [35]. Есть безликие головы с покрывалом, наброшенным на волосы (рис. 1, *17*; 3, *2*) [36], либо с головным убором типа низкого калафа [37].

Полуфигуры устанавливались на плоские постаменты (очень похожи на херсонесские плитки-подставки, но без углубления (полуфигуры не

---

[24] *Jean et Laurenze Jehasse.* La nécropole préromaine d'Aleria (1960—1968). XXVe supplement à «Gallia». Paris, 1973, tabl. 167.

[25] Ibid., табл. 167, в первом ряду — четвертый слева и во втором ряду — третий слева.

[26] Ibid., p. 428, p. 482, tabl. 13.

[27] *H. S. Robinson.* A Sanctuary and Cemetery in Western Corinth. Hesperia, v. XXXVIII, 1, 1969, p. 7 сл. tabl. 8—9.

[28] Ibid. tabl. 8, *66*, A, B.

[29] Ibid., p. 7, 8, tabl. 10a.

[30] Ibid., p. 20, 21, tabl. 8, *39*.

[31] Ibid., p. 20, tabl. 8, *38*.

[32] *Г. Д. Белов.* Терракоты Танагры, рис. 49; *Dr. Eberhard Paul.* Op. cit. tabl. 4, *20, 21, 26*.

[33] *H. S. Robinson.* Op. cit., p. 20.

[34] *A. Rowe.* Cyrenaican Expeditions of the University of Manchester 1955, 1956, 1957. Manchester University Press, p. 3, 4, tabl. 1.

[35] Ibid., tabl. 2.

[36] Ibid., tabl. 28d, 29a.

[37] Ibid., tabl. 2, 27a.

имели шипа), смонтированные на крышке саркофагов [38]. Какая-то их часть стояла, по-видимому, на площадках между саркофагами рядом с жертвенными столиками. Одна из статуй находилась, по мнению А. Роу, на крыше монументального погребального сооружения (ее безликая голова найдена в разрушенном дромосе) [39]. А. Роу полагает, что все статуи-полуфигуры раскопанного им некрополя изображают Персефону [40].

Итак, Алерия — Коринф — Кирена дают целый круг памятников погребального культа, среди которых имеются не только колонки и стелы, отмечающие могилу, но и статуи Персефоны и cippi как магические камни. Cippi рядом с погребениями и внутри них, статуи Персефоны как надгробные памятники — все это, несомненно, является отражением сложных представлений, связанных с культом владык подземного царства и земного мира, общавшихся между собой, с культом умирающего и воскресающего божества, с культом плодородия. В этой связи особый интерес представляет погребальный комплекс 88 в Алерии [41]. Наряду с фаллическим изображением, которое можно рассматривать как символ плодородия либо как столб, посвященный Гермесу (Гермесу-Психопомпу), здесь оказалось еще семь cippi различной формы: конусовидные, пирамидальные, цилиндрические. Все восемь столбиков были поставлены внутри погребального сооружения. Не посвящены ли они различным божествам подземного мира?

И cippi, и божество с безликой головой в виде цилиндрического столбика являются, по единодушному мнению исследователей, пережитком древнейших культов [42]. Свидетельством тому служат не только материалы современных археологических исследований, но и литературные записи очевидца [43]. В Феспиях Павсаний видел «простой необтесанный камень», отождествленный с Эротом [44], в Сикионе — изваяние Зевса в виде пирамиды и колонну, олицетворяющую Артемиду [45]; в Мегарах — «камень, имеющий вид небольшой пирамиды. Они называют его Аполлоном Каринским» [46].

Cippi из Херсонеса — памятник этого же круга. Его тоже можно толковать как магический камень-столб, в котором подразумевалось какое-то божество, скорее всего хтоническое, так как памятник был поставлен на некрополе, но не у могилы.

Столбики, стелы с фронтоном и антропоморфные надгробия — целый ряд схожих памятников найден в Кирене, Коринфе и в Северном некрополе Херсонеса. Не случайно Г. Робинсон, пытаясь объяснить находку безликой головы в Коринфе, в качестве аналогии приводит не только статуи из Кирены, но и антропоморфные надгробия из Танаиса, Пантикапея и Херсонеса, считая их памятниками единого значения [47].

Интересно, что на рельефных прядях волос безликой статуи из Кирены (рис. 1, *17*; 3, *2*) замечены следы красной краски [48]. Может быть, и здесь, как на херсонесских антропоморфных надгробиях, роспись лица была, но не сохранилась? Правда, А. Роу отмечает, что статуи без лица никогда не расписывались [49] и в этом выражена суть Персефоны — се-

---

[38] Ibid., tabl. 11c.
[39] Ibid., p. 5.
[40] Ibid., p. 3, 4.
[41] *Jean et Laurence Jehasse.* Op. cit., p. 428, tabl. 167.
[42] *H. S. Robinson.* Op. cit., p. 26. Здесь же ссылки на литературу по этому вопросу — p. 21, 22, 26; *A. Rowe.* Op. cit., p. 4; *В. В. Лапин.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, стр. 210—221; *В. Латышев.* Очерк греческих древностей, II. СПб., 1886, стр. 37, 38.
[43] *Павсаний.* Описание Эллады. СПб., 1887—1889. Пер. Г. Янцевецкого.
[44] Павс., IX, 27.
[45] Павс., II, 9.
[46] Павс., I, 44.
[47] *H. S. Robinson.* Op. cit., p. 20.
[48] *A. Rowe.* Op. cit., tabl. 29a.
[49] Ibid., tabl. 27a, Note, p. 3, 4.

зонное ее умирание (статуи безликие) и воскрешение (статуи с лицом).

Возникает предположение: не имеем ли мы ту же картину в Херсонесе? Может быть, на части надгробий никогда и не было написано лицо? Иначе говоря, не являются ли женские антропоморфные надгробия Херсонеса изображением Персефоны (Коры) либо Деметры? Здесь мы выдвигаем одну из гипотез о происхождении антропоморфных надгробий Херсонеса. На некрополе Кирены в течение трех сезонов (1955—1957 гг.) найдено 20 статуй Персефоны и ни одной мужской скульптуры [50]. В Херсонесе из 40 скульптурных антропоморфных надгробий [51] с целым (неповрежденным) верхом — 36, бесспорно, женские, так как имеют рубец либо треугольное возвышение, заканчивающееся рубцом; два надгробия с поврежденным верхом причислены нами к женской группе по характерным особенностям контура, о которых говорилось выше. Памятники с весьма заостренным верхом, как и «грибовидные», скорее всего следует считать женскими. «Круглоголовых» надгробий, не имеющих рубца, всего два, но одно из них вытянутой, яйцевидной формы (рис. 1, *13*).

Эдикулы с рельефным антропоморфным изображением убеждают нас в том, что все или почти все антропоморфные надгробия Херсонеса представляли собой женское изображение. Дело в том, что ни одно мужское надгробие Херсонеса не увенчано фронтоном. Очевидно, не случайно фронтон имеют только те надгробия, которые по надписям и атрибутам определены как женские [52]. Архитектурное обрамление всех херсонесских эдикул, имеющих рельефное изображение головы, представляет фронтон с двумя пилястрами. В некоторых из них антропоморфное изображение имеет круглую голову и выделенную шею. Таким образом, два скульптурных антропоморфных надгробия с круглой головой, по всей видимости, следует тоже считать женскими.

Итак, не одна ли и та же причина в Кирене и Херсонесе заложена в этом сходстве формальной ситуации?

Интересный материал дает хора Херсонеса. На Тарханкуте, близ Ярылгачской бухты, в 1969 г. был раскопан курган-кенотаф, второй половины IV — первой половины III в. до н. э. [53] А. Н. Щеглов пишет: «Почти в центре кургана находилась впущенная в насыпь, слегка сужающаяся к одному концу, яма, облицованная небольшими известняковыми камнями в 2—3 ряда. Заполнение ее — натечная земля. Следов перекрытия не обнаружено. Судя по светло-желтому выбросу с северо-западной стороны ямы, упавшим внутрь ее камням облицовки и характеру заполнения, яма была открытой. Никаких следов погребения, как и в остальных могилах, не оказалось; но возле ямы найдены обломки разбитого в древности лепного горшка, свинцовое усеченно-коническое пряслице (рис. 29, *8*) и раковины морских моллюсков.

Полной неожиданностью, как, впрочем, и все остальное, явилось использование в облицовке бортов описанной «могилы» антропоморфного надгробия и фрагмента плиты с греческой надписью (рис. 29, *1—3*)» [54].

Надгробие женское, об этом говорит его удлиненная форма и рубец, пересекающий весь затылок посередине [55]. Не женское ли божество изображало это надгробие, поставленное на вершину кургана у жертвенного места? Тогда присутствие антропоморфного памятника на вершине кургана не так уж неожиданно. Вспомним статуи Персефоны у жертвен-

[50] Ibid., Op. cit., p. 1—3, tabl. I.

[51] В это число не включены надгробия с высокими основаниями (типа боспорских).

[52] *Э. И. Соломоник.* НЭПХ, Киев, 1964, № 30; ее же. НЭПХ, Киев, 1973, № 139, 140, 142, 145, 151, 156, 158, 162; *В. Н. Даниленко.* Надгробные стелы. СХМ, IV, 1969, стр. 30, 43.

[53] *А. Н. Щеглов.* Курган-кенотаф близ Ярылгачской бухты. КСИА АН СССР, 130. 1972, стр. 70 сл.

[54] Там же, стр. 74.

[55] Там же, стр. 73, рис. 29, *1, 2.*

ных столиков в Кирене или на крыше дромоса, ведущего в подкурганную камеру.

Одно из антропоморфных надгробий (судя по абрису, женское) из некрополя у Ярылгачской бухты оказалось внутри подкурганного погребения [56]. Напомним cippi внутри погребальных камер в Алерии или антропоморфное надгробие, помещенное в могилу II в. до н. э. на некрополе «И» в Фанагории [57].

К сожалению, сейчас трудно определить, где в свое время были поставлены херсонесские антропоморфные надгробия, найденные внутри могил. По отчетам известно девять таких случаев [58], но по описанию нельзя сказать с определенностью, были ли они поставлены внутрь намеренно или упали в могилу со временем.

Как уже говорилось, антропоморфные надгробия Херсонеса небольшие по размерам (от 16 до 50 *см*) крепились на очень низких (5—15 *см*) плитках-подставках и ставились на могилу либо рядом с ней [59]. Малые размеры, низкая «посадка», поплечное, будто срезанное изображение — все это по сравнению с высокими стелами на высоких постаментах, одновременных антропоморфным надгробиям, всегда вызывало недоумение. Одним из критериев при определении статуй из Кирены послужила довольно странная обрубленность фигуры чуть выше колен. А. Роу говорит, что этим самым воспроизведен момент воскрешения Персефоны, ее выход из царства мертвых [60]. Не этот ли смысл вложен в поплечные скульптуры Херсонеса? Обратимся вновь к Павсанию: «Если идти прямой дорогой из Сикиона на Флиунт и повернуть на 10 стадий влево, будет Пирея и в ней храм Деметры Постасии и Коры. Во время празднеств мужчины празднуют в этой роще, а для женщин отводится другое место, так называемый Нимфеон, украшенное статуями Диониса, Деметры и Коры, которых видны только лица» [61].

А что означает антропоморфное надгробие рядом с высокой стелой? Из кладки внутреннего ядра башни XVII (Зенона) извлечено восемь постаментов [62] с двумя углублениями: большое для крепления стелы, малое для антропоморфного надгробия. Возможно, рядом со стелами, на которых изображались только символы или атрибуты [63], уместно было изображение божества, символизирующего связь мира живых с миром мертвых? А как понимать парные антропоморфные надгробия? Две головы вырезаны в одном камне с общим выступом для крепления [64], обе головы женские, так как на каждой имеется рубец. Известны три плитки-подставки с двумя выемками для крепления двух антропоморфных надгробий на каждом из них. Две подставки найдены в насыпи некрополя [65], третья — внутри могилы со множеством костяков [66]. Наиболее интересна находка 1913 г. на некрополе у Карантинной бухты. В дневнике Р. Х. Лепера запись: «Погребение в насыпи, прах головою на запад. С правой стороны челюсти стояла чернолаковая тарелка (786) со штам-

---

[56] Устное сообщение А. Н. Щеглова.

[57] *М. М. Кобылина.* Фанагория. МИА, 57, 1956, стр. 63; *И. Д. Марченко.* Раскопки восточного некрополя Фанагории. Там же, стр. 115.

[58] ИАК, 25, СПб., 1907, стр. 98, № 1976; ИАК, 42, СПб., 1911, стр. 18, № 2166; стр. 61, № 2320; Архив ХМ, д. 71, л. 79, мог. 131, л. 90, мог. 158; д. 72, л. 7, мог. 40, л. 14, мог. 121; д. 89, л. 4, мог. 24; д. 89а, л. 35, мог. 18.

[59] Архив ХМ, д. 88, л. 8, мог. 4.

[60] *A. Rowe.* Op. cit., p. 3, 4.

[61] Павс., II, 11.

[62] Консервационные работы С. Ф. Стржелецкого в 1960—1961 гг.

[63] *В. Н. Даниленко.* Ук. соч., стр. 29; *Л. Г. Колесникова.* Воинские надгробия. СХМ, IV, 1969, стр. 44 сл.

[64] Найдены в насыпи некрополя. ИАК, 4, СПб., 1902, стр. 115; *А. П. Иванова.* Херсонесские скульптурные надгробия..., стр. 109, рис. 1.

[65] ИАК, 25, СПб., 1907, стр. 117; Архив ХМ, д. 103, л. 49, № 2946.

[66] Архив ХМ, д. 71, л. 90—91, мог. 158.

лованным орнаментом и насечкой плохой работы, у головы стояло 2 надгробных памятника (932—933)»[67]. Надгробия имеют рубец — значит, оба женские.

Как видим, парные женские памятники ставились даже при одиночном захоронении. Что означало каждое из них? Может быть, одно (или оба?) следует рассматривать как изображение божества?

Таковы факты, позволившие выдвинуть гипотезу о смысловом значении антропоморфных надгробий Херсонеса. Предположение изложено как бы в «чистом» виде, однако противоречивость общественного строя и соответствующих ему идей и взглядов сложнее и многообразнее проявлялись в жизни, чем мы иногда это рисуем по остаткам материальной культуры. На каком-то этапе длительного развития античного общества происходили слияния или членения представлений, понятий, образов и херсонесские антропоморфные надгробия могли нести на себе отражение этого процесса, например, при синкретизме двух или нескольких образов могла сохраниться только одна форма художественного их выражения.

В заключение следует остановиться на факте, который не может быть истолкован в пользу таврской принадлежности надгробий. Контуры многих из них как объемных форм, так и рельефных (в эдикулах), отличаются совершенством линий. Мастер точно, не без изящества обрисовывал контур, плавно и мягко моделируя все изгибы формы (рис. 1, *5;* 2, *1*, *2*; 4, *1*). На двух надгробиях (рис. 1, *6*; 2, *2*) сохранился след грунтовки розового цвета, очевидно, известь с керамикой, истертые в порошок. Врезанные линии разлиновки, отчетливо выступающие на лицевой плоскости нескольких памятников[68], говорят о том, что грунтовку под роспись наносили не на единичные экземпляры. Тонкая линия контура в сочетании с живописью, исполненной на грунтованной поверхности, создавали, надо полагать, иллюзию объемного изображения. Речь идет о части надгробий, живопись которой, возможно, не уступала по качеству имеющимся в Херсонесе образцам[69]. Роспись грубо исполненных надгробий высокими достоинствами, конечно, не обладала.

Любопытна еще одна деталь, ранее не замеченная. Четыре памятника (из них три эдикулы) снабжены неглубокими (1,5—2 *см*) круглыми (диаметр 1 *см*) углублениями. На одной из эдикул[70] их три: два над головой (по одному с каждой стороны) и одно в углу, у капители правого пилястра; на второй — в углу, у капители правого пилястра[71], на третьей — в центре треугольного выступа (фронтон?) венчающей части[72]. Скульптурное надгробие имеет такое же углубление на горизонтальной плоскости правого плеча (рис. 1, *16*). Очевидно, это гнезда для штырей (возможно свинцовых), с помощью которых крепились какие-то предметы, обусловленные культовыми обрядами[73], как, например, колосья, цветы или венки, часто встречающиеся на изваяниях Коры и Деметры[74].

Подведем краткий итог сказанному. Следы полихромной росписи на антропоморфных надгробиях Херсонеса определили правомерность реконструирования утраченного изображения. Однако остатки красочного слоя настолько незначительны, что для опытов по воспроизведению первоначального вида надгробий послужила сама форма памятника. По харак-

---

[67] Архив ХМ, д. 88, л. 8, мог. 4; *Л. Г. Колесникова.* Кому принадлежали..., стр. 46, рис. 2, *1—3*.

[68] Там же, рис. 2, *2*.

[69] *С. Ф. Стржелецкий.* Живопись и полихромные росписи. СХМ, IV, 1969, стр. 77.

[70] *Л. Г. Колесникова.* Кому принадлежали..., стр. 42, рис. 1, *2*.

[71] Хранится в ХМ, инв. № 8185.

[72] *Л. Г. Колесникова.* Кому принадлежали..., стр. 44, рис. 1, *3*.

[73] Павс., II, 11. Аналогичные штыри на боспорских статуях: *В. Д. Блаватский.* Ук. соч., стр. 183, рис. 54.

[74] *М. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. IX, *1—4*.

теру внешних очертаний антропоморфной скульптуры ее можно понимать как изображение женщины в покрывале, наброшенном на голову. Подтверждением этому служит рельефный рубец (валик) на верхней и тыльной частях скульптурной головы, который является не чем иным, как складкой, образованной перегибом покрывала.

В коллекции Херсонесского музея известно 38 целых женских антропоморфных надгробий. Этот итог в сочетании с такими особенностями, как странная обрубленность надгробий по плечам, низкая «посадка», на плитках, установка их не только у могилы, но и внутри ее позволяют высказать одну из гипотез о смысловом значении антропоморфных надгробий Херсонеса: не являются ли они изображением воскресающей Персефоны — Коры? Примером тому могут служить скульптуры из некрополя Кирены, которые А. Роу считает статуями Персефоны. Таким образом, антропоморфные надгробия Херсонеса следует рассматривать не с точки зрения их «варварского» происхождения, а с точки зрения многообразного выражения равнозначных явлений на обширной территории античного мира.

L. G. Kolesnikova

SIGNIFICATION ET EMPLACEMENT DES MONUMENTS FUNERAIRES ANTHROPOMORPHES DE LA NECROPOLE DE CHERSONESE

Résumé

Les traces de polychromie sur les monuments funéraires de Chersonèse ont justifié la restitution des représentations figurées sur le côté face. Cependant, ces restes de couleurs sont si infimes que c'est surtout la forme elle — même du monument qui a été prise pour base d'une reconstitution. Par le caractère des contours de la sculpture anthropomorphe, on a pu reconnaître la représentation d'une femme, la tête couverte d'un voile (fig. 1, 1-4). Comme preuve à l'appui de cette interprétation peut servir un bord en relief (sorte de bourrelet) sur le haut de la tête et la nuque (fig. 1, 16; 3, 7; 4, 1), qui n'est autre que le pli formé par l'étoffe du voile (fig. 4, 2—3). Sauf deux sculptures avec des têtes rondes, tous les 38 autres monuments funéraires anthropomorphes de Chersonèse représentent des femmes. Cette conclusion statistique, plus les particularités des monuments eux — mêmes (les épaules tronquées d'une façon étrange, la basse «implantation» sur les dalles-supports) permettent de se prononcer pour une des hypothèses sur leur signification (le sens logique): ne serait — ce pas des représentations du retour à la vie de Perséphone-Korè? Un exemple pouvant étayer cette supposition est fourni par des sculptures de la nécropole de Cyrène, que A. Rowe estime être des statues de Perséphone. Telle est l'une des suppositions sur le sens logique des monuments funéraires de Chersonèse.

А. С. СКРИПКИН

ФИБУЛЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

(по материалам сарматских погребений)

Интерес археологов к этой категории находок не случаен. На протяжении длительного времени фибулы являлись объектом пристального изучения. Разрабатывалась их типология, выяснялись центры производства и техника изготовления, районы и время бытования тех или иных типов [1]. В настоящее время фибулы имеют большое значение в вопросах датировки отдельных памятников и целых культур. Для определения хронологии сарматских погребений Нижнего Поволжья фибулы как наиболее изученная категория вещей являются одним из основных компонентов. Цель предлагаемой статьи — систематизация всех известных фибул в сарматских погребениях Поволжья, уточнение датировок отдельных их типов и изложение в связи с этим некоторых соображений исторического порядка.

Из всех предшествующих публикаций только в фундаментальной работе А. К. Амброза в более полном объеме уделено внимание фибулам, происходящим из Нижнего Поволжья [2]. Однако со времени выхода в свет этой работы накоплен новый материал, требующий обобщения. К тому же знакомство с работой А. К. Амброза показало, что им были включены не все находки фибул, известные в то время в Нижнем Поволжье. Требуют исправления и некоторые неточности, имеющие место в указанной работе по отношению к поволжским фибулам, которые могут быть отнесены за счет издержек для работы со столь широким охватом материала.

Фибулы в Нижнем Поволжье появляются с начала среднесарматского периода. Мне пока неизвестно ни одного случая находки фибул в погребении, которое с уверенностью может быть отнесено к прохоровской культуре. В среднесарматское время фибулы употреблялись еще редко, большая их часть в рамках этого периода датируется I в. н. э. Коренным образом картина меняется в позднесарматское время, когда фибулы становятся особенностью материальной культуры этого этапа. Увеличение количества фибул в Нижнем Поволжье связано с начавшимся интенсивным их производством в городах Северного Причерноморья. С этого же времени увеличивается число их находок на Нижнем Дону, Кубани и Северном Кавказе.

Всего мной учтено 133 фибулы различных типов в сарматских погребениях в пределах Астраханской, Волгоградской, Саратовской и частично Куйбышевской областей, а также Калмыцкой АССР (рис. 1). Среди находок преобладают лучковые фибулы с подвязным приемником, которые составляют примерно половину всех находок, затем следуют профилированные фибулы и фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника. Другие типы представлены единичными экземплярами.

[1] *А. К. Амброз.* Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д 1—30. М., 1966, стр. 5—9.

[2] Там же.

При составлении классификации фибул был использован опыт предшествующих исследователей. Наиболее детальная классификация для фибул Юго-Восточной Европы дана А. К. Амброзом [3], ее в общих чертах я и придерживаюсь в этой работе, оперируя следующими классификационными категориями: группа, тип [4], вариант, в отдельных случаях выделяется подвариант.

В определении хронологических рамок того или иного типа или варианта учитывались различные моменты: время его появления и распро-

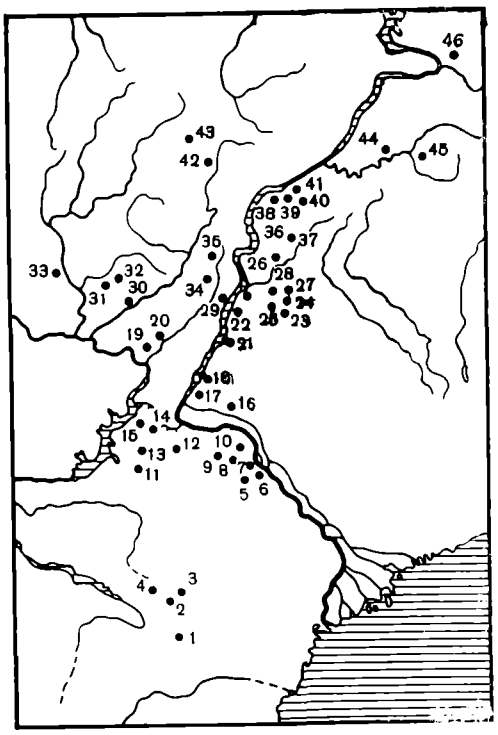


Рис. 1. Места находок фибул в Нижнем Поволжье. *1* – Восточный Маныч; *2* – Архара; *3* – Три брата, гр. II; *4* – Элиста; *5* – Сазонкин бугор; *6* – Соленое Займище; *7* – Барановка; *8* – Ордынский бугор; *9* – Кузин хут.; *10* – Старица; *11* – Терновка; *12* – Абганерово; *13* – Жутово; *14* – Жирноклеевский; *15* – Колпачки; *16* – Ленинск; *17* – Верхнее Погромное; *18* – Калиновка; *19* – Авилов; *20* – Ютаевка; *21* – Быково; *22* – Политотдельское; *23* – Иванцовка (Альт-Веймар); *24* – Харьковка; *25* – Красный Октябрь (Шульц); *26* – Бережновка; *27* – Кано; *28* – Белая Куба; *29* – Котово; *30* – Сидоры; *31* – Короли; *32* – Новоаннинск; *33* – Нехаево; *34* – Новая Норка; *35* – Каменка; *36* – Визенмиллер; *37* – Усатово; *38* – Энгельс (Покровск); *39* – Суслы; *40* – Тонкошуровка (Мариенталь); *41* – Бородаевка; *42* – Аткарск; *43* – Машевка; *44* – Успенка; *45* – Максютово; *46* – Березняки

странение в близлежащих к Поволжью памятниках, откуда предположительно он мог попасть к сарматам, а также характер взаимовстречаемости с другими более или менее точно датируемыми вещами [5] и некоторые другие обстоятельства. Большинство фибул, найденных в Нижнем Поволжье, были изготовлены в городах Боспорского царства. Поэтому одно из главных мест отводится тем памятникам, которые находились на его территории или в непосредственной к ней близости и в которых фибулы аналогичных типов представлены сериями. К таким памятникам прежде всего относятся некрополи Танаиса и Кобякова городища, затем синхронные памятники Кубани и Северного Кавказа.

Лучковые фибулы с подвязным приемником. Фибулы этой группы наиболее распространены в сарматских памятниках Нижнего Поволжья. Обнаружено их 65 экземпляров, подразделяющихся на два типа [6].

Фибулы I типа — проволочные, одночленные, с четырехвитковой пружиной и верхней тетивой. Численно этот тип преобладает (53 экз.). В зависимости от пропорций корпуса и его оформления выделяют пять вариантов этого типа фибул [7]. Фибулы первого варианта небольших раз-

[3] Там же, стр. 7.

[4] Соответствует серии в классификации А. К. Амброза.

[5] Характер связи между взаимовстречающимися типами определялся по методу, предложенному Г. А. Федоровым-Давыдовым. *Г. А. Федоров-Давыдов.* О датировке типов вещей по погребальным комплексам. СА, 1965, стр. 50—63; *его же.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 93—95.

[6] Я не учитываю здесь одной фибулы, обнаруженной А. А. Спицыным у с. Лебяжье теперешней Волгоградской обл., так называемой «лебяжьинской» серии, которая подробно описана А. К. Амброзом (*А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 56).

[7] Там же, стр. 48—51.

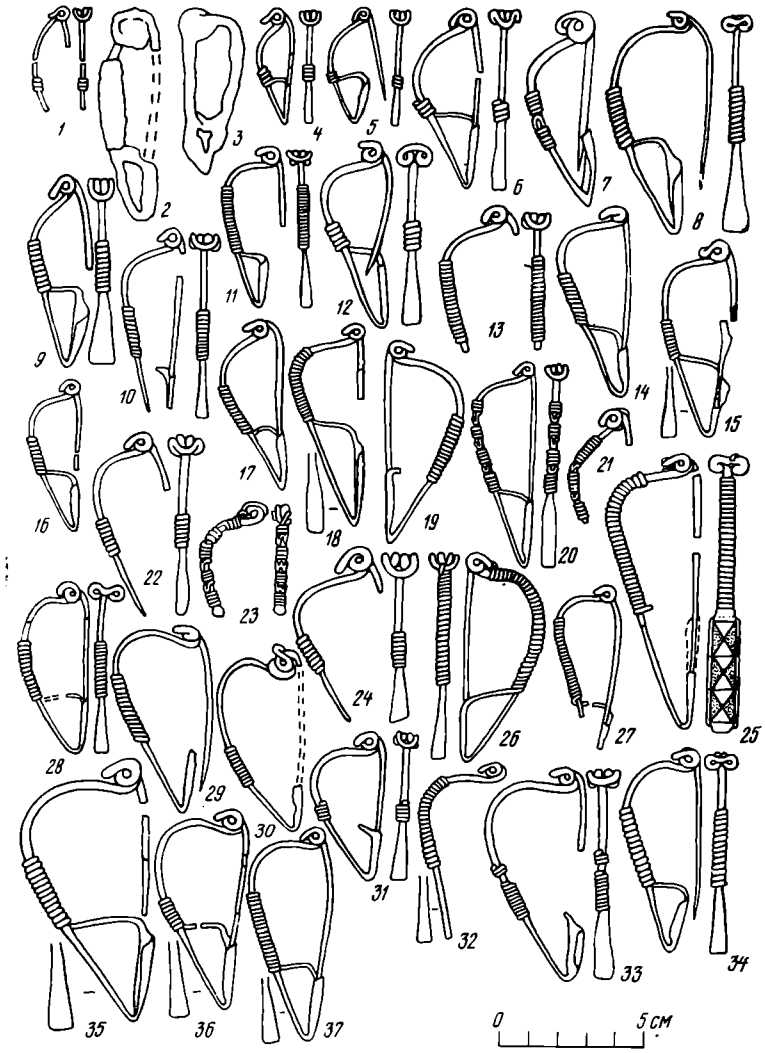


Рис. 2. Лучковые подвязные фибулы

меров, с низкой спинкой и слабо прокованной ножкой, которая по ширине не превышает спинку (рис. 2, *1, 2*). Вариант второй отличается более сильной проковкой ножки (рис. 2, *4, 5*). Фибулы третьего варианта уже значительно бóльших размеров, с высокой плавно изогнутой и пластинчатой ножкой (рис. 2, *6*). У фибул четвертого варианта спинка сильно изогнута, значительная часть ее покрыта обмоткой, иногда фигурной, ножка треугольная (рис. 2, *7—27*). Фибула из усатовского кургана F16 с орнаментированной прямоугольной ножкой может быть выделена в подвариант (рис. 2, *25*). У пятого варианта основные характеристики те же, что и у 4-го варианта, отличие заключается лишь в сильном изгибе спинки, которая нависает над пружиной (рис. 2, *26—37*; рис. 3, *1—4*).

Все пять вариантов отражают морфологические изменения, которые претерпели фибулы I типа в процессе своего развития на протяжении нескольких веков. Количественно фибулы этого типа по вариантам распределены неравномерно: 2 — первого варианта, 2 — второго, 1 — третьего, 20 — четвертого, 17 — пятого. Вариант 11 фибул I типа не определен ввиду испорченности или их утраты, но, вероятно, большая их часть принадлежала последним двум вариантам.

II тип представлен двучленными фибулами с расширенной ножкой. Передний конец спинки у них загнут в кольцо, в котором удерживается ось пружины, тетива нижняя. Спинки в сечении разнообразны: круглые,

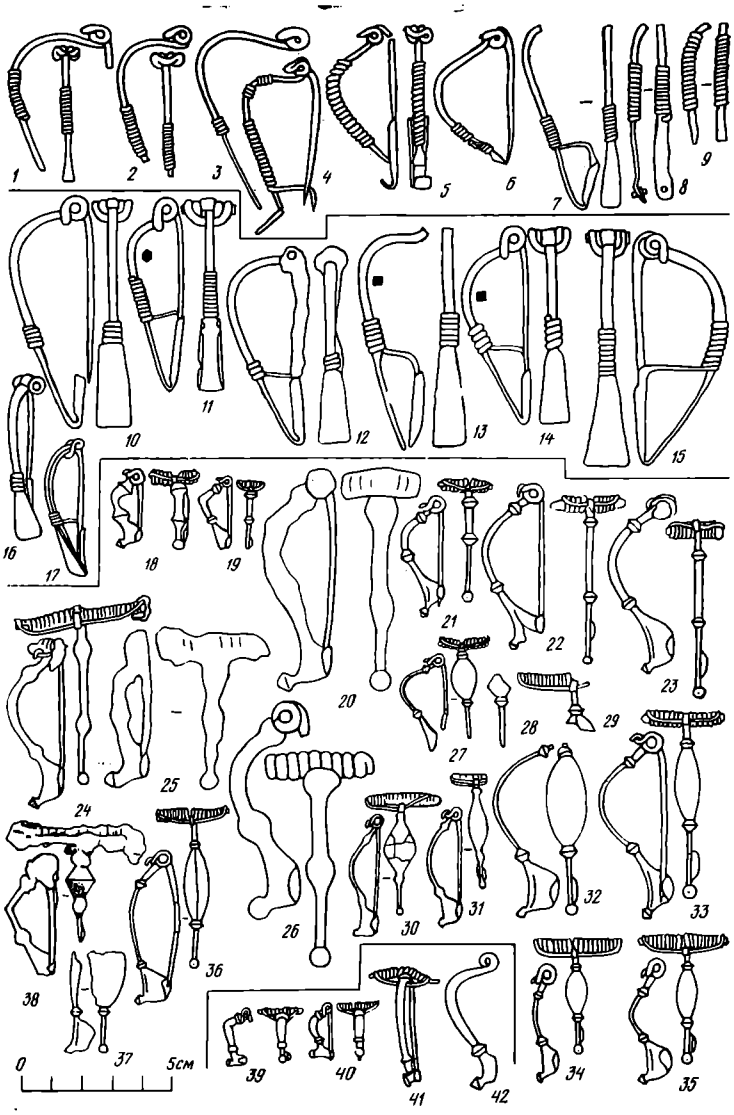


Рис. 3. Лучковые подвязные фибулы и сильно профилированные фибулы. Масштаб относится ко всем фибулам, кроме *16, 17, 30, 31*

квадратные, шестиугольные. Из девяти известных мне фибул этого типа одна серебряная, остальные бронзовые и одна фибула имеет железную иглу (рис. 3, *10—17*) [8].

Производство лучковых подвязных фибул первого типа, по мнению большинства, складывается в городах Северного Причерноморья к рубежу новой эры, вероятно, на основе среднелатенских схем [9]. В результате торгового обмена эти фибулы попадали в степи к сарматам Поволжья преимущественно через Нижний Дон.

[8] В своде А. К. Амброза для Нижнего Поволжья приведено 15 экземпляров фибул этого типа (*А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 53). Однако эта цифра неверна. В кург. 17, в группе «Три брата», фибул нет. (См. *П. С. Рыков.* Археологические раскопки в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, 1936, 1, стр. 149). В перечневой описи вещей из раскопок А. А. Спицына в Новой Норке упоминается только одна фибула, которая, судя по сохранившемуся снимку, относится к фибулам с завитком на конце пластинчатого приемника (Архив ЛОИА, ф. 1, 1895/79, л. 69). В ряде случаев им указаны фибулы других типов: «Три брата», кург. 24 (рис. 3, *1—2*, в настоящей статье); Сусловский курганный могильник (рис. 2, *9*).

[9] *А. І. Фурманська.* Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, VIII, 1953, стор. 84; *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 92, 93.

Таблица I

Взаимовстречаемость фибул с различными категориями вещей в сарматских погребениях Нижнего Поволжья

Типы вещей			Кружки, рис. 4, 1	Сосудики, рис. 4, 2	Кувшины, рис. 4, 3, 4	Кувшины, рис. 4, 5	Кувшины, рис. 4, 6, 9	Кувшины, рис. 4, 10	Миски, рис. 4, 7	Миски, рис. 4, 8	Корчаги, рис. 4, 11	Горшки, рис. 4, 14	Горшки, рис. 4, 15	Курильницы, рис. 4, 12	Курильницы, рис. 4, 13	Зеркала, рис. 4, 16	Зеркала, рис. 4, 17	Зеркала, рис. 4, 22, 23	Зеркала, рис. 4, 24	Бусы, рис. 4, 25	Бусы, рис. 4, 26, 27	Бусы, рис. 4, 28	Бусы, рис. 4, 29, 30	Бусы, рис. 4, 31—35	Бусы, рис. 4, 36	Лунницы, рис. 4, 37	Ножницы, рис. 4, 21	Пряжки, рис. 4, 18—20	Колчаны со стрелами	Античная посуда
1	Тип I	Вариант 1	x													x							x					x	x
		Вариант 2		x										x															x	
		Вариант 3									x						x													
		Вариант 4				o	x			o		o	o		x	o		x		x	x	x					o			
		Вариант 5					x			x		x			x			x	o	o	x						x			
		Тип II						x							o				x		x			x		x				
2	Тип I	Вариант 1				x				o					o			o					x	o						x
		Вариант 2			x	o	o		x	x	x			o		o		x	o								o			
3		Тип II								x					x				x		x			x	x					
	Тип I	Вариант 1											o		x			o		o	x									
		Вариант 2											x							o	o	o						x		

x — сильная положительная связь, o — слабая связь, 1 — лучковые фибулы, 2 — сильно профилированные, 3 — фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника.

Таблица II

Сочетание находок фибул с некоторыми чертами погребального обряда

Некоторые черты погребального обряда			Формы могильных ям							Ориентировка		Деформация черепа
			квадратные			подбойные	прямоугольно-удлиненные	с заплечиками	катакомбные	южный сектор	северный сектор	
			положение по диагонали	положение по оси ямы	положение не установлено							
1	Тип I	Вариант 1				1	1			2		1
		Вариант 2	1			1				2		2
		Вариант 3	1							1		1
		Вариант 4	1	4	1	6	6			2	13	16 (13)
		Вариант 5	2			12	1	2		5	9	9 (5)
		Тип II				5	2				7	5 (5)
2	Тип I	Вариант 1	3		2	1				1	2	3 (1)
		Вариант 2	10	1	3	3	1			8	3	11 (3)
		Тип II							2		1	1 (1)
3	Тип II	Вариант 1				4		1			4	4 (4)
		Вариант 2				8	5			2	10	9 (6)

Примечание. 1 — лучковые фибулы, 2 — сильно профилированные, 3 — фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника. В графах «формы могильных ям» указано число фибул, в графе «деформация черепа» первое число обозначает общее количество сохранившихся черепов, в скобках — из них деформировано.

Лучковых фибул I типа первых трех вариантов в Поволжье немного. Мне известны две находки фибул первого варианта: одна изготовлена из бронзы [10], другая — из железа. Бронзовая фибула найдена в богатом погребении Калиновского могильника в кург. 55/8 (рис. 2, *1*) [11].

Железная фибула найдена у с. Верхнее Погремное в кург. 1/12 (рис. 2, *2*) [12]. Большинство исследователей датируют этот вариант I в. н. э., преимущественно его первой половиной [13]. Эта дата подтверждается и на нижневолжском материале. Оба погребения по обряду и сопровождающим вещам принадлежат к кругу памятников среднесарматского времени (табл. I, II). В калиновском погребении вместе с южноиталийскими металлическими сосудами I в. до н. э.— I в. н. э. найдена полусферическая стеклянная чаша I в. н. э. с вертикальными каннелюрами [14].

К этому же варианту А. К. Амброз относит железную фибулу, найденную в кург. 7/2 Быковского могильника (рис. 2, *3*) [15]. Но, как отмечает исследователь Быковских курганов К. Ф. Смирнов, сильная окисленность этой фибулы не позволяет точно установить ее тип [16]. Не

[10] Анализ металла, из которого изготовлялись фибулы, найденные в Нижнем Поволжье, не производился. Спектральный анализ фибул некрополя Кобякова городища показал, что все они латунные. Поэтому название «бронзовые фибулы» применяется здесь условно (*С. И. Капошина.* Отчет об археологических раскопках Кобякова городища в 1957 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 1684).

[11] *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 403, 464, рис. 52, *1*.

[12] *В. П. Шилов.* Археологические исследования Астраханской экспедиции в 1957 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 1563, стр. 10, 11.

[13] *А. І. Фурманська.* Ук. соч., стр. 82 сл.; *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 48; *его же.* Фибулы из раскопок Танаиса. Античные древности Подонья — Приазовья. М., 1969, стр. 251; *Т. М. Арсеньева.* Могильник у дер. Ново-Отрадное. Сб. «Поселения и могильники Керченского полуострова начала нашей эры». М., 1970, стр. 141, 142.

[14] *В. В. Кропоткин.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.—V в. н. э.). САИ, Д 1—27, М., 1970, стр. 101.

[15] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966) стр. 49.

[16] *К. Ф. Смирнов.* Быковские курганы. МИА, 78, 1960, стр. 262.

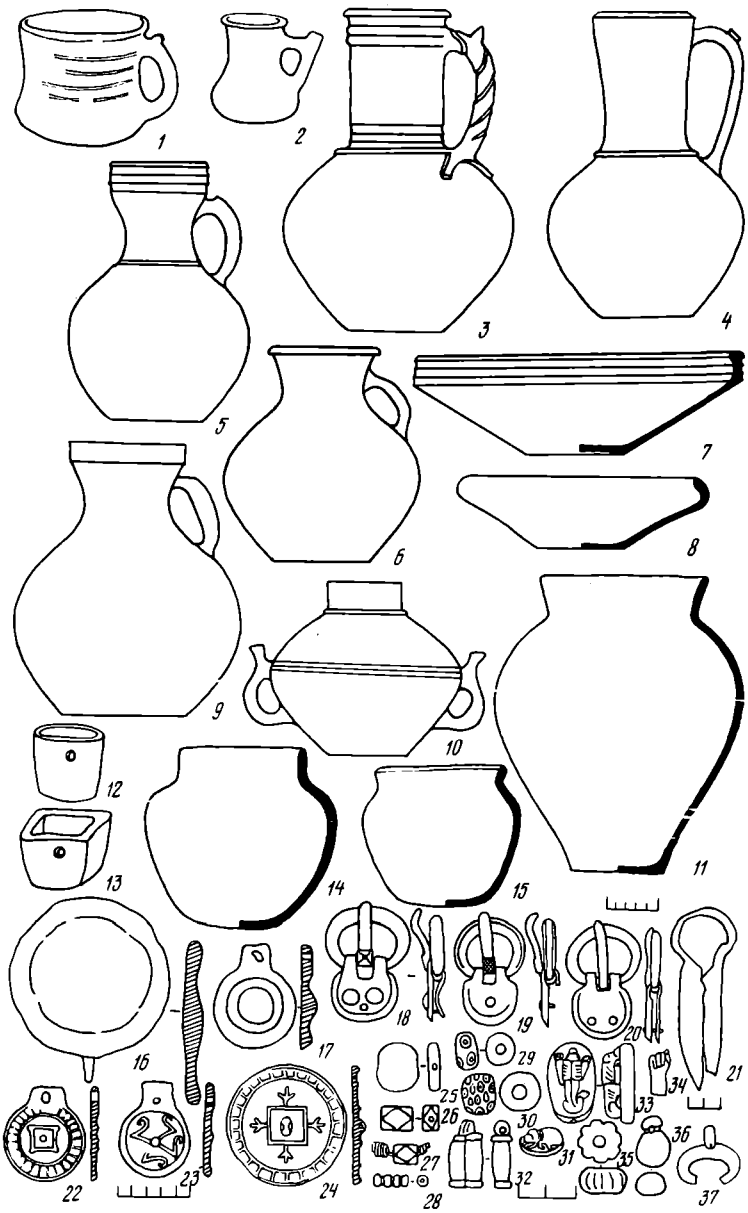


Рис. 4. Некоторые категории вещей, проявляющие повышенную взаимовстречаемость с различными типами фибул

исключено, что она иного образца. Из 1-го варианта необходимо исключить и фибулу из авиловского кург. № 4 группы II [17]. Во-первых, по основным своим характеристикам — достаточно сильному изгибу спинки и широкой ножке — она скорее всего должна быть включена в 4-й вариант. Во-вторых, А. К. Амброз слишком удревнил дату погребения из этого кургана, по обряду и вещам оно датируется концом II — первой половиной III в. н. э.[18]

Из фибул 2-го варианта одна обнаружена в кург. № 32 у хут. Кузин (рис. 2, *4*) [19], а вторая — в кург. № 12 у хут. Короли (рис. 2, *5*) [20].

[17] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 48, 49.

[18] *И. В. Синицын.* Археологические памятники в низовьях реки Иловли. Уч. зап. СГУ, XXXIX, истор. вып., Саратов, 1954, стр. 224.

[19] *В. П. Шилов.* Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции за 1962 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2728, стр. 44—46.

[20] *В. И. Мамонтов.* Отчет о работе Приволжского археологического отряда Астраханской экспедиции за 1969 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3959.

Южная ориентировка костяков, отсутствие обычая деформации черепов в этих погребениях позволяют отнести их к среднесарматскому времени (табл. II). Для этого времени характерны и цилиндрические курильницы, и колчаны со стрелами [21], с которыми найдены указанные фибулы и которые почти не встречаются в погребениях позднесарматской культуры. Все это не противоречит уже принятой в археологической литературе дате фибул этого варианта: вторая половина I — начало II в. н. э.[22]

К 3-му варианту лучковых фибул I типа в Нижнем Поволжье относится всего лишь один экземпляр. Эта фибула, обнаруженная в диагональном погребении в кург. № 14 Терновского могильника, уже значительно отличается от более ранних образцов (рис. 2, *6*) [23]. Много фибул этого варианта встречено в некрополе Кобякова городища. С. И. Капошина датирует их I—II вв. н. э.[24] Однако эта дата представляется довольно широкой. В терновском погребении вместе с фибулой найдено бронзовое зеркальце-подвеска с коническим выступом посередине (рис. 4, *17*), которое представляет собой ранний вариант зеркал этого типа. Большая часть таких зеркал происходит из районов Северного Кавказа, где они датируются преимущественно I в. н. э. В других районах, в том числе и в Поволжье, они встречаются и в начале II в. н. э.[25] Наблюдение за взаимовстречаемостью этого варианта фибул с другими типами фибул в погребениях Кобяковского некрополя показывает, что они чаще всего встречаются с пружинными фибулами с кнопкой на конце пластинчатого приемника, которые А. К. Амброз датирует концом I — первой половиной II в. н. э.[26] Начиная со второй половины II в. н. э. в погребениях Кобякова некрополя распространяются лучковые фибулы 4-го, а затем и 5-го вариантов, представляя собой дальнейшее развитие этого типа фибул. Следовательно, распространение фибул 3-го варианта в Кобяковом некрополе приходится в основном на первую половину II в. н. э. В целом этим же временем склонен датировать фибулы 3-го варианта и А. К. Амброз [27]. Основную массу лучковых фибул с подвязным приемником I типа в Поволжье составляют фибулы 4-го и 5-го вариантов.

Фибулы 4-го варианта начинают распространяться во второй половине II в. н. э.[28] В конце II в. они иногда встречаются вместе с фибулами 5-го варианта, а затем постепенно вытесняются ими [29]. Фибулы 5-го варианта наибольшее распространение получают в первой половине III в. н. э., по крайней мере в памятниках Нижнего Дона и Поволжья. В Нижнем Поволжье фибулы 4-го и 5-го вариантов обнаруживают повышенную взаимовстречаемость с различными категориями вещей, характерных для развитой позднесарматской культуры (табл. I).

В середине III в. поступление лучковых подвязных фибул I типа в Нижнее Поволжье прекращается в связи с активизацией племен готского союза, приведшей к разрушению Танаиса и других производственных центров Северного Причерноморья. После этих событий в Нижнем Поволжье начинают встречаться фибулы, изготовленные в иных местах.

---

[21] В позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья вместо колчанов обычно встречаются одна или несколько стрел.

[22] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 49.

[23] *В. П. Шилов.* Отчет Астраханской археологической экспедиции за 1966 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4625, стр. 26, рис. 42.

[24] *С. И. Капошина.* Отчет об археологических работах Кобяковской экспедиции в 1959 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2022, стр. 61.

[25] *М. П. Абрамова.* Зеркала горных районов Кавказа в первые века нашей эры. Сб. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 129.

[26] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 43.

[27] Там же, стр. 49, 50.

[28] Там же, стр. 50.

[29] Там же, стр. 51.

Двучленные лучковые фибулы с подвязным приемником, выдсленные во II тип, встречаются на большой территории от Поволжья до Дуная. Намечается три района наиболее интенсивного их распространения: центральные районы Северного Кавказа, Керченский полуостров и Нижний Дунай [30]. Поволжье является восточной периферией их находок.

А. К. Амброз предполагал северопричерноморское происхождение этих фибул и дальнейшее их проникновение вместе с сарматами в Восточную Румынию. Датировал он их II—III вв. в Северном Причерноморье, а на Кавказе и в Поволжье и IV в.[31]

Существует и другое мнение, высказанное румынским археологом Г. Дьякону. Он считает, что эти фибулы первоначально появляются в низовьях Дуная в первой половине III в. н. э., унаследуя ряд черт от римских и дакийских фибул, а уже отсюда они распространяются в другие районы [32]. Если выводы Г. Дьякону верны, то тогда следует связывать распространение лучковых фибул II типа с продвижением каких-то племен в обратном направлении, нежели предполагал А. К. Амброз.

Однако как к тем, так и к другим выводам пока следует относиться весьма осторожно. Чтобы выяснить время и место появления этих фибул, надо обработать весь материал во всей его совокупности с учетом данных последних раскопок. Наша же цель более скромна — выяснить время появления фибул этого типа в Нижнем Поволжье.

Для уточнения даты распространения разбираемого типа фибул в Поволжье следует обратиться к материалам с поселений римского времени в низовьях Дона. Интересно отметить, что ни в Танаисе, ни в других поселениях дельты Дона, гибель большинства которых относится к середине III в. н. э., не обнаружено ни одного экземпляра таких фибул, хотя до середины III в. и на Нижнем Дону и в Поволжье бытовали в основном одни и те же типы фибул. Проникновение двучленных лучковых фибул в Нижнее Поволжье, по всей вероятности, происходит вслед за событиями середины III в.

В Нижнем Поволжье лучковые фибулы II типа проявляют повышенную взаимовстречаемость с определенным, довольно устойчивым кругом вещей (табл. I), среди которых следует выделить бронзовые зеркала с центральной петелькой (рис. 4, *24*). Для позднесарматской культуры характерны два основных типа зеркал: с боковым ушком и с центральной петелькой. Существует мнение, что на начальном этапе этой культуры преобладали зеркала первого типа, а на конечном — второго [33]. И действительно, если посмотреть на табл. I, то можно увидеть, что фибулы, датирующиеся не позднее середины III в. н. э., проявляют повышенную взаимовстречаемость с зеркалами с боковым ушком. Так, например, лучковые фибулы I типа 4-го и 5-го вариантов, общее число которых равно 37, очень часто встречаются с зеркалами с боковым ушком и только один раз встретились с зеркалом с центральной петелькой. И наоборот, фибулы II типа, которых девять штук, ни разу не встретились с зеркалами с боковым ушком, а с зеркалами с центральной петелькой — три раза. Следовательно, основное время бытования лучковых фибул II типа в Поволжье не совпадает с основным временем бытования ни последних двух вариантов лучковых фибул I типа, ни зеркал с боковым ушком. Это еще раз подтверждает мнение о том, что двучленные лучковые фибулы начинают поступать в Поволжье после середины III в., так как лучковые фибулы I типа последнего варианта бытовали здесь именно до этого времени.

---

[30] Там же, стр. 52.

[31] Там же, стр. 53.

[32] *Gh. Diaconu.* Über die Fibel mit umgeschlagenem Fuß in Dazien. Dacia, XV, 1971, S. 235—268.

[33] *А. М. Хазанов.* Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 65.

Интересна в этом плане и другая деталь: ни одна лучковая фибула II типа не найдена в погребении с квадратной ямой (табл. II). Этот тип могильных ям, широко распространенный в среднесарматское время и связанный с диагональным положением покойников, сохраняется и в начальном периоде позднесарматской культуры. С конца II в. н. э. их количество начинает резко сокращаться.

Вывод о том, что двучленные лучковые фибулы распространяются с середины III в., правомерен пока только для Нижнего Поволжья. Не исключено, что в других местах эти фибулы могут датироваться и более ранним временем. Так, находки их на территории Крымского полуострова совместно с другими вещами скорее всего говорят в целом о III в. как наиболее вероятном периоде их существования здесь [34]. К сожалению, фибулы с Северного Кавказа происходят из плохо документированных, в основном дореволюционных, раскопок. А этот район имеет, вероятно, непосредственное отношение к проникновению лучковых фибул II типа в Нижнее Поволжье.

После событий середины III в., изменивших в Северном Причерноморье политическую обстановку, в Поволжье прослеживается сильная струя северокавказского влияния. В погребениях вместе с лучковыми фибулами II типа здесь встречаются серебряные лунницы (рис. 4, *37*) и бусы из египетского фаянса (рис. 4, *31—35*), которые также широко представлены в находках на Северном Кавказе [35]. У с. Котова двучленная лучковая фибула найдена вместе с сильно профилированной фибулой II типа (рис. 3, *41*), которые известны преимущественно на территории Северного Кавказа (Кумбульта, Камунта, Чми, Алхаста) [36]. В Калмыкии в трехбратненских курганах фибулы разбираемого типа встречены с двуручными кувшинами (рис. 4, *10*), которые по характеру стилизации ручек находят ближайшие аналогии также на Северном Кавказе [37]. Несколько сложнее установить конечную дату существования фибул этого типа в Нижнем Поволжье. А. К. Амброз считает, что здесь они удерживаются и в IV в.[38], видимо, основываясь на дате П. С. Рыкова для трехбратненских курганов 12, 13, 14[39]. Однако навряд ли погребения из этих курганов можно датировать IV в. В конце III—IV вв. в Нижнем Поволжье получают распространение фибулы другого рода и проявляют они повышенную взаимовстречаемость с вещами иного круга. Наиболее вероятная дата распространения этого типа лучковых фибул в Нижнем Поволжье — вторая половина III в.

Сильно профилированные фибулы. Характерными особенностями этой группы фибул является: многовитковая пружина, намотанная на стержень с верхней или нижней тетивой, спинка обычно отделена от головки и ножки биконическими утолщениями, приемник плоский с бусинкой на конце. В сарматских погребениях Нижнего Поволжья профилированные фибулы представлены двумя типами.

Фибулы I типа имеют крючок для тетивы, тетива всегда верхняя. А. К. Амброз, основываясь на различиях пропорций корпуса, выделяет три варианта среди фибул этого типа. Для фибул 1-го варианта (вторая половина I — первая половина II в. н. э.) характерна короткая спинка и приемник, помещенный далеко от задней бусины. Фибулы 2-го (II в.) и 3-го вариантов (II — первая половина III в.) имеют один общий признак — приближенный к бусине приемник, а между собой они отличаются длиной спинки. Вариант 3 имеет более длинную спинку [40].

---

[34] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 53.
[35] МАК, VIII, 1900, табл. LXXII, *5—8, 15,* рис. 195, 261.
[36] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 42.
[37] МАК, VIII, 1900, табл. LXXXV, *6*; CXXVIII, *14*; CXXIX, *7*.
[38] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 53.
[39] *П. С. Рыков.* Ук. соч., стр. 145, 146, 153.
[40] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 40, 41.

Не имея ничего против выделения 1-го варианта, следует сказать, что критерий для различия двух последних вариантов не отличается достаточной точностью и при работе с массовым материалом не исключает элемента субъективизма. К тому же хронологические различия между ними не совсем ясны. Так, фибулы из кургана Д 12 Иванцовка и F 16 Усатово, относимые А. К. Амброзом ко 2-му варианту, следует датировать по всей совокупности черт погребального обряда и вещевого материала концом II — первой половиной III в. н. э.[41] Фибулы этого же варианта из Карабудахкента датируются II—III вв. н. э.[42]

В этой статье профилированные фибулы I типа, найденные в пределах Нижнего Поволжья, автор делит на два варианта. Вариант 1 включает фибулы с более ранними признаками, вариант 2 — с более поздними. К 1-му варианту отнесены фибулы с короткой спинкой, которая по длине меньше расстояния от задней бусины до кнопки приемника, и приемником, удаленным от задней бусины. Именно такие пропорции сближают их со своими более ранними дунайскими прототипами. В Нижнем Поволжье мне известно шесть экземпляров фибул этого варианта. Спинки всех фибул этого варианта оказались круглыми (рис. 3, *18—21, 25, 26*). Во второй вариант входят фибулы со спинками, превосходящими по длине указанное расстояние, у большинства из них приемник начинается сразу от задней бусины. У фибул этого варианта преобладают пластинчатые спинки. Здесь специально обращается внимание на форму спинки, поскольку данный признак в большей степени характерен для поздних фибул этого типа. В этом отношении интересную картину дает просчет соотношения фибул с круглой и плоской спинками по вариантам, приведенным у А. К. Амброза. Так, из 14 фибул первого варианта 13 оказались с круглой спинкой и только одна с плоской, а из фибул третьего варианта — 8 с круглой и 29 с плоской спинкой[43]. В Поволжье обнаружено 18 фибул I типа 2-го варианта (рис. 3, *22—24, 27—38*).

Фибулы II типа без крючка для тетивы. Тетива нижняя, удерживается под шейкой фибулы. В Нижнем Поволжье известно всего четыре фибулы этого типа, подразделяющихся на два варианта. Все они изготовлены из серебра. Вариант 1 отличается несколько большими размерами, круглой, с наибольшим изгибом в передней части спинкой. Одна из фибул одночленная (рис. 3, *41*), другая двучленная (рис. 3, *42*). Длина первой 4,3, второй 4,6 *см*. Фибулы второго варианта небольших размеров с массивной, круглой в сечении спинкой, подрезанной снизу. Одна фибула с коленоизогнутой спинкой одночленная, вторая с плавным изгибом спинки — двучленная, длина обеих 2 *см* (рис. 3, *39, 40*).

I тип сильно профилированных фибул, обнаруженных в сарматских погребениях Нижнего Поволжья, представляет собой боспорские образцы, развившиеся на основе дунайских профилированных фибул. Импортные профилированные фибулы, центром изготовления которых был Нижний Дунай, послужившие прототипом для изготовления фибул Боспора, известны в небольшом количестве на территории юга Европейской части СССР. Обычно они отличаются богатой орнаментацией бусин и спинки и датируются второй половиной I в. н. э.[44] Появление боспорских профилированных фибул как производных от дунайских следует относить или к самому концу I в., или к рубежу I—II вв. н. э. Из учтенных в своде А. К. Амброза 77 экземпляров этого типа ни один не может пока твердо датироваться I в. н. э.[45]

[41] *P. Rau.* Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagabiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927; *И. В. Синицын.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 50—55.

[42] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 41.

[43] Там же, стр. 40, 41.

[44] Там же, стр. 40, 94.

[45] Там же, стр. 40, 41.

На мой взгляд, существенно уточнить дату распространения I типа сильно профилированных фибул в Нижнем Поволжье позволяет анализ черт обряда погребений, в которых они были найдены, а также характер их распределения в пределах исследуемого района.

Фибулы этого типа в большинстве своем встречены в погребениях с квадратными ямами, преимущественно с диагональным положением костяков. Кроме того, в погребениях с профилированными фибулами I типа преобладает южный сектор ориентировок погребенных, невелик процент деформированных черепов (табл. II).

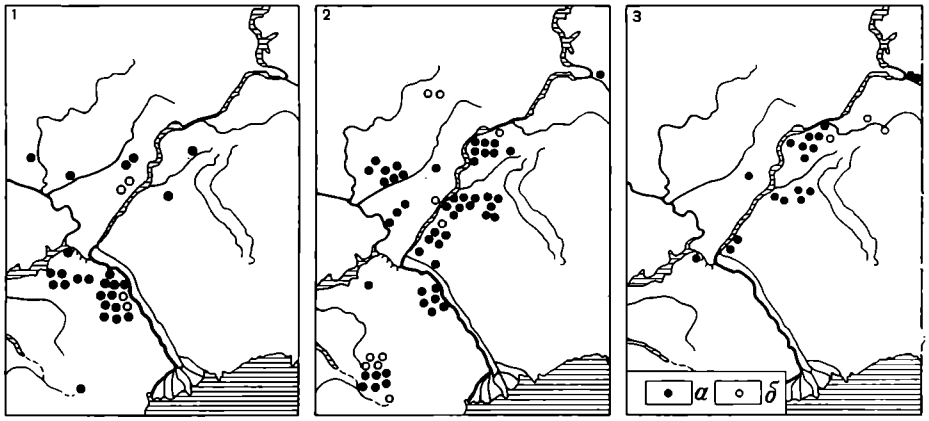


Рис. 5. Распространение фибул в Нижнем Поволжье по группам. *1* – сильно профилированные фибулы; *2*— лучковые фибулы; *3*— фибулы с завитком на конце приемника. *а* – тип I; *б* – тип II (каждый значок соответствует одному экземпляру)

Сравнение этих показателей с аналогичными показателями для лучковых фибул I типа 4-го и 5-го вариантов дает совершенно противоположную картину. Находки указанных лучковых фибул очень редки в диагональных погребениях. В погребении кург. Д 16 у Иванцовки, где найдена фибула 4-го варианта, диагональное положение погребенного выражено слабо, а две фибулы 5-го варианта найдены в одном погребении в кург. № 25 около Сидор. Наряду с этим возрастают находки этих фибул в подобных и прямоугольно-удлиненных ямах. В погребениях с лучковыми фибулами 4-го и 5-го вариантов преобладающим становится северный сектор ориентировок, довольно высок в них процент деформированных черепов.

Если оценивать эти различия в целом, то следует констатировать, что определяющие черты позднесарматской культуры в большей мере присущи тем погребениям, где были обнаружены лучковые фибулы I типа 4-го и 5-го вариантов, и в меньшей, где найдены профилированные фибулы I типа. Отсюда следует, что между этими группами фибул имеются хронологические различия. Если лучковые фибулы 4-го варианта, как было указано выше, появляются во второй половине II в. н. э., а 5-го варианта — в конце этого века, то основное время распространения сильно профилированных фибул I типа в Нижнем Поволжье должно предшествовать этим датам.

Очень интересные наблюдения позволяет сделать особенность распределения этих групп фибул в Нижнем Поволжье (рис. 5, *1*, *2*). Профилированные фибулы обнаружены в основном в междуречье Волги и Дона. Только две фибулы, относимые мной ко 2-му варианту (Усатово, кург. F 16 и Иванцовка, кург. Д 12) и датирующиеся концом II—первой половиной III в., найдены в Заволжье. Находки лучковых же фибул I типа 4-го и 5-го вариантов распределены равномерно как в междуречье Волги и Дона, так и в Заволжье.

Создается впечатление, что на протяжении большей половины II в. н. э. фибулы в Заволжье не попадали. Однако здесь известны находки фибул, датирующихся I в. н. э. и более ранним временем [46], и только через значительный промежуток времени в Заволжье широко распространяются лучковые фибулы I типа 4-го и 5-го вариантов.

Такое явление, на мой взгляд, объясняется следующими причинами. II в. н. э.— время формирования позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье. Причем основные компоненты позднесарматской культуры первоначально складываются в Заволжье, где значительную роль в этом процессе сыграло проникновение ираноязычного населения из районов Средней Азии. Анализ погребального обряда и материальной культуры позволил мне в свое время утверждать, что это проникновение привело к образованию двух племенных объединений: одного в Заволжье и другого в междуречье Волги и Дона, которые, вероятно, находились между собой во враждебных отношениях [47]. По этой причине профилированные фибулы I типа, которые поступали в Поволжье в основном через Танаис, не могли попасть в Заволжье. Такое положение сохраняется до третьей четверти II в., так как некоторые факты свидетельствуют, что именно в это время происходит объединение Нижнего Поволжья и интенсивное распространение основных черт позднесарматской культуры в междуречье Волги и Дона, особенно к югу от Волгограда. Это событие фиксируется на материале Нижнего Дона. В ономастике Танаиса появляется большое число новых иранских имен, которые ранее здесь не были известны и появление которых Д. Б. Шелов связывает с продвижением новых сарматских племен с Поволжья (я бы сказал из Заволжья) и датирует не позже третьей четверти II в. н. э.[48] С этими событиями, видимо, связано распространение в некрополе Танаиса северной ориентировки и обычая деформации черепов погребенных.

Только после этих событий в Нижнем Поволжье начинают распространяться лучковые фибулы I типа 4-го и 5-го вариантов, которые теперь беспрепятственно попадают в Заволжье. Вместе с ними туда попадают и более поздние экземпляры профилированных фибул I типа (Усатово, кург. F 16; Иванцовка кург. Д 12). Однако говорить о широком бытовании этих фибул в Поволжье вплоть до середины III в. н. э. не приходится. Да и в других районах они, как правило, датируются II в.[49] Находки профилированных фибул I типа в помещениях Танаиса, разрушенных в середине III в. н. э., еще не свидетельствуют о широком употреблении их в быту вплоть до этого времени [50], так как при ближайшем рассмотрении эти помещения или были сооружены задолго до событий середины III в. н. э. (помещение Д), или содержали разновременные остатки (помещение И) [51]. Отдельные редкие случаи находок профилированных фибул I типа в III в. представляют собой скорее всего пережиточное явление.

Хронологические же различия между первым и вторым вариантами профилированных фибул I типа следует искать прежде всего в пределах II в. н. э. В Поволжье из шести фибул первого варианта довольно точно датируются только две, происходящие из старицкого кург. № 11, относящегося к первой половине II в. н. э.[52] Взаимовстречаемость фибул

---

[46] *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник, рис. 41, *1*; 52, *1*.

[47] *А. С. Скрипкин.* Позднесарматская культура Нижнего Поволжья. Автореф. канд. дис. М., 1973, стр. 18—20.

[48] *Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 249.

[49] *Э. А. Сымонович.* Фибулы Неаполя Скифского. СА, 1963, 4, стр. 143; *А. І. Фурманська.* Ук. соч., стр. 86.

[50] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1969), стр. 253.

[51] *Д. Б. Шелов.* Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.). Сб. «Древности Нижнего Дона». М., 1965, стр. 50, 108.

[52] *В. П. Шилов.* Позднесарматское погребение у с. Старица. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 310—323.

второго варианта с другими вещами не позволяет довольно точно определить время их существования в Поволжье. Хотя, основываясь только на этих данных, в целом можно говорить о II в. как наиболее вероятном времени их существования. Так, высокогорлые сероглиняные кувшины станковой работы (рис. 4, *3*, *4*) довольно часто встречаются в погребениях среднесарматского времени [53], а повышенная их взаимовстречаемость с профилированными фибулами второго варианта свидетельствует о том, что этот тип кувшинов бытовал и в начале позднесарматской культуры. Корчаги (рис. 4, *11*), с которыми проявляют повышенную взаимовстречаемость указанные фибулы, в некрополе Кобякова городища встречаются с лучковыми фибулами I типа 3-го варианта [54]. Миски с желобчатыми бортиками (рис. 4, *7*) обычно встречаются на городищах и в погребениях Нижнего Дона и Кубани, датируемых I в. до н. э.— II в. н. э.[55] Вероятнее всего, что профилированные фибулы I типа 2-го варианта в основной своей массе были распространены в Поволжье в середине II в., а к его концу поступление их в этот район сильно сокращается.

Находки профилированных фибул II типа немногочисленны. Две фибулы первого варианта происходят из случайных раскопок у с. Котово на горе Можары и у Новой Норки бывш. Камышинского уезда [56]. Интересный комплекс вещей из этих погребений не раз привлекал внимание исследователей. Так, котовское погребение в разное время датировалось начиная с I по IV в. н. э.[57] И. П. Берхин, проанализировав все вещи из этих погребений, датировала погребение у с. Новая Норка III в. н. э., а котовское погребение — началом III в. н. э.[58] Эти даты были приняты и другими исследователями [59]. Однако обе они, на мой взгляд, нуждаются в уточнении. И. П. Берхин, уделив много места разбору различных категорий вещей, оставила почти без внимания фибулы, определив их типологически неправильно [60].

Профилированные фибулы II типа обоих вариантов, обнаруженные в Нижнем Поволжье, были, как уже указывалось, широко распространены в центральных районах Северного Кавказа, где для III в. н. э. зафиксировано их производство [61]. Продолжая традиции сильно профилированных фибул боспорской серии, они несколько изменяют форму и конструкционные особенности.

До середины III в. н. э. потребность в фибулах сарматов Нижнего Поволжья полностью удовлетворялась боспорскими производственными центрами, среди которых главную роль играл Танаис [62]. В результате разрушения готами многих городов Северного Причерноморья и гибели Танаиса в 40-х годах III в. поступление фибул в Нижнее Поволжье из этих районов прекращается, и в Поволжье начинают проникать фибулы северокавказских образцов. Вместе с профилированной фибулой II типа в котовском погребении найдена двучленная лучковая фибула с подвязным приемником, такие фибулы также широко представлены в находках

---

[53] *И. В. Синицын.* Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 53, рис. 8, 4; *его же.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, 78, 1960, рис. 13, *2*; 39, *8*.

[54] *С. И. Капошина.* Ук. отчет за 1959 г. табл. LXXIII, *3*, *4*.

[55] *Н. В. Анфимов.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, рис. 15, *11*; *И. С. Каменецкий.* Итоги исследования Подазовского городища. СА, 1974, 4, стр. 212—221, рис. 5, *7*.

[56] *И. П. Берхин.* О трех находках позднесамартского времени в Нижнем Поволжье. АСб. ГЭ, 2, 1961, стр. 141—150.

[57] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 591; *Т. Н. Книпович.* Танаис. М.— Л., 1949, стр. 58.

[58] *И. П. Берхин.* Ук. соч., стр. 148, 150.

[59] *Д. Б. Шелов.* Ук. соч. (1972), стр. 201.

[60] *И. П. Берхин.* Ук. соч., стр. 145.

[61] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 42, 43, 95.

[62] *Д. Б. Шелов.* Ук. соч. (1972), стр. 53.

на Северном Кавказе, которые, как уже указывалось, в Поволжье попадают после событий середины III в. н. э. Таким образом, можно считать, что фибулы II типа 1-го варианта попадают в котовское и новоноркинское погребения в середине — второй половине III в., но не раньше разгрома Танаиса.

Профилированные фибулы II типа 2-го варианта найдены в позднесарматской катакомбе в кург. № 3 около с. Барановки Астраханской области[63]. Я уже высказывал мнение, что это погребение можно датировать первой половиной или серединой III в. н. э.[64] В настоящее время

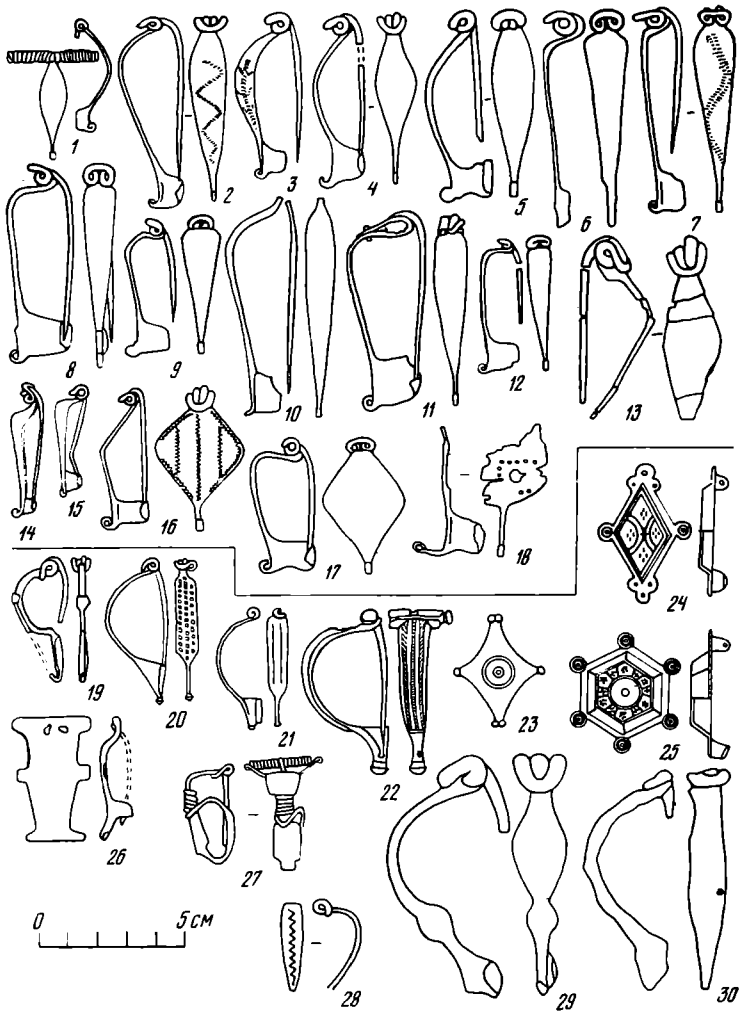


Рис. 6. Фибулы с завитком на конце приемника и другие типы. Масштаб относится ко всем фибулам, кроме *14*, *15*, *19*

я все больше склоняюсь к мысли о середине — второй половине III в. как наиболее возможной дате этого погребения.

Фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника. Фибулы этой группы представлены в основном одним типом с плоской продолговатой спинкой и четырехвитковой пружиной. В зависимости от формы спинки они делятся на два варианта. Фибулы первого варианта отличаются плавным изгибом спинки (рис. 6, *1—5*). В настоящее время в Поволжье их известно пять экземпляров. Как подвариант можно вы-

[63] *А. С. Скрипкин.* Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области. КСИА АН СССР, 140, 1974, стр. 57—63.

[64] Там же, стр. 62

делить фибулу из кург. В 4 у с. Кано, имеющую многовитковую пружину (рис. 6, *1*). Фибулы второго варианта имеют коленчато изогнутую спинку (рис. 6, *6—17*). Достоверно мне известно в Поволжье 13 фибул этого варианта. К этому же варианту, судя по не очень четким фотографиям, помещенным в публикации П. С. Рыкова, относятся, вероятно, две фибулы из сусловского кург. № 57 [65]. Фибулы из кург. 3 у пос. Верхнее Погромное и 45/2 Бережновка II имеют ромбическую спинку и могут быть выделены в подвариант (рис. 6, *16*, *17*).

Обломок фибулы, происходящий из кург № 4/2 у с. Бородаевки, условно отнесен мной ко II типу этой группы. От фибулы остался приемник с завитком и часть тонкой плоской спинки, которая имела круглую форму более 5 *см* в диаметре. На спинке имеются проколы, образующие прямоугольник, посередине которого находится круглое отверстие (рис. 6, *18*).

Особенностью этой группы фибул является то, что они были распространены преимущественно на территории Нижнего Поволжья, в основном на левобережье, встречаясь к востоку до Магнитогорска. А. К. Амброз считает возможным отнести эти фибулы к местному варианту, производство которых зарождается здесь во II—III вв. н. э.[66] Не имея аналогий в других памятниках, эти фибулы могут быть датированы только на основе комплексов вещей, с которыми они были найдены, а также по ряду косвенных предположений.

Три из пяти фибул I типа первого варианта найдены в курганной группе В у с. Кано [67]. Курганы 4, 8, 10, в которых найдены эти фибулы, расположены рядом друг с другом, что предполагает близость их сооружения во времени. Обряд погребения во всех трех курганах и набор вещей идентичен. При погребенных найдены: зеркальце с боковым ушком и тамгообразным знаком на оборотной стороне, сердоликовые граненые бусы, курильница кубической формы. Эти типы вещей проявляют повышенную взаимовстречаемость с лучковыми фибулами I типа 4-го и 5-го вариантов и II типа, а также с профилированными фибулами II типа (табл. I). Пока нет веских оснований относить появление фибул этого типа ко II в. н. э., так как в погребениях с ними отсутствует сероглиняная круговая керамика, столь характерная для сарматских погребений этого времени. В общих чертах, они, видимо, могут датироваться III в. н. э.

Фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника I типа 2-го варианта представляют собой дальнейшее развитие фибул этого типа, количественно преобладая по сравнению с первым вариантом. Обращает на себя внимание бедность инвентаря погребений, в которых найдены эти фибулы, в ряде погребений, кроме фибул, нет никаких вещей. Фибулы с завитком второго варианта являются самыми поздними у сарматов Нижнего Поволжья, их дата — конец III—IV в. н. э. Об этом свидетельствует частая взаимовстречаемость этих фибул с бронзовыми пряжками с эллипсоидной дужкой и овальной обоймой (рис. 4, *18—20*). Довольно часто близкие по форме пряжки встречаются в культурах Прикамья: в бахмутинской культуре в раннем ее варианте (по Н. А. Мажитову — II—IV вв. н. э.) [68], в азелинской культуре (III—V вв. н. э.) [69]. Находки схожих по ряду деталей пряжек известны в погребениях черняховской культуры. Нижняя дата Косановского могильника, в котором найдена пряжка близкого типа, конец III—IV вв. н. э.[70]

[65] *П. С. Рыков.* Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, рис. 16.

[66] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 95.

[67] *П. С. Рыков.* Отчет о раскопках и разведках в Нижнем Поволжье и Уральской губернии. Архив ЛОИА, ф. 2, 1925/204, стр. 114—115, 118—120.

[68] *Н. А. Мажитов.* Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 12, 14.

[69] *В. Ф. Генинг.* Азелинская культура III—V вв. ВАУ, 5, 1963, табл. IV, *7*.

[70] *Н. М. Кравченко.* Косановский могильник. Сб. «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». М., 1967, стр. 114, табл. XX, *11*.

Отсутствие широкого ассортимента керамики, бронзовых зеркал, столь характерных для сарматских погребений II и III вв. н. э., с одной стороны, установление повышенной взаимовстречаемости с определенным кругом вещей, которые не проявляют такой связи с более ранними типами фибул (табл. I) — с другой стороны, еще раз подтверждают приведенную выше дату фибул с завитком на конце пластинчатого приемника I типа 2-го варианта.

Обломок фибулы, найденный в кург. 4/2 у с. Бородаевки, условно выделенный во II тип фибул с завитком на конце приемника, внешне напоминает фибулы мазунинской культуры, племена которой жили при впадении р. Белой в Каму. Эти фибулы имеют тонкую круглую спинку, наклепанную на берестяную пластинку. На спинке теснением наносился орнамент, приемник имел завиток. А. К. Амброз считает, что мазунинские фибулы, продолжая дальнейшее развитие сарматских фибул с завитком, типологически бытовали едва ли ранее IV в. н. э.[71]

Находки отдельных типов фибул. В Нижнем Поволжье известен один случай находки фибулы среднелатенской схемы. Такая фибула была найдена в кург. 27/3 Калиновского могильника (рис. 6, *19*). В. П. Шилов датировал эту фибулу II—I вв. до н. э.[72] А. К. Амброз ограничивает время бытования этого рода фибул I в. до н. э.[73] В настоящее время эта фибула является одной из самых восточных находок среднелатенских фибул и наиболее ранней находкой вообще в Нижнем Поволжье, что позволяет говорить о зарождении обычая ношения фибул у сарматов в начале среднесарматского этапа.

Мне известно в Нижнем Поволжье два случая находок пружинных фибул с гладким корпусом и с кнопкой на конце пластинчатого приемника. Обе фибулы обнаружены в диагональных погребениях, одна из них в группе III у с. Харьковки в кург. № 21 (рис. 6, *21*) [74], другая в кург. 33 у с. Сидоры (рис. 6, *20*) [75]. Комплекс вещей из погребения у с. Харьковки позволяет датировать его в I в. н. э. Набор вещей из погребения у с. Сидоры не вносит существенного уточнения в его датировку. В общих чертах оно, вероятно, должно датироваться I—II вв. н. э. Такие фибулы были широко распространены в Нижнем Подонье [76]. В Танаисе зафиксировано их производство, откуда они и попадали к сарматам Поволжья [77].

В кург 5 Архаринского могильника в Калмыкии найдена фибула типа «Авцисса» (рис. 6, *22*) [78]. Эти фибулы характерны для западных провинций Римской империи. На территории СССР они наиболее часто встречаются в античных городах Северного Причерноморья, на Северном Кавказе, Кубани и Нижнем Дону. Единичные находки этого типа фибул известны в более северных районах [79]. Датируются они обычно первой половиной I в. н. э.[80] Однако, судя по искусственно деформированному черепу погребенного и бронзовой луннице, найденной здесь, фибула из Архаринского могильника происходит из позднесарматского погребения.

---

[71] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 46.

[72] *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник, стр. 384, 438.

[73] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 21.

[74] *П. С. Рыков.* Отчет о раскопках в Нижнем Поволжье и Уральской губ. в 1926 и 1927 гг. Архив ЛОИА, ф. 2, 1927/187, стр. 101, 102.

[75] *В. И. Мамонтов.* Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции за 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4905, рис. 23, *13*.

[76] *Д. Б. Шелов.* Ук. соч. (1972), стр. 205; *С. И. Капошина.* Отчет об археологических раскопках Кобякова городища в 1957 г., стр. 36, 37, табл. XLI, *5*.

[77] *Д. Б. Шелов.* Ук. соч. (1972), стр. 205.

[78] *И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966, стр. 62, табл. 17, *3*.

[79] *П. Д. Степанов.* Южные связи племен Среднего Поволжья в I тысячелетии н. э. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 221—227.

[80] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 26.

В данном случае перед нами, вероятно, пример более позднего использования вещи, основное время бытования которой уже прошло.

В Нижнем Поволжье обнаружено несколько провинциальных фибул-брошей, основными районами распространения которых были Паннония и Рейн [81]. Одна шарнирная фибула с ромбическим щитком с завитком на углах и шаровидным выступом в центре без эмалевого покрытия была найдена при раскопках И. В. Синицина в Калмыкии на Восточном Маныче в группе II в кург. 65 (рис. 6, *23*) [82]. Этот тип фибул принято датировать второй половиной I — первой половиной II в. н. э.[83] В целом материал погребения из кург. 65 не противоречит этой дате.

Другая шарнирная ромбическая фибула с позолотой и гравированным узором была найдена у с. Кано в кург. В7 (рис. 6, *24*) [84]. Производство близких по форме фибул Е. Патек датирует второй половиной II в. н. э. На это время падает экспорт этих фибул в другие районы, который с начала III в. прекращается в связи с изменением политической обстановки в этом районе [85].

В сусловском кург. 6 была обнаружена шарнирная фибула с выпуклым шестиугольным щитком, по углам которого находились кружки (рис. 6, *25*) [86]. Верхняя часть щитка покрыта эмалью. В самом центре щитка кружок желтого цвета, окаймленный широким красным кольцом, от которого отходят белые и красные лучи. На них изображены цветочки с синими лепестками. На гранях щитка остались следы позолоты. Эта фибула происходит из тех же центров, что и описанные выше [87]. В сусловском погребении она найдена с двумя одночленными лучковыми фибулами с подвязными приемниками. От одной из них осталась только дужка, вторая фибула относится к четвертому варианту, датирующемуся второй половиной II — началом III в.

При раскопках П. Д. Рау в 1928 г. в позднесарматском кург. 3 у с. Бородаевки была обнаружена массивная бронзовая перекладчатая фибула, которая в настоящее время не сохранилась и судить о ней приходится по весьма схематическому рисунку, опубликованному И. В. Синицыным, поэтому к типу перекладчатых она отнесена условно (рис. 6, *26*) [88]. Перекладчатые фибулы были распространены в Прибалтике во II в. н. э.[89] Материал погребения, в котором найдена фибула, не уточняет его дату.

В кург. 3 у с. Ютаевки найдена железная фибула с трехвитковой пружиной и плоской спинкой. Спинка отделена от приемника шаровидным утолщением. Приемник пластинчатый, край его отломан (рис. 6, *29*) [90]. Другая железная фибула, несколько иной конструкции, была найдена в кург. 24 в группе «Три брата» II в Калмыкии (рис. 6, *30*) [91].

Даты этих фибул определяются по совместным находкам их с другими фибулами. Так, ютаевская фибула была обнаружена с одночленной лучковой фибулой, с подвязным приемником 4-го варианта, а трехбратненская — с двумя фибулами того же типа 5-го варианта. Довольно

---

[81] Там же, стр. 33.

[82] *И. В. Синицын,* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4223, стр. 201, 202, рис. 319.

[83] *Л. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 33; *Т. М. Арсеньева.* Могильник у дер. Ново-Отрадное, стр. 142.

[84] *П. С. Рыков.* Ук. отчет за 1926 и 1927 гг., стр. 117.

[85] *E. Patek.* Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen von Pannonien, Budapest, 1942, S. 122, 123.

[86] *П. Рыков.* Сусловский курганный могильник, рис. 22.

[87] *E. Patek.* Op. cit., Taf. XVI, *3, 12, 14.*

[88] *И. В. Синицын.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, рис. 3.

[89] *А. К. Амброз.* Ук. соч. (1966), стр. 39.

[90] *А. С. Скрипкин.* Раскопки курганов на Иловле. Историко-краеведческие записки, вып. 1. Волгоград, 1973.

[91] *П. С. Рыков.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата», стр. 153.

близких аналогий эти фибулы в других памятниках не обнаруживают. Не исключено, что они представляют собой результат местного творчества.

Уникальной в своем роде является фибула, найденная в кург. 1 в группе II у с. Визенмиллер [92]. Она имеет многовитковую пружину с нижней тетивой, плоскую спинку и ножку, приемник подвязан (рис. 6, *27*). Фибула не сохранилась, я знаком с ней по рисунку из личного архива К. Ф. Смирнова. Находки аналогичных фибул мне неизвестны. Фибула, найденная у с. Визенмиллер, происходит из позднесарматского погребения, обнаруживающего сходство по набору вещей с погребениями конца II — первой половины III в. н. э. Ряд фибул, в основном из довоенных раскопок, в настоящее время не сохранились и уточнить их конструкцию невозможно.

Таким образом, наиболее широкое распространение фибул у сарматов Поволжья связано с производством лучковых и профилированных фибул в городах Северного Причерноморья. Лучковые фибулы I типа вплоть до середины III в. н. э. являлись здесь основными. После середины III в. набор типов фибул в Нижнем Поволжье резко меняется, здесь появляются фибулы иных производственных центров. К концу позднесарматской культуры, преимущественно в Заволжье, распространяются фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника, которые, вероятно, относятся к местному производству.

Подводя итог, следует сказать, что фибулы Нижнего Поволжья, кроме их значения для датирования сарматских памятников являются важным источником, характеризующим направленность экономических связей, изменение политической обстановки в этом районе, особенно в первые века нашей эры.

Приложение

НАХОДКИ ФИБУЛ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Лучковые фибулы

ТИП I

ВАРИАНТ 1

1. Калиновка, к. 55/8, ГЭ, по В. П. Шилову, рис. 2, *1*[1]. 2. Верхнее Погромное, к. 1/12, ВОКМ, № 5744, В. П. Шилов, рис. 2, *2*.

ВАРИАНТ 2

1. Кузин хутор, к. 32, АОКМ, № 12033/123, В. П. Шилов, рис. 2, *4*. 2. Короли, к. 12, ВОКМ, В. И. Мамонтов, рис. 2, *5*.

ВАРИАНТ 3

1. Терновка, к. 14, ЛОИА, В. П. Шилов, рис. 2, *6*.

ВАРИАНТ 4

1. Авилов, к. 4, по И. В. Синицыну, рис. 2, *7*. 2. Бережновка, II, к. 40, СОМК. № 2162, по И. В. Синицыну, рис. 2, *13*. *3*. Бережновка, II, к. 49, СОМК, по И. В. Синицыну, рис. 2, *16*. 4. Бережновка, II, к. 67, СОМК, по И. В. Синицыну, рис. 2, *12*. 5. Бережновка, II, к. 73, СОМК, № 2181, по И. В. Синицыну, рис. 2, 8. 6—8. Суслы, к. 1, СОМК. № 683, по П. Рау, рис. 2, *22—24*. 9. Суслы. к. 6, СОМК, № 477, П. С. Рыков, рис. 2, *9*. 10. Старица, к. 13, АОКМ, № 11989/37, В. П. Шилов, рис. 2, *11*. 11. Старица, к. 59, АОКМ, В. П. Шилов, рис. 2, *10*. 12. Харьковка, гр. I, к. 4 (рисунок из архива К. Ф. Смирнова), П. С. Рыков, рис 2, *18*. 13. Кали-

---

[92] *П. С. Рыков.* Отчет о раскопках и разведках в Нижнем Поволжье и Уральской обл., стр. 47, 48.

[1] Последовательность описания: место находки, место хранения, автор раскопок, номер рисунка в настоящей статье. В том случае, если фибула опубликована, фамилия автора указывается в дательном падеже (по В. П. Шилову), если фибула не опубликована — в именительном (В. П. Шилов).

новка, к. 13, ГЭ, № 2204/392, по В. П. Шилову, рис. 3, *5*. 14. Иванцовка (Альт-Веймар), к. Д 16, ЭМ, по П. Рау, рис. 2, *14*. 15. Кано, к. В 3, ГИМ, № 57793, Б. Н. Гракова, П. С. Рыков, рис. 2, *15*. 16. Кано, к. В 6, ГИМ, № 57793, Б. Н. Граков, П. С. Рыков, рис. 2, *17*. Усатово, к. F 16, ЭМ, по И. В. Синицыну, рис. 2, *25*. 18. Элиста, к. 33, по И. В. Синицыну и У. Э. Эрдниеву, рис. 2, *19*. 19. Ютаевка, к. 3, ВГПИ, по А. С. Скрипкину, рис. 2, *20*. 20. Ютаевка, к. 4, ВГПИ, по А. С. Скрипкину, рис. 2, *21*.

ВАРИАНТ 5

1. Каменка, к. Е 8, по И. В. Синицыну, рис. 2, *26*. 2. Политотдельское, к. 7, по К. Ф. Смирнову, рис. 2, *29*. 3—4. Сидоры, к. 11, ВОКМ, № 5907, В. П. Шилов, рис. 2, *31—32*. 5—6. Сидоры, к. 25, ВОКМ, В. М. Мамонтов, рис. 2, *27—28*. 7. Иванцовка (Альт-Веймар), к. Д 15, ЭМ, по П. Рау, рис. 2, *30*. 8. Ленинск, к. 24, ВОКМ, № 6150, В. П. Шилов, рис. 2, *33*. 9. Калиновка, к. 7, ГЭ, № 2204/128, по В. П. Шилову, рис. 2, *34*. 10. Новоаннинск, к. 1, ВОКМ, В. И. Мамонтов, рис. 2, *35*. 11. Валуйки, к. С 6, по П. Рау, рис. 2, *36*. 12. Элиста, к. 33, по И. В. Синицыну и У. Э. Эрдниеву, рис. 2, 37. 13—14. Три брата, гр. II, к. 24, СОМК, № 1501, П. С. Рыков, рис. 3, *1—2*. 15. Три брата, гр. II, к. № 31, СОМК, № 1528, П. С. Рыков. 16. Ордынский бугор, к. 1, В. П. Шилов, рис. 3, *3*. 17. Ордынский бугор, к. 3, В. П. Шилов, рис. 3, *4*.

Вариант не определен

1. Сидоры, к. 11, ВОКМ, № 5907, В. П. Шилов, рис. 3, *6*. 2. Суслы, к. 3, СОМК, № 622, П. С. Рыков, рис. 3, *9*. 3. Суслы, к. 6, П. С. Рыков. 4. Суслы, к. 7, П. С. Рыков. 5. Суслы, к. 39, СОМК, № 639, П. С. Рыков, рис. 3, *8*. 6. Березняки, к. 7, КОМК, № 13, В. В. Гольмстен, рис. 3, *7*. 7. Бережновка, гр. 11, к. 60, И. В. Синицын. 8. Архара, к. 7, И. В. Синицын. 9. Восточный Маныч, гр. II, к. № 49, И. В. Синицын. 10. Старица, к. 61, В. П. Шилов. 11. Калиновка, к. 58, В. П. Шилов.

ТИП II.

1. Тонкошуровка (Марненталь), к. Д 32, по П. Рау, рис. 3, *15*. 2. Котово, ГЭ, № 2197/9, по И. П. Берхин, рис. 3, *16*. 3. Калиновка, к. 42/2, ГЭ, № 2205/185, по В. П. Шилову, рис. 3, *14*. 4. Три брата, гр. II, к. 12, СОМК, № 1492, П. С. Рыков, рис. 3, *12*. 5. Три брата, гр. II, к. 13, СОМК, № 1493, по П. С. Рыкову, рис. 3, *13*. 6—7. Три брата, гр. II, к. 14, СОМК, № 1494, П. С. Рыков, рис. 3, *10, 11*. 8. Машевка, к. 4, ГИМ, А. А. Спицын, рис. 3, *17*. 9. Машевка, к. 6, ГИМ, А. А. Спицын, рис. 3, *17*.

ТИП НЕ ОПРЕДЕЛЕН.

1. Быково, к. 7/2, по К. Ф. Смирнову, рис. 2, *3*. 2. Усатово, к. F 12, П. Рау. 3. Красный Октябрь (хут. Шульц), к. F 7, П. Рау.

Сильно профилированные фибулы

ТИП I.

ВАРИАНТ 1

1. Колпачки, к. 4, ВОКМ, по В. И. Мамонтову, рис. 3, *18*. 2—3. Старица, к. 11, АОКМ, № 11989/15, по В. П. Шилову, рис. 3, *19*, *20*. 4. Жутово, к. 2, ВОКМ, В. П. Шилов, рис. 3, *21*. 5. Нехаево, к. 12, ВГПИ, А. С. Скрипкин, рис. 3, *26*. 6. Соленое Займище, гр. II, к. 4, АОКМ, В. П. Шилов, рис. 3, *25*.

ВАРИАНТ 2

1. Усатово, к. F 16, ЭМ, по И. В. Синицыну, рис. 3, *24*. 2. Жутово, к. *3*, В. П. Шилов, рис. 3, *33*. 3. Жутово, к. 38, ВОКМ, В. П. Шилов, рис. 3, *22*. 4. Жутово, к. 56, ВОКМ, В. П. Шилов, рис. 3, *23*. 5. Кузин, к. 22, АОКМ, № 12033/98, В. П. Шилов, рис. 3, *27*. 6. Кузин, к. 29, АОКМ, № 12033/149, В. П. Шилов, рис. 3, *29*. 7. Кузин, к. 38, АОКМ, № 12033/180. В. П. Шилов, рис. 3, *28*. 8. Сазонкин бугор, к. 10, АОКМ, В. П. Шилов, рис. 3, *37*. 9—10. Каменка, к. Е9, ЭМ, по И. В. Синицыну, рис. 3, *30—31*. 11. Абганерово, к. 1, СОМК, № 1183, по П. С. Рыкову, рис. 3, *32*. 12. Сидоры, к. 22, ВОКМ, В. И. Мамонтов, рис. 3, *36*. 13—16. Старица, к. 55, АОКМ, № 11989/425а, В. П. Шилов, рис. 3, *34*, 35. 17. Иванцовка (Альт-Веймар), к. Д 12, по П. Рау, рис. 3, *38*. 18. Абганерово, к. 3, П. С. Рыков.

Вариант не определен

1. Восточный Маныч, гр. II, к. 41, И. В. Синицын.

ТИП II.

ВАРИАНТ 1

1. Котово, ГЭ, № 2197/8, по И. П. Берхин, рис. 3, *41*. 2. Новая Норка, ГЭ, № 2196/1, по И. П. Берхин, рис 3, *42*.

ВАРИАНТ 2

1—2. Барановка, к. 3, АОКМ, А. Н. Мелентьев, Е. В. Шнайдштейн, рис. 3, *39*, *40*.

Фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника

ТИП I.

ВАРИАНТ 1

1. Кано, к. В 4, ГИМ, № 57793, Б. Н. Граков, П. С. Рыков, рис. 6, *1*. 2. Кано, к. В 8, ГИМ, № 57793, Б. Н. Граков, П. С. Рыков, рис. 6, *2*. 3. Кано, к В 10, ГИМ, № 57793, Б. Н. Граков, П. С. Рыков, рис. 6, *3*. 4. Энгельс (Покровск), к. 38/2, СОМК, № 1001, по П. С. Рыкову, рис. 6, *4*. 5. Максютово, гр. II, к. 3, по И. В. Синицыну, рис. 66, *5*.

Вариант 2

1. Успенка, гр. I, к. 3, СОМК, № 1680, по И. В. Синицыну, рис. 6, *6*. 2. Калиновка, к. 20, ГЭ, № 2205/77, по В. П. Шилову, рис. 6, *7*. 3. Бородаевка, к. 8/4, СОМК, № 1754, по И. В. Синицыну, рис. 6, *8*. 4. Бородаевка, к. Е 24, по И. В. Синицыну, рис. 6, *12*. 5. Суслы, к. 42, СОМК, № 657, № 657, П. С. Рыков, рис. 6, *10*. 6. Суслы, к. 52, СОМК, № 658, П. С. Рыков, рис. 6, *11*. 7. Красный Октябрь (хут. Шульц), к. Е8, по И. В. Синицыну, рис. 6, *9*. 8. Жирноклеевский, к. 1, ГЭ, № 1113/3, М. А. Миллер, рис. 6, *13*, 9. Березняки, к. 8, по В. В. Гольмстен, рис. 6, *14*. 10. Березняки, к. 9, по В. В. Гольмстен. 11. Новая Норка, к. 2, А. А. Спицын, рис. 6, *15*. 12. Верхнее Погромное, к. 3, ВОКМ, № 5716, В. П. Шилов, рис. 6, *16*. 13. Бережновка, гр. II, к. 42/2, СОМК, по И. В. Синицыну, рис. 6, *17*. 14—15. Суслы, к. 57, по П. С. Рыкову (предположительно).

ТИП II.

1. Бородаевка, к. 4/2, СОМК, № 1748, И. В. Синицын, рис. 6, *18*.

Отдельные типы фибул

1. Калиновка, к. 27/3, ГЭ, по В. П. Шилову, рис. 6, *19*. 2. Сидоры, к. 33, ВОКМ, В. И. Мамонтов, рис. 6, *20*. 3. Харьковка, гр. III, к. 21. ГИМ, № 58702, П. С. Рыков, рис. 6, *21*. 4. Архара, к. 5, по И. В. Синицыну и У. Э. Эрдниеву, рис. 6, *22*. 5. Восточный Маныч, гр. II, к 65, И. В. Синицын, рис. 6, *23*. 6. Кано, к В 7, ГИМ, № 57793, Б. Н. Граков, П. С. Рыков, рис. 6, *24*. 7. Суслы, к. 6, СОМК, № 618, по П. С. Рыкову, рис. 6, *25*. 8. Бородаевка, к. F 3, по И. В. Синицыну, рис. 6, *26*. 9. Визенмиллер, гр. II, к. 1, Б. Н. Граков, П. С. Рыков, рис. 6, *27*. 10. Бережновка, гр. II, к. 36, по И. В. Синицыну, рис. 6, *28*. 11. Ютаевка, к. 3, ВГПИ, А. С. Скрипкин, рис. 6, *29*. 12. Три брата, гр. II, к. 24, СОМК, № 1501, П. С. Рыков, рис. 6, *30*.

Группа не установлена

1. Аткарск, к. 11, по Н. К. Арзютову. 2. Харьковка, к. 16, П. С. Рыков. 3. Бичкин-Булук, к. 18, П. С. Рыков, 4. Терновка, к. 40, В. П. Шилов. 5. Элиста, к. 11, П. С. Рыков. 6. Кузин, к. 26, В. П. Шилов.

A. S. Skripkine

LES FIBULES DU COURS INFERIEUR DE LA VOLGA

(étude des pièces recueillies dans les sépultures sarmates)

Résumé

Cet article systématise tout ce que sait l'auteur sur les fibules découvertes dans les sépultures sarmates de la basse Volga (fig. 1). En tout sont étudiées 133 fibules de différents types, parmi lesquelles dominent celles en forme d'arc avec un fermoir pendant (fig. 2; 3, 1-17); la seconde place pour le nombre est occupée par les fibules à contours plus compliqués (fig. 3, 18-35); ensuite viennent celles ayant une volute au bout d'un fermoir lamelliforme (fig. 6, 19-18); les autres types de fibules ne sont représentés que par des exemplaires uniques (fig. 6, 19-30). La plus grande attention est accordée dans cette étude à l'analyse chronologique des différents types de fibules, et on y examine un grand nombre de pièces analogues recueillies dans les monuments du littoral nord de la mer Noire. Pour certains types, on établit une étendue chronologique de leur usage plus restreinte qu'on ne le pensait auparavant.

В. Л. НЕЙДИНГ

ФИГУРАТИВНАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА И ЕГО ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ

Первобытное искусство, дошедшее до нас во множестве своих прикладных и собственно изобразительных проявлений,— несомненное свидетельство духовной зрелости человека древнекаменного века. Уже хорошо изученное и зачастую убедительно интерпретированное, искусство это остается доныне предметом горячих дискуссий и хранит не одну неразгаданную тайну. Заострить еще раз внимание исследователей на некоторых, казалось, противоречивых чертах палеолитического искусства и, быть может, предложить новый подход к решению ряда его проблем — такова цель настоящей статьи.

Одна из таких проблем — художественное видение человека древнекаменного века, способ интерпретации им явлений действительности. Он получил название первобытного реализма. Понятие это во многом противоречивое, требующее уточнения. Действительно, если под реализмом понимать предельно близкое к природным формам воспроизведение действительности, то экзамен на реализм в первобытном искусстве выдерживают разве только изображения зверей в их «классических образцах». Реализм женских изображений гипертрофирован в ряде своих деталей. Мужские изображения условны или фантастичны. Предметный мир схематизирован. Случайно ли это? Свидетельствует ли это об ограниченности первобытного реализма, как то полагают некоторые исследователи [1], или это отвечает специфическим задачам и уровню художественного мировосприятия, доступного людям, еще ведущим присваивающий образ жизни?

Нам представляется, что изобразительное искусство началось не с фигуративных, сюжетных изображений, а со знаковых, символических. (Подобного мнения придерживаются многие исследователи первобытного искусства, в том числе известный французский ученый Андре Леруа-Гуран) [2]. Археологией засвидетельствована их исходность и их древнейшая датировка: мустьерский возраст — символа ран [3], ориньякский — изображений вульвы и руки [4]. Специфичность знаковых изображений в

---

[1] *K. Lindner.* La chasse préhistorique. Paris, 1941, p. 255; *З. А. Абрамова.* Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.— Л., 1966, стр. 30, 31; *А. П. Окладников.* Утро искусства. Л., 1967, стр. 114—118.

[2] *A. Leroi-Gourhan.* Les religions de la préhistoire. Paris, 1964, p. 85; *idem.* Préhistoire de l'art occidental. Paris, 1965, p. 111, 417.

[3] *С. Н. Замятнин.* Памятники изобразительного искусства эпохи палеолита и их значение для проблемы происхождения искусства. Сб. «Очерки по палеолиту». М.— Л., 1961, стр. 46—48; *А. С. Гущин.* Происхождение искусства. Л.— М., 1937, стр. 50, 97; *А. Д. Столяр.* Происхождение изобразительного искусства Евразии в историко-археологическом освещении. Автореф. докт. дис. Л., 1972, стр. 23.

[4] *G. H. Luquet.* L'Art et la religion des hommes fossiles. Paris. 1926, p. 147—150; *А. С. Гущин.* Ук. соч. стр. 42, 50; *A. Leroi-Gourhan.* Op cit. (1965), p. 91, 141, 142,

отличие от изображений фигуративных — в функциональности их семантики. Это не просто частичные изображения как таковые (рука, вульва, рана), но, как признает большинство исследователей, знаки овладения объектом, символы способности человека влиять на объективный мир, природу в нужном ему направлении. Функциональная семантика палеолитических символов указывает, с одной стороны, на их генезис, магический ритуал, в недрах которого как его органическая составляющая родилось первое изображение — знак раны. С другой стороны, это свидетельствует о мировоззренческой, а не гносеологической природе палеолитических символов. Действительно, анализ их семантики: руки, олицетворяющей промысловую функцию мужчины [5]; вульвы, символизирующей воспроизводящую функцию женщины; раны как знака, представляющего зверя в качестве охотничьей добычи,— показывает, что уже в этих исходных изображениях во всей целостности преломляется то, как сам первобытный коллектив оценивал свое взаимоотношение с внешним миром. Это позволяет выделить знаковую стадию в формировании изобразительного искусства [6]. Частичные знаковые и целостные фигуративные изображения — это лишь два способа выражения единой эстетической идеи, последовательные в генезисе, сосуществующие исторически. Продолжая существовать и развиваться на протяжении всего каменного века, палеолитические символы в своей исходной форме заключали эталон, основную тенденцию развития всех последующих сюжетных линий изобразительного искусства верхнего палеолита. Появление наряду со знаковыми реалистически развернутых фигуративных изображений знаменует собой начало собственно образной стадии палеолитического искусства. Ведущей в процессе трансформации знаковых изображений в сюжетные является линия зверя, представленного в нижнем палеолите не только частичным функциональным, но и целостным вещным символом (камень-мишень, олицетворяющий зверя,→ натуральный макет) [7]. Преемственность семантики здесь особенно наглядна. Но и исходное значение других палеолитических символов получает теперь свою собственно живописную интерпретацию — через целостный образ, композицию, с развертыванием, в ходе дальнейшего развития искусства, своего эстетического содержания.

Рассмотрим линию развития мужских изображений в палеолитическом искусстве. Мужчина-охотник, добытчик зверя. Изображение функционально, с элементами условности. Важна не сама натуральная телесность, но главная жизненная **промысловая функция** мужской части пер-

---

417; *З. А. Абрамова.* Ук. соч., стр. 146, 151. Для изображений рук эту датировку можно удревнить вплоть до мустье, учитывая появление таких вещественных доказательств, как обнаруженный в обрядовом комплексе пещеры Базуа позитивный отпечаток руки, оставленный, как предполагается, одним из участников охотничьей магической церемонии (*А. Д. Столяр.* О «гипотезе руки» как традиционном объяснении происхождения палеолитического искусства. Сб. «Первобытное искусство». Новосибирск, 1976, стр. 17).

[5] Трактовка, получившая наиболее широкое признание у историков первобытного общества: см. краткий обзор бытующих мнений в книге П. Укко и А. Розенфельд (*P. J. Ucko, A. Rosenfeld.* L'Art paléolithique. Paris, 1966, p. 148, 149), а также особую точку зрения по этому вопросу А. Леруа-Гурана (*A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1964), p. 104; *idem.* Op. cit. (1965), p. 109—110). В отечественной литературе сходную с нашей точку зрения на палеолитические изображения рук (а также ран) высказывает и всесторонне обосновывает А. Д. Столяр (*А. Д. Столяр.* О «гипотезе руки..., стр. 8—24).

[6] *В. Л. Нейдинг.* Истоки первобытного миросозерцания и знаковая стадия развития искусства. ВА, 1977, 55.

[7] В этом плане нам представляется весьма плодотворной концепция А. Д. Столяра, отражающая, с нашей точки зрения, становление последующей изобразительной, а не исходной собственно графической стадии духовной активности человека (См. *А. Д. Столяр.* Автореф. докт. дис., стр. 31—39, 45; *его же.* О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания. Сб. «Ранние формы искусства». М., 1972, стр. 39—54).

вобытного коллектива. Вот охотник, выслеживающий из зарослей камыша свою добычу (гравировка на фрагменте лопатки животного из Мас д'Азиль); охотник, подбирающийся ползком к зубру и заносящий копье для броска (гравировка на «жезле» из рога северного оленя из Ложери Басс); охотник, замаскированный под бизона и стреляющий из лука в двух убегающих животных (гравировка на скале из пещеры Трех Братьев); охотник, увертывающийся от смертоносного удара рогов быка (барельеф на блоке известняка из Рок де Сер); охотник, сраженный зверем (роспись из пещеры Ляско). Скажут, что таких композиций мало. Да, быть может. Как мета генезиса: отпочкования искусства от ритуала и вплетенность в ритуал, по крайней мере на первых этапах развития изобразительной деятельности человека. Широко известны такие свидетельства ритуального отношения к произведениям искусства, как кальцинированные пятна глины на архаическом контуре лошади в пещере Портель — следы метания в изображение глиняных шаров — или знаменитый «монтеспанский медведь» (предтеча глиняной анималистической скульптуры раннеориньякского возраста по интерпретации и датировке А. Д. Столяра), поражавшийся, очевидно, во время обрядовых охотничьих пантомим копьями, а также глиняными шарами [8]. В дальнейшем такое прямое ритуальное использование произведений искусства сменяется косвенным, условным. Реальное присутствие и действия охотника по эту сторону изображений заменяются символическими. Как свидетельство тому — появление в сочетании со звериными фигурами мужских символов, знаков овладения животными (руки, оружия, раны) в их типизированной условно-изобразительной форме, как одиночных, так и комбинированных. Яркий пример — контуры лошадей, буквально испещренные пятнами ран и окруженные негативными отпечатками рук в пещере Пеш-Мерль. Не менее красноречив трехметровый фриз на глинистой стене одной из галерей пещеры Монтеспан. На нем изображены последовательно голова лошади в вертикальном положении и силуэты еще двух лошадей. Эти фигуративные изображения чередуются со знаковыми: вертикально поставленными палочками и кружками-углублениями, сгруппированными вокруг контуров животных (а в центральной части фриза и на самом крупе лошади). Несмотря на отсутствие изображений человека, эта композиция единогласно признается за сцену охоты исследователями, стоящими на самых различных позициях (А. Бегуэн, К. Линднер, А. Леруа-Гуран) [9]. Даже такой решительный противник выявления магического содержания первобытного искусства с помощью этнографических параллелей, как А. Леруа-Гуран, вынужден признать символический и ритуальный характер изображаемого. Он только отрицает непосредственное ритуальное использование художественной композиции, чему противоречат топография самой галереи, по которой можно пробраться лишь ползком, и характер нанесения знаков, произведенных, очевидно, острым предметом, зажатым в руке, как кинжал. Столь методично и продуманно нанесенных ударов (так, чтобы не попортить силуэтов животных) не могло получиться, если бы речь шла о самой магической церемонии с участием группы охотников, вооруженных дротиками. Эти факты позволяют заключить, что сочетание фигуративных и символиче-

---

[8] *M. Boule.* L'Art préhistorique dans les Pyrénées. Nouvelle decouverte. «L'Anthropologie», 1923, t. 33, № 4, p. 441, 442; *idem.* La Galerie préhistorique de Montespan. «L'Anthropologie», 1924, t. 34, № 1—2, p. 182—185; *А. С. Гущин.* Ук. соч., стр. 88; *K. Lindner.* Op. cit., p. 266; *A. Leroi-Courhan.* Op. cit. (1964), p. 138; *idem.* Op. cit. 1965, p. 123, 124, 312; *А. Д. Столяр.* О материальном «производстве идей» в антропогенезе как археологической реальности (освоение фигуры шара). Вестн. ЛГУ, 1971, 20, стр. 77.

[9] *P. J. Ucko, A. Rosenfeld.* Op. cit., p. 133; *K. Lindner.* Op. cit., p. 269; *A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1964), p. 138, 139; *idem.* Op. cit. (1965), p. 313.

ских изображений следует трактовать как сценические композиции: изображение охоты, точнее ее ритуального аспекта [10].

Это изображение сцен охоты без охотника (с акцентом на звере) станет своего рода традицией, сохраняющей силу «художественного канона» даже на уровне такого развитого и совершенного искусства, как мадленское (живописные композиции на стенах пещеры Ляско или гравированное изображение на кости из грота Лортэ). Количественное увеличение изображений охотника, как и охотничьих сцен с реальным присутствием человека, весьма выразительно трактованного в своих промысловых функциях, в конце верхнего палеолита и позднее в мезолите и неолите (Восточная Испания, Южная Африка, Сахара) — свидетельство приобретения первобытным искусством все более «светского характера».

Аналогичную постановку вопроса мы встречаем в упомянутой выше работе Курта Линднера (стр. 275, 276). Более того, до тех пор, пока произведение искусства продолжало функционировать в рамках магического ритуала (схема: изображение зверя — люди, совершающие обряд), не существовало в сущности художественного пространства: объемные или условно воспроизведенные на двухмерной плоскости объекты внешнего мира (животные) оставались как бы включенными в реальность человеческого бытия. Эта иллюзорная— эстетическая — среда начинает формироваться с появлением собственно изобразительных, сначала символических, потом сюжетных композиций. В первых — человек еще на полпути из реального пространства в условное (через мужской символ запечатлен лишь результат его действия); во вторых — он уже субъект действия этой обретшей свою художественную реальность условной среды.

Исходная семантика женских изображений, детородная функция женского организма, сопричастная воспроизводству зверя, получает также свою выразительную живописную интерпретацию. Понятно, что такая **природная функция** могла быть выражена только через само естество женщины, ее половую телесность. Именно поэтому женский образ получает натуральную, часто объемную (скульптурную) трактовку [11] с подчеркиванием характерных признаков женщины-матери (объемистые висящие груди, выпуклый огромный живот, часто с обозначением пубического треугольника, жировые валики в области таза и бедер). При этом в остальном изображения женщины схематичны, ей, как правило, придана пассивная, бездеятельная поза: слегка наклоненная голова без обозначения черт лица, плотно сжатые в коленях и даже сведенные на конус ноги; тонкие как плети руки, покоящиеся на животе или поверх грудей,— особенно руки, хотя в реальных хозяйственных функциях они были нужны женщине не меньше, чем мужчине. (Мы не касаемся здесь сибирских женских статуэток, имеющих свою семантическую, а значит, и изобразительную специфику.) И равным образом сценические композиции, от самых примитивных, ориньякских, выраженных через функциональную соотнесенность женского символа с контуром животного (см. гравировку на известняковой плитке из Ла Ферраси, датируемую ориньяком IV [12] — схематичное, неполное из-за излома изображение зверя со столь же примитивно выполненным знаком женского пола под ним), до позднейших, мадленских, аналогов (например, уже сюжетная композиция на пальметке рога оленя из Ложери Басс, воспроизводящая в реалистической манере — изображение также частично из-за излома рога — оленя и под ним в горизонтальном положении, в профиль, несом-

[10] Отметим, что А. Леруа-Гуран неоднократно указывает в своих работах на взаимообратимость знаковых и фигуративных изображений человека, как мужских, так и женских, причем символические изображения людей он считает исходными (*A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1964), p. 99, 150; *idem.* Op. cit. (1965), p. 111, 119).

[11] Мы останавливаемся на рассмотрении по преимуществу скульптурных женских изображений как наиболее ранних по датировке (См. *З. А. Абрамова.* Ук. соч., стр. 91, 146, 147).

[12] *A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1965), p. 417.

ненно, беременную женщину с подчеркнуто округлым объемистым животом).

Итак, характер интерпретации образа человека в палеолитическом искусстве, как символический, так и сюжетный, отражает — с дифференциацией по женской и мужской линии — то действенное, пусть порой иллюзорное, отношение, в котором первобытный человек стоял в основном аспекте своей жизнедеятельности, охотничьей практике, к природе, т. е. план мировоззренческий.

Из той же мировоззренческой основы могут быть истолкованы еще одни, антропоморфные, точнее антропо-зооморфные изображения (частично о них уже шла речь как о замаскированных охотниках), т. е. изображения человека со звериной трактовкой отдельных частей тела, особенно головы. Кто же этот человеко-зверь? Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что такие изображения в своем подавляющем числе мужского рода или без обозначения пола. Женских зооморфных изображений практически нет (редкое исключение галька из Ла Мадлен с гравированными мужским и женским силуэтами, имеющими звероподобную голову — своего рода зооморфная чета: кстати, произведение это достаточно позднее, обнаруженное в нижнем мадленском слое). Более того, как свидетельствует большой фактический материал, проанализированный А. Леруа-Гураном, именно мужское лицо в отличие от женского подвергалось звериной стилизации, словно существовал в палеолитическом искусстве какой-то неписанный канон мужской красоты [13]. Далее, антропо-зооморфные изображения по преимуществу выполнены в технике гравировки и росписи, за исключением антропоморфных головок, тогда как преобладающей техникой исполнения женских изображений была скульптура (в наскальном искусстве не зафиксировано ни одной росписи, реалистически воспроизводящей женщину, и ничтожное по сравнению со скульптурными число ее фигуративных изображений гравировкой и в барельефе) [14]. С другой стороны, характер интерпретации антропо-зооморфных изображений сближает их с мужской линией развития палеолитического искусства. Они функциональны, а не натуральны по своей трактовке.

Что же это за функции? Контекст изображений говорит, что это прежде всего охотник, замаскированный под зверя. Таковы упоминавшиеся выше изображения человека с зооморфной трактовкой головы из Ложери Басс и Ляско и особенно персонаж из пещеры Трех Братьев. Сюжетная композиция, участником которой он является, допускает двойную трактовку. Это изображение реальной сцены охоты прежде всего потому, что охотник представлен в ней зримо, а не символически. И его зооморфность в сущности маскировка под зверя: скорее накинутая на тело, голову и даже руки шкура бизона, чем органическое по своему характеру слияние человеческих и звериных признаков (ср. это изображение с фигурой бизоно-человека, помещающейся в 1 *м* от него в той же пещере). Это впечатление усиливается позой охотника: не только вертикальное положение тела, но и промысловый жест (вытянутые вперед руки с луком и особенно ноги: правая стоит прямо, левая согнута в колене, выставленном вперед,— ср. с изображениями лучников из пещеры Альпера). Немаловажное значение имеет и соотнесенность фигур человека и зверя: животные убегают от охотника, в контакте с ним (поворот головы второго животного). И в то же время явно проступает символический смысл сцены, ее причастность к магическому ритуалу. На туловище оленя изображены знаки ран — магических символов овладения зверем. К тому же перед нами фактически не реальные животные, а комбинация уже зооморфного облика с антропоморфными чертами: почти

[13] *A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1965), p. 95, 96, 452.
[14] *З. А. Абрамова.* Ук. соч., стр. 27—30.

человеческая трактовка передних ног оленя (ср. с жестом — заметим, ритуальным — Колдуна из пещеры Трех Братьев: до локтевого сустава руки плотно прижаты к туловищу, далее вытянуты вперед, почти в горизонтальном положении, с обращением кистей вниз) и второе смешанное существо с признаками бизона и оленя и характерным, в сущности человеческим, поворотом головы (ср. с упоминавшимся выше изображением бизоно-человека) [15].

Не вызывает уже никакого сомнения или двусмысленного толкования Колдун из пещеры Трех Братьев. (Близкое по позе, только полностью профильное изображение человеко-зверя эпохи палеолита имеется и в пещере Шульган-Таш на Южном Урале [16].) Перед нами весьма колоритная фигура ряженого, фантастическое соединение атрибутов различных животных, птицы и человека: ветвистые оленьи рога и уши, совиные глаза, звериные лапы, лошадиный хвост и одновременно длинная борода и вполне человеческие ноги, как, впрочем, и само туловище (принадлежность существа к мужскому полу четко обозначена) [17]. Поза весьма специфична: торс, в профиль, наклонен вперед, почти в горизонтальном положении; голова, в фас, высоко поднята, развернута на зрителя. Все это создает впечатление, что перед нами не изолированное изображение, а настоящая сцена обрядовой пляски-пантомимы. Отметим, что указанная поза интерпретируется рядом исследователей (например, Люке и склонным присоединиться к его точке зрения А. Леруа-Гураном [18]) как своего рода уподобление человека зверю, по преимуществу в ритуальных танцах, воспроизводящих повадки зверя. Возникает вопрос: в чем смысл этих обрядовых пантомим? Многие исследователи (А. Брейль, А. Бегуэн, Ж. Люке, К. Линднер) связывают их так или иначе с охотничьей магией, обеспечивающей умножение промыслового животного, успех охотничьей операции, умилостивление зверя [19]. Какую же из этих функций воспроизводит рассматриваемое нами изображение? В связи с этим нелишне привести одну этнографическую параллель — свидетельство Феддера о магических умилостивительных плясках бергдама, обитателей Юж-

---

[15] Настоящая интерпретация, разумеется, не исчерпывает содержания этой сюжетной композиции. Изображение в непосредственной близости от одного из преследуемых животных двух человеческих силуэтов (одного несомненно женского) говорит уже о причастности женщины к охотничьей магии, заставляя вспомнить как более раннюю барельефную композицию из Лосселя, датируемую граветто — солютре (*A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1965), p. 90), так и более поздние и в смысловом отношении детальнее разработанные композиции на скалах в Тиу (Северная Африка), относящиеся к самому концу палеолита. Наводит также на мысль о каком-то тотемистическом подтексте тот факт, что один из оленей и охотник имеют бизоньи головы. Равным образом, думается, не случайно у охотника из Ляско птичья голова и его копьеметалку (или какое-то другое оружие) венчает навершие со скульптурным изображением птицы.

[16] *О. Н. Бадер.* Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М., 1965, стр. 23.

[17] Сложность поднимаемых нами вопросов потребовала привлечения именно этого, наиболее выразительного примера, хотя мы вполне отдаем себе отчет в том, что это весьма позднее по датировке изображение вбирает, очевидно, более широкое содержание, чем здесь рассмотрено. Например, возникает вопрос, не кроется ли в полиморфности Колдуна ключ к разгадке сексуальной символики, если признать вслед за А. Леруа-Гураном наличие этой последней в искусстве палеолита. Ведь сверхфантастичность Колдуна — это только соединение признаков ряда животных (лошади, оленя, хищника), которые в свою очередь являются символами мужского начала (*A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1965), p. 309). С другой стороны, согласно охотничьей символике, хорошо известной нам по этнографическим материалам, наличие отдельных звериных атрибутов, например ношение ожерелий из клыков хищников, означает присвоение человеком соответствующих «звериных свойств» — силы, быстроты, выносливости и пр. (см. в связи с этим интерпретацию Колдуна Б. Фроловым: *Б. Фролов.* Тайна «рогатого бога». По следам одного открытия. «Атеистические чтения», 1967, 2, стр. 85, 86). Не говорит ли это о наличии единой основы у охотничьей и сексуальной символики?

[18] *A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1965), p. 91, 95.

[19] *P. J. Ucko, A. Rosenfeld.* Op. cit., p. 133, 136; *G. H. Luquet.* Op. cit., p. 220, 221; *K. Lindner.* Op. cit., p. 260—263.

ной Африки. Исследователь пишет: «Глубокое значение плясок заключается в следующем: они призваны путем своего рода волшебства заставить дичь отдаваться в руки охотника. Я отметил в своих записях двадцать два различных вида плясок, которые все носят имена каких-либо животных, например шакала, гиены, леопарда, льва, тигра, гепарда, горлицы, тукана, ястреба, орла, слона и т. д. Искусство плясунов заключается в том, чтобы, наклонив вперед верхнюю часть тела (чаще всего туземцы стремятся представить четвероногих), ловко подражать характерным движениям животного, так чтобы все его узнали... Шеренга плясунов не принимает участия в пении. Однако, когда это требует ситуация, они воспроизводят крики животных, которым они подражают» [20]. Как отмечает далее Феддер, в отличие от бытовых участники обрядовых плясок ряжены. Эта, хотя и далекая, параллель проливает некоторый свет на свой живописный палеолитический аналог. Пляска Великого мага — это, несомненно, дошедшее до нас из глубины веков живописное свидетельство самого древнего из ритуалов охотничьей магии — ритуала овладения зверем. Только в противоположность своей более архаической форме, повторяющей в общих чертах саму охотничью операцию (ее изобразительный аналог, как мы указывали,— композиции из фигуративных звериных и символических человеческих изображений), ритуал этот словно преодолел свою натуральную, строго привязанную к охотничьей операции форму, приобрел опосредованный, мы бы сказали, художественно разработанный характер. В этой новой форме ритуала овладения зверем центральной фигурой становится не охотник, наносящий смертельный удар зверю, а сам зверь, которого стремятся благорасположить к себе, как бы найти с ним общий язык, перевоплощаясь в него, т. е. уподобившись ему физически через ряжение и подражание его повадкам. Не является ли этот акт выражением исконного тотемистического представления о тождестве физической природы человека и животного? Полагаем, что это так. В свою очередь это подводит к выводу, что другой, столь же правомерной, семантикой антропо-зооморфных изображений является зверь-тотем или человек, его представляющий [21].

Следует сделать еще один, принципиальный, вывод. То, что тотем — это линия мужских изображений в искусстве палеолита и именно мужчина-охотник представляет зверя-тотема в обрядовых пантомимах, подтверждает еще раз, что тотемистические представления родились в русле охотничьей практики — сфере деятельности по преимуществу мужского состава первобытного коллектива. Представления о единстве уже не только физической, но духовной природы человека и зверя (распространение этических норм человеческого коллектива на животных тотемного вида) возникло позже. Это означало уже формирование представлений о тотеме как родственнике, предке, родоначальнике группы. Отсюда и берет начало, если так можно выразиться, женская линия тотеми-

[20] Цитировано по кн.: *Л. Леви-Брюль.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937, стр. 123.

[21] Трактовка антропо-зооморфных фигур как изображений существ смешанной — человеческой и звериной — природы, достаточно распространенная среди исследователей палеолитического искусства, генетически связывается, как правило, с ритуальным ряжением под зверя. В качестве доказательства тому ссылаются на мужское изображение на гальке из Ла Мадлен, на котором внутри зооморфной личины, как считают маски, отчетливо видно человеческое лицо (*Capitan, Peyrony et Bouyssonie.* L'Art des cavernes. Les dernières découvertes faites en Dordogne. Comptes rendus des séances de l'année 1913. Paris, 1913, p. 5, 6; а также *G. H. Luquet.* Op. cit., p. 212, 213; *R. Drössler.* Die Venus der Eiszeit. Entdeckung und Erforschung altsteinzeitlicher Kunst. Leipzig, 1967, S. 192—195; *А. П. Окладников.* Утро искусства, стр. 80—82). Мы придерживаемся противоположной точки зрения на последовательность возникновения представлений об антропо-зооморфной природе человека, с одной стороны, и охотничьей маскировки и ритуального ряжения — с другой. Тотемистические представления были первой не только религиозной, но человеческой идеей становящегося существа, осознавшего себя прежде всего через физическое тождество с основным средством своего существования — зверем.

стических представлений. Представления о происхождении тотемной группы от брака женщины со зверем (если хотите, потому и возможен был брак между женщиной и зверем-тотемой, что этот последний был мужского пола), донесенные до нас многочисленными мифами примитивных народов, являются, таким образом, более поздними. Следовательно, в той полисемии, которую со временем приобрели женские изображения, первичной была идея о чисто воспроизводящей функции женского организма (то же физическое единство природы человека и зверя через акт рождения); и уже много позже, когда женщина в качестве символической родоначальницы тотемной группы становится носительницей идеи единства человеческого коллектива, тем же содержанием насыщается и ее образ в искусстве.

Последнее, на чем хочется остановиться, касаясь антропо-зооморфных фигур,— это манера их изображения. Еще А. Бегуэн привлек внимание исследователей к тому факту, что некоторые из этих фантастических существ (колдун из Трех Братьев, «дьяволята» из Тейжи) тонко и тщательно выписаны. Значит, заключает французский автор, когда это диктовалось особыми целями, человек палеолита был способен великолепно изображать человеческие (мужские) фигуры. Другое дело, что случаи эти редки, но это свидетельствует лишь о том, что кажущаяся примитивность (зооморфность) таких существ — специфическая задача палеолитического художника, а не свидетельство его «стилистической беспомощности» [22].

Наконец, тема зверя в палеолитическом искусстве. Первое знаковое изображение — рана, интерпретированное не с точки зрения субъекта действия, т. е. активной функции, а с точки зрения объекта, на который обращено это действие, или функции пассивной, отражает, как мы уже отмечали, результат трудового акта, т. е. символически представляет зверя в качестве охотничьей добычи. Становление собственно изобразительной идеи зверя, шедшее, несомненно, не без влияния и взаимодействия со знаковым, хронологически предшествующим ей, аналогом, также проходит символическую стадию развития (камень→натуральный макет→скульптура). Но символ этот особый — в отличие от пассивного, частичного, представляет зверя, целиком, т. е. как самостоятельное, а значит, обладающее собственной жизнедеятельностью, активное существо. Отсюда натуральная трактовка — воспроизведение зверя во всем его естестве, со всеми его жизненными проявлениями (кстати, палеолитический символ, переданный пятном красной охры, также несет в себе «признак естества» — знак крови). В реалистической трактовке зверя нет и той гипертрофии отдельных, проявляющих свою функциональную значимость частей тела, которой отмечены женские палеолитические образы. Ибо **естественная функция** зверя в качестве потенциальной добычи была также целостной, более того, вещной — служить человеку источником средств существования. Итак, в характере интерпретации животного в палеолитическом искусстве проявляется все то же целостное отношение, в котором первобытный человек стоял к природе, т. е. план мировоззренческий. Отсюда можно сделать принципиальный вывод. Человек был предметом искусства палеолита не в меньшей мере, чем зверь. В сущности, если не понимать этого положения догматически, человек и есть основной и единственный предмет искусства. Ибо воссозданное его творческой фантазией бытие внешнего мира есть не что иное, как восприятие и оценка человеком самой этой действительности и своего места в ней.

Коснемся вкратце еще одного аспекта — изображения в палеолитическом искусстве предметного мира, и прежде всего охотничьего оружия. Его предтеча — также в палеолитическим символах: углообразные фигуры как знак щелевидных резаных ран от копья, круглые — символиче-

[22] *P. J. Ucko, A. Rosenfeld.* Op. cit., p. 136, 137.

ский след удара метательным оружием (камнем). Это последнее изображение и стало представителем, реальным и магическим, ран животного. Закреплению за этой формой такой семантики, несомненно, способствовало широкое бытование уже в нижнем палеолите ритуальных метательных шаров из глины: округлый след «клякс», как мы видели, остается именно от удара такими шарами (эталонными символами охотничьего метательного камня по интерпретации А. Д. Столяра)[23]. От клиновидных знаков (своего рода «римских цифр») берет начало линия изображения охотничьего оружия. Этот знак с двойной функцией раны и орудия, его нанесшего, мы встречаем уже на одном из самых архаичных целых изображений животного — фигуре какого-то четвероногого с длинными ушами, выполненного красной краской (Кастильо, ориньяк). Следующая ступень — добавление к схематично изображенному наконечнику копья (углообразной фигуре) столь же схематично воспроизведенного древка (отрезка прямой). В этой типизированной форме и «бытовало» охотничье оружие (копье, дротик, стрела) в палеолитическом искусстве. Именно такими орудиями ранены бизоны из Нио, олени и медведи в пещере Трех Братьев, лошади в Ляско. Предела натуральности изображение стрел достигает на гальке из Коломбьер: перед нами носорог, не просто меченный, как обычно, знаком стрелы (одновременно, быть может, примитивно воспроизводящим дротик в полете), но животное, буквально пронзенное настоящими стрелами (кроме невидимых, проникших в брюхо наконечников стрел изображены древки, снабженные оперением в виде овала). То же — не символическое, а реальное — представление охотничьего оружия (уже не только стрел, но и лука) мы встречаем в конце верхнего палеолита или, быть может, уже в мезолите, например в изображении, по всей видимости, эпизода загонной охоты из пещеры Лос Кабальос в Испании: охотники, целящиеся в оленей из луков, и мчащиеся им навстречу, пронзенные их стрелами животные. Известно, что по произведениям искусства определены даже типы луков, которыми пользовался первобытный охотник. Однако в целом предметный мир (оружие, охотничьи ловчие приспособления, загоны для животных, жилища и т. д.) не получил в искусстве палеолита, как и далее в мезолите и неолите, сколько-нибудь натурального воспроизведения, оставшись на уровне схематичных условных изображений. Следует добавить, что недалеко от них по уровню художественного изображения ушли и собственно природные формы — крайне редкие в искусстве палеолита изображения деревьев и растений,— элементы и предтечи эстетического освоения человеком естественной природной среды.

Восходя в своих истоках к палеолитическим символам и продолжая сохранять свою магическую функцию, изображения предметов, и прежде всего охотничьего оружия, в общем контексте сюжетных (охотничьих) композиций начинают постепенно выполнять роль и реального убойного орудия. Так, в широко известном изображении из пещеры Трех Братьев перед нами фактически картина издыхающих от потери крови медведей— крови, хлещущей из пасти, носа, ран животных, а не просто графическое выражение идеи сопричастности: рана, нанесенная изображению зверя, означает рану, нанесенную зверю реальному. Именно такой — нейтральный — характер носили самые архаичные композиции, когда вместе с выделением изобразительной деятельности из ритуала и заменой «бесстрастными» символами реальных действий реального человека уходил и пафос воображаемой схватки со зверем, а передавать ее накал через эмоциональное состояние животного человек еще не научился.

Однако все большее наполнение, если так можно выразиться, рациональным содержанием первобытного искусства не означает вовсе, что

[23] См. разработку данного вопроса в статье А. Д. Столяра (*А. Д. Столяр.* О материальном «производстве идей»..., стр. 69—80).

столь же рациональным, изживающим свои последние иллюзии, было и миросозерцание человека каменного века. Процесс протекал не столь прямолинейно, в более сложных, противоречивых, формах. Что касается линии символических изображений, то она не только не глохла, сходила на нет, но продолжала эволюционировать, развертываясь в сложную систему первобытной символики. Старые символы приобретали новую семантику. Красноречивый пример — гравировка на костяной пластинке из Истюриц, воспроизводящая следующие друг за другом ползком женскую и мужскую фигуры (изображение частично из-за излома пластинки: первая фигура не имеет головы, у второй сохранилась только верхняя половина) [24]. На бедре женщины выгравирован зубчатый знак. Его можно трактовать как один из мужских палеолитических символов, переданный или в виде усложненного знака стрелы или, что тоже вероятно, как условное воспроизведение гарпуна (кстати, также метательного оружия) с его косо посаженными на древке зубцами. Контекст композиции говорит, что из символа смертоносной силы охотничьего оружия указанное изображение превратилось в знак овладения объектом вообще. В свою очередь многие, мы бы сказали, исконно рациональные охотничьи приспособления: ловчие изгороди, загоны, охотничьи ловушки — в качестве объектов изобразительного искусства насыщаются отчасти магическим содержанием. Сравним два сюжета. Вот пещера Ляско. Изображение лошади заштриховано по крупу рядом вертикальных черточек, соединенных еще одной, кривой, линией — очевидно, схематическое воспроизведение ловчей изгороди-палисада, как бы направляющего бег животного к охотничьей ловушке (знаку из скрещивающихся линий и точек). Перед похожим знаком, двумя рядами перекрещивающихся параллельных линий, будто замер в грозной позе с выставленными вперед рогами черный бык: другое животное, словно гонимое кем-то, в панике мчится прямо к такой же ловушке — решетке, прочерченной черной краской по красному фону. Почти не возникает сомнений, что перед нами воспроизведение обычных эпизодов загонной охоты с использованием ловчих приспособлений. Кстати, и заштрихованная параллельными черточками лошадь, и бизон с выставленными вперед рогами отмечены схематично воспроиз-

[24] Эта фрагментарность является источником расхождения мнений специалистов по поводу содержания гравированного рисунка. Наряду с традиционной интерпретацией, исходящей из того, что на пластинке изображены женская и мужская фигуры (*G. H. Luquet.* Op. cit., p. 212, 213; *R. Drösller.* Op. cit., S. 92; *З. А. Абрамова.* Ук. соч., стр. 19, 165; *В. Б. Мириманов.* Первобытное и традиционное искусство. М.—Dresden, 1973, стр. 95, 100), существует мнение, что гравированы только два женских изображения (*С. Н. Замятнин.* Ук. соч., стр. 58; *A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1965), p. 100, 101, 423). Поскольку на другой стороне пластинки строго симметрично человеческой паре выгравированы два бизона, также меченые зубчатым знаком, А. Леруа-Гуран видит в настоящей композиции воплощение обычной, по его мнению, темы «женщины — бизоны», дополненной мужскими знаками. Такой подход нам не кажется убедительным по следующим причинам. Голова второй фигуры — с плоским, словно бритым черепом и выступающим лицом, что, согласно самому А. Леруа-Гурану, соответствует звериной стилизации мужского лица. Немаловажен и тот факт, что человеческая пара сдублирована парой животных. Такие парные изображения животных противоположного пола достаточно часты в палеолитическом искусстве (глиняные бизоны из пещеры Тюк д'Одубер; гравированное изображение коровы и следующего за ней быка из грота Мэрин; скульптурная группа оленей из Брюникеля; красочное изображение двух мамонтов, идущих друг за другом самки и самца, в Каповой пещере и др.) и обычно оцениваются исследователями как живописное выражение магической идеи умножения животных (*G. H. Luquet.* Op. cit., p. 88—90; *K. Lindner.* Op. cit., p. 267; *R. Drösller.* Op. cit., S. 231—233; *А. П. Окладников.* Ук. соч., стр. 67, 68; *В. Б. Мириманов.* Ук. соч., стр. 150). Думается, именно соседство схематических рисунков с таким парным изображением животных в Каповой пещере дало основание О. Н. Бадеру интерпретировать эти условные знаки как символы пола и размножения. См. *А. Соколов.* Вышедшие из тьмы. «Вокруг света», 1975, 12, стр. 36. Не возражает в сущности против расшифровки зубчатого знака как символа обладания и А. Леруа-Гуран, указывающий на то, что изображения фалла, зубчатого знака и метательного оружия являются знаками-эквивалентами (*A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1965), p. 100).

веденным оружием: первая — знаком стрелы, второй — рядом словно воткнутых сверху в туловище животного орудий с длинными древками — еще одним косвенным свидетельством преследования животных охотниками. Почти рациональное содержание таких композиций — аргумент в пользу достаточно поздней датировки живописи Ляско. Но вот бизон из Альтамиры, хотя в немного напряженной, но неподвижной позе. Над характерно выступающим горбом животного условный знак — пять параллельных линий, соединенных перпендикулярной к ним чертой. Знак этот расшифровывается нами как типизированное условное изображение охотничьего приспособления (например, ловчей изгороди), получившего функцию магического символа. Знаменательно, что знак имеет пять зубьев, как пятипалая человеческая рука. Перед нами, следовательно, еще одно звено из цепи мужских (охотничьих) символов древнекаменного века.

Анализ сценических композиций с точки зрения той функции, которую выполняли в них охотничьи приспособления и оружие, еще раз говорит, таким образом, о двойной — реально-утилитарной и символико-магической —семантике образов палеолитического искусства и вместе с тем о постепенном, все нарастающем процессе разъединения магического и эстетического аспектов воспроизведения объективного мира в художественной практике первобытного человека.

Итак, только подход к искусству как надстройке над надстройкой, феномену, опосредствованному магико-тотемистическим мировосприятием, позволяет раскрыть генезис и всю динамику развития искусства палеолита и увязать в единое целое его многообразные и порой как бы противостоящие друг другу проявления (знаковые и фигуративные изображения; характер интерпретации мужских, женских, звериных и предметных образов; одиночные и композиционные решения и т. д.) [25]. Это же подводит нас к выяснению сущности эстетического критерия палеолитического искусства.

Человек — природное существо, стоящее в отличие от животных в новой, трудовой, форме взаимосвязи с природой. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы» [26]. В каких же формах совершался этот обмен на заре человеческой истории — в эпоху первобытности?

Человек подобно любому страдающему существу, во-первых присваивал готовые продукты природы (охота, собирательство), во-вторых, формировал природу по мерке своего — уже социального, а не чисто биоло-

---

[25] Оригинальную мифолого-символическую концепцию первобытного искусства, порывающую со многими традиционными представлениями, дают нам работы французского археолога Андре Леруа-Гурана (*A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1964), p. 95—115, 150—152; *idem.* Op. cit. (1965), p. 80—118, 120, 121). Ценным у настоящего исследователя является попытка осмыслить искусство палеолита, исходя не из отдельных изображений, но композиций и даже декора пещер в целом. Вполне возможно, что за архитектоникой пещерного искусства, реконструированной этим автором, уже стоит первобытная мифология. Это тем более вероятно, что с признанием у человека нижнего палеолита кинетического мышления (*Д. В. Бубрих.* Происхождение мышления и речи. «Научный бюллетень ЛГУ», 1946, 7, стр. 37—39; *G. W. Hewes.* Primate communication and the gestural origin of language. «Current anthropology», 1973, v. 14, № 1—2, p. 1—24; *В. Л. Нейдинг.* Некоторые обоснования кинетической стадии развития мышления и истоки искусства. ВА, 1974, 48, стр. 76—85) мы, естественно, удревняем и первобытное миросозерцание, а значит, его словесные, более поздние по сравнению с изобразительными, формы выражения. Но наличие мифологических основ у палеолитического искусства не снимает основ более древних, чисто ритуальных, магико-тотемистических. Их, кстати, не отрицает категорично и сам А. Леруа-Гуран, считая только трудно доказуемыми из-за отсутствия достаточного количества прямых свидетельств (*A. Leroi-Gourhan.* Op. cit. (1964), p. 148, 149; *idem.* Op. cit. (1965), p. 95, 123, 124, 313; *P. J. Ucko, A. Rosenfeld.* Op. cit., p. 221).

[26] *К. Маркс.* Капитал. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23. М., 1960, стр. 188.

гического, как у животных,— вида, т. е. преобразовывал естественную природу в искусственную, адекватную собственно человеческим потребностям среду [27]. В каком взаимоотношении с природой стоит человек в каждом из этих видов деятельности? Присваивающая деятельность (если абстрагироваться от деятельности формирующей, которая ее опосредствует, поставляя ей орудия труда — охотничье оружие) означает фактически почти полную зависимость человека от внешней среды. Ибо как бы первобытный человек ни совершенствовал свои охотничьи приемы, т. е. способ присвоения продукта природы, этот последний в качестве потенциального результата его деятельности не подвластен ему: производящие силы природы, не будучи опосредствованы материальной практикой, вне контроля человека. Воссоздание природы на новой человеческой основе, т. е. преобразование ее стихийных сил, естественных свойств и веществ в общественные предметы, нужные человеку вещи, орудия, сооружения, означало уже овладение этими природными силами и веществами, иными словами, свидетельствовало о превращении природы из чуждой, господствующей над человеком стихии в силу, поставленную под контроль его материальной практики и используемую человеком в его целях. Следует, однако, подчеркнуть, что оба аспекта взаимосвязи первобытного человека с природой были неантагонистическими по своему характеру. Ход развития первобытного общества с необходимостью предполагал совпадение прогресса материальной культуры (второй, социальной, формы бытия природы) с развитием человека как производительной силы общества — творца этого нового вещного мира и безраздельного потребителя общественных ценностей. Ибо в условиях первобытного коммунизма, отсутствия частной собственности и эксплуатации человека человеком, каждая одержанная в борьбе с природой победа — была ли то сфера присваивающей или производящей деятельности — становилась подлинным достоянием всего коллектива (а тем самым и каждого его члена в отдельности). А значит, в тех узких рамках, в которых первобытный человек господствовал над природой, он господствовал над производством условий своей собственной жизни, т. е. способом своего существования [28]. Конфликт человека с природой, его рабская зависимость от нее в главном — обеспечении себя средствами существования — не носили поэтому абсолютного характера. Этот преодолимый, но еще не преодоленный конфликт человека с естественной природой и определил характер первобытного миросозерцания, или, иными словами, эмоциональную оценку человеком своего взаимоотношения с внешним миром, а именно теоретическое опосредствованное магией непризнание человеком своего практического бессилия, утверждение своей способности господствовать (в узких рамках своей жизнедеятельности, разумеется) над природой.

На заре своей сознательной деятельности человек в силу низкого развития его производительных сил вел жестокую борьбу за существование. Это был тот начальный этап, когда люди овладели силами природы лишь настолько, чтобы обеспечить себе минимум жизненных средств, который не дал бы им умереть с голоду. Все умственные и физические силы первобытного человека были поэтому сосредоточены на удовлетворении его непосредственных жизненных нужд. И все — в том числе производственная (а точнее производящая) деятельность человека — было подчинено этому и служило ему средством. Основной конфликт человека с природой преломлялся, таким образом, через присваивающую, а не формирующую

---

[27] *К. Маркс.* Экономическо-философские рукописи 1844 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сб. «Из ранних произведений». М., 1956, стр. 564—566, 630—632; *К. Маркс.* Капитал. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23. М., 1960, стр. 189, 190; *Ф. Энгельс.* Диалектика природы. Соч., т. 20. М., 1961, стр. 494, 495.

[28] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21. М., 1961, стр. 174.

(производящую) деятельность. В свою очередь, поскольку взаимоотношения человека с природой определяла в качестве господствующей присваивающая деятельность, то именно через эту сферу раскрывалась прежде всего и общественная значимость человека в первобытном коллективе. Конкретно-историческим показателем этой значимости, т. е. способности человека выйти победителем в борьбе с чуждой, противостоящей ему природой, являлась, таким образом, его способность обеспечить себя средствами существования, и прежде всего главным из них — зверем. Тем самым интерпретация человека в палеолитическом искусстве под углом зрения той функции, которую он выполнял в основном жизненном цикле реально (промысловая функция мужчины) и иллюзорно (воспроизводящая зверя функция женщины), как преломление через мировоззренческую основу трудового аспекта взаимоотношения человека с природой и есть мера эстетической значимости человека. Зверь же выступает как олицетворение этой победы человека над природой, осознания им своего могущества. Именно поэтому образ зверя становится эстетическим идеалом эпохи, достигает высоты самого гармоничного и совершенного изображения в палеолитическом искусстве. Значимость человека и зверя как объектов искусства определяется, таким образом, трудовым эстетическим критерием, а сама эстетическая оценка есть отражение — через совокупность общественных и производственных отношений — характера взаимоотношений человека с действительностью, для первобытного общества это были неантагонистические отношения человека и природы, естественной и социальной.

Тот факт, что именно присваивающая — охотничья — деятельность как выражение целостного отношения человека к природе определяет характер эстетического критерия искусства палеолита, не означает, однако, что не получают своей эстетической оценки собственно творческие, материально преобразующие мир силы человека. Прежде всего в процессе самого производящего труда, т. е. преобразования естественного материала природы в предметы, обладающие формой и функцией, адекватной человеческим потребностям, происходит освоение таких формообразующих элементов, как ритм, соразмерность, форма, цвет и т. д. Эти изначально присущие самой естественной природе, но оцененные человеком только в процессе его материальной практики свойства приобретают в качестве элементов формальной красоты общественное содержание. Утилитарные предметы, изготовленные в соответствии с этими формообразующими нормами, становятся, таким образом, выразителями эстетической значимости человеческого труда или, что то же самое, вещно развернутого богатства материальных и духовных сил человека-созидателя. Эстетический критерий как мера развития творческих сущностных сил человека отражает поэтому уровень производительных сил общества, степень разрешения человеком противоречия свободы и необходимости. Многочисленные дошедшие до нас образцы прикладного искусства палеолита: богато орнаментированные или скульптурно оформленные орудия труда и охотничье оружие, возможно, уже культовые предметы, домашняя утварь — говорят о развитом эстетическом чувстве и тонком художественном вкусе человека древнекаменного века.

Но эстетическое освоение предмета как объекта самой внешней реальности и объекта изобразительного искусства не одно и то же. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить реконструированную Брейлем копьеметалку со скульптурным изображением снежной куропатки из Мас д'Азиль — подлинный по органическому единству своей утилитарной функции и художественной формы шедевр палеолитического искусства — и его живописный, выполненный с полной «художественной беспомощностью» аналог — изображение копьеметалки, также увенчанной фигурой птицы, из сцены с «мертвым человеком» и раненым бизоном в пещере Ляско.

В чем состоит это различие? Художественное ремесло — сфера деятельности, пограничная материальной практике и собственно художественному творчеству. Действительно, если живопись воссоздает не саму по себе действительность с ее материальными свойствами и полезной функцией, а идеальные оценочные формы ее (художественный образ), то продукты утилитарных видов художественной деятельности человека, архитектура и прикладное искусство,— в сущности сама объективная реальность, естественно-природное бытие которой трансформировано трудом в искусственную, отвечающую материальным и эстетическим потребностям человека форму. Таким образом, творческие возможности человека, богатство его духовного мира претворяются, а тем самым и раскрываются непосредственно, материально. И поэтому не могут не выступать лишь в плане идеала, категории прекрасного. Изобразительное искусство — это идеальный, мировоззренчески опосредствованный мир. А это значит, что предмет в качестве объекта изображения может стать оценочной категорией только как отражение характера взаимоотношения человека как творца и потребителя материальных и духовных ценностей со второй социальной, перевоссозданной его трудом природой, т. е. объективным миром, существующим уже не только по естественным законам природы, но и социальным законам общества. Поэтому в изобразительном искусстве предмет в качестве критерия человека как общественного существа может выступать — в зависимости от того, будут ли отношения этого последнего с миром носить неантагонистический или антагонистический характер,— в своей положительной или отрицательной форме,— категории прекрасного и безобразного. Первобытное общество не знало социальных антагонизмов, т. е. противоречие свободы и необходимости проявлялось здесь в форме конфликта человека с естественной природой, еще не отторгнутой и в ее вещной очеловеченной форме от самого производителя материальных и духовных благ. Однако сектор искусственной, преобразованной человеческим трудом природы был так незначителен, более того, неразрывно связан с самим присваивающим образом жизни первобытного человека, что, естественно, не мог обрести самостоятельной мировоззренческой значимости, т. е. быть осознанным человеком в качестве меры его овладения силами природы, своего могущества. Поэтому именно зверь как главный объект присваивающей деятельности, а не предмет как продукт производящего труда выступил в качестве меры эстетической значимости человека. Отсюда эти — полюсовые по своей художественной ценности — интерпретации образа зверя и предмета в искусстве палеолита: натуральное совершенство и голая схема.

V. L. Neiding

LE STADE FIGURATIF DE L'EVOLUTION DES ARTS PLASTIQUES DU PALEOLITHIQUE SUPERIEUR, ET SON CRITERE ESTHETIQUE

Résumé

Le présent article est consacré à l'étude du stade figuratif (à proprement parler «imagé») des arts plastiques du paléolithique supérieur. Au niveau du paléolithique inférieur, ce stade a été précédé par celui des symboles lequel renfermait sous un aspect symboliquement codé toutes les voies suivantes de l'évolution du réalisme préhistorique. Le courant animalier est dominant dans le processus de transformation des symboles en représentations figurées. L'animal est représenté au paléolithique inférieur non seulement comme un signe fonctionnel, mais aussi comme un symbole intégralement matériel (la pierre-cible personifiant un animal→maquette naturelle). On étudie ici les figures masculines, féminines, anthropozoomorphes, animales, et celles d'objets, ainsi que des compositions spécifiques (alliance de représentations de symboles et de figures). Cette analyse montre que l'interprétation des phénomènes réels dans l'art paléolithique n'est rien d'autre qu'un reflet appréciatif de l'attitude de la collectivité préhistorique envers la nature dans sa pratique matérielle, c.à.d. le plan conceptuel. Ceci permet de dégager le caractère spécifique du réalisme préhistorique, ainsi que la nature du critère esthétique des arts figuratifs du paléolithique.

Публикации

Н. О. БАДЕР, И. С. ЧУМАКОВ

МУСТЬЕРСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЭЛЬ-КДЕЙР В СИРИЙСКОЙ ПУСТЫНЕ

При проведении геологических маршрутов в Сирийской пустыне в феврале 1969 г. одним из авторов статьи было обнаружено ранее неизвестное местонахождение мустьерских кремневых орудий [1]. Местонахождение расположено вблизи деревни Эль-Кдейр (рис. 1), непосредственно на одной из дорог, ведущих из этого населенного пункта в деревню Эль-Ком. Указанная дорога расположена на древнем караванном пути, берущем начало от берегов Евфрата у г. Ракка и проходящем через развалины «гипсового города» Рессафа (Сергиополис), селения Эль-Ком, Эс-Сохне, Куббет-Арак до развалин Пальмиры (Тодмор).

Кремневые орудия были найдены нами в небольшом свежем отвале серой иловатой глины, выброшенной местными жителями при углублении колодца в связи с падением уровня грунтовых вод. Глубина колодца — 3—3,5 *м*. Слой иловатых глин был скрыт под водой, выше весь разрез был представлен коричневато-серыми грубыми суглинками с примесью дресвы и щебня. Сам колодец расположен на дне ложбины шириной до нескольких десятков метров, между невысокими — до 15—25 *м* — холмами. Краткий осмотр небольших обнажений и поверхности холмов показал, что слагающий их склоны делювий повсеместно содержит неравномерно рассеянные черепки грубой керамики, кремневые орудия и остатки фауны млекопитающих различной степени фоссилизации.

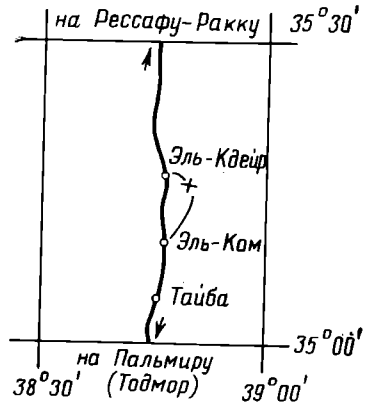


Рис. 1. Положение местонахождения Эль-Кдейр

(выкопировка с карты «Сирия» В. В. Вавилова, масштаб 1 : 1 000 000, изд. Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР, М., 1973)

Нами были собраны только кремневые орудия из отвала серых глин, лежавших у самого колодца. Обилие как законченных целых орудий, так и «бракованного» материала наряду с множеством мелких осколков кремня и отщепов создавало впечатление, что мы имеем дело со слоем, содержащим остатки мастерской палеолитического человека.

Кремень преимущественно серого и черного цветов, применявшийся для изготовления орудий, совершенно аналогичен кремням, встреченным нами в отложениях мелового возраста вблизи невысоких гор Пальмириды.

[1] Местонахождение открыто и обследовано И. С. Чумаковым. В настоящей работе геологическое описание памятника принадлежит И. С. Чумакову, археологическое описание комплекса сделал Н. О. Бадер.

Собранная коллекция находится в архиве геологической группы службы изысканий ГОЕП (Государственной организации Евфратского проекта). В Музей антропологии МГУ передана небольшая серия образцов. Именно она и описывается ниже. Естественно, что их подсчеты лишь приблизительно отражают реальное соотношение изделий в комплексе — так, среди отобранных предметов практически отсутствуют грубые отщепы (таблица).

Статистическая таблица изделий из мустьерского комплекса Эль-Кдейр

№ п/п	Тип изделий	Ретушь по краю		Всего
		+	—	
1	Остроконечники мустьерские	2	1	3
2	Остроконечники леваллуа	10	14	24
3	Пластины леваллуа	10	24	34
4	Отщепы леваллуа	2	3	5
5	Скребла	2	—	2
6	Нуклеусы дисковидные	2	1	3
7	Отщепы невыразительные	—	7	7
	Всего:	28	50	78

Основная часть коллекции относится к мустьерскому времени и производит впечатление однородной. Небольшие поздние примеси легко выделяются.

Один тщательно подготовленный клиновидный нуклеус и восемь тонких ножевидных пластин относятся к позднему палеолиту. Все предметы хорошо отделяются от мустьерских не только по технике изготовления, но и по сохранности. В отличие от мустьерских орудий, в целом сильно залощенных, ножевидные пластинки покрыты лишь едва заметным глянцем, а нуклеус вообще незаполирован. Все эти вещи изготовлены из мелового кремня светло-серого или черного цвета. Две массивных ножевидных пластины из темно-коричневого и желто-коричневого кремня тяготеют к описанной позднепалеолитической серии. Одна из них тщательно обработана по всему периметру крутой ретушью.

Несколько отличаются от всех прочих изделий три небольших массивных отщепа из темного кремня, покрытые коричневатым пустынным загаром. Все три имеют рельефные ударные бугорки и гладкие скошенные ударные площадки. Режущие края отщепов несут следы более поздней естественной ретуши. Эти три вещи могут найти некоторые аналогии в тайякских комплексах.

Мустьерский комплекс изготовлен из мелового кремня различных оттенков — от светло-серого до черного. Все вещи имеют залощенную поверхность. Большинство залощено так сильно, что сглажены режущие края орудий, меньшая часть изделий имеет лишь слабый глянец по поверхности. Почти все предметы имеют следы естественной ретуши, поэтому при описании учитывалась лишь бесспорная систематическая ретушь. Некоторые различия в патине и залощенности никак не увязываются с типологией вещей. По-видимому, сохранность зависела от положения вещей в слое, который частично был размыт источником.

В целом материал безусловно относится к леваллуазской фации мустье. По размерам, пропорциям, технике изготовления все вещи оставляют впечатление единого комплекса.

Наиболее характерна группа типичных леваллуазских остроконечников. Подтреугольные в плане, со следами правильных треугольных негативов на спинке, широким основанием и выгнутыми фасетированными ударными площадками, все орудия достаточно стандартны (рис. 2). Зна-

чительная часть остроконечников ретуширована. Несколько орудий обработаны крутой ретушью с заломами (рис. 3, 4).

Скребла представлены всего двумя экземплярами (рис. 3, 4). Одно из орудий сделано на леваллуазской заготовке. Угловатых скребел нет. Из индивидуальных форм наиболее интересны два отщепа с основанием, подправленным с брюшка. Первый имеет удлиненную форму (рис. 4, *5*). Одна из боковых граней и конец орудия ретушированы, конец оформлен в виде проколки крутой сходящейся ретушью. Ударный бугорок снят несколькими уплощающими продольными сколами со стороны ударной площадки. Второй отщеп массивный, широкий, подтреугольный в плане. Основание его стесано несколькими крутыми широкими сколами со стороны ударного бугорка.

Оба орудия не могут быть прямо отнесены к типичным наконечникам эмирейского типа. Последние изготовлены из мелких леваллуазских остроконечников тщательной уплощающей ретушью. Однако сама техника подправки описанных орудий близка эмирейской.

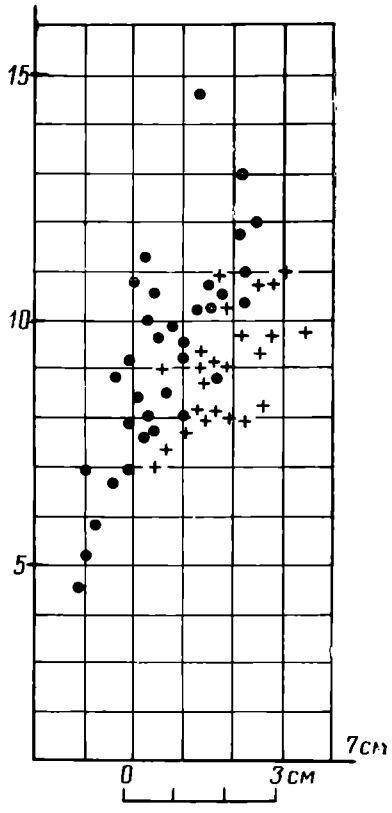


Рис. 2. Абсолютные размеры остроконечников и пластин леваллуа из мустьерского комплекса Эль-Кдейр.

По вертикальной оси отложена длина, по горизонтальной — ширина изделий. Крестиками обозначены остроконечники, кружками — пластины

Значительную часть комплекса составляют леваллуазские пластины. Большая часть из них имеет слегка выгнутую, фасетированную двумя-тремя сколами небольшую ударную площадку (рис. 4, *4*); меньшая часть — гладкую, иногда скошенную площадку. Часть пластин ретуширована по краю. Особенно интересна проколка на пластине с гладкой площадкой, образованная тонкой сходящейся к острию ретушью по краям. Серия леваллуазских пластин, показательная сама по себе, может рассматриваться как органичная часть мустьерского комплекса.

Нуклеусы представлены тремя экземплярами. Один из них в плане имеет грубо округлую форму, однако результативные сколы сделаны с двух противолежащих площадок. Тыльная сторона нуклеуса почти целиком покрыта коркой. Обе площадки подработаны, одна из них практически исчерпана.

Два других нуклеуса типологически близки. Они небольшие, плоские, имеют по две противолежащих площадки, подработанные серией мелких сколов; оба подправлены небольшими сколами по периметру с лицевой поверхности.

В целом описанная серия характеризуется высоким индексом леваллуа [2]. Среди леваллуазских форм большое количество остроконечников, скребел значительно меньше. Обращает на себя внимание большое количество пластин леваллуа. Подправка остроконечников с брюшка в эмирейской технике довершает характеристику комплекса.

Оценивая эти новые материалы, нельзя не коснуться некоторых общих вопросов, связанных с эпохой мустье на Ближнем Востоке.

[2] Нельзя, однако, забывать, что мы имеем дело с искусственной выборкой. Именно поэтому индекс не подсчитывается.

Исследователи выделяют леваллуа-мустьерский, ябрудийский, амудийский, ашело-леваллуазский, микролеваллуазский варианты мустье Ближнего Востока [3], однако наиболее широко распространены леваллуазские памятники. Они известны сейчас на Средиземноморском побережье, в Иудейской пустыне, горах Антиливана, Сирийской пустыне, горах Тавра,

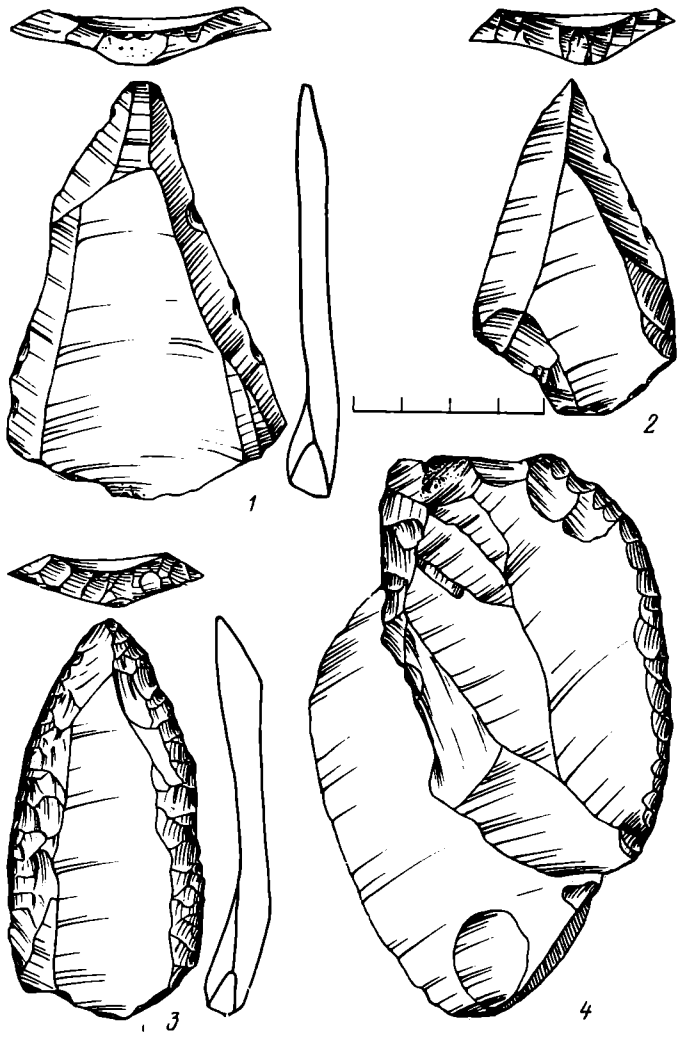


Рис. 3. Мустьерские кремневые изделия из Эль-Кдейр

на западных и восточных склонах Загра и далее к востоку, на территории современных Ирана и Афганистана.

Хронология леваллуа — мустье Ближнего Востока во многом остается неясной. Д. Гаррод на основании сопровождающей фауны и отчасти типологии подразделила леваллуа — мустье на нижнее и верхнее. Для раннего этапа характерен носорог, бородавчатый кабан и гиппопотам, позднее они исчезают. В поздних комплексах широко распространены скребла, в ранних их несколько меньше. Однако эволюция типов в отдельных памятниках проходит сложнее. Скребла типичны как для верхних, так и для нижних слоев многослойных памятников; некоторые из них (Джебель-Кафзех) дают колебания этого соотношения. Вполне вероятно, что хронологическая картина осложняется культурным разнообразием леваллуа — мустье этого района [4].

[3] *A. Rust.* Die Höhlenfunde von Jabrud. Neumünster, 1950; *Г. П. Григорьев.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.

[4] По мнению Ф. К. Хауэла, леваллуа-мустье Ближнего Востока в целом пред-

Хорошая серия радиокарбоновых дат дает представление об абсолютном возрасте памятников [5]. Наиболее ранние слои датируются временем более 52 000 лет (Рас эль-Кельб), поздние — около 35 000 лет (Эль-Кебара). Несколько памятников с развитой культурой имеют датировку 40 000—45 000 лет (Табун B, C; Джерф-Айла, Ксар-Акиль) [6].

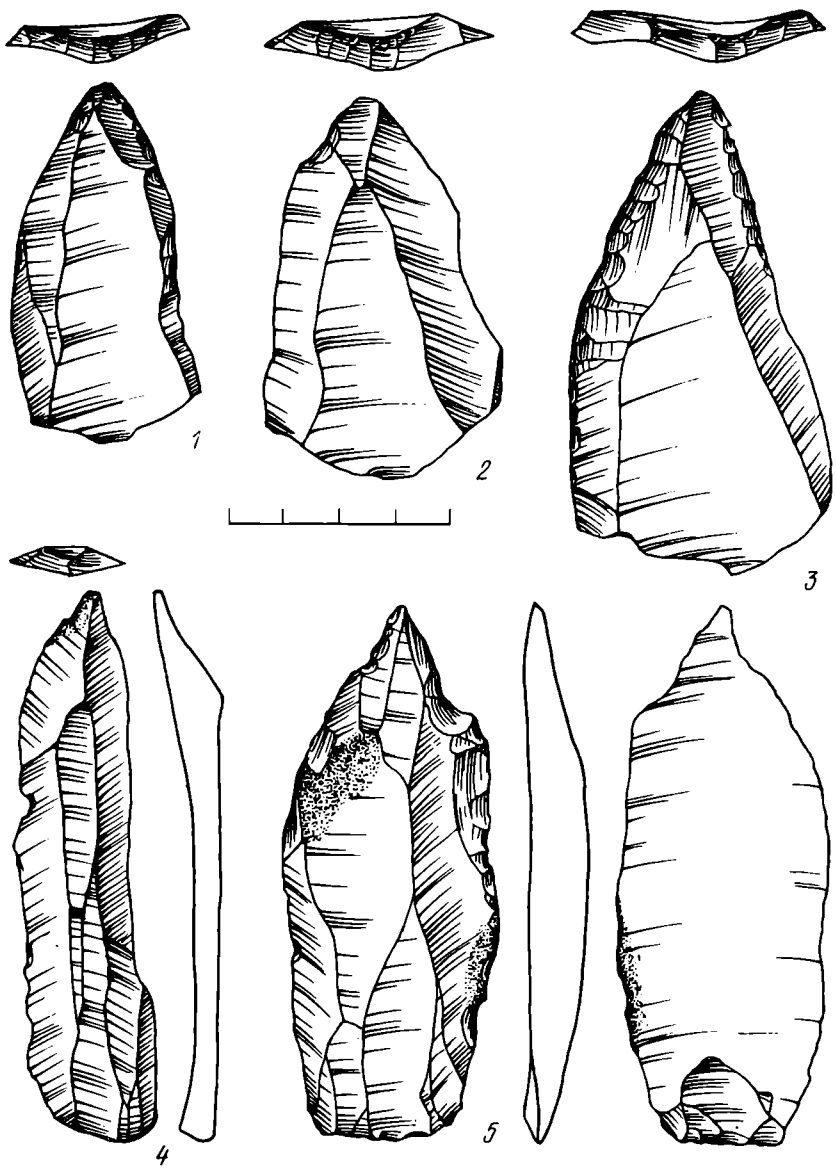


Рис. 4. Мустьерские кремневые изделия из Эль-Кдейр

Комплекс из Эль-Кдейр, характерный выработанными, почти стандартными формами остроконечников, большим количеством пластин, эмирейской традицией подтески основания орудий со стороны брюшка, представляется возможным отнести к развитому мустье.

шествовали памятники ябрудийской фации (*F. C. Howell.* Upper pleistocene Stratigraphy and early Man in Levant. PAPS, vol. 103, No. 1, 1959, p. 38); Г. П. Григорьев, основываясь на данных А. Руста из Ябруда, отстаивает их сосуществование (*Г. П. Григорьев.* Ук. соч., стр. 19); Г. П. Григорьев считает, что леваллуазская техника вообще не претерпела заметных изменений (*Г. П. Григорьев.* Проблемы леваллуа. МИА, 185, 1972).

[5] Сводку см. *И. К. Иванова.* Геологический возраст ископаемого человека. М., 1965, стр. 120.

[6] Там же.

По-видимому, сходство широко распространенных леваллуазских памятников обусловлено техникой обработки кремня. Сейчас, однако, все чаще возникает вопрос о своеобразии леваллуа различных регионов. Д. Гаррод, а за ней Ф. К. Хауэл ввели для леваллуа Ближнего Востока термин «леваллуа — мустье» [7]. Г. П. Григорьев также предлагает обозначить леваллуазские памятники Ближнего Востока особым термином, подчеркнув этим их типологическое отличие от леваллуа Франции [8], в другом случае выделяет «леваллуазский вариант Передней Азии» [9].

Нужно ожидать, что по мере накопления материала и в этом достаточно большом регионе выявится несколько типологически различных, ограниченных во времени и пространстве локальных вариантов. Именно в них можно будет искать следы отдельных, объединенных постоянными прямыми связями групп мустьерцев. Длительное существование леваллуа-мустьерских памятников при большой неточности их относительной датировки особенно затрудняет решение этого вопроса. Сейчас могут быть отмечены лишь некоторые своеобразные черты отдельных памятников.

Леваллуазские слои Ябруда и Табуна характеризуются близкими соотношениями основных групп орудий. Скребла и остроконечники в этих памятниках в целом одинаково многочисленны. Д. Гаррод видела в соотношении остроконечников и скребел хронологический признак, однако все три слоя Табуна дают процент скребел более высокий, чем Джебель-Кафзех.

Комплексы из слоя 9 Ябруда I, Джебель-Кафзех, Абу Сиф, Шаба характеризуются высоким процентом остроконечников. Эти наблюдения, сделанные К. Хауэлом [10], хотя и имеют сугубо предварительный характер, безусловно, заслуживают внимания.

Материалы Эль-Кдейр тяготеют к памятникам с высоким индексом остроконечников и, насколько можно судить, должны найти близкие аналогии в Джерф-Айла [11] и соответствующих слоях Ябруда.

Таким образом, коллекция из Эль-Кдейр может быть определена сейчас как развитое леваллуа — мустье с высоким индексом остроконечников.

Следует отметить, что для более точного определения культурной принадлежности данного памятника представляют большой интерес местонахождения, приуроченные ко всем населенным пунктам от Эль-Кдейра до Пальмиры (Тодмора). Не проводя специальных исследований, здесь удалось обнаружить многочисленные находки сходных по внешнему облику кремневых орудий вблизи источников (во всех случаях термальных), которые естественно служили в течение длительного времени (и особенно в эпохи аридного климата) центрами притяжения людей и животных.

В заключение коснемся коротко вопросов, которые возникают в связи с интерпретацией вариантов мустьерской культуры Ближнего Востока. Г. П. Григорьев видит в них отражение социальной структуры («предплемя») [12].

Существование социальной организации в мустье не вызывает возражений, однако для отождествления известных вариантов мустье с опреде-

---

[7] *F. C. Howell.* Op. cit., p. 37.
[8] *Г. П. Григорьев.* Начало верхнего палеолита..., стр. 12.
[9] Там же, стр. 146.
[10] *F. C. Howell.* Op. cit., p. 37.
[11] *C. Coon.* The seven caves. N. Y., 1957.
[12] *Г. П. Григорьев.* Начало верхнего палеолита..., стр. 7, 8, 19, 145—150; *его же.* Первобытное общество и его культура в мустье и начале позднего палеолита. Сб. «Природа и развитие первобытного общества». М., 1969; Ф. К. Хауэл говорит о расовом или хозяйственном содержании фаций мустье, сложившихся в специфичных природных условиях, однако совершенно не аргументирует свою точку зрения (*F. C. Howell.* Op. cit., p. 38).

ленными общественными группами нет достаточных оснований. Неясным остается содержание термина «предплемя» [13].

Особое внимание Г. П. Григорьев уделил анализу ябрудийского варианта. Как было показано, полнее исследованные леваллуа-мустьерские памятники Ближнего Востока труднее уложить в его схему — памятники широко распространены, возможно, сами неоднородны; границы их пока остаются условными. Трудно предположить существование одной общественной группы на такой большой территории.

Приходится учитывать также, что некоторые варианты мустье просуществовали чересполосно на одной территории около 20 тыс. лет. Трудно говорить об одном «предплемени» на протяжении столь длительного времени. Наконец, зарождение племенной организации в мустье так или иначе должно было повлечь расширение культурных связей в условиях экзогамии, что трудно совместить с замкнутостью разнокультурных мустьерских групп.

N. O. Bader, I. S. Tchoumakov

LE SITE MOUSTERIEN D'EL-KDEYRE. DANS LE DESERT DE SYRIE

Résumé

Cette étude est consacrée à la publication des pièces provenant du nouveau site moustérien d'el-Kdeyre, situé non loin des ruines de Palmyre, dans le désert de Syrie. Cet ensemble est attribué au levallois-moustérien développé, à haut indice de pointes; il possède des analogies à Jerf Aïla ainsi qu'à Yabrud.

[13] *Г. П. Григорьев.* Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей. Сб. «Охотники, собиратели, рыболовы». Л., 1972, стр. 24.

А. С. ФРОЛОВ, А. Н. СОРОКИН, М. Г. ЖИЛИН

ПЕРВЫЕ ПАМЯТНИКИ МЕЗОЛИТА В МЕЩЕРЕ

С точки зрения первобытной археологии Мещерская низина изучена достаточно подробно. Поиски доисторических поселений проводились в этом районе еще в конце прошлого века В. Леоновым и У. Монастыревым. Затем они были продолжены во второй половине 20-х годов нашего столетия О. Н. Бадером [1]. С начала 50-х годов разведки и раскопки в Мещере осуществлялись в основном экспедициями Государственного Исторического музея [2], а в последние годы параллельно с работами ГИМа широкие исследования на западе Мещеры проводит Московский областной краеведческий музей [3].

Однако несмотря на значительное число открытых и исследованных памятников каменного века, наиболее древние из них относятся к начальной стадии неолита, представленного поселениями с керамикой верхневолжской культуры и ранней ямочно-гребенчатой [4].

В 1975 г. разведками Окской экспедиции было проведено сплошное обследование островов и древних берегов озер, входящих в озерную систему верховьев р. Пры. В результате разведок впервые в Мещере было зафиксировано девять памятников эпохи мезолита (рис. 1).

В предлагаемой публикации мы рассмотрим только пять памятников, представляющих, на наш взгляд, наибольший интерес [5].

Стоянка Петрушино (рис. 1, *1*) располагается на невысоком дюнном всхолмлении надпойменной террасы левого берега Бужи, в 200 *м* к востоку от дер. Тюрвищи Гусь-Хрустальнинского района Владимирской обл. Поверхность стоянки незадернована и в недавнее время подвергалась распашке. Основная масса находок найдена на площади, не превышающей 20 $м^2$. В результате горизонтальной зачистки площади в 15 $м^2$ были обнаружены остатки культурного слоя в виде пяти кострищных пятен неправильной формы, углубленных в материк. Самое крупное из них — 1,60×1,80 *м*, самое маленькое — около 40 *см* в диаметре. Во всех кострищах обнаружены кремневые осколки и орудия — всего 275 экз. Среди них пять целых нуклеусов и обломков, 57 кремневых орудий, 69 ножевидных пластин и обломков, 6 микропластинок (20×4×1,5 *мм*) и 138 отщепов. Для изготовления орудий использовался валунный кремень различного цвета и качества и меловой кремень серого цвета.

[1] *О. Bader.* Zur Erforschung der neolitischen Wohnplätze im Okatale. ESA, IV, 1929.

[2] *И. К. Цветкова.* Стоянка Черная Гора. КСИИМК, 75, 1959; *ее же.* Племена рязанской культуры. Тр. ГИМ, 44, 1970; *Т. Б. Попова.* Коренецкая стоянка и могильник. СА, 1965, 1; *Б. А. Фоломеев.* К вопросу о памятниках «дубровического» типа бассейна средней Оки. КСИА АН СССР, 141, 1975, стр. 33—41.

[3] *В. В. Сидоров, И. М. Болинский.* Раскопки на Тростенском озере и Масловом Болоте. АО — 1973, М. 1974, стр. 77.

[4] *И. К. Цветкова, А. С. Фролов.* Стоянки на р. Пре у дер. Владычино. АО — 1974, М., 1975.

[5] К сожалению, мы не смогли использовать в работе материалы стоянки Шагара IV (сборы А. В. Трусова).

Из пяти нуклеусов один — двуплощадочный подпризматический (обе площадки скошены, одна подправлена) — служил для скалывания пластин и отщепов (рис. 2, *21*). Остальные нуклеусы представлены обломками. Два из них одноплощадочные, вероятно конические; площадки подправлены по краям некрупной ретушью, с них скалывались пластины и микропластины. Форму двух других определить трудно.

Основной заготовкой для орудий являлись пластины. На них изготовлено 73,3% всех орудий. Среди пластин преобладают довольно правильные экземпляры средней величины (50×10×3 *мм*), на многих невооруженным глазом различаются следы работы в виде выщербин по краю.

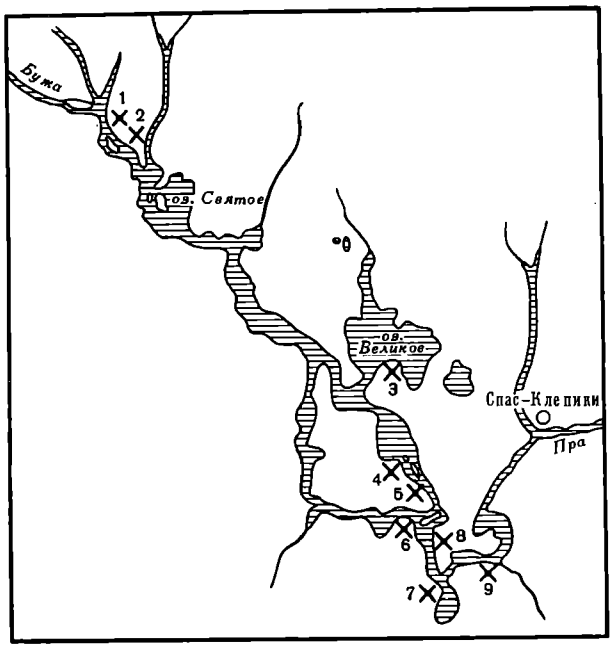


Рис. 1. *1* – Петрушино; *2* – Микулино; *3* – Шагара IV; *4* – Островки I; *5* – Беляково III; *6* – Дунино I; *7* – Лебединое I; *8* – Подлипки I; *9* – Русаново I

Скребков найдено шесть. Три — концевые на пластинах, дугообразный рабочий край одного из них обработан некрупной полукрутой ретушью; тыльная часть подправлена пологой ретушью (рис. 2, *17*). Два других скребка недоделаны. Три скребка сделаны на отщепах. Первый подокруглой формы (рис. 2, *20*), второй — подтреугольной, довольно крутой рабочий край оформлен крупной ретушью (рис. 2, *19*); третий — скребок-резчик, один рабочий край крутой, другой более пологий, конец резчика сильно сработан (рис. 2, *18*).

Из семи резцов, происходящих из зачистки, четыре сделаны на пластинах. Один угловой (рис. 2, *4*), второй двойной угловой (рис. 2, *5*) и третий двойной боковой и угловой (рис. 2, *6*); четвертый резец двойной, миниатюрные сколы нанесены на противоположных концах пластины, причем один конец скошен мелкой крутой ретушью (рис. 2, *7*). Три угловых резца сделаны на отщепах. Кроме этого, имеется три краевых скола резцов.

Пластин с ретушью 11. Обработаны они по одному, реже по двум краям мелкой, нерегулярной, приостряющей ретушью на спинке или на брюшке. Вероятно, это ножи. Найдена одна пластина со скошенным крутой ретушью концом (рис. 2, *16*). Интересна серия ретушированных микропластинок: боковой край первой затуплен мелкой крутой ретушью на брюшке и скошен по отношению к центральной оси орудия (рис. 2, *12*);

у другой мелкой крутой ретушью на брюшке затуплены оба края (рис. 2, *10*); у третьей очень мелкой крутой ретушью затуплен один край на спинке, другой на брюшке (рис. 2, *11*). Следует обратить внимание на два сломанных низких треугольника, сделанных на пластинах. Первый — прямоугольный, напоминающий янославицкие»[6] (рис. 2, *8*); второй, обра-

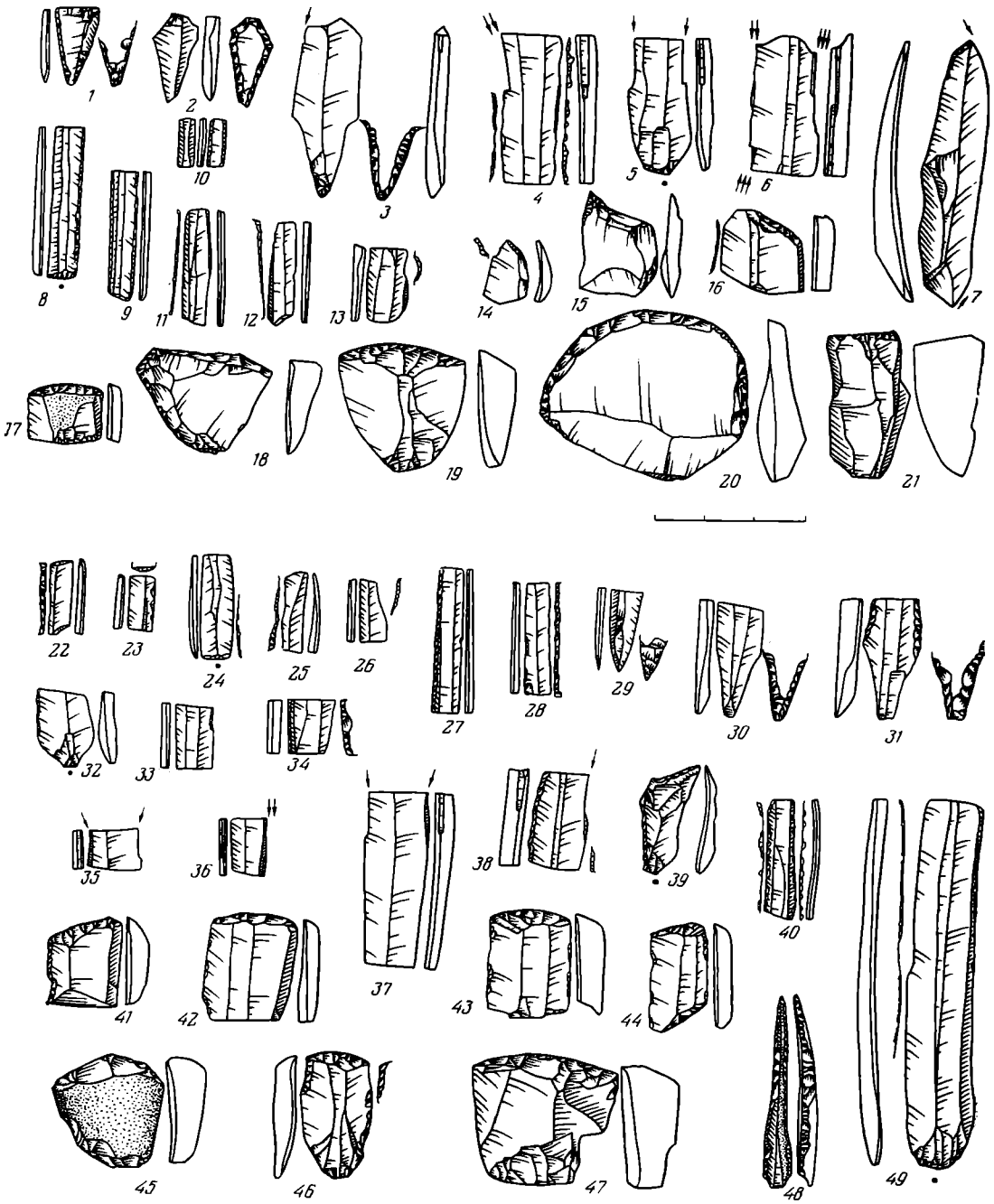


Рис. 2. Стоянка Петрушино

ботанный по трем сторонам (рис. 2, *9*), также может быть отнесен к янославицкому типу. Найдено шесть вкладышей из сечений пластин; у четырех края приострены мелкой ретушью; края двух других нересетушированы, но сильно сработаны. У всех вкладышей затуплены углы.

[6] *S. K. Kozlowski.* Zespoly tupu Kudlajewka. Swiatowit, t. XXXIII, Warszawa, 1972.

Скобелей всего два, оба на пластинах, миниатюрные выемки обработаны мелкой крутой ретушью (рис. 2, *13*).

Наконечники стрел (два обломка) изготовлены на пластинах, имеют четко выделенный черешок, обработанный крутой ретушью на брюшке (рис. 2, *3*). Один из обломков был подправлен и использовался как сверло (рис. 2, *2*). В коллекции имеется асимметричная проколка на отщепе (рис. 2, *15*), края жальца подправлены крутой ретушью на спинке. Так же на отщепе изготовлено миниатюрное асимметричное сверло, рабочий конец которого оформлен мелкой крутой противолежащей ретушью (рис. 2, *14*). Помимо перечисленных выше орудий найдено шесть отщепов с ретушью.

Кроме находок в расчищенных кострищных пятнах на стоянке собран также подъемный материал — 495 кремневых предметов. Из них 100 орудий, 126 ножевидных пластин и обломков, 19 микропластин и 229 отщепов.

Большая часть подъемного материала относится к эпохе мезолита, вместе с тем на поверхности были встречены и орудия ранненеолитических форм. Прежде всего это ромбовидный наконечник стрелы, обработанный с двух сторон плоской ретушью по всей поверхности, а также обломок черешковой части другого двусторонне ретушированного наконечника. Вероятно, к эпохе неолита можно отнести подчетырехугольный скребок на отщепе и два грубых двойных многофасеточных резца на массивных отщепах. Остальной материал довольно однороден и аналогичен материалу из зачистки.

Скребков найдено 13, все они концевые. Пять из них изготовлены на пластинах, их дугообразный рабочий край оформлен некрупной ретушью, боковые края сработаны как ножи (рис. 2, *42*, *43*), три — концевые скошенные (рис. 2, *41*). Имеются два скошенных двойных скребка: первый изготовлен на пластине (рис. 2, *44*), второй — на отщепе (рис. 2, *45*). Два небольших скребка сделаны на пластинчатых отщепах; рабочий край дугообразный, боковые края обработаны некрупной приостряющей ретушью (рис. 2, *46*). На отщепе сделан массивный скребок с широким и крутым рабочим краем (рис. 2, *47*).

Из 16 резцов четыре сделаны на отщепах: три боковые, один угловой; остальные изготовлены на пластинах, имеют узкие и короткие сколы (рис. 2, *35—37*); два резца имеют сколы, обработанные ретушью (рис. 2, *33*).

Пластин с ретушью найдено 32. Семь из них имеют сильно сработанные края, обработанные мелкой крутой ретушью на спинке и на брюшке (рис. 2, *49*); две пластины обработаны нерегулярной пологой ретушью по краю; две сломанных пластины были обработаны по одному краю крутой притупляющей ретушью, а по другому — некрупной приостряющей (рис. 2, *34*). Остальные обработаны мелкой нерегулярной ретушью по одному, реже по двум краям на брюшке или на спинке.

Заслуживают внимания микропластинки с ретушью: у двух из них мелкой крутой ретушью затуплены концы, у одной на спинке, у другой на брюшке, боковые края обработаны мелкой приостряющей ретушью (рис. 2, *23*, *24*); у четырех микропластинок мелкой ретушью затуплено по одному краю (у двух на спинке и у двух на брюшке — рис. 2, *27*, *28*); края двух микропластинок затуплены частично (рис. 2, *25*, *26*). Особо следует отметить прямоугольник на пластине, боковой край которого затуплен крутой ретушью на брюшке, концы затуплены такой же ретушью на спинке и скошены (рис. 2, *22*). Вкладышей из сечений пластин найдено 12. У всех затуплены или обломаны углы и сработаны края (рис. 2, *40*). Из четырех найденных скобелей три сделаны на пластинах и один — на отщепе, небольшие выемки обработаны мелкой крутой ретушью.

В собранной на стоянке коллекции есть три обломка наконечников стрел на пластинах. Черешки двух обработаны крутой ретушью на брюш-

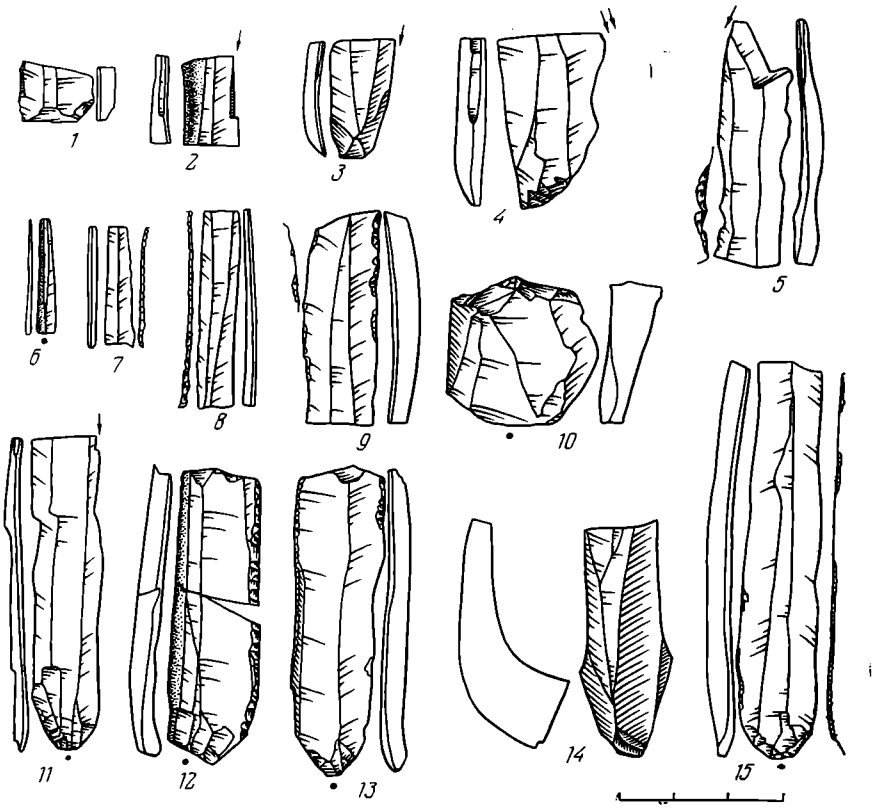


Рис. 3. Стоянка Микулино

ке (рис. 2, *30*), а у одного дополнительно крутой ретушью подправлены края (рис. 2, *31*). Черешок третьего, иволистного наконечника обработан плоской ретушью на брюшке (рис. 2, *29*).

Помимо этих предметов имеются два отщепа с концами, скошенными крутой ретушью на спинке (рис. 2, *39*); симметричное сверло на отщепе, жальце которого подправлено крутой ретушью со стороны брюшка; сверло на пластине, обработанное крутой ретушью по обоим краям на спинке (рис. 2, *48*), и 21 отщеп с ретушью.

Стоянка Микулино (рис. 1, *2*) находится в 1 *км* к северу от дер. Тюрвищи, на останце, в возвышенной его части. Останец со всех сторон окружен заболоченной низиной.

На стоянке было заложено три разведочных шурфа общей площадью 10 $м^2$. Подавляющее большинство находок (145 предметов) найдено в шурфе № 1 (2×4 *м*). Находки залегают сразу под дерновым подзолистым слоем в рыжевато-желтом песке, постепенно переходящем в светло-желтый песок-материк. Мощность культурного слоя около 0,3 *м*. Правда, в восточном углу шурфа прослежена яма; в ней находки встречаются до глубины 1 *м*.

Всего на стоянке найдено 153 крмневых предмета, из них 39 со вторичной обработкой, 49 пластин и их обломков и 63 отщепа и чешуйки.

Нуклеусов два. Первый — двухплощадочный, призматический, одна площадка скошена и подправлена ретушью, вторая обломана. Он служил для скалывания пластин и отщепов. Второй нуклеус — одноплощадочный, подконический, от пластин — расколот (рис. 3, *14*).

Пластины являлись основной заготовкой. На них сделано 72% орудий. Преобладают довольно правильные средних размеров пластинки (50× ×10×3 *мм*), хотя встречаются и более крупные, а также микропластины (6 экз.). На многих пластинах заметны следы сработанности.

Среди орудий наиболее многочисленны резцы (12 экз.). Преобладают угловые резцы на пластинах (8 экз.), сколы узкие и очень короткие (рис. 3, *2, 3, 11*). Один резец сделан на пластине с ретушью (рис. 3, *5*). На отщепах изготовлено три резца (рис. 3, *4*). Найден один резцовый скол.

Скребков всего два, оба концевые. Первый на отщепе, обработан довольно крупной крутой ретушью, рабочий край с выступом (рис. 3, *10*); второй на пластине, обработан очень грубо и сильно сработан; в тыльной части орудия нанесен резцовый скол.

Найдена серия пластин с ретушью. У двух крутой ретушью на брюшке затуплен один край (рис. 3, *7, 8*); края двух других пластин обработаны довольно крутой ретушью на спинке и сильно сработаны (рис. 3, *13, 15*). Есть четыре пластины, края которых подправлены мелкой нерегулярной приостряющей ретушью (рис. 3, *9*), вероятно, эти пластины употреблялись как ножи. Найдено три вкладыша из сечений пластин: углы обломаны или затуплены крутой ретушью, края сработаны (рис. 3, *1*). Два скобеля изготовлены на отщепах, неглубокие выемки оформлены мелкой крутой ретушью. Отщепов с ретушью три.

Еще один мезолитический памятник — **стоянка Островки I** (рис. 1, *4*). Стоянка расположена на южном берегу большого острова на оз. Ивановском (Спас-Клепиковского района Рязанской обл.), в 200 *м* к югу от дер. Макарово (бывш. Островки), на широкой дюне, поросшей кустарником. С запада остров отделен от коренного берега широким (до 1,5 *км*) заболоченным пространством, а с севера и востока омывается водами озера. Посреди острова в древности существовал водоем. Дюна, на которой расположена стоянка, в настоящее время почти полностью перевеяна. Широкая, почти горизонтальная площадка дюны возвышается на 5—5,5 *м* над современным уровнем воды в озере. Все находки сделаны на площади около 1500 $м^2$.

Собранная на стоянке коллекция подъемного материала насчитывает 141 кремневый предмет (29 орудий, 3 нуклеуса, 47 пластин и обломков, 62 отщепа и осколка). Для изготовления орудий использовался валунный кремень разного цвета и качества.

Все нуклеусы — одноплощадочные. Один из них — карандашевидный, имеет прямую, подправленную ретушью площадку и служил для скалывания микропластин (рис. 4, *17*). Два других подконической формы, ударные площадки скошены и тоже подправлены. С одного скалывались ножевидные пластины (рис. 4, *19*), со второго — микропластинки (рис. 4, *18*).

Почти все пластины очень правильной огранки. Найдено 16 микропластин. Пластины служили основной заготовкой для изготовления орудий (на отщепах сделано только два орудия). Многие пластины и их обломки использовались без дополнительной обработки, на что указывают следы работы, различимые невооруженным глазом.

Самую крупную серию орудий составляют резцы (10 экз.). Все они, за исключением одного углового резца на отщепе (рис. 4, *16*), сделаны на пластинах. Пять резцов уголовые (рис. 4, *5*), площадка скола одного из них подправлена крутой ретушью (рис. 4, *6*), другой сделан на обломке пластины с затупленным ретушью краем (рис. 4, *4*). Три резца — боковые, причем один из них — двойной угловой и боковой (рис. 4, *8*), а другой — на пластине с ретушью (рис. 4, *7*). Имеется один резец со сколом, оформленным очень мелкой крутой ретушью (рис. 4, *3*), и краевой скол резца.

Скребков найдено два. Один сломан. Оба концевые на пластинах, рабочий край дугообразный (рис. 4, *15*).

Пластин с ретушью и их обломков найдено 12. У пяти мелкой крутой ретушью на брюшке затуплен один или два края (рис. 4, *12*); у двух микропластинок конец обработан очень мелкой крутой ретушью; возможно, они употреблялись в качестве микроскребочков (рис. 4, *9, 13*); на

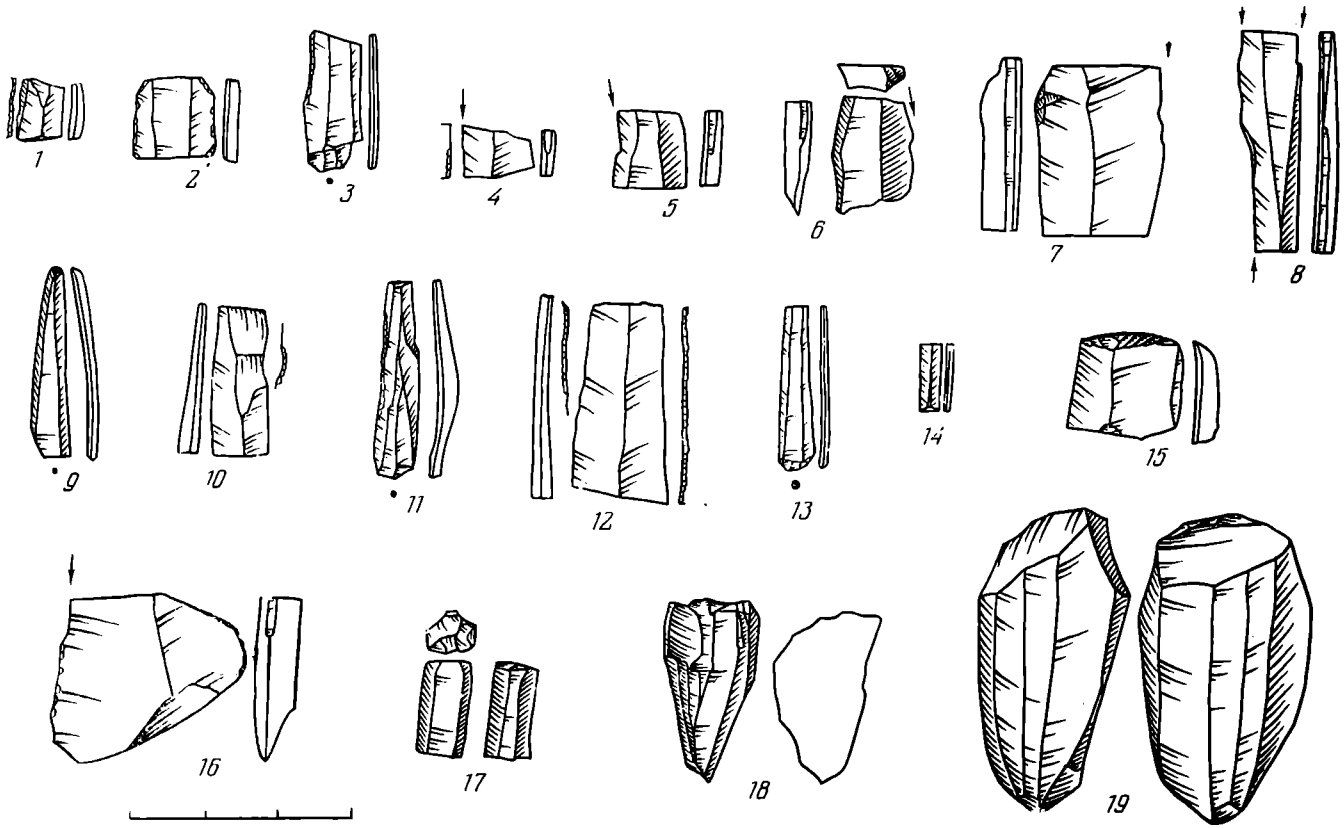


Рис. 4. Стоянка Островки I

Рис. 5. *1–8* – Дунино I; *9–17* – Беляково III

краю следующей пластины очень мелкой крутой ретушью оформлена выемка (рис. 4, *10*); остальные пластины обработаны мелкой крутой нерегулярной ретушью по одному из краев на спинке или на брюшке. Найдено три вкладыша из сечений пластин. Углы двух слегка затуплены мелкой ретушью (рис. 4, *1, 2*), края сработаны.

Помимо этого имеется обломок пластины, обработанной крутой ретушью по обоим краям на спинке (возможно, это обломок черешка наконечника стрелы), а также один отщеп с ретушью.

Стоянки Беляково III и Дунино I (рис. 1, *5, 6*) дали немногочисленный материал, позволяющий, однако, отнести эти памятники к эпохе мезолита.

На стоянке **Беляково III** собрано 60 кремней (20 из них со вторичной обработкой) и восемь ножевидных пластин, остальное — отщепы и осколки.

Нуклеус от отщепов всего один, аморфный, многоплощадочный. На пластинах изготовлено 50% орудий.

Резцов найдено четыре. Три на пластинах: первый — угловой (рис. 5, *12*), второй — боковой (рис. 5, *11*), третий — двойной (рис. 5, *10*). Четвертый — угловой на отщепе. Кроме этих орудий есть три резца, комбинированные с другими орудиями: угловой резец на пластине, один край которой обработан крутой нерегулярной ретушью на спинке и на брюшке (рис. 5, *13*); угловой резец на тыльной части концевого скребка на пластине (рис. 5, *15*); угловой многофасеточный резец на концевом скребке (рис. 5, *16*). Найдено два краевых скола резцов.

Вкладышей два, оба из сечений пластин, углы затуплены мелкой ретушью, на краях четко видны следы работы.

Два ножа изготовлены на пластинах. Интересен один из них, у которого края пластины обработаны некрупной приостряющей ретушью, на конце такой же ретушью сделана выемка. Вероятно, это орудие являлось еще и скобелем (рис. 5, *17*).

Представляет интерес и довольно крупная симметричная развертка[7] на пластине: рабочий край оформлен довольно крупной пологой ретушью на брюшке, края подправлены крутой ретушью на спинке (рис. 5, *14*). Найдена также асимметричная проколка на пластине, жальце ее подправлено мелкой ретушью по одному краю на спинке и по другому на брюшке (рис. 5, *9*). Два отщепа с ретушью дополняют коллекцию.

На стоянке **Дунино I** собрано всего 45 кремней, из них 11 орудий, 14 пластин, 5 нуклеусов и их обломков, 15 отщепов и осколков.

Среди нуклеусов есть один карандашевидный со скошенной ударной площадкой (рис. 5, *7*); второй подконический со скошенной площадкой (с него сделано всего несколько сколов); третий — двуплощадочный подпризматический от микропластин, обе площадки скошены, на краю одной крупной ретушью оформлено лезвие скребка (рис. 5, *8*). Есть еще два обломка нуклеусов, по которым их форму восстановить затруднительно.

Среди пластин есть три микропластинки, одна ребристая пластина и 10 пластин довольно правильной огранки. На пластинах сделано 54,5% орудий. Резцов два. Оба боковые на сломанных пластинах (рис. 5, *1*), один из них — двойной (рис. 5, *2*). Скобелей встречено два. Один на пластине, выемка оформлена очень мелкой крутой ретушью на спинке (рис. 5, *5*); другой на отщепе, оформление выемки аналогично.

Вероятно, являлась ножом пластина, обработанная по краю некрупной приостряющей ретушью на спинке (рис. 5, *6*); у другой пластины конец скошен мелкой ретушью на спинке (рис. 5, *3*); имеется также отщеп с концом, скошенным мелкой крутой ретушью (рис. 5, *4*), и три отщепа со следами вторичной обработки.

Топографическое месторасположение стоянок Беляково III и Дунино I близко. Они расположены на мысах первой озерной террасы, возвышающейся на 3—3,5 *м* над современным уровнем воды в озерах. Культурный слой полностью уничтожен распашкой.

Описанные выше стоянки можно по характеру материала отнести к мезолиту (развитая техника отщепления пластин, резкое преобладание орудий на пластинах — Островки I, Петрушино, Микулино,— наличие резцов, концевых скребов, вкладышей, скобелей и других орудий мезолитических типов). Наиболее ранней является стоянка Островки I. На ней особенно четко видна микролитизация инвентаря. По аналогии со стоянками Мордовское[8] и Елин Бор (средний слой)[9] ее можно датиро-

---

[7] Трасологический анализ развертки проведен М. Г. Жилиным на кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

[8] *Л. В. Кольцов.* Первая мезолитическая стоянка в бассейне Клязьмы. СА, 1970, 1, стр. 221—224.

[9] *М. В. Воеводский, П. И. Борисовский.* Стоянка Елин Бор. СА, III, 1937.

вать развитым мезолитом (третий этап, по периодизации Л. В. Кольцова) [10].

Следующий этап [11] представлен стоянкой Петрушино, где при сохранении некоторых типов орудий предшествующего типа появляются новые формы (наконечники стрел на пластинах, геометрические микролиты и др.). Материалы стоянки Петрушино близки к материалам стоянок Борки [12], Устье [13] и некоторых других мезолитических памятников Волго-Окского бассейна. Наконечники и микролиты, аналогичные петрушинским, встречаются на стоянках позднего этапа микро-макролитической культуры Литвы [14]. Стоянка Микулино может быть синхронизирована с Петрушиным.

О возрасте стоянок Дунино I и Беляково III говорить пока трудно ввиду недостаточного количества материала, но, видимо, они относятся к финальной поре мезолита.

В заключение следует отметить, что Мещера — уже второй район в Волго-Окском междуречье, где обнаружены стоянки мезолита на озерах. Как известно, В. В. Сидоровым был открыт и исследован ряд позднемезолитических стоянок на оз. Тростенском [15]. Видимо, освоение озер в эпоху позднего мезолита связано с переходом к более оседлому образу жизни и с началом занятий рыболовством как одним из основных источников добычи пищи.

A. S. Frolov, A. N. Sorokine, M. G. Jiline

LES PREMIERS MONUMENTS MESOLITHIQUES DE MESTCHERA

Résumé

C'est en 1975 que pour la première fois on a trouvé des monuments de l'époque mésolithique dans la dépression de Mestchera.

Les plus anciens — station d'Ostrovki I — datent, selon la périodisation de L. V. Koltsov, de la troisième étape d'évolution du mésolithique dans la région comprise entre la Volga et l'Oka. Les stations de Pétrouchino et de Mikoulino sont du mésolithique récent (IVème étape d'après L. V. Koltsov). Dounino I et Béliakovo III représentent le mésolithique final, le passage au néolithique. Dans le mobilier en silex de toutes ces stations on remarque une forte microlithisation des formes des outils de pierre.

Les stations lacustres de la dépressions de Mestchera ressemblent à un certain nombre de monuments mésolithiques de la région comprise entre la Volga et l'Oka. Toutefois on a recueilli quelques types d'outils (par exemple, les triangles de Yanislavice) qui sont caractéristiques pour des régions plus occidentales de la partie européenne de l'U.R.S.S.

---

[10] *Л. В. Кольцов.* Мезолит Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дис. М., 1965.

[11] Там же.

[12] *М. З. Паничкина.* Мезолитическая стоянка Борки. МИА, 2, 1941, стр. 149.

[13] *П. Н. Третьяков.* Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья. МИА, 110, 1963, стр. 16—18.

[14] *Р. К. Римантене.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.

[15] *В. В. Сидоров.* Мезолитические и неолитические памятники в Подмосковье. АО — 1969, М., 1970, стр. 46, 47; *В. В. Сидоров, М. Г. Жилин.* Мезолитическая стоянка Дальний Остров в Подмосковье. СА, 1975, 2, стр. 244—249.

Р. БИШОНИ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ НАХОДКИ ИЗ АНАУ, ХРАНЯЩИЕСЯ В МУЗЕЕ ПИБОДИ (США)

Анау — одно из первых известных поселений Средней Азии, подвергавшееся раскопкам. Экспедиция Р. Пампелли, продолжая исследования генерала Комарова, изучала поселение в 1904 г. Первая публикация материалов относится к 1908 г.

Мы имели возможность ознакомиться с частью находок, не вошедших в публикацию, хранящихся в музее Пибоди [1]. К сожалению, в большинстве случаев шифр находок отмечает лишь их общее местоположение — южный или северный холм и периоды по хронологии Пампелли — Шмидта.

Очень немногие фрагменты были зашифрованы на месте с указанием глубины и траншеи. Но даже в таких случаях хорошо известная небрежность раскопок в Анау, особенно на южном холме, не позволяет нам полностью доверять этим шифрам.

Однако после исчерпывающих исследований советских ученых, предложивших четкую классификацию материалов с южнотуркменских поселений, появилась возможность ввести в научный оборот дополнительные неопубликованные находки с поселения Анау. Новые материалы, в основном фрагменты керамики, целиком укладываются в классификацию, предложенную советскими исследователями, и не дают существенных отклонений от керамической последовательности Намазга-депе.

Все материалы периодов Анау IA и Анау IV, хранящиеся в музее Пибоди, были опубликованы, поэтому в нашей работе мы ограничиваемся находками периодов Анау IБ, II и III.

И. Н. Хлопин включил в свою типологию керамики периода Намазга I [2] опубликованные находки из Анау.

Среди фрагментов керамики, орнаментированных силуэтными треугольниками, имеются четыре неопубликованных фрагмента, три от грубых сосудов — группа *b* по Шмидту [3] и один от тонкостенного сосуда — группа *a* [4] (рис. 1, *1—4*). Три фрагмента имеют светлую поверхность, один покрыт красным ангобом (рис. 1, *2*). Аналогии имеются в материалах XXI яруса (рис. 1, *5, 4*) и XVII яруса (рис. 1, *2*) шурфа I на Карадепе и на Яссы-депе (рис. 1, *3, 4*) [5].

---

[1] Мы хотим выразить благодарность проф. С. Вильямсу, директору музея Пибоди, и проф. К. К. Ламбер-Карловскому — заведующему отделом археологии Ближнего Востока за постоянное внимание и помощь в работе. Мы благодарим также сотрудников отдела антропологии музея Ф. Кохла и Р. Медоу. Рисунки выполнены Т. Тамагнини и автором, рисунок 5 — архитектором В. Лабьянка.

[2] *И. Н. Хлопин.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. САИ, Б3—8, ч. I. М.— Л., 1963, стр. 17—22.

[3] *H. Schmidt.* Archaeological Excavations at Anau and Old Merv; in Explorations in Turkestan. Edited by R. Pumpelly. Washington, 1908, p. 126, 127.

[4] Ibid., p. 124, 125.

[5] *И. Н. Хлопин.* Памятники раннего энеолита, табл. VI, *22*; VIII, *27*; XII, *26*.

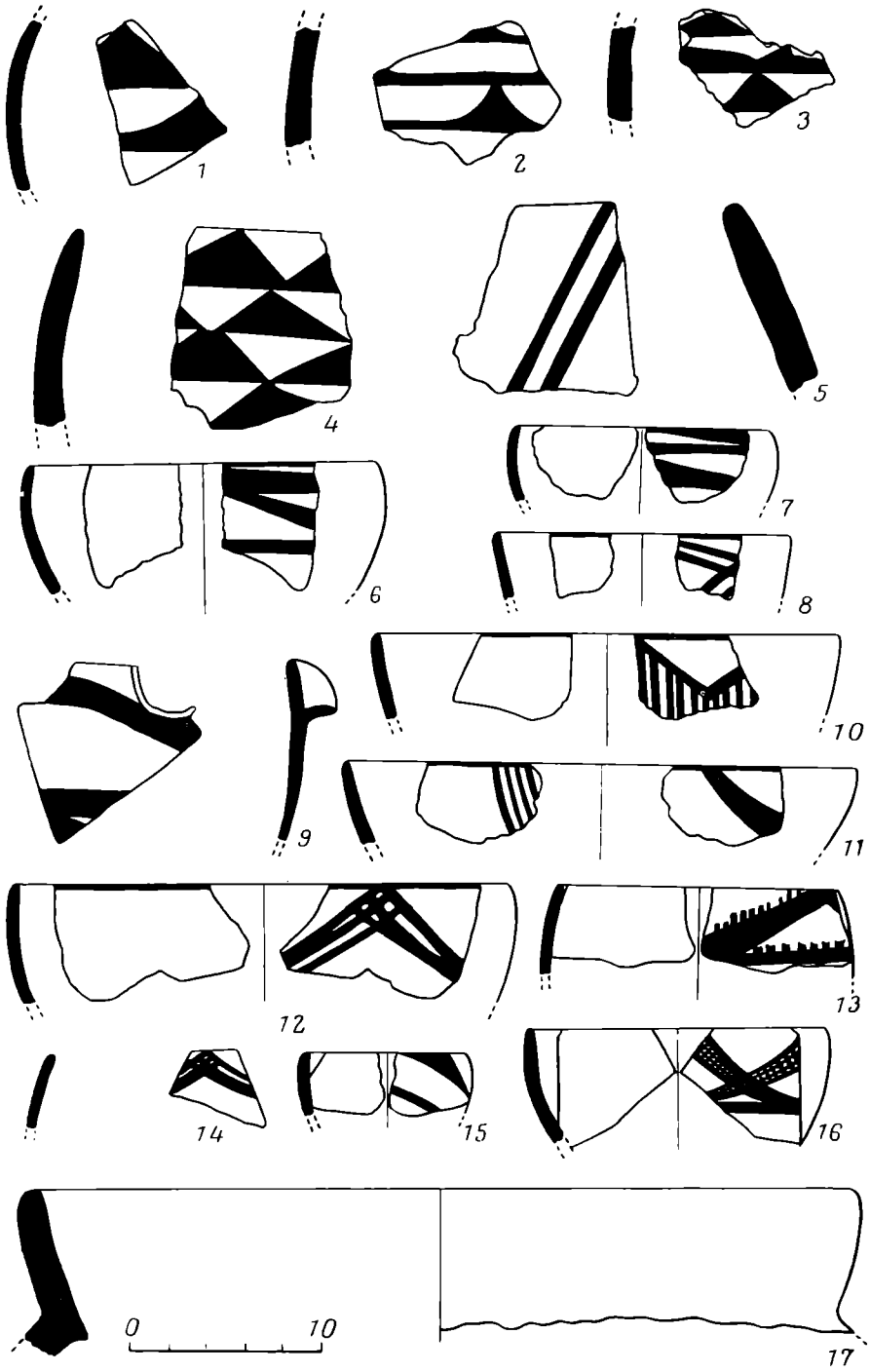


Рис. 1. Анау, керамика периода Анау I Б — Намазга I

Следующая группа фрагментов орнаментирована косыми и горизонтальными пересекающимися линиями (рис. 1, *5—9, 15*). Только один черепок относится к группе *b* (рис. 1, *5*), остальные принадлежат к группе *a*. По-видимому, имеется тесная связь между этим типом орнаментации и керамикой с красным или темно-красным, почти пурпурного цвета ангобом. Вся керамика с орнаментами этого типа, хранящаяся в музее Пибоди, относится к этим группам.

Однако Х. Шмидт, описывая этот тип орнаментации, не указывает цвета поверхности керамики. Среди фрагментов нужно отметить венчик

чаши с небольшим сливом (рис. 1, *9*), который Шмидт упоминает в тексте [6]. Эта форма редко встречается в Южной Туркмении. Единственный известный нам аналогичный черепок найден на Дашлыджи-депе, однако это фрагмент нерасписного сосуда [7].

Другой неопубликованный фрагмент, украшенный росписью дугами, интересен тем, что орнаментирован изнутри и снаружи (рис. 1, *11*), признак, характерный для керамики этого периода. Аналогии орнаментации на внешней поверхности имеются в материалах II строительного горизонта Дашлыджп-депе и X, XII ярусов шурфа Илгынлы-депе [8].

Три других фрагмента орнаментированы зубчатыми линиями (рис. 1, *13*), два из них имеют аналогии в орнаментах Ялангач-депе [9]. Эти фрагменты относятся к керамике группы *а*, по-видимому, в этом случае также имеется тесная связь между орнаментацией и цветом ангоба — темно-красным, почти пурпурным.

Два других образца, также принадлежащих к группе *а*, орнаментированы пересекающимися линиями, образующими узор в форме треугольника (рис. 1, *12*, *14*), один из них имеет ярко-красную поверхность (рис. 1, *14*). Точные аналогии имеются в материалах XXI яруса шурфа 1 Кара-депе и XXI—XXIII ярусов шурфа 1 Намазга-депе [10].

Орнамент одного из фрагментов находится вне какой-либо группы. Фрагмент не позволяет реконструировать орнамент полностью, улавливается лишь композиция из вертикальных и косых линий с незаштрихованным треугольником в середине (рис. 1, *10*). Наиболее близкая аналогия — орнамент фрагмента из XXI яруса шурфа 1 Кара-депе [11].

Среди нерасписной керамики выделяется фрагмент грубого сосуда с раструбообразным венчиком и резким ребром на внутренней стороне в месте максимального перегиба (рис. 1, *17*). Глина с примесью соломы. Эта форма не учтена Шмидтом. Среди опубликованных находок из Южной Туркмении мы также не нашли аналогий. Один из фрагментов, опубликованных Шмидтом (рис. 1, *16*), был изображен неточно: полосы орнамента с решетчатым заполнением были показаны сплошной заливкой [12].

Профессор В. М. Массон в свою работу о Юго-Западной Туркмении в период Намазга II также включил опубликованные материалы из Анау, которые хорошо увязываются с уже известными материалами этой культуры. Неопубликованные находки в целом не изменяют картины, нарисованной В. М. Массоном, и не дают значительных отклонений от известных данных.

Некоторые расписные черепки не были опубликованы; среди них — несколько своеобразных фрагментов, представленных единичными экземплярами.

Все они имеют шифр NKII (северный холм, период II) или найдены в коробках, содержащих черепки только периода Анау II. Один из расписных фрагментов (рис. 2, *1*) украшен хорошо известным мотивом, широко представленным в материалах слоя Кара 2, раскоп 1, ярус XI—XII, шурф 1 и раскоп 5 Кара-депе [13].

Один из фрагментов, относящийся, если судить по шифру, ко II периоду, имеет орнамент в виде схематических деревьев. Этот мотив восходит еще к периоду Намазга I, однако точных аналогий в комплексах периодов Намазга I или II нет.

---

[6] *H. Schmidt.* Op. cit., p. 125.
[7] *И. Н. Хлопин.* Памятники раннего энеолита..., табл. XVIII, *21*.
[8] Там же, табл. XIV, *5, 9, 10, 21—25, 29—32*; XVIII, *16*; XIX, *15, 16*.
[9] Там же, табл. XVI, *37, 38*.
[10] Там же, табл. VI, *28*; IX, *5, 26, 41, 48*.
[11] *И. Н. Хлопин.* Памятники раннего энеолита..., табл. VI, *21*.
[12] *H. Schmidt.* Op. cit., fig. 76, p. 29.
[13] *В. М. Массон.* Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. САИ, Б3—8, ч. II. М.— Л., 1962, табл. VIII, 36—37; XI, *13—15, 17, 19, 23*; XIII, *10, 13, 21—23*; XIV, *21, 24*.

Два других фрагмента украшены более характерными орнаментами (рис. 2, *3, 5*). Но и в этом случае нам неизвестны точные аналогии в опубликованных материалах периода Намазга II. Черепки зашифрованы как происходящие из слоев периода Анау II.

Один из фрагментов свидетельствует о связях с дельтой р. Теджен. Такой простой линейный орнамент (рис. 2, *6*) широко представлен в материалах восточной группы поселений — на Геоксюре 1 и 2, Муллали-

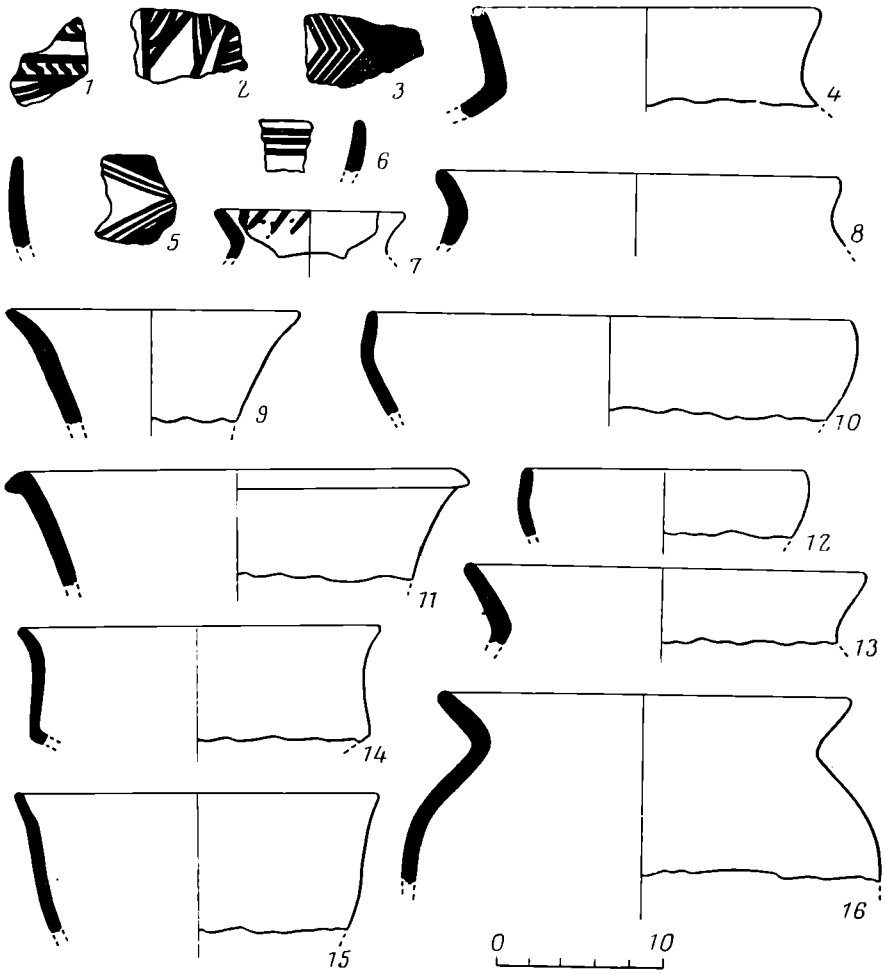


Рис. 2. Анау, керамика периода Анау II — Намазга II

депе, Чонг-депе, Геоксюре 7 и 9, тогда как в комплексах западных районов культуры периода Намазга II такой орнамент встречается редко или же не представлен вообще [14].

Последний расписной фрагмент очень своеобразен. Он принадлежит к группе керамики, обычно нерасписной (группа 4 по классификации В. М. Массона) [15]. Это фрагмент слегка отогнутого венчика небольшого, по-видимому, шаровидного горшочка черного цвета с красной заглаженной поверхностью. Внутренняя поверхность венчика орнаментирована короткими косыми линиями, между которыми нанесены точки. Нам не известен ни один другой опубликованный фрагмент с такой росписью, тем более что орнамент нанесен на внутреннюю поверхность венчика (рис. 2, 7).

[14] *И. Н. Хлопин.* Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении, САИ, Б3—8, ч. III. Л., 1969, табл. III, *1, 2, 8, 9*; IV, *3, 6—9*; V, *18, 34—36, 39*; VI, *2, 4, 6*; XVIII, *1—3, 9, 10*; XX, *41—44*; XXIV, *4—7*; XXV, *3—10*.

[15] *В. М. Массон.* Ук. соч., стр. 14.

Нерасписная керамика полностью соответствует типологии В. М. Массона. Большая часть фрагментов черного цвета с красной заглаженной поверхностью. Основные формы — чаши и небольшие горшочки, некоторые из них имеют точные аналогии в опубликованных материалах. Крупный воронкообразный венчик почти идентичен найденному в слое 4 раскопа 1 на Кара-депе (рис. 2, *4*), меньший венчик аналогичной формы соответствует найденному на раскопе 5 Кара-депе, фрагмент венчика горшка также сходен с найденным на раскопе 5 Кара-депе (рис. 2, *13*). Сосуд другой формы — конический с отогнутым венчиком, красного цвета (рис. 2, *9*), аналогичен найденному на Кара-депе (погр. 14, ярус XVI, шурф 2) [16]. Сосуд расписной и нами учитывается только его форма.

Неопубликованная серая керамика не имеет параллелей в материалах других поселений Южной Туркмении и представлена тремя экземплярами. Один из фрагментов серый с черной поверхностью представляет собой верхнюю часть цилиндроконического сосуда с отогнутым венчиком (рис. 2, *14*) и не имеет аналогий на других поселениях Южной Туркмении; второй фрагмент — от колоколовидной чаши с шероховатой поверхностью, также не имеет аналогий, третий — от конической вазы (рис. 2, *11*) с лощеной поверхностью имеет некоторые параллели в формах других комплексов Южной Туркмении. Например, сосуд аналогичной формы, но со светлой поверхностью и росписью был найден в погр. 14 на Кара-депе (ярус XVI, шурф 2) [17]. К сожалению, стратиграфическое положение вазы из Анау менее ясно, чем других фрагментов, найденных в траншее Комарова.

Наконец, своеобразен неопубликованный фрагмент из Анау — верхняя часть небольшого полусферического горшка с отогнутым раструбообразным венчиком (рис. 2, *16*). Фрагмент нерасписной и имеет светлую поверхность. В. М. Массон не отмечал наличие светлофонной нерасписной керамики в Юго-Западной Туркмении. С другой стороны, такая керамика найдена в дельте р. Теджен [18], но, однако, описываемый горшок не имеет аналогий среди светлофонных сосудов восточного района. Если все остальные своеобразные фрагменты керамики периода Анау II как-то увязываются с общей картиной материалов Южной Туркмении времени Намазга II, то этот последний фрагмент отличается от керамики Ахала и Этека как по форме, так и по цвету поверхности.

По системе относительной хронологии Г. Шмидта период Анау III следовал сразу же за периодом Анау II с перемещением местоположения поселения с северного холма на южный. Теперь мы знаем, что между периодами Анау II и III имелся перерыв, заполненный на других памятниках Южной Туркмении слоями периода Намазга III. Период Анау III включает в себя периоды Намазга IV—VI, но неопубликованные материалы относятся, по-видимому, в основном к позднебронзовому веку, элементы комплексов типа Намазга IV и V почти отсутствуют. Большая часть неопубликованной керамики периода Анау III не имеет точных аналогий среди известных материалов Южной Туркмении, возможно, это объясняется тем, что о периоде Намазга VI известно гораздо меньше, чем о предыдущих.

Неопубликованная керамика комплекса Анау III четко делится на три основные группы, характерные для комплексов типа Намазга VI — светлую, красную и серую керамику. Последняя группа представлена четырьмя фрагментами. Один из них — часть мелкой чаши без дна, изготовлен из отмученной глины, поверхность залощена (рис. 3, *1*). Второй фрагмент служит доказательством наличия связи с культурами серой керамики Северного Ирана. Это обломок цилиндрической ножки, гофрированной в

---

[16] Там же, табл. VIII, *49*; XII, *4*; XVI, *30*.
[17] Там же, табл. XII, *4*.
[18] *И. Н. Хлопин.* Памятники развитого энеолита..., стр. 17.

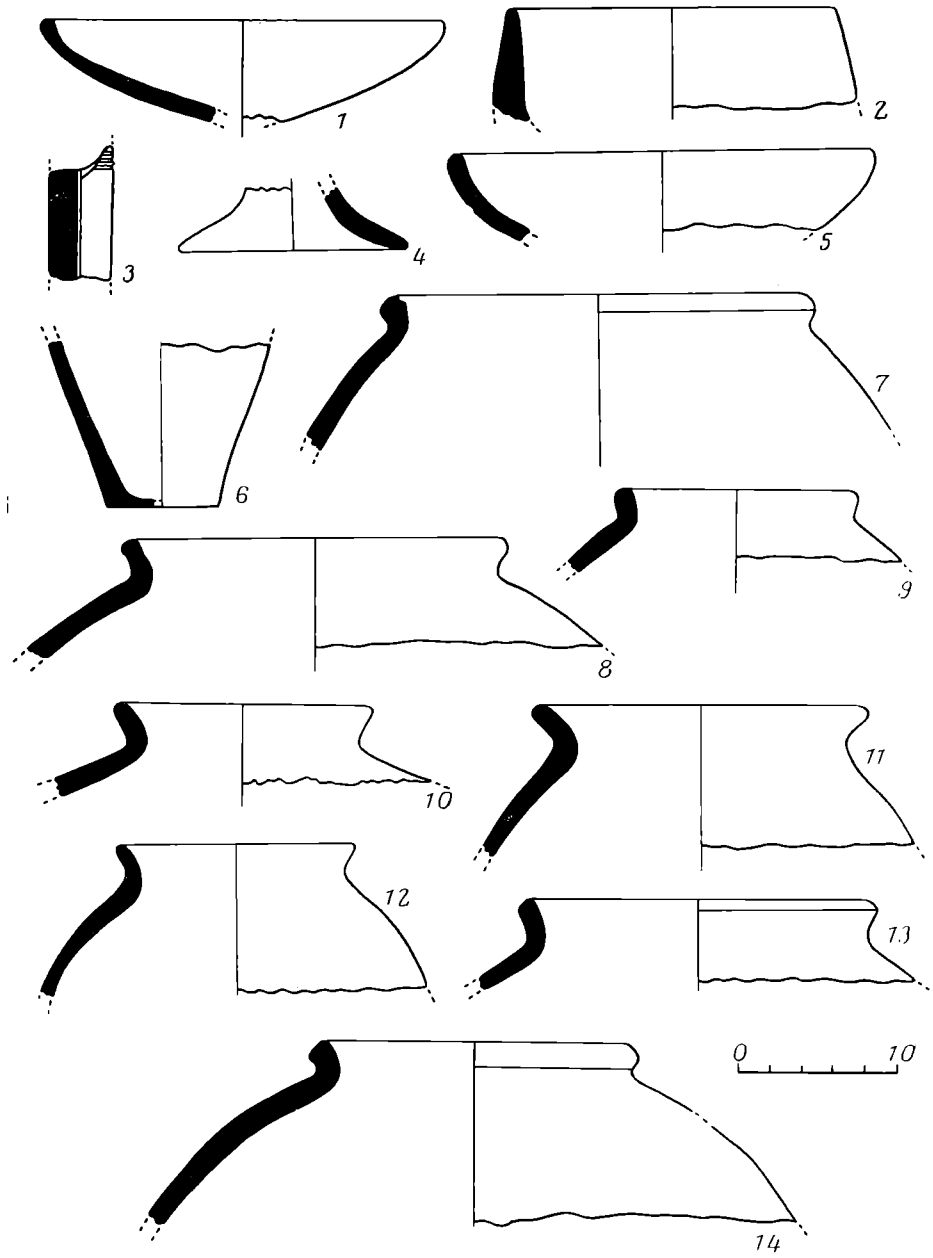


Рис. 3. Анау, керамика периода Анау III, позднее Намазга V – Намазга VI

верхней части, изготовленной из очень тонко отмученной глины с лощеной поверхностью (рис. 3, *3*). Эта находка чрезвычайно сходна с материалами Шах-тепе [19]. Фрагмент нижней конической части небольшого горшка из отмученной глины с залощенной поверхностью (рис. 3, *6*), по-видимому, сходен с материалами Южной Туркмении, аналогичная форма известна на Аучин-депе [20]. Последний фрагмент темно-серого, почти черного цвета из грубого теста, по-видимому, представляет собой ножку вазы или кубка (рис. 3, *4*). Эта ножка по форме сходна с основанием ножки из «квартала ремесленников» Алтын-депе [21].

[19] *I. Arne.* Excavations at Shah-Tepe. Stockholm, 1945, p. 179, 180, pl. XLIV, *317, a — b, 318;* XLVI, *328, a — b, 331b.*

[20] *В. М. Массон.* Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, табл. 1, *13.*

[21] *И. Масимов.* Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-депе. КД, III, 1970, рис. 17, *24.*

Керамика красного цвета представлена двумя фрагментами. Один из них — часть мелкого кубка или чаши, простой закругленный венчик которой не имеет прямых аналогий в материалах Южной Туркмении (рис. 2, *10*). Второй фрагмент, желтовато-красного цвета, почти оранжевый, также не имеет аналогий (рис. 2, *15*).

Светлая керамика представлена фрагментами верхних частей типичных для Намазга VI горшков с отогнутым венчиком, узким горлом и раздутым туловом. Три из них, по-видимому, фрагменты от шаровидных хумча с выкружкой у дна, форма, обычно встречающаяся вместе с подставками. Найдены были фрагменты только верхних частей сосудов со слегка отогнутым венчиком и шаровидным туловом; один из фрагментов имеет венчик, утолщенный изнутри. Другие черепки принадлежат меньшим сосудам с более узким устьем и венчиком либо слегка отогнутым,

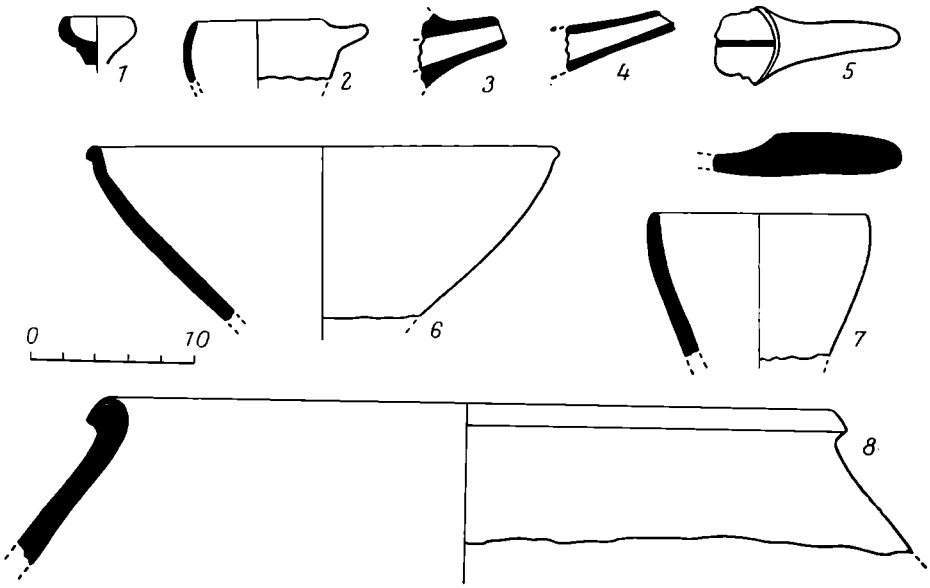


Рис. 4. Анау, керамика периода Анау III, № 8 – период Намазга VI, дата остальных фрагментов неопределена. Все – светлого цвета, кроме № 7 – фрагмент серолощеного сосуда

либо близким к воронкообразному (рис. 3, *7, 9, 11, 14*). Последний фрагмент — часть хумчи с очень широким устьем и утолщенным и отогнутым венчиком (рис. 4, *8*).

Все эти формы хорошо известны в Южной Туркмении, но более внимательное исследование показывает, что среди сходных форм венчиков имеется масса вариантов, так что почти невозможно указать точные аналогии материалам Анау в других поселениях.

Хронологическую принадлежность остальных фрагментов светлой керамики определить сложнее, так как они либо не имеют аналогий, либо аморфны по форме. Например, конический кубок со слегка отогнутым венчиком (рис. 4, *6*) не имеет параллелей в хронологических комплексах бронзового века Южной Туркмении и может быть отнесен к любому из периодов. То же самое относится и к миниатюрной чашечке (рис. 4, *1*). С другой стороны, носики «чайников» (рис. 4, *3, 4*) встречаются на всем протяжении бронзового века и мы не имеем оснований отнести их к одному из периодов, хотя, по-видимому, один из носиков (рис. 4, *4*) сходен с носиком из поселения Тахирбай 3 времени Намазга VI [22].

Следующая группа находок, относящихся к периоду Анау III,— пряслица. Все они обычной для бронзового века формы и интересны своей

[22] *В. М. Массон.* Древнеземледельческая культура..., табл. IX, *2*.

орнаментацией. Орнаментированные пряслица были найдены на Тайчанак-депе и Шор-депе [23]. В материалах Анау представлены все группы процарапанных орнаментов, выделенных А. Я. Щетенко на Тайчанак-депе (пучки дуг, картуши, заполненные точками) и некоторые другие изображения. Учитывая как опубликованные, так и неопубликованные материалы, можно выделить следующие мотивы — дуги, треугольники, треугольники с бахромчатым краем, деревья и ступенчатые мотивы, возможно, изображения гор. Происхождение этого комплекса мотивов, вероятно, основано на орнаментах расписной керамики периодов Намазга III—IV.

Другие изображения, прочерченные на пряслицах Анау, находят аналогии среди знаков, прочерченных на женских статуэтках, собранных В. М. Массоном и В. И. Сарианиди. Например, из шести групп знаков пять имеют точные аналогии в прочерченных орнаментах на пряслицах — треугольники с бахромчатыми краями, звезды и кресты, деревья, треугольники и зигзагообразные линии. Другие группы — знаки в виде гребенки и композиции из горизонтальных, вертикальных и косых линий на пряслицах не встречены [24].

В. М. Массон и В. И. Сарианиди считают, что знаки использовались либо как символы локальных групп, либо, вероятнее, «как символы различных божеств («бог неба», «божество плодородия» и т. д.)» [25].

Наличие этих знаков на пряслицах из Анау выдвигает целый ряд проблем: должны ли мы рассматривать обе основные группы знаков как единое явление или же это два связанных, но различных по смыслу феномена? Как отмечают В. М. Массон и В. И. Сарианиди, знаки встречаются на значительно удаленных друг от друга поселениях, таких, как Алтын-депе, Улуг-депе, Хапуз-депе, Тайчанак-депе и теперь Анау. Если рассматривать группы символов как различные, тогда знаки, прочерченные на пряслицах, могут быть как знаками собственности, так и просто декоративным орнаментом, лишенным смысла, основанном на знаках, объединенных в группы и прочерченных на женских статуэтках.

Изучение 143 пряслиц, хранящихся в музее Пибоди, дало следующие результаты:

1. Пучки дуг (рис. 5, *9, 12*)	84	пряслица
2. Пучки дуг и вертикальных линий (рис. 5, *1, 7, 10, 15*)	24	»
3. Пучки дуг и деревья (рис. 5, *2, 3, 11, 14*)	14	»
4. Вертикальные линии (рис. 5, *8*)	6	»
5. Пучки дуг, деревья и вертикальные линии (рис. 5, *4*)	2	»
6. Пучки дуг, деревья и треугольники (рис. 5, *13*)	1	»
7. Треугольники (рис. 5, *5*)	1	»
8. Деревья	1	»
9. Треугольники и деревья (рис. 5, *16*)	1	»
10. Деревья и горы (рис. 5, *6*)	1	»

Всего пучки дуг встречены на 125 пряслицах, вертикальные линии — на 43, деревья — на 20, треугольники — на 3 и горы — на 1 пряслице. Редкость знаков-символов, которые можно сравнивать с протоэламскими, шумерскими или харапскими пиктограммами и преобладание простых мотивов — пучков дуг и вертикальных линий, разделяют пряслица и женские статуэтки, для которых характерно обратное соотношение: дуги, наиболее распространенный мотив на пряслицах Анау и Тайчанак-депе,— самый редкий мотив на статуэтках [26].

---

[23] *А. Я. Щетенко.* Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-депе. КД, II, 1968, стр. 23; *его же.* Раскопки мелких поселений эпохи бронзы. КД, III, 1970, стр. 4, 8, 49; рис. 14, *9*.

[24] *В. М. Массон, В. И. Сарианиди.* О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы. ВДИ, 1970, 1, стр. 87.

[25] Там же, стр. 94—99.

[26] Там же, стр. 97, рис. 6, *99*.

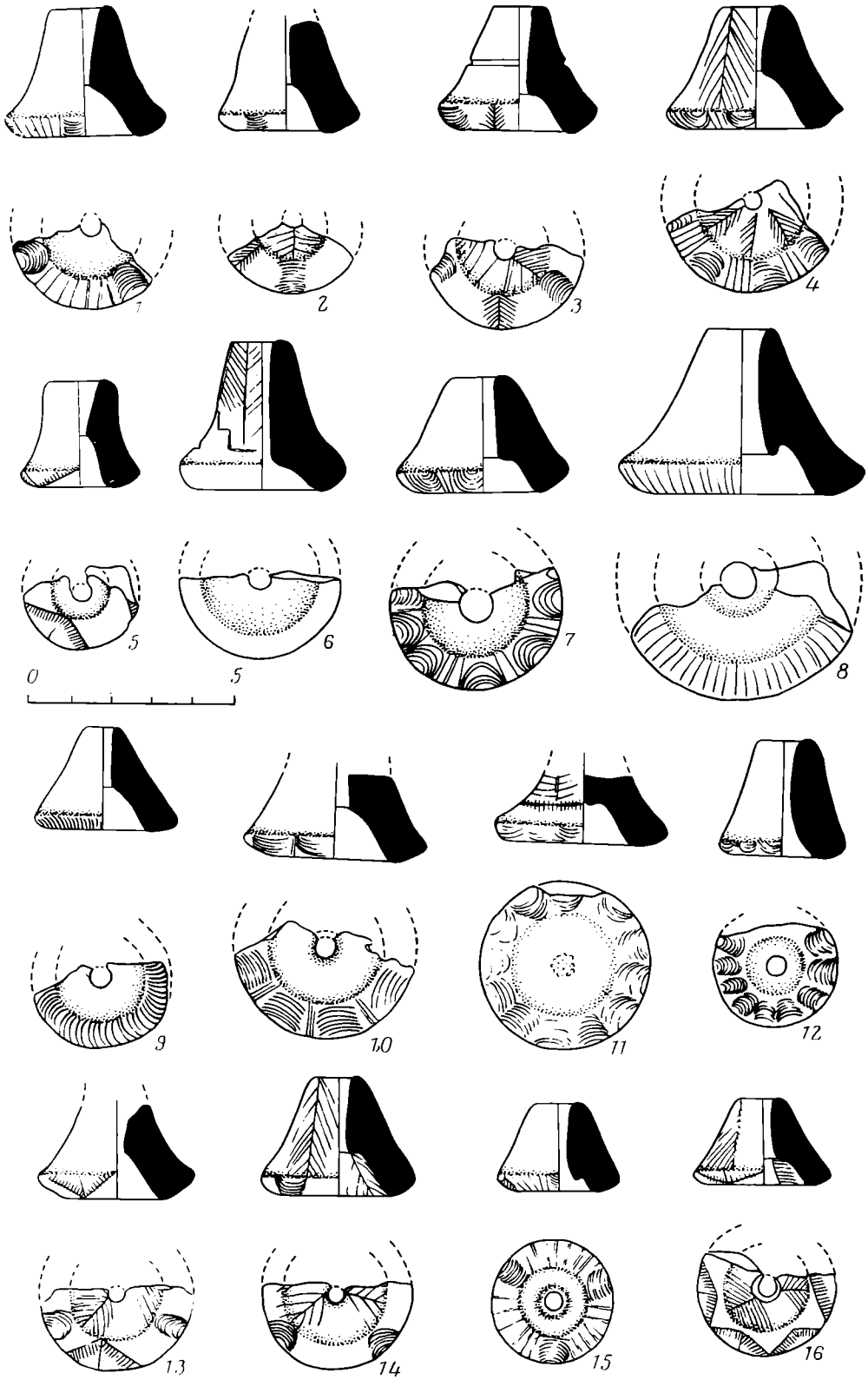


Рис. 5. Анау. Пряслица с прочерченным орнаментом. Возможно, период Намазга V

В целом же неопубликованные материалы из Анау, хранящиеся в музее Пибоди, не имеют принципиальных отличий от остальных материалов Южной Туркмении.

Керамика из Шах-тепе, по-видимому, указывает на наличие связей с населением Туркменской равнины Северного Ирана, а опубликованные материалы периода Анау III свидетельствуют о связах с культурой древнего Дахистана [27]. Таким образом, Анау можно рассматривать как мост, связывающий районы к юго-востоку от Каспийского моря с наиболее развитыми и богатыми районами Южной Туркмении в бронзовом веке как в период наивысшего расцвета процесса урбанизации, так и в период кризиса во II тысячелетии до н. э.

R. Biscione

PIECES INEDITES D'ANAOU, CONSERVEES AU MUSEE DE PEABODI

Résumé

Dans cette étude on publie la céramique et les pesons de terre cuite provenant des fouilles exécutées par R. Pumpelli sur les collines d'Anaou. Les objets découverts se trouvent dans un musée des Etats-Unis.

S'appuyant sur la typologie établie par les spécialistes soviétiques, l'auteur fixe l'appartenance des objets pubtiés à tel ou tel ensemble. En général, les pièces d'Anaou non publiées, qui sont conservées au musée de Peabodi, ne présentent pas de différences essentielles par rapport aux autres pièces du Sud de la Turkménie.

[27] *H. Schmidt.* Op. cit., p. 154, fig. 272—274; p. 155, fig. 275—278, pl. 30, N 1, 3; *В. М. Массон.* Древнеземледельческая культура, стр. 99, 101, рис. 33; *А. Я. Щетенко.* Раскопки на Алтын-депе в Южной Туркмении. КСИА АН СССР, 114, 1968, стр. 44, 45, рис. 4 и 5.

Ю. Н. ВОРОНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ДИОСКУРИАДЫ

Греческие города Восточного Причерноморья были, без сомнения, значительными центрами ремесленного, в частности керамического, производства, о котором, к сожалению, не сохранилось почти никаких сведений. Лишь в последние годы в различных пунктах Колхиды начали находить материалы, свидетельствующие о массовом местном производстве в III—I вв. до н. э. керамических изделий по античным образцам (амфоры, черепица, кухонная посуда и т. д.) [1], однако серьезных попыток связать эту продукцию с производственной деятельностью местных греческих центров не делалось. Приведенные ниже материалы позволяют впервые с достаточным основанием приступить к изучению керамического производства одного из значительных североколхидских греческих городов — Диоскуриады, локализуемой на территории современного Сухуми [2].

Материалы эти включают продукцию по меньшей мере трех обжигательных печей, выявленных в поселках Гвандра [3], Красный Маяк [4] и Гульрипш [5]. Следы керамических производственных центров отмечены также на Эшерском городище [6] и на юго-западной оконечности Лечкопского плато [7]. К сожалению, во всех упомянутых случаях я лишен возможности привести материалы, конкретно раскрывающие конструкцию самих печей, так как в Гвандре, Лечкопе и Гульрипше прослежены лишь остатки примыкавших к ним производственных площадок с соответствующими отходами, в то время как плана раскопок красномаяцкой печи не сохранилось.

Исключительно выразительны материалы из гвандрской печи (рис. 1, *8*), в настоящее время уже полностью уничтоженной морем [8]. Здесь в

---

[1] *М. М. Трапш.* Древний Сухуми. Труды, II. Сухуми, 1969, стр. 234, 235; *Г. А. Лордкипанидзе.* К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970, стр. 79—89; *Ю. Н. Воронов.* Об Эшерском городище. СА, 1972, 1, стр. 110, 117; *Н. Н. Матиашвили.* Местная керамика эллинистической эпохи из Вани. МАГК, V, 1973, стр. 64, 65 сл.

[2] *Ю. Н. Воронов.* О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады). «Сборник работ молодых ученых — историков Абхазии». Сухуми, 1974, стр. 24—38.

[3] *Ю. Н. Воронов.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, стр. 50, табл. XXIX, *28*.

[4] *М. М. Трапш.* Ук. соч., стр. 225.

[5] Остатки этой печи были выявлены Н. А. Берниковым в сентябре 1973 г., а их доследование было проведено автором совместно с В. А. Юшиным весной 1974 г.

[6] *Ю. Н. Воронов.* Ук. соч. (1972), стр. 117.

[7] *Ю. Н. Воронов.* Разведочные работы в Абхазской АССР. АО — 1971, М., 1972, стр. 471, 472.

[8] Гвандрская печь была обнаружена 9 сентября 1964 г. А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской в 700—800 *м* восточнее железнодорожной станции Гвандра. Выражаю свою глубокую признательность А. И. Тереножкину и В. А. Ильинской за предоставление сведений об обстоятельствах этой интересной находки.

срезе берегового обрыва на глубине 1, 6 *м* от поверхности почвы в глинистом слое было прослежено углубление диаметром до 3 *м*, заполненное обломками пифосов, амфор, тарелок, мисок, блюд, кувшинов, горшков, черепицы, керамического шлака и т. д.[9] Все эти изделия выполнены из местной глины, имеющей в изломе мелкозернистую фактуру оранжево-коричневого цвета с легкой примесью редких пироксеновидных включений и мелких блесток слюды. Это амфоры (рис. 2, *1, 2, 4—9, 11—13*), чаши (рис. 2, *15, 17*), кастрюли (рис. 2, *14*), черепица (рис. 2, *19*) и

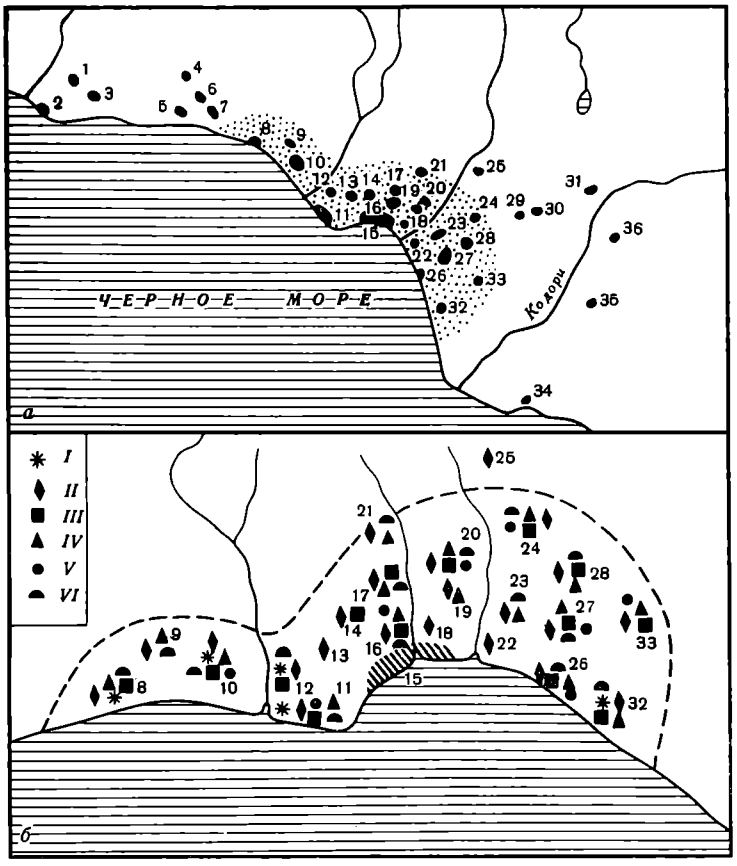


Рис. 1. Схемы размещения поселений античного времени в окрестностях Диоскуриады (*а*) и распределения по ее хоре античной продукции местного изготовления (*б*). *1* – Куланурхва, *2* – Бомбора, *3* – Тасраква, *4* – Аацы, *5* – Приморское, *6* – Анухва; *7* – Анакопия, *8* – Гвандра, *9* – холм Верещагина, *10* – Эшерское городище, *11* – Красный Маяк, *12* – Лечкоп, *13* – Вокзал, *14* – Одинец, *15* – Диоскуриада, *16* – Сухумская гора, *17* – Гуад-иху, *18* – замок Баграта, *19* – Алексеевское ущелье, *20* – Ахвыла-абаа, *21* – Беслетский мост, *22* – Тхобын, *23* – правобережье р. Келасури, *24* – Багмаран, *25* – Чижоуш, *26* – Агудзера, *27* – Мачара, *28* – правобережье р. Мачара, *29* – Пацхир, *30* – Шапка, *31* – Цибилиум, *32* – Гульрипш, *33* – Пшап, *34* – Скурча, *35* – Атара Абхазская, *36* – Пскал. Выделена предполагаемая сельскохозяйственная территория Диоскуриады. I – печи, II – амфоры, III – черепицы, IV – пифосы, V – грузила, VI – кухонная и столовая посуда

другая продукция (рис. 2, *20, 21*). В глине некоторых изделий отмечена значительная примесь песка (рис. 2, *21*). Встречаются отдельные фрагменты из глины красного обжига (рис. 2, *3, 10*), а также из оранжевой, хорошо отмученной мажущейся глины (рис. 2, *16*).

Общий силуэт амфоры, довольно высокая ножка и слегка раздутое в верхней части горло с небольшим венцом, оформленным легким валиком, сближают гвандрские амфоры (за исключением выемки на подошве, не

[9] *М. М. Трапш.* Ук. соч., стр. 235.

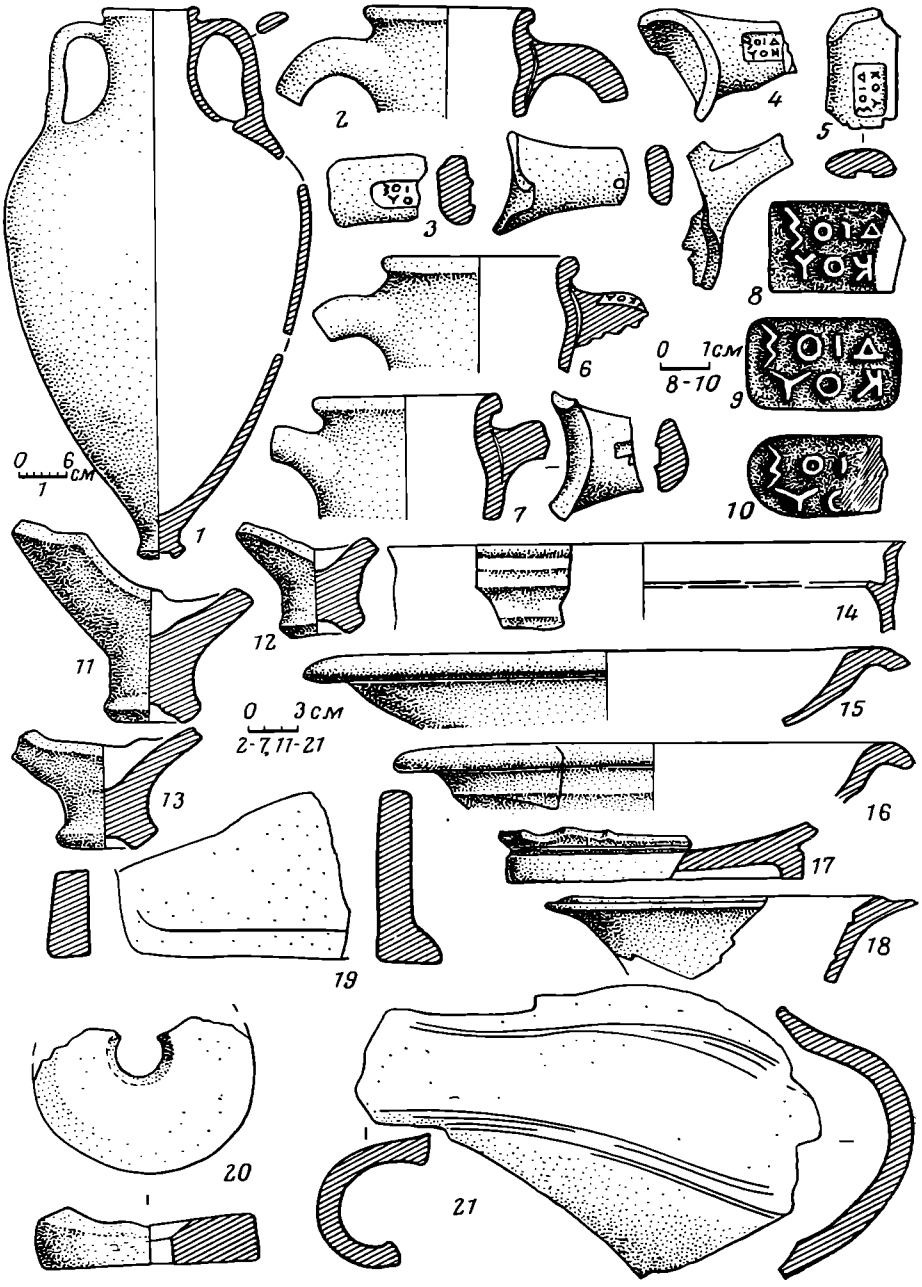


Рис. 2. Инвентарь гвандрской печи (*1—21*). *1* – реконструкция

встречающейся в Синопе) с соответствующими синопскими изделиями второй половины IV — первой половины III в. до н. э.[10] На этом основании весь комплекс гвандрской печи может быть отнесен к III в. до н. э.[11]

Наиболее примечательной особенностью гвандрского комплекса является впервые зафиксированный факт существования собственно диоскуриадской клейменой амфорной тары — на ряде ручек имеется зеркальный отпечаток клейма ΔΙΟΣ|ΚΟΥ (рис. 2, *3—6*), наносившийся с помощью нескольких штампов (рис. 2, *8—10*). Клеймение амфор и других

[10] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, табл. XIV, *30в*.
[11] *М. М. Трапш.* Ук. соч., стр. 235.

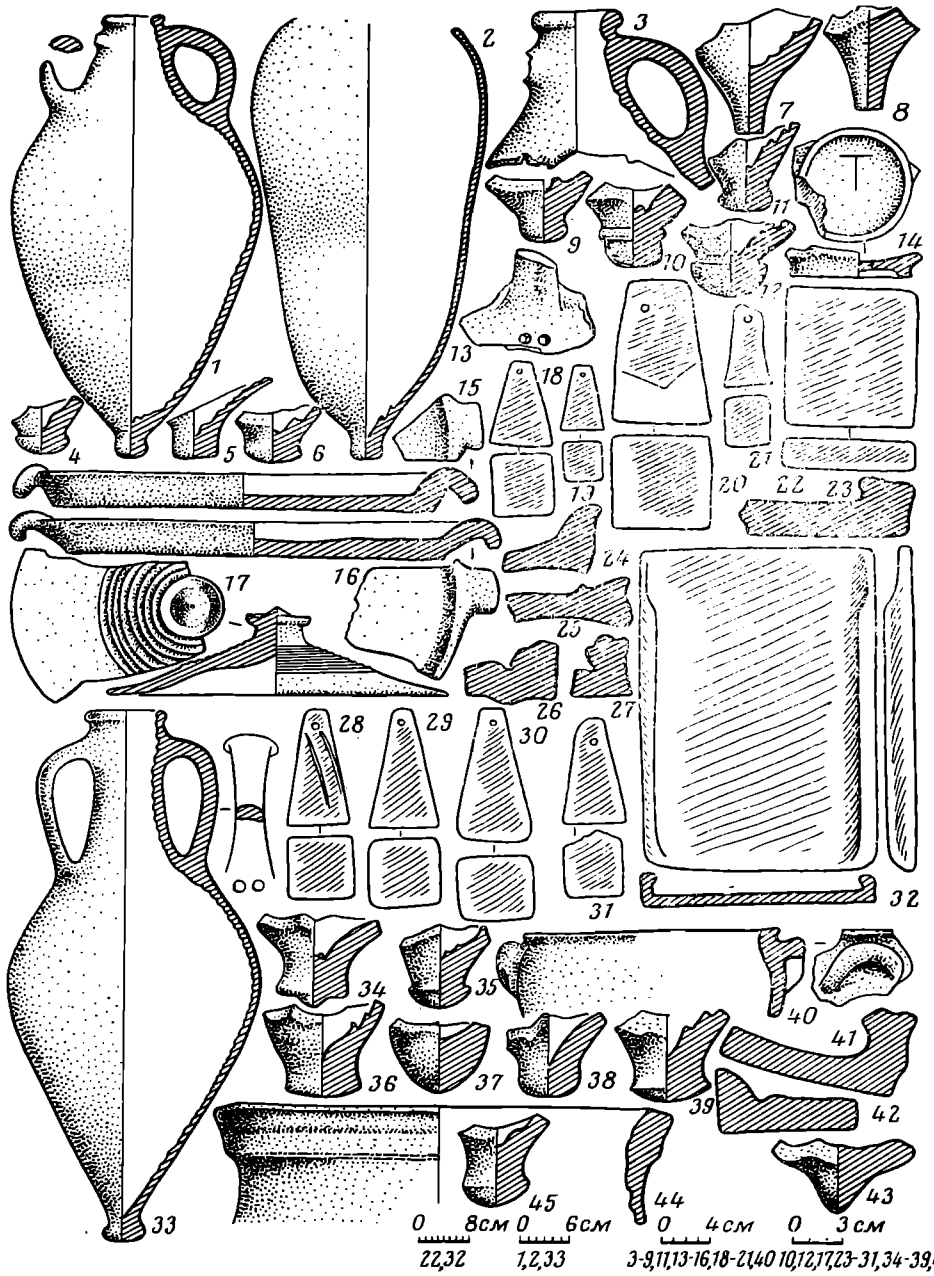


Рис. 3. Инвентарь красномаяцкой печи (*1–27, 32, 40* – по М. М. Трапшу), лечкопской печи (*38, 39, 41, 42*) и отдельные находки местных керамических изделий из других пунктов в окрестностях Диоскуриады: Ахвыла-абаа (*28*), Сухумская гора (*29*), Гуад-иху (*30*), Одинец (*31*), Сухуми (*33* – по М. М. Трапшу), Багмаран (*34*), Чижоуш (*35*), Атара Абхазская (*36*), Эшера (*37, 45*), Мачара (*43*), Куланурхва (*44*)

изделий в греческом мире служило гарантией их стандартности, обусловленной государственным контролем над гончарным производством. Присутствие в клеймах из гвандрской печи названия полиса ΔΙΟΣΚΟΥ[ΡΙΑΔΕΩΝ] должно свидетельствовать о государственном (полисном) характере [12] керамического производства Диоскуриады, во всяком случае в III в. до н. э.

Другой яркий производственный центр был исследован в пос. Красный Маяк (рис. 1, *11*) [13]. Обжигательная печь была сложена из гранит-

[12] *В. П. Цехмистренко.* О характере керамического клеймения в аптичную эпоху. КСИА АН СССР, 128, 1972, стр. 16, 17.

[13] *М. М. Трапш.* Ук. соч., стр. 225.

ных валунов и ломаного известняка на глиняном растворе с наружной обмазкой. Вокруг печи были прослежены остатки деревянных столбов, поддерживавших, вероятно, черепичное перекрытие. Среди изделий, обнаруженных в культурном слое, связанном с печью, обращают на себя внимание амфоры (рис. 3, *3—13*), сковороды (рис. 3, *15, 16*), крышки (рис. 3, *17*), пирамидальные грузила (рис. 3, *18—21*), котлы (рис. 3, *10*), фрагменты столовой посуды (рис. 3, *14*), кирпичи (рис. 3, *22*), черепица (рис. 3, *23—27, 32*), комки обожженной глины, ошлакованные фрагменты изделий и т. д. Часть амфор из красномаяцкой печи (рис. 3, *3, 7, 8*) по форме напоминает соответствующую синопскую продукцию III в. до н. э.[14], аналогии другим (рис. 3, *10, 12*) известны среди местных изделий III—II вв. на Эшерском городище [15]. Большинство донышек (рис. 3, *4—7, 9—11*) связано с амфорами коричневой глины, имевшими широкое распространение в местном производстве Колхиды в III—I вв. до н. э.[16] Довольно часты находки амфорных ручек с двумя пальцевыми вдавлениями у корня (рис. 3, *13*). Вероятно, к продукции той же печи относятся две амфоры (рис. 3, *1, 2*), обнаруженные рядом в одном из погребений [17]. Все перечисленные изделия изготовлены из местной, главным образом коричневого и красного обжига глины с примесями песка, слюды, редких пироксеновидных частиц. Рассмотренный комплекс находок позволяет относить функционирование красномаяцкой печи ко времени с конца III по I в. до н. э.

Следы, по-видимому, еще одной обжигательной печи были выявлены на юго-восточной окраине с. Гульрипш в 1—1,5 *км* от берега моря (рис. 1, *32*). Здесь на дне недавно вырытого канала на глубине около 2 *м* была размыта ручьем производственная площадка, представлявшая собой вымостку из кусков обожженной глины и керамического шлака. На поверхности этой вымостки на площади примерно 2 $м^2$ было сгруппировано около 30 амфорных венцов и ножек, фрагменты венцов двух пифосов (рис. 4, *1, 2*), тарелок, черепицы и другой посуды. Примечательно, что среди этих находок, за некоторым исключением, отсутствовали невыразительные обломки стенок сосудов. Создается впечатление, что в описываемом комплексе мы имеем какую-то часть производственных отходов, прошедших специальный отбор. Культурный слой, включающий куски полуобожженной глины, шлаки и отдельные фрагменты изделий, уходит в толщу северной стены канала. Мощность слоя не превышает 10—20 *см*.

Все изделия из гульрипшской печи сформованы из местной, после обжига приобретавшей светло- или темно-коричневый цвет глины с довольно обильной примесью песка, кварцита, слюды и бурых железистых включений (рис. 4, *1—5, 7—9, 12—16, 19—22*). В отдельных случаях дополнительно отмечается примесь пироксеновидных частиц (рис. 4, *10, 11, 17, 18*). Поверхность изделий часто шершава от выступающих примесей, иногда же покрыта глиняной обмазкой (рис. 4, *10*) или залощена (рис. 4, *19*). Горловины большинства амфор отмечены однотипными значками, наносившимися одним (рис. 4, *4, 5, 8, 9*) или двумя (рис. 4, *3, 6*) штрихами в вертикальном или редко в почти горизонтальном (рис. 4, *6*) направлении. Лишь одна амфора была отмечена значком иной формы (рис. 4, *11*). Отличительные черты большинства рассмотренных амфор — определенная раздутость горловины на уровне прикрепления ручек, массивный, слегка отогнутый наружу венец с уплощенным верхом, овальные и слегка уплощенные в сечении ручки, слегка округлая ножка, на внутренней стороне которой имеется характерной спиралевидный завиток, образованный при формовке положением жгута,— относят их к кругу амфор «коричне-

[14] *И. Б. Зеест.* Ук. соч., табл. XIII, *28, 29.*
[15] *Ю. Н. Воронов.* Ук. соч. (1972), рис. 4, *28, 39.*
[16] *Г. А. Лордкипанидзе.* Ук. соч., стр. 81, 82.
[17] *М. М. Трапш.* Ук. соч., стр. 283.

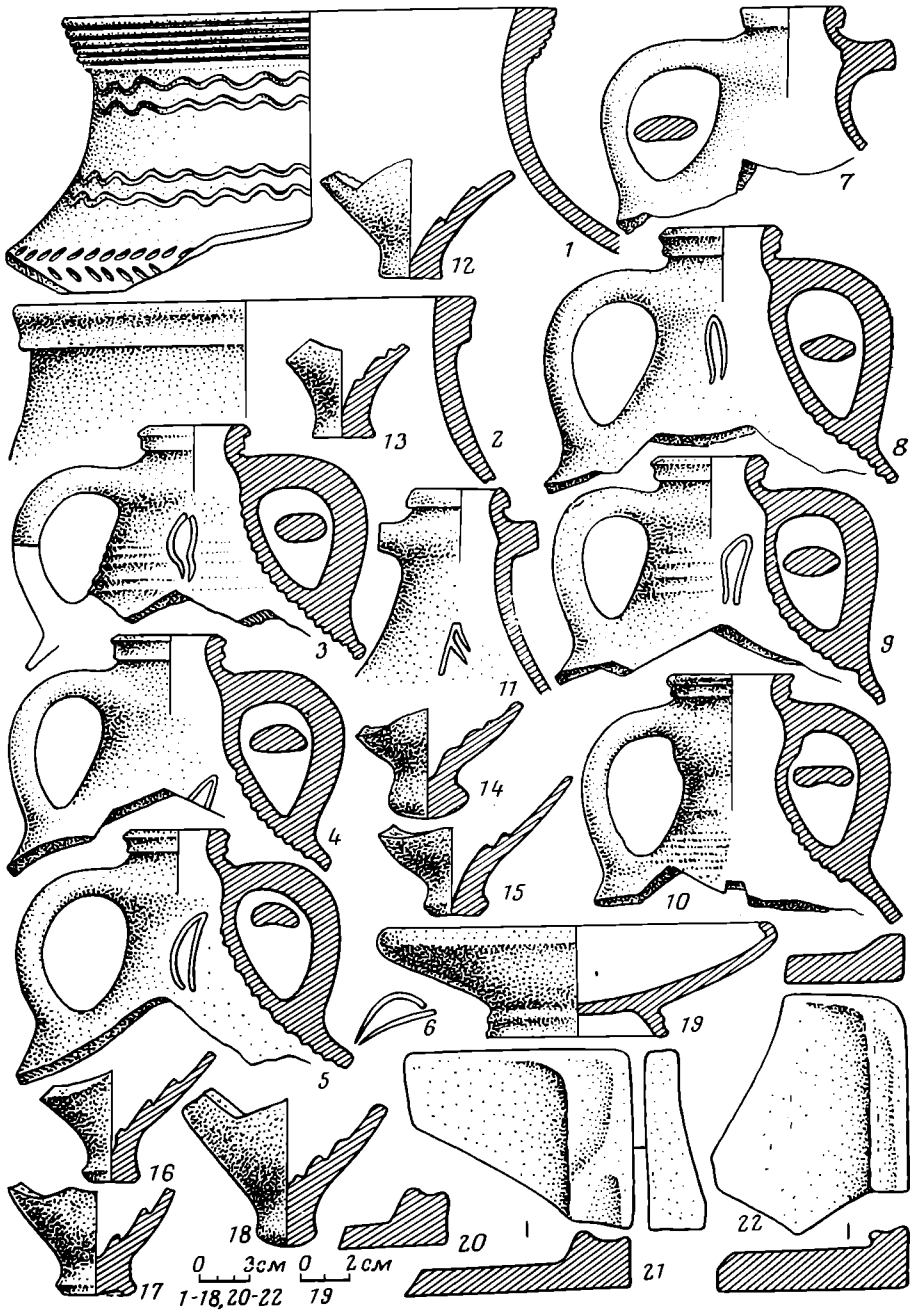


Рис. 4. Инвентарь гульрипшской печи (*1—22*)

вой глины» [18]. Профилировка венцов, а также отмеченная в ряде случаев (рис. 4, *12*, *13*) уплощенность невысоких ножек позволяют датировать продукцию гульрипшской печи II—I вв. до н. э.[19]

Достаточно выразительный комплекс античной керамики местного производства выявлен на Эшерском городище (рис. 1, *10*). Среди этой керамики выделяются амфоры, кастрюли, крышки, сковороды, рыбные блюда, пирамидальные грузила для ткацкого станка, солены и калиптеры, а также другие изделия [20], которые должны быть отнесены к продукции мастерских на самом городище и в пределах хоры Диоскуриады. Очень интересна «остродонная амфора из местной красно-коричневой гли-

[18] *И. Б. Зеест.* Ук. соч., стр. 108.
[19] *Г. А. Лордкипанидзе.* Ук. соч., стр. 82, табл. XII.
[20] *Ю. Н. Воронов.* Ук. соч. (1972), стр. 110—116.

ны», обнаруженная в сильно фрагментированном виде на могильнике у Эшерского городища в комплексе рубежа IV—III вв. (рис. 3, *45*) [21]. Глина, из которой изготовлено большинство перечисленных изделий, имеет коричневый, различных оттенков цвет и не отличается тщательностью обработки. В ней обычны крупные или мелкие примеси песка, слюды, кварцита, известняковых частиц, железистых и отдельных пироксеновидных частиц. Достаточно груба глина черепицы и грузил. Амфоры и кухонная посуда изготовлялись из глины, прошедшей определенную обработку. Наибольшей тщательностью изготовления отличается столовая посуда (тарелки, миски, рыбные блюда и т. д.), поверхность которой часто была лощеной. Материалы Эшерского городища позволяют допустить существование местного производства античной керамики во всяком случае с III по I в. до н. э. [22].

На юго-западной оконечности Лечкопского плато (рис. 1, *12*) в распаханной низине на берегу ручья отмечено небольшое скопление обожженных кусков глины, керамического шлака, фрагментов амфор (рис. 3, *38, 39*) и черепицы (рис. 3, *41, 42*), которые, судя по всему, характеризуют еще один производственный очаг III—I вв.

К продукции перечисленных и других еще не выявленных, но несомненно достаточно многочисленных очагов керамического производства Диоскуриады должны быть отнесены амфоры (рис. 3, *33—37*), черепица, пирамидальные грузила (рис. 3, *28—31*), кастрюли, крышки и другие изделия античного облика, найденные на варварских поселениях в окрестностях Диоскуриады (Бамбора, Куланурхва, Приморское, Анухва, Новый Афон, Эшера, Лечкоп, ряд пунктов в Сухуми, Абжаква, Беслетский мост, Алексеевское ущелье, ряд древних поселений по гребням между реками Келасури и Мачарой и по левобережью последней, Багмаран, Чижоуш, Цебельда, Агудзера, Гульрипш, Атара и др.) [23].

Все сказанное позволяет теперь с достаточным основанием выделить основной ассортимент изделий, характеризующих продукцию керамического производства Диоскуриады III—I вв.

Наиболее многочисленную группу этих изделий составляют амфоры (Гвандра), при изготовлении которых гончары первоначально ориентировались главным образом на продукцию Синопы IV—III вв. (рис. 2, *11, 12*) [24]. В более поздних изделиях (Красный Маяк, Эшера, Гульрипш) улавливается развитие черт, характеризовавших продукцию как Синопы (рис. 3, *36, 39*), так и ряда других центров (Гераклея, Кос, рис. 3, *10, 12, 34* и др.) [25]. С течением времени несколько изменяется обжиг изделий, приобретающих более темную и устойчивую коричневую окраску, сохраняется до конца раздутость в горловине, валик венца утрачивает округлость, приобретая в ряде случаев верхнюю плоскость и более сложную профилировку, ножки теряют выемку на подошве, становятся округлыми или плоскими снизу, внедряется жгутовая и пробковая формовка ножек, уменьшается емкость сосудов. Примеси в глине разнообразны и достаточно обильны. Довольно часто использование пироксеновидных частиц (в небольших количествах). В III в. до н. э. на ручки амфор ставились клейма с названием города, во II—I вв. широко распространились различные метки, наносившиеся на горловину [26]. Изделия II—I вв. из

---

[21] *Г. К. Шамба.* Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера. «Извести», 1. Тбилиси, 1972, стр. 99, 109.

[22] *Ю. Н. Воронов.* Ук. соч. (1972), стр. 110.

[23] *Ю. Н. Воронов.* Археологическая карта..., стр. 45—59.

[24] Сходство между амфорами Синопы и местными колхидскими амфорами исследователи объясняют тем, что в производстве последних принимали участие синопские гончары (*Г. А. Лордкипанидзе.* Ук. соч., стр. 82).

[25] *Ю. Н. Воронов.* Ук. соч. (1972), стр. 110.

[26] Различные аналогичного характера метки на горловинах амфор и других изделий, характеризующих продукцию греческих или эллинизированных местных производственных центров Колхиды, трактуются обычно как знаки отдельных гончаров,

окрестностей Диоскуриады образуют устойчивую разновидность так называемых амфор «коричневой глины» [27], имевшую широкое распространение по всей Колхиде [28].

Массовый характер носило и производство черепицы, представленной как соленами, так и калиптерами. Древнейшие образцы черепиц Диоскуриады датируются пока III в. до н. э. (Гвандра). Во II—I вв. она встречается повсеместно как среди продукции вышеописанных центров, так и на многочисленных поселениях античного времени в окрестностях Сухуми. По своей форме эта черепица восходит к соответствующей продукции Синопы [29], снабжавшей в эллинистическую эпоху рынок Диоскуриады черепицей [30]. Глина, из которой формовалась местная черепица, имеет обычно красновато-коричневый, редко серый обжиг с обильными примесями. Верхняя поверхность соленов хорошо заглажена, и на ней часты знаки, в ряде случаев соответствующие меткам на сосудах. Нижняя поверхность обычно неровная и покрыта слоем приставшего при обжиге песка. Калиптеры полукруглой в сечении формы с узким концом имели снаружи заглаженную поверхность, изнутри же часто видны следы пальцев в виде продольных или поперечных борозд [31].

Достаточно многочисленны находки керамических пирамидальных грузил, среди которых различаются крупные плохо обожженные с двумя отверстиями, средних размеров с двумя отверстиями и небольшие экземпляры с одним отверстием. Все эти изделия повторяют формы, имевшие широкое распространение в греческом мире [32]. Местное производство пирамидальных грузил в Колхиде предполагается с V в. до н. э. [33].

Важное место в деятельности гончарных мастерских Диоскуриады занимало производство различной кухонной и столовой посуды — кастрюль, горшков, мисок, тарелок, рыбных блюд, крышек, сковород и других изделий, изготовлявшихся по образцам, характерным для греческого мира. Особо широкого развития это производство достигло в эллинистический период [34], хотя не исключено, что отдельные виды кухонной и столовой посуды изготовлялись на месте и много раньше.

С производством Диоскуриады, во всяком случае в III—I вв. до н. э., должны быть связаны и отдельные типы пифосов, известных в литературе как колхидские [35],— их изготовление совместно с продукцией античного типа прослежено на материалах всех вышеописанных обжигательных печей. В связи с этим обращает на себя внимание ряд находок в

образовывавших коллектив одной мастерской (*Г. А. Лордкипанидзе.* Ук. соч., стр. 82, 83).

[27] *Б. Ю. Михлин.* Амфоры «коричневой» глины из Северо-Западного Крыма. СА, 1974, 2, стр. 63—65.

[28] *Г. А. Лордкипанидзе.* Ук. соч., стр. 82.

[29] *О. Д. Лордкипанидзе.* Античный мир и Древняя Колхида. Тбилиси, 1966, стр. 128; *Г. А. Лордкипанидзе.* К истории древней Колхиды, стр. 83.

[30] *М. М. Трапш.* Ук. соч., стр. 238; *О. Х. Бгажба, В. В. Бжания, М. М. Гунба, В. К. Квициния, Л. Н. Соловьев, И. И. Цвинария, Г. К. Шамба, Л. А. Шервашидзе.* Археологические исследования в Абхазии. АО — 1971, М., 1972, стр. 464.

[31] *Ю. Н. Воронов.* Ук. соч. (1972), рис. 2, *21, 22.*

[32] *В. Ф. Гайдукевич.* К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. МИА, 25, 1952, стр. 396—398; *Н. А. Онайко.* О фанагорийских грузилах. МИА, 57, 1956, стр. 154—160.

[33] *А. Н. Каландадзе.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954, стр. 38; *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, стр. 16; *Г. А. Лордкипанидзе.* Ук. соч., стр. 86.

[34] Массовое производство посуды такого рода в ремесленных мастерских эллинских городов побережья Колхиды нашло свое отражение и в формах изделий гончарного ремесла городских центров колхов. Так, например, в мастерских Вани на протяжении III—II вв. до н. э. прослежено постепенное вытеснение местных форм столовой и кухонной посуды изделиями, подражающими формам эллинской керамики. В I в. до н. э. в Вани почти вся посуда изготовлялась в «подражание греческой керамике» (*Н. Н. Матиашвили.* Ук. соч., стр. 65).

[35] *Г. А. Лордкипанидзе.* Ук. соч., стр. 79—81.

окрестностях Сухуми фрагментов пифосов из местной глины коричневого цвета с примесью пироксеновидных частиц (рис. 3, *44*) [36]. В тех же мастерских могли изготовляться и другие изделия (кувшины, миски и т. д.) местного облика, но с чертами, заимствованными у греков (форма венчиков со сливом у кувшинов и др.) [37].

В заключение следует отметить, что производство керамики, как и другие отрасли ремесла Диоскуриады, было связано с постоянными работами по заготовке сырья (глина, песок, дрова и т. д.) и транспортировке его к месту обработки, а затем готовой продукции на рынки. Значительный разброс рассмотренных выше центров керамического производства (расстояние между гвандрской и гульрипшской печами составляет около 40 *км*, в то время как расстояние от той же гвандрской печи, где изготовлялась клейменая тара, до местоположения самой Диоскуриады составляет около 20 *км*) позволяет сделать вывод о том, что производственная база Диоскуриады в III—I вв. до н. э. в значительной мере совпадала с ее сельскохозяйственной территорией (рис. 1) [38]. В этих условиях исполнение всей перечисленной работы вряд ли было под силу только грекам и их рабам, несшим на себе основное бремя ремесленного производства Диоскуриады. В качестве как «непосредственных производителей», так и посредников между ремесленными центрами, городским рынком и внутренними районами страны выступали, видимо, и представители эллинизированного аборигенного населения [39], проживающего в пределах сельскохозяйственной территории города. Во всяком случае период III—I вв. в окрестностях Диоскуриады характеризуется, с одной стороны, высокой степенью эллинизации аборигенного населения, широко потреблявшего не только привозные изделия, но и все виды продукции рассмотренных ремесленных центров, а с другой стороны, и определенной варваризацией последних: это выразилось в освоении ими производства некоторых местных форм гончарных изделий (пифосы — рис. 4, *1*, кувшины и т. д.) и в применении некоторых негреческих технологических приемов, их обработки (лощение) [40]. При этом все же решающим в этом процессе взаимопроникновения культур было античное, греческое начало.

Где-то на рубеже нашей эры в результате событий предшествовавшего столетия жизнь в Диоскуриаде замирает [41]. Пострадало и аборигенное окружение — гибель города повлекла за собою полное запустение всех варварских поселений, располагавшихся на его сельскохозяйственной территории [42]. Соответственно прекратили свою деятельность и городские производственные центры, в том числе и гончарные мастерские.

---

[36] *Ю. Н. Воронов, А. С. Вознюк.* Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. СА, 1975, 2, стр. 269.

[37] *Ю. Н. Воронов.* Об Эшерском городище, стр. 114.

[38] Все имеющиеся данные характеризуют Диоскуриаду как типичный греческий полис, включающий крупный торгово-ремесленный пункт, тесно связанный с ближайшей земледельческой округой, на периферии которой располагались отдельные греческие (Эшера) городки и довольно многочисленные (до 25), в значительной мере эллинизированные поселения аборигенов.

[39] В VI—I вв. до н. э. основное окружение Диоскуриады составляли различные гениохийские племена (*Ю. Н. Воронов.* Материальная культура гениохийских племен в VI—I вв. до н. э. «Сборник работ молодых ученых — историков Абхазии». Сухуми, 1974, стр. 74, 75).

[40] В ряде окраинных стран (Кария, Македония, Фракия, Сицилия, Боспор и др.) схема развития греческих колоний с самого начала (V—IV вв.) несколько отличалась от метрополии, что было обусловлено негреческим этническим составом основной части земледельческого населения, окружавшего эти колонии. Это явление, получившее в литературе название протоэллинизма (*В. Д. Блаватский.* Античный город. Сб. «Античный город». М., 1963, стр. 15, 16), должно было найти достаточно четкое воплощение и на примере Диоскуриады.

[41] *Г. А. Меликишвили.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 364.

[42] *М. М. Трапш.* Труды, II, стр. 241—284.

You. I. Voronov

ETUDE DE LA PRODUCTION CERAMIQUE DE DIOSKOURIADA

Résumé

Dans cet article sont étudiées pour la première fois des pièces appartenant à la production céramique de Dioskouriada, importante polis grecque du littoral oriental de la mer Noire. En se basant sur l'examen de la production de trois fours de cuisson et sur celui des pièces trouvées dans plusieurs villages, situés sur le territoire agricole de la ville, l'auteur en conclut qu'il existait, du IIIe au Ier siècle av.n.è., une importante production céramique (amphores, vaisselle et table de cuisine, pithoï, tuiles, etc.).

А. А. БОБРИНСКИЙ, О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ У НАСЕЛЕНИЯ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследователи юхновской культуры обратили внимание на различия между самой ранней посудой этой культуры (VII—V вв. до н. э. или VI—V вв. до н. э.) и более поздней. Особенно резкие различия прослежены по материалам курского Посеймья. А. Е. Алихова выделила здесь две группы юхновской посуды: кузиногорскую, представленную нижним слоем городищ Кузина Гора, Плаксинского, Лысая Гора, Кудеярова Гора и др., и собственно юхновскую, содержащуюся в верхних слоях всех этих городищ, а также в материалах городищ Моисеевского, Александровского, Жадинского и других, где более ранней посуды нет [1].

Для раннего этапа юхновской культуры Посеймья и Подесенья характерны массивные грубовылепленные сосуды, нередко асимметричных форм, толстостенные, с бугристой поверхностью от крупных зерен включений дресвы или шамота [2]. Начиная с V в. до н. э. появляется иная посуда, формы которой эволюционно связаны с предшествующим этапом. Но им свойственна тонкостенность, большая симметричность, присутствие органических включений в глине. Минеральные примеси мелкие. Они представлены песком или шамотом. Довольно часто в глиняной массе этих сосудов вообще не удается отметить каких-либо непластичных примесей. Поверхности сосудов хорошо заглажены [3].

При сравнительном изучении этих двух групп посуды, произведенном авторами, было отмечено, что на днищах некоторых сосудов, относящихся к более поздней группе, имеются углубленные или выпуклые статические отпечатки квадратной, прямоугольной или многоугольной формы со сторонами от 1,5 до 2—3 *см*, а также округлые отпечатки диаметром около 2 *см* (рис. 1, *1—3*). Они обнаружены на днищах сосудов из различных памятников юхновской культуры: городищ у дер. Пушкари на Десне, у деревень Плаксино, Шуклинка, Красный Курган, Кузина Гора в Посеймье.

Подобные следы на днищах хорошо известны по более поздним археологическим материалам. На основании трасологического анализа, а также данных этнографии они уверенно могут быть интерпретированы как следы технического происхождения, отображающие особенности устройства гончарных кругов [4].

Отдельные находки сосудов со следами технического происхождения на днищах отмечены и в памятниках днепро-двинской культуры. Например, в нижнем слое городища Тушемля найден обломок сосуда, внешне не отличающегося от остальной местной керамики, на днище которого

[1] *А. Е. Алихова.* Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962, стр. 89—91.

[2] Там же, стр. 111, рис. 14, *3*; стр. 114, рис. 16, *4, 6—8*; стр. 115, рис. 17, *5—8*.

[3] Там же, стр. 111, рис. 14, *4*; стр. 113, рис. 15, *1—11*; стр. 118, рис. 18, *2—5, 7, 9*; стр. 126, рис. 21, *9, 14, 18*.

[4] *А. А. Бобринский.* Древнерусский гончарный круг. СА, 1962, 3, стр. 33—52; *его же.* Гончарные круги Восточной Европы IX—XII вв. Автореф. канд. дис. М., 1962.

имеется несколько углубленных следов от конца оси, возникших из-за плохого укрепления сосуда на плоскости гончарного круга (рис. 2, *1*), а на днище одного из сосудов из городища Наквасино-специфическая вогнутость, отображающая «размытые» подсыпкой дресвы очертания конца оси, вбитой в рабочий диск круга (рис. 2, *2*).

На основании этих находок можно заключить, что в эпоху раннего железного века население Верхнего Поднепровья было знакомо с гончар-

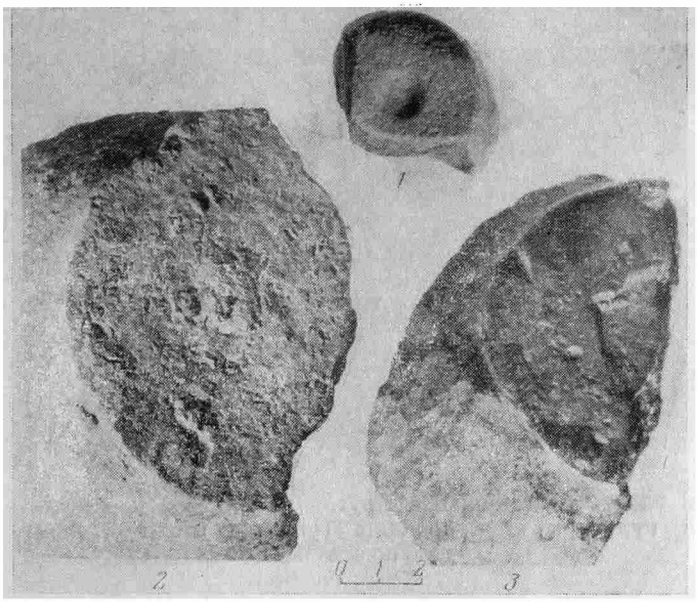


Рис. 1. Образцы следов от гончарных кругов на днищах керамики из памятников юхновской культуры: *1* – городище Кузина Гора, *2* – городище Плаксино, *3* – городище Красный Курган

ным кругом. Однако, судя по отсутствию признаков активного использования вращения круга для заглаживания и профилирования керамических изделий, это орудие применялось в качестве поворотного столика, облегчающего ручную лепку и такую же обработку поверхностей глиняной посуды. С его помощью сосуд поворачивался той или иной стороной по отношению к рукам мастера. Использование круга для выполнения такой работы в некоторых районах Восточной Европы отмечено и по этнографическим данным [5]. В производствах, где круг не использовался, при конструировании сосудов мастеру нередко приходилось самому двигаться вокруг сосуда. Введение круга устраняло такую необходимость.

Находка днищ не только со статическими отпечатками, но и динамическими следами, оставленными концом оси, вокруг которой вращался рабочий диск круга с изготавливаемым сосудом, позволяет думать, что речь идет о распространении в лесной и лесостепной зонах Поднепровья в эпоху раннего железа орудий двух конструктивных схем — с подвижной и неподвижной осью.

Гончарные круги обеих схем зафиксированы в истории восточноевропейского гончарства, например, по находкам деталей от них и следам на днищах средневековой керамики [6]. Во многих районах лесной зоны Вос-

[5] Например, в 1969 г. использование круга в качестве поворотного столика отмечено в дер. Филипповцы Поставского района Витебской обл. БССР (Материалы Комплексного отряда по изучению гончарства, 1969 г., хранятся в научном архиве лаборатории «История керамики» ИА АН СССР).

[6] *А. А. Бобринский.* Древнерусский гончарный круг, стр. 46, рис. 16; стр. 48, 49, рис. 17, 18; стр. 50, 51, рис. 19, 20.

точной Европы они сохранились в деревенском гончарном производстве до настоящего времени. У орудий с подвижной осью она наглухо вбивается в рабочий диск круга, для чего в нем обычно делалось сквозное отверстие, а верхнему концу оси сообщались сообразно с формой этого отверстия квадратные или иные очертания[7]. У орудий с неподвижной осью тоже нередко в рабочем диске делалось сквозное отверстие, но только одной формы — круглой. Однако чаще оно было глухим[8]. В процессе длительной работы на таком круге глухие отверстия для осей часто протирались насквозь, в результате чего заостренный конец оси выступал

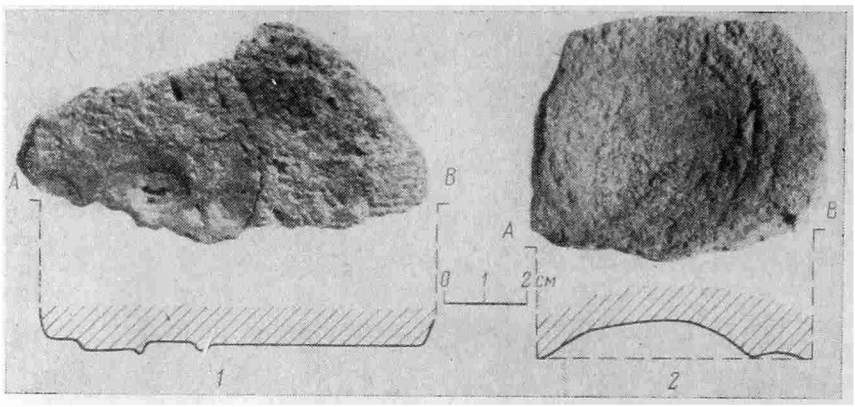


Рис. 2. Образцы следов от гончарных кругов на днищах керамики из памятников днепро-двинской культуры. *1* — городище Тушемля (нижний слой), *2* — городище Наквасино

над рабочей площадкой, оставляя на днищах углубленные динамические следы. В тех случаях, когда такой конец оси подрезали, на днищах возникали динамические следы с уплощенным, а не вогнутым основанием. Следы от конца подрезанной оси, т. е. с признаками мелкого ремонта, обычно имеют небольшой диаметр (менее 1 *см*) и расширяющиеся кверху боковые стенки. Один из таких кругов с подрезанной верхней частью оси и оставил следы на упомянутом выше днище сосуда из городища Тушемля (рис. 2, *1*).

Непосредственно по следам на днищах выяснить многие детали устройства орудий затруднительно, не прибегая к помощи дополнительной информации, в частности этнографических материалов. Но в данном случае, т. е. говоря об устройстве гончарных кругов эпохи раннего железа, вряд ли можно сомневаться, что они были представлены однодисковыми кругами, приводившимися в движение рукой[9].

В раскопках памятников эпохи раннего железа до последнего времени не удавалось выделить каких-либо деталей от самих гончарных кругов.

В свете этого значительный интерес представляют находки, сделанные Т. Н. Никольской в 1953 г. при раскопках одного из городищ в Кур-

[7] Там же, стр. 35, рис. 1; стр. 41, рис. 10, 11.

[8] Там же, стр. 38, рис. 6; стр. 39, рис. 7; стр. 40, рис. 8, 9.

[9] Ножные гончарные круги с подвижной и неподвижной осью, известные в истории восточноевропейского гончарного производства наряду с ручными, стали использоваться здесь гораздо позже. Наиболее ранние свидетельства их применения зафиксированы по материалам из памятников черняховской культуры III—IV вв. н. э. Наиболее конкретные и документированные вещественными остатками данные о них получены при изучении гончарной мастерской, открытой раскопками в Журавке Ольшанской Черкасской области УССР (руководитель раскопок.— Э. А. Сымонович). В мастерской было выявлено рабочее место гончара, специальное углубление для установки гончарного круга с вбитым в него подпятником (см. *А. А. Бобринский, М. Г. Гусаков.* Реконструкция гончарной мастерской III—IV вв. н. э. СА, 1973, 1, стр. 150—162).

ском Посеймье — дер. Погореловка Льговского района в урочище Лысая Гора [10]. При изучении коллекций из данного памятника, хранящихся в Курском областном краеведческом музее, авторами были обнаружены два глиняных обожженных диска диаметрами около 14 и толщиной около 2 *см*. Один из дисков сохранился полностью, другой дошел до нас в фрагментированном виде [11].

Диаметр последнего 13,5, толщина 1,8—2 *см*. В центре его имеется сквозное отверстие конической формы с диаметром на выходе к одной стороне 1,7, а на выходе к другой 2,4 *см* (рис. 3, *1, 2*). Поверхность диска, на которую отверстие выходит с расширением диаметра, неровная, с грубыми вмятинами от ручной лепки изделия. На ней имеется ряд углублений, располагающихся по эллиптической кривой вокруг центрального отверстия. Диаметр их на выходе к поверхности колеблется от 0,5 до 0,8 *см*. Судя по пониженному рельефу вокруг отверстий и их конической форме, все они сделаны до обжига коническим острием. Одни из них очень мелкие (глубиной от 0,3 до 0,5 *см*), другие глубокие (от 1,5 до 1,8 *см*), а некоторые оказались сквозными.

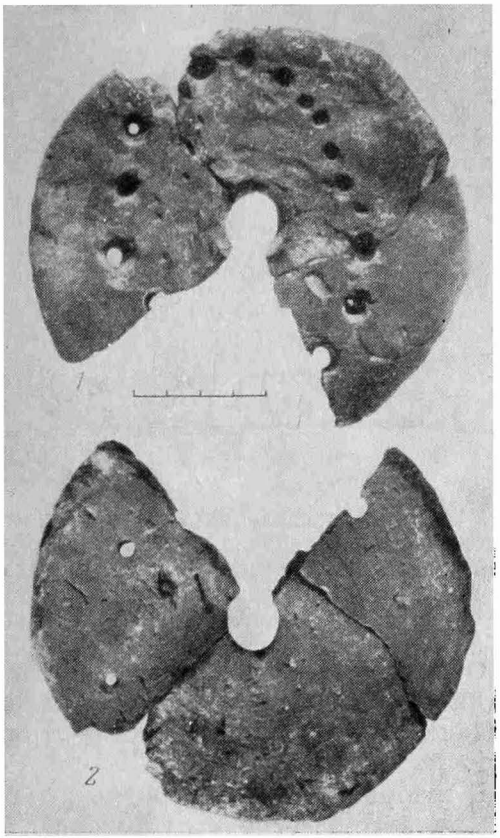


Рис. 3. Общий вид обломка глиняного диска из раскопок городища Лысая Гора: *1* – нижняя сторона, *2* – верхняя сторона со следами длительного трения

Другая сторона диска гладкая, со множеством царапин, образующих концентрически замкнутые окружности или дуги окружностей различного диаметра (рис. 3, *2*). Царапины являются следами трения о поверхность диска другого тела, совершавшего центрированное вращение. Судя по хорошо заметному износу поверхности диска, следы трения являются результатом длительного вращения этого тела. Никакими иными условиями следообразования их невозможно объяснить, если не допустить, что вращавшееся тело находилось на вертикально поставленной оси, которая проходила через отверстие в центре диска, а точка опоры самого тела, надетого на ось, находилась выше плоскости глиняного диска. Следовательно, оно могло касаться поверхности диска только нижней своей частью. Из этого следует, что диск выполнял роль прокладочной шайбы между вращавшейся на оси частью механизма и основанием, в котором была наглухо укреплена ось.

Характер износа поверхности диска, в частности заметно бóльшая сработанность участков, удаленных от центра, указывает на то, что меха-

[10] *Т. Н. Никольская.* О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и верхней Оки. КСИА АН СССР, 119, 1969, стр. 14—23. Авторы благодарят Т. Н. Никольскую за разрешение опубликовать сделанные ею находки. Позже на городище Лысая Гора проводила раскопки А. Е. Алихова.

[11] К сожалению, один из дисков (полный экземпляр) был утерян в фондах музея. Сохранившийся диск, составленный из четырех фрагментов, один из которых отсутствует, был найден на раскопе 1, в квадрате 45 на глубине второго штыка (номер по описи 43). Данные о месте находки второго диска неизвестны.

низм, вращавшийся на вертикальной оси, одновременно совершал частые колебательные движения. Судя по тому, что во время вращения нижняя часть его касалась поверхности диска многими точками, расположенными на различных расстояниях от оси вращения, можно заключить, что эта часть механизма была плоской. Конусовидные углубления на нижней стороне диска в сочетании со штырьками, которые вбивались в основание, предназначались, по-видимому, для того, чтобы устранять проворачивание диска во время работы орудия.

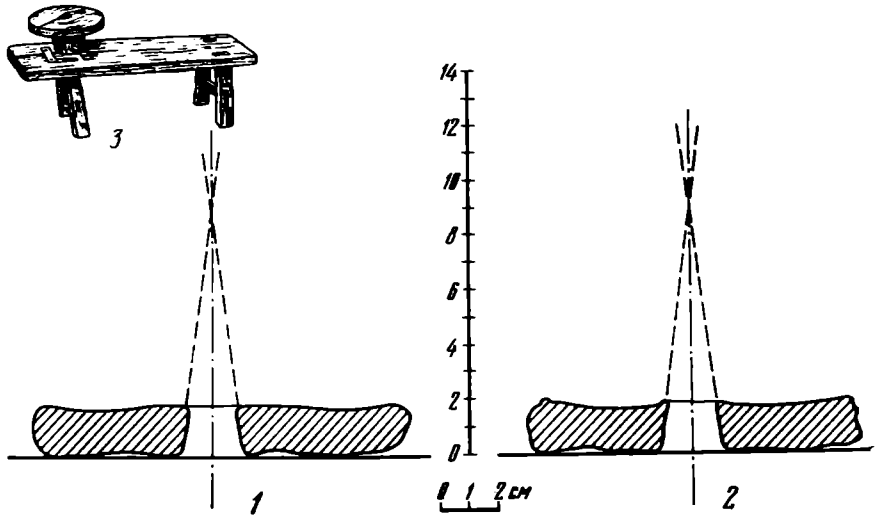


Рис. 4. Схема определения высоты рабочей части оси гончарного круга по наклону боковых стенок центрального отверстия в диске: *1* – археологический образец; *2* – этнографический образец; *3* – общий вид гончарного круга, использованного в опытах по моделированию глиняного диска (дер. Глазачево, Дмитровского р-на Московской обл. Материалы Комплексного отряда по изучению гончарства)

Отмеченные особенности вращения, а также детали устройства самого механизма позволяют определить его как инструмент, специально предназначенный для выполнения центрированного вращения, т. е. гончарный круг.

В истории восточноевропейского гончарного производства лесной и лесостепной зоны основным материалом для изготовления гончарных кругов служило дерево. Из него делались и основания, и оси, и все другие детали орудий. Этот материал вплоть до XIX в. применяется здесь для сооружения самых различных по своей конструкции гончарных кругов [12]. По-видимому, и гончарный круг, оставивший следы трения на прокладочной шайбе из глины, был деревянным.

При осмотре центрального отверстия диска замечено, что там, где оно заметно расширяется, по краю образовался наплыв глины (рис. 3, *1*). Он мог возникнуть только в процессе моделирования диска. Исходя из того, что на стенках самого отверстия отсутствуют признаки вращения диска после обжига, а само оно имеет коническую форму и наплыв глины, продолжающей эту форму, возникло предположение, что диск моделировался непосредственно вокруг основания оси круга. Справедливость предположения удалось выяснить опытным путем. В лабораторных условиях мы воспроизвели схему изготовления глиняного диска вокруг оси круга, использовав для этого один из имеющихся образцов ручного круга. Начерно смоделировав форму в руках, мы проткнули глиняную лепешку осью и опустили ее на основание круга. После этого уравняли верхнюю плоскость путем вращения круга, а когда глина немного окреп-

[12] *А. А. Бобринский.* К истории гончарного ремесла в Полесье. СА, 1966, 4, стр. 148.

ла, сняли диск с оси для просушки и обжига. В результате получили глиняный образец прокладочной шайбы, который характеризуется теми же внешними признаками, что и археологическая находка шайбы из раскопок городища Лысая Гора: на нижней стороне сохранились такие же неровности от ручной лепки, а вокруг отверстия образовался небольшой наплыв глины. Все это указывает на сходство условий моделирования обоих дисков.

Ось этнографического образца гончарного круга имела коническую форму, и эти ее особенности хорошо отобразились в наклоне стенок цен-

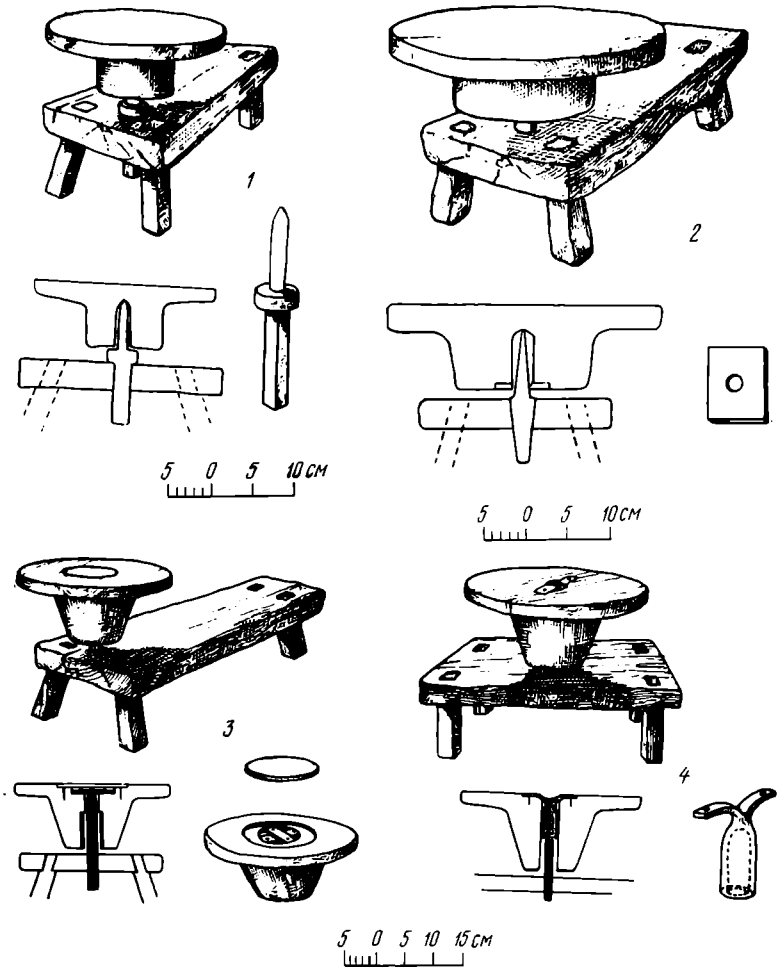


Рис. 5. Этнографические образцы гончарных кругов с грибовидными рабочими дисками, характеризующие различные способы предохранения их от протирания (лесная зона Восточной Европы)

трального отверстия опытного экземпляра (рис. 4). Зная особенности наклона такой оси у ее основания, нетрудно выяснить и общую длину рабочей части оси. Для этого достаточно продолжить линию наклона до пересечения ее с осевой линией. Проделав столь несложную процедуру, выяснили, что верхняя (опорная) точка оси круга, от которого до нас дошла только эта глиняная деталь, находилась на расстоянии около 7—8 *см* от поверхности прокладочной шайбы (рис. 4, *1*). Следовательно, общая длина рабочей части оси круга равнялась примерно 9—10 *см* (7—8 *см* плюс около 2 *см* — толщина диска). Аналогичные измерения, произведенные по экспериментальному образцу шайбы, и сравнение их с реальной высотой оси круга показали, что таким путем действительно можно уста-

новить приближенно общую длину рабочей части конусовидной оси (рис. 4).

Конечно в какой-то мере случайным является то обстоятельство, что и экспериментальный образец круга, и тот, который мы восстанавливаем по особенностям глиняной шайбы, оказались примерно с равными по длине осями. Но совершенно не случайно отмеченное удаление точки опоры вращающейся части круга от основания, сочетающееся с подложенной под нее глиняной шайбой.

Дело в том, что практическое назначение этой шайбы можно понять только в том случае, если допустить, что она выполняла одну простую, но весьма полезную функцию — предохраняла протирание рабочего диска круга, вращавшегося на оси, или же, что кажется более вероятным, являлась деталью, связанной с ремонтом уже протершегося диска круга. А такой конструктивный дефект свойствен только одному типу ручных гончарных кругов — орудиям с грибовидной формой рабочего диска. Судя по данным этнографии, эти орудия под давлением вращающейся массы круга довольно быстро (в течение нескольких лет) протираются насквозь, после чего их приходится ремонтировать. Современные гончары устраняют дефект различными способами. Одни из них делают оси с плечиками, на которые диск круга частично опирается при вращении (рис. 5, *1*), другие помещают в опорной точке круга металлический наконечник с лункой для конца оси (рис. 5, *3, 4*), третьи для уменьшения трения делают ось меньшего диаметра, чем отверстие для нее в рабочем диске, а для устранения колебаний с нижней стороны диска приделывают деревянную шайбу с отверстием, необходимым для свободного вращения вокруг оси (рис. 5, *2*).

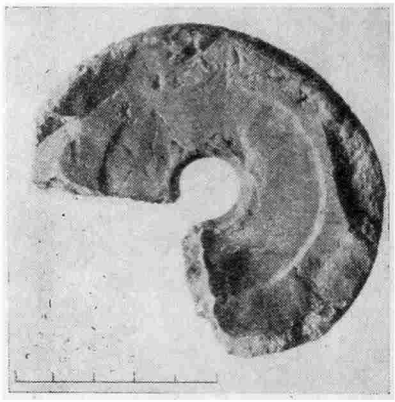


Рис. 6. Образец глиняной шайбы из раскопок в Новгороде в 1954 г.

Одним из приемов устранения конструктивного дефекта таких орудий с грибовидным диском является и глиняная шайба.

По этнографическим данным с территории Восточной Европы нам не известно использование подобных прокладочных шайб из глины в гончарном производстве. Но еще в средние века этот материал кое-где применялся для подобных целей. В Новгороде, например, одна из таких шайб со следами трения была обнаружена при раскопках на Неревском конце города в слое XI—XII вв. (рис. 6).

Таким образом, мы приходим к выводу, что обнаруженные при раскопках городища Лысая Гора глиняные детали являются частью ручных кругов с грибовидной формой рабочего диска (рис. 7).

Но можно ли определенным образом датировать эту находку, а следовательно, и сам гончарный круг с такой формой рабочего диска? Городище имеет два горизонта культурного слоя. Нижний относится к раннему железному веку. Он содержит остатки скифской или скифообразной культуры Посеймья (сосуды с проколами и «жемчужинами», небольшое число обломков лощеных мисок) и многочисленные материалы юхновской культуры. Последние представлены, как и на городище Кузина Гора, посудой бондарихинского — раннеюхновского облика и более поздней тонкостенной юхновской посудой, а также другими остатками, типичными для памятников этой культуры (глиняными «хлебцами» и яйцевидными блоками, «рогатыми кирпичами» и т. д.). В целом нижний горизонт культурного слоя городища предварительно можно датировать с VI по IV в. до н. э. Верхний горизонт содержит материалы роменской

культуры. Кроме того, на городище встречены единичные обломки от зарубинецких лощеных мисок, нижняя часть лощеного каннелированного сосуда, напоминающего кельтскую керамику, и один обломок от красно-лаковой посуды.

К какому же горизонту культурного слоя относятся находки глиняных дисков? Казалось бы, что наиболее вероятной следует считать их связь с верхним горизонтом, содержащим материалы роменской археологической культуры, когда гончарный круг начинает широко применяться не только для лепки, но и заглаживания поверхностей керамики.

Однако детальный анализ навыков составления глиняной массы, применявшихся роменскими гончарами, показал, что они совершенно не со-

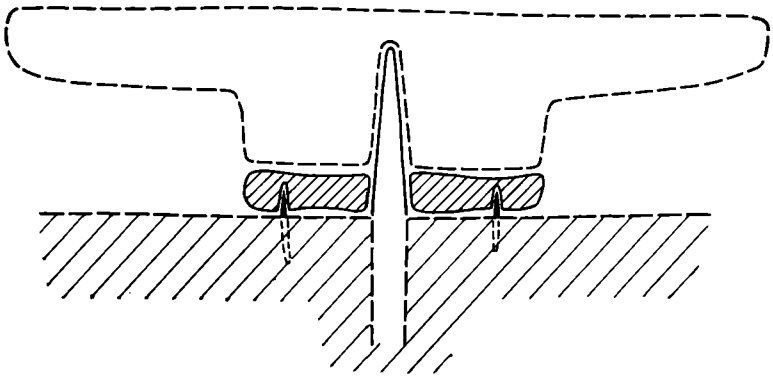


Рис. 7. Предполагаемая схема гончарного круга с грибовидным рабочим диском, применявшегося юхновскими гончарами

впадают с особенностями рецептуры глиняной массы, использованной при изготовлении глиняных дисков. Местная роменская керамика, как и на многих других памятниках этой культуры, содержит в глине примеси шамота, обычно крупного и содержавшегося в большой концентрации (примерно одна часть шамота на две или три части глины). Глиняные же диски не имеют ни мелкого, ни крупного шамота. Как удалось выяснить в результате микроскопического осмотра поверхностей и изломов, в составе непластических примесей здесь имеются окатанные зерна песка в малой концентрации (по-видимому, естественного спутника использованной залежи глины), а также редкие обломки известковых включений, вступающих в характерную реакцию с соляной кислотой. Судя по малой концентрации известковых включений, они также являются естественной примесью. Но в глиняной массе диска оказалась и искусственно введенная добавка. Она представлена органическими включениями растительного происхождения, состоявшими в основном из измельченных кусочков травянистых или злаковых растений. Подобная примесь, хотя и в различных концентрациях, отмечена только для одной группы керамики городища Лысая Гора, а именно юхновской тонкостенной посуды.

Все эти обстоятельства позволяют заключить, что находки глиняных дисков могут быть связаны только с материалами, относящимися к юхновской археологической культуре.

Мы уже отмечали, что время перехода от грубых толстостенных сосудов к тонкостенным в рамках истории юхновской культуры Посеймья может быть отнесено к V—IV вв. до н. э.[13] Возможно, что своими новыми свойствами (тонкостенностью, хорошей заглаженностью, удивитель-

[13] Датирующие материалы с городища Лысая Гора — глазчатая голубая бусина, отпечатки подвесок на литейных формах и другие вещи — относятся именно к этому времени.

ной симметричностью форм) такая юхновская посуда этого времени обязана применению принципиально нового инструмента для ее изготовления — гончарного круга. Во всяком случае, находки сосудов с отпечатками от оси гончарного круга на днищах, а также обнаруженные на одном из памятников юхновской культуры глиняные детали гончарного круга ясно указывают на знакомство с этим орудием местного населения Верхнего Поднепровья в эпоху раннего железного века.

Вряд ли можно думать, что гончарный круг был изобретен юхновскими гончарами. Скорее всего он проник в Посеймье через посредство населения степной и лесостепной зоны Поднепровья из центров античного гончарства Северного Причерноморья, где это орудие, как и в районах античной культуры Средиземноморья, было широко известно.

О связях юхновских племен с античными центрами ярче всего свидетельствуют именно материалы Курского Посеймья. Здесь неоднократно найдены не только обломки античных амфор, но и фрагменты чернолаковой, а позже и краснолаковой посуды.

Греческие гончары на кругах с грибовидной формой рабочего диска создавали совершенные сосуды различных форм. Юхновские мастера, начавшие лишь осваивать полезные качества этого инструмента, ограничивались его применением как поворотного столика, облегчавшего ручную лепку и заглаживание посуды.

A. A. Bobrinski, O. N. Melnikovskaia

LE TOUR DE POTIER CHEZ LES PORTEURS DE LA CULTURE DE YOUKHNOVO

Résumé

Les savants ont fait remarquer que les ustensiles appartenant au groupe le plus ancien de la culture de Youkhnovo (région de la Séïm) présentent des différences notables par rapport aux ustensiles de la période suivante (à partir du Ve s. av.n.è.); ils sont plus symétriques, leur paroi est plus mince, et ils ont de très fines impuretés. L'étude comparée de ces deux groupes d'ustensiles a montré que sur le fond des récipients du groupe récent il existe parfois des marques en creux ou en relief. Sur l'emplacement du goroditché de Lyssaïa Gora ont été également trouvés deux disques d'argile portant des éraflures produites par une rotation horizontale sur une des surfaces. L'examen microscopique de la structure de ces objets a prouvé qu'ils appartenaient indiscutablement à la culture de Youkhnovo, et qu'ils étaient absolument identiques à la vaisselle de Youkhnovo appartenant à la période qui débute au Ve s. av.n. ère. Les paralèles archéologiques et ethnographiques permettent d'établir que ces disques, en corrélation avec les marques laissées sur le fond des vases, étaient des détails du mécanisme d'un primitif tour de potier, dont l'idée avait été empruntée par les artisans de Youkhnovo probablement à la suite de rapports commerciaux avec les villes antiques du littoral nord de la mer Noire.

А. И. РОМАНЧУК

ЧЕРЕПИЦЫ СО ЗНАКАМИ ИЗ РАСКОПОК НА МАНГУПЕ

Во время раскопок средневековых городов Крыма часты находки черепиц со знаками. В настоящее время опубликована большая коллекция знаков на черепицах Херсонеса (до некоторой степени эта публикация является эталоном при изучении материалов из других районов) [1], известны знаки на черепице из таких городов горного Крыма, как Эски-Кермен [2], Бакла [3], Мангуп [4], но по-прежнему находки черепиц со знаками вызывают интерес исследователей [5].

Знаки на черепицах представляют большой интерес прежде всего с точки зрения изучения организации гончарного ремесла и его масштабов, выявления как общих, так и отличительных черт техники производства отдельных керамических центров. В то же время знаки являются ценным датирующим материалом.

Настоящая публикация посвящена знакам на черепицах, найденных при раскопках мангупской базилики экспедицией Уральского государственного университета. Привлечены также материалы экспедиции Крымского отдела Института археологии АН УССР [6].

В результате раскопок коллекция знаков на черепице значительно пополнилась. Необходимость новой публикации вызывается также тем, что во время издания материалов из раскопок 1938 г. не было дано полного описания знаков, в частности не всегда отмечена высота рельефа знака, не указана структура черепка [7]. Следует отметить и то, что опубликованные ранее знаки найдены в различных местах (базилика, дворец, пещерные комплексы) и относились к разным слоям, но стратиграфические наблюдения почти не учитывались. В целом все знаки были определены как раннесредневековые, исключением являются только несколько экземпляров, условия находки которых, судя по тексту отчета, не отличаются

---

[1] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, 17, 1950, стр. 124 сл.

[2] Там же, стр. 148, 149.

[3] *Д. Л. Талис.* Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища. СА, 1968, 2.

[4] *М. А. Тиханова.* Черепицы с метками из раскопок 1938 г. МИА, 34, 1953, стр. 430сл.

[5] *Е. А. Паршина.* Средневековые памятники на побережье от Голубого залива до Ялты. В кн.: «Археологические исследования на Украине в 1967 г.», вып. II. Киев, 1968, стр. 58; *ее же.* Средневековый храм в Ореанде. Там же, стр. 66; *ее же.* Средневековая керамика южной Таврики. В кн.: «Феодальная Таврика». Киев, 1974, стр. 77 сл.

[6] Отчеты о раскопках на Мангупе Крымского отдела Института археологии не опубликованы, поэтому приношу глубокую признательность руководителю этой экспедиции Е. В. Веймарну за предоставленную возможность использовать материалы и за помощь в работе над ними.

[7] *М. А. Тиханова.* Ук. соч., стр. 433, 434.

от остальных. Основанием для датировки послужили следующие признаки: высота рельефа знака и высота бортика соответствующих керамид.

Большинство описываемых в настоящей статье черепиц со знаками было найдено в 1973 г. в слое разрушения южной галереи базилики. Вся черепица принадлежала одной кровле, рухнувшей, вероятно, во время пожара в XIV—XV вв. Засыпь состояла из обломков черепицы, залегавших в несколько горизонтальных рядов, некоторые фрагменты лежали вертикально, заполняя промежутки между камнями, свалившимися со стен. Под самыми нижними обломками найдены остатки сгоревших деревянных конструкций здания, многие фрагменты из нижних рядов закопчены. Мощность слоя разрушения 0,54—0,55 *м*.

Выше слоя с описываемой черепицей лежал слой, образовавшийся после пожара. Он состоял из бутового камня, подтесанных блоков, перемешанных с землей. Встречались здесь и немногочисленные обломки черепицы. Скорее всего они попали сюда из слоя пожара во время перекопов при рытье могильных ям, когда южная галерея (так же, как и северная) была превращена в кладбище. Следует отметить, что слой разрушения и описанная выше стратиграфия сохранились на сравнительно небольшом участке восточного конца галереи.

По характеру теста все обломки черепицы членятся на три группы. К первой из них отнесены обломки керамид, черепок которых содержит большое количество дробин шамота. Размеры керамид колеблются в пределах 0,32—0,34×0,39—0,42 *м*. Профиль бортиков различный: треугольные, трапециевидные, высотой 2,0—2,5 *см*. Керамиды имеют водосливные валики высотой 0,4—0,6 *см* и сужение в нижней части, знаки выполнены в высоком рельефе (до 9 *мм*), широкой линией. Кроме керамид найдено небольшое количество калиптеров. Полные размеры калиптеров установить не удалось, толщина их 1,8—2,0 *см*, высота изгиба до 5—6 *см*.

Ко второй группе отнесены керамиды и калиптеры, тесто которых содержало незначительное количество дробин шамота. Черепок плотный, кирпично-красного цвета. По размеру, высоте и сечению бортиков черепицы не отличаются от керамид первой группы.

В третью группу выделены обломки черепиц, черепок которых в изломе выглядит пестрым из-за вкраплений белой глины [8]. Знаки на этих черепицах единичны.

Всего собрано 107 обломков керамид и калиптеров со знаками. Некоторые знаки на черепицах, найденных в слое пожара, являются вариантами известных по публикации 1938 г. К ним, в частности, относятся знаки в виде греческой буквы Λ, изданные под № 23, 42, 43 (МИА, 34, стр. 431). Все они были отнесены к раннесредневековому времени, несмотря на то что условия находки их различны. Так, один экземпляр знака № 23 найден в северной галерее базилики во время раскопок гробницы II, которая относится ко времени не ранее IX—X вв.; кроме того, в отчете указано, что гробница была потревожена в более поздний период (там же, стр. 374). Знаки № 42 и 44 (в одном экземпляре) встречены на участке раскопок крещальни в верхнем слое, где присутствовали разновременные находки (там же, стр. 377), еще один экземпляр знака № 44 происходит из пещерного комплекса № 5. Более подробного описания условий находки этого знака не приведено.

Условия залегания черепиц со знаками не позволяют определить время их бытования, поэтому трудно согласиться с определением их как раннесредневековых, тем более что черепицы со знаками, которые по характеру написания и высоте рельефа отнесены к данному типу, встречались в

---

[8] Смеси различных глин известны по этнографическим и археологическим материалам. См., например: *Э. В. Сайко.* История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1966, стр. 27.

Херсонесе и принадлежали кровлям зданий XI—XII вв.[9] Близкие знаки известны на черепицах из раскопок верхних слоев Эски-Кермена (МИА, 17, табл. 21, № 60, 61).

Таким образом, учитывая аналогии среди материалов из других мест Юго-Западного Крыма, данный тип знаков, найденных в 1938 г., следует датировать более поздним временем. Это предположение подтверждает серия знаков такого же вида из слоя пожара в южной галерее базилики Мангупа.

Здесь найдено 15 экз. черепиц со знаками, отличающимися друг от друга по характеру написания, размерам и незначительно по рельефу. Из них 7 экз. являются вариантами знака № 23 (МИА, 34, стр. 431). Кон-

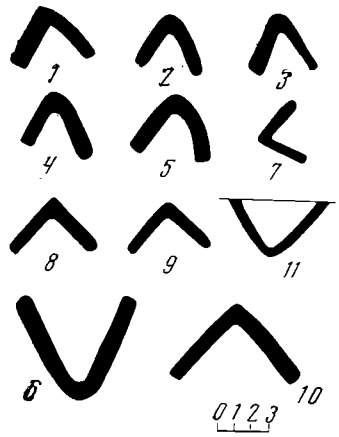


Рис. 1. Мангуп. Знаки на средневековых черепицах из раскопок слоя разрушения южной галереи базилики. Цифры на рисунках соответствуют номеру знака (рис. 2–7 – подпись та же)

туры знаков даны широкой линией (0,6—1,0 *см*) в виде полувалика, рельеф их от 0,4—0,5 до 0,6—0,7 и 0,9 *см*. Некоторые знаки четкие, другие имеют размытые очертания, возможно, вследствие использования старых матриц (рис. 1, *1, 2*). Два знака были сделаны в одной матрице (рис. 1, *4*), они имеют высокий рельеф (1 *см*) и четкие линии. Черепица с близким по размерам знаком (по публикации 1938 г. № 44) была сформована в изношенной матрице (рис. 1, *6*), высота рельефа 0,5—0,6 *см*. Знак расположен на расстоянии 7—8 *см* от нижнего края керамиды.

Другой вариант знака отличается от описанных: ножки буквы Λ соединяются почти под прямым углом, высота рельефа 0,6—0,7 *см* (рис. 1, *7—10*). Один такой знак расположен у верхнего бортика (рис. 1, *11*), высота его рельефа 0,5—0,6 *см*. Кроме описанных, найдено еще 3 экз. черепиц со знаками такого же типа, но сохранившихся не полностью. Следует отметить, что структура черепка всех обломков с данными знаками одинакова. Он плотный, с небольшими продольными лакунами, кирпично-красного цвета (вторая группа). Толщина черепицы 2,5—2,0 *см*.

Другой многочисленный тип знаков — в виде буквы В. В 1938 г. найдено 7 экз., относящихся к трем вариантам (МИА, 34, стр. 431, № 19—21). Из них № 19 и 20 датированы раннесредневековым временем. Знак № 21 был найден в верхнем слое засыпи северной галереи и отнесен к XI—XII вв. (там же, стр. 430). Во время раскопок южной галереи в 1973 г. найдено 11 экз. знаков данного вида, некоторые из них по размерам и ширине линий близки к № 19, 21, найденным в 1938 г. Все знаки размещены между водосливными валиками в верхней части керамиды на расстоянии 7—9 *см* от бокового бортика и почти на таком же

[9] *А. Л. Якобсон.* Ук. соч., стр. 133, табл. 10, № 153, 154.

от верхнего (рис. 2, *12—19*). Линия буквы средней ширины (0,5—0,7 *см*), высота рельефа 0,4—0,5 *см*.

В Херсонесе варианты таких знаков немногочисленны и большей частью не имеют определенного паспорта (МИА, 17, табл. 9, № 121—123). По характеру рельефа они датированы XI—XII вв. Подобные знаки происходят из верхних слоев Эски-Кермена (там же, табл. 20, № 43, 44), но последние несколько отличаются от наших. Более ранние знаки в виде

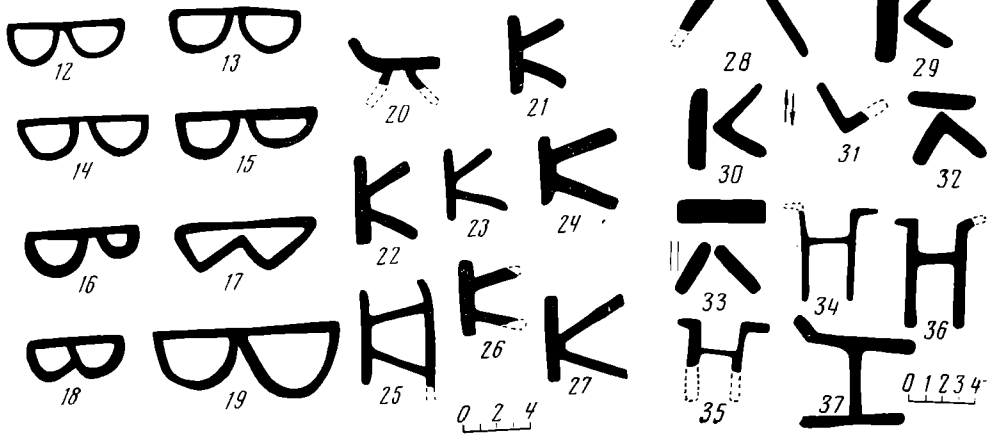


Рис. 2

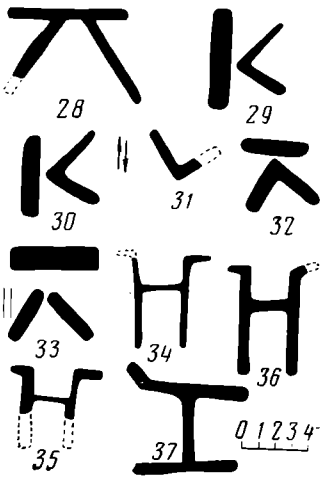


Рис. 3

буквы В дали раскопки в Восточном Крыму [10]. Поздняя дата черепиц со знаками этого вида, встреченных на средневековых памятниках Крыма, отсутствие принципиальных отличий между вариантами, считающимися разновременными, а также находка таких знаков на поздней кровле южной галереи позволяют предполагать, что все знаки на мангупской черепице в виде буквы В одновременны.

Следующий тип буквенных знаков в виде буквы л не имеет точных аналогий среди материалов 1938 г. Наиболее близок по написанию к № 29 (МИА, 34, табл. на стр. 431) только один (рис. 2, *20*), остальные 14 экз. представляют собой несколько вариантов (в 1938 г. было выявлено три варианта — № 28, 29, 34).

Пять экземпляров знаков можно объединить в один вариант. Две черепицы с таким знаком были сформованы в одной матрице (рис. 2, *21*); эти знаки имеют высокий четкий рельеф — 0,7—0,8 *см*. Знаки расположены на расстоянии 3 *см* от бокового бортика и около 11 *см* от верхнего. Боковые бортики керамид высокие (3,5—3,6 *см*), почти прямоугольные (рис. 8, *21*). Среди материалов из Херсонеса и Эски-Кермена полных аналогий нет.

По характеру написания близки к этому варианту два знака (рис. 2, *23*), выполненных менее толстой линией. Расстояние от верхнего бортика до знака 12,4 *см*, от бокового — 3 *см*. Боковой бортик трапециевидный (у основания его ширина 2,4 *см*, вверху — 1,2 *см*), высота — 3,6 *см*. Возможно, что черепицы с еще двумя аналогичными знаками выполнены в формах, принадлежавших той же мастерской (рис. 2, *24*), рельев знаков — 0,5—0,6 и 0,9 *см*.

Остальные 4 экз. не имеют близкого сходства между собой (рис. 2, *25—27*, рис. *3*, *28*). Бортик соответствующих керамид ниже — 2,6 *см*,

[10] *В. П. Бабенчиков.* Средневековые поселения близ села Планерское (Раскопки 1949—1951 гг.). КСИИМК, 49, 1953, стр. 113.

ширина у основания 3 *см*, вверху — 1,6—1,8 *см*, расстояние от бокового бортика до знака — 2,4; 4,0; 4,4 *см*. Рельеф знака, как правило, высокий — 0,6—0,8 *см*, только у одного (рис. 2, *26*) он ниже — 0,4 *см*.

Полных аналогий среди материалов Юго-Западного Крыма эти знаки не имеют [11], наиболее близки к ним херсонесские № 72, 83 (МИА, 17, табл. 7) позднесредневекового времени [12]. Правда, знаки на черепице из Мангупа, найденные в 1973 г., отличаются иным расположением буквы: ножки повернуты чаще всего к боковому бортику. Ориентация знака как на херсонесских черепицах встретилась только на одной керамиде, где буква расположена между водосливными валиками, спускающимися от самого верха керамиды (от верхнего бортика до знака 1,7 *см*) (рис. 3, *28*). По очертанию он похож на херсонесский № 77 (МИА, 17, табл. 7). Кроме описанных экземпляров встречен еще один сильно фрагментированный обломок.

Несколько знаков представляют собой варианты знаков на черепицах, найденных в 1938 г. (МИА, 34, стр. 431, № 16, 46), но ориентация их также иная. Два знака были оттиснуты в старых матрицах, о чем говорит нечеткий рельеф (рис. 3, *31*, *32*); высота его 0,7 *см*, расстояние от бокового бортика прямоугольной формы до ножек буквы 4—5 *см*, от верхнего — 10—11 *см*. Два целых экземпляра такого знака и три фрагмента являются вариантами найденного в 1938 г. (МИА, 34, табл. на стр. 431, № 16). Два из них были оттиснуты в одной матрице, в чем убеждает идентичность размеров. Высота рельефа этих пяти знаков 0,6—0,7 *см*. Черепица с такими знаками относится ко второй группе.

Знаки следующего типа найдены в количестве 15 экз. (рис. 3 и 4, *34—39*). Ранее они не были известны. Их можно разделить на два варианта. Первый вариант среди находок 1973 г. представлен четырьмя несколько отличающимися друг от друга экземплярами. Черепицы с такими знаками имеют трапециевидный бортик высотой в 2,3 *см*, расстояние от верхнего бортика до знака — 16 *см*, от бокового — 10—12 *см*, высота рельефа — 0,5—0,7 *см* (рис. 3, *34—36*).

Другой вариант отличается не только характером написания, но и ориентацией буквы (рис. 4, *37—39*). Таких знаков найдено 4 экз., два из них выполнены в одной матрице (рис. 3, *37*), один фрагмент сохранился с верхним бортиком, расстояние от которого до знака 12,4 *см*. Знак имеет средний рельеф — 0,5—0,6 *см*.

Кроме знаков этих двух вариантов встречались и другие знаки, которые можно присоединить к данному типу: они близки по характеру написания и форме букв к херсонесским № 129—134 (МИА, 17, табл. 9). Две керамиды с таким знаком были выполнены в одной матрице (рис. 4, *40*). Высота рельефа 0,6—0,7 *см*. Знак расположен на расстоянии 5 *см* от верхнего бортика. У двух других рельеф знаков слабее (0,3—0,4 *см*), один из обломков принадлежит калиптеру (рис. 4, *41*), знак расположен на расстоянии 6,7 *см* от края.

Менее многочисленны знаки в виде буквы Е; в 1973 г. их найдено всего 5 экз. (в 1938 г.— 2 экз.: МИА, 34, табл. на стр. 431, № 36). Эти знаки несколько напоминают херсонесские № 104, 105 (МИА, 17, табл. 8). Такие же знаки известны по раскопкам верхних слоев Эски-Кермена (там же, табл. 20 № 15). Знаки этого типа имеют различную ориентацию, размер и характер написания [13]. Черепок у керамид и калип-

[11] Буквенные знаки такого типа, но иной ориентации и вида встречались на черепицах VIII—IX вв. из раскопок сельских поселений. *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. МИА, 168, 1970, стр. 157—159.

[12] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, стр. 127.

[13] Эти признаки отличают черепицу Мангупа с такими знаками от находок на сельских поселениях Юго-Западного Крыма. Следует отметить, что последние не имеют абсолютных анологий среди материалов Мангупа, что вполне объяснимо различием времени бытования. Ср. наши знаки и опубликованные в МИА, 168, стр. 159, № 26—35.

теров плотный с мелкими включениями известковых частиц (вторая группа). Знак, как правило, помещен в верхней части черепицы (рис. 4, *42*, *44*), на калиптерах на расстоянии 7,4—9,0 *см* от края, высота рельефа 0,5—0,6 *см* (рис. 4, *43*).

Следующий тип в виде буквы Т (рис. 4, *47*, *48*) представлен 4 экз., являющимися вариантами знаков из раскопок 1938 г. (МИА, 34, стр. 431,

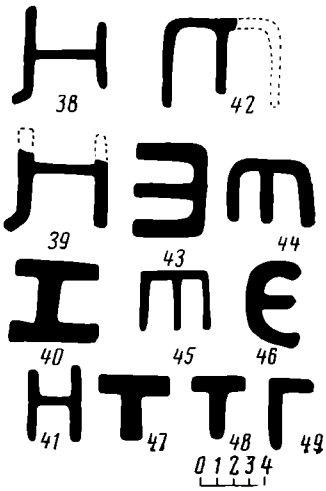


Рис. 4

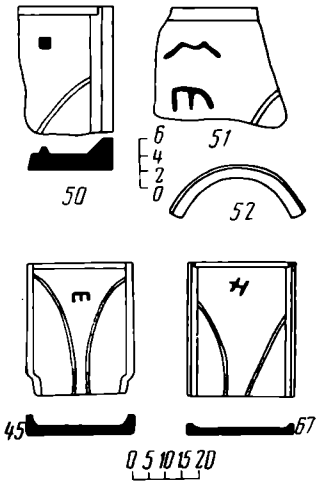


Рис. 5

№ 9, 39). Все знаки выполнены четкой широкой линией (0,9—1,1 *см*). Черепок керамид плотный (вторая группа). В 1938 г. было найдено 6 экз. знаков данного типа, бытование которых отнесено к раннесредневековому времени. Из них четыре встречены в засыпи и верхних слоях северной галереи базилики вместе с материалами XV в. (там же, стр. 433, 434), один экземпляр найден на участке β у трехъярусного погребения № 99, датируемого XII—XIII вв., и один в гробнице IX.

Два экземпляра знаков, оттиснутые в одной матрице, сохранились на очень небольших обломках керамид (рис. 4, *49*). Они представляют собой варианты метки на черепице, найденной в 1938 г. (там же, стр. 431, № 8) в количестве 2 экз. в северной галерее в верхнем и нижнем слоях [14].

На обломке керамиды, которую можно отнести к первой группе, сохранился знак в виде пирамидки высотой в 1,0 *см* (рис. 5, *50*). Знак расположен на расстоянии 2,8 *см* от верхнего бортика и 4,8 *см* от правого бокового бортика трапециевидного сечения высотой 2,0 *см*. Один экземпляр такого знака найден в 1938 г. в верхнем слое северной галереи (там же, стр. 430).

Четырьмя экземплярами представлен другой, уже известный тип знака в виде буквы М (там же, стр. 431, № 10, 11, 53), также считающийся раннесредневековым. На основании стратиграфических наблюдений при раскопках 1938 г. уточнить время бытования черепиц с таким знаком нельзя. Но в Херсонесе известны знаки в виде буквы М, обнаруженные в слое разрушения XIV в. (МИА, 17, табл. 9, № 139—144) [15]. Знаки, найденные в слое пожара в 1974 г. в южной галерее, выполнены четкой неширокой линией, высота рельефа 0,4—0,6 *см*. Один знак принадлежит калиптеру, помещен на расстоянии 4,0 *см* от края и 6,6 и 5,4 *см* от боковых краев (рис. 5, *52* и 6, *52*). Структура черепка

[14] Знаки в виде буквы Г встречены во время раскопок храма у с. Гончарное. *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 159, табл. III, № 24, 25.

[15] На Бакле такие знаки найдены среди материалов X—XI вв. *Д. Л. Талис.* Ук. соч., стр. 185, рис. 1, *10*.

керамид и калиптеров с таким знаком одинакова и принадлежит второй группе.

Новым является знак, представляющий сочетание букв М и Е (рис. 5, *51*). Он помещен в центре керамиды между водосливными валиками на расстоянии 2,4 *см* от верхнего бортика.

Хорошо известен по публикациям знак в виде пентограммы. В слое пожара южной галереи базилики найдено два варианта его, отличаю-

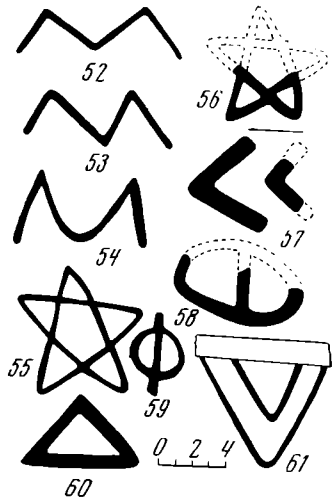


Рис. 6

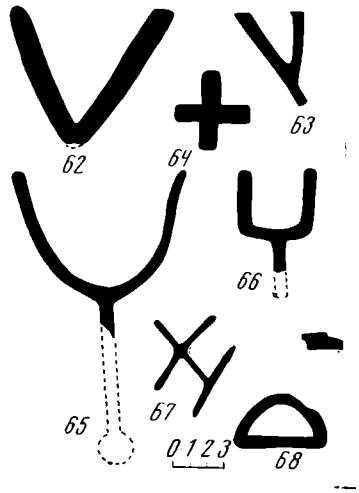


Рис. 7

щиеся шириной линии и незначительно размерами, высота рельефа 0,3 и 0,5 *см* (рис. 6, *55*, *56*). В 1938 г. в засыпи верхнего слоя участка γ встретилось два таких знака, выполненные тонкой линией (МИА, 34, стр. 431, № 33), датированы они XIV в. На памятниках средневекового Крыма находят пентограммы — граффити и знаки в слоях IX—X и XIV вв. [16]

Не встречалась нигде, кроме Мангупа, черепица со знаком в виде двух углов с параллельными сторонами (рис. 6, *57*). Ориентация фигуры вдоль продольной (материалы 1938 г.) или поперечной осей (материалы 1973 г.) керамиды. Высота рельефа 0,6 *см*, по структуре черепка относится ко второй группе.

В 1973 г. найдена черепица (1 экз.) со знаком в виде буквы θ (рис. 6, *58*, МИА, 34, стр. 431, № 6). Керамида с таким знаком относится к первой группе, где знаки встречаются вообще редко. Рельеф знака нечеткий, высота его 0,5—0,6 *см*. Возможно, при изготовлении керамиды была употреблена старая матрица.

Известен знак в виде буквы Ф на керамиде с плотным черепком (вторая группа). Высота рельефа — 0,3—0,4 *см* (рис. 6, *59*).

Знак в виде равнобедренного треугольника встречен в одном экземпляре (рис. 6, *60*), вариант его известен по раскопкам 1938 г. (там же, стр. 431, № 55).

Некоторые знаки, найденные в одном-двух экземплярах, судя по публикации 1938 г., ранее не встречались. Это знаки в виде высокой буквы Λ (рис. 7, *62*) размером до 8,5—9,0 *см*. Выполнены они широкой линией высотой до 0,8—0,9 *см*. Знак на двух обломках керамиды расположен у самого нижнего ее края и на одном — под верхним бортиком. Другой знак представляет собой два угла с параллельными сторонами (рис. 6, *61*),

[16] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 158, табл. II, № 9; *Н. В. Пятышева.* Изображение пентограммы как датирующий признак некоторых памятников Херсонеса. АДСВ, 10, 1973, стр. 218.

линии тонкие, рельеф низкий — 0,2—0,3 *см*. Знак помещен под верхним бортиком. Аналогично расположен другой знак (рис. 7, *63*), выполненный на черепице второй группы линией средней ширины; высота рельефа 0,6—0,7 *см*.

Обращают на себя внимание черепицы со знаком в виде креста (рис. 7, *64*). На Мангупе такие знаки ранее не встречались, они часты в позднесредневековых слоях Херсонеса (на участке раскопок 1931 и 1932 гг.), отнесены они на основании высоты рельефа к IX—X вв. (МИА, 17, № 274—280). Знаки в виде креста встречаются и в более позднее время как в Херсонесе [17], так и в других районах [18].

Новым для Мангупа является знак в виде большого двузубца (рис. 7, *65*). Похожий по форме знак обнаружен среди материалов XII в. в портовом районе Херсонеса [19], но он принадлежит ангобированной черепице с плотным черепком, керамида же мангупской базилики изготовлена из теста со значительными добавками шамота. Кроме того, знак на керамиде из Херсонеса выполнен очень тонкой линией, на мангупской — широкой; высота рельефа до 0,5 *см*. К другому виду знаков в виде двузубца можно отнести небольшой знак, расположенный в верхней части керамиды (рис. 7, *66*) между водосливными валиками, высота рельефа 0,5—0,6 *см*.

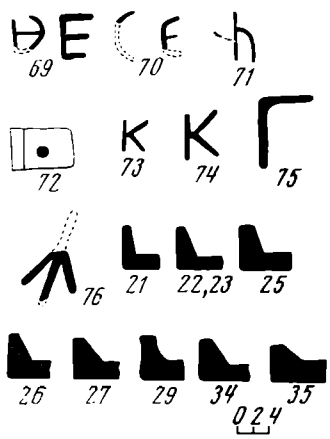


Рис. 8. Мангуп. Знаки на черепицах из раскопок 1968—1972 гг. на различных участках

Особо следует остановиться на двух знаках, принадлежащих керамидам, не имевшим сужения в нижней части. Во время раскопок около Ореанды керамиды без сужения встречены на кровле храмика XII—XIV вв. По мнению исследователя этого памятника, сужение в нижней части керамид не является датирующим признаком [20]. Черепок таких керамид из мангупской базилики отличается значительным содержанием в тесте шамота (первая группа). Размеры одной такой керамиды 38,8×41,4 *см*; бортик трапециевидной формы высотой 1,4 *см*. Знак расположен в верхней части, выполнен неширокой линией высотой 0,4—0,5 *см* (рис. 7, *67*). Другая керамида такой формы имела близкие размеры, но знак в виде полукруга (высота рельефа 0,3—0,4 *см*) расположен на расстоянии 4,2 *см* от нижнего края и 7,3 *см* от левого бокового бортика (рис. 7, *68*).

Кроме описанных керамид и калиптеров, принадлежавших кровле южной галереи базилики, в 1973 г. было выявлено еще девять обломков со знаками, восстановить которые не удалось, а в выкиде из раскопок Р. Х. Лепера было найдено пять черепиц со знаками (по публикации 1938 г. это № 24, 25, 47 и 2 экз. № 49 нашей нумерации).

Во время раскопок базилики в последние годы найдено довольно много черепиц со знаками, многие из которых повторяют описанные (см. таблицу). К сожалению, условия находок последних не содержат данных для их датировки. Так, в верхнем слое засыпи южной галереи было найдено несколько знаков, но в той же засыпи встречался разновременный материал XII—XIII и XVI вв.

---

[17] В портовом районе Херсонеса на кровле усадьбы XII в., погибшей в XIII в., было найдено девять таких знаков. *В. И. Кадеев.* Раскопки в «центре участка». АДСВ, 9, 1973, стр. 15.

[18] На кровле храма XII—XIV вв., раскопанного около Ялты, использованы керамиды с таким знаком. *Е. А. Паршина.* Средневековый храм в Ореанде, стр. 66. Знаки в виде креста на раннесредневековых керамидах имеют иное очертание. *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 157, табл. 1, № 19—24.

[19] *В. И. Кадеев.* Ук. соч., стр. 15.

[20] *Е. А. Паршина.* Средневековый храм в Ореанде, стр. 68, рис. 2.

В земле, являющейся скорее всего выкидом при раскопках Р. Х. Лепера в 1970 г., найдено девять черепиц со знаками. Интерес вызывает знак в виде сочетания букв θ и Е (рис. 8, *69*) [21]. Возможно, сочетанием Е и С является знак на обломке керамиды (рис. 8, *70*). Во время раскопок нартекса встречен знак, представляющий собой один из вариантов двузубца (рис. 8, *71*) [22]. Несколько знаков найдено во время раскопок Е. В. Веймарна в 1968 г. (таблица).

Встречались знаки на черепицах, найденных и на других участках раскопок: на восточном краю городища, в траншее II (знак в виде пентограммы), в погребении 16 (знак в виде буквы К, рис. 8, *74*); в тарапане (знак в виде двузубца — вариант знака из раскопок 1938 г., МИА, 34, № 1 и наш № 66), а также знак, похожий на херсонесский № 316 (МИА, 17, табл. 1).

Основное количество черепиц со знаками имеют плотный черепок яркого кирпично-красного цвета с небольшими лакунами (тип. II). На основании подсчета обломков углов керамид (верхних и нижних) можно предполагать, что на сохранившемся участке слоя разрушения в южной галерее базилики было использовано около 100 черепиц, из них 92 имели знаки. Значительно меньше знаков встречено на черепицах, в тесте которых имелись примеси шамота (тип. I). Они использовались одновременно с керамидами второй группы. Подсчет обломков показывает, что здесь находилось около 60 таких черепиц, из них со знаками всего 6. Следует отметить, что подобный черепок имеют керамиды из Херсонеса, найденные в позднесредневековых слоях [23]. Кроме этих двух типов встречались обломки керамид с плотным черепком и многочисленными белыми точечными включениями (около 18% всех найденных). Фрагментов калиптеров встречено сравнительно немного, возможно, их использовали только на коньке кровли. Обращает внимание такой факт: некоторые знаки на черепице из раскопок на Мангупе, несмотря на отличия в размерах, форме, расположении их на поле черепицы, имеют видовую близость находкам со знаками на черепицах из раскопок в других местах Юго-Западного Крыма.

В целом керамический материал из слоя пожара относится ко времени не ранее XIII—XIV вв. Это незначительное число обломков ангобированных амфор с бугристой поверхностью [24], желобчатые грушевидные амфоры с ручками, поднимающимися над горлом [25], обломки столовой поливной посуды с орнаментом врезной линией. Материала ранее XII—XIV вв. в засыпи слоев, образовавшихся в результате разрушения здания, не обнаружено. Исключение составляет черепица, изготовление которой, судя по аналогиям из хорошо датированных комплексов и исходя из стратиграфических наблюдений, следует отнести к XI—XII вв. Погибла южная галерея во время пожара, возможно, в XIV—XV вв. После пожара эту часть здания не восстанавливали, используя в качестве некрополя.

Строительство обеих галерей, скорее всего, производилось одновременно или отделено незначительным промежутком времени. Поэтому при сооружении кровли был использован идентичный материал, о чем позволяют судить знаки на черепицах из раскопок 1938 г.

Поскольку здание до пожара существовало значительное время, кровля на некоторых ее участках ремонтировалась, поэтому встречены и бо-

[21] Ср. знак из раскопок у с. Поляны. *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 158, № 10.

[22] Раскопки Н. И. Барминой. Материал хранится в фондах Бахчисарайского музея под шифром М-70, № 28, 41, 42, 52, 58, 144, 135, 273, 431.

[23] Сводный отчет о раскопках объединенной экспедиции в Херсонесе в 1963—1964 гг. АДСВ, 7, 1971, стр. 11.

[24] *И. А. Антонова, В. Н. Даниленко, Л. П. Ивашута и др.* Средневековые амфоры Херсонеса. АДСВ, 7, 1971, стр. 95.

[25] Там же, стр. 94.

Знаки на черепицах из раскопок 1938–1973 гг. на Мангупе

Номер знака	Номер по публикации 1938 г.	Группа черепицы	Кол-во знаков из раскопок 1973 г.	Знаки из раскопок на других участках, 1968—1973 гг.	Аналогии	Время бытования
1–11	23, 44	II	15	Базилика, кв. 9, 1970 г. – 2 экз., южный неф, 1972 г. – 1 экз.	Херсонес, № 153, 154; Эски-Кермен, № 61 (табл. 21), МИА, 17	XI–XII вв., верхний слой
12–19	19, 20, 21	II	11	Южный неф, 1972 г. – 1 экз.	Херсонес, № 121–123; Эски-Кермен, 1936 г., № 43, 44; 1937 г., № 45, там же	То же
20–28	29	II	15	Базилика, выкид раскопок Р. Х. Лепера, 1970 г. – 2 экз.	Херсонес, № 72, 77, 83; Бобровка, № 6, МИА, 168, табл. 1	XI–XII вв. VIII–IX вв.
29–33	16, 42, 44	II	7	Внешняя сторона абсиды, 1968 г. – 1 экз.	Эски-Кермен, 1936 г., № 9, 19, 60; 1937 г., № 14, МИА, 17	Верхний слой
34–41	–	I	2	Центральный неф, гробница, 1968 г. – 1 экз.	Херсонес, № 129–134, там же	XI–XII вв.
42–46	36	II	5		Херсонес, № 104, 105; Эски-Кермен, 1936 г., № 15, там же	XI–XII вв., верхний слой
47, 48	9, 39	II	4	Южная галерея, дерновый слой, 1972 г. – 1 экз.	Херсонес, № 180, там же	XIII–XIV вв.
49	7, 8, 40	II	2	Там же 1972 г. – 2 экз.	Гончарное, № 24, 25, МИА, 168, стр. 159	VIII–IX вв.
50	30	I	1			
51	–	II	4			
52–54	10, 11, 53	II	4		Херсонес, № 144, МИА, 17 Эски-Кермен, 1937 г., № 63; там же Гончарное, № 51, 52, МИА, 168, табл. III	XI–XII вв. Верхний слой VIII–IX вв.
55, 56	38	II	2	Базилика, кв. 10, 1970 г. – 1 экз.	Херсонес, № 307, 308, МИА, 17 Пампук-Кая, № 9, МИА, 168, стр, 158	XIII–XIV вв. VIII–IX вв.

Продолжение

Номер знака	Номер по публикации 1938 г.	Группа черепицы	Кол-во знаков из раскопок 1973 г.	Знаки из раскопок на других участках, 1968—1973 гг.	Аналогии	Время бытования
57	13	II	1			
58	6	I	1	Базилика, кв. 10, 1970 г. – 1 экз., южный неф, 1972 г. – 1 экз.	Херсонес, № 165, МИА, 17 Гончарное, № 43–46, МИА, 168	XIII–XIV вв. VIII–IX вв.
60	55	II	1			
61	–	II	1		Херсонес, № 148, МИА, 17	Без паспорта
62	–	II	3		Эски-Кермен, 1937 г., № 39, там же	Верхний слой
63	25	II	1		Херсонес, № 152, 195; там же Эски-Кермен, 1936 № 58, там же	XI–XII вв., верхний слой
64	–	II	1		Херсонес, № 279, 280, там же	
65	–	I	1		Херсонес, портовый район	XII–XIII вв.,
66	1, 2	II	1	Восточная часть городища, тарапан, 1968 г. – 1 экз., базилика, южный неф, 1972 г. – 1 экз.	Херсонес, № 258, 260, там же Эски-Кермен, 1936 г., № 13, 1937 г., № 17, 43, там же Гончарное, № 15–17, МИА, 168	раннесредневековый VIII–IX вв.
67	–	I	1		Ореанда	XII–XIII вв.
68	–	II	1	Базилика, выкид раскопок Р. Х. Лепера, 1970 г. – 1 экз.	Херсонес, № 189, 191 (часть знака), МИА, 17	Возможно, IX–X вв.
69	3, 4			Там же, 1 экз.	Эски-Кермен, 1936 г., № 45, 1937 г., № 37 там же	
70	–			Там же, 1 экз.		
71	–			Там же, 1 экз.	Эски-Кермен, 1936 г., № 67, 68, там же	
72	49			Базилика, северный неф, кв. 10, 1970 г. – 1 экз.		
73, 74	–			Нартекс, южная половина, квадрат 10, 1970 г. – 1 экз.; восточная часть городища, погребение 16, 1968 г.– 1 экз.	Херсонес, № 69, 70 там же	После X в.
75	7, 8			Внешняя сторона центральной абсиды, 1968 г. – 1 экз.	Херсонес, № 146, 147, там же	Без паспорта, IX–X вв.
76	–			Восточная часть городища, тарапан 1968 г. – 1 экз.	Бобровка, № 10, МИА, 168	VIII–IX вв.
77	56			Базилика, кв. 12, 1970 г. – 1 экз.		

лее поздние знаки, но они немногочисленны. К числу черепиц, использованных для ремонта, относятся керамиды с пентограммой. Но каков был объем ремонтных работ, в настоящее время судить трудно, ибо кровля, вернее, слой ее разрушения сохранился не полностью, а некоторых знаков, встреченных ранее, во время раскопок 1973 г. не обнаружено. Можно предполагать, что часть керамид со знаками была изготовлена ранее, чем основная масса черепицы галерей, и была вторично использована во время строительства южной галереи. Но к числу таких более ранних черепиц со знаками предположительно можно отнести лишь единичные экземпляры. Однако проверить это предположение можно только в процессе изучения других памятников средневекового Мангупа.

A. I. Romantchouk

LES TUILES MARQUEES TROUVEES DANS LES FOUILLES DE MANGOUPE

Résumé

Au cours des fouilles de Mangoupe, exécutées de 1968 à 1973 par l'expédition de l'Université de l'Oural et la section criméenne de l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de l'Ukraine, on a recueilli une grande quantité de tuiles portant des marques en relief. La plupart proviennent de la couche formée par les débris du toit de la galerie sud de la basilique. Outre les tuiles, on y rencontre d'autres objets de céramique des XIIIe et XIVe siècles, ce qui permet de supposer que l'incendie ayant détruit la basilique a eu lieu justement à cette époque. Si l'on en juge par des marques analogues qu'on remarque sur des tuiles provenant d'autres régions du sud — ouest de la Crimée, la galerie sud a été construite au XIe ou XIIe siècle. C'est précisément à ce moment là qu'a été produite la plus grande quantité de solenes et de kalyptères, dont une partie fabriquée à une époque antérieure avait été réemployée.

В. Н. БЕЛИЦЕР

МОРДОВСКИЕ СЮЛГАМЫ

Археология и этнография — две исторические дисциплины, тесно связанные между собой. Обращение к более ранним культурам позволяет этнографии в известной степени осветить историю вещей, эволюцию их форм и те этнокультурные связи, которые в них отразились.

Богатый материал по этому вопросу дают не только бытовые предметы, но и предметы личного убранства, украшения, как, например, нагрудные фибулы мордвы, так называемые сюлгамы. Прослеживая изменения в технике их производства, форме и материале на протяжении ряда столетий, мы можем составить представление о расцвете и падении общей культуры, вкусах народа, иноземных влияниях. Так, например, наличие готских вещей в финских памятниках указывает на соприкосновение с готскими племенами, а наличие финских украшений в славянских памятниках, и наоборот, свидетельствует о взаимных контактах этих племен [1].

Массовый этнографический материал по сюлгамам, относящийся к XVIII — началу XX в. дополняет выводы археологов. Он наглядно свидетельствует о тех изменениях, которые произошли в технике производства сюлгам, их форме и материале (распространение литых изделий, смена старинных монет более поздними, близкими к нашему времени, замена металлических подвесок разноцветными стеклянными бусами, бисером, лентами и подвесками из шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных ниток).

Сюлгама — пряжка, брошка была обязательной принадлежностью женского традиционного костюма мордвы. Она являлась не только украшением, но играла и практическую роль. Ею скрепляли грудной вырез рубахи.

Подобное, типично финское, украшение было широко распространено на территории Восточной Европы у народов Поволжья — мари, удмуртов, отчасти чувашей, а также у народов Прибалтики — эстонцев, латышей, литовцев.

Простейшая форма сюлгамы — кольцо диаметром 1,5—2 *см*, согнутое из медной проволоки, с подвижной булавкой, часто встречаемая в могильниках I и II тысячелетий н. э., продолжала сохраняться у мордвы в своем традиционном виде и в этнографических материалах XVIII—XX вв.

В XVIII в. подобные маленькие сюлгамы служили украшениями и нашивались в большом количестве на грудь рубахи [2]. В XIX в. и первой половине XX в. пожилые эрзянки и мокшанки скрепляли ворот своих рубах такими же маленькими кольцевыми сюлгамами (рис. 1, *1*).

---

[1] *В. Гольмстен.* Хронологическое значение эволюции древних форм. Изв. Самарского гос. ун-та, вып. 5. Самара, 1923, стр. 7.

[2] *П. С. Паллас.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. ч. I. СПб., 1809, табл. III, *1, 2.*

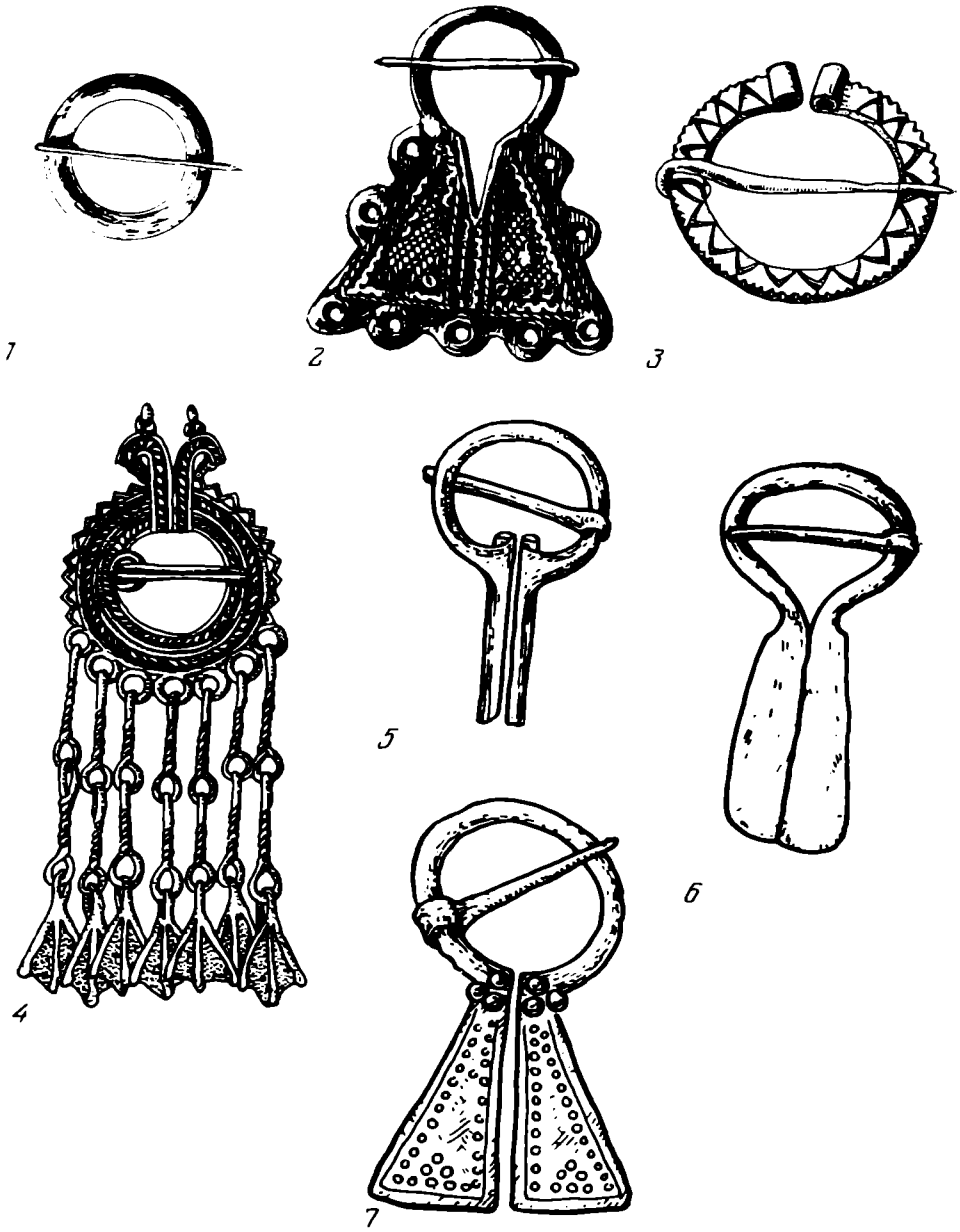


Рис. 1. *1* — кольцевая сюлгама (с. Низовка, Ардатовский район МАССР; *2* — сюлгама мордвы мокши (с. Мордовские Юнки, Торбеевский р-н МАССР); *3* — сюлгама (*А. П. Смирнов.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, М., 1952, табл. XXV, *5*, стр. 120); *4* — шумящее украшение (*А. П. Смирнов.* Там же, табл. XXIX, *2*, стр. 126); 5 — застежка с «усами» (*А. Е. Алихова.* Перемчалкинский могильник. Археологический сборник, I. Саранск, 1948, стр. 206); *6* — сюлгама с лопастями (*А. Е. Алихова.* Старосотенский могильник. Там же, стр. 252); *7* — сюлгама с зернью (*А. Е. Алихова, М. Ф. Жиганов, П. Д. Степанов.* Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск 1959, стр. 83)

Наряду с этой простейшей формой сюлгамы, бытовавшей как у эрзи, так и у мокши, отчетливо выделяются две группы сюлгам. Одна характерна для эрзи, другая для мокши. В каждой из этих групп в свою очередь имеются свои локальные разновидности.

Анализ этнографических материалов позволяет утверждать, что для эрзи была типична кольцевая сюлгама — «сюлгамо», которая представляла собой овал из медной проволоки с незамкнутыми концами. Иногда, чтобы придать проволоке вид перевитой, на ней делали насечки. Незамкнутые концы у одних сюлгам были завернуты в небольшие спирали-

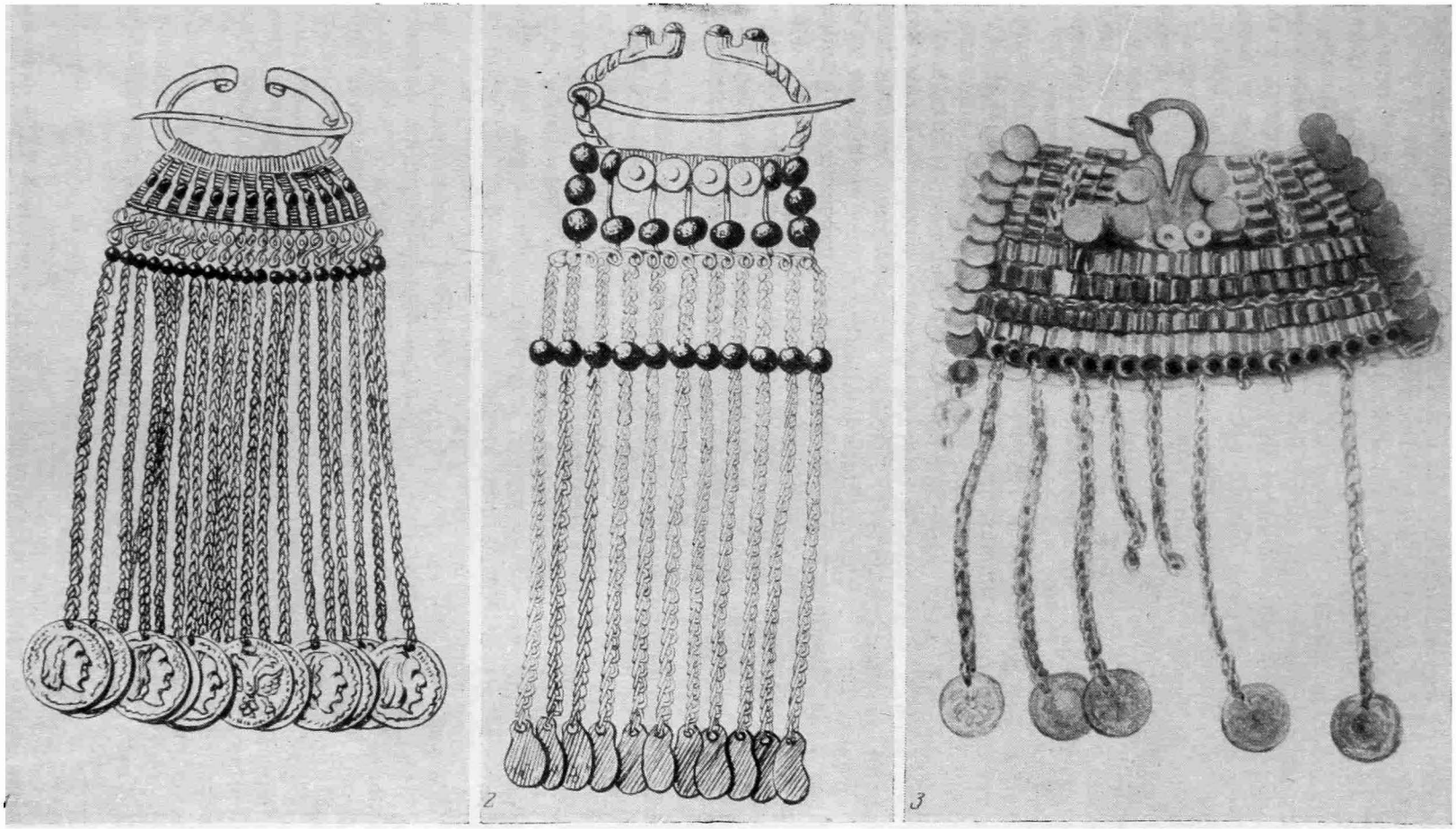


Рис. 2. *1—2* — сюлгамы мордвы-эрзи (*A. Heikel.* Trachten und Muster der Mordvinen, Helsingrofs, 1899, табл. CXI, рис. 1, 3); *3* — типичная сюлгама мордвы-мокши с подвесками (с. Колопино, Краснослободский р-н МАССР)

смотрящие в разные стороны (рис. 2, *1*), у других — расплющены и на них припаяны ободки, в которые вставлены глазки из цветного стекла или бусин, по большей части красного цвета (рис. 2, *2*). Таких глазков было обычно по одному или по два с каждой стороны. На овале имелась подвижная булавка, которая и служила собственно заколкой.

К нижней стороне овала прикреплялись на проволоке чаще всего ряды мелких пуговиц, которые чередовались с рядами крупных красных бусин. Далее шла обычно бахрома из медных цепочек с жетонами или бубенчиками на концах. На некоторых, более поздних, сюлгамах медные цепочки чередовались с нитками цветных (красных, черных и зеленых) бус; иногда же вся бахрома состояла только из бус и бисера. По бокам украшения прикреплялись белые раковины — каури. Красный цвет бисера и белые раковины хорошо гармонировали с красной вышивкой эрзянского костюма.

Эрзянские сюлгамы были различны по величине. Большие имели диаметр кольца 9—10 *см*, а длина их подвесок доходила до 20 *см*. У малых сюлгам диаметр кольца не превышал 5 *см*, а длина бахромы была не более 6—7 *см*.

Из локальных вариантов к группе сюлгам эрзянского типа следует отнести также сюлгаму мордвы-эрзи Теньгушевского района МАССР, которая, будучи кольцевой сюлгамой, имела ряд своеобразных черт и отличалась от вышеописанной типичной эрзянской сюлгамы. Называлась она «суркс сюлгамо», т. е. кольцевая сюлгама, русские, а иногда и сама мордва называли ее также «сустуг» [3]. Основу ее составлял медный неправильной формы овал с плотно нанизанными на него кольцами самого различного вида. На некоторых сюлгамах кроме подвижной булавки в середине овала оставались усы — два тонких медных стержня с загнутыми в разные стороны концами. От овала вниз обычно спускались подвески из белых раковин каури, пуговиц и медных цепочек длиной 10—12 *см* с жетонами на концах. Общая длина украшения составляла 15—20 *см*.

К типу эрзянских кольцевых сюлгам относится также «сустуг» мордвы-терюхан [4]. Он состоял из медного кольца с припаянными четырьмя, а иногда и шестью глазками из красного стекла. На нижнюю часть кольца прикрепляли медные пуговицы. Далее шла сетка из проволоки в форме неправильного треугольника с нанизанными красными и зелеными бусинами. Ряды бус чередовались с рядами маленьких колец, припаянных друг к другу. Далее шли подвески из тех же бус, цепочек и жетонов. Длина подвесок не превышала 15—17 *см*, а общая длина украшения достигала 23—25 *см*. Встречались «сустуги» несколько меньшего размера и совсем маленькие. Однако все они были однотипны по способу изготовления, форме и общему виду, различаясь лишь в деталях [5].

Сюлгамы мокшанок были более разнообразны, чем эрзянок. Наряду с общераспространенным названием украшения «сюлгам» нами зафиксированы в 1960 г. на территории МАССР и такие термины, как «кирмыш» (Старошайговский район, села Вертелим и Старая Теризморга) и «щюрхне» (Ковылкинский район, села Волганино и Старое Дракино; Инсарский район, села Шадымо Рыскино и Кочетовка).

Будучи по своему назначению теми же нагрудными пряжками, близкими по общему виду к эрзянским, они сохраняли в то же время только присущее им своеобразие. Основанием мокшанской сюлгамы служил мед-

---

[3] Сустуг — пряжка на груди женских мордовских рубах. См. *В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка, IV. М., 1955, стр. 364.

[4] Группа мордвы, жившая в Нижегородском уезде, к середине XX в. окончательно слившаяся с окружающим русским населением.

[5] Рисунки кольцевой сюлгамы мордвы — эрзи и «сустуга» мордвы-терюхан см. в книге В. Н. Белицер (*В. Н. Белицер*. Народная одежда мордвы. М., 1973, стр. 112, рис. 2, *3*).

ный треугольник с кольцом и подвижной булавкой. Размеры сторон треугольника и его высота колебались от 2,5 до 4,5 *см*.

На более ранних сюлгамах, относящихся к XVIII и первой половине XIX в., встречались два прямоугольных треугольника, расположенные рядом, с узким просветом между ними, а иногда сросшиеся между собой. Там, где кольцо соединялось с треугольником, имелся небольшой треугольный или овальный вырез, так называемый «воротничок». Лицевая сторона литого медного треугольника украшалась простым геометрическим орнаментом, состоящим из кружков, точек, спиралек и косых линий. По сторонам треугольника имелись колечки для подвесок (рис. 1, *2*).

В XIX — начале XX в. у мокши была широко распространена сюлгама из черного или синего и белого стекляруса, укрепленного на проволоке вокруг треугольника, по боковым сторонам прикреплялись монеты и раковины каури, а снизу располагались подвески из цепочек с монетами на концах. Иногда по краям металлической сетки с раковинами чередовались медные бубенчики, а сверху сетки нашивались белые фарфоровые и медные пуговицы. Форма мокшанской сюлгамы приближалась к трапеции. Средние по размеру сюлгамы имели в длину 12—15, а в ширину 7—8 *см*. Длина же подвесок достигала 11—12 *см*. Следует отметить, что сюлгамы мокшанок, так же как указанные выше сюлгамы эрзянок, хорошо гармонировали с вышивкой на женской рубахе, в которой преобладали не красные, как у эрзи, а черные и синие тона (рис. 2, *3*).

Сюлгамы мордвы-мокши, расселенной на территории современного Зубово-Полянского района МАССР, так же как и женский костюм этого района, имели ряд своеобразных черт, и их можно отнести к одному из локальных вариантов мокшанской сюлгамы. Основу их составлял довольно крупный (с основанием 4—6 *см*) литой равнобедренный треугольник («сюлгам кучка») с маленьким кольцом и булавкой. На треугольнике обычно имелся орнамент из точек, кружков и зигзагов. Треугольник был окружен рамкой шириной 2—3 *см* из разноцветных бусин (на старинных экземплярах) или бисера (на более новых), выложенных обычно орнаментом в виде ромбов, квадратов, крючков и других простых геометрических фигур, встречающихся также и в вышивке. По краям сюлгамы шла кайма из серебряных или медных монет, жетонов или бубенчиков. Форма сюлгам Зубово-Полянского варианта, как и других мокшанских сюлгам, приближалась к трапеции, а размер их колебался — 6—7×12—14 *см*. Они выделялись среди других сюлгам своим разноцветным бисером, который соответствовал более яркой и многоцветной вышивке на рубахах молодых женщин; кроме того, они не имели подвесок (рис. 3, *1*).

В южной части Зубово-Полянского района МАССР и в пограничных районах Пензенской области, где имеются мокшанские поселения, встречались сюлгамы, сделанные из серебряных монет различной величины, прикрепленных рядами на куске сукна, жести или кожи. Они не имели подвесок, но форма трапеции и медный треугольник в качестве основания продолжали сохраняться. Эти сюлгамы напоминали отчасти чувашские и татарские нагрудные украшения (рис. 3, *2*), состоящие из серебряных монет [6]. Возможно, что традиция делать сюлгамы из монет возникла под влиянием соседнего татарского населения, которое живет поблизости от г. Наровчата (Мокши) — старого центра Золотой Орды [7].

Своеобразный вариант мокшанской сюлгамы мы встречаем также у самой южной группы мокшанского населения, живущей на территории

---

[6] Наиболее близкие аналогии среди чувашских украшений см. в кн.: *Н. И. Воробьев, А. Н. Львов, Н. Р. Романов, А. Р. Симонов.* Чуваши. Чебоксары 1956, стр. 321, 324 рис. 156, 157, 160. Девичье нагрудное украшение «шулкеме» и женское нагрудное украшение верховых и низовых чувашей «сурпан акки». Татарские нагрудные украшения из монет см. в книге: *Н. И. Воробьев.* Казанские татары. Казань, 1953, стр. 284, рис. 101.

[7] *В. Лебедев.* Загадочный город Мокши. Пенза, 1958.

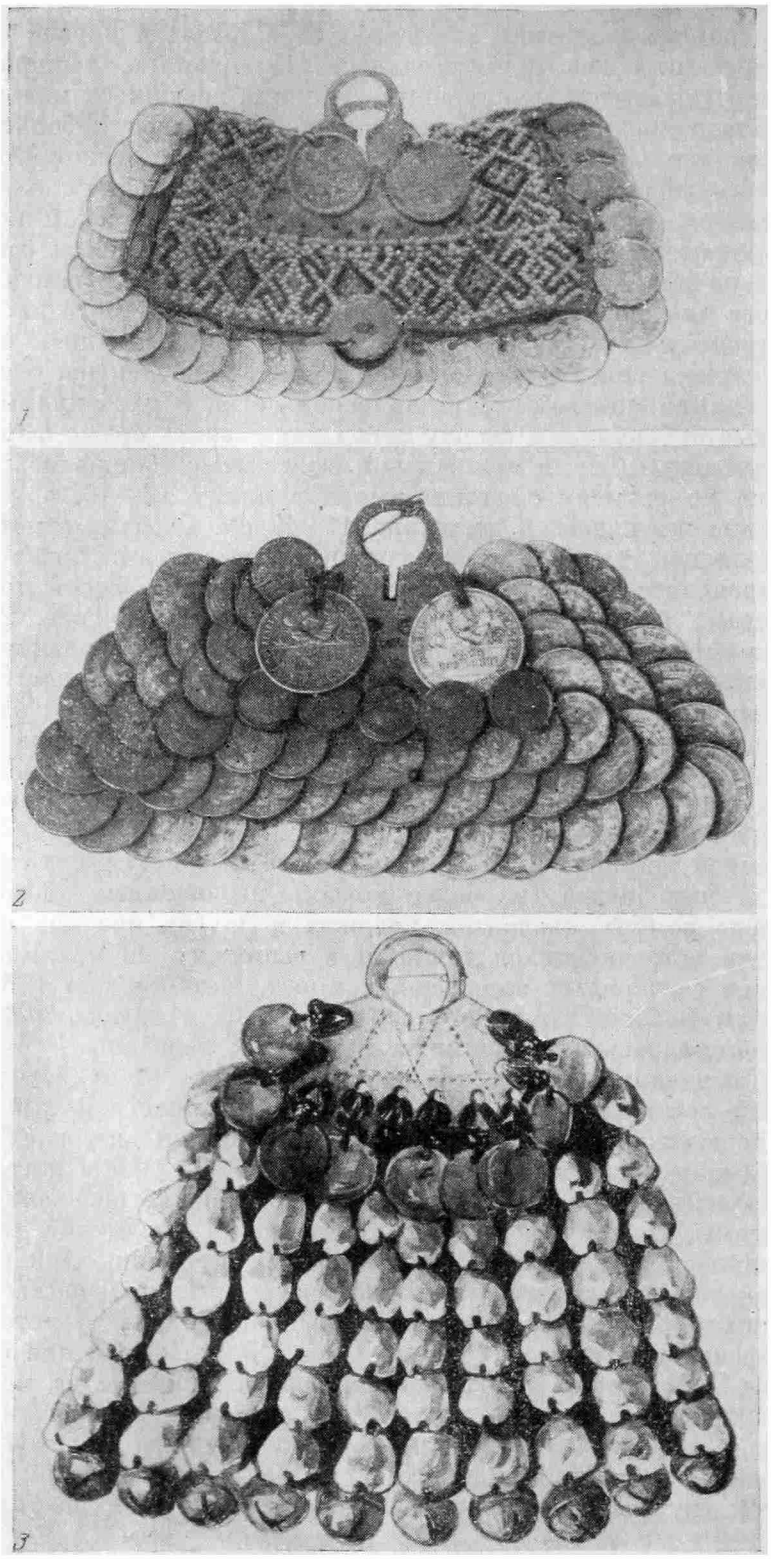


Рис. 3. *1* — сюлгама мордвы-мокши из бисера (с. Журавкино, Зубово-Полянский р-н МАССР); *2* — сюлгама мордвы-мокши из монет (с. Новое Бадиково, Зубово-Полянский р-н МАССР); *3* — сюлгама мордвы-мокши из раковин (с. Пичевка, Белинский р-н Пензенской области)

Белинского района Пензенской области. У мокшанок этого района сюлгама по величине была наиболее крупной (17×20 *см*). Она состояла из медного треугольника с прикрепленным к нему куском войлока или толстой черной ткани, на который были нашиты ряды белых раковин каури, широко распространенных в качестве украшения у мордвы. К нижнему краю ткани прикреплялись бубенчики, а треугольник окаймляли жетоны и бусины (рис. 3, *3*).

Все разновидности вышеописанных мокшанских сюлгам можно отнести к одному типу. Однако в некоторых мокшанских селениях на юге современной МАССР в XIX и первой половине XX в встречались кольцевые сюлгамы, хотя и не похожие на сюлгамы мордвы-эрзи.

В Инсарском (с. Кочетовка) и Рузавском (с. Сузгарье) районах МАССР они были известны под названием «щюрхне-сюлгама» и представляли собой маленькую кольцевую сюлгаму или незамкнутый овал, концы которого завернуты в противоположные стороны. Это медное основание с подвижной булавкой было прикреплено к куску кожи, по форме напоминающему трапецию, от которого спускалась вниз бахрома из синих или голубых бус с поперечными рядами медных цепочек, а иногда и рядами медных пуговиц. Заканчивалось украшение обычно подвесками из более крупных бусин.

Сюлгама как необходимое украшение женского наряда входила в состав свадебного приданого. Наиболее дорогие и красивые сюлгамы изготовлялись именно к свадьбе. Делали их по заказу местные сельские мастера, как правило, женщины. Сюлгама исчезает, когда перестают носить традиционный женский костюм.В эрзянских районах Заволжья это произошло в самом начале XX в., в коренных эрзянских районах (современная территория Мордовской АССР) несколько позднее. У мордвы мокши традиционный костюм и украшения, в частности сюлгамы, бытовали значительно дольше, и по отдельным районам их можно было встретить еще в 50—60-х годах XX в.

Застежки-сюлгамы имеют длительную историю развития.

Различные виды сюлгам богато представлены в археологической литературе. Имеются и специальные работы, в которых сюлгамам уделено значительное место среди других археологических материалов: указываются их хронологические и племенные различия, дается типология и эволюция форм, делается попытка использовать сюлгамы в качестве исторического источника [8].

В. В. Гольмстен [9], анализируя различные виды сюлгам, преобладавших в ту или другую эпоху, приходит к выводу, что к постоянным формам следует отнести простую нагрудную пряжку в виде кольца, столь часто встречаемую в древних могильниках. Эта кольцевая пряжка при своем дальнейшем развитии усложняется, обрастает украшениями, испытывает упадок и, отступая на задний план, дает начало другим формам, которые развиваются у эрзи в одном направлении (в основе оставаясь кольцевой сюлгамой), в то время как у мокши получают несколько иное развитие; сама же пряжка не теряет своей первоначальной формы и продолжает бытовать у мордвы (как было сказано выше) до половины XX в.

В. В. Гольмстен, рассматривая эволюцию кольцевой сюлгамы, отмечает, что уже в могильниках III—VII вв. имеются плоские пряжки в

[8] *А. Е. Алихова.* Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. СА, 1958, 2; *В. Гольмстен.* Ук. соч.; *В М. Зубарева.* Средневековые археологические памятники — источник изучения истории мордвы. Сб. «Краеведение Мордовии». Саранск, 1973; *E. Laid.* Mordvalaste etnograafilised jappol muinasaegsed solid Sesti Rahva Muuseumi Aastaraamat II. Tartu, 1926; *И. М. Петербургский.* О классификации нагрудных блях мокшанского могильника. Сб. «Краеведение Мордовии». Саранск, 1973; *П. Д. Степанов.* К вопросу о происхождении мордовских племен — мокши и эрзи. Уч. зап. СГУ, XXII, Саратов, 1956.

[9] *В. Гольмстен.* Ук. соч., стр. 15.

форме кольца со спирально завернутыми концами, а также ее варианты — пряжки с круглым кольцом и пряжки из тонкой круглой штампованной пластинки (рис. 1, *3*). Эти простейшие формы кольцевой сюлгамы становятся в дальнейшем племенными показателями для мордвы-эрзи. Несколько позднее круглая плоская пряжка получает сквозные прорезы (VIII в.), а при своем дальнейшем развитии к XI в.— шумящие подвески и украшения в виде орнаментированных спиралей и парных конских головок (рис. 1, *4*).

В XV—XVIII вв. наблюдается упадок техники производства. Пряжки изготовляются литьем, шумящие подвески исчезают, появляется тип современной эрзянской сюлгамы в виде кольца с иглой и спирально завитыми концами или вставленными в них цветными стеклами, а также подвесками из бус и монет того времени [10].

Эволюция мокшанских сюлгам протекала несколько иначе. По мнению А. Е. Алиховой [11], племенные различия между эрзей и мокшей четко прослеживаются в археологических памятниках по набору украшений, и в частности по сюлгамам, уже в начале II тысячелетия н. э.

Несколько раньше, в конце I тысячелетия н. э., в могильниках наряду с пряжкой в форме кольца встречаются пряжки с удлиненными концами, которые образуют короткие, параллельно идущие трубочки (рис. 1, *5*).

В дальнейшем на протяжении первой половины II тысячелетия н. э. у одних сюлгам концы остаются в виде трубочек, у других вытягиваются, расплющиваются, становясь более массивными, приобретая вид лопастей (рис. 1, *6*), а затем треугольников, украшенных зернью и сканью (рис. 1, *7*). Они являются прототипом парных треугольников мокшанской этнографической сюлгамы, слившихся позднее в один, с подвесками из монет и бус.

Итак, этот небольшой пример из истории нагрудных пряжек свидетельствует о том, что племенные различия в сюлгамах, возникшие еще на рубеже I и II тысячелетий н. э., продолжали устойчиво сохраняться до последнего времени, пока сами украшения не исчезли из быта.

V. N. Belitzer

LES SIOULGAMAS DES MORDVINES

Résumé

Cet article est consacré à la typologie et aux variations de formes des sioulgamas des Mordvines. C'est ainsi que s'appelle une petite broche du genre fibule qui tout au long de plusieurs centaines d'années a fait partie du costume des femmes Mordvines. En se basant sur le matériel ethnographique, l'auteur donne une description des différents types de sioulgamas et en distingue deux principaux: les sioulgamas en forme d'anneaux, caractéristiques pour les Mordvines-Erzia et les sioulgamas dont la partie essentielle est un triangle de cuivre, typiques pour les Mokcha. Dans l'un et l'autre groupe, il existe des variétés locales; mais les principales caractéristiques se sont conservées de façon stable à partir du IXe ou Xe siècle jusqu'à nos jours. L'auteur étaie ses déductions par des preuves archéologiques, et en citant des analogies il tente de reconstituer l'évolution des formes, ainsi que les particularités propres à chaque tribu.

[10] *В. Гольмстен.* Там же, стр. 6, 9, 14.
[11] *А. Е. Алихова.* Ук. соч., стр. 70, 74—77.

К. М. БАЙПАКОВ

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ КАЗАХСТАНА

В последние годы благодаря усилиям историков, востоковедов и археологов все более отчетливо вырисовывается роль и значение позднесредневековых городов в истории сложения казахской народности и государственности. Опубликован свод источников, освещающих период XV—XVI вв., появились статьи, посвященные характеристике городов, их хозяйственному, военно-политическому значению [1].

Археологические исследования, масштабы которых увеличились вместе с организацией в 1971 г. Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, выявили группу ранее неизвестных позднесредневековых городищ, а также уточнили датировки уже знакомых памятников [2].

В итоге стало возможным конкретизировать местоположение ряда городов и кроме достаточно четко локализованных Сайрама, Сюткента, Отрара, Туркестана, Саурана, Сырнака, Дженда, Янгикенда и Сузака отождествить и другие упомянутые в источниках города с конкретными городищами в долинах Арыси, Сырдарьи и в предгорьях Каратау (рис. 1).

В среднем течении Арыси, согласно источникам, располагались два города. Наибольшей известностью пользовался Карасеман (Кара-Саман, Халадж-Карасман). Впервые о нем сообщает Низам ад-дин-Шами. Здесь в Карасемане в 1392 г. Тимур принимал послов Тохтамыша. В начале XV столетия город упоминается в связи с войной могольского хана Мухаммеда с Улугбеком. Один из отрядов моголов под началом Шах-Джехана осадил Сайрам и дошел до Кара-Самана, «места в окрестностях Отрара» [3]. В XVI в. Халадж-Карасман назван Хафизом Танышем в «Шарафнаме-йи Шахи» как укрепление, где была оставлена часть войска и обоз Абдаллах-хана во время его похода в глубь казахских степей в 1581—1582 гг.[4]

Кара-Саман отождествляется с городищем Караспан у с. Обручевка на Арыси. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич предложили датировку горо-

---

[1] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1970 (далее в тексте — МИКХ); *С. К. Ибрагимов.* «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 8, 1960, стр. 155—157; *его же.* Сочинение Масуда бен Османи Кухистани «Тарих-и Абулхайр-хани». Изв. АН КазССР, сер. истории, археологии и этнографии, 3, 1958, стр. 85—102; *его же.* «Шейбани-наме» Бенаи как источник по истории Казахстана XV в. Труды сектора востоковедения АН КазССР, 1, 1959, стр. 190—207; *К. А. Пищулина.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII вв. Сб. «Казахстан в XV—XVIII вв.». Алма-Ата, 1969, стр. 5—49.

[2] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 123—180.

[3] *В. В. Бартольд.* Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 1. М., 1964, стр. 93.

[4] МИКХ, стр. 269, 271, 280, 283.

дища в пределах IX—XIV вв.[5] Однако исследования последних лет позволили уточнить время жизни городища. Анализ подъемного материала с городища Караспан-тобе позволяет говорить об активной жизни здесь и в XV—XVI вв.[6], что согласуется с данными письменных источников.

Таким образом, уточненная датировка городища Караспан позволяет с еще большей убедительностью отождествить его с городом Кара-Саманом (Халадж-Карасманом).

На Арыси находился город Яганкент (Йаканкент). В свое время С. Л. Волин обратил внимание на отрывок из «Абдулла-намэ», где ука-

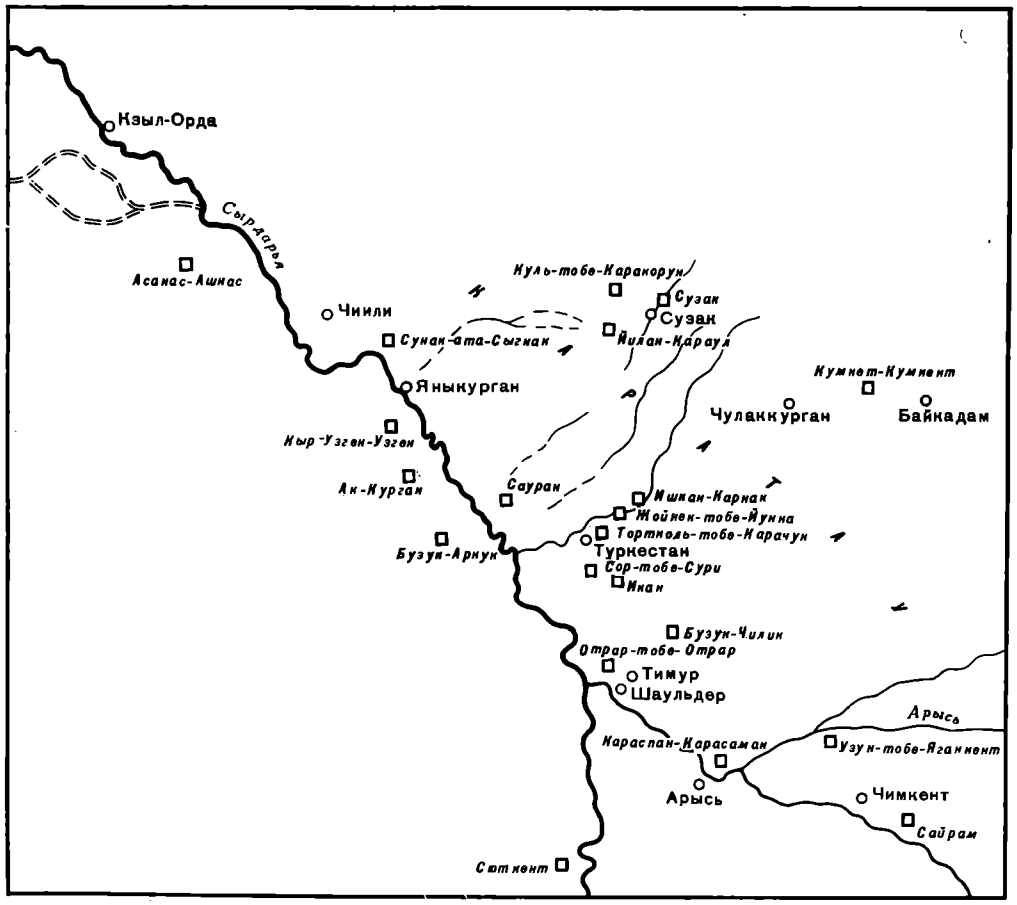


Рис. 1. Карта позднесредневековых городов

зывалось месторасположение города. Там написано, что в 1581 г. Абдаллах-хан во время своего похода, выступив из Сайрама, «...расположился лагерем на берегу реки Арс, в окрестностях Яганкента, в Кушулуше, реки Буралдай» [7]. В. П. Юдин переводит этот отрывок так: «расположился лагерем на берегу р. Арс в окрестностях Йаканкента, при впадении (в Арысь) реки Буралдай» [8].

---

[5] *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, 1958, стр. 107, 108.

[6] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Новое в средневековой археологии Казахстана. Сб. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 42.

[7] *С. Л. Волин.* Сведения арабских источников о долине р. Талас и смежных районах. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 8, 1960, стр. 81, прим. 51.

[8] *В. П. Юдин.* Рец.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. Изв. АН КазССР, серия обществ., 1968, № 1, стр. 65.

На правобережье Арыси, неподалеку от слияния с Боролдаем, наиболее поздняя керамика в подъемном материале встречена на городище Узун-тобе, расположенном на территории с. Чубаровка. Это высокий, подчетырехугольный в плане бугор, вытянутый с востока на запад на 200 *м* и с севера на юг на 100 *м*. Цитадель расположена в северо-западном углу, высота ее 15 *м*. Датируется городище Узун-тобе VII—XVI вв.[9] Эти данные позволяют локализовать Яганкент (Йаканкент) на месте городища Узун-тобе.

Крупным экономическим и политическим центром на юге Казахстана был Отрар. Неподалеку от него источники помещают сел. Чилик. Когда после смерти Тимура военачальники начали подготовленный поход, то дошли до сел. Чилик, расположенного в пяти фарсахах восточнее Отрара[10]. Название Чилик сохранилось в современной топонимике. Так называется населенный пункт, расположенный в 30 *км* северо-восточнее развалин Отрара.

Неподалеку от него находится городище Бузук-тобе (Ак-тобе). Центральные развалины его имеют вид овального в плане бугра протяженностью 300 *м* с востока на запад и 150 *м* с севера на юг.

Цитадель находилась в южной части. Это круглый холм с площадкой наверху. Диаметр ее 90, высота 13 *м*. Шахристан имеет высоту 6—7 *м*. Поверхность его почти плоская, и лишь в юго-восточной части прослеживаются два бугра — остатки монументальных построек. Въездов два: центральный в юго-западной стороне бугра и второй в юго-восточной. Оба въезда соединялись улицей. К центральному бугру примыкает неукрепленный рабад. Шурф, заложенный на шахристане городища, прорезал верхние слои на глубину 2,5 *м*. В шурфе удалось выявить остатки строительных конструкций. Керамика из шурфа датирует верхние слои городища XIII—XV вв.[11]

Следовательно, местонахождение Бузук-тобе, его датировка, а также сохранившийся до сих пор древний ойконим, свидетельствуют в пользу отождествления позднесредневекового селения Чилик с городищем Бозук-тобе.

Центром большого земледельческого округа был Яссы — Туркестан. Здесь, кроме достаточно четко отождествленных самого Туркестана и Икана, источники упоминают многочисленные селения вокруг. Среди них Карачук, Карнак, Йунка и Сури[12].

Селению Карнак, которое прославилось как место, где отливали казан для мавзолея Ахмеда Ясеви, соответствует позднесредневековое городище Ишкан в с. Атабай, в 25 *км* севернее Туркестана. Это село до недавнего времени носило название Карнак, сохранив, таким образом, имя древнего города[13]. Городище Ишкан датировалось исследователями XIII—XV вв.[14] Работами последних лет установлены другие хронологические рамки его жизни — XIII—XVIII вв. Поэтому отождествления Карнака с городищем в с. Чарнак, а городища Ишкан в свою очередь с Шагильджаном[15], предложенные Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем, не выдерживают критики. Ишкан не дает материалов раньше XIII в., которые обязательны для Шагильджана, упомянутого в X в., а Садык-Ата-тобе (Сейдак-Ата) в Чарнаке прекращает жизнь в X в.

Карачук и Йунка названы Хафизом Танышем в описании похода Абдаллах-хана. Оба селения были расположены в дне пути от Икана[16].

---

[9] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Новое в средневековой археологии..., стр. 8, 9.

[10] *В. В. Бартольд.* Ук. соч., стр. 72, прим. 74.

[11] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар, стр. 165—170.

[12] *К. А. Пищулина.* Ук. соч., стр. 20.

[13] *М. Е. Массон.* Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930, стр. 16.

[14] *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Ук. соч., стр. 102—104.

[15] Там же, стр. 104.

[16] МИКХ, стр. 269.

Карачук, кроме того, известен и в русских источниках XVII в. Он помещен в 5 верстах не доезжая Туркестана, на караванной дороге из Сибири в Туркестан [17]. Название Карачук сохранилось в имени речки Карачик. На берегах ее найдено и обследовано несколько городищ.

Поздний материал встречен на городище Тортколь-тобе II. Городище расположено на левом берегу р. Карачик, в 8 *км* от Туркестана, состоит из двух частей, разделенных промоиной шириной 20 *м*. Западная часть представляет прямоугольный плоский бугор высотой 4—5 *м*, окруженный со всех сторон оплывшей стеной высотой 5,5 *м*. На ней через каждые 25—30 *м* устроены башни, от которых сохранились всхолмления высотой 0,5 *м* над общим уровнем вала.

Северная стена городища равна 120 *м*, северо-западная 60, западная 130, южная 100 и восточная 120 *м*. Главный въезд в эту часть городища находился с северо-запада. Это впадина в стене, шириной 5 *м*. От въезда, под углом к западной и южной стенам, идут две улицы, вдоль которых группировались жилые постройки. От них сохранились плоские прямоугольные, квадратные и округлые в плане бугры. В 10 *м* юго-западнее расположен подтреугольный бугор со стороной 60 и высотой 2 *м*. Он покрыт кусками шлака, бракованной посудой, зольниками. Думается, что здесь ближе к реке располагались керамические мастерские. Восточная часть городища в значительной степени размыта р. Карачик. Полностью сохранились западная, южная и восточная стены. Размеры их равны соответственно 130, 125 и 200 *м*. По периметру городище укреплено валом. Особенно мощным был вал с восточной припольной стороны. Башни на нем устроены через каждые 10 *м*. Мощность культурного слоя, судя по срезу обрыва в северной части городища, составляет 4,5—5 *м* (рис. 2).

В керамике преобладают типы посуды, характерные для XV—XVIII вв. [8] Таким образом, отождествление Тортколь-тобе II и позднесредневекового Карачука не вызывает особых сомнений.

Городище, которое должно соответствовать сел. Йунка, согласно сообщению Хафиза Таныша, следует искать неподалеку от Карачука. Рядом с Тортколь-тобе II, в 7—8 *км* северо-восточнее, находится городище Жойнек-тобе (Додвен). Как явствует из названия городища, оно в несколько искаженном виде сохранило имя позднесредневекового города. Часть городища подмыта р. Ирменсай и обвалилась. В разрезе берега определяется толщина культурного слоя. Наибольшая мощность его достигает 10—12 *м*. Оставшаяся часть памятника представляет собой овальный бугор, наибольшая высота которого равна 10 *м*. Здесь находится круглая в плане площадка диаметром 15 *м*. Вся поверхность городища занята буграми, плоскими сверху и округлыми в плане. Вход прослеживается в середине южной стороны и представляет собой ложбину шириной 10 *м*. Размеры сторон бугра: юго-восточная 70, восточная 150 *м*. За пределами главного бугра городища видны следы застройки. Они тянутся вдоль реки на 200 *м*.

Керамика, собранная на поверхности городища, извлеченная из осыпей, из культурных наслоений, охватывает время с V—VIII по XVIII в.[19]

О Сури известно также по сведениям Хафиза Таныша. Здесь расположились войска Абдаллах-хана, которые до этого находились в Халадж-Карасмане. Они «пришли в Сури — подвластную Туркестану землю — и расположились здесь лагерем» [20]. Согласно переводу К. А. Пищулиной, Сури было селением [21].

---

[17] Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Л., 1932, стр. 262, 263.

[18] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар, стр. 175, 176.

[19] Там же, стр. 176, 177.

[20] МИКХ, стр. 283.

[21] *К. А. Пищулина.* Ук. соч., стр. 20.

Восточнее Туркестана находится городище Сор-тобе, которое следует отождествить с позднесредневековым Сури, тем более что городище дает материалы XVI—XVIII вв.

Из городов и селений левобережья Сырдарьи источники называют кроме Сюткента Куджан, Аркук, Ак-Курган и Узгент [22].

Куджан (Куган) впервые упоминается в связи с походом Абдаллах-хана в Дашт-и-Кипчак. По пути в Узгент отряды Абдаллах-хана последовательно прошли Куджан, Аркук, Ак-Курган [23].

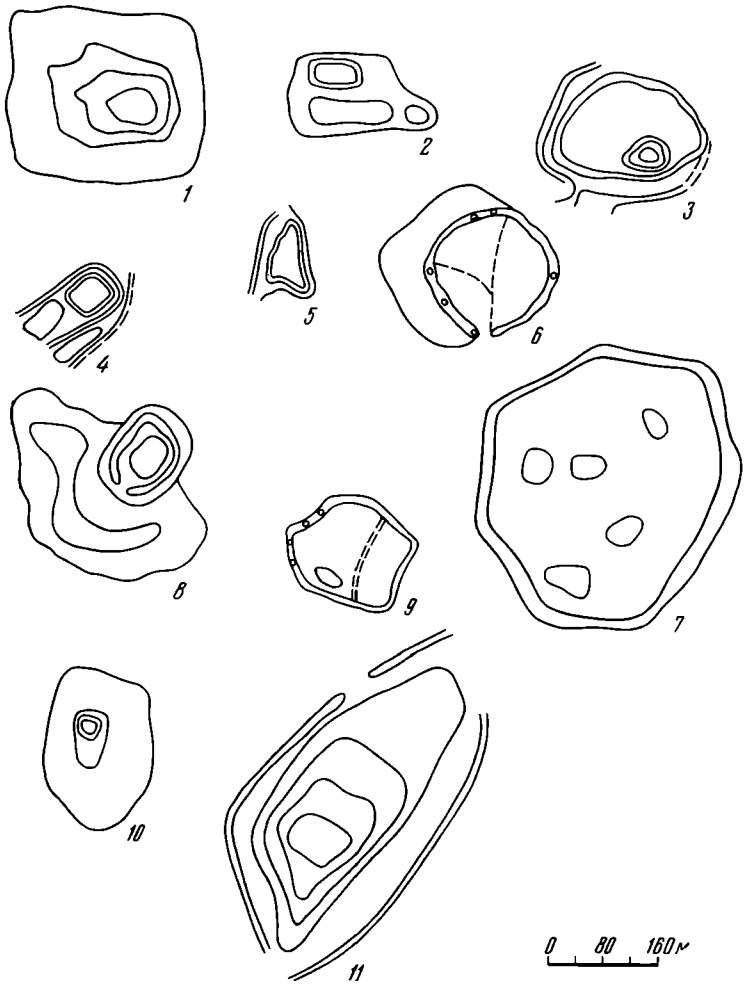


Рис. 2. Планы городищ. *1* — Караспан; *2* — Узун-тобе; *3* — Бузук-тобе (Ак-тобе); *4* — Ишкан; *5* — Жойнек-тобе; *6* — Кавган-Ата; *7* — Бузук; *8* — Ак-Курган; *9* — Кыр-Узгент; *10* — Куль-тобе; *11* — Кумкент

Куджану соответствует городище Кавган-Ата (Кауган-Ата). Характеристика топографии городища, приведенная в работах Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича, не соответствует действительности [24].

Городище Кавган-Ата находится на южной окраине пос. Балтакуль и представляет округлый в плане плоский бугор высотой 8—10 *м*. Диаметр его равен 160—170 *м*. По периметру городище окружено стеной, состоящей из сомкнутых под тупым углом отрезков.

---

[22] Впервые о группе городищ на левобережье Сырдарьи сообщил В. А. Каллаур (Древние города, крепости и курганы по реке Сыр-Дарье, в восточной части Перовского уезда. ПТКЛА, год 6. Ташкент, 1901, стр. 69—78).

[23] МИКХ, стр. 258, 259; *К. А. Пищулина.* Присырдарьинские города..., стр. 31.

[24] *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Ук. соч., стр. 125, 126.

В местах соединения отрезков располагались башни. Вокруг стены находится оплывший ров шириной до 10 и глубиной 2 *м*. Въезд внутрь городища устроен в нижней части стен. Улица, которая начинается прямо от въезда, делит территорию городища на две равные части. В центре городища от центральной улицы на запад отходит еще одна, отчетливо прослеживаемая в топографии улица. Вокруг центрального бугра видны следы застройки.

Керамика, собранная на поверхности городища, датируется XV—XVIII вв. Встречаются отдельные фрагменты и более раннего времени [25].

Город Аркук, названный в перечне населенных пунктов на Сырдарье вслед за Куджаном, характеризуется в источниках достаточно обстоятельно [26].

Первое упоминание о городе встречено во второй четверти XV в. в сочинении Масуда бен Османи Кухистани. Аркук наряду с Ак-Курганом и Узгентом упоминается как город, захваченный Абу-л-Хайром во время его похода на Сыгнак [27].

В начале XVI в. Аркук получил известность как стратегическая крепость и центр богатого экономического района; город смог снабдить фуражом и провиантом армию Мухаммеда Шейбани. Несмотря на то что дело происходило зимой, войско получило все необходимое. «...И это дело весьма диковинное,— замечает Рузбехан,— потому что если прохождение войска случилось бы через большую часть местности Мавераннахра, Хорасана, Ирана и Азербайджана, и оно потребовало бы провизию на один месяц, то, возможно, разорилось бы и погибло бы множество народу от наказаний, мучений при поисках хлеба. Войско не могло бы удовлетворить своих потребностей, а те местности лишились бы красоты, благоустройства и процветания, и даже долгое время спустя никто бы не посеял семян на пашнях ни в одном округе из округов» [28].

Во второй половине XVI в. Аркук упоминается как промежуточный пункт на караванной дороге, проходящей по левому берегу Сырдарьи. Известно также, что в окрестностях Аркука и Куджана формировались отряды Бузахар-Султана [29].

В свое время Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич отождествили с Аркуком городище Артык-Ата или Бозук-тобе, расположенные в урочище Ак-Куль [30]. Однако датировки, предложенные ими для этих памятников, оказались неточными. Артык-Ата доживает до XII в., а не до XIV в.; Бозук-тобе датируется на основании подъемного материала XIV—XVIII вв. Таким образом, средневековому Аркуку должно соответствовать городище Бозук-тобе.

За Аркуком вниз по Сырдарье источники XV—XVIII вв. помещают город Ак-Курган. В «Истории Абу-л-Хайр-хана» Масуд бен Осман Кухистани называет Ак-Курган в числе городов, добровольно сдавшихся Абу-л-Хайр-хану наряду с Сыгнаком, Сузаком и Аркуком [31]. У Хафиз Таныша Ак-Курган упоминается в связи с деятельностью шейбанида Баба-Султана [32].

Город известен и русским источникам. В «Книге Большому Чертежу» Аккурган-град помещен в 70 верстах от Яныкургана (Яны-Курган) и в 110 верстах от Сайряма (Сайрама) [33].

---

[25] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар, стр. 162—164.

[26] *К. А. Пищулина.* Ук. соч., стр. 24, 25.

[27] МИКХ, стр. 159.

[28] *Р. Джалилова.* К истории аграрных отношений в государстве Шейбани-хана в начале XVI в. ОНУ, 1963, 9, стр. 39.

[29] МИКХ, стр. 260, 261.

[30] *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Ук. соч., стр. 125—128.

[31] МИКХ, стр. 159.

[32] Там же, стр. 260.

[33] *А. И. Макшеев.* Географические сведения «Книги Большому Чертежу» о киргизских степях и Туркестанском крае. ЗРГО, т. VI, 1880, стр. 31.

Городище, сохранившее название города, расположено в 4 *км* от берега Сырдарьи. Это большой двухъярусный бугор трапециевидной формы, ориентированный сторонами по странам света. Наиболее высокая часть городища, размерами 150×110 *м*, возвышается на 6 *м* над общей поверхностью развалин. Эта часть городища, видимо цитадель, была укреплена стеной с башнями.

Вокруг возвышенной части расположены развалины в виде плоского, подчетырехугольного в плане бугра. Размеры его сторон: восточная 210, западная 240 и южная 230 *м*. Городище опоясано рвом. Датируется памятник на основании подъемного материала XIII—XVIII вв.[34]

Таким образом, отождествление Ак-Кургана с одноименными развалинами не вызывает сомнения.

Уверенно локализуется еще один левобережный город — Узгент. Он впервые упоминается вместе с Сыгнаком, Аркуко ми Ак-Курганом в числе городов, сдавшихся Абу-л-Хайр-хану. Затем город описывается в связи с началом деятельности Мухаммеда Шейбани-хана. Именно из Узгента выступил отряд Хамзы-бека после того, как Мухаммед Шейбани-хан занял Аркук. Отряд был разбит, а Узгент сдался без боя. Здесь был оставлен гарнизон в 20 человек во главе с Мухаммад-Тимуром.

Узгент славился своими укреплениями. Известен факт, когда город выдержал осаду четырехтысячного войска [35].

Затем Узгент упоминается Хафизом Танышем в событиях второй половины XVI в.[36]

Городище, которое называется Кыр-Узгент, представляет собой многоугольный бугор, окруженный по периметру стеной с круглыми башнями. Наибольшая протяженность бугра с севера на юг составляет 250—300 *м*. По периметру его идет стена с 15 башнями. Городище опоясано также рвом. Въезд расположен в восточной части. Центральная улица, которая начинается въездом, пересекает территорию и подходит к водохранилищу—хаузу, расположенному в западной части городской территории. Вокруг центрального бугра прослеживаются участки садов, остатки ирригационных сооружений. Датируется городище XIII—XVIII вв.[37]

На северных склонах Каратау крупнейшим городом был Сузак [38]. Развалины его находятся на территории одноименного села.

Рядом с Сузаком источники XV—XVI вв. помещают населенный пункт Кара-Курун. У Бенаи в «Шейбани-наме» описывается эпизод подготовки Бурундук-хана к военной кампании против узбеков: «Собрав пешие и конные войска из людей Сузака и окрестностей Кара-Куруна соединил [их в одно] большое войско» [39]. Есть мнение об отождествлении Кара-Куруна с местностью Кара-Куль [40]. Это, однако, не соответствует действительности, поскольку Кара-Кулем называлась местность и канал, выведенный из Сырдарьи вблизи Сыгнака, тогда как Кара-Курун находится на северных склонах Каратау. Поиски здесь привели к открытию городища Куль-тобе, расположенного в 25 *км* западнее Сузака в ущелье, носящем название Карагур.

Цитадель городища в плане имеет вид треугольника, окруженного стеной из плит камня. Размеры сторон соответственно равны: северная 30, западная 70, юго-западная 40, юго-восточная 60 и восточная 30 *м*.

Внутри поверхность цитадели плоская. На ней в южной части находится бугор диаметром 15 *м*. К цитадели с южной стороны примыкает

---

[34] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар, стр. 162.
[35] МИКХ, стр. 112, 113.
[36] Там же, стр. 260, 261.
[37] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар, стр. 160, 161.
[38] МИКХ, стр. 106.
[39] Там же, стр. 21.
[40] Там же, прим. 20 на стр. 509.

плоский бугор с подковообразным возвышением по краю. Протяженность его 35 *м*.

Цитадель расположена в центре шахристана, протяженность которого с севера на юг составляет около 200, с востока на запад 120 *м*. Со всех сторон площадка бугра шахристана, высота которого равна 5—6 *м*, окружена стеной, сложенной из сырцового кирпича и каменных плит. К ней по периметру пристроены прямоугольные постройки на каменных основаниях. Вокруг шахристана расположен рабад, границы которого точно установить не удалось. Следы построек, керамика встречаются по ущелью на расстоянии 2 *км* вниз и 0,5 *км* вверх по течению реки.

Таблица основных периодов жизни городищ

Древнее название города	Название городищ	Века				
		VI—VIII	IX—X	XI—XII	XIII—XV	XVI—XVIII
Карасеман	Караспан		×	×	×	×
Яганкент	Узун-тобе	×	×	×	×	×
Чилик	Бузук-тобе (Ак-тобе)	×	×	×	×	
Карнак	Ишкан				×	×
Карачук	Торткуль II				×	×
Йунка	Жойнек-тобе	×	×	×	×	×
Сури	Сор-тобе				×	×
Куджан	Кавган-Ата				×	×
Аркук	Бузук				×	×
Ак-Курган	Ак-Курган				×	×
Узгент	Кыр-Узгент				×	×
Кара-Курун	Куль-тобе				×	×
Кумкет	Кумкент	×	×	×	×	×

Керамика, собранная на поверхности городища, датируется XV—XVI и XVII—XVIII вв.[41]

На северных склонах Каратау на дороге из Сузака в Сауран источники помещают крепость Йилан-Караул. Когда Абдаллах-хан осаждал Сауран, другая часть его войска находилась у Сузака. Абдаллах приказал войску, стоящему у Сузака, объединиться, и по пути войско прибыло «к одной крепости, укрепленной и сильной, носящей название Йилан-Караул. Здесь, укрепившись, сидело многочисленное войско Дашта и препятствовало проезду» [42].

Если учесть, что войско следовало через горный перевал Баджи, тогда Йилан-Караулу, видимо, соответствует безымянная крепость, обнаруженная и обследованная севернее Сузака. Она датирована XVI—XVIII вв.[43]

В числе позднесредневековых населенных пунктов на северных склонах Каратау назван Кумкет. Он упомянут в конце XIV в.[44] Город отождествляется с городищем, которое сохранило до сих пор название Кумкент [45].

Таким образом, археологические поиски и исследования позднесредневековых городищ уже сейчас позволяют привязать к конкретным памятникам такие летописные города и селения, как Карасеман, Яганкент на Арыси; Чилик на Бугуни; Карачук, Йунка, Сури вблизи Туркестана;

[41] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар, стр. 179, 180.
[42] МИКХ, стр. 293.
[43] Устное сообщение археолога С. Жолдасбаева.
[44] Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.— Л., 1939, т. I, стр. 521.
[45] См. *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Ук. соч., стр. 112, 113.

Куджан, Аркук, Ак-Курган и Узгент на левобережье Сырдарьи; Кара-Курун, Йилан-Караул и Кумкент на северных склонах Каратау (таблица). Интересно, что часть из них возникает в XV—XVI вв., в период сложения и расцвета казахских ханств.

K. M. Baïpakov

LA QUESTION DE L'EMPLACEMENT DES VILLES DU BAS MOYEN AGE AU KAZAKHSTAN

Résumé

L'article offre une description d'un groupe récemment découvert de goroditchés datant du bas Moyen Age, qu'on identifie avec des villes des XVe et XVIIIe siècles, bien connues par les sources écrites. Tous ces goroditchés sont situés dans le bassin du Syr-Daria. Il est intéressant de noter qu'une partie d'entre eux est apparue aux XVe et XVIe siècles, à l'époque de la formation et de l'épanouissement des khanats khazaks.

Заметки

Ю. Б. СЕРИКОВ

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КАМЕННЫХ ДИСКОВ

Среди каменного инвентаря стоянок лесного Зауралья иногда встречаются овальные (реже круглые) плитки камня, оббитые по всему периметру,— так называемые каменные диски. Они имеются в коллекциях стоянок эпохи неолита (Евстюниха I, Юрьинское поселение, Кокшаровский холм, Полуденка I), бронзы (Кокшарово I, Юрьино IV, Балакино I) и железа (Лая, Уралочка). В археологических коллекциях 12 стоянок, хранящихся в фондах Нижнетагильского краеведческого музея, выделено 53 каменных диска и их обломков (рис. 1—5). Они изготовлены из сланца, песчаника, туфопорфирита, гранодиорита. Размеры дисков колеблются от 6×5 до 15×8 *см*. Чаще всего встречаются размеры 8—11×6—7 *см*. Различна и толщина дисков — от 4 до 22 *мм*. Однако бóльшая часть дисков имеет толщину 5—10 *мм*.

Изучение поверхности каменных дисков под бинокулярным микроскопом показало, что значительная их часть употреблялась в качестве скребел. Оббитые края дисков сильно заглажены и залощены от соприкосновения с мягким, но упругим материалом. Залощенность часто заходит на обе плоскости дисков. На залощенных участках уже при небольшом увеличении видны четкие линейные следы, идущие перпендикулярно рабочим кромкам дисков — скребел (рис. 6, *1—3*). Учитывая сильную заглаженность и залощенность, проникающую во все впадины и углубления рабочих кромок, можно с уверенностью констатировать, что данными дисками-скреблами обрабатывали кожу. Этим самым подтверждаются наблюдения С. А. Семенова над дисками из Юрюзани и Джебела [1].

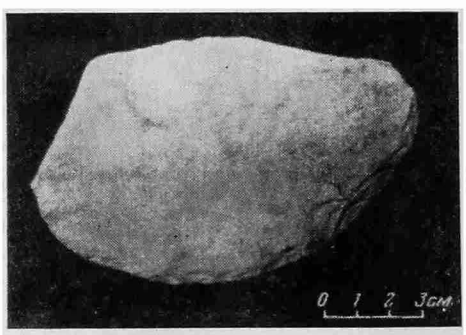


Рис. 1. Каменный диск из двусторонней шлифовальной плитки Евстюниха I

В результате микроанализа удалось зафиксировать несколько способов работы дисками.

Самым распространенным способом работы диском является обычный способ работы скреблом. Скребло устанавливается под углом 80—85° на обрабатываемую поверхность (с наклоном «к себе»). В процессе движения скребло принимает перпендикулярное положение, а затем слегка отклоняется назад — «от себя» (рис. 7, *а*). Каменные диски, края которых оббиты с двух сторон, употреблялись именно таким образом. Диска-

[1] *С. А. Семенов.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 159.

ми, у которых отсутствовала оббивка одного или двух краев, работали двусторонним способом, когда равнозначно использовались края обеих плоскостей [2]. Описанными способами работали в основном небольшими дисками. Работа производилась одной рукой.

В коллекции дисков выделен диск (Уралочка), который имеет серповидную форму, т. е. один край у него слегка вогнут, а противоположный заметно выпуклый (рис. 3, *б*). Размеры диска — 15×7,2×0,9 *см*. Трасологический анализ показал, что в работе был только вогнутый край. По этому

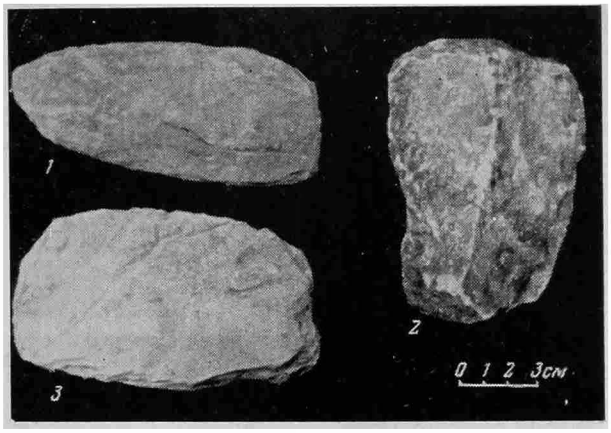


Рис. 2. Каменные диски: *1*, *3* — Полуденка I; *2* — Кокшарово I

краю идут линейные следы, перпендикулярные рабочей кромке и заходящие на тыльную плоскость орудия. Учитывая форму диска, его размеры, вогнутость рабочего края и характер следов употребления, можно предположить, что данное орудие является двуручным каменным стругом. Известны струги из ребер, выделенные С. А. Семеновым на многих неолитических поселениях Средней Азии [3]. Работали данным стругом следующим образом. Струг устанавливался под углом 40—50° к обрабатываемой поверхности. Работа производилась двумя руками движениями «на себя». Тыльная плоскость струга имела бóльшую площадь соприкосновения с обрабатываемым материалом, чем передняя. Вследствие этого она изнашивалась быстрее, что и подтверждается микроанализом: заглаженность и залощенность на тыльной плоскости струга заходит на 14 *мм* от рабочего края лезвия, здесь же присутствуют и линейные следы скребкового характера. Из-за большого угла заострения лезвия каменный струг не способен был срезать мездру слоями подобно костяным. Скорее всего данное орудие выполняло функции тупика.

Обнаружен еще один диск, которым работали подобным образом (Лая). Это оббитая по периметру плитка сланца овальной формы (рис. 5, 7). Ее размеры — 13×8,2×0,4 *см*. Продольные края диска имеют скошенность на одну сторону, так называемую фаску. Этим скребло отличается от всех остальных дисков-скребел, которые имеют закругленный рабочий край. Образование фаски объясняется способом работы, который напоминает вышеописанный способ работы стругом. Скребло устанавливали на обрабатываемый материал под таким же углом — 40—50° и двигали «на себя», не меняя принятого положения (рис. 7, *б*). При этом скребло двигалось не фронтально, а с небольшим поворотом вокруг поперечной оси орудия по ходу часовой стрелки. Об этом свидетельствуют линейные следы, пересекающие рабочий край скребла, слегка отклоняясь от пер-

[2] Там же, стр. 159.
[3] *С. А. Семенов.* Ук. соч., стр. 160, 161.

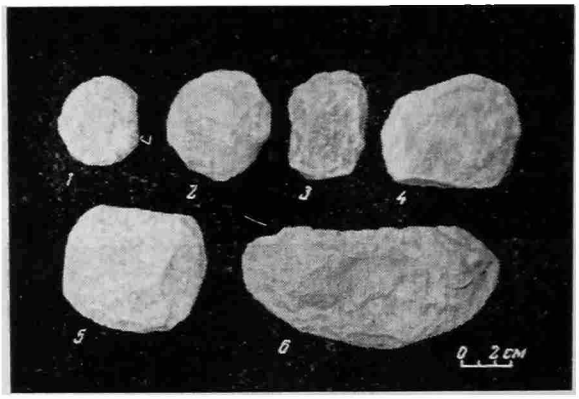


Рис. 3. Разновидности каменных дисков: *1,2,6* — Уралочка, *3* — Кокшарово I; *4* — Юрьинское поселение; *5* — Юрьино IV

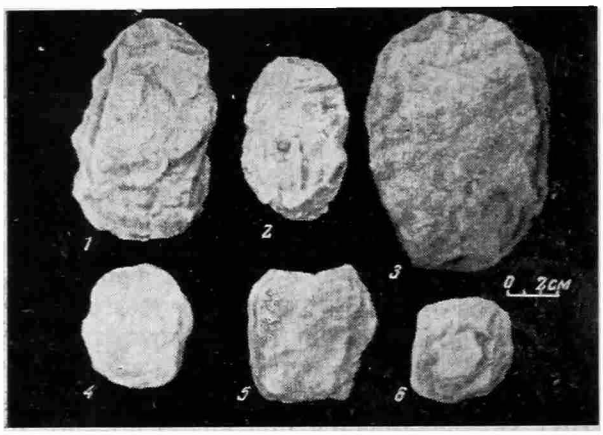


Рис. 4. Каменные диски: *1—3* — Кокшарово I; *4, 5* — Юрьинское поселение; *6* — Кокшаровский холм

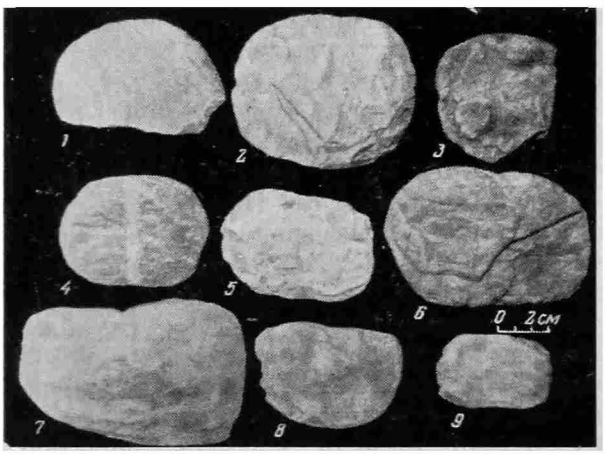


Рис. 5. Каменные диски: *1, 2* — Кокшаровский холм; *3* — Усть-Вагильский холм; *4, 5* — Полуденка I; *6* — Уралочка; *7—9* — Лая

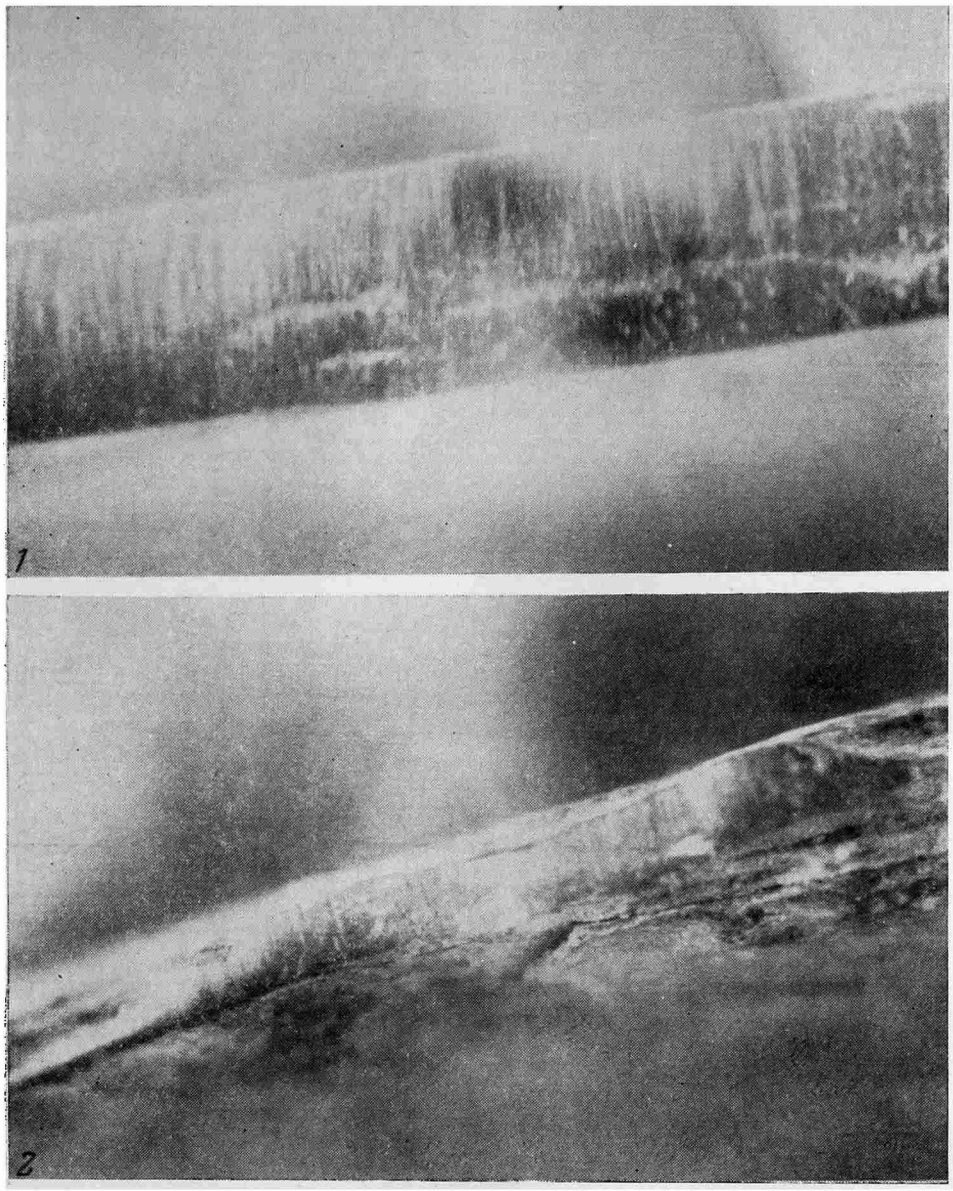


Рис. 6. (*1—4*) Микрофотографии следов работы скреблами (восьмикратное увеличение)

пендикуляра влево (рис. 6, *4*). Несмотря на значительные размеры скребла, при работе его держали в одной руке (правой). Оба продольные лезвия скребла сработаны с правой стороны. Сработанность правой стороны лезвий скребков и скребел появляется вследствие небольшого наклона орудий «на себя» в сагиттальной плоскости, что свидетельствует о работе правой рукой [4]. Учитывая размеры скребла, его можно также отнести к тупикам.

Любопытной деталью является то, что некоторые диски изготовлены из обломков шлифовальных плиток. Таких дисков немного, всего пять (рис. 1, рис. 2, *3*; рис. 3, *5*; рис. 5, *1, 8*).

Два диска изготовлены из двусторонних шлифовальных плиток (Евстюниха I, Кокшаровский холм), три — из односторонних (Полуденка I, Юрьино IV, Лая). Использование обломков шлифовальных плит для изготовления других орудий известно в материалах многослойного памятника Юрьино IV. Там имеются абразивные пилы, пест, мотыга, рыболов-

[4] Там же, стр. 158.

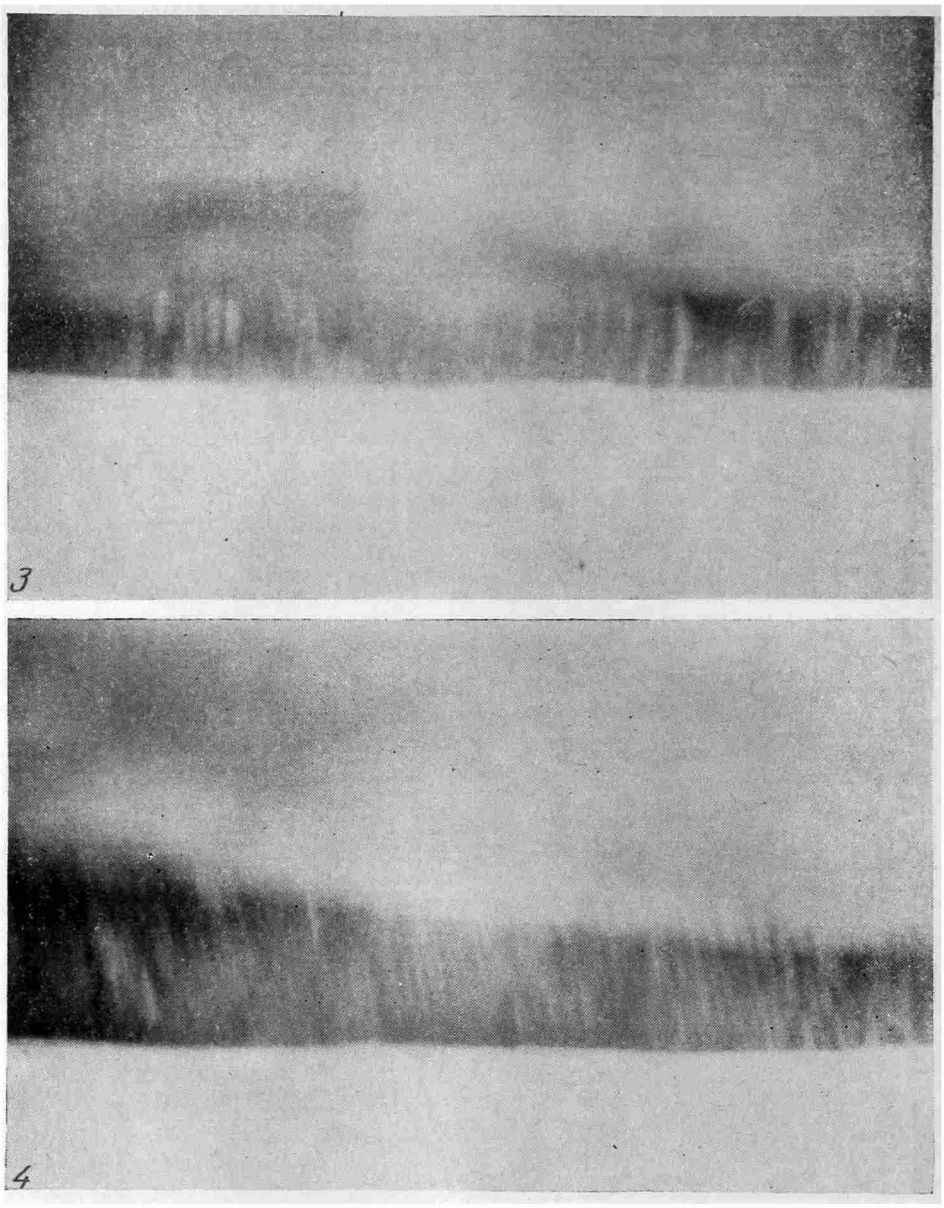


Рис. 6 (продолжение)

ные грузила, изготовленные из обломков использованных шлифовальных плит [5].

Изучение каменных дисков выявило интересную особенность. Некоторые диски имеют по продольным краям одну-две выемки (рис. 4, *1—4*). Выемки образованы двумя-тремя ударами и располагаются посредине диска друг против друга. По этому признаку каменные диски с выемками могут быть отнесены к рыболовным грузилам. Выемки служили для привязывания грузила к сетям.

Однако имеются данные, которые позволяют отнести к рыболовным грузилам и часть каменных дисков без выемок по краям. В жилище Полуденковской I стоянки найдено два каменных диска, которые употреблялись в качестве скребел (рис. 5, *4, 5*). Размеры их довольно стандартные: первое — 8,5×6,5×0,9 *см*, второе — 9×6,2×0,9 *см*. На краях дисков нет выемок для привязывания. Однако это несомненно грузила. Посредине

[5] Отчет об археологических разведках Нижнетагильского краеведческого музея за 1973 г. Архив Нижнетагильского краеведческого музея.

дисков проходит светлая линия шириной 7 *мм* (на одном из дисков светлая полоска после обработки соляной кислотой почти не просматривается — рис. 5, *5*). Остальная поверхность коричневого цвета, она ожелезнена. От долгого пребывания в воде вся поверхность грузила покрылась окисью железа, и лишь закрытый привязкой участок остался неожелезненным. Отсюда можно предположить, что и другие диски могли употребляться в качестве рыболовных грузил.

Интересно отметить, что микроанализ проливает свет и на очередность использования каменных дисков в качестве грузил и скребел. На

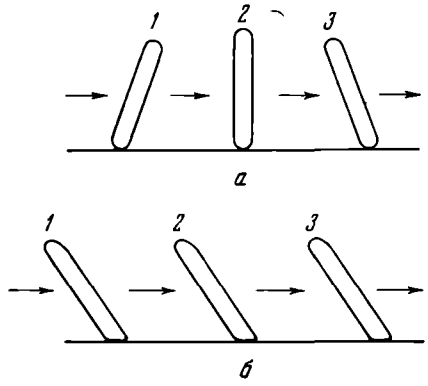


Рис. 7. *а* — обычный способ работы скреблом, *б* — способ работы лайским скреблом. Работник находится справа и работает на себя

двух дисках с выемкой с одной стороны (Лая, Уралочка) (рис. 5, *6*, *7*) скребковые линейные следы расположены и на самих выемках. Это свидетельствует о том, что к моменту использования дисков в качестве скребел выемки на дисках уже присутствовали, т. е. диски уже были использованы в качестве рыболовных грузил.

Таким образом, результаты трасологического анализа проливают свет на функциональное назначение так называемых каменных дисков и на способы их употребления.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

ПОСЕЛЕНИЕ БОЛОГОЕ II В КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Поселение Бологое II [1] находится на берегу Бологовского озера в северной части Калининской обл., в 4—5 *км* от знаменитой Бологовской стоянки, раскопанной кн. Путятиным, и материалы которой в 1903 г. были опубликованы А. А. Спицыным [2].

Поселение Бологое II было обнаружено в 1972 г. в результате шурфовки небольшой возвышенности, поднимающейся над уровнем воды в озере в среднем на 1,3—1,4 *м*. Было заложено четыре шурфа, в каждом из которых удалось зафиксировать наличие культурного слоя с находками неолитической эпохи. Расстояние между шурфами равнялось 18—20 *м*, что дало возможность предположить, что размеры поселения достигали нескольких сот квадратных метров.

К сожалению, часть поселения оказалась попорченной огородами и проезжей дорогой. В 1973 г. здесь был заложен раскоп 128 $м^2$, разделенный на квадраты по 2×2 *м* каждый. В 1974 г. его площадь была увеличена до 260 $м^2$ (рис. 1). Культурный слой мощностью от 10—12 до 20—25 *см* залегал в темном гумусированном суглинке. Он перекрывался

[1] *В. П. Третьяков.* Неолитические памятники в районе г. Бологое. АО — 1972, М., 1973, стр. 95, 96; *его же.* Работы Смоленского отряда. АО — 1973, М., 1974, стр. 82, 83; *его же.* Раскопки на берегах Бологовского озера. АО — 1974, М., 1975.

[2] *А. А. Спицын.* Бологовская стоянка каменного века. ЗОРСА, I, вып. 1, СПб., 1903, стр. 239—277.

слоем дерна и подстилался коричневым песком. В южной части раскопа, у его границы, под культурным слоем (в этих квадратах находки почти полностью отсутствовали) лежал горизонт влажной болотистой земли черного цвета.

При разборке культурного слоя получена коллекция, насчитывающая 1350 фрагментов керамики, 92 орудия труда, а также 18 отщепов со следами обработки. Кроме этого, найдено 1000 отщепов без ретуши. Всего 2460 предметов.

Большая часть фрагментов керамики располагалась в центральной части раскопа, где в среднем находили по 60—70 фрагментов на квадрат

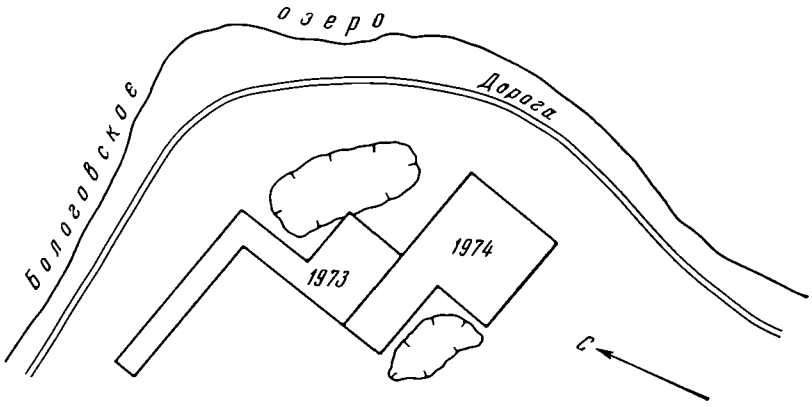


Рис. 1. План поселения Бологое II

(рис. 1). В северной части количество керамики на квадрат не превышало 33 фрагментов, равняясь в среднем девяти.

В противоположность этому изделия из кремня, а также отходы производства размещались в основном в северной части, где было собрано 57 орудий труда и отщепов с ретушью. В центральной части во время раскопок 1973 г. было найдено 18 кремней со следами обработки. Эти наблюдения дают возможность предположить, что обитатели стоянки изготовляли орудия труда в основном на северном ее конце, а в центральной части больше внимания уделялось приготовлению пищи.

Южная часть раскопа явилась наиболее бедной по количеству находок по сравнению с остальными его участками. Достаточно сказать, что в процессе работ 1974 г. на поселении Бологое II было обнаружено 355 фрагментов неолитической керамики, 215 отщепов, пять пластин и 35 орудий труда из кремня — всего 610 находок [3]. Они располагались неравномерно по площади раскопа. Наибольшее их число залегало на участках, примыкавших к раскопу 1973 г. (рис. 1). В южных квадратах найдены лишь единичные вещи, что, по-видимому, свидетельствует о близости границы поселения с этой стороны. Учитывая, что в крайних северных квадратах во время раскопок 1973 г. наблюдалась аналогичная картина, можно полагать, что за два полевых сезона была раскопана основная часть поселения.

В ходе раскопок под культурным слоем в материке были обнаружены 10 западин с находками неолитической эпохи. Их выборка дала возможность увидеть 10 ям глубиной 8—20 *см*. Размеры ям колебались от 30 *см*^{2} до 3 *м*^{2}. Кроме того, в культурном слое в разных частях раскопа на материке лежали четыре крупных камня диаметром до 40 *см*. В центральной части раскопа в культурном слое было зафиксировано скопление 38 небольших камней, среди которых попадались отдельные угольки и

[3] Ср.: находки 1973 г. с площади 128 *м*^{2} — около 1000 фрагментов керамики, 59 орудий труда, 12 отщепов и 4 пластины со следами обработки и 800 отщепов без ретуши.

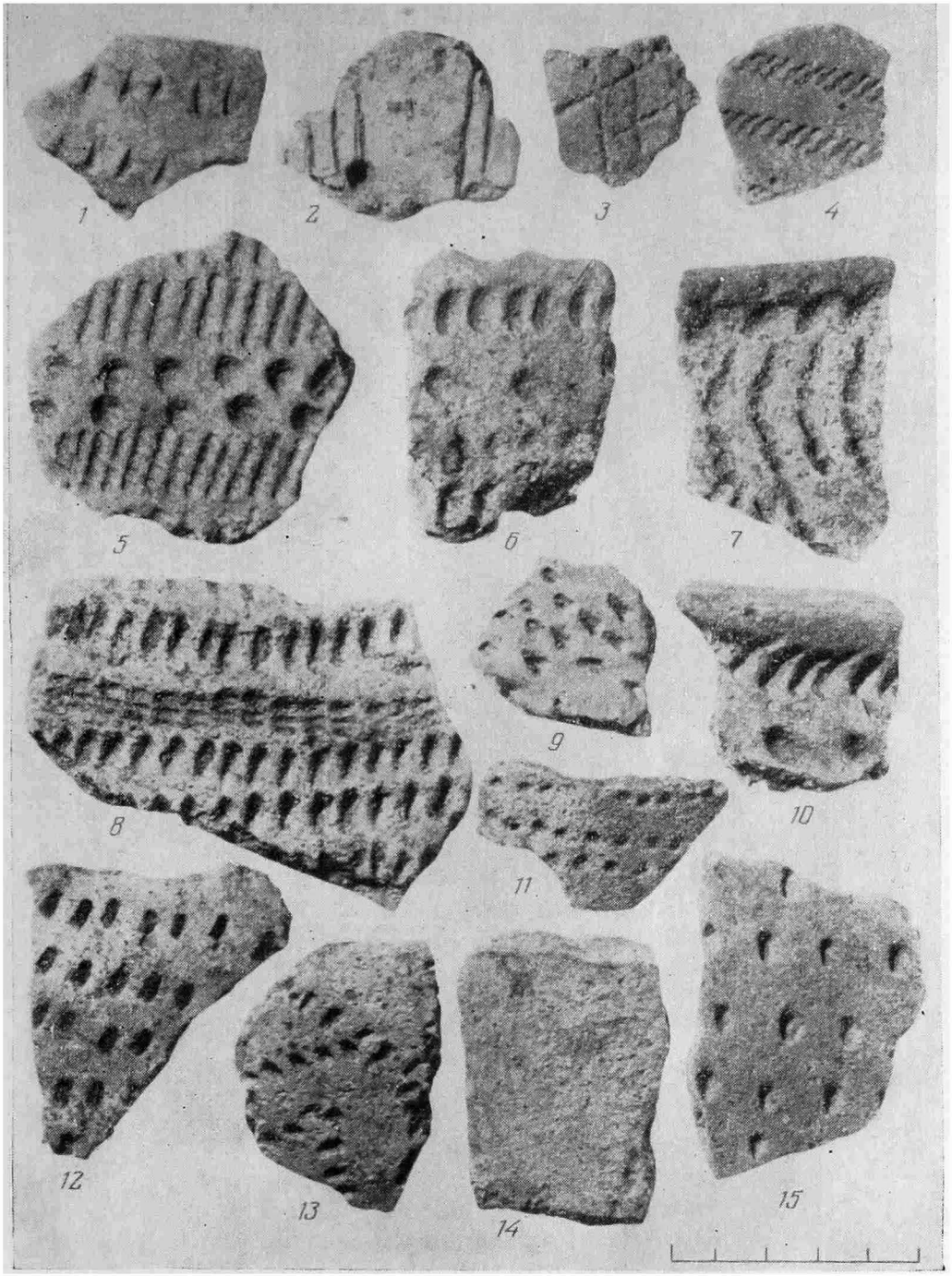


Рис. 2. Поселение Бологое II. Керамика

фрагменты неолитической посуды. Данное скопление имело в поперечнике 1 *м*. Кроме того, обнаружено углистое пятно диаметром около 1 *м*, в котором наряду с фрагментами неолитической керамики и кремнем находилось битое стекло, железные гвозди и т. п.— поздний перекоп.

На поселении Бологое II найдено около 1350 фрагментов керамики. Посуда лепилась от руки ленточным способом. Примесью служила размельченная дресва. Сосуды имели слегка загнутые вовнутрь, прямые, отогнутые наружу или с утолщением в верхней части венчики и округлые днища. Толщина стенок колебалась от 0,6 до 1 *см* (рис. 5, *1—11, 15*).

Керамика украшалась оттисками гребенчатого (в единичных случаях

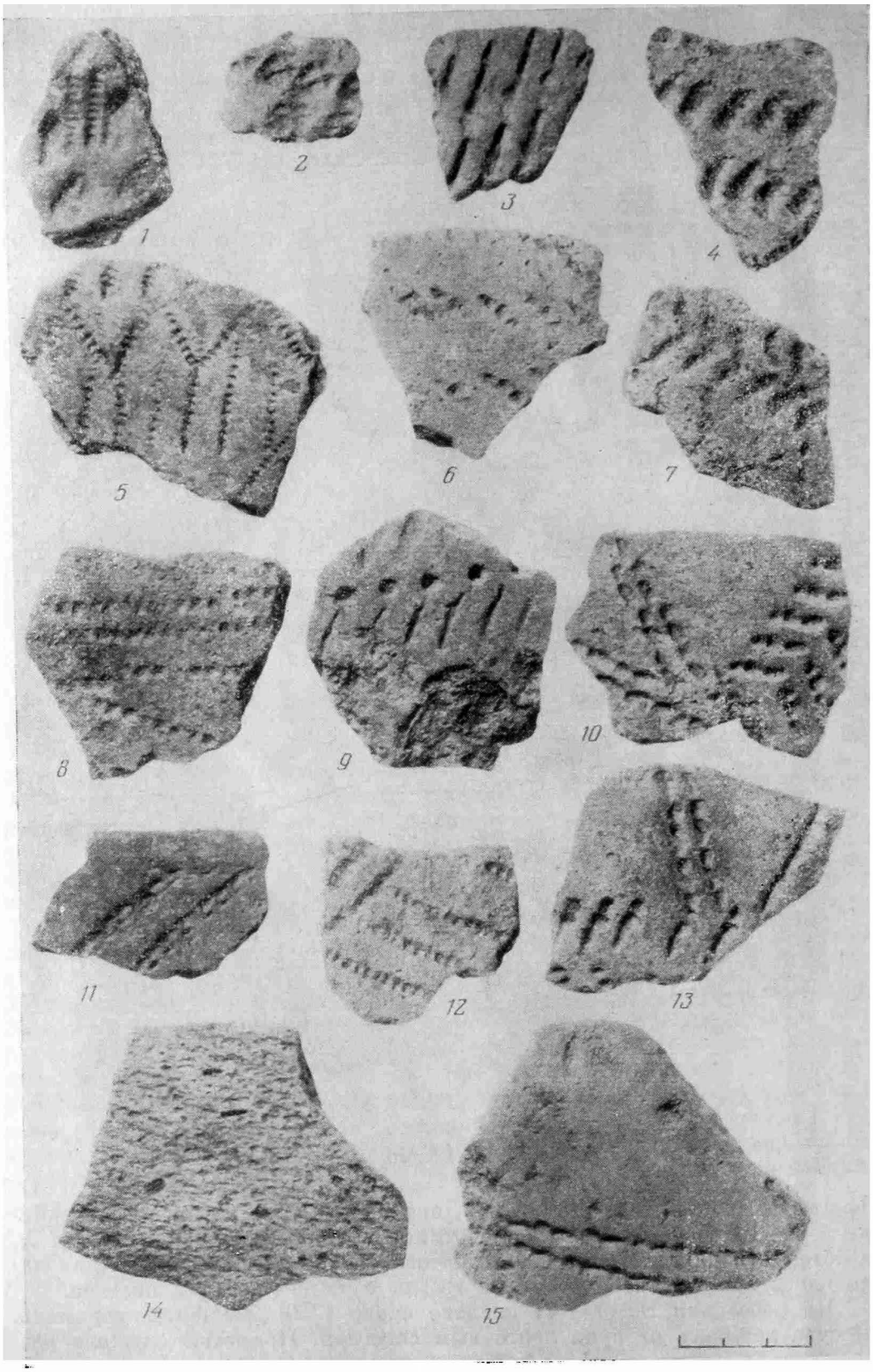


Рис. 3. Поселение Бологое II. Керамика

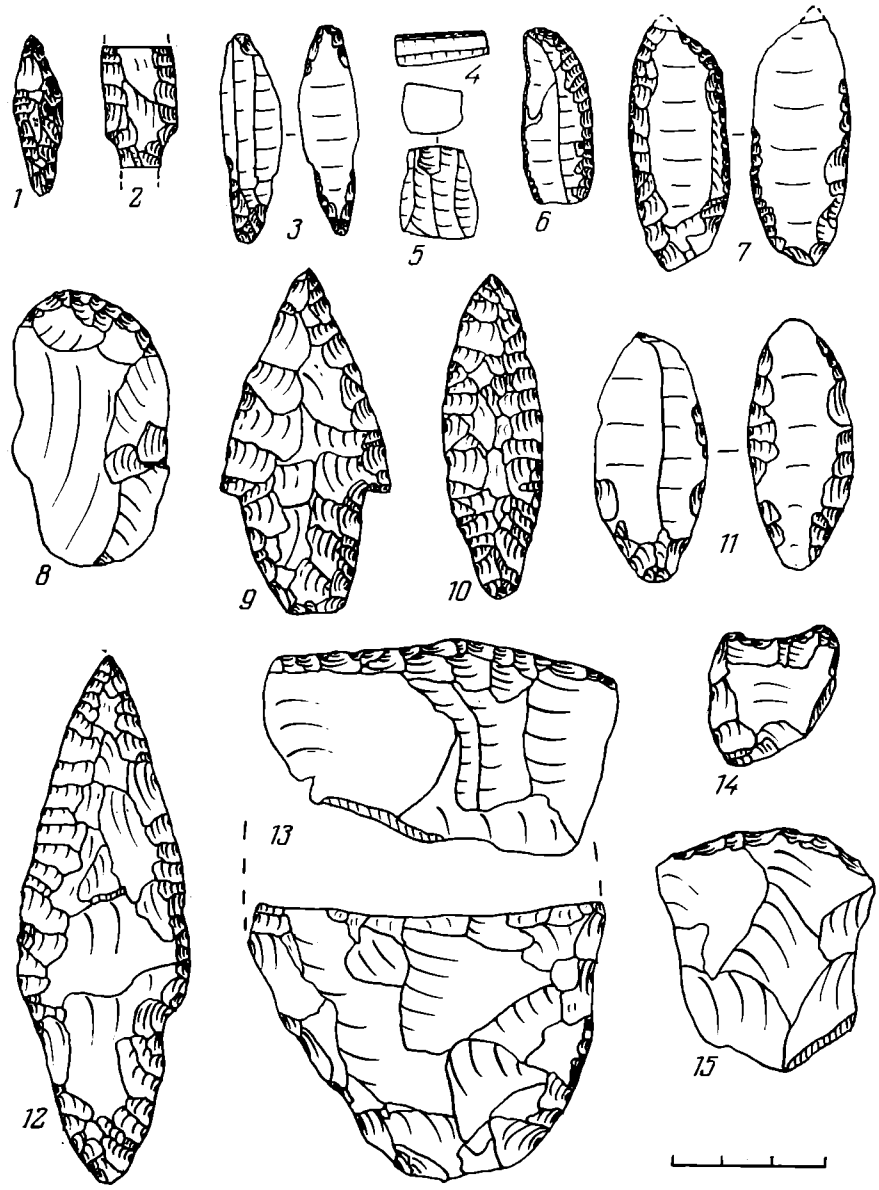


Рис. 4. Поселение Бологое II. Орудия труда: *1—3*, *9—11* — наконечники стрел; *4* — пластинка с притупленным краем; *5* — нуклеус; *6*, *8*, *16* — скребки; *7* — ножи; *12*, *15* — наконечники копий; *13* — скребло; *14* — скобель

рамчатого) штампа (30%) (рис. 2, *3*, *4*, *7*; 3, *2*, *3*, *5—8*, *10—12*), ямками (25%) (рис. 2, *6*, *8—13*, *15*), прочерченными линиями и нарезками (10%) (рис. 2, *1*), узорами из лапчатых вдавлений (2%) (рис. 3, *4*), гладкими штампами (6%) (рис. 2, *10*). Часть фрагментов (7%) украшена ямочно-гребенчатыми мотивами (рис. 2, *5*; 3, *1*), 3% — ямочно-прочерченными (рис. 2, *2*; 3, *9*). На 13 фрагментах (1%) керамики нанесены узоры, напоминающие оттиски отступающей лопаточки (рис. 3, *13*, *15*). 15,7% всех фрагментов не орнаментировано (рис. 2, *14*). Большой интерес представляют шесть сетчатых черепков (0,3%), найденных на дне одной из ям (рис. 3, *14*).

Узоры представляют собой горизонтальные ряды короткого, наклонно нанесенного штампа (гребенчатого или гладкого), ряды нарезок, ямок. Встречены «елочка», зигзагообразные и перекрещивающиеся линии, сочетание горизонтальных и наклонных полос.

Орудия труда со стоянки Бологое II делались из коричневого разных оттенков валунного кремня. Коллекцию составляют одно долото,

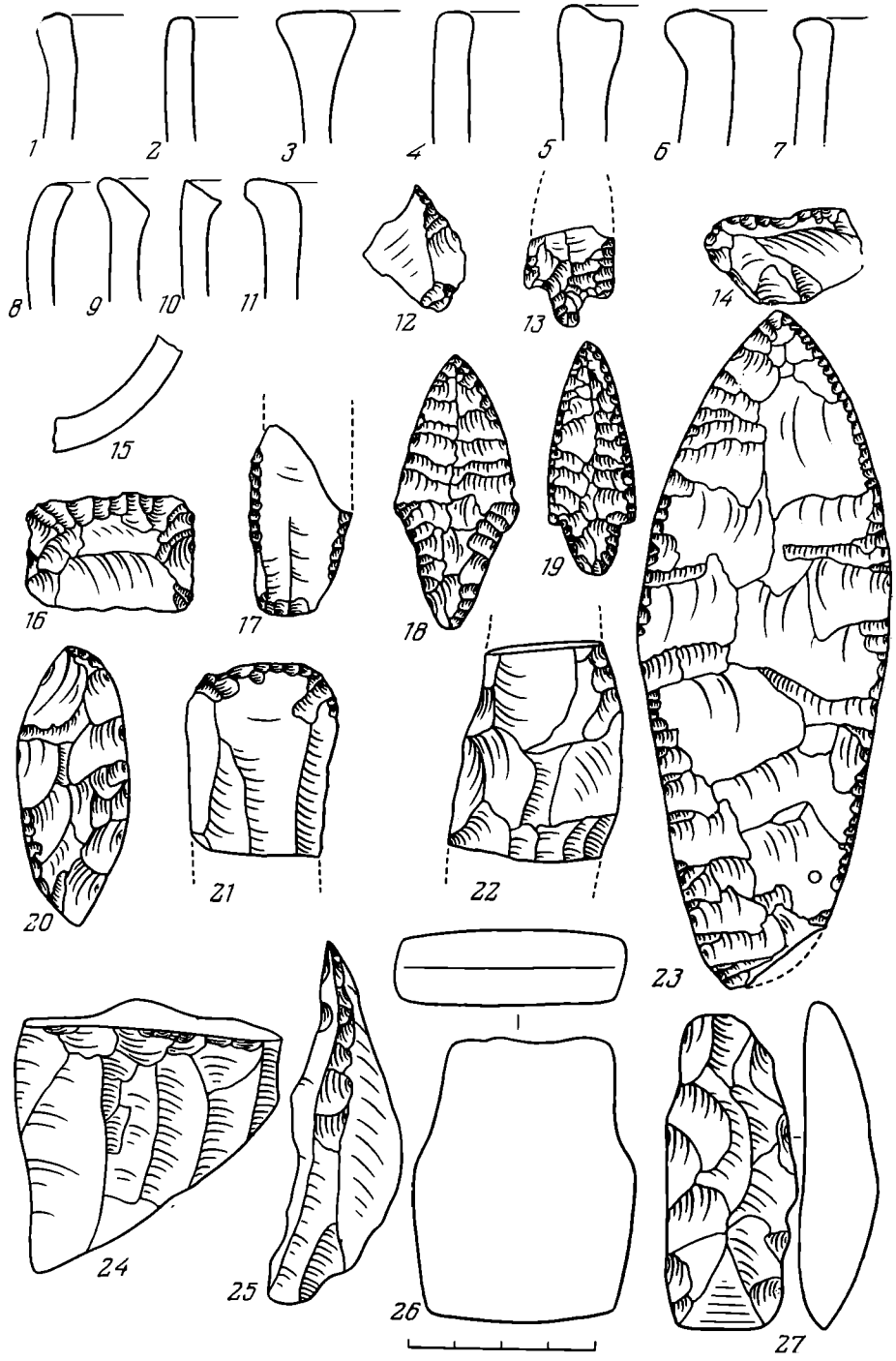


Рис. 5. Поселение Бологое II. *1—11* — венчики; *15* — донышко; *12—14*, *16—27* — орудия труда; *12*, *25* — проколки; *13*, *18—20* — наконечники стрел; *14* — скобель; *16*, *21* — скребки; *17* — нож; *22*, *27* — долота; *23* — наконечник копья; *24* — нуклеус; *26* — сланцевый полированный топорик

обработанное крупными сколами, размером 6,6 *см* (рис. 5, *27*), и два обломка долот (рис. 5, *22*), одно плоское скребло из широкого отщепа (рис. 4, *13*), пять ножей с двусторонней ретушью (рис. 4, *7*; 5, *17*), 7 скобелей с вогнутой рабочей частью (рис. 4, *14*; 5, *14*), миниатюрная пластинка с притупленным краем (рис. 4, *4*), две грубо выделанные проколки из куска кремня (рис. 5, *25*) и из отщепа (рис. 5, *12*), два одноплощадочных нуклеуса (диаметр ударной площадки у первого — 5,5 *см*, второго — 1,2 *см*) (рис. 4, *5*; *24*), 4 наконечника копий (два пред-

ставлены обломками) (рис. 4, *15*), два — листовидных с намечающимся черешком (рис. 4, *12*; 5, *23*) и 18 отщепов с ретушью.

Сравнительно большими сериями представлены скребки и наконечники стрел. На поселении Бологое II были найдены 32 скребка. Из них два скребка имеют скошенный рабочий край, обработанный мелкой ретушью (рис. 4, *6*), два — овальную форму (рис. 4, *8*), один изготовлен из плоского отщепа со следами крупных сколов. Рабочий край у этого скребка сделан с помощью крутой ретуши (рис. 4, *16*). Один скребок имеет три грани на спинке (рис. 5, *21*). Следует упомянуть также два скребка с подчетырехугольной рабочей частью (рис. 5, *16*). Остальные скребки имеют случайные очертания.

Наконечники стрел представлены 30 экземплярами. Девять из них имеют листовидную форму (рис, 4, *1, 10;* 5, *20*), три — треугольно-черешковую (рис. 4, *9*; 5, *18, 19*), один наконечник изготовлен из овальной кремневой пластины с продольным ребром на спинке и частичной двусторонней ретушью по краям (рис. 4, *11*). Один наконечник по форме приближается к свидерскому (рис. 4, *3*). Он изготовлен из ножевидной пластины, имеет две грани на спинке. Ретушью у этого наконечника обработан черешок и острие. Остальные 16 наконечников стрел представлены обломками (рис. 4, *2*; 5, *13*) или заготовками, что не всегда дает возможность говорить о форме изделия.

В заключение перечня орудий труда со стоянки Бологое II упомянем сланцевый шлифованный топорик размером 6×5,3 *см* с тщательно изготовленным обушком, который, по-видимому, вставлялся в роговую или деревянную муфту (рис. 5, *26*).

Анализ керамики дает возможность охарактеризовать ее как ямочно-гребенчатую. Некоторое преобладание фрагментов с гребенчатыми и лапчатыми оттисками по сравнению с ямками, отсутствие в орнаментации полулунных вдавлений, характерных для льяловского (раннего) варианта этой керамики, наличие мотивов из прочерченных линий и нарезок, фрагменты, украшенные рамчатым штампом, сравнительно большое количество неорнаментированной керамики позволяют отнести эту стоянку к поздней фазе культуры ямочно-гребенчатой керамики. По своему облику керамика со стоянки Бологое II ближе всего к таковой с мстинских поселений, материалы которых опубликованы М. П. Зиминой[4]. Исследовательница отмечала, что для мстинских поселений в эпоху развитого неолита была характерна керамика, «отличительной особенностью (которой) является преимущественное использование в орнаментации парноямочных вдавлений, ямок, выполненных веревочным узелком (в нашей статье этот орнамент назван лапчатым.— *В. Т.*), расположение узора по диагонали и узоры из чередующихся горизонтальных орнаментальных поясов с неорнаментированными полосами (разреженный узор). Ямочные вдавления и гребенчатые отпечатки заметно отличаются от таких же вдавлений на керамике других неолитических культур и придают описываемой керамике своеобразный облик, объяснимый обособленным развитием неолитических племен бассейна р. Мсты»[5]. Нетрудно заметить, что орнаментация керамики поселения Бологое II полностью соответствует этой характеристике (см., например, рис. 2, *5, 8, 9, 11—13*; 3, *5, 6, 10—13* и др.).

Эта близость видна и при сравнении технологии изготовления сосудов мстинских и Бологовской II стоянок, а также их формы. М. П. Зимина пишет, что мстинские сосуды с ямочно-гребенчатой орнаментацией изго-

[4] *М. П. Зимина.* Стоянки позднего неолита и бронзы в Новгородской и Калининской областях. СА, 1968, 2; *ее же.* Некоторые данные о неолитических памятниках в бассейне р. Мсты. Сб. «Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита». МИА, 172, 1973; *ее же.* Культура племен бассейна р. Мсты во II тысячелетии до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1970.

[5] *М. П. Зимина.* Культура племени бассейна р. Мсты..., стр. 7.

товлялись ленточным способом из глины, к которой примешивалась дресва. Сосуды имели прямые, скошенные внутрь, отогнутые наружу венчики, острое или округлое дно[6]. Все эти черты нами отмечались и при описании керамической коллекции с поселения Бологое II.

И наконец, мстинские стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой, по М. П. Зиминой, характеризуются наличием наконечников стрел и копий листовидной, ромбической и треугольной форм, округлыми, овальными, с гранями на спинке, с подчетырехугольной рабочей частью скребками, проколками из отщепов и кусков кремня, ножами из пластин, долотами и шлифованными топориками[7]. Все типы этих изделий входят и в состав коллекции, описанной в данной статье. На стоянке Бологое II нет ромбических наконечников стрел и округлых скребков. Но мы не должны забывать, что при описании мстинских орудий труда М. П. Зимина пользовалась материалами поселений со смешанным керамическим материалом (камская, волосовская, ямочно-гребенчатая керамика — стоянки Репище, Усть-Валдайка I и II)[8], а Бологое II — памятник с чистым комплексом неолитической керамики и, следовательно, лишь этой керамике сопутствующими орудиями труда.

Представляется, что значение стоянки Бологое II и заключается, в частности, в том, что ее раскопки предоставили в руки исследователей чистый комплекс мстинской ямочно-гребенчатой керамики и лишь к ней относящихся каменных орудий.

Скорее всего жизнь на стоянке Бологое II протекала во II тысячелетии до н. э. На эту дату указывают фрагменты с оттисками рамчатого штампа, характерные для волосовской керамики, а также сланцевый шлифованный топорик. Находка на поселении Бологое II шести фрагментов сетчатой керамики в яме под непотревоженным культурным слоем не случайна. В литературе неоднократно высказывалась мысль о перерастании ямочно-гребенчатой керамики, начиная с середины II тысячелетия до н. э., в сетчатую[9]. Если это действительно так, то мы можем сузить предложенную выше дату существования стоянки Бологое II, отнеся ее (с известным приближением) к середине II тысячелетия до н. э.

[6] *М. П. Зимина.* Некоторые данные о неолитических памятниках..., стр. 170.

[7] Там же, табл. 39.

[8] *М. П. Зимина.* Стоянки позднего неолита...

[9] *А. А. Спицын.* Последний период каменного века в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, V, вып. 1, 1903, стр. 178—180; *Б. С. Жуков.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. «Этнография», 1929, 1, стр. 71; *В. П. Третьяков.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972, стр. 123—128.

В. И. ДЬЯКОВ, О. В. ДЬЯКОВА

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА МЫСЕ СТРАШНОМ В ПРИМОРЬЕ

Археологическое изучение северо-восточного Приморья систематически ведется с 1973 г.[1] Наиболее значительные работы осуществлены А. П. Окладниковым на р. Рудной[2], уникальный материал с которой является основным для характеристики всего древнейшего этапа этой обширной территории. Новые материалы из района, расположенного к

[1] *О. В. Дьякова, В. И. Дьяков.* Разведочные работы в северном Приморье. АО — 1973, М., 1974, стр. 201; *их же.* Разведка в северном Приморье и на Нижнем Амуре. АО — 1974, М., 1975, стр. 204, 205.

[2] *А. П. Окладников.* Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке. КСИИМК, 71, 1956, стр. 109—118; *его же.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 171—177.

северу от Рудной, позволяют несколько расширить источниковедческую базу.

Древние поселение в устье р. Серебрянки Тернейского района Приморского края на мысе Страшном[3] расположено на уровне первой надпойменной террасы левого берега р. Серебрянки (рис. 1). Участок местности, занимаемый древней стоянкой, носит ярко выраженный дюнный характер (высота отдельных дюн достигает 5—7 *м*), подверженный обычным в таких условиях эрозийно-эоловым процессам. Это привело к почти полному уничтожению стоянки, от которой сохранились лишь небольшие участки культурного слоя, перекрытые песком, чередующегося с погребенной почвой. Наибольший из них и лучше сохранившийся (площадью около 40 $м^2$) был раскопан. Остальной материал собран на площади около 2000 $м^2$[4]. Ярко выраженных скоплений материала не фиксировалось.

Исследования сохранившейся части памятника показали, что под современной дюной находилось древнее жилище, восточная и западная границы которого полностью разрушены (рис. 1). Площадь его, очевидно, достигала 30—40 $м^2$. Слой мощностью от 20 до 40 *см* образован темно-коричневой супесью. Находки концентрировались в его нижней, наиболее плотной и темной части. Стратиграфически верхняя часть культурного слоя здесь не отделяется от нижней границы почвы, образовавшейся на месте брошенного жилища и впоследствии погребенной под мощным слоем дюнного песка. С южной стороны жилище имело границу в виде уступа в 10—20 *см*, вырытого в темно-коричневом суглинке. С северной стороны аналогичный уступ образован насыпью и сохранился частично. Складывается впечатление, что жилище не относится к типу полуземлянок. Видимо, эти конструктивные особенности связаны с выравниванием площадки на поверхности, имеющей наклон с юго-востока на северо-запад. В процессе раскопок встречалось довольно много мелких угольков, образующих незначительные скопления, но явных очагов не выявлено.

Находки концентрировались на уровне пола жилища, равномерно располагаясь по всей площади (рис. 1).

Основной категорией находок оказались фрагменты керамики от пятишести сосудов, типологически вычленяющиеся в три группы: 1) лепной неорнаментированный горшок черного цвета с высокой шейкой, уплощенным краем венчика и налепным валиком на стыке шейки и тулова (рис. 2, *8*); 2) фрагменты горловин сосудов с прямыми стенками, сходными по форме с чашами и мисками; край венчика округлый, на стенках заметны следы доработки на круге (рис. 2, *3*); 3) фрагменты горловин сосудов с налепным остроребериым валиком (рис. 2, *2*).

Орнаментированными оказались лишь несколько черепков, покрытые крупными ячейками ложнотекстильного узора, над которым волной располагался налепной валик (рис. 2, *4*). Каменный инвентарь однообразен. Рыболовные грузила изготовлены из мелкозернистого песчаника с характерными тремя-четырьмя боковыми выемками (рис. 2, *5*). Из землеройных орудий имеется мотыга овально-вытянутой формы из гранита и черешок плечиковой мотыги из местной скальной породы. Обе выполнены техникой двусторонней оббивки (рис. 2, *6*). Найден также один обломок каменного предмета из песчаника, использовавшийся в качестве точильного инструмента в форме бруска. Рабочей поверхностью служит проточенный в центре одной из сторон желобок (рис. 2, *7*). Аналогичные инструменты служили для обработки костяных или деревянных изделий типа шильев и стержней. Их появление относится к неолиту, а рас-

---

[3] Указанное место находится в 2 *км* к юго-востоку от райцентра пос. Терней. Жители называют это место Песчанкой.

[4] Материал собирался в 1973—1974 гг. Известно, что местные жители и раньше находили там различные вещи. Частично эти сборы сохранились в школе пос. Терней.

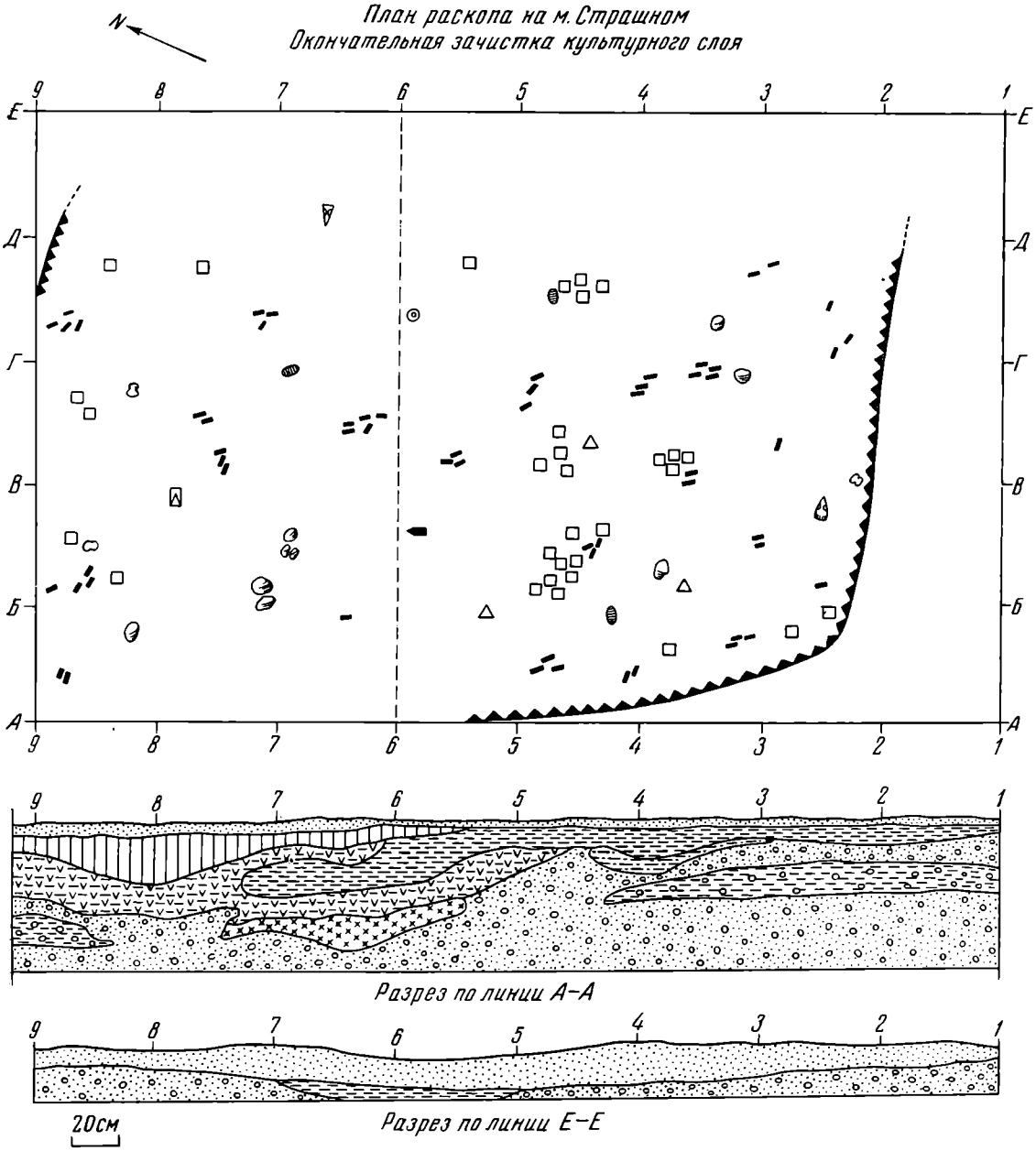
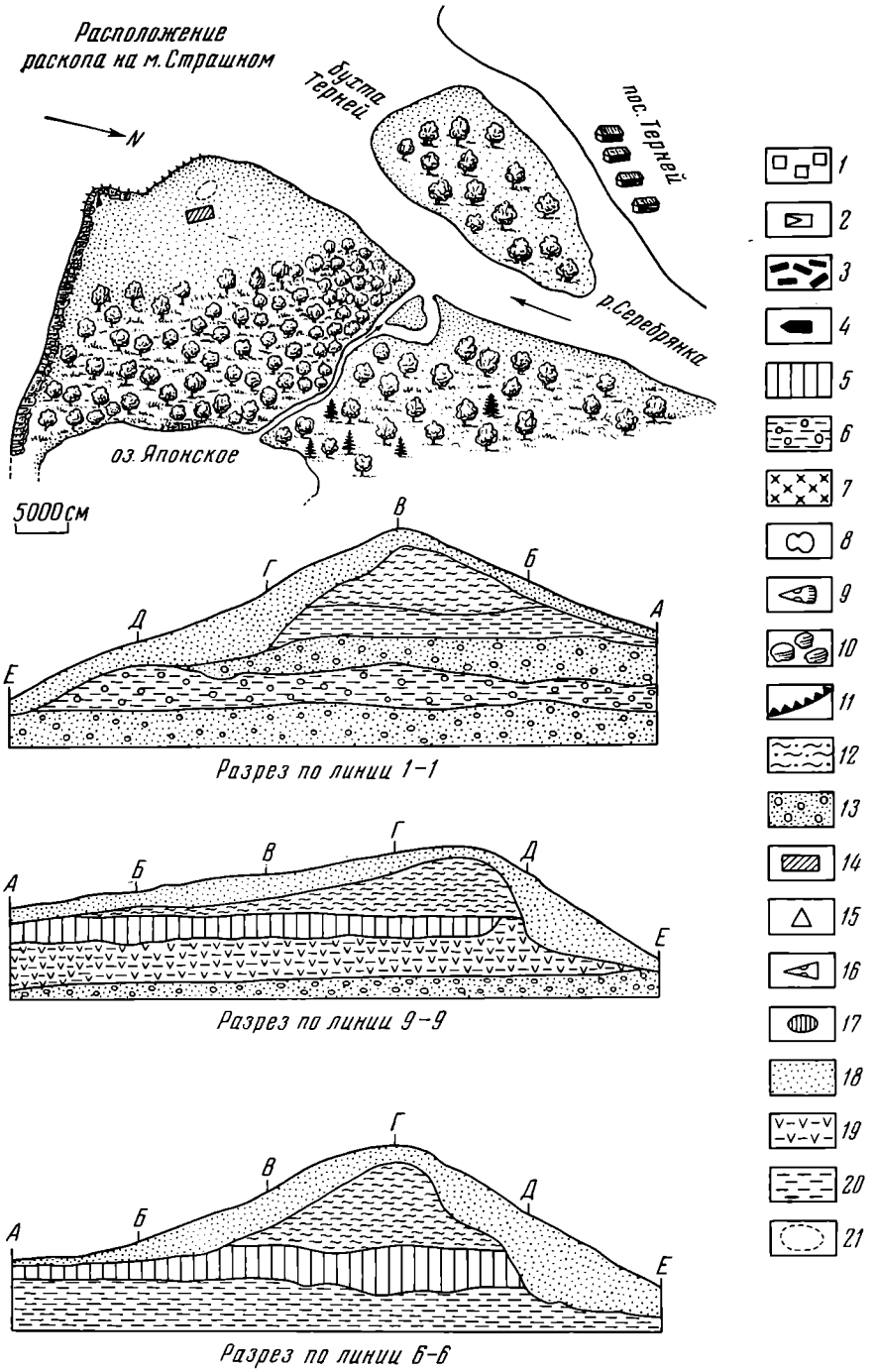


Рис. 1. План местности и раскопа на мысу Страшном. *1* — фрагменты керамики, *2* — каменный предмет, *3* — угольки, *4* — сгоревшее дерево, *5* — культурный слой, *6* — суглинок с мелким галечником, *7* — серая супесь, *8* — грузило, *9* — мотыга, *10* — камни, *11* — граница жилища, *12* — черная супесь, *13* — песок с мелким галечником, *14* — раскоп, *15* — отщеп, *16* — обломок мотыги, *17* — расщепленная галька, *18* — песок, *19* — темно-коричневый суглинок, *20* — серовато-желтая супесь, *21* — пересыхающее озеро

пространение — к эпохе бронзы и более поздним этапам развития первобытной техники [5].

Найден также плоский каменный предмет светло-коричневого цвета подпрямоугольной в плане формы (2,5×2,5×0,2 *см*), с биконическим отверстием в центре. На обеих сторонах заметны тонкие риски, связанные с обработкой предмета. Назначение находки остается пока неясным. Кроме того, встречено несколько довольно грубых отщепов и расколотых пополам галечек.

[5] *С. А. Семенов.* Первобытная техника. МИА, 54, 1957, стр. 174.



Подъемный материал собран на площади 2000 $м^2$. Керамика представлена фрагментами плоскодонных сосудов, большей частью без орнамента, за исключением нескольких черепков, имеющих вертикальные гребенчатые оттиски, налепные валики и прочерченные параллельные желобки.

Каменный инвентарь более разнообразен и, за исключением вещей, аналогичных описанным выше, нуждается в специальной характеристике.

Наиболее многочисленны наконечники стрел и дротиков (26 экз.).

I. Наконечники треугольной формы: а) с вогнутым, подправленным ретушью основанием (рис. 3, *8, 9*); б) с прямым основанием (рис. 3, *7*); наконечники обработаны плоской ретушью по всей поверхности; в) короткие треугольные наконечники на пластинах и отщепах со слабо выра-

женной овальной выемкой в основании; ретушью оформлено острие и стороны орудия (рис. 3, *6*).

II. Наконечники усеченно-ромбической формы (рис. 3, *5*).

III. Удлиненные наконечники стрел, имеющие вид приостренной четырехугольной призмы, в сечении иногда округлые, ретушь сплошная (рис. 3, *3, 4*).

IV. Черешковые наконечники представлены двумя разновидностями: а) с отчетливо выраженными плечиками-уступами, отделяющими черешок от пера (рис. 3, *1*); их можно назвать треугольно-черешковыми; б) с плавным переходом нижней части наконечника в верхнюю, или ромбоидально-черешковые; некоторые экземпляры имеют явно асимметричный вид бла-

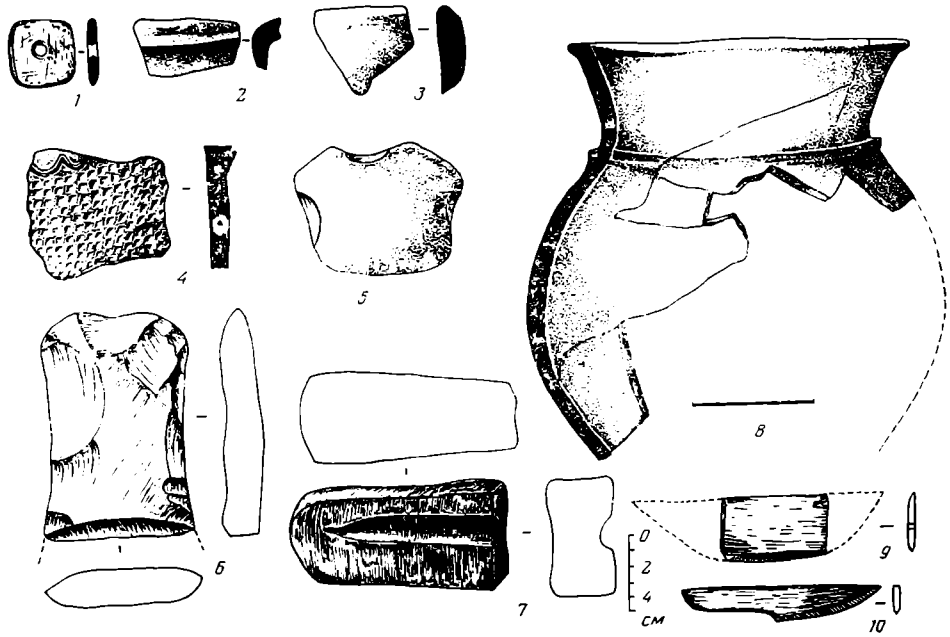


Рис. 2. *1* — каменный предмет; *2—4, 8* — керамика; *5* — каменное грузило; *6* — рукоять плечиковой мотыги; *7* — точильный инструмент; *9, 10* — шлифованные ножи

годаря намеренно сделанным выемкам на одной из сторон орудия (рис. 3, *2, 10*).

К этой группе относится один крупный наконечник, имеющий так называемое асимметричное сечение пера — особенность, впервые фиксируемая на континентальной части Советского Дальнего Востока [6] (рис. 3, *11*).

К описываемой коллекции принадлежат и два предмета из окаменелого дерева. Назначение одного не вполне ясно, другой — хорошо отшлифованный наконечник с боковым выступом-шипом (рис. 3, *14*).

Из более мягких пород камня шлифовкой изготовлено два ножа. Один из них (фрагмент средней части) представляет собой тип, известный под названием жатвенных ножей-серпов. Орудие имеет симметрично заточенное лезвие и одно просверленное биконическое отверстие [7] (рис. 2, *9*). Другой нож однолезвийный, с симметричной заточкой и выделенной рукоятью; рабочая часть расположена под углом к рукояти [8] (рис. 2, *10*).

---

[6] Эта асимметрия достигается намеренной обработкой ретушью противолежащих плоскостей функциональной части наконечника. В результате создается впечатление, что острие перекручено в сечении. Кроме названного изделия в самом пос. Терней на практически разрушенной стоянке у рыбинспекции обнаружен еще один черешковый наконечник с такой же обработкой пера.

[7] *А. П. Окладников.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 129.

[8] *А. П. Деревянко.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973, стр. 125;

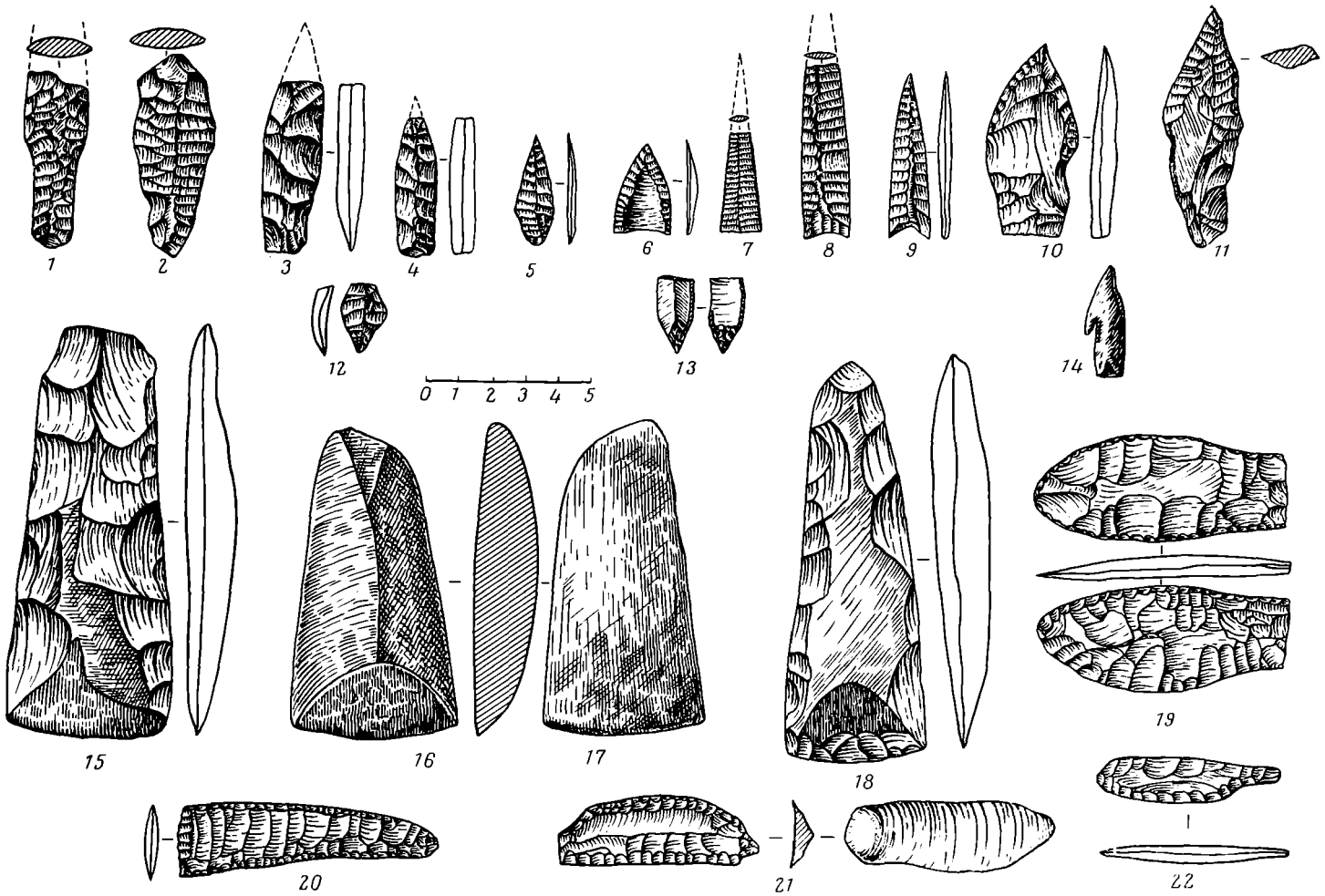


Рис. 3. *1–11* – типы ретушированных наконечников стрел; *12*, *13* — проколки; *14* — наконечник из окаменелого дерева; *15—18* — рубящие орудия; *19–22* – ретушированные ножи

Рубящие орудия представлены тремя образцами (рис. 3, *15—18*). Инструменты изготавливались оббивкой с дальнейшей частичной и полной шлифовкой. В одном случае подправка рубящей части лезвия осуществлялась ударной ретушью по шлифованной поверхности (рис. 3, *15*).

Из мелких предметов в коллекции имеются проколки, выполненные на отщепе и пластине (рис. 3, *12, 13*).

Материалом, служащим в данной местности для обработки орудий, являлись твердые породы камня: кремень, сланец, песчаники, гранит, обсидиан, окаменелое дерево.

Характерной чертой стоянки следует считать отсутствие массового производства каменных орудий на месте. Наличие небольшого числа отщепов связано со вторичной операцией — подправкой изделий. Преобладает двусторонняя техника обработки камня. Призматические формы нуклеусов отсутствуют. Изделия на пластинах встречаются редко.

Все это сближает нашу стоянку с поселением Рудная Пристань, как с нижним, более ранним, так и с верхним слоями [9]. Большая часть коллекции каменных орудий представляет собой материал, типичный для широкого круга развитых и поздненеолитических культур, и не может служить основанием для датирования комплекса. Представляется целесообразным остановиться на нескольких предметах, имеющих более узкое распространение во времени. К ним мы относим наконечники с асимметричным сечением пера, ретушированные ножи с выделенной рукоятью, плечиковые мотыги, шлифованные ножи с отверстием (жатвенные), ножи с лезвием, расположенным под углом к рукояти.

Асимметричные наконечники в настоящее время устойчивой серией представлены в коллекциях южнокурильских памятников (о-ва Итуруп и Кунашир) и датируются концом II — началом I тысячелетия до н. э. [10] В это же время на неолитических стоянках Приморья (верхний слой Рудной) [11], Сахалина, Камчатки, Охотского побережья, Курильских островов (южная группа) распространяются двусторонне ретушированные ножи с выделенной рукоятью [12].

Плечиковые топоры или мотыги — достаточно широко распространенные предметы. Характерны они и для Приморья [13]. На севере Приморья их существование лежит в пределах от середины (уже упоминаемый слой Руднинской стоянки) до конца II тысячелетия до н. э. [14] Жат-

---

Ж. В. Андреева. «Курганы» валентиновской группы памятников. Сб. «Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь», вып. 4. Новосибирск, 1975, стр. 123; *А. П. Окладников.* Далекое прошлое Приморья, стр. 57, 112.

[9] *А. П. Окладников, А. П. Деревянко.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, стр. 171, 174. Верхний слой стоянки Рудная Пристань датируется первой половиной — серединой II тысячелетия до н. э. См.: *А. П. Окладников.* Далекое прошлое Приморья, стр. 80; *Д. Л. Бродянский.* Приамурско-маньчжурская археологическая провинция в IV—I тыс. до н. э. Сб. «Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий». Новосибирск, 1975, стр. 182.

[10] *Р. В. Козырева.* Древняя история Курильских островов. Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964, стр. 697; *В. А. Голубев.* Древние культуры Курильских островов. Сибирь и ее соседи в древности. Сб. «Древняя Сибирь», вып. 3. Новосибирск, 1970, стр. 224, рис. 6, *4*.

[11] Ножи из верхнего слоя Рудной имеют несколько более раннюю дату (около середины II тысячелетия до н. э.). См. *А. П. Окладников.* Далекое прошлое Приморья, стр. 52.

[12] *Р. С. Васильевский.* Памятники каменного века на Курильских островах. Сб. «Археология Северной и Центральной Азии». Новосибирск, 1975, стр. 74. В этой работе дана библиографическая справка о распространении ножей на указанной территории.

[13] *А. П. Окладников, Д. Л. Бродянский.* Дальневосточный очаг древнего земледелия. СЭ, 1969, 2, стр. 4, 5.

[14] *В. Е. Ларичев.* Стоянки культуры раковинных куч. СА, 1958, 1, стр. 141—146. В последние годы значительное количество плечиковых мотыг обнаружено на поселениях Лидовка-I, Благодатное-I, II, III. Памятники датируются, видимо, не позднее начала I тысячелетия до н. э.

венные ножи также широко распространены. По мнению Д. Л. Бродянского, нижней границей их появления может быть XIII в. до н. э.[15]

Другой тип шлифованных ножей (с лезвием, расположенным под углом к рукояти) также встречается на ряде памятников Приморья, датируемых концом II — началом I тысячелетия до н. э.: Харинская, Валентиновский «курган», северо-западная часть бухты Опричник[16], Лидовка-I[17].

Керамический комплекс не вносит значительных изменений в датировку стоянки. В целом керамика по форме и орнаменту вполне соответствует концу II тысячелетия до н. э. и согласуется с северноприморскими памятниками Лидовка-I, Сайон-II и др.

Несколько выделяются два фрагмента керамики с ложнотекстильным орнаментом и вертикальными оттисками гребенчатого штампа, до сих пор не встречаемых на северо-востоке Приморья. Подобная керамика обнаружена в комплексе эпохи бронзы на Нижнем Амуре[18], близком не только территориально, но и типологически стоянкам рассматриваемой территории.

Таким образом, памятник на мысу Страшном можно считать одним из наиболее ранних среди стоянок эпохи бронзы на северо-востоке Приморья.

[15] *Д. Л. Бродянский.* Ук. соч., стр. 183.

[16] *Ж. В. Андреева.* Ук. соч., стр. 123; *ее же.* Археологические работы в 1962 г. в Ольгинском, Шкотовском, Тетюхинском и Тернейском районах. Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 1, оп. 6, № 50, стр. 26.

[17] *В. И. Дьяков, О. В. Дьякова.* Разведка в Северном Приморье..., стр. 204.

[18] *А. П. Окладников.* Научный отчет по раскопкам в селе Кондон Хабаровского края. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2705, стр. 42.

М. И. КАРАГОДИН

НОВЫЕ НАХОДКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ШЕЛАЕВО (р. Оскол)

Среди многочисленных памятников бронзового века, расположенных в среднем течение р. Оскола, особое внимание исследователей давно привлекали поселения у с. Шелаево[1]. Данная публикация имеет целью ввести в научный оборот новые материалы, полученные из курганного могильника бронзового века, расположенного вблизи этих поселений.

По фамилии землевладельца курган получил название «Кубаева могила». В прошлом он имел диаметр около 40 и высоту около 4 *м*. В настоящее время курган сильно сглажен, и его северо-западная половина занята подсобными строениями кирпичного завода. С юго-восточной стороны в курган врезан глиняный карьер завода. Здесь рабочими случайно было обнаружено древнее погребение.

В результате доследования погребения, сильно разрушенного экскаватором[2], было установлено, что оно находилось в восточной полé кургана, примерно на середине между его центром и краем насыпи. Несмотря на разрушение, по оставшейся части стенок, имевших заметный переход к своду, прослежена катакомбная форма погребального сооружения. Дно катакомбы находилось на глубине 2,5 *м* от современной поверх-

[1] *А. А. Орлов.* Стоянки каменного века на р. Осколе. Тр. ВУАК, II, Воронеж, 1904 г.; Архив С. Н. Замятнина в Воронежском краеведческом музее; *М. Е. Фосс.* Разведки на р. Осколе. Тр. ГИМ, XII, 1941; *ее же.* Валуйский район. Сб. «Археологические открытия в РСФСР 1934—1936 гг.» М.— Л., 1941; *А. Д. Пряхин.* Отчет о работе археологической экспедиции ВГУ за 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3431.

[2] *М. И. Карагодин.* Отчет об исследовании кургана Кубаева могила в Валуйском районе Белгородской обл. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4650.

ности и имело двухслойную подстилку: темно-коричневый зольный нижний слой с растительными остатками был перекрыт сверху белой известковой подсыпкой. Расположенные на ней три костяка густо посыпаны ярко-красной краской. Они лежали на правом боку в скорченном положении и были ориентированы на восток — северо-восток.

Инвентарь оказался довольно богатым для погребения ранней бронзы среднего течения Оскола. У изголовья каждого погребенного был горшок. Один из них, средний (рис. 1), сохранился полностью, а два других (рис. 2, *1, 2*) фрагментированы. Все они близки по форме: высокий, слегка отогнутый наружу венчик большого диаметра, крутые плечики, плоское дно значительно меньшего диаметра, чем венчик. Поверхности двух сосудов орнаментированы типичным для местного варианта катакомбной культуры сочетанием узоров из кругов, треугольников, горизонтальных и наклонных линий, полос и зон, выполненных отпечатками веревочки и зубчатого штампа, а также нарезными линиями и ногтевидными вдавлениями. Третий горшок имеет только косые насечки по краю венчика. Внутренняя поверхность сосудов покрыта горизонтальными линиями от заглаживания зубчатым штампом. Цвет снаружи варьирует от палевого до серо-коричневого, а внутри и в изломе черный.

Рис. 1. Сосуд из кург. Кубаева могила

Предметы из бронзы: кованый нож листовидной формы длиной 10 *см* (рис. 3, *1*), стамесочка прямоугольного сечения размером 6,2×4×2,5 *мм* (рис. 3, *2*), шило (рис. 3, *3*), женские украшения — пять трубочек-пронизок с неглубоким рифлением и булавовидная подвеска (рис. 3, *4*).

Камень представлен разными породами: две мраморные полированные булавы (рис. 3, *5*) — черная, размером 7,4×6,3 *см*, и белая, 6,5×5 *см*, имеющие одинаковые конические отверстия 2×1,8 *см*; оселок из светло-коричневого сланца длиной 12,5 *см*; пара «выпрямителей» стрел из красного песчаника (рис. 3, *6*); из кремня — проколка (рис. 3, *7*) и два наконечника стрел (рис. 3, *8, 9*), обработанных струйчатой ретушью, а также 15 кремневых отщепов-заготовок, некоторые из них с незаконченным оформлением под наконечники (рис. 3, *10, 11*), предмет из сферосидерита (рис. 3, *12*) размером 50×37 *мм*, полый, толщина стенок 2—3 *мм*. Костяных предметов найдено два типа. Первый — это плоские острия (рис. 3, *13, 14*) длиной до 9 и шириной до 1,5 *см*, которых было около 10 (из-за плохой сохранности трудно сказать точнее). На широких концах имелись по две пары симметричных вырезов. Второй тип представляют две круглые в сечении костяные палочки конической формы (рис. 3, *15*). Их тонкие концы полностью сохранились и имеют диаметр 1 *см*, а толстые, разрушенные у обоих экземпляров, имеют в сохранившейся части диаметр 1,8 *см*, длина их оставшейся части равна 8 *см*.

Значительная часть описанных предметов входила в состав двух комплектов вещей, которые были зафиксированы в положении in situ. Один из них составляли костяные острия, которые лежали кучкой в области ног поперек оси погребения и были все обращены острыми концами в одну сторону (на юг). Хотя их функция пока не определена, однако обращает на себя внимание их взаимное расположение. Острые концы, заполированные, вероятно, от длительного употребления, делают наиболее

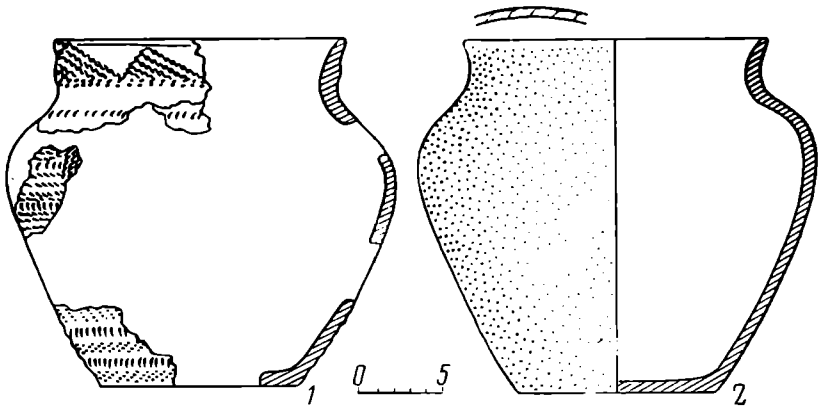


Рис. 2. Сосуды из кург. Кубаева могила

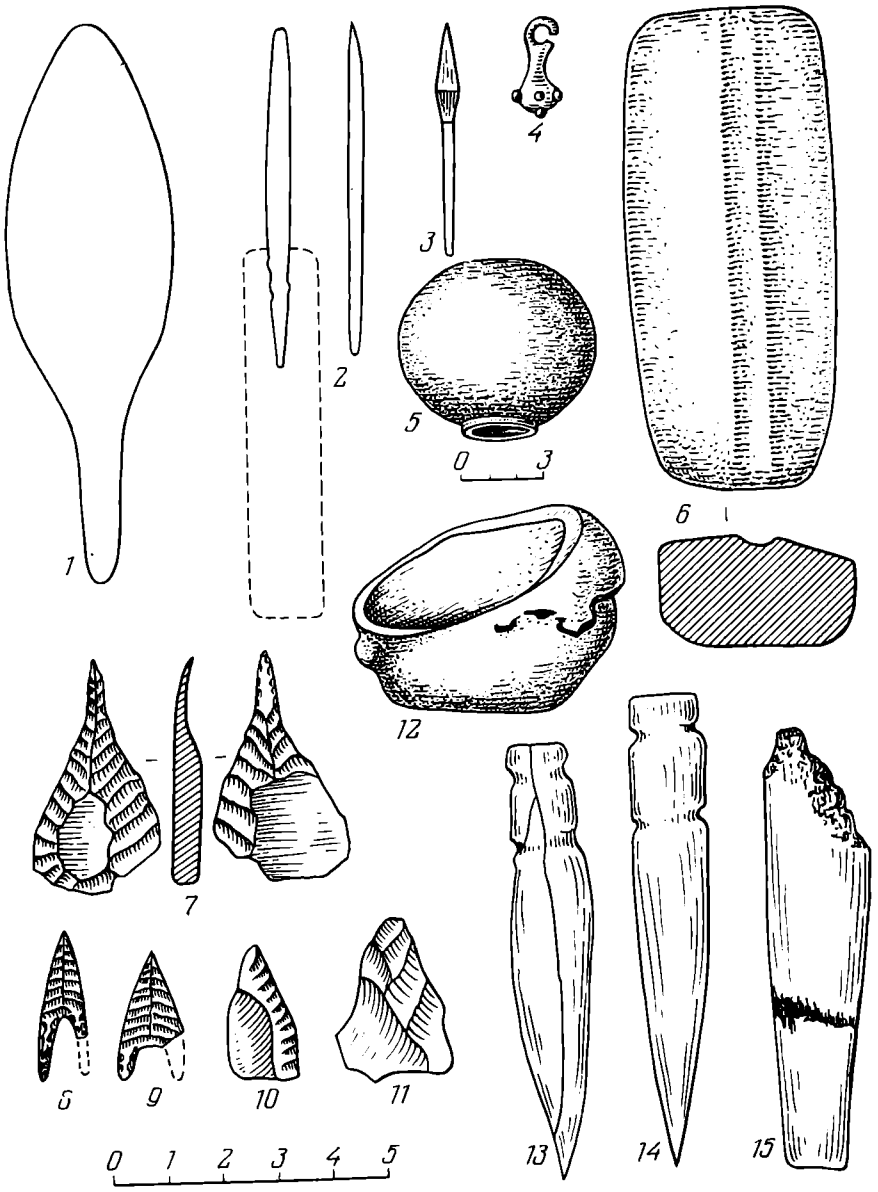


Рис. 3. Инвентарь из кург. Кубаева могила

логичным предположение об их рабочем назначении. Вырезы на противоположном конце могли служить для соединения с деревянной ручкой. Для аналогии можно указать на гарпун с Оскола (Белгородский краеведческий музей), имеющий на заднем конце несколько вырезов, которые, бесспорно, служили для соединения с древком. Таким образом, это могли быть наконечники дротиков или просто проколки.

Богаче и разнообразнее по составу оказался набор инструментов и материалов (рис. 3), которые, также в области ног, были сложены в деревянной коробке, на что указывает наличие древесного тлена под ними и вокруг, а также их расположение. Сверху лежали более крупные предметы (оселок, выпрямители), а под ними, очевидно, просыпавшийся на дно мелкий кремневый инвентарь. Примечательно положение лезвия бронзовой стамесочки, которое находилось с краю и острым концом уперлось в дно под углом 30°. Очевидно, так оно зависло на деревянной ручке между стенкой коробки и оселком, оставив на нем зеленое пятно окиси, а когда дерево сгнило, то осевшая земля закрепила его в том же положении.

Интересны «выпрямители» из рассматриваемого погребения. Роль литейной формочки они не могли выполнять по ряду причин: во-первых, ее невозможно было бы заполнить металлом, так как желобки створок мелкие и при соединении образуют очень узкую щель; во-вторых, у них разная длина — 90 и 97 *мм*; в-третьих, они не плотно смыкаются вследствие асимметрии их внутренних поверхностей, образовавшейся при употреблении. Когда мастер, обжимая ими стрелу, производил шлифовку, то их внутренние поверхности терлись друг о друга внешними краями и стачивались. Как раз это и видим мы на шелаевских выпрямителях. Все эти наблюдения указывают на невозможность применения их в бронзолитейном деле, однако ни одно из них не мешало шлифовать стрелы.

Сланцевый оселок овального сечения имеет следы изношенности на одной из сторон в виде поперечных бороздок. Вероятно, им не только правили ножи, но, возможно, также полировали древки стрел. Тут же находился предмет из сферосидерита с хорошо выраженными следами огня на донышке. В той же коробке находились конические костяные палочки неизвестного назначения.

Таким образом, материалы Кубаевой могилы позволяют вполне определенно утверждать, что этот курганный могильник оставлен одним из обитавших на Осколе племен катакомбной культуры. Ближайшим из известных поселений, содержащим аналогичный материал, является поселение Шелаево II.

В. В. БОРИСОВА

БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА КОНЯ ИЗ ХЕРСОНЕСА

В 1955 г. в Херсонесе вблизи юго-восточного участка оборонительной стены был открыт склеп — семейная усыпальница неправильной четырехугольной формы (4,23×3,73×3,20×2,95 *м*) с подпорным столбом в центре и дромосом. Вдоль двух стен вырублены лежанки. Склеп был еще в древности ограблен, и целый ряд предметов погребального инвентаря вместе с останками погребенных беспорядочно лежал на полу [1].

Среди этих предметов выделяется статуэтка коня высотой 5,5 *см*, отлитая из бронзы [2] (рис. 1) и находившаяся, вероятнее всего, при одном из четырех погребений, занимавших лежанки.

[1] Нетронутыми оказались погребения на полу у стены без лежанок. Погребения на лежанках, можно думать, более ранние.

[2] Хранится в ХМ, инв. № 52/36436. Упомянут в статье *Э. А. Сымонович*. Две статуэтки коня из Побужья. КСИИМК, 72, 1958, стр. 25, прим. 19. Спектральный качественный анализ, проведенный в лаборатории археологической технологии ЛОИА

Статуэтка коня имеет прямоугольный постамент. Постамент с плинтусом укреплен на четырех ножках. Голова коня, украшенная султаном, слегка повернута вправо, правая передняя нога высоко поднята вверх, правая задняя выдвинута вперед. Хвост обрезан наполовину. Грива передана гравировкой после литья. Грудь украшена пельтообразной подвеской, исполненной также после литья.

Аналогичные бронзовые фигурки коней в Северном Причерноморье находили и раньше: одна из них была найдена в 1909 г. в с. Кринички [3], другая — в Пантикапее [4] (рис. 2). Однако точный паспорт обеих статуэток неизвестен.

Рис. 1. Статуэтка коня из Херсонеса

При сопоставлении между собой всех этих статуэток наблюдается значительное сходство. Все они бронзовые, литые, имеют одинаковые размеры, фигурки коней установлены на постаментах. Все они в одинаковом движении, но отличаются в деталях.

Херсонесская и пантикапейская статуэтки изображают идущих коней. Статуэтка из Криничек изображает стоящего коня, опирающегося передней правой ногой на столб. Постаменты у всех трех фигурок разные. По всей вероятности, у всех трех статуэток был общий прототип, но изготовлены они по разным моделям.

Как полагают, в этих бронзовых фигурках воплощен образ коня-призера [5]. Конные состязания в античных государствах получили широкое распространение. Известны конные состязания, проводившиеся на афинском празднике Анакий, установленном в честь Диоскуров [6]. В этих состязаниях принимали участие и херсонесцы, о чем свидетельствует найденная в 1899 г. в херсонесском подстенном склепе бронзовая гидрия с надписью «приз (с праздника) Анакий», относящаяся к концу IV—III вв. до н. э. [7] Две надписи из Дельф сообщают об участии херсонесцев в начале II в. до н. э. в Пифийских иг-

---

АН СССР, показал, что фигурка коня сделана из сплава, состоящего из меди, олова и свинца, с незначительными примесями. Как сообщила И. В. Богданова-Березовская, бронзы такого типа имеют золотистый цвет и обладают высокими антикоррозийными свойствами. В первых веках нашей эры они широко применялись для фигурного литья. В настоящий момент фигурка покрыта благородной патиной.

[3] *С. С. Гамченко.* Археологические исследования 1909 г. в Подолье по трипольской культуре. Архив ЛОИА, дело 1909 г. № 85а; ОАК за 1909—1910 гг. стр. 213, 214, рис. 243; *Э. А. Сымонович.* Ук. соч., стр. 22—27, рис. 1, хранится в ГЭ, № ДН, 1909, 6/1.

[4] Хранится в ГИМ, инв. № 78607. Сердечно благодарю Н. П. Сорокину, указавшую мне этот памятник и предоставившую фотографию для публикации.

[5] *C. H. Smith.* Bronzes antiques Greek, Roman. Paris, 1913, табл. I, 81; *Э. А. Сымонович.* Ук. соч., стр. 22—24.

[6] *Roscher.* Lexikon, s. v. Anakion, Dioscuroi.

[7] *К. Косцюшко-Валюжинич.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1889 г. ИАК, 1, 1901, стр. 7 сл., рис. 6, 7; *К. Э. Гриневич.* Стены Херсонеса Таврического. ХС, I, 1926, стр. 23, рис. 14 и 15; *С. А. Семенов-Зусер.* Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков, 1940, стр. 31 сл.; *M. M. Kublanow.* Agone und agonistische Festveranstaltungen in den antiken Städten der nördlichen Schwarzmeerkünste. «Altertum». Berlin, 1960, Hf. 3, S. 147; *Л. Г. Колесникова.* Спорт в античном Херсонесе, 1964, стр. 9, 10, рис. 3.

рах, проводимых в честь Аполлона [8]. В программу их входили и конные состязания. Особенно популярны конные состязания были в Римской империи и ее провинциях. Конные троянские игры проводились в Риме в присутствии императора Августа [9].

Спортивные, музыкальные, ораторские и другие состязания проводились и в самом Херсонесе. Свидетельством тому служат многие агонистические каталоги римского периода [10] и надписи на керамических изделиях [11], найденных в Херсонесе.

Из гимна в честь Гермеса известно, что в Херсонесе, как и в других античных городах (например, в Ольвии и Горгиппии), праздновали Гермеи [12]. Эти праздники имели широкую спортивную программу.

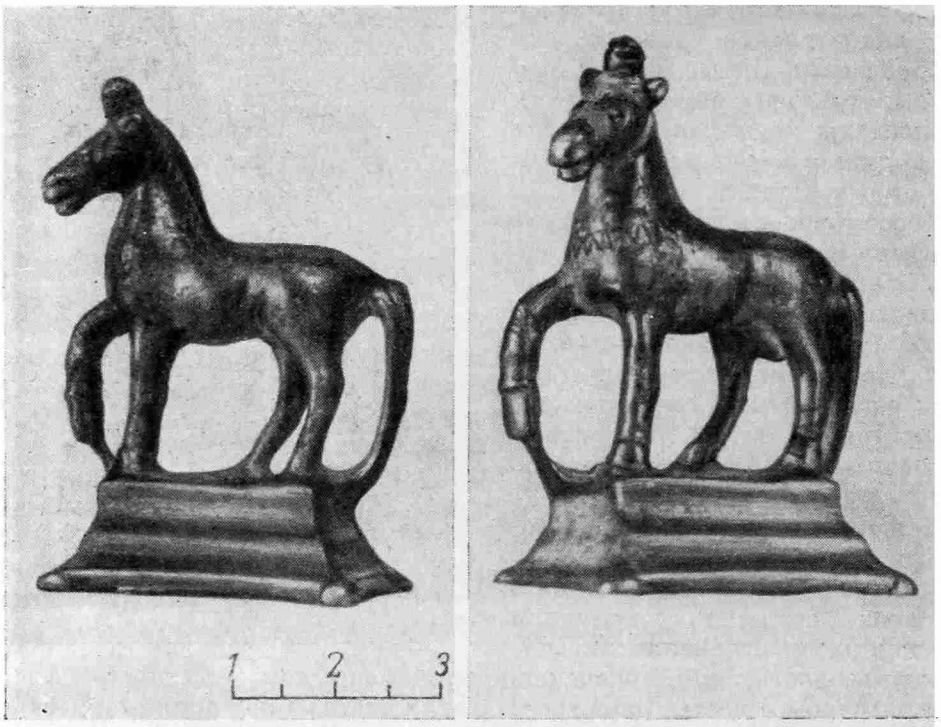


Рис. 2. Статуэтка коня из Пантикапея

Погребенный в склепе херсонесец был, вероятно, призером конных спортивных состязаний, а бронзовая статуэтка изображала его коня — победителя гонок.

О дате статуэтки позволяет судить сопровождающий находку погребальный инвентарь, довольно большой и разнообразный. Среди вещей, которые, вероятно, находились при погребенных на лежанках, найдена

---

[8] *Б. Н. Граков.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях. ВДИ, 1939, 3, стр. 248 сл., № 13, 14.

[9] *Ю. К. Колосовская.* Коллегии императорского культа в дунайских провинциях. КАМ, 1966, стр. 107, прим. 7.

[10] IOSPE, I², 433—437; *Э. И. Соломоник.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, стр. 57 сл., № 20, 21.

[11] *И. И. Толстой.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.— Л., 1953, № 81; *Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий.* Отчет о раскопках Херсонеса. Квартал XVIII. МИА, 34, 1953, стр. 188 сл., рис. 40 (верхний средний).

[12] IOSPE, I², 436, 186; IOSPE, IV, 432; КБН, 1137; *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 217, 240, 241; *Э. О. Берзин.* Горгиппийский агонистический каталог. СА, 1961, 1, стр. 111 сл.

краснолаковая и красноглиняная керамика [13], светильники с рубчиками на плечиках [14], стеклянные бальзамарии, бусы и подвески из стекла, пасты и янтаря, серебряное кольцо с гладким щитком, золотая серьга с сердоликовой вставкой, монеты времен херсонесской элевтерии III в. н. э. и римские II—III в. н. э. Приведенный материал определяет и дату фигурки коня, которая, таким образом, относится ко времени II—III вв. н. э. Так же может быть датирована и статуэтка из Пантикапея.

Устанавливаемую дату бронзовых фигурок коней подтверждают и другие памятники позднеримского времени с изображением коня, например монеты III в., происходящие из разных центров Балканского полуострова [15], многочисленные фракийские вотивные плитки II—III вв. н. э. из Западного [16] и Северного [17] Причерноморья с изображением всадника, боспорские надгробные рельефы и живопись [18], бронзовая статуэтка из Варненского музея [19], хотя смысловое значение, вложенное в изображение коня и конника, в каждом из этих памятников различно [20]. Например, в изображении коней на серебряных чашах из Армази Ш. Я. Амиранашвили видит изображение коня-божества, коня-тотема или жертвенного коня перед неугасимым огнем [21]. Статуэтка коня из Херсонеса лишена и жертвенника, и жертвенного столба. Думается поэтому, что толкование ее как изображения коня-призера имеет большое право на существование.

[13] *А. К. Тахтай.* Раскопки херсонесского некрополя в 1937 г. ХС, IV, 1948, стр. 27, 35, рис. 3, 5.

[14] *О. Ф. Вальдгауэр.* Античные глиняные светильники. СПб., 1914, стр. 61, № 483.

[15] *Э. А. Сымонович.* Ук. соч., стр. 25, рис. 2.

[16] *Г. И. Кацаров.* Тракийското святилище при с. Дийникли. Юбилеень годишникъ на народнатe библиотека в Пловдивъ, 1925 *М. Мирчев.* Латински епиграфски паметници от Черноморието. ИБАД, IX, 1952.

[17] ОАК за 1903 г., стр. 28, рис. 25, стр. 31; *К. Косцюшко-Валюжинич.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1903 г. ИАК, 16, 1905, стр. 54, 55, рис. 12, стр. 85; ОАК за 1890 г., стр. 31, 38; *К. Э. Гриневич.* Отчет о Херсонесских раскопках 1926 года в связи с раскопками 1907—1910 гг. ХС, II, стр. 278, рис. 15 на стр. 279; *Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий.* Отчет о раскопках Херсонеса. Кварталы XV и XVI. МИА, 34, стр. 78, рис. 42; *G. Kieseritzky und K. Watzinger.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1908, № 576, 577, 579; IOSPE, I², 503; *М. И. Ростовцев.* Святилище фракийских богов. ИАК, 40, 1911, стр. 15; *В. Д. Блаватский.* Харакс. МИА, 19, 1951, стр. 257, рис. 6, *3*; *Э. И. Соломоник.* Две случайные эпиграфические находки в Крыму. НЭ, V, 1965, стр. 99 сл., рис. 2.

[18] *А. П. Иванова.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, рис. 55, 67, 72, 74, 75, 82, 87, 89, 90, 91, 92; АДЖ, табл. I, XXIII, XXVIII, XXIX.

[19] *Г. Тончева.* Тракийското влияние в Одесос. ИАДВ, X, 1956, табл. III, рис. 16.

[20] *Н. Н. Бритова.* Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 53 сл.

[21] *Ш. Я. Амиранашвили.* Две серебряные чаши из раскопок в Армази. ВДИ, 1950, 1, стр. 100.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

НЕСКОЛЬКО ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

Несмотря на то что ряд древнеегипетских предметов в Средней Азии был обнаружен еще до революции, специальные статьи, посвященные вопросу культурных связей Средней Азии и домусульманского Египта, появились совсем недавно. Это две работы Б. Я. Ставиского, в одной из которых он рассматривает проблему международных связей древних государств Средней Азии в целом [1]. Другая его статья непосредственно

[1] *Б. Я. Ставиский.* Средняя Азия, Индия, Рим. Сб. «Индия в древности». М., 1964. стр. 179.

посвящена выявлению культурных связей Египта и Средней Азии, в связи с чем автор дает сводку всех известных ему находок древнеегипетских предметов на территории этого региона [2].

Долгое время был известен только один подобный предмет из Северной Бактрии: найденная на городище Кей-Кобад-шах в Кобадиане подвеска в виде сжатой в кулак руки из голубого египетского фаянса. Эта подвеска неоднократно упоминалась в литературе и являлась единственным примером проникновения египетского импорта в Северную Бактрию [3]. Однако в недавно опубликованной работе Б. А. Литвинского упоминается находка в погребении 83 на Туп-хане в 1961 г. еще двух аналогичных подвесок [4].

При археологических исследованиях в Сурхандарьинской области УзССР на ряде кушанских городищ автору данной заметки удалось обнаружить еще несколько подобных предметов.

Наиболее интересна среди них подвеска — фаллический амулет из голубого египетского фаянса (рис. 1, *2*). Она обнаружена в разрушенном погребении у большого кушанского городища Ялангтуш-Тепе, расположенного на северо-восточной окраине к. Бандыхан. Городище состоит из цитадели (110×100 *м*) высотой 8—10 *м* и неукрепленного поселения, вытянутого с юго-запада на северо-восток вдоль среднего течения Ургульсая. Общие его размеры в этом направлении приблизительно 1 *км*, с запада на восток 800—900 *м*.

На северо-восточной окраине поселения, в 250 *м* от цитадели, нами был открыт и частично раскопан большой некрополь. Он состоит из отдельных подквадратных в плане погребальных сооружений (обычные размеры: 640×590, 730×480 *см*) из квадратного сырцового кирпича (34×34×14 *см*), включающих в себя две камеры. Раскопки хорошо сохранившихся камер позволили определить, что погребения в них совершены по своеобразному обряду с предварительным очищением костей, причем количество погребенных в одной камере доходило до 11, а черепа в основном размещались в ряд вдоль стен. В камерах найдено большое количество керамики, украшений и монет кушанских правителей от Сотера Мегаса до Хувишки, что позволяет датировать могильник от второй половины I в. н. э. вплоть до III в. н. э.

В разрушенном погребении наряду с фаллической подвеской были найдены пять обломков круглых в сечении бронзовых браслетов, семь раковин каури и шесть бусин: две шаровидные сердоликовые и четыре стеклянные, а также монета Сотера Мегаса обычного типа. Таким образом, принадлежность как всего могильника, так и погребения с фаллической подвеской к эпохе Великих Кушан не вызывает сомнения. Следует отметить, что находка подобной подвески-амулета является большой редкостью не только для Северной Бактрии, но и всей Средней Азии.

Фаллические подвески аналогичного типа найдены в Джанбас-Кале и Кой-Крылган-Кале [5]. Еще одна подобная подвеска обнаружена в 1973 г.

---

[2] *Б. Я. Ставиский.* О культурных связях древней Средней Азии с домусульманским Египтом (к постановке вопроса). Сб. «Древний Восток». М., 1975, стр. 304—308.

[3] *А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер.* Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, 55, М.— Л., 1958, стр. 302, рис. 10.

[4] *Б. А. Литвинский.* Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973, стр. 140.

[5] *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, стр. 119; *И. В. Пташникова.* Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. Тр. ХАЭЭ, т. I. М., 1952; стр. 109; Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. М., 1967, стр. 149, табл. XVII, *16*. Вопреки утверждению Б. Я. Ставиского, ни в одной из цитированных им статей не упоминается о находке фаллической подвески в Аяз-Кале. См. *Б. Я. Ставиский.* Средняя Азия..., стр. 179 и указанные выше работы.

в погребении у городища Шах-Тепе в Южном Таджикистане [6]. В то же время они обычны для античных городов Северного Причерноморья, где встречаются в большом количестве. В частности, совершенно аналогичная нашей подвеска-амулет из района Керчи опубликована Б. Б. Пиотровским [7].

К другой категории предметов древнеегипетского типа относятся подвески-амулеты в виде сжатой в кулак кисти из голубого египетского фаянса (рис. 1, *1*). Всего их найдено три на городище Шуроб-Курган, Талашкан-Тепе II и Баба-Тепе [8]. По форме они аналогичны прежде обнаруженным на территории Средней Азии [9].

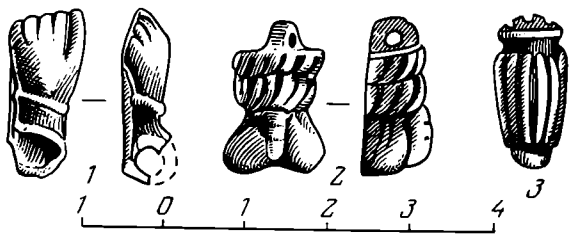


Рис. 1. Древнеегипетские подвески-амулеты из Северной Бактрии

При раскопках на объекте Дт-18 городища Дальверзин-Тепе найдена амфоровидная подвеска с вертикально каннелированной поверхностью из голубого египетского фаянса. Верхняя ее часть обломана. Сохранившаяся высота 1,8, наибольший диаметр 0,9 *см* (рис. 1, *3*). Сводка находок таких подвесок в Средней Азии опубликована Б. А. Литвинским, который, в частности, отмечает, что шесть из них найдены в Северной Бактрии: пять в Туп-хане и одна в Душанбинском некрополе [10]. Аналогичная подвеска обнаружена и в Кой-Крылган-Кале [11]. По мнению А. Стейна, подобные подвески близко напоминают изделия римского Египта [12].

Таким образом, вновь сделанные находки на юге Узбекистана пополняют коллекцию предметов древнеегипетского типа в Северной Бактрии кушанского времени и свидетельствуют о возможности контактов между этой областью и Египтом. Преждевременно говорить о прямых контактах, скорее всего они были опосредствованными. Б. Б. Пиотровский полагал, что древнеегипетские предметы могли попадать в Среднюю Азию через Индию [13]. Б. Я. Ставиский намечает три возможных направления связей: через Индию, по великому шелковому тракту и по северному пути, связывающему античные города Северного Причерноморья со Средней Азией. Большое значение этого пути подтверждается находками вдоль его трассы предметов среднеазиатского и восточноевропейского происхождения. Посредниками в этой торговле были сарматские племена, в частно-

[6] За сведения о ее находке приносим большую благодарность Б. А. Литвинскому и А. Седову.

[7] *Б. Б. Пиотровский.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1, 1958, стр. 25, рис. 2.

[8] Описание этих городищ см.: *Э. В. Ртвеладзе.* Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. Древняя Бактрия, вып. 1. Л., 1974, стр. 74, 77; *Э. В. Ртвеладзе.* К обследованию древних городищ в Северной Бактрии. АО — 1972, М., 1973, стр. 469, 470.

[9] *А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер.* Ук. соч., стр. 302, рис. 10; *О. В. Обельченко.* Курганные погребения первых веков нашей эры и кенотафы Кую-Мазарского могильника. Тр. САГУ, XI, Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, стр. 113, 121—122; Кой-Крылган-Кала..., стр. 149, табл. XVII, *17*.

[10] *Б. А. Литвинский.* Ук. соч., стр. 138.

[11] Кой-Крылган-Кала..., стр. 149, табл. XVII, *15*.

[12] *A. Stein.* Serindia, vol. I. Oxford, 1921, p. 265.

[13] *Б. Б. Пиотровский.* Ук. соч., стр. 25.

сти, аорсы, владевшие большей частью побережья Каспийского моря. По словам Страбона, аорсы контролировали дорогу, шедшую вдоль Каспийского моря, и вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидян [14]. Наряду с индийскими и вавилонскими среди них могли быть и товары египетского происхождения. Через посредничество аорсов и других сарматских племен они попадали в Хорезм и в Согд и далее в Северную Бактрию. Конечно, это только один из возможных путей проникновения сюда древнеегипетских предметов, не менее важную роль могли играть и другие направления, намеченные Б. Я. Стависким.

[14] Страбон, XI, V—8.

М. Х. БАГАЕВ

ГАЛАЙТИНСКИЙ КЛАД VI — VII ВВ. Н. Э.

Весной 1974 г. в сел. Галайты Ножай-Юртовского района Чечено-Ингушской АССР мне передали оригинальные предметы из серебряной и позолоченной серебряной фольги [1]. Данный комплекс украшений был найден местными жителями во время работы на табачной плантации, на правом берегу р. Аксай, на юго-западной окраине сел. Галайты. По словам очевидцев, которые нашли эти вещи, находки залегали на глубине 1 *м*, никаких следов погребального сооружения и погребенного не было обнаружено. Во время летних археологических работ в этом районе мы заложили раскоп 4×4 *м* на месте находки указанных украшений. Остатков погребения в раскопе не оказалось. Вероятно, находка должна рассматриваться как клад. К сожалению, нам досталась только часть выкопанных находок [2]. Некоторые из находок помяты, сохранность многих хорошая (рис. 1).

Интересна обкладка седла (рис. 1, *1*) [3]; вторая аналогичная накладка утеряна школьниками. Она имеет форму полуовала или трапеции. На ее краях сохранились следы от бронзовой подкладки. По краю бляхи имеются четыре орнаментальные зоны, отделенные друг от друга линиями из точек: сначала — треугольные отверстия, вероятно для инкрустации, потом зигзагообразная точечная линия и, наконец, пояс З-образного орнамента и ряд равнобедренных треугольников; эти мелкие треугольники (на рисунке они залиты) углубленные, сделаны тиснением. Остальная площадь украшена чешуйчатым орнаментом. Весь орнамент седельной накладки нанесен с лицевой стороны и углублен.

Трапециевидные и сегментовидные седельные бляхи с чешуйчатым или точечным орнаментом известны на территории Восточной Европы в основном из могил V в.[4], хотя на Западе найдены бляхи и первой половины VI в.: в Италии (Равенна) и также в ФРГ (Крефельд-Геллеп) [5].

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить директора Галайтинской средней школы В. М. Мусхаджиева и завуча той же школы В. Г. Пересвет за сохранение находок для науки.

[2] Среди утерянных школьниками вещей были одна обкладка седла, бронзовый гвоздь и несколько бляшек (рис. 1, *3*).

[3] Накладка напоминает нагрудник (см. «Фракийское искусство и культура Болгарских земель. Каталог выставки». М., 1974, стр. 96, № 141 и табл. 141, стр. 170). Однако форма галайтинского украшения и ряд других аналогий позволяют считать его обкладкой седла.

[4] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, 3, стр. 115, 120; *его же.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.). СА, 1973, 4, стр. 96, рис. 2, *9, 20.*

[5] *V. Bierbrauer.* Die ostgotischen Funde von Domagnano. Germania, 51, H. 2. Berlin, 1973, Taf. 40, *1—2*, S. 523.

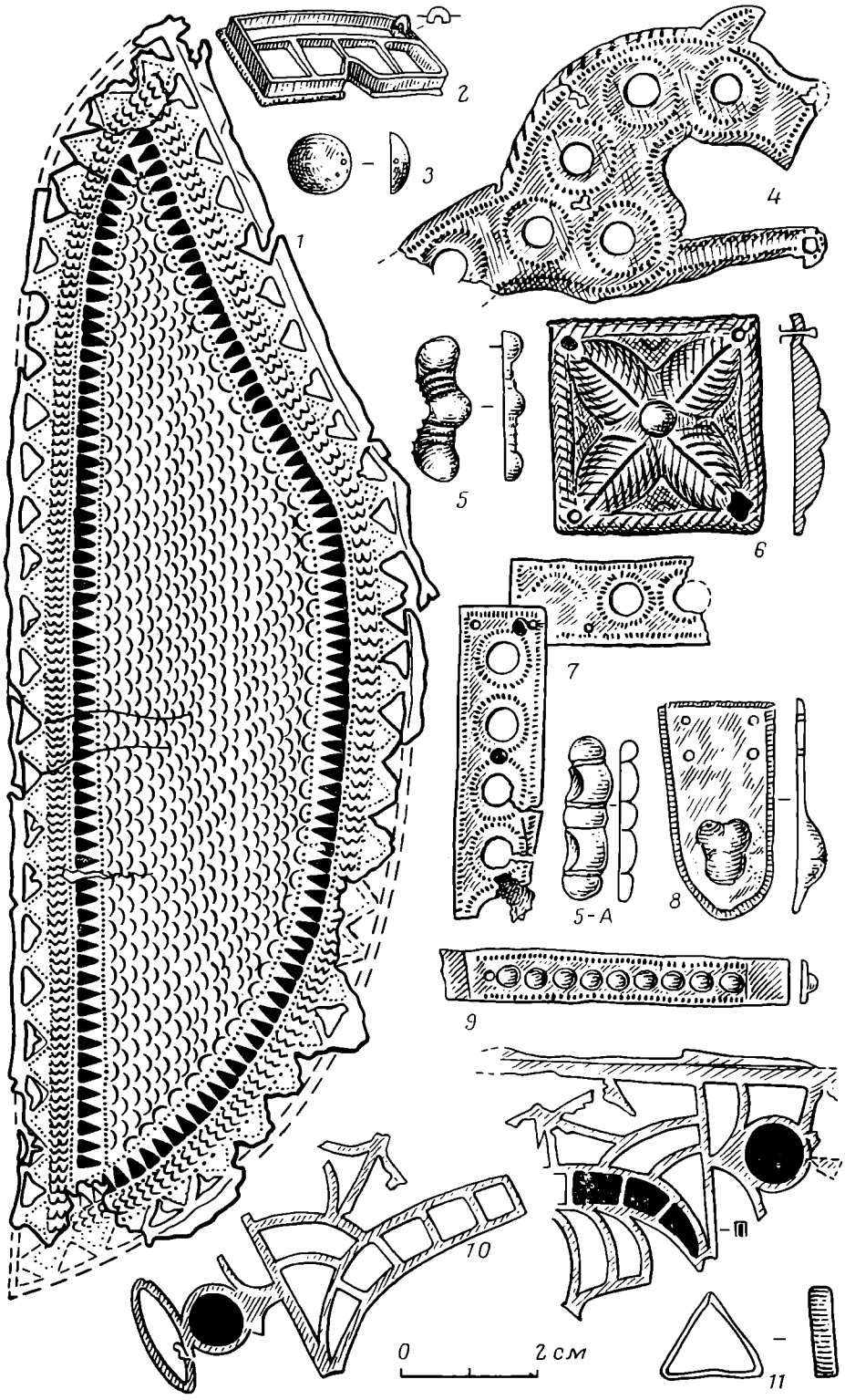


Рис. 1. Серебряные с позолотой предметы из Галайтинского клада: *1* — обкладка седла; *2*, *11* — рамки для инкрустаций; *3—9* — бляшки; *10* — обломки неизвестного предмета со следами инкрустации

Равеннская и крефельд-геллепская бляхи сопоставимы с галайтинской прежде всего по форме и размерам. Однако орнамент приведенных выше аналогий несколько отличается от нашей. По краям они украшены перегородчатой инкрустацией, а основная площадь пустует, в то время как галайтинская украшена по краям кроме инкрустации еще тисненым орнаментом, а центральная (основная) площадь бляхи полностью заполнена чешуйчатым тисненым узором. Последний заставляет вспомнить еще одну аналогию — две золотые бляхи с чешуйчатым орнаментом из Новогригорьевского могильника V в. н. э., опубликованные Т. М. Минаевой и трактованные ею как накладки седла [6]. Уместно привести еще одну яркую аналогию — золотые чешуйчатые пластинки седел из степей и Керчи, о которых пишет И. П. Засецкая, рассматривая материал из Шипово в Приуралье [7]. Особый интерес вызывает орнамент этих блях. Он, пожалуй, наиболее близок орнаменту, нанесенному на галайтинскую седельную накладку [8].

Не менее интересна серебряная бляшка с позолотой, изображающая животного (рис. 1, *4*). К сожалению, сохранилась только часть предмета. Животное украшено бордюром из точек. Четко показана грива, ухо, морда и нога животного. Под гривой, на конце ноги и в верхней части морды имеются отверстия для прикрепления бляшки к сбруе. На туловище имеются шесть отверстий диаметром 0,5 *см,* обрамленные кругом точечного орнамента. Края бляшки загнуты на какую-то основу под прямым углом (высота 1,5—2 *мм*). Основа не сохранилась. Прямых аналогий нет. Близка нашей находке по форме «вырезанная из золотого листа фигурка кабана с характерными, как бы висящими в воздухе ногами» из кург. 5 (первая половина VI в. до н. э.) Чиликтинского могильника в Восточном Казахстане [9]. Впрочем, это далекая аналогия, как территориально, так и хронологически. Близки по стилю к галайтинскому изображению зверя львы, найденные на Кубани, в Северной Осетии, Румынии [10]. Они такие же угловатые, выгнутые. У них такие же «кистевидные» лапы с дырочками для прикрепления. В станице Преградная на р. Урупе найдено серебряное штампованное изображение льва. У него почти половина поверхности позолочена, края загнуты на какую-то основу, на лапах и бедре — дырочки для прикрепления [11]. Вообще зверей, изображенных в таком стиле, очень много: Кавказ, Украина, Средний Дунай. Их дата — VII в. н. э. или более неопределенно — VI—VII вв. Они имеют лишь некоторые отличия в деталях.

Очень выразительны в галайтинском комплексе четырехугольные серебряные с позолотой бляшки с растительным орнаментом (14 штук). Края их украшены тисненными косыми линиями, обрамлявшими выступающий четырехлепестковый цветок. Все лепестки покрыты бороздками (рис. 1, *6*). Под серебряной фольгой имеется бронзовая пластинчатая подкладка, которая тиснена вместе с серебром. По углам бляшек пробиты отверстия для заклепок. На некоторых бляшках сохранились заклепки с загнутыми концами (рис. 1, *6*).

Кроме описанных украшений имеются четыре продолговатые бляшки-накладки, возможно, наконечники ремней. Они также сделаны из серебра: две с позолотой, две без него. В верхней части бляшек имелись че-

---

[6] *Т. М. Минаева.* Погребение с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. педагог. факультета СГУ, т. 6, вып. 3. Саратов, 1927, табл. 4, рис. 26, стр. 97.

[7] *И. П. Засецкая.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. СА, 1968, 2, стр. 59.

[8] Там же, табл. на стр. 56—57, позиция 106, ср. с нашей накладкой.

[9] *М. И. Артамонов.* Сокровища саков. М., 1973, стр. 31—36, илл. 36, *а, б.*

[10] *Т. М. Минаева.* Находки близ станицы Преградной на р. Урупе. КСИИМК, 68, 1957, стр. 133—137, рис. 52, *2*; *И. Толстой, Н. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. СПб., 1890, рис. 137; *N. Fettich.* Das Kunstgewebe der Avarenzeit in Ungarn. Budapest, 1926, Taf. V, *22, 23.*

[11] *Т. М. Минаева.* Находки близ станицы Преградной на р. Урупе, стр. 133.

тыре отверстия для крепления, в нижней — тисненый орнамент в виде выпуклого трехлепесткового цветка; края бляшек загнуты под прямым углом (рис. 1, *8*). По форме цветка бляшки напоминают поясную накладку VII в. из Румынии [12].

В клад входили также четыре узкие пластинки, по продольным краям которых нанесен орнамент в виде точек, а посередине каждой пластинки имелось по 10 тисненых выпуклин. С одного конца эти пластинки имели отверстия для крепления с ремнем (рис. 1, *9*). Еще две пластинки, скрепленные бронзовым гвоздем (рис. 1, *7*), сделаны иначе. Они шире, вдоль по центру пробиты сквозные отверстия (диаметр 0,5 *см*) для инкрустации. Вокруг этих отверстий нанесен точечный орнамент. Таким же орнаментом сделан и бордюр пластинок. У каждой пластинки с тыльной стороны имеется бронзовая подкладка, которая тиснена вместе с позолоченной серебряной пластинкой. На таблице они нарисованы под углом для удобства, на самом деле обе пластинки свободно болтаются на бронзовом гвоздике-заклепке длиной 1 *см*. Крепились такие пластинки при помощи бронзовых гвоздей, которые забивались по углам и середине. Подобная пластинка-бляшка была найдена нами на Харачоевском могильнике в погребении с пряжкой VI—VII вв. Очень похожую пластинку, найденную в Нижней Добринке, Т. М. Минаева датирует концом IV—V в.[13] Такие же бляшки-накладки, только несколько массивнее галайтинских, были найдены в Уфе и датированы по комплексу VII в.[14]

Обращают внимание в комплексе из Галайты три бляшки-накладки (две целые, одна половинка; рис. 1, *5*). Они сделаны методом тиснения из тонкой серебряной пластинки с позолотой. На одной бляшке с внутренней стороны сохранился припаянный бронзовый гвоздик (рис. 1, *5*).

Таким же методом тиснения и тоже из серебряных пластинок с позолотой изготовлены следующие четыре бляшки-накладки (рис. 1, *5, а*). Отличаются они только формой.

В комплексе имеются фрагменты большого предмета неясного назначения (пряжки?) (рис. 1, *10*). Он сделан из одного ажурного листа серебряной позолоченной фольги и подложенной под него бронзовой основы, состоящей из отдельных листочков, уложенных под перегородки верхнего листа. Затем украшение было выдавлено так, что края прорезного орнамента и подкладки загнулись под прямым углом, образовав узкие П-образные в сечении перегородки высотой 2 *мм*. Ячейки, образованные перегородками, несомненно, предназначались для инкрустаций. Они не имеют донышек: вероятно, украшение накладывалось на какую-то сплошную основу. В пяти ячейках сохранился внизу слой белой пасты с уложенными на него кусочками гладкой позолоченной фольги, вырезанными по форме ячеек (на рисунке эти ячейки даны сплошной заливкой). Назначение таких листочков — придать больше яркости находящимся под ними прозрачным вставкам. Этот прием обычен в ювелирном деле раннего средневековья. Вероятно, этому же украшению принадлежали также два выпуклых круглых перламутровых глазка.

Большой интерес вызывает небольшая серебряная с позолотой прямоугольная рамка с вертикальными перегородками (рис. 1, *2*). Высота внешних сторон рамки 3 *мм*, внутренних перегородок 1 *мм*. Внутренние перегородки скреплены путем пайки. Перегородки донышек не имеют. Вокруг рамки по нижнему краю идет ребристая окантовка, скрепленная с рамкой путем пайки. В заднем правом углу имеется припаянный с внутренней стороны полукруглый выступ, на его нижнем краю в центре окружности сделано маленькое отверстие.

---

[12] *N. Fettich.* Op. cit., Taf. V, *22, 23.*

[13] *Т. М. Минаева.* Погребение с сожжением близ г. Покровска, стр. 123, табл. 6, *47.*

[14] *Р. Б. Ахмеров.* Археологические находки в Башкирии. СА, 1974, 2, стр. 243—245, рис. 4.

В заключение отметим еще некоторые находки — две серебряные с позолотой полусферические маленькие бляшки с двумя отверстиями по краям для крепления (рис. 1, *3*). Отпаявшиеся от какого-то предмета треугольные рамки-гнезда из бронзы (рис. 1, *11*). К ним же относятся два треугольных глазка из перламутра для инкрустации. Дна у гнезд нет.

Предметы, изображенные на рис. 1, *2*, *3*, *5*, *5а*, *10*, *11*, несколько напоминают золотые предметы IV—V вв. с инкрустациями из кургана сел. Белым (Куденетово) в Кабардино-Балкарии [15].

Таким образом, галайтинские находки оригинальны и в определенной степени уникальны, особенно для Чечено-Ингушетии. Судить об их культурной принадлежности пока трудно. Многие вещи не имеют близких аналогий, что отражает какие-то местные особенности в форме и декоре изделий.

Говоря о датировке комплекса, еще раз отметим, что седельные бляхи были известны в погребениях V—VI вв. н. э. Пластинки-накладки, бляшки с инкрустацией также были известны в V и даже в VI—VII вв. Наконец, близкие изображения львов или пантер неизвестны ранее VI—VII вв. Поэтому мы полагаем, что комплекс относится ко времени позднее V в. (VI—VII вв., ближе к VII в. н. э.).

[15] *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 129.

И. А. БАРАНОВ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ИЗ СТАРОГО КРЫМА

В фонде Феодосийского краеведческого музея хранится найденная в Старом Крыму створка литейной формы для изготовления украшений. Точное место находки установить не удалось. Она могла происходить с любого из двух поселений салтово-маяцкой культуры (VIII—X вв.), расположенных на территории современного города: одно из них находилось на склоне горы Малый Агармыш (ныне северо-западная окраина Старого Крыма), следы другого обнаружены на месте современной автозаправочной станции.

Форма изготовлена из местного мелкозернистого известняка. Ее размеры 8,3×7,2×2,6 *см*. Часть формы обломана со стороны торца: имеются повреждения и на рабочих поверхностях. Для соединения с утраченной створкой в сохранившейся просверлены два углубления диаметром 0,6 *см*. Створки формы, вероятнее всего, крепились при помощи свинцовой шпонки. Углубления для отливки украшений были вырезаны на двух широких сторонах каменного бруска.

На одной широкой плоскости этой формы вырезаны углубления, в которых отливались остророгая лунница, круглый медальон, бляшка поясного набора и какой-то плоский прямоугольный предмет. Формочка последнего значительно повреждена, и поэтому не удается восстановить ее истинные очертания (рис. 1; 2, *1—3*).

Лунница — несколько необычное украшение для средневекового Крыма. Внешний ее диаметр 2,7 *см*. Рожки лунницы увенчаны шариками на концах, а «поле» украшено косыми насечками, которые нанесены двумя зонами. Середина верхней части лунницы выделена рельефной полусферой с расходящимися по обе стороны от нее округлыми рельефными рожками. Вторая подвеска представляет собой округлый медальон диаметром 2,7 *см*. В его центральной части находилась восьмилепестковая розетка, заключенная в круг; остальная часть медальона разделена концентрическими окружностями на две зоны и орнаментирована зигзагообразной линией и косыми насечками. Эта створка литейной формы служила для отливки лицевой стороны медальона; о ее оборотной стороне можно судить по матрице, обнаруженной при раскопках поселения в

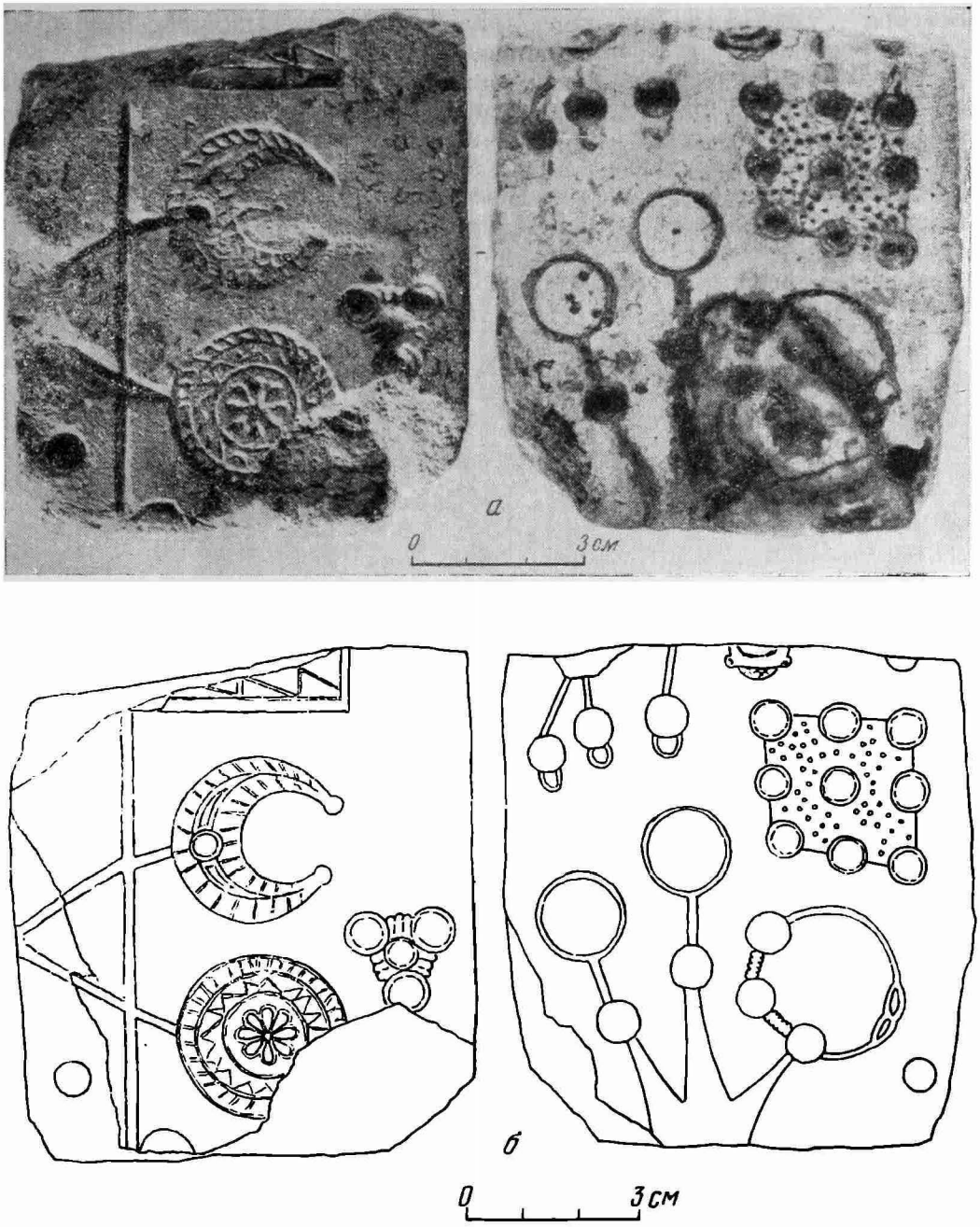


Рис. 1. Литейная форма из Старого Крыма. *а* — фото, *б* — прорись

пос. Планерское[1]. В этой форме отливался круглый медальон такого же размера, как и в старокрымской. Однако отсутствие на нем украшений говорит в пользу того, что это была оборотная сторона такого украшения (рис. 3).

Ближайшую аналогию медальонам можно найти на фанагорийской литейной форме IX—X вв., которую Б. А. Рыбаков отнес к типу вещей салтово-маяцкой культуры[2]. Подобные вещи производились в Саркеле[3],

[1] *М. А. Фронджуло.* Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с. Планерське (1954—1955 рр.). Археологія, XII, 1961, стор. 174, табл. 1, *3*; *его же.* О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму. Сб. «Археологические исследования средневекового Крыма». Киев, 1968, стр. 148, рис. 13.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Средневековая литейная форма из Фанагории. Фанагория, МИА, 57, 1956, стр. 180, 181, рис. 1.

[3] *М. И. Артамонов.* Белая Вежа. СА, XVI, 1952, рис. 10.

Болгарах [4] и в Северо-Западном Причерноморье [5]. Таким образом, ареал их распространения достаточно широк.

Более оригинальной является нашивная бляшка, состоящая из трех рельефных полусфер, соединенных между собой перемычками. Полусферы располагались в углах равностороннего треугольника, со стороной равной 1,6 *см*. В Крыму такая бляшка обнаружена впервые. Редки они и в раннесредневековых древностях Центральной и Восточной Европы, где датируются IX—X вв. и являются украшениями конской сбруи [6]. Бляшки-тройчатки, типологически близкие крымским, являлись обычным конским украшением в Прибалтике в XI—XIII вв.; они широко представ-

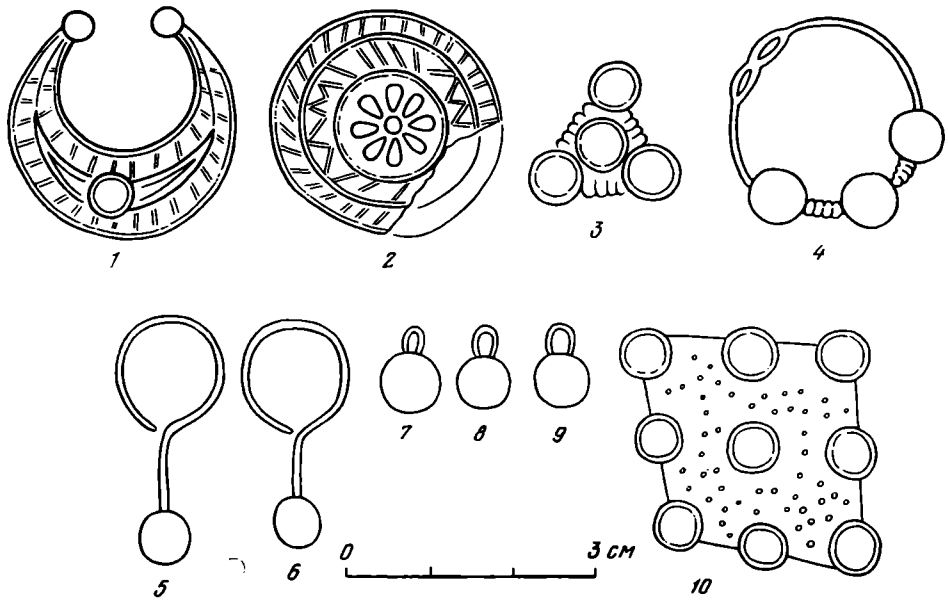


Рис. 2. Предметы, отливавшиеся в старокрымской форме

лены в некрополях Литвы, содержавших богатые конские уборы [7]. Вероятно, такие бляшки были характерны и для конского убранства в Восточной Европе, где их немногочисленность легко объяснима единичными находками богатых конских захоронений, столь частых в некрополях Литвы.

На другой стороне бруска изготовлены углубления для отливки десяти предметов, три из которых сильно испорчены. Сохранность остальных формочек хорошая. В них отливались следующие предметы.

Височная подвеска, состоящая из проволочного кольца диаметром 2,1 *см* и трех последовательно соединенных шариков диаметром 0,8 *см*. Аналогичные височные кольца широко представлены на раннесредневековых памятниках практически всей Восточной Европы.

Рядом с височным кольцом сделано углубление для отливки двух совершенно одинаковых серег салтовского типа. Их длина 2,8 *см*; диаметр проволочного кольца — 1,2 *см*. Нижняя часть серег завершалась шариком диаметром 0,6 *см*. Аналогичные серьги встречались в Салтовском могильнике VIII—IX вв.[8] и в комплексах раннеболгарских могильников на

---

[4] *А. П. Смирнов.* Волжские Булгары. М., 1951, рис. 65.

[5] *D. C. Teodor.* Elemente şi influenţe Byzantine în Moldova în secolele VI—IX. SCIV, 21, No 1, 1970, fig. 3.

[6] *А. Н. Кирпичников.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. САИ, Е1—36, Л., 1973, рис. 8, *11*.

[7] Lietuvių liaudies menas, II, Vilnius, 1966, c. 158, 159, t. 97, 116, 118, 120, 133.

[8] *С. П. Плетнева.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. МИА, 142, 1967, рис. 36, стр. 137.

Средней Волге [9]. В Крыму такие серьги найдены в могилах западного грунтового некрополя на холме Тепсень в пос. Планерское и в некрополе на холме Кордон-Оба в пос. Курортный, которые также относятся к салтово-маяцкой культуре и датируются второй половиной VIII—IX в. Эти же предметы позволяют связать нашу литейную форму с салтовским литейным ремеслом в Восточном Крыму.

Рядом с серьгами на той же рабочей плоскости отливались три одинаковые пуговицы. Они состояли из шарика диаметром 0,6 и проволочного ушка длиной 0,3 *см*. Такие пуговицы типичны для могильников I тысячелетия н. э. в Таврике. С несущественными изменениями они доживают до XII—XV вв.

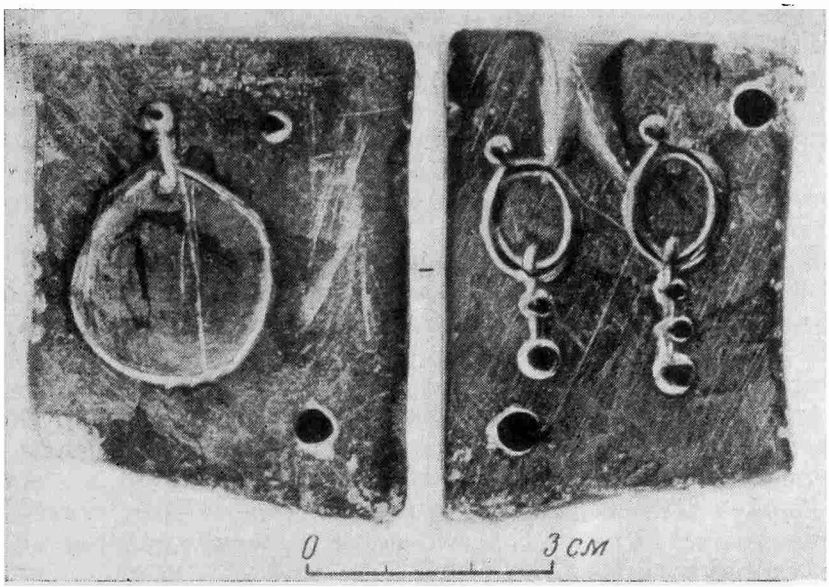


Рис. 3. Литейная форма из Планерского (поселение второй половины VIII—IX вв. на холме Тепсень)

Особого внимания заслуживает форма для отливки нашивного украшения. Последнее представляло собой плоскую асимметричную пластину с девятью рельефными полусферами, расположенными по три в ряд. Диаметр каждой полусферы 0,6 *см*. Все поле между ними украшено ложной зернью. Подобные украшения до сих пор не встречались в памятниках Юго-Восточной Европы. Неизвестны они и в восточнославянских древностях.

Аналогии этой бляхе, так же как и бляшке-тройчатке с другой плоскости этой же формы, можно найти на северо-западе Восточной Европы. Подобные ромбовидные бляхи с пунсоном широко представлены в Литве, где они, как правило, являлись обычным женским украшением [10]. Подобные же подвески встречены нами в комплексах уже упомянутых салтовских могильников на холмах Тепсень и Кордон-Оба в Восточном Крыму.

В заключение отметим, что литейная форма из Старого Крыма выделяется среди подобных предметов, в довольно значительном количестве находимых на раннесредневековых памятниках Северного Причерноморья. Наряду с украшениями бесспорно салтовского круга, в ней отлива-

---

[9] *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков.* Ранние болгары на Волге. М., 1964, рис. 21, табл. XIV.

[10] Lietuvių liaudies menas, c. 158, 159.

лись вещи, ближайшие аналогии которым можно найти в северных районах Восточной Европы. Это явление можно объяснить инфильтрацией отдельных типов вещей в результате контактов населения северо-востока и северо-запада Восточной Европы с салтовцами Юго-Восточной Европы.

В. Т. ПЕТРИН

К ВОПРОСУ О ДАТЕ АРАСЛАНОВСКОЙ ПИСАНИЦЫ НА р. УФЕ

Датировка наскальных изображений всегда сложна. Чаще всего она делается на основании косвенных доказательств и предположений. В полной мере это относится и к уральской наскальной живописи. Достоверная датировка возможна, когда определенные группы рисунков увязываются с датируемыми археологическими комплексами. Подобные сопоставления возможны при условии нахождения под рисунками культурного слоя. Такие памятники на Урале известны[1]. При этом вполне возможно, что культурные остатки могли появиться под рисунками без прямой связи с последними.

В этой связи памятник, обнаруженный в верхнем течении р. Уфы,— Араслановская писаница — представляет особенный интерес. Она была открыта в 1968 г.[2] В 1972 г. под писаницей автором обнаружены культурные остатки и проведены раскопки.

Напомним топографическую ситуацию памятника. Рисунки расположены в средней части скального обнажения высотой до 50 *м*. Изображения на вертикальной плоскости несколько выше перехода скалы в осыпь. Под рисунками относительно ровная площадка около 18 $м^2$, заваленная мелким обломочным материалом и покрытая пылевидным гумусом, имеющим мощность до 10 *см*. Археологический материал залегал на поверхности и в слое гумуса (рис. 1).

Находок немного. Это два отщепа из серой кремнистой породы без следов обработки. Каменный пест размером 96×45×35 *мм* из зеленоватой плотной породы. Поверхность изделия зашлифована. Следы забитости прослеживаются на узком конце (рис. 2, *12*). Сломанный костяной наконечник стрелы, трехгранный в сечении, размером 52×10×7 *мм*. Поверхность его хорошо отшлифована (рис. 2, *9*). В раскопе найдены также кусочек охры, обломок речной раковины и девять костей. Последние, по определению младшего научного сотрудника Института экологии животных и растений УНЦ АН СССР Н. Г. Смирнова, принадлежат косуле и лошади.

Коллекция керамики насчитывает 116 мелких фрагментов. Среди них удалось выделить венчики от 12 сосудов и 104 фрагмента стенок, из которых орнаментировано 10. Обломков плоских днищ не обнаружено, поэтому можно думать, что сосуды имели округлые или уплощенные днища.

Сосуды очень небольших размеров, с хорошо выраженной прямой или слегка отогнутой шейкой (рис. 2, *1, 2, 4, 7, 10, 11, 13*). Венчики (4 экз.) плоские, с закраиной (1 экз.), уплощенные (3 экз.) и скошенные внутрь (4 экз.). Поверхность сосудов чаще всего грубая, шероховатая. В качестве примеси использовались дробленые раковины, реже песок; два фрагмента имеют примеси талька.

---

[1] *О. Н. Бадер.* Жертвенное место под Писаным Камнем на р. Вишере. СА, XXI, 1954; *В. Ф. Генинг.* Наскальные изображения Писаного Камня на р. Вишере. СА, XXI, 1954; *В. Н. Чернецов.* Наскальные изображения Урала. САИ, ВЧ-12, вып. I, II. М., 1964, 1971.

[2] *В. Т. Петрин.* Писаница на р. Уфе около железнодорожной станции Арасланово. СА, 1971, 4.

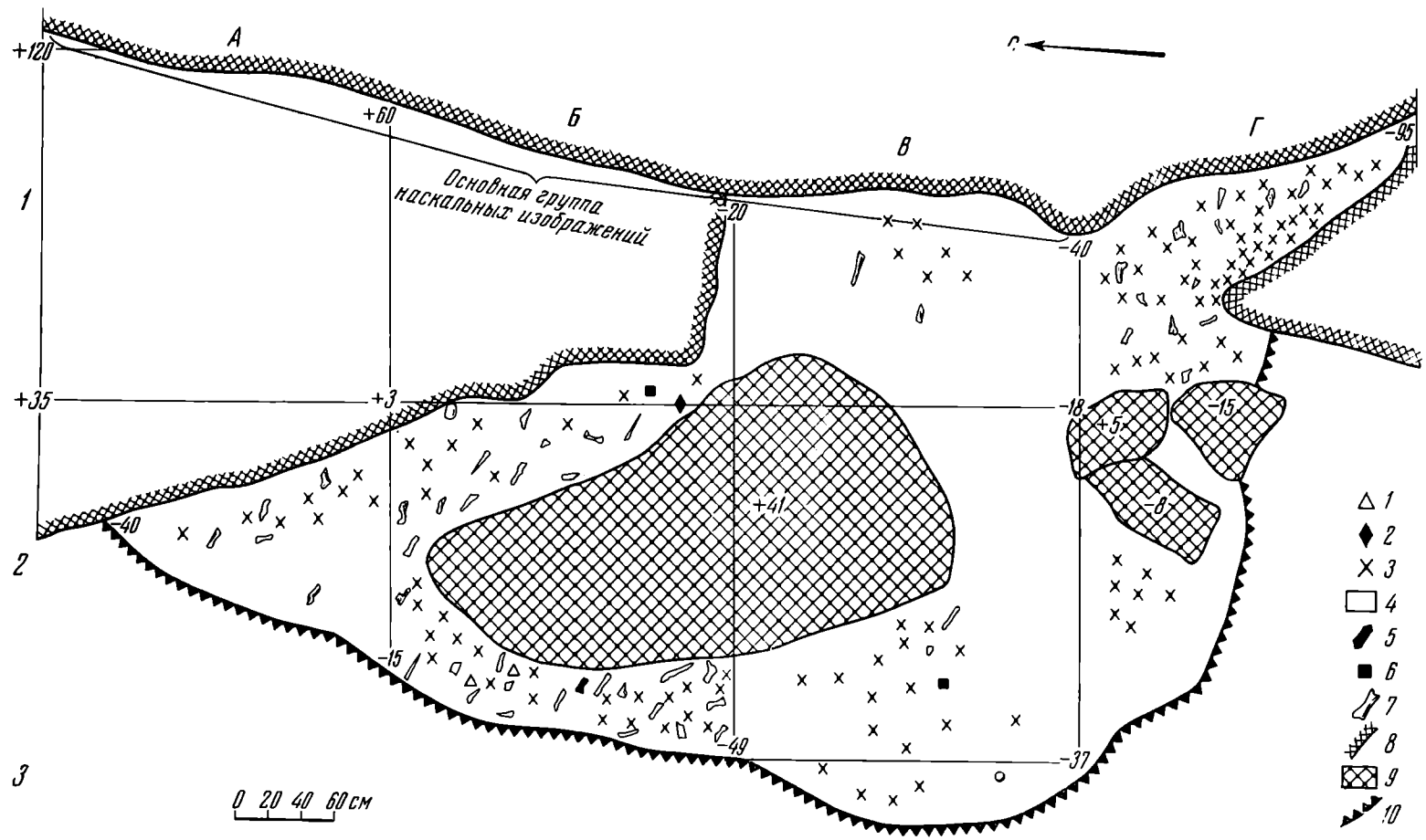


Рис. 1. План раскопа под писаницей: *1* — отщеп, *2* — наконечник стрелы, *3* — обломки керамики, *4* — обломки речной раковины, 5 — каменный пест, 6 — кусочки охры, *7* — крупные кости, *8* — скала, *9* — глыбы, *10* — обрыв

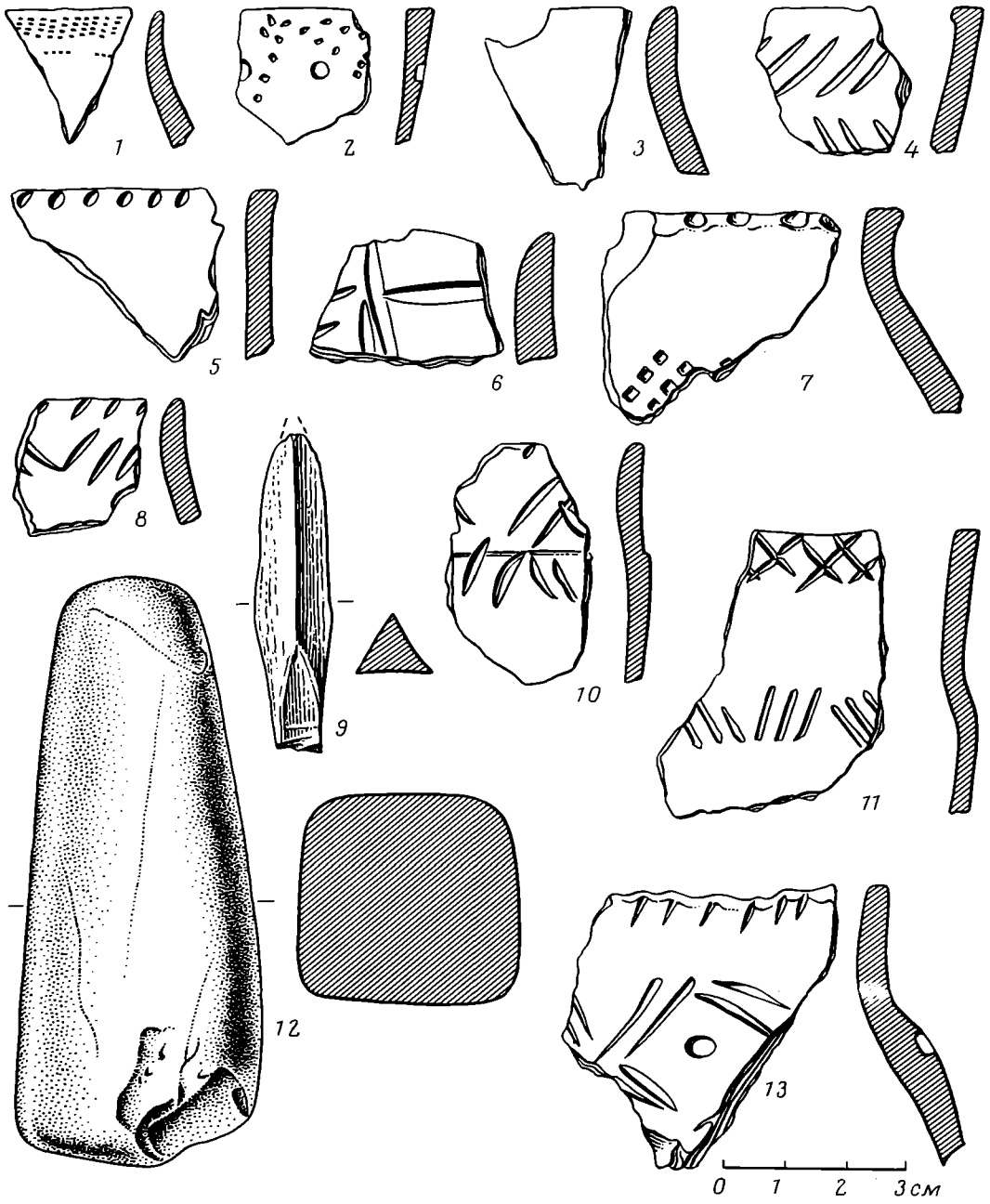


Рис. 2. Вещи и керамика из культурного слоя

Орнаментировалась лишь верхняя часть сосудов — внешний край венчика, шейка и частично плечики. Узоры несложны и состоят из поясков неглубоких ямочных вдавлений, косо поставленных оттисков гладкого или зубчатого штампа, коротких насечек (рис. 2, *1—4*), которые иногда образуют «решетку» (рис. 2, *11*).

Безусловно, данный набор керамики однороден. Наибольшую близость он обнаруживает с сылвинской керамикой. Появление культурных остатков под скалой в результате обитания людей маловероятно. Это следует хотя бы из того, что площадка под писаницей мала, труднодоступна, удалена от воды и, наконец, здесь всегда можно попасть под камнепад, в то время как внизу, около реки, на уровне поймы и первой надпойменной террасы имеется много мест, пригодных для остановки небольшой группы людей в любое время года. Таким образом, взаимо-

связь между рисунками и культурными остатками проявляется довольно определенно.

Правда, утверждение, что эти два явления полностью одновременны, можно подвергнуть сомнению и в данном случае: культурные остатки могли появиться и при ритуальном поклонении перед рисунками, сделанными в более ранний период. Вместе с тем фигуры Араслановской писаницы нанесены в короткий отрезок времени. Их дата по аналогиям с некоторыми изображениями Мохового Камня (4, 5, 7) [3] устанавливается как первая половина II тысячелетия н. э., что достаточно хорошо согласуется с возрастом сылвинской керамики.

Таким образом, Араслановская писаница дает редкую возможность, благодаря своему топографическому положению, целостности вещевого комплекса и рисунков, проследить связь этих двух явлений, обычно на других памятниках осложненную рядом самых различных факторов, среди которых особенно значительную роль играют хронологические.

В заключение повторим выводы, которые, как нам кажется, можно сделать на основании имеющихся фактов. Рисунки и культурный слой появились в результате осуществления органически единых действий; они появились одновременно или с очень небольшим разрывом во времени.

[3] *В. Ф. Генинг.* Писаницы Мохового Камня на реке Вишере. СА, 1971, 4, стр. 241, рис. 2.

А. Д. ВАРГАНОВ

ЕЩЕ РАЗ О СУЗДАЛЬСКОМ СОБОРЕ

Многолетние архитектурно-археологические исследования суздальского Богородице-Рождественского собора 1222—1225 гг. позволили установить, что первое кирпичное здание собора (по-видимому, он посвящался Успению Богородицы) было построено Владимиром Мономахом между 1096 и 1105 гг.[1]

Как видно из летописи, собор, построенный Мономахом, простоял немного времени, около 45 лет. Летописец сообщает, что в 1148 г. приехавший в Суздаль новгородский архиепископ Нифонт освящает собор святой Богородицы. В новгородской летописи под 1148 г. указывается, что «...в то же лето ходи архиепископ Нифонт к Суздалю мира деля к Юргеви; и прият и с любовию Гюрги, и церковь освяти Богородицю великим священием» [2].

Таким образом, следует полагать, что Юрий Долгорукий построил в Суздале новое соборное здание.

При археологических исследованиях Богородице-Рождественского собора были найдены остатки здания, возведенного Мономахом. Южная стена этого здания была подрублена и повалена наружу, и ее фрагменты лежали в земле огромными блоками. У северной стены ничего подобного обнаружено не было. С нее была снята известково-туфовая облицовка.

Оказалось, что под облицовкой находится массив стены старого здания, т. е. мономаховой постройки (рис. 1, 2).

При строительстве здания из туфа зодчие Юрия не могли поместить всю старую кладку между стенками облицовки. Они выкладывали из туфа наружную стенку, а внутреннюю, кирпичную, из плинфы. Затем

[1] *А. Д. Варганов.* К архитектурной истории Суздальского собора (XI—XVII вв.). КСИИМК, XI, 1945; *его же.* Новые данные по архитектурной истории Суздальского собора. СА, 1960, 4.

[2] «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.— Л., 1950, стр. 214.

укладывали между новыми стенками крупные куски старой (мономаховой) стены и заливали раствором.

Стало ясным, что следующим периодом после строительства Мономаха (период характеризуется постройкой из плинфы) был периодом строительства из известкового туфа. И если считать, что за Мономаховым собором был построен и освящен новгородским архиепископом Нифонтом новый собор Богородицы, то это и было известково-туфовое здание.

Итак, могло ли при Юрии Долгоруком быть построено в Суздале новое здание и какие этому могут быть доказательства?

Рис. 1. Кладка стены мономахова собора за туфовой облицовкой 1148 г.

Прежде всего, сообщение летописца под 1194 г. Летопись сообщает, что через 46 лет после строительства Юрия Долгорукого суздальская соборная церковь «опадала старостью и безнарядьем» [3], а потому ее пришлось обновлять, т. е. произвести ремонт, который и был осуществлен епископом Иоанном.

Описание этих работ дошло до нас в нескольких летописных вариантах. Три из них говорят, что собор в 1194 г. был покрыт «от верху до комар (закомар.— *А. В.*) и до притворов» [4]. Следовательно, к этому времени у собора существовали притворы, которых не было обнаружено при раскопках древнейшего здания, возведенного Мономахом. Значит, ремонтировался собор, который уже имел боковые притворы.

При раскопках в 1936—1940 гг. в южном притворе на большой глубине был обнаружен белокаменный саркофаг с хорошо сохранившимся костяком. Погребение, по заключению А. Ф. Дубынина, принадлежало сыну Долгорукого Святославу, который умер в 1157 г.[5]

Кроме того, в северной стене в специальной нише находится старое погребение княгини Февронии — жены Михаила Юрьевича и матери Еф-

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стр. 411.
[4] Там же.
[5] *А. Ф. Дубынин.* Археологические исследования в Суздале. КСИИМК, V, 1945, стр. 97, 98.

росинии Суздальской, погребенной в соборе в 1202 г.[6] За саркофагом Февронии до сих пор сохраняется древняя фреска, относящаяся к периоду правления Юрия Долгорукого. Подобные фрески сохраняются на северной пилястре, скрытые под многими слоями, а также в южной апсиде в ее первом этаже.

Выше уже упоминалось, что северная стена изнутри сложена из кирпича времен Мономаха. Но сложена она на другом связующем растворе. Хотя это тоже была цемянка, но дробленый кирпич в ней гораздо более мелкой фракции с редким вкраплением. Западная стена основной

Рис. 2. Кладка из ноздреватого известняка нижней части собора 1148 г.

части здания целиком сохраняет кладку XII в. Нижняя ее часть — типичный для приднепровских построек ряд валунов, по которым идет выравнивающий ряд плинфы, затем идет кладка из ровно тесаного туфа (рис. 3).

И еще одна характерная деталь. На пилястрах стен собора в толщу стены вставлены резные маски. Эти маски вырезаны на камне и вставлены в стены в XIII в. Но сам камень, на котором мастера вырезали рельефы, ранее использовался в каком-то другом здании, о чем свидетельствуют боковые стенки камней. Все они сохраняют следы резьбы совершенно другого стиля — XII в. Древний мастер брал камень, уже вырезанный кем-то ранее, переворачивал его на бок и вырезал новую маску.

Все это наглядно подтверждает летописные сведения о том, что Юрий Долгорукий к 1148 г. построил на месте старого здания, возведенного Мономахом, свое, из известкового туфа, использовав при этом часть кирпича от первоначальной постройки.

Что сохранилось от того здания до нашего времени? Это — лестница в толще северной стены здания, весь притвор со своим маленьким окошечком на север (рис. 4) и полностью стены до аркатурного пояса.

---

[6] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стр. 417.

Необходимо отметить, что собор, построенный Долгоруким, был первым зданием, в котором использован местный строительный материал — известковый туф, залегающий близко к поверхности земли в ближайших карьерах [7]. Последующие разработки карьеров привели к открытию белокаменной известковой плиты, залегавшей на большой глубине. Поэтому уже через четыре года, в 1152 г., Юрий Долгорукий построил в Кидекше церковь Бориса и Глеба, здание, сложенное из уже более прочного и пластичного белого известкового камня.

Дальнейшие исследования здания суздальского собора позволили установить и третий период в его ранней стадии строительства. Этот период

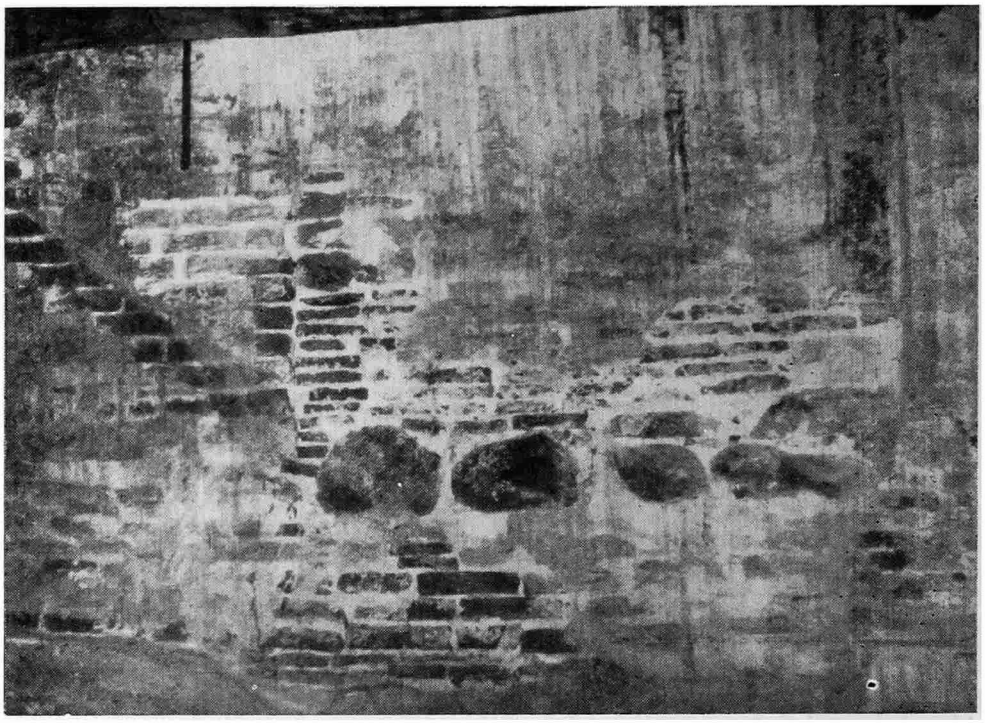


Рис. 3. Западный фасад. Кладка центрального прясла собора 1148 г.

относится к 1222—1225 гг., т. е. к периоду княжения Георгия (Юрия) Всеволодовича — внука Юрия Долгорукого.

Летописец так пишет об этом: «...великий князь Гюрги заложи церковь камену святые Богородица в Суждали на первемь месте заздрушив старое зданье, понеже оучала бе рушитися старостью и верх ея впал бе» [8].

Постройка здания шла три сезона. Под 1225 г. летопись сообщает, что епископ Симон освятил новую церковь 8 сентября.

Трудно допустить, чтобы за три сезона можно было построить новое здание, начиная с фундаментов, вместо старого разрушенного. По-

[7] Известковые копи на Суздальщине имелись в большом количестве. Наиболее старые из них находились около древнего с. Рождественского (ныне город Ковров) на Клязьме. Доставить известковый камень в Суздаль по воде (Клязьма, Нерль, Каменка) не представляло большой сложности. Старые известковые карьеры находились также возле с. Мошок Судогодского района и возле с. Егорий (ныне Гусь-Хрустального района). Оба карьера находились вблизи крупной р. Судогды, поэтому для доставки камня мог применяться и гужевой транспорт, и водный путь. Сейчас старый карьер около с. Георгиевского (Егория) заброшен и зарос. Добывавшийся там камень очень удобен для обработки и резьбы.

[8] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 445.

этому можно говорить лишь о том, что строители Юрия Всеволодовича должны были только реконструировать и восстановить старое здание собора, придать ему более величественный и нарядный вид. Ведь собор в Суздале, сложенный из губчатого туфа без орнаментики, выглядел явно «безнарядно», о чем упоминал летописец. К тому же и своды его «выпали».

Конечно, при таких условиях Юрий Всеволодович, ставший к тому времени великим владимирским князем, не мог не обратить внимания на Суздаль, приютивший его в годы княжеской междоусобицы. В то же вре-

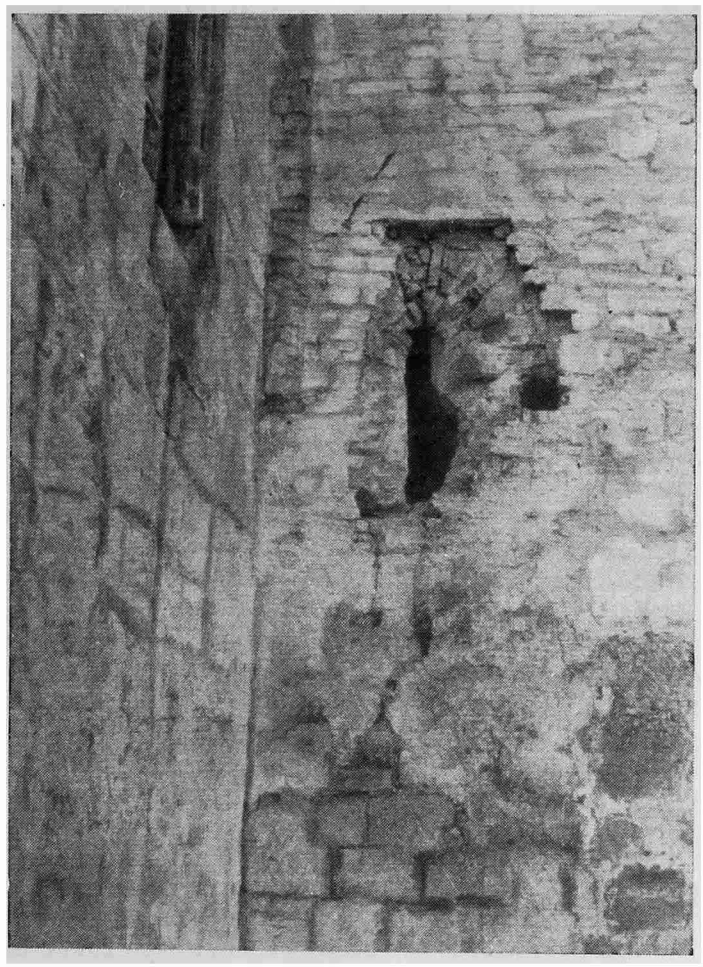


Рис. 4. Северное окно в западном притворе собора 1148 г.

мя Юрий не мог возвести в Суздале пышный храм, подобный Успенскому и Дмитриевскому соборам во Владимире, церкви Покрова на Нерли. В чем дело? Младший брат Юрия Святослав сумел через несколько лет воздвигнуть Георгиевский собор в Юрьеве-Польском — настоящее чудо древнерусского искусства, а сам Юрий сделать этого не мог. Дело в том, что в 1221 г. пожар опустошил Владимир, здесь сгорело 27 церквей, а через два года новый пожар уничтожил великокняжеский дворец и две церкви. Поэтому у князя не было ни сил, ни средств, чтобы строить что-то особое, — надо было восстанавливать стольный город.

Вот поэтому и ограничился Юрий Всеволодович только восстановлением и некоторой реконструкцией старого собора.

Что же было сделано? Строители разобрали наполовину старые туфовые стены здания Юрия Долгорукого, а затем надстроили их из белого камня. Для облегчения нагрузки на старые стены повые сделали на

20 *см* тоньше, а на образовавшийся обрез был поставлен аркатурно-колончатый фриз, кроме того, пилястры по сторонам получили раскреповки. В пилястры были вставлены резные женские маски и орнаментальные пояски. Вставлен был новый южный портал (северный оставлен от предыдущего строительства), в окна врубили колонки с базами и капителями.

Как уже указывалось, верхняя часть стен была надложена из известкового белого камня, при этом с некоторым введением орнаментики. Пилястры XIII в. были с полуколонками, украшенными резным орнаментом.

Каким было завершение здания, мы не можем сказать. Думается, что здание завершала одна глава, так же как и Успенский собор во Владимире 1158 г. Владимирское здание тоже шестистолпное, крестово-купольное, как и здание Суздальского собора 1148 г. Мнение о том, что собор в Суздале в XIII в. был трехкупольный (трехглавый), на мой взгляд, ошибочное. Эту особенность собор мог получить в XV в., во время очередного ремонта.

Через 220 лет, в 1445 г., верхняя часть собора XIII в. развалилась, упали своды. Летопись под 1445 г. об этом сообщает: «Сътворися знамение в соборной церкви в Суздале — начаша святительские гробы горети, изнутри падати, а на завтрее и сама церковь п а д е с я (разрядка автора) не преплавление» [9].

После этого пожара и падения, скорее всего сводов, здание собора безусловно, не могло простоять без ремонта 95 лет (очередная реконструкция собора датируется 1528 г.). В соборе шли богослужения, в частности здесь был отпет и похоронен в 1472 г. князь Михаил Васильевич Шуйский — прадед царя Василия Шуйского. При современных реставрационных работах внутри собора на южной пилястре (в диаконнике) была открыта фреска головы старца XV в. Фреска была снята, а под ней найдено аналогичное изображение — тоже головы старца,— написанное в XIII в.[10]

На северо-восточном столбе, за иконостасом, тоже была открыта фреска XV в., изображающая воина в доспехах. Все это говорит о том, что после пожара собор был отремонтирован и в нем были обновлены росписи. Вот при этом ремонте собор, видимо, и получил трехглавое завершение. Это было более характерно для XV, а не для XIII в., когда большинство церковных зданий Владимиро-Суздальской земли имели один купол.

В 1528 г. епископ суздальский Геннадий получил дозволение и пособие от великого князя московского Василия Ивановича для перестройки соборной церкви, у которой своды и главы, бывшие долгое время без ремонта, грозили падением. Как сообщает надпись, хранившаяся в соборе: «...разобрана бысть церковь Рождества пресвятые Богородицы, с трех версех. Лета 7036 (1528 г.) и замышлением смиренного епископа Геннадия Суждальского, свершена о пяти версех, и освящена декемврия 23 день ... лета 7036» [11].

Прежняя церковь была «низменная». Поэтому великий князь приказал «возвысить» ее. На старых стенах, сделанных из белого камня, надстроены были новые кирпичные стены, и здание стало почти вдвое выше прежнего. Вместо трех глав поставлено было пять, все главы и сама церковь покрыты были оловом [12].

---

[9] ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стб. 114.

[10] *А. Д. Варганов.* Фрески XI—XIII вв. в Суздальском соборе. КСИИМК, V, 1940, стр. 38—40.

[11] ***Иеромонах Иоасаф.*** Церковно-историческое описание суздальских достопримечательностей. Изд. 1851 г., стр. 98.

[12] *Анания Федоров.* Историческое собрание о Богоспасаемом граде Суждале. Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, рукописный отдел, музейное собрание, № 2764.

Судя по архитектурным исследованиям, стены белокаменного собора XIII в., поврежденные в 1445 г., перед надстройкой были разобраны до аркатурно-колончатого пояса, который хорошо сохранился. Остались также маски, пояски с орнаментом и резные угловые львы на пилястрах. Есть и другие следы реконструкции. Так, на южном фасаде имеются замены в древней орнаментике: новая резьба выполнена в грубой манере. Мастер XVI в. не решился вырезать утраченные базы под колонками аркатуры, поэтому вместо старых, резных, поставлены простые болванки.

Белый камень, оставшийся от разборки стен XIII в., был частично использован для обжига на известь. При раскопках печи для обжига извести была найдена большая белокаменная полуколонка, видимо, приготовленная для обжига. Отдельные камни пошли на ремонт повреждений в туфовой стене здания XII в., а также на восстановление цокольной части здания. При реставрационных работах нами было найдено много орнаментированных камней в цоколе здания и облицовке стен.

Последующие перестройки в здании собора уже не были столь значительны: в XVII в. были разобраны хоры, уничтожен второй этаж западного притвора, расширены оконные проемы. Затем в начале XVIII в. епископ Варлаам II после пожара в соборе перестроил его завершение — установил десять куполов с барочными закомарами [13], но уже в 1750 г. эта модернизация была устранена, епископ Порфирий приказал устроить главы по образцу собора Донского монастыря в Москве. В таком виде здание и сохранилось до нашего времени.

Проведенные исследования показали достаточно ясно все периоды в строительстве суздальского Богородице-Рождественского собора. Это — Успенский собор Владимира Мономаха и епископа Ефрема (рубеж XI—XII вв.), собор Юрия Долгорукого 1148 г., ремонт собора в 1194 г. епископом Иоанном, реконструкция и надстройка здания при Юрии Всеволодовиче в 1222—1225 г. и переименование в Богородице-Рождественский, пожар и разрушение здания в 1445 г. и его восстановление и, наконец, капитальный ремонт и надстройка здания из кирпича в 1528—1530 гг. Все эти перестройки внесли изменения в общий облик здания.

---

[13] При реставрации закомар восточной части собора были найдены вставленные в них фрагменты варлаамовского убранства — белокаменные барочные резные камни.

Критика и библиография

С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М., 1975, стр. 240.

В истории того комплекса наук, который представлен археологией, этнологией, антропологией и фольклористикой, нередки случаи, когда тот или иной исследователь выступал одновременно в роли археолога и антрополога, археолога и этнолога, этнолога и фольклориста, антрополога и этнолога. Такая широта интересов и комплексность исследования – не прихоть того или иного ученого, не случайность, а скорее закономерное объединение интересов вокруг центральной проблемы – человека и его культуры, истории формирования физического типа людей вместе с формированием культурного облика отдельных человеческих коллективов.

Исследователям, работавшим в области древнейшей истории эскимосов, в силу самой специфики района – его труднодоступности, экстремальных условий, «экзотичности» этнографических традиций и их устойчивости на протяжении веков часто приходится выступать и в роли археолога, и в роли этнографа, и в роли антрополога одновременно. А. Грдличка, так много сделавший для изучения антропологии разных территориальных групп эскимосов в американской Арктике, производил большие раскопки на Кодьяке и Алеутских островах. Его работы по антропологии Аляски содержат большое число интересных этнографических наблюдений, сведений по народной медицине и т. д.[1] Ф. Рейни, опубликовавший вместе с Х. Ларсеном монографию об ипиутакской культуре[2], в то же самое время автор книги о современных эскимосах Тигары[3]. М. Г. Левин также много сделал для археологического, как и для антропологического изучения азиатских эскимосов[4]. Авторы рецензируемой монографии продолжают эту традицию и выступают в роли археологов, давая подробную характеристику археологических материалов из открытого Д. А. Сергеевым и раскопанного ими Эквенского могильника, и в роли этнографов, сообщая большое количество собранных ими этнографических сведений об охотничьем цикле и особенностях морского зверобойного промысла у эскимосов, а также анализируя их общественную организацию. Этнографические сопоставления существенно дополняют археологические в плане реконструкции многих сторон быта, археологический материал придает многим этнографическим наблюдениям над современными эскимосами хронологическую глубину и показывает, что весьма большое число элементов культуры эскимосов уже существовало на рубеже нашей эры.

В чем основные достоинства рецензируемой книги? Она вводит в науку новый археологический материал. Этот материал получен при раскопках могильника, основная площадь которого раскопана почти полностью. Лишь на периферии могильника остались небольшие участки, в пределах которых могут быть найдены погребе-

---

[1] *A. Hrdlicka.* Anthropological survey in Alaska. «46-th annual report of the Bureau of American ethnology». Washington, 1928—1929.

[2] *H. Larsen, F. Rainey.* Ipiutak and the Arctic whale hunting culture. «Anthropological papers of the American museum of natural history», v. 42. New York, 1948.

[3] *F. Rainey.* The whale hunters of Tigera. «Anthropological papers of the American museum of natural history», v. 41, part 2. New York, 1947.

[4] Библиографию его работ см.: СЭ, 1963, 4.

ния. Эти раскопки вместе с раскопками Уэленского могильника [5] впервые убедительно показали, что эскимосская культура имеет глубокие истоки на азиатском побережье и что формирование ее основных черт падает на время до нашей эры. Эта культура прошла в своем развитии ряд этапов, и ее история реконструируется до эпохи средневековья. Восстановлен в деталях погребальный обряд, топография могильника, получена замечательная коллекция костяного инвентаря, образцы резной кости, в том числе скульптуры.

Однако археологический материал не только вводится в научный оборот. Он тщательно проанализирован в плане восстановления охотничьих навыков в древнейших эскимосских коллективах и реконструкции этапов охоты, последовательного освещения производственных навыков при охоте на разных животных, оценки удельного веса охоты на разных животных. Авторы постоянно привлекают дополнительно данные по полностью раскопанному Уэленскому могильнику, и поэтому все их расчеты и сопоставления такого рода должным образом конкретны и статистически убедительны. Классификация наконечников гарпунов, разработанная на материалах Уэленского могильника, распространена на инвентарь Эквенского могильника. Эта классификация учитывает число отверстий для линя и строение гнезда для колка — признаки, имеющие функциональное значение. Авторы тщательно проследили размещение гарпунов различных типов по площади могильника; используя свою типологическую классификацию, построили их относительную хронологию и, сопоставляя ее с топографией находок наконечников, восстановили последовательность захоронений в могильнике. Эти построения дают основание полагать, что Эквенский могильник функционировал несколько столетий, и по числу захоронений восстановить приблизительную численность группы, оставившей могильник, на протяжении одного поколения. Если могильник использовался 500 лет, то он охватывает 20 поколений. За поколение появлялось приблизительно 10 новых могил, т. е. примерно одна в два года. При смертности в 2% это дает численность в 25 человек — явно очень мало, если сравнивать с численностью пос. Наукан до переселения его жителей в пос. Нунямо. Но Наукан расположен непосредственно в Беринговом проливе, исключительно богатом морским зверем, особенно в древности. Собственно прилегающие к нему районы также благоприятны для охоты из-за обилия морского зверя, но сама охота на широких водных просторах труднее, чем в проливе. Возможно, расчетная численность искусственно занижена из-за еще не открытых погребений могильника или захоронений части членов коллектива по другому обряду.

Параллельно с археологическим вводится в науку и большой этнографический материал. Участие авторов во многих производственных операциях и их доскональное знание эскимосского промысла, а также знакомство с относящейся к нему терминологией придают всем описаниям живую убедительность, не говоря уже об исключительно ценной детальности самих описаний. Современная или близкая к современности информация экстраполирована на время бытования могильника. При анализе образцов первобытного искусства приводятся предания о духах-хозяевах стихий, которые также отсутствовали в предшествующих публикациях эскимосского фольклора.

Сопоставление археологических и этнографических данных, весьма плодотворное само по себе, оказалось особенно эффективным в данном случае вследствие длительности сохранения традиций в эскимосской культуре. С. А. Арутюнову и Д. А. Сергееву удалось разъяснить значение отдельных элементов материальной культуры, остававшееся неясным на протяжении многих лет. В качестве примеров укажу на расшифровку функционального назначения знаменитых крылатых предметов, укреплявшихся на носу байдар, выходивших на охоту [6], и «ныкшака» — своеобразной детской снасти, предназначенной для вылавливания из воды упавшего в нее при разделке китового или моржового мяса.

---

[5] *С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев.* Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969.

[6] В литературе известна и иная трактовка, лишь недавно аргументированная: *Н. Н. Диков.* Чинийский могильник (к истории морских зверобоев Берингова пролива). Новосибирск, 1974.

Из общеисторических выводов, содержащихся в работе, я хотел бы особенно подчеркнуть два. Первый из них касается древнеберингоморской культуры как древнейшей стадии культурного развития на азиатском побережье. В пользу этого вывода приведена фундаментальная аргументация, и он завершает, как мне кажется, многолетнюю дискуссию на эту тему, дискуссию, в которой участвовали такие видные ученые, как Ф. Рейни, А. М. Золотарев, С. И. Руденко и М. Г. Левин. Второй не менее значимый вывод — заключение о непосредственной преемственности населения азиатского побережья от рубежа нашей эры до современности. Он проиллюстрирован многими сопоставлениями древних и современных элементов культуры, фольклорными мотивами, преемственностью традиций обработки камня и кости и представляется важным в теоретическом отношении, так как рисует картину относительной устойчивости и стабильности населения в рамках эскимосского ареала, который мы всегда считали ареной интенсивных передвижений.

Отмечу отдельные пробелы и спорные положения. В подробном обзоре работ своих предшественников, составленном вдумчиво и критически, авторы не упоминают рецензии М. Г. Левина на книгу С. Г. Руденко 1947 г.[7] Само по себе появление рецензии — событие обычно незначительное, но в рецензии М. Г. Левина были поставлены принципиальные вопросы эскимосской доистории, в частности аргументирован тезис о древности древнеберингоморской стадии по сравнению с оквикской, поэтому публикация этой рецензии и сыграла большую роль в свое время. В отличие от авторов можно рассматривать древнейшие этапы охотской культуры как один из составных компонентов образования протоэскимосских культур — основание для этого есть и в сравнительной хронологии, и в типологических особенностях охотских древностей[8]. Наконец, явно завышенными представляются сведения о проживании в древних «нынлю» в районе поселка Сиреники 300—400 человек: такие сведения противоречат нашим знаниям о численности территориальных групп эскимосов в древние эпохи, в том числе и приведенным расчетам.

В публикации материалов Уэленского могильника были приведены чертежи всех погребений, что давало возможность изучения инвентаря по комплексам. В рецензируемой книге чертежи приведены лишь для 40 погребений из 189, т. е. фактически меньше, чем для одной четверти погребений. Ясно, что авторы были стеснены утвержденным объемом книги, так что этот упрек в значительной мере должен быть переадресован издательству. Не свободен текст книги и от опечаток: ханьская бронза на стр. 185 превратилась в «харьскую», пунукское время на той же странице — в «пуукское».

В приложении к книге опубликована подборка данных, посвященных палеоантропологии Уэленского и Эквенского могильников. Речь идет о публикации документов из архива Г. Ф. Дебеца, последние годы своей жизни работавшего над этими материалами и успевшего измерить почти всю Уэленскую коллекцию и скелеты из Эквенского могильника, добытые в результате работы первых трех лет — 1961, 1962 и 1963 гг. Полная публикация всех палеоантропологических материалов из этих могильников и сравнительный их анализ в расогенетическом отношении не снимаются с повестки дня изданной работой Г. Ф. Дебеца, но она значительно расширяет фактическую базу для суждения о физическом типе древних предков эскимосов арктического побережья Азии. Следовало бы, правда, соблюсти обычные правила архивных публикаций и в краткой редакторской реплике, предваряющей текст Г. Ф. Дебеца, сообщить, в каком виде она осталась в архиве — в виде подготовленной им самим к печати работы или составлена из отдельно хранившихся таблиц и самостоятельного текста, написанного в качестве предварительного сообщения и предназначавшегося автором для издания без табличных данных. Последнее кажется более вероятным, так как в тексте далеко не полно использованы или даже совсем не использованы многие табличные характеристики. Из примечания к редакторской реплике ясно, что комиссией по подготовке к публикации архива Г. Ф. Дебеца была произведена какая-то работа, но ее объем и характер остаются неясными.

---

[7] СЭ, 1949, 1.

[8] Подробнее см.: *Р. С. Васильевский.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.

Измерение и первичное изучение скелетов произведено Г. Ф. Дебецом с обычными для него полнотой и тщательностью. На черепе реализована практически вся программа Р. Мартина, за исключением второстепенных измерений, дополненная многими изобретениями английских биометриков для характеристики лицевого отдела черепа. Последним Г. Ф. Дебец придавал особое значение, справедливо полагая, что они имеют первостепенное значение для понимания расовой дифференциации как древнего, так и современного населения Советского Союза. Фактически именно его авторитетное суждение было толчком для введения соответствующих измерений (дакриальные и симотические размеры в носовой области, углы горизонтальной профилировки) в программы работы советских специалистов. Краниометрические измерения дополнены 11 так называемыми дискретно-варьирующими признаками или признаками с альтернативной изменчивостью, которые в нашей литературе иногда совершенно неверно называют аномалиями. Из большого репертуара таких признаков, ныне известных, выбраны признаки, которые, как показал Л. Ошинский [9], наиболее важны для характеристик именно эскимосского краниологического типа: форма черепного свода, вертикальное положение боковых стенок черепной коробки, развитие затылочного валика, положение сагиттального синуса, наличие или отсутствие кости теменной вырезки, наличие или отсутствие отверстия в барабанной части височной кости, наличие или отсутствие надглазничных отверстий, форма поперечного профиля носовых костей, развитие небного и нижнечелюстного валиков, характер смыкания краев челюстно-подъязычной борозды. Довольно подробно измерены длинные кости скелета конечностей, на которых определены продольные размеры и указатели, характеризующие массивность костей на разных уровнях сечения диафиза и в области эпифизов. Исключение составляют лишь скелеты раскопок 1963 г., на которых Г. Ф. Дебец успел измерить только продольные размеры длинных костей и их наименьшие окружности или окружности середины диафиза. Огромным достоинством публикации является то обстоятельство, что она включает таблицы индивидуальных измерений не только черепов, что обычно для палеонтропологических работ, но и длинных костей конечностей. Наличие таких таблиц позволяет широко использовать этот материал для изучения корреляционных отношений, связывающих отдельные морфологические особенности скелета.

Публикуемый текст, как уже говорилось, имеет характер больше размышлений по поводу представленного в таблицах материала, чем обобщения результатов его конкретного анализа, оставшегося неосуществленным. Этот текст исключительно интересен как выражение мнения одного из крупнейших палеоантропологов современности по поводу основных событий расогенеза на территории Берингоморья. Это также любопытный психологический документ, отражающий сомнения Г. Ф. Дебеца, связанные с генетической интерпретацией палеоантропологических наблюдений, которые охватили его в последний период жизни. Что нового вносит этот текст по сравнению с предварительными публикациями М. Г. Левина [10] в понимание палеоантропологии азиатских эскимосов? Г. Ф. Дебец подтвердил заключение М. Г. Левина о значительной древности эскимосского комплекса признаков в пределах азиатской части эскимосского ареала. В принципе это совсем не тривиальное суждение, так как осуществленное Г. Ф. Дебецом исследование палеоантропологического материала из Ипиутакского могильника на мысе Хоуп (Аляска) [11] показало, что для древнего населения этого района, по культуре несомненных предков эскимосов, было характерно заметное ослабление типично эскимосской комбинации признаков. Можно думать, следовательно, что процесс расогенеза в пределах современного эскимосского ареала отличался известной спецификой на разных территориях.

---

[9] *L. Oschinsky.* The most ancient eskimos. The Eskimo affinities of Derset culture skeletal remains. Ottawa, 1964.

[10] В примечании к редакторской ремарке, предпосланной работе Г. Ф. Дебеца, где они перечислены, пропущена основная: *М. Г. Левин.* Об антропологическом типе древних эскимосов. «Современная антропология». М., 1964.

[11] Краткое предварительное сообщение, оставшееся единственным: *G. Debetz.* The skeletal remains of the Ipiutak cemetery. «Actas del XXXIII Congreso international de americanistas», t. II. San Hose, Costa Rica, 1959.

Стремясь объяснить эту специфику, нашедшую выражение и в антропологическом составе современных эскимосов (восточный гренландский и западный аляскинский типы А. Грдлички), Г. Ф. Дебец отвергает все миграционные гипотезы, вполне справедливо полагая, что они приводят к слишком сложным и умозрительным представлениям. Действительно, думать, что предки азиатских эскимосов, хоронившие своих покойников в Уэленском и Эквенском могильниках, переселились на мыс Хоуп, и их место в районе мыса Дежнева и местоположения поселка Наукан заняли потомки ипиутакцев — это означает, с одной стороны, игнорировать конкретный археологический и этнографический материал, свидетельствующий о непосредственной преемственности древних и современных популяций в границах одной и той же территории, с другой — конструировать миграционные пути, в пользу реального существования которых нельзя привести ни одного доказательства. Даже при известной и доказанной этнографически подвижности эскимосских групп такие пути выглядят фантастически.

Отказавшись от миграционной гипотезы, Г. Ф. Дебец ищет объяснение антропологических различий древних и современных популяций в районе мыса Дежнева и на мысе Хоуп во внутренних закономерностях расообразования, конкретно говоря, в морфогенетических перестройках формы черепной коробки. В первом случае, по отношению к азиатским эскимосам, он сочувственно цитирует гипотезу М. Г. Левина о процессе брахикефализации в Беринговморье. Во втором случае, когда Г. Ф. Дебец переходит к сопоставлению древних ипиутакцев и более позднего населения мыса Хоуп, он сравнивает наблюдаемый процесс уменьшения головного указателя с аналогичным процессом, зафиксированным в Европе на протяжении последнего столетия, что представляется важным теоретическим построением. Дебрахикефализация при всей неясности ее причин и разнице географических условий в Европе, азиатской и американской Арктике признается расогенетическим фактором, способствовавшим образованию антропологической специфики близкого к современности населения мыса Хоуп по сравнению с населением, оставившим Ипиутакский могильник. Такая интерпретация в целом близка гипотезе специализации А. Грдлички, о которой Г. Ф. Дебец в 1951 г. критически высказывался в книге, посвященной анализу антропологического состава народов Чукотки и Камчатки в сравнении с антропологическими типами населения Сибири и Америки[12]. Г. Ф. Дебец приближает Ипиутакский, Уэленский и Эквенский могильники к современности, насчитывая между оставившими их популяциями и современными эскимосами 50 поколений, что конкретно-исторически выглядит неоправданным: палеодемографические наблюдения говорят о продолжительности поколения максимум в 25 лет, а датировка могильников близка к рубежу нашей эры, что дает не 50, а 80 поколений. Все сказанное относится к тексту, опубликованному посмертно и поэтому оставляющему открытым вопрос об окончательной форме, в которой он был бы опубликован самим автором. Этот текст демонстрирует и широту постановки проблем, и глубину в подходе к их решению, и осторожность в обобщении эмпирических наблюдений. Перед нами конспект работы большого мастера, и тем трагичнее сознавать, что преждевременная смерть помешала ему закончить это исследование.

Резюмирую. Перед нами — значительный труд, существенно продвигающий вперед наши знания о древнейшем прошлом эскимосов и их культуре. Еще раз подчеркну, что результаты, представленные в рецензируемой книге, получены в исключительно трудных условиях, какими еще и сейчас остаются условия работы в Чукотской тундре. Проведение такой работы на протяжении многих лет потребовало от С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева исключительного личного мужества и огромного энтузиазма, без которых не делается никакое большое дело в науке.

В. П. Алексеев

---

[12] *Г. Ф. Дебец.* Антропологические исследования в Камчатской области. Тр. ИЭАН СССР (нов. серия), т. XVII. М., 1951.

В. П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.

В 1975 г. вышла в свет книга В. П. Шилова, подводящая итоги многолетних исследований Калиновского отряда Волгоградской экспедиции. Специалисты давно ждали эту работу, поскольку отрядом сделаны важные открытия, позволяющие по-новому осветить многие вопросы древней истории южнорусских степей.

После публикации материалов могильников Новоникольское I и II и Верхнее Погромное, которым посвящены главы I – III, В. П. Шилов переходит к анализу полученных при раскопках данных.

В соответствии с названием – «Очерки» материал излагается хотя и в хронологическом порядке, но не равномерно: одни вопросы, для постановки которых получены наиболее важные результаты, освещены более подробно, другие автор рассматривает лишь попутно.

Хотелось бы остановиться на проблемах, связанных с культурами эпохи энеолита и бронзы.

В главе IV, анализируя энеолитические погребения, В. П. Шилов не рассматривает вопросы происхождения, хронологии и локальных вариантов ямной культуры, а сосредоточивает внимание на проблемах палеоэкономики и,– что особенно важно,– на зависимости типа хозяйства от географических условий и попытке выделения хозяйственно-географических зон в эпоху энеолита. Эта важная задача с такой полнотой поставлена в нашей науке впервые именно им [1]. Для ее окончательного решения существенны данные о палеогеографии евразийских степей в III тысячелетии до н. э. Вывод, что географическая обстановка в степях в эпоху энеолита соответствовала современной, В. П. Шилов основывает на работе М. И. Нейштадта [2]. Однако эта проблема остается остро дискуссионной: одни палеогеографы полагают, что современный климат и ландшафт сложились в степях очень давно [3], другие думают иначе, но спорят о времени окончания аллювиального периода [4]. А. В. Шнитниковым же выдвинута гипотеза о периодической смене увлажненности в Евразии [5]. Существенно также, что экологическая обстановка определялась не только сменой плювиальных и ксеротермических периодов, но и засолением почв и озер, изменением уровня грунтовых вод и пр. Пока эти вопросы не решены географами, видимо, следует очень осторожно относиться к палеоэкономическим реконструкциям.

Далее В. П. Шилов останавливается на актуальной проблеме становления скотоводства в южнорусских степях. Он присоединяется к сторонникам полицентрической гипотезы доместикации, признавая возможность независимого одомашнивания всех основных видов в южнорусских степях (стр. 69–71). С этим выводом вряд ли можно согласиться. К сожалению, капитальное исследование В. И. Цалкина, обобщившего все новейшие материалы [6], осталось не известным автору и многие свои выводы он строит на устаревших данных [7]. В настоящее время установлено, что мелкий рогатый скот был доместицирован в Передней Азии, где обитали его дикие предки и где особи с бесспорными признаками доместикации известны на несколько тысячелетий раньше, чем в других областях Старого Света. Относительно крупного рогатого скота Г. Нобис и Ш. Бекони [8] признают возможность независимого балкано-дунайского

---

[1] *В. П. Шилов.* Похождения кочевого скотарства у східній Європі. УІЖ, 1970, 7.

[2] *М. И. Нейштадт.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.

[3] *А. Л. Яншин.* Вопросы палеогеографии четвертичного периода и новейшей тектоники Арало-Тургайской низменности. Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, III. М., 1961.

[4] *И. П. Герасимов.* Аридные и семиаридные области СССР и их географические аналоги. VIII Международный географический конгресс. М.— Л., 1956; *Ф. Н. Мильков.* Основные проблемы физической географии СССР. М., 1967.

[5] *А. В. Шнитников.* Внутривековая изменчивость общей увлажненности. Л., 1969.

[6] *В. И. Цалкин.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970; *его же.* О времени и центрах происхождения домашних животных в свете данных современной археологии. Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1972, 1.

[7] Заключения Д. А. Крайнова о материалах Таш-Аир опровергнуты (см. *В. И. Цалкин.* Ук. соч., стр. 259—263; *А. А. Формозов.* К истории древнейшего скотоводства на юге СССР, ТМОИП, т. XLVIII. М., 1972).

[8] *S. Bökönyi.* Archaeological Problems and Methods of Recognizing Animal Domestication. «Domestication and Exploitation of Plants and Animals». London, 1969,

очага доместикации, большинство же исследователей придерживается монофилитической гипотезы, предполагая распространение крупного рогатого скота в уже одомашненном виде из переднеазиатской зоны [9]. По заключению В. И. Цалкина и В. И. Бибиковой, только лошадь была приручена в зоне от Дуная до Волги [10].

Переходя к характеристике хозяйства ямного населения, В. П. Шилов анализирует находки костей животных в погребениях ямной и последующей культур и обосновывает вывод о господстве скотоводства в эпоху энеолита (табл. II, III). Еще Г. Беренсом на большом статистическом материале было доказано, что культовыми животными, как правило, становятся те, которые играют определяющую роль в экономике данного коллектива [11]. Поэтому использование материалов могильников для реконструкции видового состава стада вполне закономерно и вывод В. П. Шилова о разведении ямниками крупного и мелкого рогатого скота и лошадей надежен. Однако данные о процентном распределении различных видов домашних животных в ямных могилах, на наш взгляд, не дают возможности судить о реальном распределении видов в стаде и их роли в экономике, как это делает В. П. Шилов (стр. 65). Широко распространенное и отстаиваемое В. П. Шиловым мнение о том, что кости животных в погребении – это пища, которую клали умершему для загробной трапезы, по-видимому, неточно. Во-первых, части животных, которые обычно кладут в могилу (черепа, ноги) не съедобны. Во-вторых, в индо-иранской литературе есть указания, что пища (мясо, молоко, масло), поставленная в могилу, предназначается не покойнику, а богам и предкам, которые слетят, чтобы забрать умершего на высшее небо. В гимне Агни, читавшемся на похоронах, говорится (Ригведа, X, 16,4–12): Агни, «привези отцов, чтобы вкушать жертвенную пищу» «не опрокинь, Агни, этот кубок... этот кубок служит для питья богов», «жертвенный козел — твоя доля, Агни» [12]. Судя по тексту Шатапатха-брахманы (13, 8, 1), приносившаяся при погребении в жертву черная коза или корова предназначалась Пушану – богу покровителю скота и дорог, который переносил умершего к отцам на небесные пастбища [13].

В-третьих, некоторые жертвенные животные рассматривались как спутники умершего, помогающие ему совершить трудный путь в небесную обитель. По поверьям среднеазиатских народов, сохранивших пережитки зороастризма, перейти в иной мир по мосту Чинват помогает умершему принесенный в жертву баран [14]. Специальный гимн Ригведы (X, 56) посвящен коню, которого убивают на похоронах, чтобы он перелетел на высшее небо и отнес туда тело умершего человека. Точно так же черепа и ноги быков, часто положенные парами вместе с повозками или колесницами в погребениях южнорусских степей, символизируют не пищу, а транспорт для путешествия в иной мир [15]. Подобные представления характерны и для других индоевропейских народов. Таким образом, находимые в погребениях ямной и последующих культур костные остатки домашних животных не могут рассматриваться как заупокойная пища и не отражают рациона носителей древних культур.

---

p. 222; *idem.* Zur Naturgeschichte des Ures in Ungarn und das Problem der Domestikation des Hausrindes. AAH, 14, 1962. *G. Nobis.* Die Tierreste präehistorischer Siedlung aus der Satrupholmer Moor, Schleswig — Holstein. Zeitschrift für Tierzüchtung und Züchtungsbiologie, Bd. 77, Hf. 1, 1962.

[9] *В. И. Цалкин.* Ук. соч., стр. 123—138; *В. А. Шнирельман.* Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства. СЭ, 1974, 3; *F. Zeuner.* The History of Domestikation Animals. London, 1963; «Domestikation and Exploitation of Plants and Animals». London, 1969; *D. Perkins.* The Beginnings of Animal Domestication in the Near East. AJA, v. 77, № 13, 1973. «Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere». Budapest, 1973; PPS, v. 41, 1975.

[10] *В. И. Цалкин.* Ук. соч.; *В. И. Бибикова.* К изучению древних домашних лошадей Восточной Европы. БМОИП, XXIII, 3, 1967; *ее же.* К изучению древних лошадей..., ч. 2, БМОИП, XXV, 5, 1970.

[11] *H. Behrens.* Die Neolitisch-frühmetalzeitlichen Tierskelettfunde der Alten Welt. Halle, 1964, S. 85.

[12] Ригведа (перевод и комментарии Т. Я. Елизаренковой). М., 1972, стр. 356.

[13] *J. Gonda.* Les religions de l'Inde, t. 1. Paris, 1962.

[14] *Б. А. Литвинский.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, стр. 98; *M. Boyce,* Ataš-Zohr and Ab-Zohr. JRAS, 1966, № 3—4, p. 101.

[15] *Е. Е. Кузьмина.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. ВДИ, 1974, 4.

Выбор животных для заклания подчиняется сложным ритуальным требованиям. По представлениям индо-иранцев, отраженным в Авесте, Ведах, Шатапатха-брахмане, низшей и наиболее распространенной жертвой считались баран и овца, более ценной – корова, важнейшей – конь, заклание последнего подобало только лицам высших социальных рангов [16]. Соответственно малый процент конских захоронений в ямных курганах можно рассматривать не как свидетельство незначительной роли коневодства, а как доказательство далеко зашедшего процесса социальной дифференциации [17].

Сопоставление остеологических материалов из поселений и погребений ямной культуры Украины и андроновской культуры Приуралья показало, что процентное распределение видов домашних животных в погребениях не соответствует реальному распределению видов в стаде, восстанавливаемому по материалам поселений [18]. Все эти обстоятельства затрудняют использование данных о костных находках в погребениях для реконструкции хозяйства.

Не учитывая этого, В. П. Шилов неправомерно сравнивает процентное распределение видов домашних животных на Украине и в Поволжье, используя для Украины данные по поселениям, для Поволжья – по могильникам, и на основании преобладания в материалах Поволжья костей мелкого рогатого скота делает заключение о том, что в двух областях тип хозяйства был различен и в Поволжье сложилась подвижная форма скотоводства (стр. 88, табл. 5). Ввиду разнохарактерности источников и неполноценности поволжских материалов этот важный исторический вывод остается недостаточно обоснованным.

Следует отметить также, что процентное распределение видов в стаде не отражает реальной роли этих видов в экономике древних обществ, что обычно принимается археологами. В. И. Цалкиным по данным Еленовского микрорайона андроновской культуры была разработана специальная методика реконструкции палеоэкономики по остеологическим материалам в пересчете на мясо и показано, что, хотя мелкий рогатый скот составлял 50% особей в стаде андроновцев, их мясная пища состояла из баранины лишь на 10% [19]. Этот вывод справедлив и для ямной культуры.

Решающим аргументом в пользу выдвигаемой В. П. Шиловым гипотезы о возникновении в Нижнем Поволжье подвижных форм скотоводства уже в эпоху энеолита (стр. 81–82) является отсутствие ямных поселений в Поволжье и топография могильников, расположенных в открытой степи [20]. Вывод о переходе к первой фазе кочевого скотоводства в ямную эпоху принципиально важен. Однако следовало бы оговориться, что в III и II тысячелетиях до н. э. можно предполагать лишь единичные эпизодические передвижения небольших групп населения в особых географических зонах: в ямную эпоху – в засушливой скудной степи Нижнего Поволжья, в эпоху бронзы (добавим от себя) – в пустынях и на высокогорьях. Поэтому нам кажется нецелесообразным прилагать к хозяйству населения энеолита и бронзы термин «кочевое скотоводство», применяемый для обозначения особой стадии в развитии населения евразийской степи, когда кочевой тип хозяйства становится господствующим и массовым. Для эпохи энеолита и бронзы можно говорить лишь о некоторых зачатках формы подвижного скотоводства.

Важным и обоснованным представляется заключение В. П. Шилова, что энеолитическое население кочевало не большой ордой, а маленькими семейными группами

---

[16] *В. В. Иванов.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva — конь. Сб. «Проблемы истории, языков и культуры народов Индии». М., 1974; *S. Levi.* La doctrine du sacrifice dans les Brahmanas. Paris, 1927, p. 133, 134; *H. Hubert, M. Mauss.* Essais sur la nature et la fonctions de sacrifice. Paris, 1929; *P. Dumont.* L'Ashvamedha. Paris, 1927.

[17] *Е. Е. Кузьмина.* Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен. Сб. «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М., 1974.

[18] *В. И. Цалкин.* Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье. ТМОИП, XVIII, М., 1972.

[19] Там же, стр. 80.

[20] Если только не предполагать большей степени увлажненности в III тысячелетии до н. э.

(стр. 83), подтверждаемое как небольшим количеством ямных могил в открытой степи, так и этногеографическими параллелями и расчетами естественных ресурсов района.

Наконец, автор останавливается на вопросе о социальной структуре общества поволжских скотоводов, приходя к выводу о наличии у них частной собственности на скот и имущественного неравенства (стр. 88–91). Этот раздел работы, несомненно, очень бы выиграл, если бы автором были учтены последние исследования и острые дискуссии, ведущиеся по этой проблеме [21].

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на некоторые методические недочеты, сама постановка В. П. Шиловым вопросов о зависимости типа хозяйства от экологической среды, о выделении хозяйственно-географических зон и зарождении подвижной формы скотоводства в эпоху энеолита имеет большое значение и разработка этих вопросов в дальнейшем весьма перспективна.

В главе V В. П. Шилов останавливается на характеристике открытых им полтавкинских погребений. Не будем вступать в терминологический спор, следует ли рассматривать полтавкинские памятники как ступень (чего вслед за П. Рау придерживается В. П. Шилов), хотя Н. К. Качаловой сделано многое для доказательства правомерности выделения особой полтавкинской культуры [22]. Отметим, однако, что очерченный В. П. Шиловым ареал полтавкинских памятников, ограниченный левобережьем Волги от Саратова до Волгограда (стр. 95), представляется нам неправомерно суженным. Если даже исключить из рассмотрения материалы стоянок Захар-Калма и Подгор, обычно относимых к полтавкинской культуре, то о бытовании полтавкинских племен далеко к северу от проведенной В. П. Шиловым границы с несомненностью свидетельствуют многочисленные полтавкинские погребения, открытые в могильниках Покровка, Утевка I, III, Владимировка, Абашево в Куйбышевской обл.[23] На продвижение полтавкинцев на восток в Прикаспий указывают многочисленные стоянки с керамикой, родственной полтавкинской и по форме, и по орнаменту, и по технологии [24]. Что касается Приуралья, то высказывавшееся Э. А. Федоровой-Давыдовой мнение о сохранении некоторых полтавкинских традиций на раннеалакульских памятниках [25] подтверждается новыми данными: в материалах выделяемого предалакульского новокумакского хронологического горизонта отчетливо прослеживаются следы полтавкинского воздействия, что позволяет говорить об участии полтавкинского компонента в формировании андроновской культуры. Все это позволяет считать, что палтавкинские племена занимали во второй четверти II тысячелетия до н. э. весьма обширную территорию.

В главе VI В. П. Шилов кратко характеризует срубные погребения, показывая, что в позднесрубную эпоху распространился обычай бескурганного захоронения. Однако выдвигаемое предположение о том, что бескурганные могильники характерны для оседло-земледельческой части срубного населения, нуждается в проверке и дополнительной аргументации, что признает и сам автор.

Следующие VII и VIII главы посвящены характеристике савроматских и сарматских погребений и связанным с ними проблемам и рассматриваются в рецензии М. Г. Мошковой и К. Ф. Смирнова.

---

[21] *Н. Я. Мерперт.* Древнейшая история степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дис. М., 1968; *его же.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974; *В. Н. Даниленко.* Энеолит Украины. Киев, 1974; *В. Н. Даниленко, М. М. Шмаглий.* Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. Археологія, 6, 1972; *Е. Е. Кузьмина.* Колесный транспорт...; *ее же.* Сложение...; *M. Gimbutas.* Proto-Indo-Europeans Culture. «Indo-European and Indo-Europeans». Philadelphia, 1970.

[22] *Н. К. Качалова.* О выделении полтавкинской культуры. КСИА АН СССР, 112, 1967.

[23] *И. Б. Васильев и др.* Раскопки курганов в Среднем Поволжье. АО — 1972, М., 1973, стр. 165, 166; *И. Б. Васильев.* Раскопки в Куйбышевской области. АО — 1973, М., 1974.

[24] ГЭ ОИПК инв. № 3, 4, 2; 5593 (коллекции В. А. Дубенского и Б. Н. Борнемана) и коллекция экспедиции В. Д. Белецкого.

[25] *Э. А. Федорова-Давыдова.* К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. АЭБ, II, 1964, стр. 89, 90; *ее же.* Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1968, стр. 9, 10; *ее же.* Памятники эпохи бронзы на р. Кинделе. Сб. «Экспедиции ГИМ». М., 1969, стр. 76.

Представленные в рассмотренной книге материалы по энеолиту и бронзовому веку – это лишь ничтожная часть того, что раскопано В. П. Шиловым. И нам остается с нетерпением ждать дальнейших публикаций находок экспедиций, долгие годы работавших под руководством В. П. Шилова в южнорусских степях. Можно надеяться, что дальнейшие публикации вновь дадут пищу для размышлений и споров и будут способствовать углубленной реконструкции культуры, экономики, истории древнего населения евразийских степей.

Е. Е. Кузьмина

* * *

Новая книга В. П. Шилова фактически состоит из двух частей: подробной публикации трех курганных могильников на левом берегу Волги (Новоникольские I и II, Верхнепогромненский I), исследованных автором в 1954 г. (главы I – III), и очерков по истории древних племен Нижнего Поволжья, начиная с энеолита (ямная культура) по первые века нашей эры (глава IV — VIII). Она написана с учетом огромных археологических материалов Поволжья. Значительная часть этих материалов добыта самим автором, активно исследовавшим памятники Нижнего Поволжья в 50-х и 60-х годах[1]. Бóльшая часть их, к сожалению, еще не опубликована, и надо приветствовать тот факт, что хотя бы некоторые после очень значительного перерыва в публикациях наконец-то увидели свет. Однако многие материалы из раскопок В. П. Шилова уже давно вошли в научный оборот, так как доступ к ним всегда был открыт для других исследователей.

Книгу заключают две статьи других авторов (Б. В. Фирштейн и М. А. Финкельштейн), касающиеся антропологических и рентгенологических исследований остеологического материала из публикуемых могильников. Все это значительно повышает ценность издания.

В первой публикационной части книги подробно описаны все погребальные комплексы, даны общие планы некоторых раскопанных курганов, а также планы почти всех погребений, многочисленные рисунки или фотографии вещей из погребального инвентаря. Читатель получает почти полное представление о погребальных комплексах трех могильников. В Новоникольском могильнике I особый интерес представляет раннесарматская катакомба и ряд других погребений с выразительным инвентарем прохоровской культуры. Новоникольский могильник II – один из редких для Поволжья дюнных могильников эпохи бронзы. Небольшой курганный могильник I у с. Верхнее Погромное дал интересные комплексы полтавкинской культуры, ранних сарматов и поздних кочевников. Однако публикация не свободна от некоторых неточностей и небрежностей. Так, меч из Новоникольской катакомбы (кург. 3, погр. 3), изображенный на рис. 49, *1*, короче (всего 80 *см*), чем сказано в описании (1,04 *м*), и иных пропорций, чем изображенный на плане погребения (рис. 4, *3*). Наконец, у него брусковидное или прямое навершие, а не серповидное, как указано в тексте. Можно предположить, что на рис. 49 изображен меч из другого погребения. Какая-то неточность вкралась и в реконструкцию меча или кинжала из погр. 11 (кург. 1) Верхнепогромненского могильника (находка весьма важная!). Судя по рисунку, обломок нижней части клинка (меч на рисунке перевернут) не имеет никакого отношения к рукояти с перекрестием и частью клинка, а потому меч не может быть отнесен к типу длинных мечей со стержнем для рукояти и брусковидным перекрестием.

На чертежах или в описаниях перепутаны ориентировки погребенных: Новоникольский I могильник кург. 7, погр. 1 — в описании сказано, что покойник положен головой на юг (стр. 21), а на рис. 16 он лежит головой строго на север; в погр. 2 (к. 7) – в описании север – северо-восток, на рис. 16 – юг или юго-восток (погребение сохранилось неполностью).

Вторую часть книги В. П. Шилова составляют очерки, посвященные отдельным вопросам археологии и истории древнего населения Поволжья. При этом автор опирается на целый ряд еще не опубликованных им комплексов.

---

[1] *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 323—523.

Исторические очерки разбиваются на два самостоятельных раздела. В первом из них (гл. IV—VI) подведены итоги многолетним исследованиям автора в области древних культур эпохи бронзы Восточной Европы [2], во втором (гл. VII, VIII) – раннего железного века. Настоящая рецензия касается лишь второго раздела исследования.

VII глава книги В. П. Шилова посвящена характеристике савроматских и раннесарматских материалов из публикуемых могильников.

Савроматских погребений в них очень мало (всего 5, причем одно сомнительное – Верхнее Погромное, кург. 2, погр. 14), они крайне невыразительны, и автор уделяет им минимальное внимание.

Обнаруженные в могильнике савроматские комплекты, как и всю поволжско-донскую группу памятников (и только ее), В. П. Шилов совершенно справедливо связывает с савроматами Геродота. Что касается отождествления самаро-уральских кочевников с исседонами, то это лишь гипотеза, недостаточно аргументированная, хотя высказанная и другими исследователями [3], из которых В. П. Шилов упоминает только Д. Томсона. Между тем наиболее серьезная аргументация содержится в работе А. Д. Мачинского.

Второй параграф главы VII содержит подробный анализ погребального обряда и инвентаря 33 раннесарматских погребений публикуемых могильников. В центре внимания этого раздела, как и всей VII главы, стоят вопросы формирования раннесарматской культуры Нижнего Поволжья и полемика с авторами данной рецензии.

В. П. Шилов критикует наши положения, высказанные в работах начала 60-х годов [4], и совсем не учитывает тех дополнений и уточнений, которые были сделаны нами в работах конца 60-х – начала 70-х годов [5]. Почти не использован В. П. Шиловым и колоссальный археологический материал из Южного Приуралья, без учета которого спор часто становится беспредметным.

Основные положения гипотезы В. П. Шилова, сформулированные в рецензируемой книге, сводятся к следующему: «... в обеих областях (Нижнем Поволжье и Южном Приуралье.– *Авт.*) формировались одновременно, на базе предшествующих культур, две различные группы памятников: прохоровская в южноуральских и раннесарматская в волго-донских степях» (стр 133). «В волго-донских степях жили потомки геродотовских савроматских племен – сарматы... Южное Приуралье было населено, видимо, потомками исседонов...» (стр. 134). Сходство ряда черт обряда погребения и инвентаря (обеих областей ойкумены), наличие здесь и там общих антропологических типов древней популяции В. П. Шилов объясняет инфильтрацией небольших групп потомков исседонов в волго-донские степи, где они были ассимилированы ранними сарматами, и проникновением ранних сарматов в Южное Приуралье в поисках месторождений меди (стр. 134).

Авторы данной рецензии стоят на той точке зрения, что в VII – V вв. до н. э. на всей территории нижневолжских и южноприуральских степей была распространена единая савроматская археологическая культура, представленная двумя локальными вариантами волго-донским и самаро-уральским. Этнически они были близкородственны, но не равнозначны. Раннесарматская (прохоровская) культура складывалась, как нам представляется, в основном на базе савроматской культуры. Но археологические исследования в Южном Приуралье позволяют предположить,

---

[2] См. рецензию Е. Е. Кузьминой на рассматриваемую работу В. П. Шилова в этом номере нашего журнала.

[3] *А. Д. Мачинский.* О времени первого активного выступления сарматов в Подонепровье по свидетельствам античных письменных источников. АСЭ, 13, 1971, стр. 30—37; *К. Ф. Смирнов.* Ранние кочевники Южного Урала. АЭБ, IV, 1971, стр. 70.

[4] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964; *К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, Д1—9, М., 1963; *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1—10, М., 1963.

[5] *М. Г. Мошкова.* Погребения VI—IV вв. до н. э. в Челябинской группе курганов. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 138—147; *ее же.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска. Сб. «Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени». М., 1972, стр. 27—49; *К. Ф. Смирнов, С. А. Попов.* Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области. Там же, стр. 3—27; *М. Г. Мошкова, Г. В. Кушаев.* Сарматские памятники Западного Казахстана. Сб. «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973, стр. 258—269; *К. Ф. Смирнов.* Ранние кочевники..., стр. 69—85.

что ее зарождение и формирование происходило прежде всего в областях самаро-уральского локального варианта. Именно здесь сложился археологический комплекс раннесарматской (прохоровской) культуры. В создании этой культуры приняли заметное участие пришлые племена из Зауралья, Казахстана и, вероятно, степных районов Приаралья. Эта гипотеза, высказанная К. Ф. Смирновым [6], была поддержана и в дальнейшем развита М. Г. Мошковой [7], потому что исследованные и изученные ею памятники ранних кочевников ЮжногоПриуралья привели ее во многом к тем же историко-культурным выводам.

По мнению рецензентов, раннесарматская (прохоровская) культура, полностью сформировавшись к концу IV в. до н. э. в Южном Приуралье, на рубеже IV—III вв. до н. э. или чуть раньше была распространена ее носителями в Нижнее Поволжье, где продолжали до этого времени жить геродотовские савроматы. Миграция южноуральских племен была, вероятно, значительной. Благодаря этой миграции к началу III в. до н. э. на всей территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья сложилась единая для обеих областей прохоровская культура. Продолжающие существовать локальные отличия памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья вполне естественны и, на наш взгляд, нисколько не противоречат идее распространения прохоровской культуры из Южного Приуралья (стр. 124).

Подробная аргументация этих положений содержится в работе М. Г. Мошковой «Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры», однако целый ряд замечаний В. П. Шилова заставляет нас вновь обратиться хотя бы к некоторым основным из полемизируемых вопросов.

1. О распространении южной ориентировки у ранних сарматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья как господствующей.

На стр. 112 В. П. Шилов приводит таблицу соотношения погребений с южной ориентировкой в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, которая поэтапно охватывает период с VIII – VII до IV вв. до н. э. включительно. Таблица составлена на основании материалов К. Ф. Смирнова и В. Г. Петренко [8] и иллюстрирует бесспорное преобладание с конца VI в. до н. э. погребенных с южной ориентировкой именно в Южном Приуралье по сравнению с Нижним Поволжьем. Затем В. П. Шилов по данным М. Г. Мошковой исключает из последнего хронологического этапа конца V—IVвв. до н. э. все раннепрохоровские погребения IV в. до н. э. и делает вывод, что «южная ориентировка погребенных в конце V – IV вв. до н. э. будет преобладать не в самаро-уральской, а в волго-донской группе» (стр. 113). Правда, тут же автор подчеркивает, что для него важна не столько количественная разница, сколько факт одновременного появления этой черты обряда в обеих областях. Как раз последнее замечание вызывает недоумение. Спор между нами ведется не о времени первоначального появления южной ориентировки на обеих территориях, а о преобладании и господстве ее на одной из них в более раннее время (по сравнению с другой территорией). Какое принципиальное значение могут иметь единичные спорадически появляющиеся погребения с южной ориентировкой как в Южном Приуралье, так и в Нижнем Поволжье на протяжении VIII—VII (3 на 46 погребений) и даже VI вв. до н. э. (6 на 93 погр.)? О сдвигах и изменениях можно говорить лишь тогда, когда южная ориентировка становится многочисленной и затем господствующей, когда она является уже признаком новой формирующейся культуры. Именно эта динамика фиксируется в таблице, приведенной В. П. Шиловым, так как независимо от отнесения отброшенных автором погребений к савроматской или прохоровской культурам они датируются не позднее IV в. до н. э. Значит, именно в IV в., когда, по мнению В. П. Шилова, на обеих территориях идет сложение нового археологического комплекса, как раз в Приуралье наблюдается не только количественное, но и относительное преобладание южной ориентировки, что является фактом достаточно значимым. Неуклонное увеличение количества погребений с южной ориентировкой в При-

[6] *К. Ф. Смирнов.* Быковские курганы. МИА, 78, 1960, стр. 257; *его же.* Савроматы, стр. 286; *его же.* Ранние кочевники..., стр. 69—71.

[7] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры, стр. 6; *ее же.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника..., стр. 45—48; *ее же.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

[8] *К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко.* Ук. соч., стр. 91.

уралье наблюдается с конца VI в. до н. э. Этот процесс предстанет еще нагляднее, если сравнить количество погребений обеих областей с чисто южной ориентировкой, поскольку юго-западная и юго-восточная могут рассматриваться как отклонения от широтного положения погребенных. Приведенная табл. 1, на наш взгляд, демонстрирует неуклонный и интенсивный рост южной ориентировки именно на территории самаро-уральской группы памятников.

Но даже при условии, если мы проделаем ту же операцию, какую произвел В. П. Шилов, т. е. разобьем общее число погребений конца V – IV вв. до н. э. на савроматские и раннепрохоровские [9] и разберемся в соотношении всех групп, картина получится противоположная той, о которой пишет автор (см. табл. 2).

Таблица 1

Хронологические этапы	Волго-донская группа			Самаро-уральская группа		
	всего * погр.	Ю, ЮЗ, ЮВ	Ю	всего погр.	Ю, ЮЗ, ЮВ	Ю
Конец VI–V вв. до н. э.	59	3(5,08%)	0	66	26(39,6%)	12(20,3%)
Конец V–IV вв. до н. э.	45	15(33,3%)	6 (13,3%)	56	40(71,4%)	26(46,4%)

* Общее количество погребений взято из кн: *К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко.* Ук. соч., стр. 7, табл. 1. Из погребений самаро-уральской группы исключены погребения челябинских курганов, которые следует рассматривать как памятники смешанной культуры.

Таблица 2

Территориальные группы	Общее кол-во погр. конца V—IV вв. до н. э.	Из них с ориентировкой Ю, ЮЗ, ЮВ	Кол-во савроматских могил	В том числе савроматских с ориентировкой Ю, ЮЗ, ЮВ	Раннепрохоровск., IV в. до н. э. с ориентировкой Ю, ЮЗ, ЮВ	Прохоровские с ориентировкой Ю, ЮЗ, ЮВ, сомнительные по датировке *
Волго-донская группа	45	15	39	9(23% от 39)	4(9% от 45)	2
Самаро-уральская группа	56	40	29	13(45% от 29)	23(41% от 56)	4

* Данные, на основе которых эти могилы отнесены к группе сомнительных, см. в работе М. Г. Мошковой (*М. Г. Мошкова,* Происхождение..., стр. 15—17).

Полученные цифры говорят сами за себя и позволяют, на наш взгляд, утверждать, что В. П. Шилову не удалось опровергнуть наше мнение о сложении одного из основных признаков раннесарматской (прохоровской) культуры на территории самаро-уральского локального варианта.

2. О подбойных и катакомбных могилах. Спор идет не о времени первого появления подбойно-катакомбных погребений в Поволжье или Приуралье, а о времени массового распространения этих типов могил. Поэтому ссылка В. П. Шилова (стр. 125) на то, что в бассейне Еруслана и обоих Иргизов подбойно-катакомбные могилы появляются на первом хронологическом этапе (VIII–VII вв. до н. э. по К. Ф. Смирнову), а в Южном Приуралье — на втором (VII — VI вв. до н. э.) и количественно распределяются примерно равномерно – несостоятельна. Первый хронологический этап VIII—VII вв. до н. э. является переходным периодом [10], временем становления

[9] Авторы не просто вычли из общей суммы погребений с южной ориентировкой все раннепрохоровские могилы IV в. до н. э., упомянутые в списке М. Г. Мошковой (см. САИ, Д1—10, стр. 17, 18), как это делает В. П. Шилов, а вновь проанализировали все эти комплексы (см. *М. Г. Мошкова.* Происхождение..., стр. 15—17).

[10] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, стр. 26.

савроматской культуры, и две подбойные могилы этого этапа, обнаруженные в Заволжье, вероятно, следует рассматривать как пережитки традиций катакомбного и полтавкинского населения эпохи бронзы, дальнейшего развития они не получили. На втором этапе (VII – VI вв. до н. э.), вопреки утверждению В. П. Шилова, ни в одной из рассматриваемых областей нет ни одной подбойно-катакомбной могилы [11] и только на третьем этапе (VI – V вв. до н. э.) они появляются только в Южном Приуралье. Данные, собранные К. Ф. Смирновым и В. Г. Петренко, на которые ссылается В. П. Шилов в поддержку своей гипотезы, приводятся нами в табл. 3.

Таблица 3

Подбойно-катакомбные могилы

Хронологические этапы	Волго-донская группа	Самаро-уральская группа
I–VIII–VII вв. до н. э.	2	–
II–конец VII–VI вв. до н. э.	–	–
III–конец VI–V вв. до н. э.	–	5
IV–конец V–IV вв. до н. э.	2	12
Итого:	4	17

Как видим, ссылка, на которую опираются выводы В. П. Шилова, неверна. Раскопки последних лет лишь увеличили количественный разрыв между Поволжьем и Приуральем. Мечетсайский и Ново-Кумакский могильники дали еще несколько подбойных и катакомбных погребений V—IV вв. до н. э. [12].

Кроме того, на наш взгляд, вообще методически неверно объединять эти два типа могильных сооружений [13]. Подбойные могилы действительно являются ведущей формой захоронения в могильниках прохоровской культуры, катакомбные же погребения на протяжении всей истории сармат – явление редкое: всего до недавнего времени было известно 35 катакомб от V в. до н. э. до рубежа нашей эры на тысячи савромато-сарматских могил [14]. Поэтому представляется совершенно неверным, когда выводы, основанные на подсчетах, например, катакомбных могил, без всяких оговорок распространяются на подбойные (т. е. подбойно-катакомбные) и обратно. Так, на стр. 114 речь идет о катакомбных погребениях: на основании двух могил (IV и IV – III вв. до н. э.) делается вывод, что в бассейне Волги и Дона катакомбы появились раньше, чем в Приуралье (кстати, в Приуралье В. П. Шилову должна быть известна катакомба конца VI – начала V в. до н. э.) [15]. А чуть дальше мы уже читаем, «что в раннесарматское время такие формы могил, как подбойные и катакомбные, в Нижнем Поволжье являются уже укоренившейся традицией, идущей, видимо, еще с эпохи бронзы. Соотношение же подбойных могил IV в. до н. э. в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье 1:15, что никак не вяжется с выводами В. П. Шилова. Чтобы не повторяться, отошлем читателя к работе М. Г. Мошковой, где вопрос о подбойных могилах IV в. до н. э. и об их связях с погребениями более раннего времени на обеих территориях разобран достаточно подробно [16]. Скажем только, что независимо от того, как будет решен вопрос о происхождении этой (подбойной) фромы могил (только местные традиции или кроме того и внешние влияния), IVв. до н. э. (время становления прохоровской культуры) дает бесспорное преобладание этого типа могил на территории Южного Приуралья. Поэтому мы не согласны с утверждением В. П. Шилова, что можно с уверенностью говорить о местном происхождении «подбойно-катакомбных» могил в обеих областях в раннесарматскую эпоху (стр. 125).

[11] *К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко.* Ук. соч., стр. 18, табл. II. Как ни странно, именно на эту таблицу ссылается и В. П. Шилов.

[12] *К. Ф. Смирнов.* Сарматы на Илеке. М., 1975; *его же.* Работы Оренбургской экспедиции в 1973 и 1974 гг. Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. № 5036.

[13] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры, стр. 20, 21.

[14] *К. Ф. Смирнов.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА, 1972, 1, стр. 73—82.

[15] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, стр. 313, рис. 20, *4*.

[16] *М. Г. Мошкова.* Происхождение..., стр. 17, 18, 40—43.

3. О могилах с заплечиками. Как и катакомбные сооружения, могилы с заплечиками не являются ведущей формой захоронения ни в одной из рассматриваемых областей. Но поскольку устойчивым типом погребального обряда они становятся лишь с рубежа IV—III вв. до н. э., а основная их масса известна в погребениях III—II вв. до н. э., то естественно, что наибольшее количество могил с заплечиками насчитывается в Нижнем Поволжье, о чем и писала М. Г. Мошкова [17]. Вполне вероятно, что действительно эта форма могил «более свойственна ранним сарматам Нижнего Поволжья, чем древним племенам Южного Приуралья» (стр. 125), против чего, кстати, никто не возражал. Речь шла лишь о том, что до последнего времени наиболее ранняя могила с заплечиками V в. до н. э. была известна с территории Южного Приуралья — Новый Кумак (к. 6, п. 2), и сомнения В. П. Шилова (стр. 125) относительно датировки этого погребения неосновательны [18]. В последние годы могилы с заплечиками V в. до н. э. обнаружены и на правобережье Волги — Аксёновский могильник, увеличилось число их и в Приуралье — группа «Три Мара» (1974 г.).

4. О раннесарматских круглодонных сосудах. Совершенно справедливо утверждение В. П. Шилова, что вопрос о происхождении раннесарматской круглодонной керамики Южного Приуралья и Нижнего Поволжья еще не решен окончательно (стр. 126), хотя определенные соображения высказывались нами неоднократно [19]. Действительно, в своде по савроматам и в монографии К. Ф. Смирнов включил типично прохоровские захоронения IV в. до н. э. с ранней круглодонной посудой в группу савроматских, исходя из своей общей концепции начала 60-х годов о ранних кочевниках Поволжья и Приуралья как савроматах VII—IV вв. до н. э. Эта неточность исправлена им в последующих работах.

Однако В. П. Шилов неправ, утверждая, что «круглодонные сосуды появляются как в Нижнем Поволжье, так и в Южном Приуралье в прогребениях не ранее IV в. до н. э.» (стр. 126). Во-первых, в Нижнем Поволжье в надежно датированных комплексах IV в. до н. э. круглодонной керамики пока просто нет. Оба приводимых автором сосуда (семирублевский и быковский) являются плоскодонными [20] и привлечены им по недоразумению. Во-вторых, в раннесарматских погеребениях IV в. до н. э. Южного Приуралья круглодонная керамика составляет почти 2/3 сосудов и, в-третьих, могилы савроматского времени (V в. до н. э.) Южного Приуралья, располагающиеся главным образом на северо-восточных окраинах «савроматских» земель, вопреки утверждению В. П. Шилова, содержат отдельные круглодонные сосуды [21]. В 1973 г. при раскопках Ново-Кумакского могильника в «савроматском» погребении рубежа VI—V вв., до н. э. был обнаружен еще один круглодонный шаровидный сосуд [22] с типично прохоровской орнаментацией (треугольники, заполненные наколами). Эти сосуды следует рассматривать как несвойственный «савроматам», привнесенный извне признак, который лишь в IV в. до н. э. при сложении прохоровского археологического комплекса превращается в характерную особенность новой культуры.

5. О мечах переходных типов. В. П. Шилов настаивает на том, что переходная форма мечей с брусковидным навершием и сломанным под тупым углом или дуговидным перекрестием, послужившая основой для сложения типично прохоровского меча (прямое перекрестие, серповидное навершие), встречается в ранних комплексах обеих областей и даже выходит за пределы их (стр. 127). По мнению автора, это положение подтверждает серия мечей из Аксёновского могильника (раскопки В. П. Шилова 1966 г.) [23], Однако превосходный набор аксёновских мечей не дает ни одного

---

[17] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры, стр. 20.

[18] *М. Г. Мошкова.* Ново-Кумакский курганный могильник. МИА, 115, 1962, стр. 209, 210.

[19] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, стр. 287; *его же.* Ранние кочевники..., стр. 70; *М. Г. Мошкова.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника..., стр. 47, 48; *ее же.* Происхождение..., стр 29, 30.

[20] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, стр. 357, рис. 65, *11, его же.* Быковские курганы, стр. 232, рис. 23, *9.*

[21] Сводку их на 1972 г. и карту распространения см. *М. Г. Мошкова.* Происхождение..., стр. 35, 36, рис. 6.

[22] *К. Ф. Смирнов.* Работы Оренбургской экспедиции в 1973 г. Архив ИА АН СССР, д. № 5036.

[23] *В. П. Шилов.* Отчет Астраханской археологической экспедиции за 1966 г. Архив ИА АН СССР, р-1, д. № 4625.

экземпляра переходного типа. Все мечи этого могильника несомненно кавказского происхождения с характерной для этой группы формой клинка, брусковидным навершием и бабочковидным или сердцевидным перекрестием[24]. Несомненную связь аксёновской серии с Кавказом подтверждает еще один весьма интересный момент. В двух курганах могильника (№ 6, 11)[25] были обнаружены мечи с бабочковидным перекрестием и расширяющейся к верхнему концу рукоятью без металлического навершия. Подобные рукояти вообще характерны только для кавказских мечей[26], а без металлического навершия известны и там единично[27]. Все обнаруженные в могильнике экземпляры не превышали в длину 70 *см* (68 — один, остальные 9 — в пределах 40—65 *см*), в то время как одной из характерных черт складывающейся прохоровской культуры является увеличение размеров мечей по сравнению с савроматскими до 1 *м* и более. Эта черта свойственна почти всем мечам переходного типа (IV в. до н. э.) из Южного Приуралья (всего 10 экз: 6 экз. от 85 до 101 *см*; 3 экз.– 65–74 *см* и только 1 экз.– 42 *см*).

Форма перекрестия аксёновских мечей подчинена, как мы полагаем, общему процессу изменения скифского акинака, шедшему на обширной территории евразийских степей. Он заключался в постепенном сужении бабочковидного и сердцевидного перекрестия и только в Южном Приуралье процесс этот выразился в выработке дуговидного и сломанного под тупым углом перекрестия, что произошло не позже конца V—IV вв. до н. э. Один из последних мечей переходного типа из Приуралья (Оренбургская экспедиция 1974 г., с. Старый Кумак) найден в выразительном «савроматском» комплексе второй половины V в. до н. э. Все высказанные соображения о мечах аксёновского могильника, а также тот факт, что основная масса мечей переходного типа (11 из 12, челябинские курганы исключены) происходит из раннепрохоровских погребений Южного Приуралья[28], не позволяют нам согласиться с позицией В. П. Шилова и заставляют настаивать на мнении о сложении классической формы прохоровских мечей на территории самаро-уральского локального варианта.

Рассмотренные здесь некоторые археологические данные, связанные с происхождением прохоровской культуры, не позволяют нам признать обоснованность аргументации В. П. Шилова. Основные элементы прохоровской культуры сложились не на всей территории распространения савроматской культуры, а преимущественно в Южном Приуралье. Восточный, прежде всего южноуральский, импульс в сложении культуры ранних сарматов Поволжья IV—II вв. до н. э. для нас несомненен, и В. П. Шилов не поколебал наших взглядов. Прохоровская культура нижневолжских племен является прежде всего результатом тесных контактов родственных групп ранних кочевников Поволжья и Приуралья и частичной миграции определенных масс южноуральского населения в Поволжье. Даже мысль о насильственном подчинении савроматов выходцами из Приуралья и утверждение их политического господства не кажется нам нереальной, исходя из общей исторической ситуации — миграций различных сарматских объединений с востока.

Что дают данные антропологии? Им автор книги уделяет большое внимание, но, к сожалению, изученные краниологические серии, особенно по Южному Приуралью, еще недостаточно велики, чтобы «констатировать значительные различия в антропологических типах населения Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Западного Казахстана в раннесарматское время» (стр. 129). К тому же В. П. Шилов не учел новейшую литературу по палеоантропологии, в частности последнюю книгу М. С. Акимовой по антропологии древнего населения Приуралья, опубликованную в 1968 г.[29] Все имеющиеся данные выявляют значительную смешанность антропологических типов или, точнее, их вариантов в обоих регионах, которая не может

---

[24] *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, стр. 102, рис. 32, *1*; 44, *1, 2*; 66, *4*.

[25] *В. П. Шилов.* Ук. отчет за 1966 г., стр. 68, рис. 132; стр. 80, 81, рис. 160.

[26] *В. Б. Виноградов.* Ук. соч., рис. 44, *1, 2*.

[27] Там же, стр. 108, рис. 35, *1*.

[28] *М. Г. Мошкова.* Происхождение..., стр. 13, 23—25.

[29] *М. С. Акимова.* Материалы по антропологии древнего населения Южного Урала. АЭБ, III, 1968, стр. 391—426; *ее же.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

свидетельствовать о резких антропологических различиях населения Поволжья и Приуралья и не дает возможности ни подтверждать, ни отрицать большие переселения.

В. П. Шилов совершенно справедливо говорит о присутствии «во всех районах небольшой примеси типов андроновского, средиземноморского и среднеазиатского междуречья, что может свидетельствовать о проникновении на запад древнего населения Южного Приуралья» (стр. 129). Тем более странным выглядит замечание В. П. Шилова, где он искажает нашу позицию и приписывает нам мысль «о тождестве антропологического типа населения обеих рассматриваемых областей» (стр. 129). В действительности К. Ф. Смирнов писал лишь о том, что сарматские группы Нижней Волги и Дона в эпоху прохоровской культуры «были неоднородны в антропологическом отношении и, вероятно, смешанными по своему происхождению. По археологическим и антропологическим данным они оказываются генетически связанными, с одной стороны, с прежним савроматским населением, с другой стороны, с населением, пришедшим сюда с востока, из Южного Приуралья и Казахстана» [30]. М. Г. Мошкова же говорит лишь о том, что культура и антропологический тип ранних сарматов сформировались на основе срубно-андроновского населения евразийских степей [31]. А определенные антропологические черты сходства между отдельными группами ранних сарматов Поволжья и Приуралья были. Это подтверждает в своей последней работе М. С. Акимова, говоря, что по ряду признаков «сарматская серия с юга Башкирии наиболее сходна с астраханской группой» [32].

В. И. Шилов критикует гипотезу К. Ф. Смирнова о возможной связи определенных групп ранних сарматов Южного Приуралья с аорским племенным союзом и категорически не соглашается с его термином «протоаорсы» применительно к кочевникам илекского бассейна Приуралья савроматского времени (стр. 129). Действительно, как пишет В. П. Шилов, «Страбон, впервые упомянувший верхних аорсов и аорсов, ничего не говорит о таких передвижениях этих племен» (из Приуралья.– *Авт.*). И все же мы не можем категорически отрицать возможность подобных передвижений. Тем более, что аорсы Страбона — «беглецы из среды живущих выше народов» (Страбон. География, XI, V, 8). Аорсы, особенно верхние, представлены по Страбону как большая группа племен, скорее всего племенной союз, занимающий степные просторы, прилегающие к Каспийскому морю. Так, он пишет (там же), что верхние аорсы «владели более обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья». Так почему же надо категорически отвергать предположение о том, что протоаорсы или аорсы обитали в Южном Приуралье, которое мы часто называем Северным Прикаспием?

Мы вполне согласны с В. П. Шиловым, что аорсы «безусловно... владели землями Северного Прикаспия на правом и, возможно, левом берегах Волги» и что «...глубинные районы к северу от Каспия Страбону не были известны» (стр. 131). Но кочевники северокаспийских степей, относящиеся и к Южному Приуралью, также, скорее всего, могли войти в обширный союз аорсов и даже составить основу его в более раннее время, чем II в. до н. э., когда Страбон, точнее его источник, впервые фиксирует аорсов. Этому совсем не противоречат имеющиеся ныне антропологические данные, а археологические — скорее подтверждают. Мы находим очень много общего, а в ряде случаев и тождественного в археологических памятниках конца IV—II вв. до н. э. илекской и астраханской групп сарматов прохоровской культуры.

Изложение же гипотезы К. Ф. Смирнова с неверной ссылкой на стр. 290 его монографии «Савроматы» представлено В. П. Шиловым неточно и упрощенно: К. Ф. Смирнов вовсе не говорит ни там, ни в другом месте, что «протоаорсы» р. Илека «в III—II вв. до н. э. передвигаются, уже под названием верхних аорсов, на северный берег Каспия, где в III—I вв. до н.э. от них отделяется группа аорсов, захватившая западный берег Прикаспия на Северном Кавказе» (стр. 129). В. П. Шилов приписывает К. Ф. Смирнову нелепое представление, по которому якобы аорсы кочевали только по берегам Каспия (стр. 131), причем без всякой ссылки на подобное

[30] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, стр. 290.
[31] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры, стр. 6.
[32] *М. С. Акимова.* Ук. соч., стр. 39.

место в его сочинениях. Вывод В. П. Шилова о том, что «анализ письменных источников позволяет утверждать,что протоаорсы или аорсы никогда не обитали в Южном Приуралье» — не обоснован.

Таким образом, твердая уверенность В. П. Шилова в том, что «ни аорсы, ни сираки [33] никогда не жили в Южном Приуралье» (стр. 134), не может быть принята за аксиому.

Нельзя согласиться и с интерпретацией В. П. Шиловым ряда археологических наблюдений (стр. 132, 133), к которым он вновь обращается для доказательства глубоких различий между раннесарматскими памятниками Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Неверно, что в Нижнем Поволжье почти все погребения раннесарматского времени являются впускными, а в Южном Приуралье прохоровские погребения, как правило, имеют индивидуальные курганы (стр. 132). В действительности те и другие встречаются в обеих областях. Дощатые гробы и колоды, вопреки мнению В. П. Шилова, встречаются не только в Поволжье, но и в Южном Приуралье. И те и другие известны в раннесарматских могилах Илека и Урала (Увак, Мечетсай, I Пятимары, Калмыково). Непонятно, откуда взято утверждение В. П. Шилова (со ссылкой на М. Г. Мошкову, стр. 133, сн. 138), что в Приуралье кости лошади, главным образом ноги, клались в могилы чаще, чем в Поволжье. Во-первых, М. Г. Мошкова ни слова не говорит о количественных различиях погребений с заупокойной пищей между этими двумя территориями и, во-вторых, все время подчеркивает, что этот обряд (положение в могилу именно костей лошади, а не барана) характерен для савроматского времени и очень редко встречается в могилах прохоровской культуры [34].

Все различия, отмечаемые В. П. Шиловым для прохоровских памятников Поволжья и Приуралья, не позволяют резко противопоставить культуру поволжских кочевников культуре приуральских. Локальные же особенности мы можем найти почти во всех сарматских могильниках.

Раннепрохоровская круглодонная керамика IV в. до н. э. действительно не представлена в Поволжье. Эта особенность Приуралья (включая Башкирию) — феномен, связанный с каким-то новым, скорее всего зауральским импульсом в сложении самой прохоровской культуры. Он имел место в IV в. до н. э. и затем довольно скоро ослабел в среде прежнего «савроматского» населения. К концу IV — началу III в. до н. э. на основе этих двух компонентов вырабатывается новый керамический комплекс, характерный для развитой прохоровской культуры III—II вв. до н. э. Сохраняя определенные локальные особенности, керамика этого времени (III—II вв.) очень близка в обеих областях [35], а, например, курильницы имеют больше общего, чем различий [36]. Неверно и утверждение В. П. Шилова о том, что биконические плоскодонные сосуды, известные в Поволжье, отсутствуют в Южном Приуралье (ср. Мечетсайский могильник) [37].

Различия в керамике раннесарматского времени в обеих областях особо подчеркиваются В. П. Шиловым, чтобы опровергнуть наши высказывания о значительных миграциях южноуральского населения в Поволжье. Миграцию небольших групп населения он допускает (стр. 133). Между тем мы знаем по письменным источникам о довольно раннем проникновении сарматов в Северное Причерноморье (конец IV—III вв. до н. э.) и даже о завоевании сарматами скифов где-то на рубеже III—II вв. или просто во II в. до н. э.[38]. Это неопровержимый факт, а вещи сарматского происхождения там насчитываются единицами. Много ли мы знаем богатых скифских архаических курганов в степях Северного Причерноморья конца VII—VI вв. до н. э., а скифы «царские» в это время уже господствовали в степях Северного Причерноморья? Или возьмем походы готов в Северное

---

[33] Авторы никогда и нигде не писали, что сираки жили в Южном Приуралье.

[34] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры, стр. 28.

[35] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры, табл. 5—10.

[36] *К. Ф. Смирнов.* Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 166—179.

[37] *К. Ф. Смирнов.* Сарматы на Илеке, стр. 54, рис. 30, *2*.

[38] *К. Ф. Смирнов.* О начале проникновения сарматов в Скифию. ПСА, М., 1971, стр. 191—197. *А. Д. Мачинский.* Ук. соч.

Причерноморье в начале III в. н. э. До сих пор мы не знаем там памятников их материальной культуры. Вероятно, это историческая закономерность [39].

Последняя, VIII глава монографии В. П. Шилова «Среднесарматские погребения» является в книге наиболее удачной, хотя в публикуемых могильниках их немного — всего 18 могил. После общей характеристики находок среднесарматского времени автор переходит к подробному анализу импортов из сарматских комплексов, и этот вопрос делает центром своих очерков. Здесь он выходит за пределы среднесарматского времени и сарматской территории, касаясь комплексов Среднего Поволжья и даже Прикамья. Поэтому и главу следовало бы назвать «Импорты из сарматских и прочих комплексов Поволжья в первые века нашей эры». Хронологический анализ импортных вещей весьма обстоятелен и дает хорошую основу для уточнения датировки отдельных комплексов, где встречаются римские бронзовые изделия, главным образом посуда (котлы, сковородки, кратеры, кувшины, чаши), эмалевые фибулы, шлемы, зеркала. К сожалению, В. П. Шилов мобилизовал в рецензируемой книге далеко не весь материал из своих раскопок в Поволжье и почти не коснулся находок античной керамики из сарматских могил, составивших на сегодняшний день значительное количество. Одна сводка этой керамики с указанием ее датировки была бы весьма полезна для разработки хронологии двух последних этапов развития сарматской культуры. Импорты из позднесарматских комплексов охарактеризованы более бегло, сама дата их и комплексов, в которых они обнаружены, иногда лишь упоминается без достаточного обоснования.

Несмотря на дискуссионность целого ряда исторических заключений В. П. Шилова, его новая книга по истории древних племен Поволжья, основанная на новом археологическом материале, представляет весьма ценное и полезное исследование. Книга вводит в научный оборот новый интересный археологический материал. Она существенно дополняет наши представления об этапах развития древнего населения Поволжья, в особенности эпохи ранней бронзы, а также савромато-сарматского времени. Полемичный тон книги сам по себе полезен тем, что будит мысль и способствует более углубленному исследованию истории и культуры древнего ираноязычного населения степей Поволжья и Южного Приуралья.

М. Г. Мошкова, К. Ф. Смирнов

---

[39] *А. М. Хазанов.* Социальная история скифов. М., 1975, стр. 10, 11, 232.

Стародавній Київ. Київ. «Наукова думка», 1975, 212 стр.

Сборник «Древний Киев», подготовленный к печати Институтом археологии Академии наук Украинской ССР, интересен как публикуемыми материалами, так и попытками их осмысления. Новые находки на территории Киева и его окрестностей существенно дополняют прежние представления об экономической и культурной жизни города в период средневековья, а в чем-то существенно их изменяют. Вместе с тем целый ряд вопросов, имеющих принципиально важное значение, остается попрежнему дискуссионным.

Цикл статей открывает исследование П. П. Толочко и К. М. Гупало «Раскопки Киева в 1969—1970 гг.» (стр. 5—27). Полученные в ходе проводившихся с 1969 г. раскопок усадьбы между Владимирской улицей и Десятинным переулком данные свидетельствуют о том, что выступ Старокиевской горы в этом месте имеет искусственное происхождение. Материалы 11-го раскопа (усадьба № 7 по Десятинному переулку) опровергают общепринятое мнение о полном и продолжительном запустении верхнего Киева в послемонгольское время. Начатые осенью 1969 г. работы на Подоле позволили обнаружить остатки деревянного жилища XII—XIII вв. Результаты раскопок в 1970 г. усадьбы № 38 по ул. Б. Житомирской дают основания утверждать, что там проходил оборонный вал города Ярослава. Уникальным для киевских находок оказался фрагмент глиняной скульптурки, изображающей всадника и датируемый XII—XIII вв. Она имеет аналогии среди археологических материалов, происходящих из таких древнерусских городов, как Вышгород, Воинь, Галич и Новгород. Интересны остатки печи для обжига извести в форме правильного круга, обнаруженные на ул. Ирининской, Плинфа, из которой сложена печь, датируется временем не позднее середины XI в. Авторы статьи полагают, что печь использовалась

при строительстве церкви св. Ирины а также Софии Киевской. Последнее предположение, однако, следует отмести самым решительным образом, поскольку остатки подобной печи летом 1975 г. были обнаружены И. Ф. Тоцкой непосредственно вблизи Св. Софии.

Статья С. Р. Килиевич «Исследования Старокиевской горы» (стр. 28—39) отражает работы, проведенные в 1970 г. в юго-западной части горы, которые позволили обнаружить остатки четырех древнерусских жилищ, из них два – с разрушенными глинобитными печами. Среди вещевых находок наиболее существенны заготовки для резных изделий из кости. В ходе раскопок, осуществленных в 1971 г. в северо-восточной части горы, найдены три жилища, керамика, изделия из кости, бронзы и стекла, а также вислая свинцовая печать XII в., сходная с найденной в Новгороде и приписываемой Рюрику Ростиславичу [1]. С. Р. Килиевич датирует указанные жилища X—XI вв. В юго-западной части раскопа обнаружены фрагменты штукатурки с фресковой росписью (орнаментальные мотивы; на одном обломке есть граффити) и фрагмент мозаики, аналогичный найденному при раскопках Десятинной церкви в 1937 г.

Большая по объему статья К. М. Гупало и П. П. Толочко «Древнекиевский Подол в свете новых археологических исследований» (стр. 40—78) содержит научную обработку материалов, которые в корне меняют традиционные представления об историческом прошлом Киева. Шурфы, заложенные на Подоле в 1971 и 1972 гг., показали наличие очень большого культурного слоя. В шурфе № 2 на глубине 8,15 *м* от современной поверхности было обнаружено захоронение ребенка с бусами, характерными для курганных древностей IX—X вв. Широкие стационарные раскопки Подола, начатые с 1972 г., принесли неожиданное большое научное открытие: на различных горизонтах были выявлены и исследованы 11 срубов, из которых пять представляли единый жилищно-хозяйственный комплекс — двор Подола X в. Всего на участках Подола удалось обнаружить и изучить 16 срубов жилого и хозяйственного назначения. Находка опровергает представление о «полуземляночной» массовой застройке столицы Руси, много лет поддерживавшееся авторитетным мнением М. К. Каргера [2]. Между тем еще до начала упомянутых археологических работ на Подоле С. А. Таранушенко, опираясь на изучение украинского народного жилища, настаивал на необходимости пересмотра этой точки зрения [3]. Среди многочисленных находок следует особо отметить датирующий материал — две бронзовые византийские монеты, одна Романа II (959—963), другая Константина VIII (1025–1028).

Статья И. И. Мовчана «Археологические исследования на Выдубичах» (стр. 80—106) касается территории окраины Киева. Поиски известного по летописям Красного двора князя Всеволода Ярославича на северном конце мыса Чайки завершились находкой остатков сооружения XI в. с фресковыми росписями, по мнению И. И. Мовчана,— княжеского двора. В 1972 г. проводилось архитектурно-археологическое изучение Михайловского собора Выдубицкого монастыря, показавшее, что пол в храме первоначально был комбинированный: в тех местах, где ходило больше людей, положены шиферные плиты, тогда как в центре и вдоль стен храма существовали мозаичные вставки [4]. Обследование фундаментов собора дает основания думать, что его первоначальный замысел был иным. Остается сожалеть, что в процессе исследовательских работ не был решен вопрос о первоначальном существовании хор. В западной части храма обнаружены позднесредневековые захоронения, из которых одно (близ южной стены нартекса) – в шиферном саркофаге. Найденный в погребении вышитый шелковый параманд датируется XVII в., но саркофаг должен быть отнесен к домонгольскому времени.

Второе погребение (справа от входа на второй этаж) датировано 1664 г. Помимо остатков скелета, в нем обнаружен парчовый параманд и довольно тонкой работы

---

[1] *В. Л. Янин.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 1. М., 1970, стр. 201, № 174.

[2] *М. К. Каргер.* Древний Киев, т. 1. М.— Л., 1959, стр. 350.

[3] *С. Таранушенко.* Давно поліське житло. «Народна творчість та етнографія», Київ, 1969, I, стр. 23.

[4] Ср. *М. К. Каргер.* К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода. Труды Всероссийской академии художеств, 1. Л.— М., 1947, стр. 15—50; *Н. В. Холостенко.* Исследования руин Успенского собора Киево-Печер-

двусторонний резной кипарисовый парамандный крест. К сожалению, И. И. Мовчан ограничивается воспроизведением и описанием креста, и не приводит аналогий.

Итог многолетней исследовательской работы подводит статья Н. В. Холостенко «Успенский собор Печерского монастыря» (стр. 107—170). Древнейшая часть собора была с трех сторон окружена достройками XVII—XVIII вв., что сильно затрудняло его изучение. В период немецко-фашистской оккупации Киева собор был взорван, и поэтому обследовались его руины. Их разборка началась с 1947 г. и с перерывами продолжалась до 1971 г. Строительство стен, по заключению Н. В. Холостенко, велось с внешних и внутренних лесов. Для более равномерного распределения распора в кладке стен, особенно в местах сосредоточения нагрузок, использовались прокладки из шиферных плит и пояса-прокладки из таких же плит, выступавшие в виде карнизов с выносом 20—25 *см*. Для того чтобы пояса принимали и горизонтальные усилия, плиты между собою были связаны металлическими анкерами. В плинфах собора установлено применение 13 комплектов, изготовлявшихся в различных мастерских или отдельными строителями. На всех типах плинф обнаружены знаки в виде «черт» и знаков-букв кирилловского алфавита и глаголицы; княжеские знаки встречаются редко. Гончарная строительная керамика применялась двух типов: для голосников и как специальная основа при закладке пят парусов купольно-парусных сводов под хорами и парусов венчающих глав.

Не менее существенные результаты были получены и при изучении первоначального оформления собора. При обследовании центральной апсиды под кирпичной кладкой основы престола 1729 г. был выявлен шиферный столб, закопанный в землю и оказавшийся сколотым в верхней части (автор статьи допускает, что это «камень основания») [5]. В апсиде найдено много фрагментов фресок, голосников, шиферных рельефов и смальты от настенных мозаик [6]. В северной апсиде обнаружены нижние части четырех столбиков жертвенника. Обследование полов собора подтвердило достоверность показаний Павла Аллепского и Густынской летописи, многим из современных исследователей не внушавших доверия: найденные части плит имеют мозаичный набор. О том, что колонны мраморной преграды собора впоследствии оказались использованы как подпоры в пещерной церкви Антония, было известно давно [7]. Н. В. Холостенко разыскал в лапидарии Софии Киевской капители, диаметр которых соответствует диаметру верхней части этих колонн. В результате изучения отдельных деталей он выполнил схему реконструкции алтарной преграды и кивория (рис. 26). Анализ технологических и цветовых характеристик смальт показал их идентичность со смальтой мозаик собора Михайловского монастыря [8]. Это обстоятельство существенно подкрепляет предположение В. Н. Лазарева о выполнении печерского и михайловского мозаичных циклов одними и теми же мастерами [9], прибывшими, по свидетельству Киево-Печерского патерика, из Константинополя и, как нам думается, возможно, проводившими перед тем подобные работы во Влахернском квартале византийской столицы [10]. В целом археологические изыскания подтвердили достоверность печерских преданий, подвергавшихся ранее сомнению. Большой интерес представляют фрагменты фресок и шиферных рельефов парапетов хор и тампана северного портала, стилистически близкие широко известным рельефам со стены Лаврской типографии [11]. Не исключено, что последние также первоначально были

ской лавры в 1962—1963 гг. Сб. «Искусство и культура Древней Руси». Л., 1967, стр. 59, табл. X.

[5] *М. Ф. Мурьянов.* Заметки к Киево-Печерскому патерику. «Byzantinoslavica», t. XXXI (1), Prague, 1968, стр. 42—44.

[6] Эти фрагменты еще ждут систематизации и изучения; некоторые из них опубликованы в предварительном порядке.

[7] *П. Лашкарев.* Церковно-археологические очерки. Киев, 1898, стр. 205.

[8] Уже после выхода сборника из печати опубликована фундаментальная статья Ю. Л. Щаповой по этому же вопросу: *Ю. Л. Щапова.* Новые материалы к истории мозаик Успенского собора в Киеве. СА, 1975, 4, стр. 209—222.

[9] *В. Н. Лазарев.* Михайловские мозаики. М., 1966, стр. 90.

[10] *В. Г. Пуцко.* Киевский художник XI века Алимпий Печерский. (По сказанию Поликарпа и данным археологических исследований.) Wiener slavistisches Jahrbuch, Bd 23. Wien, 1977.

[11] *В. П. Даркевич.* О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 410—419.

использованы для ограждения хор или подобно тому как это имеет место с аналогичными по сюжетам рельефами, были вмонтированы в один из фасадов храма.

История строительства Успенского собора в свете новых археологических открытий также предстает более определенно. Руководившие работами мастера, действительно, были греки из Константинополя и, может быть, с Афона, но основной состав строительной корпорации, судя по совокупности строительно-технических данных и знакам на плинфах, состоял из русских. Языковые особенности некоторых надписей (Иванъло, човек) определенным образом указывают на руку южного славянина, возможно, выходца из Сербии либо Хорватии. Изучение архитектурных форм собора позволило Н. В. Холостенко провести реконструкцию постройки.

С. А. Высоцкий, поместивший в сборнике статью «Граффити и время постройки Софийского собора в Киеве» (стр. 171—181), уже не впервые касается вопроса, имеющего важное значение, поскольку речь идет об освещении начальной фазы развития древнерусского искусства [12]. Автор статьи принадлежит к числу сторонников даты 1017 г. как времени основания Софии Киевской, тогда как 1037 г., по его мнению, следует считать совпадающим с завершением строительства. 20 лет – слишком большой, однако реальный срок для проведения работ по возведению и украшению стенописями внушительного по своим размерам храма. Примерно в такие же сроки проходило сооружение и двух других киевских храмов XI в.: соборов Выдубицкого и Печерского монастырей. С. А. Высоцкий широко использует в своей статье исторические источники, однако в пользу его концепции говорят по существу не сами эти источники, а их тенденциозная интерпретация.

Приводя довольно обширную библиографию, учитывающую работы сторонников основания Софии Киевской и в 1017, и в 1037 г., С. А. Высоцкий упустил из виду статью Н. П. Сычева [13], которая содержит серьезную и вполне обоснованную критику взгляда Д. В. Айналова, а игнорировать ее нет достаточных оснований.

Проследим, однако, прежде всего ход рассуждений С. А. Высоцкого. Известное сообщение Титмара Мерзебургского относительно существования в Киеве монастыря Св. Софии, в котором в 1018 г. была устроена архиепископом встреча захватившим Киев Болеславу и Святополку, не так уж бесспорно датирует основание каменного храма Софии Киевской, как это представляется автору рассматриваемой статьи. По известию Титмара, в этом монастыре, местонахождение которого неизвестно, за год до того, т. е. в 1017 г., был пожар. Н. И. Петров, опираясь на данные Иоакимовской летописи, полагал, что это была построенная еще княгиней Ольгой по возвращении из Константинополя деревянная церковь Св. Софии [14]. Как бы то ни было, но сообщения русских летописей под 1017 г. о том, что «Ярославъ иде в Киевъ, и погоре церкви», вполне согласуются с известием Титмара. Казалось бы, текст Новгородской I летописи под 1017 г., где говорится: «Ярославъ иде къ Берестию. И заложена бысть святая София Кыеве», не оставляет места для возражений. Но еще А. А. Шахматов, анализируя списки ряда летописей (Софийской I, Новгородской IV и синодальный список Новгородской I), пришел к выводу, что под 1017 г. помещены известия, относящиеся к другим годам [15]. Позднее Д. С. Лихачев писал: «Датировка построения Софии в новгородской летописи — 1017 г. сомнительна: в новгородской летописи в XI в. не было дат вообще; они расставлены позднее с ошибками. Дата «Повести временных лет» 1037 г. более вероятна, но также не отличается полной достоверностью» [16]. А. А. Шахматовым было разъяснено, почему сведения как об основании Софии, так и о походе Ярослава к Берестью попали в летописный свод под 1017 г.[17] Попытки датировать этим годом основание Софии Киевской заслуживали бы доверия только в том случае, если бы этому не противоречило вполне определен-

---

[12] *С. О. Висоцький.* Графіті та спорудження Київської Софії.— Український історичний журнал, Київ, 1966, 7, стор. 103—106.

[13] *Н. П. Сычев.* Древнейший фрагмент русско-византийской живописи. Seminarium Kondakovianum, II. Прага, 1928, стр. 99—102.

[14] *Н. И. Петров.* Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, стр. 108.

[15] *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 228.

[16] ПВЛ, ч. II. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.— Л., 1950, стр. 363.

[17] *А. А. Шахматов.* Ук. соч., стр. 229.

ное указание «Повести временных лет» под 1036 г., что «Печенези приступати на чаша и сступишася на месте, идеже стоить ныне святая Софья митрополья Руськая; бе бо тогда поле вне града». Как правильно отмечал Н. П. Сычев, только в таком контексте может быть понято сообщение той же летописи о заложении Ярославом «города» и основании Св. Софии [18].

Описание событий в летописной статье 1037 г. включает перечисление всех построек, обязанных своим возникновением строительной деятельности Ярослава Мудрого, поскольку в ней упомянута церковь св. Георгия, освященная митрополитом Иларионом, следовательно, не ранее 1051 г. Логично предположить, что 1037 г. не датирует ни начала, ни завершения строительства Св. Софии. С. А. Высоцкий на этот счет иного мнения: «Наиболее вероятно, что отнесение похвалы Ярославу к 1037 г. объясняется завершением в этом году строительства Софийского собора, а не его основанием. Похвала за невозведенную постройку была бы более чем неуместною» (стр. 173). Позволительно спросить: насколько уместна в таком случае похвала за построение церкви св. Георгия, освященной после 1051 г.? А. В. Поппе уже было обращено внимание на то, что похвала начинается с сообщения о заложении «города», а Св. София значится лишь в числе иных сооружений Ярослава [19]. «Слово о законе и благодати» Илариона, произнесенное до 1050 г., т. е. в бытность оратора еще в иерейском сане, лишь фиксирует существование интересующей нас постройки, которую Ярослав «съ всякою красотою украси» [20]. Таким образом, часть аргументов в поддержку 1017 г. как даты основания Св. Софии совершенно отпадает.

Д. В. Айналов фразу сочинения Илариона «иже недокончанаа твоа доконча, акы Соломонъ Давыдова» понимал как указание на то, что постройка Св. Софии была предпринята Ярославом ради выполнения заветов его отца, который еще при жизни своей якобы начал подготовительные работы, а строили храм греческие мастера, воздвигшие Десятинную церковь, «не сменившись на новое поколение» [21]. Приведенное указание Илариона, проводящее параллель между русскими князьями и библейскими царями, не может быть всецело отнесено конкретно к сооружению Св. Софии: оно имеет более широкое значение и в части, касающейся Ярослава, характеризует его деятельность в целом. Этот вывод подкрепляется тем, что оба определения: «иже недокончанаа твоа доконча акы Соломон Давыдова» и «иже домъ Божий великий святый Его Премудрости създа на святость и освящение граду твоему» — независимо одно от другого поясняют фразу «нъ учиняюща». Воспринятые Д. В. Айналовым выводы А. А. Шахматова, считавшего, что в летописном известии об освящении в 1039 г. митрополитом Феопемтом церкви идет речь не о Десятинной, а о Св. Софии, были критически рассмотрены впоследствии в статье Н. П. Сычева [22]. Мы не видим необходимости пересказывать здесь содержание работы этого исследователя, признававшего освящение Св. Софии согласно показанию записи в месяцеслове Мстислава Евангелия под 4 ноября, связывающей это событие с именем митрополита Ефрема, занимавшего киевскую кафедру с 1055 г. [23]. С. А. Высоцкий пытается доказать, что литературная аналогия — сравнение ветхозаветного иерусалимского храма Соломона с возведенной Ярославом Софией Киевской — отражает реальные факты истории последней, включая и одинаковый 20-летний строительный период (стр. 174—175). Но, как отмечали уже Н. Н. Ильин и А. В. Поппе [24], Ярослав с 1018 по 1026 г. только на время появлялся в Киеве и не чувствовал себя здесь достаточно прочно.

Одно из решающих доказательств в пользу защищаемой им концепции С. А. Высоцкий склонен видеть в свидетельствах граффити. Наиболее ранние из них, с ки-

[18] *Н. П. Сычев.* Ук. соч., стр. 101.

[19] *А. Поппе.* Заснування Софії Київської. Український історичний журнал, 1965, 9, стор. 100.

[20] *L. Müller.* Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 122.

[21] *Д. В. Айналов.* К вопросу о строительной деятельности св. Владимира. Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира, 1. Пг., 1917, стр. 36—38; *его же.* Лекции по истории древнерусского искусства. Киев — Царьград — Херсонес. Симферополь, 1919, стр. 89.

[22] *Н. П. Сычев.* Ук. соч., стр. 100—102.

[23] Там же, стр. 102.

[24] *Н. Н. Ильин.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, стр. 119; *A. Poppe.* Państwo i kościoł na Rusi w XI wieku. Warszawa. 1968, s. 51.

кириллическими записями, содержат даты 1042, 1052 и 1054 гг., а одна с греческой — 1032 г. Поскольку эти граффити нанесены не по сырой штукатурке, после появления росписей, тем самым не исключается их ретроспективный характер, что также заметил А. В. Поппе [25]. Именно граффити и уже рассмотренные показания письменных источников представляются С. А. Высоцкому окончательным доказательством того, что основание Софии Киевской следует отнести к 1017, а завершение к 1037 г. (стр. 180). Постройка мыслится С. А. Высоцким как задуманная Владимиром и осуществленная его сыном Ярославом.

Обратимся теперь к изображению донаторов и его реконструкциям. С. А. Высоцкий обоснованно доказывает, что сыновья великого князя находились справа от Христа, которому Ярослав Мудрый, как свидетельствует дошедшая до нас копия рисунка А. ван Вестерфельда, подносил модель храма [26]. Касательство Владимира к постройке каменной Св. Софии в композиции с донаторами в сущности никак не отражено, и само его присутствие в первоначальной композиции не более чем необоснованная догадка. Зафиксированная А. ван Вестерфельдом фигура Владимира в центре композиции вызывает обоснованные сомнения по следующим причинам: 1) изображение Владимира типологически не имеет ничего общего с его изображениями на чеканенных при нем монетах [27] и стоит в зависимости от позднейших иконных изображений, лишенных черт портретного сходства [28]; 2) только непониманием смысла изображения донаторов, в котором заключена идея предстояния, можно объяснить помещение Владимира в фронтальной позе рядом с восседающим Христом; такой чести в византийской иконографии не удостаивался никто даже из святых, не исключая и ангелов. Если бы Владимир был канонизован ко времени выполнения портрета [29], он мог бы в таком случае подводить несущего модель храма Ярослава к трону Христа, как это делают в известных нам средневековых изображениях мученики, которым посвящен данный храм [30]. Точно так же совершенно надуманной является и фигура княгини Ольги слева от Христа, на наличие которой среди донаторов нет указаний в «Слове» Илариона. Последнее больше оснований считать произнесенным не в Софии Киевской [31], а в Десятинной церкви перед саркофагами [32]. Только в непосредственной близости не к донаторскому изображению, а к гробнице становится понятным призыв: «Встани, о честная главо, от гроба твоего, встани, отряси сон!». Итак, приведенные факты недвусмысленно говорят против гипотезы С. А. Высоцкого.

В дополнение можно привести еще одно наблюдение, касающееся Софии Киевской, а точнее ее декора. В лунке свода над триумфальной аркой в трех медальонах размещены поясные изображения трехфигурного мозаичного Деисуса [33]. Изображе-

---

[25] Там же, стр. 52—56.

[26] *С. О. Висоцький.* Реконструкція портретів родини Ярослава Мудрого в Софії Київській. Археологія, 17, 1975, стор. 3—14.

[27] *И. И. Толстой.* Древнейшие монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882, стр. 1—46; *И. Г. Спасский.* Новые данные о златниках Владимира Святославича. Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», VI. Л., 1974, стр. 251—260. Н. И. Петров ошибочно усматривал изображение князя Владимира также на вислой печати, найденной в Белгородке в 1909 г. (*Н. И. Петров.* Южнорусские металлические вислые печати дотатарского периода. Труды Киевской духовной академии, т. 54, 1913, стр. 63).

[28] *П. Гусев.* Древнейшая новгородская икона св. князя Владимира Киевского. Известия комитета изучения древнерусской живописи, 1. Пг., 1921, стр. 9—12, табл. VI; *И. Н. Окунева.* Изображения святого Владимира. Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938, стр. 197—200; *Н. Андреев.* Литература и иконопись: к истории идей в Московской Руси. In: «To Honor Roman Jakobson», vol. I. Hague — Paris, 1967, стр. 67.

[29] *Г. П. Федотов.* Канонизация святого Владимира. «Владимирский сборник...», стр. 188—196.

[30] *W. Oakeshott.* Die Mosaiken von Rom vom dritten bis zum vierzehnten Jahrhundert. Leipzig, 1967, Taf. 77, 129.

[31] *Г. К. Вагнер.* Формирование исторической проблематики в русском искусстве X—XIII веков. ВИ, 1972, 10, стр. 61.

[32] *Д. В. Айналов.* К вопросу о строительной деятельности св. Владимира. стр. 22, 23: *Н. П. Сычев.* Ук. соч., стр. 99.

[33] *В. Н. Лазарев.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 91—93, табл. 22—25.

ние Христа имеет две сравнительно редко встречаемые иконографические особенности: длинная остроконечная борода и крещатый нимб. Что касается такой формы нимба, то он на византийском материале известен с VI в.[34] Изображение же погрудное Христа с длинной остроконечной бородой и благословляющей рукой перед грудью, по данным византийской нумизматики, пользовалось распространением весьма короткое время: ближайшую иконографическую параллель для киевского мозаичного изображения дает только первый тип чеканенной в Константинополе номисмы Михаила IV Пафлагониана (1034—1041) [35]. Примерно с этими годами, как известно, и совпадает выполнение софийских мозаик. Во всяком случае есть основания полагать, что ко времени возникновения русско-византийского военного конфликта 1043 г. мозаичные работы были уже завершены.

Статья И. Ф. Тоцкой «О времени выполнения росписей галерей Софии Киевской» (стр. 182—194) посвящена хронологии фресок — одному из самых запутанных и едва ли не наименее изученных вопросов в истории Св. Софии. Натурные обследования позволили И. Ф. Тоцкой сделать интересные наблюдения.

Явным преимуществом автора статьи перед Н. Л. Окуневым, посвятившим еще в дореволюционные годы работу фрескам крещальни [36], является владение новыми материалами, наличие анализов фресковых и строительных растворов, наблюдение над кладками и швами древней работы. Итогом наблюдений автора статьи являются следующие выводы: 1) росписи в галереях и внутренних помещениях собора подчинены единой системе; 2) в перспективе на боковых пилонах внутренних помещений преобладают изображения святых (особенно в центральном нефе), тогда как в галереях на боковых плоскостях находятся исключительно орнаменты; 3) интересной деталью двух изображений святых в южной и северной внешних галереях являются жемчужины вокруг нимба, тогда как характер обводки нимбов во всех изображениях в пределах внутренних помещений исключает украшение нимба жемчужинами; 4) в росписях внутренних и внешних галерей одинаково существуют фрески, подвергнутые полировке. И. Ф. Тоцкая делает заключение об одновременном выполнении росписей внутренних и внешних галерей, причем, между этими работами и росписями центрального ядра собора не было большого хронологического разрыва. Опираясь на хронологические указания граффити, И. Ф. Тоцкая склонна датировать выполнение росписей галерей временем не позднее 60—70-х годов XI в. Этот вывод подкрепляется ссылкой на результаты химических анализов штукатурки фресковых росписей и некоторых строительных растворов, более подробно изложенные в помещенной в этом же сборнике статье Ю. М. Стриленко «Анализ образцов фресковых и строительных растворов Софии Киевской» (стр. 195—201).

В конце сборника помещено несколько сообщений. С. П. Пачкова в заметке «Территория Киева на рубеже нашей эры» (стр. 202—205) приводит наблюдения, сделанные при изучении комплекса находок, связанных с зарубинецкой культурой. М. А. Сагайдак свою заметку «Новая находка энколпиона» посвящает находке, сделанной на левом берегу Днепра. Эту створку креста-энколпиона с гравировкой по бронзе — изображением богоматери-Оранты М. А. Сагайдак обоснованно датирует X — первой половиной XI в. Р. С. Орлов в заметке «Изображения грифона на литейной формочке из Киева» (стр. 209—212) проводит интересное сопоставление находок, сделанных в Киеве и Серенске.

Заканчивая обзор сборника, нельзя не отметить содержательность вошедших в него статей и сообщений. От сенсационных открытий на Подоле до итогов многолетней исследовательской работы на руинах Успенского собора — таков диапазон издания, вносящего существенный вклад в развитие современной археологической науки.

В. Г. Пуцко

---

[34] Об этом говорилось, в частности, в моем докладе «О западных тенденциях в русской иконописи XII—XIII вв.», прочитанном 30 октября 1974 г. в Государственной Третьяковской галерее на конференции «Живопись домонгольской Руси».

[35] *W. Wroth.* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, vol. II. London, 1908, p. 496, pl. LVIII (1—2).

[36] *Н. Окунев.* Крещальня Софийского собора в Киеве. ЗРАО, X, 1915, стр. 113—137.

Хроника

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «АРХЕОЛОГИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ» (ГДР, 1975 г.)

Забота о биосфере и неразрывно с нею связанных культурно-исторических ценностях стала жизненной необходимостью нашего времени. Проблема памятников археологии как одного из важнейших элементов истории человечества и вопрос о их охране затрагивались в решениях Генеральных конференций ЮНЕСКО 1956, 1968 и 1972 гг. В этой связи в рамках Международного союза предысторических и протоисторических наук при содействии Международного совета по философии и гуманитарным наукам для рассмотрения вопросов учета, охраны, консервации археологических памятников и приобщения их к современной жизни и деятельности человечества в Веймаре (ГДР) 3—6 ноября 1975 г. был проведен симпозиум «Археология и организация окружающей среды». Его непосредственными организаторами стали Институт древней истории и археологии Академии наук ГДР, Совет по охране памятников при Министерстве высшей и профессионально-технической школы ГДР и Музей предыстории и ранней истории Тюрингии. В симпозиуме приняли участие археологи из 11 стран Европы и Азии.

Заседания открыли два вводных доклада. Общетеоретические вопросы обсуждаемой проблематики были рассмотрены в докладе И. Херрмана (ГДР) «Археологические памятники и их роль в культурной жизни и в изучении истории», а В. Шнайдер (ГДР) в своем выступлении рассказал о работах по организации охраны биосферы в ГДР.

Дискуссия развернулась по трем основным вопросам проблематики симпозиума: охрана и учет памятников археологии, производство археологических исследований в районах промышленно-строительных работ, музеефикация памятников археологии и объектов, открытых в процессе раскопок.

Учет и охрана археологических памятников организованы в различных странах по-разному, отличны и законы об их охране. Как и в СССР, учет и охрану памятников в европейских странах осуществляют государственные учреждения. Наиболее эффективно эта деятельность протекает там, где к изучению и сохранению археологических объектов активно подключены общественные организации, археологические музеи.

Состоянию и проблемам охраны памятников археологии на территории ГДР было посвящено несколько докладов (В. Кобленца, П. Доната, И. Шокнехта, Б. Шмидта и др.). Археологические памятники ввиду их специфики рассматриваются в ГДР отдельно от архитектурных, историко-культурных и военно-исторических. Их выявление, учет, охрана и наблюдения над раскопками возложены на пять региональных археологических музеев, возглавляемых видными специалистами-археологами. Территория ГДР подразделена на пять регионов, четыре из которых в основном соответствуют историческим германским землям — Мекленбургу, Бранденбургу, Саксонии и Тюрингии, а пятой является область Халле. Исчерпывающая документация по каждому памятнику, в том числе и данные по раскопочным работам хранятся в региональных музеях. Совет по охране памятников при Министерстве высшей и профессионально-технической школы исполняет координационно-консультативные функции.

Среди вопросов, затрагиваемых в докладах ученых ГДР, представляет интерес тема о непосредственной взаимосвязи памятников археологии с окружающим ландшафтом. Этой проблеме был посвящен доклад шведской исследовательницы Л. Келас «Сохранение культурного ландшафта — цель и средство». На конкретных примерах было показано, что городища, курганы и иные могильные сооружения вписаны в ландшафт и составляют с ним единое целое. Поэтому в Швеции археологические памятники по завершении раскопок восстанавливаются в первоначальном виде. В этих работах помимо музейных и научных учреждений самое активное участие принимает сельское население.

В Мекленбурге (ГДР) имеется большое число интереснейших надмогильных сооружений — менгиров, составляющих неотъемлемую часть ландшафта этого края. Об их охране и исследованиях, а также необходимости восстановления после проведения раскопок рассказали Э. Шульдт и Ф. Шлетте. Берлинский ученый А. Лейде посвятил свое выступление работам по укреплению берега и установке волнорезов в целях сохранения Арконского городища на о. Рюгене, где находилось известное по средневековым хроникам славянское языческое святилище.

Об организации охраны памятников археологии в Бельгии и Голландии информировал участников симпозиума бельгийский ученый З. Де Лэт. К. Домбровский (Польша) рассказал о работах по установке на памятниках археологии камней, плакатов и различных знаков с информацией о них и показал важное значение этого мероприятия. Вьетнамские археологи Ван Тронг и Ле Хуан Диен сделали сообщение о работах по охране и защите исторических памятников, проводившихся во Вьетнаме в период военных действий.

В докладе археолога О. Клиндт-Енсена (Дания) предпринята интересная попытка реконструкции по археологическим материалам древних ландшафтов и продемонстрирована возможность социально-экономической интерпретации ландшафтно-археологических данных.

В ряде выступлений анализировалась вторая тема симпозиума — деятельность археологов в регионах, попавших в зону промышленно-строительных или ирригационных работ. Так, Ю. А. Краснов (СССР) в докладе «Опыт организации и проведения археологических работ на новостройках в СССР» познакомил участников симпозиума с большой экспедиционной работой советских археологов, планомерно проводимой в районах строительства промышленных объектов, электростанций, в зонах затопления и ирригационных сооружений и т. п. Б. Грамш (ГДР) прочитал доклад «Охрана памятников и добыча бурого угля в округе Коттбус», в котором рассказал о работах археологов в районах, затрагиваемых карьерами угледобычи.

Деятельность археологов в зонах промышленно-строительных работ была высоко оценена участниками симпозиума. Вместе с тем подчеркивалось, что такие «спасательные» работы археологов при активном росте промышленно-строительной деятельности не отвечают требованиям современности. В процессе «спасательных» работ пока удается исследовать только какую-то часть памятников археологии, в то время как остальная их часть подвергается уничтожению. Археологические исследования должны значительно опережать как строительно-ирригационные, так и проектно-изыскательские работы. Археологи заранее должны составить полные археологические карты, которые наряду с топографическими, геодезическими, почвенными и др. предоставлялись бы в распоряжение проектных организаций. Всякие промышленно-строительные, ирригационные, дорожные и прочие проекты должны составляться с учетом наиболее полного сохранения памятников археологии.

Интересным было обсуждение третьей темы симпозиума — подготовки памятников археологии или объектов, открытых при археологических раскопках, к демонстрации широким массам посетителей и устройству археологических заповедников. Интерес к археологии и ее популярности быстро растут, поэтому работы в этом направлении успешно осуществляются во многих странах.

Археолог из ФРГ К. Бёнер рассказал о комплексе работ по реконструкции пограничных военных сооружений римского времени в окрестностях Майнца, в который также входят восстановление исторического ландшафта с лесами, полями и водоемами и создание туристского городка и лесопарка. Часть этих работ уже осуществлена. Созданный музей на открытом воздухе стал одним из наиболее посещаемых в ФРГ и уже дает значительную прибыль.

Автор настоящих строк прочитал доклад «Археология и музеефикация городов Древней Руси», в котором говорилось о новейших открытиях археологов в древних городах — Бресте, Изборске, Ладоге и Пскове и о работах по превращению выявленных раскопками сооружений в музейные объекты. Археологический музей на открытом воздухе уже создан в Пскове в Довмонтове городе. Перспективным является устройство музея на открытом воздухе в Изборске. Раскопками здесь уже выявлен целый комплекс жилых и хозяйственных построек с улицами и площадью, открыты остатки древнейших на Руси каменных оборонительной стены и башни. По завершению раскопок облик одного из малых древнерусских городов будет воссоздан в деталях. Но наибольший интерес, судя по вопросам и беседам с участниками симпозиума, вызвали раскопки в древнем Бресте — Берестье. Здесь исследован значительный участок древнего города, в котором имеется свыше 30 деревянных построек, сохранившихся на 5—12 венцов, и мостовые трех улиц. В Белорусском технологическом институте под руководством В. Е. Вихрова разработан способ консервации деревянных строений в полевых условиях без их разборки (посредством инъекции олигомерфеноловых спиртов). Открытый раскопками уникальный участок древнего города ныне законсервирован и превращается в музей. В ближайшее время будет построен огромный павильон-музей из современных материалов (бетона, стекла и алюминия), который включит не только уже исследованный участок древнего Берестья, но и площади будущих раскопок.

Доклад В. Велкова был посвящен значительным работам по созданию археологических заповедников и музеев на открытом воздухе в Болгарии. Обзору археоло-

тических заповедников в западных районах Польши посвятил выступление К. Домбровский.

Несколько докладов по этой тематике симпозиума прочитали археологи ГДР. Работы по созданию археологических музеев на открытом воздухе ведутся здесь давно, причем накоплен большой опыт по их организации.

Музею на открытом воздухе, устроенному на известной стоянке каменного века в Эрингсдорфе (Тюрингия), было посвящено выступление Г. Бем-Бланке. Геологические разделы этого музея анализировались в докладе В. Штайнера.

В течение многих лет ведутся раскопки раннесредневекового города в Тилледе. Королевский замок уже исследован и превращен в музей. На форбурге к настоящему времени открыто свыше 190 жилых построек, принадлежащих ремесленникам, торговцам и воинам, а также культовые и оборонительные сооружения. Все объекты оставлены in situ, и форбург превращен в музей на открытом воздухе. Устройству этого музея был посвящен доклад Ф. Хинкеля, а о его деятельности и взаимоотношении с туристско-курортными ведомствами говорилось в выступлении П. Хенцеля. Для участников симпозиума была организована экскурсия в Тилледу, во время которой подробная информация об археологических исследованиях была сделана руководителем раскопок П. Гриммом.

Интересные вопросы были рассмотрены в докладах Б. Шмидта «Музеефикация памятников археологии в регионе Халле» и В. Тимпеля «Значение памятников археологии Тюрингии для туристов и отдыхающих». На конкретных примерах была показана взаимосвязь памятников археологии с природной средой, с одной стороны, и возможности их сочетания с современным строительством и архитектурой — с другой.

В докладах, посвященных музеефикации археологических объектов, и в выступлениях в связи с ними было показано, что реконструкцию отдельных археологических объектов (жилищ, погребальных и надмогильных сооружений и т. п.) вне самих памятников древности в отрыве от ландшафта (в историко-этнографических и других музеях на открытом воздухе) нельзя считать удачной.

На последнем заседании было принято соответствующее заключение, которое после рассмотрения на очередном IX Международном конгрессе предысторических и протоисторических наук (Франция, 1976 г.) поступит в ЮНЕСКО в качестве рекомендаций. В нем подчеркивается важное научное, историко-культурное и общественно-познавательное значение памятников археологии и их неотъемлемая связь с природной средой, а также необходимость участия археологов в учете и охране их. Активная промышленно-строительная деятельность нашего времени оказывает сильное воздействие на ландшафт, в состав которого входят археологические памятники, поэтому первоочередной задачей является установление тесной координации между археологами, органами охраны памятников и проектировщиками и архитекторами, строителями и экономистами, мелиораторами и почвоведами. Насущной необходимостью является также широкая организация археологических заповедников и заповедных регионов, которые имели бы, с одной стороны, познавательное значение и служили бы зонами отдыха для широких масс населения, а с другой стороны, сохранили бы памятники археологии для будущих археологических исследований на более высоком уровне, недоступном в настоящее время. Отмечена необходимость создания в рамках ЮНЕСКО международной комиссии по проблемам памятников археологии для разработки научных рекомендаций по их охране, исследованиям и музеефикации.

В. В. Седов

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ «ПРАБОЛГАР» (БОЛГАРИЯ, г. ШУМЕН)

15—19 октября 1976 г. в центре северо-восточной Болгарии — г. Шумене состоялась конференция, посвященная археологии древних болгар или, как их называют в Болгарии, прабoлгар.

Происхождение болгарского народа, сформировавшегося на основе слияния разноэтничного населения,— вопрос остро дискуссионный. Особое внимание при этом привлекает так называемая прабoлгарская проблема.

Письменные источники сообщают, что основателем Болгарского государства был древнеболгарский хан Аспарух, пришедший со своей ордой из Приазовья на Дунай в начале 60-х годов VII в. Эта болгарская орда встретилась на Дунае с потомками фракийцев и славянами. Встреча, видимо, прошла мирно. Древние болгары заняли земли, наиболее свободные в то столетие от заселения, а именно северо-восточную Болгарию, и спокойно кочевали там в течение нескольких десятилетий. Сложились исключительно благоприятные предпосылки для образования государства: смешанная (кочевническо-оседлая) экономика, мощное дыхание культуры соседней Византии, организаторские способности Аспаруха, уведшего в далекий по-

ход самую дееспособную и сильную часть своего народа, желание славян отстоять от Империи свою независимость. Какой этнос возобладал при сложении нового болгарского народа, чья культура легла в основу сложившейся культуры первого Болгарского царства? Кто оказался «народом-победителем» — земледельческая оседлая славяно-фракийская часть населения или пришлые кочевники-болгары? Эти вопросы до сих пор не разрешены в болгарской историографии — они то и вызывают самые ожесточенные споры.

Праболгары пришли на Дунай из восточноприазовских степей, откуда их вытеснили хазары после падения и распада так называемой Великой Болгарии, просуществовавшей до этого всего примерно 30 лет. Какой была культура объединенных в Великой Болгарии орд, что могла принести с собой на Дунай Аспарухова орда — на эти вопросы, очевидно, должны ответить советские ученые. Однако здесь мы вновь сталкиваемся с рядом нерешенных вопросов и гипотезами, заменяющими факты. Дело в том, что культура Дунайской Болгарии по многим признакам близка культуре Подонья и Приазовья (так называемой салтово-маяцкой культуре), и, казалось бы, это и есть решение проблемы: древние болгары принесли ее на Дунай, где она несколько изменилась под воздействием местных влияний и стала культурой Первого Болгарского царства. Однако салтово-маяцкая культура, так же как и сравниваемая с ней культура в Болгарии, датируются с середины VIII в., а это значит, что она сформировалась на 70—100 лет позже откочевки орды Аспаруха на Дунай.

Самые разнообразные объяснения этому даются и поныне. Как правило, историки обычно склонны думать, что археологи до сих пор никак не найдут памятников древних болгар VI—VII вв., а часть археологов пытается передатировать салтово-маяцкую культуру — удревнить ее хотя бы на необходимые 100 лет.

Большая группа ученых, позитивно относящихся к фактам и выводам современной археологии, полагают, что на всей громадной территории, занятой древними болгарами (от Волги до Дуная), начался около середины VIII в. одновременно процесс оседания кочевников на землю, а значит, и сложение единой культуры, легко разделяющейся на локальные варианты, поскольку в каждой местности были свои племена и народы, свои соседи, которые влияли на основную культуру, придавая ей местные или локальные особенности.

Таковы в целом весьма схематично изложенные проблемы, встающие перед историками и археологами, изучающими историю и культуру древних болгар. Следует к тому же добавить, что часть болгарских ученых вообще отрицает сходство культур VIII—IX вв. в Болгарии и СССР и считают, что культура Первого Болгарского царства сложилась там в результате слияния фракийской и славянской культур, находящихся под сильным воздействием византийских традиций.

Итак, необходимость болгаро-советского совещания археологов-специалистов, исследующих раннеболгарские памятники, стала совершенно очевидной. Болгарские и советские ученые должны были с материалами в руках пересмотреть и переосмыслить постоянно возникающие перед ними задачи и проблемы. Так была задумана эта конференция, проводившаяся в сердце земли, занятой некогда ордой Аспаруха, в непосредственной близости от древних болгарских столиц Плиски и Преслава, в нескольких километрах от утесов древнеболгарских Мадарских святилищ. О том, какое большое значение придавали в Болгарии этому деловому и узко специальному археологическому совещанию, свидетельствует тот факт, что в организации и финансировании его самое активное участие принимал Шуменский окружной комитет БКП, почти на всех заседаниях присутствовал секретарь окружного комитета П. Иванов и результаты совещания неоднократно освещались на страницах местной печати. Совещание открыл директор Института археологии и музея при БАН член-корр., проф. Д. Ангелов, который затем также постоянно участвовал в его работе. На «праболгарское совещание» собрались почти все болгарские археологи, занимающиеся этой проблемой или как-то соприкасающиеся с нею: член-корр. проф. В. Бешевлиев, проф. Ст. Ваклинов (Станчев), Т. Тотев, Д. И. Димитров, проф. П. Петров, проф. А. Милчев, Д. Овчаров, Р. Катинчаров, М. Станчева, Л. Бобчева, Л. Дончева, В. Антонова, Х. Тодорова, молодые начинающие археологи Р. Рашев, П. Георгиев, Ст. Станилов, антрополог Й. Йорданов, архитектор Ст. Бояджиев и др. От Советского Союза на это совещание приехали археологи из Москвы — А. К. Амброз и С А. Плетнева, из Казани — Е. П. Казаков, П. Н. Старостин, А. Х. и Е. А. Халиковы, Т. А. Хлебникова, из Махачкалы — М. Г. Магомедов, из Ленинграда — А. В. Гадло и из Таганрога — В. С. Флеров.

Заседание продолжалось три дня. Всего на нем было заслушано 24 доклада.

Их можно разделить на три группы. Доклады первой были посвящены характеристике материалов, т. е. итогам раскопок на праболгарских памятниках. Все они сделаны были хозяевами страны — болгарскими учеными: П. Георгиев «Раннесредневековое селище у Большой базилики в Плиске», В. Антонова «Древнеболгарское крепостное строительство аула Чаталар», Х. Тодорова «Раннесредневековое селище у Топола и Дуранкулак». Как бы продолжением и логическим завершением этих докладов явилось посещение болгарскими и советскими археологами Плиски, Преслава, Мадары и их музеев, а также музеев Варны и Толбухина.

В докладах второй группы представлены материалы, превращенные уже в исторический источник. К ним относятся 14 докладов советских и болгарских археологов:

А. К. Амброз «Археологические памятники VI—VII вв. в степях Восточной Европы и вопрос о болгарах», А. В. Гадло «Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье», М. Г. Магомедов «Население в приморском Дагестане в VI—VII вв.», П. Н. Старостин «Предбулгарское время в Волго-Камье», Е. А. Халикова «Ранние болгары и венгры на Волге и в Приуралье», Е. П. Казаков «Болгаро-салтовский компонент в культуре ранних болгар на Волге», Т. А. Хлебникова «Керамика ранних болгар на Волге», В. С. Флеров «Распространение столовой лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры», Ст. Ваклинов (Станчев) «Дворцовые центры в Плиске и Преславе», Т. Тотев «Праболгарские металлические амулеты Преслава», Д. Овчаров «Происхождение рисунков на древнеболгарских памятниках долины Дуная», М. Станчева «Седрика и праболгары», Л. Дончева «Праболгарская керамика долины Дуная», Р. Рашев «Система земляных укреплений Первого Болгарского царства», Ст. Бояджиев (архитектор) «Монументальное крепостное строительство в древнеболгарской столице», И. Йорданов (антрополог) «Портретная реконструкция праболгар» (сделанная целиком методами, разработанными М. М. Герасимовым). В эти доклады также местами вплеталась информация о последних раскопках. Так, большой интерес вызвали доклады А. В. Гадло — о работах на древнеболгарском Хумаринском городище, М. Г. Магомедова — о раскопках на Андрейаульском городище, А. Х. Халикова — о Биляре и Е. А. Халиковой — о Больше-Тиганском могильнике. Однако в целом эти доклады представляли собой достаточно обработанный материал, на котором можно основывать историческое построение.

Третья группа докладов имела обзорный характер: С. А. Плетнева «Праболгары в бассейне Дона и Приазовья», Дм. Димитров «Состояние и задачи археологического изучения дунайских праболгар», А. Х. Халиков «История изучения ранних болгар на Волге», Ст. Станилов «Материальная культура праболгар на юг от Дуная».

Огромная информация, полученная участниками этой встречи, очевидна уже из перечисления названий докладов, прочитанных на конференции. По существу они охватили в той или иной степени все важнейшие проблемы сложения древнеболгарского этноса и культуры. Следует подчеркнуть, что конференция не пришла и не могла прийти к каким-либо определенным решениям поднятых на ней проблем, поскольку голосованием проблема происхождения народа не решается. Тем не менее после конференции, думается, можно говорить не только о признании или отрицании большинством ученых (судя по высказываниям их в прениях) новых, отраженных в докладах теорий и гипотез, но и о том, что, видимо, можно в настоящее время считать вполне установленными фактами. Эти факты таковы:

1. Культура болгар на всей территории их расселения (Поволжье, Подонье, Предкавказье, Приазовье, Крым, Подунавье) имеет ряд общих черт, свидетельствующих, во-первых, о единстве ее этноса и, во-вторых, о едином уровне социально-экономических отношений (С. А. Плетнева, Дм. Димитров, А. Х. Халиков, А. В. Гадло, Е. А Халикова, Ст. Станилов, Т. А. Хлебникова, В. С. Флеров, Л. Дончева, Д. Овчаров, Т. Тотев, П. Георгиев, В. Антонова, Х. Тодорова).

2. Общность эта подтверждается и антропологическими данными (С. А. Плетнева, Е. А. Халикова). Монголоидные черты отдельных индивидов подтверждаются работой антрополога И. Йорданова, восстановившего по черепу облик боярина Мостича, у которого отмечены такие выразительные показатели, как высокие скулы, узкий разрез глаз, острый подбородок и пр., характерные для монголоидов.

3. Высокий уровень развития культуры и общественных отношений древних болгар подтверждается едиными отработанными архитектурными приемами (Ст. Ваклинов, Ст. Бояджиев, А. В. Гадло, С. А. Плетнева, А. Х. Халиков).

4. Датируются древнеболгарские древности и памятники, несмотря на частные попытки их удревнения (В. С. Флеров), по-прежнему VIII—X вв. (С. А. Плетнева, А. К. Амброз, Ст. Станилов и др.). Теория А. Х. Халикова о происхождении части праболгар от «именьковцев» не нашла поддержки как недостаточно обоснованная. В то же время теория «волн», т. е. неоднократного и разновременного переселения древних болгар из восточноевропейских степей на Дунай, Днестр и Волгу, подтверждается конкретными данными, приведенными в докладах нескольких советских и болгарских исследователей (С. А. Плетнева, Е. А. Халикова, Дм. И. Димитров, Т. А. Хлебникова).

5. Наибольшее сходство культура дунайских болгар имеет с крымским и приазовским вариантами салтово-маяцкой культуры, поскольку в их сложении большую роль играли византийские культурные традиции (С. А. Плетнева, А. В. Гадло). Различия в общеболгарской культуре объясняются не столько разными влияниями соседей, сколько культурами тех народов, которые создавали на местах вместе с болгарами свою культуру. В то же время и болгары не были единым народом на всем протяжении своей истории, так как на определенном этапе своего развития это был племенной союз из нескольких племен, возглавленных древними болгарами, каждое со своим именем, диалектом и особенностями культуры и мировоззрений (В. Бешевлиев, С. А. Плетнева).

В заключительном слове проф. Д. Ангелов справедливо отметил существующую у историков и археологов путаницу в этнической терминологии. Так, в работах болгарских ученых фигурируют праболгары или протоболгары, советские исследователи склонны называть их так, как именуют их древние авторы, т. е. просто болгарами,

однако поволжских болгар принято именовать булгарами. Очевидно, следует прийти к какому-то единому имени. Желательно все же сохранить их древнее имя в неизменном виде, т. е. называть болгар болгарами, но для отличия их от современных прибавлять эпитет «древние».

На заключительном заседании выступали многие болгарские и советские участники конференции. Все они вслед за проф. Д. Ангеловым отмечали высокий научный уровень прочитанных на конференции докладов и четкую обоснованность большей части выдвигаемых положений и теорий.

Решение вопроса об участии или, вернее, о степени участия древних болгар в сложении болгарской культуры в свете тех исследований, которые ведут болгарские и советские археологи, не кажется сейчас принципиально важным. Думается, вполне справедливо и логично считать, что все население государства создавало его культуру. В VIII—IX вв. культура северо-восточной Болгарии, территорию которой заняла Аспарухова орда, была особенно близка с салтово-маяцкой культурой тех же древних болгар, занимавших степи Восточной Европы. Этот факт может после проведенной конференции считаться неоспоримым. А это значит, что культура в северо-восточной Болгарии в значительной степени была создана древними болгарами, а археологические памятники там — остатки могильников и поселений этих древних болгар, крепко связанных со своими восточными собратьями,— подданными Хазарского каганата.

Итак, первая двусторонняя болгаро-советская встреча археологов-специалистов по истории и культуре древних болгар принесла значительную пользу как для всех ее участников, так, видимо, и для выяснения некоторых темных страниц истории древних болгар. В ближайшие годы материалы этой конференции (доклады и основные выступления по ним) будут опубликованы в специальном сборнике на болгарском (доклады болгарских ученых) и русском (доклады советских ученых) языках.

Следует отметить, что встреча протекала в атмосфере искренней дружбы и подлинного научного сотрудничества между ее участниками. Возникли новые контакты и личные дружеские отношения. Все это, безусловно, будет способствовать успешной совместной работе над общими проблемами истории народов, ставших в значительной степени нашими общими предками.

С. А. Плетнева

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Сб. «Античная древность и средние века», Свердловск
АК БГУ — Археологический кабинет Башкирского гос. ун-та
АО — Сб. «Археологические открытия», Москва
АОКМ — Астраханский областной краеведческий музей
АП — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
АС — Археологический съезд
АСб.ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа, Ленинград
АЭБ — Археология и этнография Башкирии, Уфа
АЭТ — — Археология и этнография Татарии, Казань
БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВАУ — Вопросы археологии Урала, Свердловск
ВГПИ — Волгоградский гос. педагогический ин-т
ВГУ — Воронежский гос. ун-т
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВОКМ — Волгоградский областной краеведческий музей
ГЭ ОИПК — Гос. Эрмитаж, Отдел истории первобытной культуры
ДАН — Доклады Академии наук СССР
ДВНЦ — Дальневосточный научный центр
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ИАДВ – Известия на археологическото дружество гр. Варна
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
ИАН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР, серия общественных наук
ИБАД – Известия на Българското археологическо дружество
ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те
ИФЖ – Историко-филологический журнал
ИЯЛИ КФАН – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук
КБН – Корпус боспорских надписей
КД – Каракумские древности
КОМК – Куйбышевский областной музей краеведения
КСИА АН СССР – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, Москва
КСИА АН УССР – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР, Киев
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МАГК – Материалы по археологии Грузии и Кавказа, Тбилиси
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МАР – Материалы по археологии России
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1. М.— Л., 1939
МКА — Материальная культура Азербайджана
МО ЧАЭ — Марийский отряд Чебоксарской археологической экспедиции
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
НЭПХ – Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1964; 1973
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОКАЭ — Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ПВЛ — Повесть временных лет
ПСА — Проблемы скифской археологии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГУ — Саратовский гос. ун-т
СОМК — Саратовский областной музей краеведения
СХМ — Сообщения Херсонесского музея, Симферополь
СЭ — Советская этнография
ТКАЭ ИЭ АН СССР — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР
ТМОИП — Труды Московского общества испытателей природы
Тр.ВУАК — Труды Воронежской ученой архивной комиссии
Тр.ГИМ — Труды Государственного Исторического музея, М.

Тр.ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УІЖ — Український історичний журнал, Київ
УСА — Успехи среднеазиатской археологии
Уч.зап.КГУ — Ученые записки Казанского гос. ун-та
Уч.зап.ПГУ — Ученые записки Пермского гос. ун-та
Уч. зап. ТНИИЯЛИ – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Кызыл
ХМ — Херсонесский музей
ХСб.– Херсонесский сборник
ЭМ — Энгельский музей
AAH — Acta Archaelogica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest
AJA — American Journal of Archaeology
AO — Archiv für Orientforschung, Berlin
ArAs — Artibus Asiae, Oskona
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
JNES — Journal of Near Eastern Studies, Chicago
JOSPE – V. Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
PAPS – Proceedings of American Philosophical Society
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society
Roscher Lexikon – Ausfürliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1884—1937.
SMYA – Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikaukauskirja, Helsinki

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/I-1977 г. Т-03270 Подписано к печати 31/III-1977 г. Тираж 3275 экз.
Зак. 1757 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 25,2 Бум. л. 9,0 Уч.-изд. л. 27,2

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10